

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**  
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ  
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра философии, политологии и социологии



# **ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

*Сборник материалов  
IV Международной научно-практической конференции*

*г. Грозный, 1-3 декабря 2017 года*



**α**  
*aleph*

**Махачкала 2017**

УДК 101  
ББК 87  
Г-94

*Составитель и редактор:*  
**Бетильмерзаева М.М., Гадаев В.Ю.**

**Г-94** **Гуманитарное знание и духовная безопасность:** сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1-3 декабря 2017 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 672 с.

ISBN 978-5-4242-0631-3

Сборник включает материалы докладов IV Международной научно-практической конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность», на которой обсуждались философские проблемы социально-гуманитарного знания в контексте устойчивого развития культурно-образовательной сферы; духовная безопасность как фактор формирования и устойчивого развития культурно-образовательной сферы; специфика субъекта, объекта и предмета гуманитарного знания, их методологические особенности; ценностные компоненты современного гуманитарного знания; проблема ценности и смысла жизни; проблема духовной безопасности человека (историко-философский анализ); экологические аспекты взаимосвязи человека и природы; роль традиционных ценностей мировых религий в трансформирующемся гуманитарном пространстве; феномен духовности как фактор обеспечения духовной безопасности человека и общества.

Сборник предназначен для философов, культурологов, широкого круга ученых-гуманитариев, аспирантов и студентов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Тексты статей публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-4242-0631-3

© Коллектив авторов, 2017  
© ФГБОУ ВО «ЧГПУ», 2017

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник материалов конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность» является очередным (IV-ым) изданием в серии научных работ, издаваемых кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета в рамках ежегодных международных научно-практических конференций, традиция проведения которых заложена с 2014 года.

Материалы конференции освещают широкий круг проблем по различным аспектам гуманитарного знания и духовной безопасности:

- философские проблемы социально-гуманитарного знания в контексте устойчивого развития культурно-образовательной сферы;
- духовная безопасность как фактор формирования и устойчивого развития культурно-образовательной сферы;
- специфика субъекта, объекта и предмета гуманитарного знания, их методологические особенности;
- ценностные компоненты современного гуманитарного знания. Проблема ценности и смысла жизни;
- проблема духовной безопасности человека (историко-философский анализ);
- экологические аспекты взаимосвязи человека и природы;
- роль традиционных ценностей мировых религий в трансформирующемся гуманитарном пространстве;
- феномен духовности как фактор обеспечения духовной безопасности человека и общества.

География научно-практической конференции охватывает как многочисленные регионы Российской Федерации, так и Республику Беларусь, Молдову, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украину, Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику. Среди авторов научных статей есть известные философы, социологи, культурологи, политологи, молодые ученые, аспиранты и студенты-магистранты, которые в соавторстве со своими научными руководителями делают вполне уверенные шаги в гуманитарных исследованиях.

Хочется надеяться, что данный сборник научных статей вызовет интерес у философов, социологов, культурологов, политологов, ведущих исследования в области гуманитарного знания и рефлексии над проблемами вызовов и угроз сегодняшнего дня в сфере духовной безопасности человека.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Абасова Б.А.</b> Постиндустриальное общество: основные концепции.....	11
<b>Авдеев Е.А., Воробьев С.М.</b> Роль философского мировоззрения в модернизирующемся образовательном пространстве Северо-Кавказского региона.....	14
<b>Авдони́на Н.С.</b> Изучение ценности свободного времени студентов-журналистов с целью актуализации внеучебной деятельности.....	18
<b>Аканькина В.В.</b> Роль религии в духовной безопасности человека .....	22
<b>Акбашева Д.Х.</b> Роль и значение теологического образования в вузе .....	26
<b>Алибекова С.Я.</b> Ценностные ориентации современной молодежи .....	29
<b>Алиев Р.Т.</b> Анализ реалити-шоу как виртуальной гетеротопии в условиях культурной безопасности (на примере Х/Ф «ШОУ ТРУМАНА»).....	34
<b>Алиханова З-Б.Т., Пашнина З.Д.</b> Возрождение духовности как способ защиты человека от опасных реалий современного мира.....	38
<b>Аминов И.Р.</b> Факторы риска региональных этнополитических конфликтов .....	41
<b>Антропова Н.К., Каташинских С.Н.</b> Преломление феномена духовности сквозь призму современности.....	46
<b>Аскарова Г.Б.</b> Ценностные основания педагогической деятельности в контексте духовной безопасности общества.....	50
<b>Ахмедова Т.М.</b> Кризис семейной культуры молодежи в контексте духовной безопасности России: концептуализация социологического пространства научной рефлексии.....	55
<b>Бабаджанова М.М.</b> Перспективы развития школы диалога культур .....	59
<b>Бабич И.Л.</b> Новые религии России и духовная безопасность на Северном Кавказе.....	65
<b>Багаева К.А.</b> Буддийская философия и формирование экологического сознания.....	69
<b>Баева Л.В.</b> Угрозы культурной и национальной безопасности в информационном мире .....	75
<b>Байсаидова Г.Б.</b> Исламская идентичность и ее влияние на процесс социализации современной молодежи .....	81
<b>Бакурадзе А.Б.</b> Ценность развития в контексте управления социальной организацией.....	85
<b>Баркова Э.В.</b> Философия ответственности, гуманитарное знание и духовная безопасность.....	90
<b>Баталова О.Ю., Сердюкова Я.Е., Широков А.А.</b> Деструктивное влияние социума на экологическую обстановку .....	96
<b>Батырова М.Д.</b> Формирование нравственно-экологической культуры младших школьников в семье и школе.....	100
<b>Безукладова Л.В.</b> Экология мысли в культурно-образовательной сфере....	104

<b>Безус С.Н.</b> Документная основа религиозных свобод в Европе: от средневековых папских булл до современного конституционного регулирования .....	109
<b>Безус С.Н., Шихмагомедова Д.М.</b> Конституционные гарантии религиозных свобод в европейских странах .....	114
<b>Берсанова З.Х.-А., Гайсултанова Т.А.</b> Проблема «золотой молодежи» и опыт прошлого .....	121
<b>Бетильмерзаева М.М.</b> Духовная безопасность как предмет исследования в современном гуманитарном дискурсе (по материалам конференций) .....	124
<b>Богданова В.О.</b> Аскеза в современном мире как способ заботы о себе ...	132
<b>Борисова Е.Р.</b> Образование как социокультурный фактор формирования ценностных ориентаций молодежи.....	137
<b>Брага Лилия, Рустанович Людмила.</b> Экологические конфликты и опыт их решения в странах пограничья: Республика Молдова – Украина .....	140
<b>Буракова И.С., Княженко</b> Особенности экологического воспитания на ступени начального общего образования .....	145
<b>Бычков Д.М.</b> Духовный потенциал русской литературы в трансформирующемся социокультурном контексте современности.....	150
<b>Вахонин Н.Л.</b> О смысле и ценностях жизни солдата на войне.....	155
<b>Веткасова Н.В.</b> Человек и природа в культурах запада и востока .....	160
<b>Власюк Н.Н., Косенко Т.С.</b> Проблемы семейного воспитания в контексте духовной безопасности Российского общества .....	164
<b>Габиева М.Р.</b> О роли этноконфессиональной идентичности в социокультурном пространстве Дагестана .....	167
<b>Гадаев В.Ю.</b> Духовная безопасность молодежи в современных конфликтных регионах.....	171
<b>Гадаев Р.В.</b> Миграционные процессы и языковые взаимосвязи в современной Европе .....	178
<b>Ганчар А.И.</b> Регламентация чтения проповедей в Российской империи в начале XX в. (на примере Римско-католической церкви) .....	184
<b>Гарас Л.Н.</b> Духовная безопасность в эпоху информационно-коммуникационной революции .....	188
<b>Гебекова А.Н., Ханмагомедов Х.Л.</b> Русский компонент в нерусской этноязыковой среде Дагестана как фактор устойчивого развития ценностей и феномена обеспечения безопасности населяющих его народов (к вопросу изучения населения и ойконимии) .....	193
<b>Гиниатуллина Л.М., Мухаметов А.М.</b> Организатор сектора зоологии Башкирского филиала академии наук СССР.....	197
<b>Гронский А.Д.</b> Русский мир в дискурсе белорусских националистов.....	202
<b>Даренский В.Ю.</b> Научная концепция цивилизации русского мира как фактор духовной безопасности России.....	207
<b>Даянова Д.П.</b> Проблемы и перспективы культурной адаптации студентов в условиях образовательного пространства.....	213

<b>Денисова А.Б.</b> Воспитание гражданской позиции личности как метод противодействия угрозам информационного мира .....	217
<b>Дзущев Х.В., Бетильмерзаева М.М., Корниенко Н.В.</b> Эффективность государственного стимулирования развития науки: опыт анализа результативности государственных мероприятий .....	222
<b>Додонова С.Г.</b> Народное инструментальное творчество в диалоге культур как гарант сохранения духовной безопасности человека .....	228
<b>Дринова Е. М.</b> Духовные ценности как элемент публичной политики на Северном Кавказе.....	233
<b>Дякиева Б.Б.</b> Образование и духовность – ценностные компоненты концепций воспитания в современном мире .....	237
<b>Загирова Э.М., Гафиатулина Н.Х.</b> Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного Российского общества.....	241
<b>Зайнуллина Ф.К.</b> Духовная безопасность молодёжи – одна из основных задач Российского общества.....	246
<b>Зубкевич Л.А.</b> Моделирование переходных форм общественного развития.....	249
<b>Ибрагимов М.М., Жемчурова С.Ш., Ибрагимова Э.М.</b> Формирование толерантного сознания и поведения студенческой молодежи как фактор противодействия экстремизму .....	254
<b>Ибрагимова Э.М.</b> Влияния ценностных ориентаций чеченцев на особенности их экономического поведения.....	260
<b>Иванова И.В.</b> Рефлексивно-ценностный подход как методологическая основа формирования ценностей и смыслов подростков в дополнительном образовании .....	267
<b>Иванова И.В., Каландия Е.Д., Димошенкова А.И.</b> Успешная карьера как ценность современной молодежи .....	272
<b>Иванова И.В., Доронина А.Б.</b> Роль семьи в духовно-нравственном воспитании детей младшего школьноговозраста .....	276
<b>Игнаточкина О.В.</b> Общество потребления как угроза духовной безопасности.....	280
<b>Инаркаева С.И.</b> Кризисные явления в современной русской литературе как угроза духовной безопасности личности .....	284
<b>Исмаилова Л.М.</b> Экологическое образование как фактор формирования экологической культуры .....	288
<b>Калашникова Л.Г., Тесленок К.С., Тесленок С.А.</b> Картографирование неблагоприятных последствий взаимодействия человека и природной среды .....	292
<b>Клепова М.И., Мирошников А.В.</b> Историческая роль православной церкви в социальной защите населения .....	297
<b>Княженко Л.П., Буракова И.С.</b> Влияние СМИ на процесс социализации и формирования мировоззрения подрастающего поколения .....	301
<b>Кондратьев А.А., Гришина В.В.</b> Роль воспитания детей в образовательных учреждениях как фактор формирования духовной безопасности .....	306

<b>Кривошеева Н.И., Панкратов С.А.</b> Понятие «медиафера» в контексте формирования политической повестки дня .....	309
<b>Крылова М.Н.</b> Исследовательские стереотипы о роли интернет-общения в жизни современного россиянина: пробуем взглянуть на проблему другими глазами .....	314
<b>Кузьменко Н.С.</b> Джихад: Источники, понятие, классификация .....	318
<b>Курбанов М.Г.</b> Духовная безопасность и духовная агрессия в культурно-образовательной сфере .....	323
<b>Курбанова Л.У.</b> Субъективное благополучие личности и толерантное сознание: к вопросу о детерминации понятий в контексте психологии .....	328
<b>Курбанова Л.У.</b> Психологические аспекты виктимного поведения женщин в ситуации домашнего насилия .....	336
<b>Лаврикова И.Н.</b> Праздничное <i>со-бытие</i> как опыт <i>со-радования</i> .....	341
<b>Латыпов Ф.Р.</b> Еще одна сторона религиозно-культурной обрядности этрусков, обнаруживаемая при изучении надписей на сколах каменной плиты-оберега из поджио колла .....	346
<b>Левин В.И.</b> Октябрьская революция и евреи .....	349
<b>Липаева Д.Е.</b> Стихия воды в визуальной культуре Японии (на примере творчества Такэши Китано) .....	353
<b>Логинова Н.С.</b> Причины формирования и особенности проявления экстремизма в молодежной среде .....	357
<b>Лонский Я.А.</b> Религиозный экстремизм как фактор воздействия на духовную безопасность Российского общества .....	362
<b>Лукьянова Р.А.</b> Дух просвещения в наследии Ризаитдина Фахретдина .....	367
<b>Лысцева И.В.</b> Межрелигиозный диалог православия и ислама. К историографии вопроса. (на фактах межнациональных отношений горцев Северного Кавказа на рубеже XIX-XX веков) .....	370
<b>Магомедов К.М.</b> Об одной важной особенности современного гуманитарного знания .....	378
<b>Манкиев А.А.</b> Версия о повстанчестве чеченцев в 1940 гг. в контексте их безопасности .....	382
<b>Махадов А.К., Гусейнова А.А.</b> Нравственность, мораль и ценности в современном обществе .....	388
<b>Мачулина М.А.</b> Взаимосвязь религии и литературы в отражении традиционных ценностей .....	391
<b>Медведев Д.С.</b> Религиозное воспитание как компонент духовной безопасности человека .....	395
<b>Миронов Д.А.</b> Кризис Российского общественного сознания .....	399
<b>Мордасов А.О.</b> Самоорганизация гражданского общества и духовная безопасность современного Российского социума: содержание и основные параметры .....	404
<b>Морозов С.И., Порошина Т.В.</b> Технологии легитимации как фактор стабильности современных Российских политических элит .....	409

<b>Мусханова И.В.</b> Психологическая устойчивость личности как сегмент духовной безопасности .....	412
<b>Нагорнова А.Ю.</b> Духовная безопасность и «мания-структура» социальных изменений современного общества .....	416
<b>Некрасов С.Н.</b> Проблема возвращения России в историю и возвращение людей в теорию: новые перспективы гуманитарных исследований.....	420
<b>Охотникова Т.В.</b> Народная культура как констант духовной Безопасности.....	424
<b>Павловская О.А.</b> Моральный фактор в системе международных отношений на современном этапе.....	428
<b>Пенионжек Е.В.</b> К вопросу о методологических проблемах развития культурно-образовательной среды при подготовке иностранных обучающихся .....	433
<b>Перцева У.С.</b> К терминологии понятия «духовная безопасность общества».....	437
<b>Петрулевич И.А.</b> Традиции и духовная безопасность общества .....	441
<b>Плиев А.А.</b> Брачные традиции чеченцев как элементы духовной безопасности.....	444
<b>Полякова И.В.</b> Методологические проблемы: системообразующие основания профессионального и личностного развития .....	448
<b>Рахно К.Ю.</b> Нарты: от культурных героев к почитаемым предкам .....	452
<b>Ринчинова Т.М.</b> Роль родного языка в развитии этнокультурной компетентности молодого поколения .....	457
<b>Романова А.П, Джумакаева (Ваккасова) М.В.</b> Культурная безопасность: проблемы концептуализации .....	461
<b>Сабекия Р.Б.</b> Идея бога-абсолюта как онтологического основания духовности в современном гуманитарном знании .....	465
<b>Сабиров В.Ш.</b> Разумность, ценность, целесообразность как атрибуты проблемы смысла жизни человека .....	469
<b>Сандакова Л.Б.</b> Нейроэтика: вопросы духовной безопасности в использовании результатов развития нейронауки .....	472
<b>Санькова С.М.</b> Национализм как антитеза постмодернизму .....	476
<b>Сафонов К.Б.</b> Социальные доминанты экологического менеджмента.....	481
<b>Селиверстова Н.С., Дроздова Д.А., Абдулаев Х.-Б.</b> Рациональное природопользование как неизбежный вектор развития современного общества.....	485
<b>Селиверстова Н.С., Салимгараева Р.Л.</b> Роль экономических потребностей в устойчивом развитии социально-экономической сферы .....	489
<b>Семенова Е.В.</b> Экологическая этика западной и русской философии.....	493
<b>Смирнова А.В.</b> Духовно- нравственное воспитание детей и подростков.....	498
<b>Соегов Мурадгелди</b> Туркменские гуманитарии начала XX века: писатель-просветитель и его единомышленники .....	502



<b>Соколова И.С.</b> Человек и природа: буктрейлеры научно-популярных книг по естествознанию в системе экологического просвещения.....	507
<b>Соина О.С.</b> Этика, мораль, культура и общечеловеческие ценности .....	510
<b>Sprincean S.L., Becciu S.</b> The assuring human security in the conditions of intensification of global process of social-political pressure .....	514
<b>Стойко О.А.</b> Этническая культура как условие формирования евразийских ценностей в пространстве современного социума.....	519
<b>Сугаипова Э.И.</b> Кризис гуманитарного сознания.....	523
<b>Сулейманова М.Н.</b> Роль этнологических дисциплин в системе вузовского образования в формировании этноконфессиональной толерантности.....	527
<b>Сулимов С.И., Бураев Д.И.</b> Вандализм и религия: проблема взаимосвязи.....	529
<b>Сухина И.Г.</b> Коммуникативная функция ценностей в контексте аксиологического понимания социокультурной коммуникации.....	534
<b>Сычев А.А.</b> Трансформация образа врага в контексте вызовов социальной безопасности.....	540
<b>Тарамова М.С.</b> Соотношение совести с другими этическими категориями .....	545
<b>Телегин А.М.</b> Дилемма коллективизма и индивидуализма в современной России.....	548
<b>Трифонова Т.Л.</b> Религиозные ценности в межнациональной семье: формирование и взаимодействие .....	551
<b>Тюгашев Е.А.</b> Молодой декарт: размышления о безопасности .....	555
<b>Фенухин В.И.</b> Северный Кавказ – философия толерантности.....	559
<b>Хабаев И.Д.</b> Роль чеченской женщины в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения .....	562
<b>Хажбикарова М.И.</b> Влияние фольклорных традиций на сюжетостроение романа С.-Б. Арсанова «Когда познаётся дружба»....	568
<b>Хазиев В.С., Сафонова Н.В.</b> Российская исламская педагогика в свете западноевропейской философии .....	571
<b>Ханинова Р.М.</b> Поэтика вещи в современном русском рассказе («стул» Нины Садур) .....	577
<b>Хасанова А.Г.</b> Прозелитизм и борьба за расширение влияния религиозных объединений Республики Башкортостан .....	583
<b>Хасбулатова З.С.</b> Философские аспекты развития творчества в естествознании.....	588
<b>Хужахметов А.О.</b> Религиозно-философское мировоззрение Р. Фахретдинова и его роль в развитии Башкирской национальной прозы...	594
<b>Хусаинова А.Х.</b> Экзистенциальная безопасность человека в современную «психозойную эру»: социально-философский аспект .....	599
<b>Циватый В.Г.</b> Духовная дипломатия XXI века: природа и роль традиционных религиозных ценностей в условиях формирования глобального гуманитарного пространства .....	602

<b>Чемурзиева Е.М.</b> Проблема права в контексте духовной безопасности..	608
<b>Чучупал В.В.</b> Рыночная экономика и гуманитарное знание: проблемы взаимодействия .....	612
<b>Шамаев А.М.</b> Взаимосвязь традиционных ценностей ислама и народной педагогики при воспитании подрастающего поколения.....	616
<b>Шамне Н.Л., Милованова М.В.</b> Культурно-языковая адаптация мигрантов как фактор формирования духовной безопасности полиэтнического региона .....	618
<b>Шахбанова М.М.</b> Религиозный фактор в формировании нравственных установок в современном Дагестанском обществе (по результатам социологического опроса).....	623
<b>Шендрикова С.П., Шалаева Н.В.</b> Советская идеология и механизмы ее внедрения в 20-е годы XX в. посредством театральных постановок ....	628
<b>Шарипова Э.А.</b> Аксиологический и этический аспекты внутренних установлений мусульманских религиозных организаций .....	631
<b>Шиженский Р.В., Суровегина Е.С.</b> «Родноверческий оберег»: к вопросу о погружении в языческую традицию XXI века.....	636
<b>Щекотин Е.В.</b> «Забота о себе» в контексте проблемы духовной безопасности.....	640
<b>Шошин Н.А., Мезенцев И.В.</b> Социокультурный кризис как проблема религиозной безопасности .....	645
<b>Юлдашев Э.С.</b> Актуальные тенденции современной культуры Узбекистана .....	650
<b>Юсупова Г.И.</b> Духовное наследие Суфийской традиции в исламе.....	653
<b>Юсупхаджиева Т.В.</b> Воспитание эмоционально-ценностных отношений школьников к народному искусству.....	657
<b>Яковлева И.П.</b> Сохранение исторической памяти как фактор обеспечения духовной безопасности россиян .....	659
<b>Ярлыкова О.В., Перепёлкина Н.А.</b> Современное гуманитарное знание как инструмент нравственного воспитания школьников.....	664
<b>Тагиров Э.Р.</b> Регионы: «точки» концентрации «мягкой силы» на планете.....	668

## ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

**Абасова Б.А.**

*Россия, г. Махачкала*

*Дагестанский государственный университет*

*E-mail: bella052012@mail.ru*

**Аннотация.** Концепции постиндустриального общества – это социологические и одновременно футурологические концепции, которые выделяют прогресс техники и технологии как основной фактор социального прогресса и критерий для выделения глобальных стадий развития общества.

**Ключевые слова:** постиндустриальное общество, информация, технологии, знания.

Самые различные проблемы развития общества всегда актуальны для исследований ученых, так как именно стадии его развития определяют основные составляющие общественной жизни: политическую, экономическую и идеологическую. Одной из вызывающих живой и неослабевающий интерес форм общественного устройства остается на сегодняшний день так называемое «постиндустриальное», или «информационное общество».

В истории развития человечества можно выделить три основные, сменяющие друг друга эпохи:

1. Доиндустриальное, или аграрное общество, продолжительностью примерно в 10 тысяч лет;
2. Индустриальное общество, которое охватывает период, начиная с XVII века до середины XX века;
3. Постиндустриальное общество, которое берет свое начало со второй половины XX века.

Впервые понятие «постиндустриальное общество» было употреблено Д. Беллом во время выступления на международном социологическом семинаре в г. Зальцбурге. Ученый охарактеризовал такую стадию развития общества, при которой сила индустриального сектора уступает первенство масштабному количеству знаний и информации. Он пояснил, что на этом этапе сфера технологий уже не требует большой доли общественного труда, вследствие чего значительная часть занятого населения перетекает в сферу информации и услуг [1]. По мнению Д. Белла, в концепции постиндустриального общества основными характеристиками нового устройства следует считать рациональность, планирование и предвидение, а также «разительное изменение в моральном настрое – новая “ориентация на будущее”» [2, с. 772].

Испанский социолог М. Кастельс, в своих трудах, посвященных рассматриваемому нами этапу общественного развития, выдвинул концепцию сетевого общества. Сети, в рамках его концепции, рассматриваются как со-

вокупность связанных между собой узлов, базисом которых выступает интернет. Придерживаясь такой позиции, ученый делит весь земной шар на интернет-имущих и интернет-неимущих. По мнению М. Кастельеса, на стадии постиндустриального общества интернет становится не просто очередной технической новинкой, а ключевой технологией информационной эпохи [3].

В основе теории постиндустриального общества Ф. Фукуямы лежит понятие «социального капитала» – набора таких неформальных ценностей или норм, которые являются общими для определенной группы и которые делают возможным сотрудничество между членами этой группы. В отличие от индустриального общества в информационном имеется устойчивый спрос на социальный капитал, он становится «общественным достоянием» и за него должно отвечать общество в целом. Государственная политика, по мнению Ф. Фукуямы, должна стремиться сохранить и стимулировать рост социального капитала.

В условиях постиндустриального общества происходят радикальные изменения в сфере производства. Так, согласно П. Друкеру, важной характеристикой информационного общества нужно считать новые технологии и отрасли промышленности, а также признание знаний одним из основных рычагов социально-экономического развития. Э. Тоффлер в своей научной работе «Третья волна» описывает десять главных черт экономики, среди которых можно выделить следующие: значительное повышение уровня квалификации рабочих, падение взаимозаменяемости, смена малых предприятий на фирмы-гиганты, развитие инфраструктуры на основе новейших достижений в электронике и т.д. [4]. В.И. Курбатов в своих трудах отмечает, что, согласно точке зрения Д. Белла, в постиндустриальном обществе возникают также новые тенденции в социальной и духовной сферах человеческой жизни [5]. Так, к началу XXI очевидным стал тот факт, что информационное общество способствует усложнению социальных систем и возникновению активных процессов социальной дифференциации: пополняются ряды низших классов, расслаивается средний класс, формируются новые социальные институты [6].

Информационное общество вносит значительные коррективы и в личностную сферу человеческой жизни. В рамках рассматриваемого нами этапа общественного развития стоит также остановиться на концепции «человеческого капитала». Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, Г. Беккер рассматривал человеческий капитал с двух основных позиций [7]:

1. Человеческий капитал как запас знаний, умений, навыков, способностей, которые обеспечивают высокий уровень производительности труда и, как результат, приносят доход в виде заработной платы.
2. Человеческий капитал как поток доходов, приобретаемый человеком на протяжении всей жизни.

Итак, в развитых странах, перешедших в стадию информационного общества, существует стабильная зависимость между уровнем образования и доходами, который индивидuum получает в течение всей своей жизни.

Таким образом, можно сказать, что природа и целостная картина нового, постиндустриального общества во многом еще остаются неопределенными, но некоторые его характеристики становятся ясными и отчетливыми уже сегодня. Постиндустриальное общество от предшествующих ему этапов общественного развития отличают следующие признаки:

1. Главенствующая роль принадлежит знаниям и информации, которые являются рычагом социально-экономического развития;
2. Появляется новая «ориентация на будущее»;
3. Ключевой технологией данного этапа общественного развития становится интернет;
4. Стимулируется активный рост «социального капитала»;
5. Происходит появление большого количества новых технологий и отраслей промышленности;
6. Повышается уровень квалификации рабочих, падает взаимозаменяемость;
7. Происходит усложнение социальных систем и наблюдаются активные процессы социальной дифференциации.

#### **Список литературы:**

1. Новиков А.М. Постиндустриальное общество – общество образованных людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anovikov.ru>. – (Дата обращения – 11.10.2017)
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования/ Д. Белл. М.: Academia, 1999.
3. Кастель М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 2004.
5. Курбатов В. И. Современная западная социология. Аналитический обзор концепций/ В. И. Курбатов. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
6. Социальная философия современности. Учебное пособие. Часть 2/Под ред. проф. Яхьяева М.Я. М.: Парнас, 2015.
7. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: «ГУ ВШЭ», 2003.

## РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА

Авдеев Е.А., Воробьев С.М.

Россия, г. Ставрополь

Северо-Кавказский федеральный университет

E-mail: ewg.avdeev@yandex.ru

**Аннотация.** В статье анализируются теоретические и практические аспекты роли философского мировоззрения в формировании духовно-нравственных основ современной молодежи в модернизирующемся образовательном пространстве Северо-Кавказского региона, работа Северо-Кавказского федерального университета по формированию у студентов основ правовой культуры, приобщению к культурно-исторической традиции Отечества, воспитанию гражданской ответственности, патриотизма и развитию диалога культур.

**Ключевые слова:** философское мировоззрение, философия, духовность, духовно-нравственные ценности, российское общество, Северокавказский регион.

Распад Советского Союза и уничтожение прежнего социалистического социально-экономического уклада привел к духовному кризису и радикальным изменениям духовно-нравственных основ современного российского общества, актуализировал проблему поиска духовно-нравственных основ дальнейшего развития, что стало предметом широкой научно-публицистической дискуссии, в которой рассматриваются темы духовного и нравственного кризиса, духовного возрождения, традиционных и либеральных ценностей, роли религиозного возрождения как основы современной духовности. В настоящее время в России актуализируется необходимость формирования таких духовно-нравственных ценностей, как патриотизм, гражданская ответственность, диалог культур, российская идентичность на основе единых социокультурных ценностей, что позволит сплотить российскую нацию и сформировать единое социокультурное пространство.

Роль философского мировоззрения в формировании духовно-нравственных основ современной молодежи в модернизирующемся образовательном пространстве Северо-Кавказского региона на сегодняшний день приобретает особую значимость в связи с тем, что в современной молодежной среде сформировалось поликультурное сообщество, которое характеризуется этнокультурным, цивилизационным, конфессиональным взаимодействием молодежи различных народов. Сложность и неоднозначность современных межэтнических отношений, быстрая динамика их изменений среди молодежи Северного Кавказа требует постоянного внимания со стороны научного сообщества.

Особое внимание при формировании духовно-нравственных основ молодежи на Северном Кавказе должно быть уделено воспитанию гражданской ответственности и патриотизма, преодолению экстремизма и правового нигилизма, дальнейшему развитию диалога культур и этнокультурному взаимодействию, интеграции молодежи в общероссийское социокультурное пространство. Основным результатом данной деятельности является снижение социального напряжения среди молодежи, уменьшение радикализации и правового нигилизма, противодействие экстремизму.

При рассмотрении роли и значения философского мировоззрения в формировании духовно-нравственных основ выделяются два аспекта: один из них имеет прикладное значение, заключающееся в роли курса философии как методологической основы образовательного и воспитательного процесса, другой аспект носит теоретико-концептуальный характер и связан с рассмотрением теоретического содержания духовно-нравственных основ современного российского общества. При этом в процессе философского образования происходит осмысление ключевых ценностей современной культуры и воспитание современной молодежи на их основе.

Рассматривая роль философского мировоззрения в формировании духовно-нравственных основ современной молодежи, необходимо определить место философии в современном модернизирующемся образовательном пространстве, а именно:

- роль и значение философии как теоретической основы современной культуры и культурной политики;
- место и роль курса философии в современном образовательном пространстве;
- содержание духовно-нравственных основ, формируемых в процессе философского образования.

Одной из важнейших духовных основ, которая формируется у молодежи в результате знакомства с лучшими достижениями мировой философской мысли является рационально-критическое мышление. «Философия – это мышление свободного человека, критически относящегося к разного рода суевериям, мифам и идеологемам. С философским мышлением связано становление таких ценностей как любовь к истине, интеллектуальная честность, последовательность (непротиворечивость) мысли» [3, с. 181].

Развитие рационального мышления является основой философского мировоззрения, наряду с этим философская рефлексия имеет большое значение в формировании моральных ценностей, способствует совершенствованию человека как духовно-нравственного существа. И это является также значимой задачей в процессе формирования мировоззрения и общей культуры молодежи. Вся история мировой философии пронизана осмыслением духовно-нравственных основ человека, на этом зиждется авторитет философского знания, построенного на разумном осмыслении действительности, ценностным основанием которой является духовные ориентиры и смыслы развития общества.

В культуре современного российского общества рациональность и моральность не совпадают, в рациональности преобладают прагматические

начала, эгоизм и потребительство нередко становятся основой жизненных целей молодого поколения. В связи с этим актуальным является осмысление формирования духовно-нравственных начал на современном этапе развития российского общества, в первую очередь необходимо вернуться к осмыслению понимания «духовности». Так, существуют различные понимания религиозной и светской духовности. Религиозное понимание духовности предполагает сверхъестественную, божественную основу духовного, как причастность человека к Богу, получение человеком божественного воздействия и в связи с этим духовность возникает посредством веры и исполнение религиозных требований, норм и правил. Основа нравственности заложена в религиозных догматах и предполагает их неукоснительное соблюдение.

Наряду с религиозными подходами в философии сложились и светские основы духовности. Рассмотрение духовного в качестве социокультурного явления, возникающего в процессе развития социальных отношений. По мнению В. Шердакова «в традиционно философском понимании духовность включает в себя три начала – познавательное, нравственное и эстетическое... Все три стороны вместе образуют то, что называется духовной жизнью, духовным поиском, исканиями. Они интегрируются в единое целое...» [2, с. 27]. Данные подходы к духовности, религиозные и светские, выступают в качестве двух различных, хотя и взаимосвязанных направлений духовного развития личности, которые имеют общие смыслообразующие черты. Наиболее характерной чертой духовности является преодоление личных, корыстных, узкоэгоистических интересов во имя общих, общественно-значимых ценностей и целей. Формирование таких духовных ценностей может быть на основе как религиозного, так и философского мировоззрения, что объединяет философские и религиозные основы духовности. Все это обуславливает рассмотрение религиозной и светской духовности в качестве основ духовно-нравственного развития личности и общества, формирование которых является одной из основных задач, решаемых в процессе преподавания философии и смежных дисциплин.

В системе высшего образования Российской Федерации преподавание философских дисциплин является неотъемлемой частью образовательного процесса. В соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования для подготовки бакалавров, специалистов и магистров дисциплина «философия» и другие философские дисциплины является обязательной частью модуля, обеспечивающего формирование у учащихся общекультурных компетенций, таких как: способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач, способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде, способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции и другие общекультурные компетенции [3].



Преподавание философских дисциплин предполагает рациональность в качестве основы духовно-нравственного воспитания студентов и ориентирует их на осознание роли и значения духовности в жизни современного общества, что обуславливает необходимость расширения перечня изучаемых философских дисциплин посредством разработки новых инновационных курсов, соответствующих региональной специфике Северного Кавказа. Так, одним из важнейших направлений научной, образовательной и воспитательной деятельности Северо-Кавказского федерального университета является противодействия экстремизму, национализму и терроризму посредством реализация образовательного проекта «Формирование российской идентичности и правовой культуры студенческой молодежи в полиэтничном регионе» по направлению «Безопасность и противодействие терроризму».

Разработаны новые дисциплины (19 дисциплин) для студентов всех направлений подготовки, позволяющие приобрести необходимые знания о традициях и культуре народов России, религиях, основах культуры общества:

- «Этнология Юга России»; «Культура межнационального общения»; «Основы социокультурной адаптации и интеграции»; «Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе»; «Геополитические аспекты региональной безопасности»; «Конфликтология»; «Региональные конфликты и проблемы безопасности на Северном Кавказе»; «Основы православной культуры»; «Ислам на Кавказе»; «Гражданско-патриотическое воспитание»;

- «История государственных символов России»; «Северный Кавказ в истории России»; «Государственно-конфессиональные отношения в РФ в контексте национальной безопасности»;

- «Культура мира в контексте региональной безопасности»;

- «Национальный этикет»;

- «Региональная безопасность на Северном Кавказе»; «Политический экстремизм в современном мире» [1, с. 17].

Таким образом, Северо-Кавказский федеральный университет является площадкой, где двадцать пять тысяч молодых людей различных национальностей привыкают совместно жить и работать, строить свое будущее и будущее России. Учеба в вузе позволяет молодым людям приобрести не только теоретические и профессиональные знания и навыки, но и является школой по формированию гражданской ответственности и патриотизма, дальнейшего развития диалога культур и этнокультурного взаимодействия и интегрирует студентов в общероссийское социокультурное пространство.

### **Список литературы:**

1. Авдеев Е.А. Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремизма в Северо-кавказском федеральном университете // В сборнике: Гражданское образование и воспитание в поликультурном славянском образовательном пространстве. Сборник научно-практических работ. Брянск, 2016. С. 16-17.

2. Духовность, художественное творчество, нравственность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. - 1996. - № 2. - С. 3-40.

3. Ерохин А.М., Коротков В.Е. Философия и формирование духовно-нравственных ценностей в современной России // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 2. С. 180-188.

4. Северо-Кавказский федеральный университет. Образовательные стандарты [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.ncfu.ru/obrazovatelnye-standarty.html> (дата обращения: 13.10.2017)

## **ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТИ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ С ЦЕЛЬЮ АКТУАЛИЗАЦИИ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Авдонина Н.С.**

*Россия, г. Архангельск*

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова*

*E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com*

**Аннотация.** Цель статьи – определить социально-психологические факторы и проблемы и предложить практические рекомендации по организации воспитательной (внеучебной) деятельности студентов-журналистов с целью профессионально-личностного развития студентов.

**Ключевые слова:** профессиональное образование, высшее образование, журналистика, воспитательная деятельность, досуговое поведение, профессиональное развитие личности

Основным документом, которым могут пользоваться преподаватели вузов для формирования условий эффективной внеучебной деятельности, является «Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования». Стандарт направлен на формирование и развитие общекультурных и личностных качеств, а также на создание условий для профессионального становления обучающихся. Хотя из словосочетания «высшее профессиональное образование» исчезло слово «профессиональное», в вузах по-прежнему готовят профессионалов, как на прикладном, так и на академическом уровнях.

В соответствии со стандартом под воспитательной деятельностью понимаются «планомерные целесообразные взаимосвязанные действия различных коллективных и индивидуальных субъектов воспитания ООВО (ректората, управлений, деканатов, кафедр, преподавателей, общественных объединений, культурных и творческих центров, спортивных и иных структур, а также самих студентов, органов студенческого самоуправления и иных формирований), направленные на содействие профессионально-личностному становлению обучающихся, обогащение их социально значимого опыта, создание условий и обеспечение возможностей разносторонних

личностных проявлений, преодоление негативных тенденций в молодёжной среде» [1, с. 2]. Полагаем важным обратить внимание на возможности создания условий для организации свободного времени студентов для достижения задачи содействия профессионально-личностному становлению обучающихся. Цель исследования – определить социально-психологические факторы и проблемы и предложить практические рекомендации по организации воспитательной (внеучебной) деятельности студентов-журналистов с целью профессионально-личностного развития студентов.

Основным методом исследования является метод сбора эмпирических данных, а именно анкетирование. Разработанная анкета позволила оценить положительные и отрицательные факторы, влияющие на организацию свободного времени студентов, и определить социально-психологические проблемы, препятствующие эффективному профессионально-личностному развитию студентов.

Исследование проводилось на кафедре журналистики, рекламы и связей с общественностью Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). В исследовании приняли участие 45 студентов 1-4 курсов направления «журналистика», дневной формы обучения, из них 39 девушек и 6 юношей в возрасте от 17 до 22 лет; 22 респондента учатся на 1 курсе, 9 – на 2, 4 – на 3 и 8 – на 4.

Из 45 человек только 6 занимаются журналистикой во внеучебное время в медиа-центре САФУ, где есть и радио, и телевидение, и газета. Длительность посещения – второй год (с сентября 2016 г.). Еще 13 человек начали ходить на факультативные занятия по практической интернет-журналистике, организованные автором статьи, длительность посещения – третий месяц (с сентября 2017 г.). Только один человек определил эти занятия как запомнившееся досуговое мероприятие, таким образом можно говорить о несформированности устойчивого восприятия этих событий как культурно-ориентированной познавательной целевой досуговой деятельности.

Выделим социально-психологические факторы, объединяющие аудиторию студентов, и журналистов в частности. К положительным относятся: 1) творческий характер учебной и внеучебной деятельности; 2) возможности для творческой и профессиональной самореализации (открытые интернет-площадки, как зарегистрированные СМИ, так и незарегистрированные медиапроекты вроде рубрики «Студенческая журналистика» на архангельском отделении Союза журналистов РФ или портал «Брусника»); 3) творческие и активные преподаватели школ, техникумов, колледжей и вузов, ведущие инновационную внеучебную деятельность; 4) жизненная активность, мобильность, интерактивность, умение быстро находить информацию и заинтересованность в профессии; 5) самоорганизующиеся общности вроде группы «Нетипичный Архангельск»; 6) площадки для нерегламентированного досуга вроде клубов и анти-кафе, где посетители сами решают, чем будут заниматься, чаще всего это настольные игры; 7) программы для молодежи, предлагаемые различными организациями, например, «Дом молодежи», творческий центр САФУ; 8) молодой организм, телесное благополучие, чаще позитивный настрой, открытость миру.

К отрицательным факторам мы отнесли: 1) загруженность учебой, что предполагает занятость по четыре пары каждый день, включая субботу. Времени на досуговые мероприятия может оставаться немного; 2) средние доходы семьи, что не позволяет студентам посещать все желаемые досуговые мероприятия. Учащиеся вынуждены работать, чтобы иметь «карманные деньги», работа сокращает свободное время; 3) социальная стратификация: есть мероприятия для людей с высокими доходами или выше среднего, есть для людей со средними доходами, но так или иначе чувствуется расслоение (можно заметить в ответах на вопросы 4 и 5); 4) кризис семьи. По ответам можно было заметить, что малая часть студентов проводит свободное время со своей семьей, что является результатом нескольких причин: студенты переезжают в город учиться, родители вынуждены много работать, дети не могут найти общий язык с родителями или им по возрасту и интересам ближе досуг сверстников, которые сами оказываются в поиске своего времяпровождения; 5) отсутствие инфраструктуры для полноценного досуга на открытом воздухе; 6) однообразные мероприятия; 7) неблагоприятные экологические условия, проблемы со здоровьем; 8) неудобное расположение места жительства.

Социально-психологическими проблемами были определены: лень, сезонные депрессии и стресс, узкий круг общения, отсутствие свободного времени или его слишком большое количество (незнание, чем занять пустоту), непонимание со стороны взрослых, невозможность реализовать себя, отсутствие положительных эмоций в повседневной жизни, отсутствие приятной дружеской атмосферы вокруг.

Отдельно был задан вопрос «О чем бы вы хотели снять фильм?» Ответы позволяют сделать вывод о тех, даже невыразимых проблемах, которые возникают в настоящий момент в студенческой среде. Перечислим идеи фильмов:

- о свободе / о душевных поисках и смысле жизни / о мечте и стремлении к ней / философский фильм о месте человека в этом мире и его предназначении / о жизни и адаптации подростков во взрослой жизни / о человеке, его внутреннем мире и психологии / о пути к успеху / философский фильм вроде «Вечное сияние чистого разума» или «Я – начало»

- о добрых людях, пылких сердцах и счастье / о чем-то добром и светлом с примесью фантастики / о любви, о счастье / о ценности дружбы / о мире во всем мире / о приключениях и любви / об уличных музыкантах / о любви к жизни;

- о наших семейных поездках на машине / о путешествии / о своей жизни (дважды);

- на неопределенную социальную тему / о психологических расстройствах / о ранних браках по цыганской традиции;

- о междоусобной войне / о войне / о царской России / об историческом событии;

- о прощении;

- о художнике Энди Уорхоле.

Глядя на данный перечень можно заключить, что студенческую молодежь, в первую очередь, волнует их собственная личность, поиски себя, что является закономерным явлением для данного возраста – 17-22 года. С другой стороны, часть студентов сняла бы фильм о добре и счастье, что может рассматриваться как лейтмотив человеческой жизни вообще – стремление к счастью, любви и миру (закономерно в христианской традиции). Меньшая часть студентов думает о социальных и политических проблемах, но выбор тематики связан с контекстом преподаваемых дисциплин («История зарубежной журналистики», где есть лекции о военной журналистике и журналистских экспериментах, «Социальная журналистика» и др.).

Проанализировав и обобщив ответы всех респондентов, мы можем предложить некоторые рекомендации для отбора содержания и планирования ориентированной на профессионально-личностное развитие студентов-журналистов социально-досуговой и культурно-просветительской деятельности:

1. в среднем у большинства студентов каждый день есть 3-4 часа свободного времени, которое они не знают, чем занять. Организаторам нужно ориентироваться на эту длительность;

2. тремя основными формами досуговой деятельности респонденты назвали: чтение книг, прогулки и просмотр кинофильмов. Четвертым по популярности был ответ «творческая деятельность». При формировании программы досуговой деятельности студентов-журналистов следует учитывать эту иерархию. Рекомендуем проводить больше выездных мероприятий, необязательно за пределами города или области, даже проведение занятия в другом помещении (если это целесообразно) может положительно сказаться на активности студентов. Следует включать в досуговые мероприятия книги и кино на тему профессии. Это может индивидуальный или коллективный просмотр фильмов с последующим обсуждением или написанием рецензий, съемки видеосюжета по фильму. Обязательно нужно учитывать творческий характер всей жизнедеятельности студентов-журналистов. Поэтому досуг следует планировать с целью создания творческой атмосферы и условий для творческой самореализации;

3. поскольку некоторые студенты отвечали, что часто их времяпровождение зависит от настроения, все досуговые мероприятия следует планировать с обязательным включением событий, которые дадут студентам положительные эмоции (событийный образовательный подход);

4. на вопрос «Чего вам не хватает на досуговых мероприятиях» студенты в большинстве отвечали: легкости и простоты в общении (17 человек), практической направленности (13 человек), собственной мотивированности (12 человек), тщательной подготовленности организаторов (11 человек), межличностного общения (11 человек) и творческой атмосферы (10 человек). Эти данные необходимо учитывать при формировании программы досуговой деятельности, особенно фактор «легкость и простота в общении». Часто именно общение является основным критерием, почему индивиды выбирают или, наоборот, отказываются ходить на то или иное досуговое мероприятие;

5. последняя рекомендация – большинство респондентов узнают обо всех досуговых мероприятиях из социальных сетей (40 респондентов). Необходимо распространять информацию по всем возможным каналам связи.

### **Список литературы:**

1. Утверждён Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс] URL: <http://www.omgpu.ru/utverzhdyon-standart-organizacii-vospitatelnoy-deyatelnosti-obrazovatelnyh-organizaciy-vysshego> (дата обращения: 12.11.2017)

## **РОЛЬ РЕЛИГИИ В ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

**Аканькина В.В.**

*Россия, г. Магнитогорск*

*Магнитогорский государственный технический университет*

*E-mail: ver\_lap\_98@mail.ru*

**Аннотация.** В статье говорится о роли религии в духовной безопасности человека. Если по каким-то причинам традиционная религия снижает свое влияние в обществе, то на ее место претендуют деструктивные секты. Примером данной ситуации является «постперестроечный» этап в истории нашей страны.

**Ключевые слова:** религия, духовная безопасность, деструктивные секты, эсхатологические настроения, православие.

подавляющее большинство современных мыслителей считают, что люди не обладают врожденными образцами поведения, то есть индивид воспринимает образцы поведения и культурные нормы именно той группы или общности, в которой он воспитывается. Применительно к теме статьи необходимо отметить, что религиозные нормы играют большую роль в духовной безопасности человека. Религия не существует в обществе в каком-то изолированном состоянии. Она тесно включена в общественную структуру, переплетаясь и взаимодействуя с другими сферами общественной жизни. Религия воздействует на общество и происходящие в нем процессы через свои институты: культовые учреждения, религиозные организации, объединения верующих.

Значимую роль религии в процессе становления личности признавали многие ученые. Так Г. Спенсер указывал, что религия является одним из регулятивов жизни общества в деле поддержания образцов поведения. Э. Дюркгейм считал религию важнейшим фактором социальной интеграции. К. Маркс рассматривал религию в качестве важного социального фактора, обладающего вполне реальными функциями в жизни общества: в первую очередь – идеологической, так как религия оправдывает существующие социальные порядки, во вторую очередь – компенсаторной, представляющей

собой «сердце бессердечного мира» и утешающей, что страдания в земном мире не напрасны, они будут вознаграждены в загробной жизни. М. Вебер считал, что религия играет огромную роль в духовном становлении человека, так как главная ее функция – смыслополагание, рационализация человеческой деятельности.

При этом очевидно, что религиозные нравственные нормы не есть что-то статичное. С течением времени они претерпели существенные изменения. Так, с появлением классового общества, религиозно-нравственные предписания по своему содержанию все более начинают отражать интересы угнетенных классов: осуждение богатства, призыв к благотворительности, симпатия к убогим и т.п. Отсюда приоритет таких предписаний, как смирение, покорность, страдание, пренебрежение к материальным благам, которые мы в избытке находим на страницах Нового Завета и других религиозных источников.

В СССР религия была вытеснена на периферию общественной жизни, церкви было запрещено вести какую-либо самостоятельную деятельность. Религия была отделена от государства, не преподавалась в школах и вузах. Все это не замедлило сказаться на социализации нескольких поколений россиян, выросших и воспитанных при советской власти. А ведь религия представляет собой один из наиболее важных социальных институтов, играющих существенную роль в процессе конструирования социальной реальности, вследствие чего выступает эффективным средством легитимации (объяснения и оправдания) и поддержания определенного социального порядка. Понимая это, идеологи советской власти пытались найти замену религиозным установкам. Не секрет, что многие постулаты советской идеологии совпадали с религиозными нравственно-этическими нормами. Некоторые ученые указывают, что даже при советской власти религия сохраняла свое влияние на общество, причем влияние различных конфессий отличалось. В то время как православие почти утратило в ту пору свое влияние, ислам, который можно рассматривать не только как религию или не просто как религию, но и как образ жизни, в очень большой мере сохранял свои позиции. Немалую роль продолжала играть католическая церковь в Литве, а также различные секты (особенно нелегальные) в различных регионах [9. С. 197].

Следует отметить, что снижение влияния православия на российское общество в целом и процесс духовного становления членов общества в частности, привел к достаточно тревожной ситуации в нашей стране. Сегодня в России активно действуют различные религиозные секты, многие из которых оказывают деструктивное влияние на психику верующих и вступают своими действиями в противоречие с господствующими в обществе нормами и ценностями, в том числе и правовыми. Большая опасность деструктивных сект заключается в том, что они стремятся завлечь в свои ряды как можно больше молодежи. За прошедшие десятилетия в стране зарегистрировано около семидесяти нетрадиционных религиозных объединений всех направлений и мастей. По утверждению религиоведов, в различные культовые новообразования уже вовлечены более пяти миллионов человек,

70 процентов из которых – молодежь. 60 процентов адептов имеют высшее и среднее образование, один миллион – студенты [8].

К таким деструктивным религиозным течениям, действующим на территории нашей страны относятся, например, группы последователей Церкви Последнего Завета (Виссариона); группы приверженцев «Аум Сенрикё», занимающиеся антиобщественной конспиративной деятельностью; последователи сатанизма, которые допускают нарушения прав и свобод граждан, проявляющиеся в актах вандализма на кладбищах, в поджогах церквей, а порой и в ритуальных человеческих жертвоприношениях. В некоторых таких организациях существует особое отношение к семье – ограничение и даже запрет на родственные контакты, отказ от семьи и имущества в пользу организации.

В последние годы в России было зафиксировано несколько попыток проникновения нетрадиционных религиозных организаций (сект) в сферу образования и социального воспитания. Квазикультовые организации (преимущественно сайентологи и мунниты) пытаются получить доступ в школы, колледжи, вузы и внешкольные учреждения. «В современном российском обществе существует множество квазикультовых сект («Церковь сайентологи», «Общество сознания Кришны», «Церковь последнего завета» и др. – всего, по разным данным, от 300 до 500 сект, в которые вовлечено до 1 млн., преимущественно – до 70 % – молодых людей от 18 до 27 лет)» [8. С. 205-206].

При этом следует понимать, что распространение сектантства в нашей стране и влияние его на социализацию молодежи, связано не только с активностью предводителей сект, но и с довольно пассивной позицией по привлечению новых членов самой православной церкви. «Трудно согласиться с тем, что наличие сектантства само по себе показывает религиозность народа, горение его духа, его стремление к идеалу, жажду не внешней религии, но внутренней, своего сердечного завета с Богом. Но несомненно, что наличие сектантства свидетельствует о некоем неблагополучии в жизни господствующей Церкви, о том, что провозглашаемые ею идеалы далеки от осуществления» [10].

К тому же сама православная церковь крайне традиционна, не приемлет современных тенденций в обществе, что также не способствует возрастанию ее влияния на молодежь. Распространению деструктивных сект в нашей стране сопутствуют и другие причины: «Сегодня едва ли не главной причиной того, что верующие люди уходят из церковной ограды в секты, является недостойное поведение пастырей и их образ жизни, часто противоречащий Евангелию. Человек, взывающий Бога и высокие идеалы, склонен отождествить таких служителей церкви с самой Церковью» [10]. Также распространению деструктивных сект способствует отмеченное в последние годы возрастание эсхатологических настроений россиян [1, 2, 3, 4, 5, 11].

Деструктивное сектантство представляет собой опасность для разных структур и процессов общества: для духовной безопасности отдельной личности, для семьи и государства в целом. В данных организациях человека



зомбируют, лишают его внутренней свободы, а зачастую и семьи. Секта подменяет собою и семью, и общество и государство. Хорошо известно, что постсоветская элита времен президента Ельцина дала в 90-е годы XX в. полную свободу для деятельности различных религиозных организаций на территории России. Международные нетрадиционные секты, прежде всего американские и восточные, получили поддержку в самых высоких политических кругах российского общества. Сектанты в свои ряды старались привлечь, прежде всего, представителей молодежи и через них влиять на российское общество в будущем.

Русская Православная Церковь пыталась оказывать деструктивным сектам активное противодействие. «На Архиерейском Соборе 1994 года было заявлено о невозможности для Церкви сотрудничества с новомодными тоталитарными сектами и псевдорелигиозными объединениями, такими как сайентология и кришнаизм» [10]. Но в том-то и дело, что одного обличительства сект на церковных Соборах слишком мало. Традиционные религиозные конфессии, распространенные на территории нашей страны (православие, мусульманство, буддизм) должны занимать более активную позицию по отношению к распространению деструктивных сект и стараться привлекать в свои ряды российскую молодежь, оказывать влияние на социализацию подрастающего поколения нашей страны. Наука и религия равноправно являются духовными сферами общества. И за то время, пока российские ученые и священнослужители спорят о необходимости преподавания основ религии в школах и вузах, мы можем «потерять» еще не одно поколение молодежи. А пока в умах россиян «смешиваются вера и суеверия, в церковную ограду приносятся языческое сознание и элементы магизма, когда к святыням и реликвиям относятся как к неким амулетам, источникам особой психической энергии» [10].

### **Список литературы:**

1. Акулова И.С. Актуальность эсхатологических парадигм в современных философских концептах // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. – № 1-3 (32). – С. 40-41.
2. Акулова И.С. Возрастание эсхатологических настроений в современной российской культуре // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. – № 2. – С. 69-70.
3. Акулова И.С. Онтологические основания возникновения эсхатологических представлений в философии истории // Омский научный вестник. 2007. – № 5 (59). – С. 69-71.
4. Акулова И.С. Роль философии в сдерживании эсхатологических настроений в мировоззрении российских студентов // Тенденции науки и образования в современном мире. 2016. – № 11-1 (11). – С. 4-5.
5. Акулова И.С. Эсхатологичность как атрибут человеческого сознания // Вопросы современной науки: коллект. науч. монография; под ред. Н.Р. Красовской. – М.: Интернаука, 2016. – Том 15. – С. 23-40.

6. Витик С.В., Акулова И.С. Управление общественными отношениями. Курс лекций. – Магнитогорск, 2015.
7. Карпова Е.В. Онтологические основания социокультурного восприятия пространства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. – № 10 (116). – С. 65-71.
8. Магнитогорский металл / Периодическое издание г. Магнитогорска от 26 марта 2005.
9. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.: Гадарика. 2004.
10. Никитин В. Секты и эзотерические кружки у церковной ограды // Наука и религия. 2007. – № 8.
11. Филатов В.В., Акулова И.С., Воронина Г.А. МГТУ им. Г.И. Носова в социологическом измерении (2004 -2008 гг.). – Магнитогорск, 2009.
12. Хакова Г.С. К вопросу о культуре здоровья // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 124-128.
13. Хакова Г.С. Нравственная культура как условие развития современной цивилизации // Информационные технологии в науке Нового времени: Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 45-47.

## **РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ**

**Акбашева Д.Х.**

*Россия, г. Уфа*

*Научно-образовательный центр «Теология»*

В настоящее время в России сформировалась необходимая правовая, организационная база, которая позволяет вести образовательную деятельность по теологическому направлению. Что касается научно-методической базы реализации данной образовательной деятельности, то она находится на стадии своего становления. И поскольку нет единого методологического подхода и концепции конфессионального образования, светские вузы и религиозные образовательные учреждения формируют свое видение религиозной образовательной деятельности. Но, мы считаем, что основные общие цели, задачи, принципы религиозного образования на уровне вузов должны быть обозначены и обозначены в соответствии требованиям современной науки и образования.

С 2014 года в Башкирском государственном университете, реализуется образовательная деятельность по направлению подготовки «Теология» (Исламская теология). Открытие направления подготовки «Теология» в БашГУ связано с целью организации теологической образовательной деятельности и формирования научной и учебно-методической базы исламского теологического образования в регионе на всех уровнях государственного высшего образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура. Развивающаяся кон-

цепция религиозного образования в БашГУ направлена на освещение и утверждение гуманистических ценностей религии ислам с научной точки зрения и требует компетентного подхода их осмысления.

Здесь актуальной становится интеграция светского и религиозного образования. Для нас в данном случае значимо понимание рациональности союза науки и религии. Главные принципы науки – систематичность, доказательность, критичность, проверяемость могут быть применены и при преподавании религиозных дисциплин. Религиозные знания, подкрепленные научными методами, будут более обоснованными и предотвратят развитие лжерелигиозных знаний.

Применение научных методов позволит сформировать творческое мышление: критическое отношение к сложившимся стереотипам знания, методологическую и логическую культуру, практическую способность к диалогу. В основе это касается выработки новых методов и методологии преподавания исламских наук, построенных на осмыслении религиозных знаний в соответствии с современными научными подходами.

Смысл религиозных знаний состоит в том, чтобы помочь человеку сориентироваться в мире многообразных жизненных и культурных ценностей и обратиться к гуманным, витальным ценностям. Но цель религиозного (конфессионального) образования не должна сводиться к ограничению представлений об окружающем мире. Она должна состоять в формировании у человека миропонимания, основанного на целостной картине мира, на ценностно-значимых ориентирах, формирующих самого человека. Для достижения этой цели необходимо применять исследовательский подход, раскрывающий сущность самой религии и целостного видения взаимоотношений человека с божественной сущностью и всем миром. Религиозное образование должно научить человека быть готовым к широкому восприятию и пониманию мира, направленному на удовлетворение потребности человека в поиске смысла жизни, на удовлетворение нравственных и гуманных потребностей человека.

В образовательном процессе необходимо акцентировать внимание на аксиологию религии, на выявление гуманистических ценностей религии с ее ориентацией на веротерпимость, уважение права выбора каждого человека, на утверждение высоконравственных идей ислама. В Священном писании мусульман говорится: «Нет принуждения в религии» [1]. В Коране говорится: «И скажи: «Истина – от вашего Господа: кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть не верует»[2].

Целью теологического образования в вузе является не учение верить или не верить. Вуз осуществляет образовательную деятельность. Вера является личным делом каждого человека. Целью образовательной деятельности по направлению подготовки «Теология» является дать студентам знания, которые потребуются им для деятельности в различных сферах. Они должны быть готовы решать профессиональные задачи в сфере научно-исследовательской, учебно-воспитательной и просветительской, социально-практической, экспертно-консультативной, представительско-посреднической, организационно-управленческой деятельности.

Задачами теологического образования в вузе являются:

- дать объяснение религии с точки зрения теологической системы самой религии;
- выработать у обучающихся творческий подход к изучению религии; способность анализировать;
- выявить проблемы отношения Бога и человека;
- проанализировать соотношения различных теологических учений и др.

При этом должны соблюдаться основные принципы преподавания.

Первый принцип – это принцип гуманизма. Здесь все стороны образовательного процесса организуются приоритетно и сообразно гуманистическим ценностям (человечность, духовность, гармония, творчество) и создаются условия для становления и развития гуманного человека [3].

Следующий принцип – принцип индивидуальности. Он связан с предыдущим и предусматривает особый подход к личности обучающегося. Студент самостоятельно с учетом своих взглядов формирует представление о религии. Особенно при обращении к первоисточникам, которое предоставляет возможность делать это непосредственно.

Третий принцип – принцип целостности. Согласно данному принципу изучение религии должно включать в себя все составляющие теологического знания с учетом междисциплинарных связей. Данный принцип предполагает также знание мировых религий и включенность определенной конфессии в систему мировых религий.

Совокупность исламских знаний нуждается в систематизации и выявлении закономерностей через призму сложившихся современных наук. Поэтому, теологическая система образования должна быть направлена на формирование системного характера религиозного знания, с учетом его методологических особенностей. Исламское учение должно быть представлено и проанализировано через призму утвердившихся, общепризнанных научных подходов и принципов.

Новая социокультурная и религиозная ситуация, требует учета религиозного фактора в общественном развитии и деятельности государственных органов в направлении достижения конфессионального мира и согласия. Научный мир и государственные образовательные учреждения не могут оставаться в стороне от проблем, решение которых обеспечит государственные интересы. В целях поддержания и развития, в частности, традиционного ислама необходимо образовательным учреждениям вести образовательную и просветительскую деятельность в данном направлении.

#### **Список литературы:**

1. Коран 2:256(257)
2. Коран 18:28 (29)
3. См.: Манифест гуманной педагогики. – Донецк: изд-во» Ноулидж». 2011. - С. 143.

## ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

**Алибекова С.Я.**  
Россия, Махачкала  
ДГУ; РЦЭИ ДНЦ РАН  
E-mail: Alibekova@mail.ru

**Аннотация:** В современных условиях у молодежи в какой-то мере деформировались нормы поведения, которые зачастую не только не согласуются, но и противоречат традициям. Поэтому проблема воспитания молодежи сегодня является острой необходимостью. Особенно актуальным представляется изучение молодежи, как группы с наиболее подвижными идентичностями.

**Ключевые слова:** молодежь, ценности, трансформация, модернизация, толерантность, культура.

Современное общество характеризуется множественностью ценностных ориентиров и образцов социального поведения, что затрудняет выбор человека вообще и ставит молодежь в частности в очень уязвимое положение. Таким образом, не только расширяется область выбора, но и повышаются требования к уровню развития (интеллектуальному, моральному, физическому и т.д.) выбирающего молодого человека. Иными словами, неразвитость личности может привести к повышенной внушаемости человека и создает тем самым предпосылки для использования его в чужих интересах и ущемления его собственных прав. В то же время молодежь наделена потенциальной силой проводить социальные изменения, так как молодой человек наименее подчинен привычкам социального поведения и в состоянии рационально и критично подойти к существующим социальным ситуациям и образцам поведения в них. В связи с этим необходимо обеспечить самостоятельность молодежи, чтобы избежать возможности использования ее потенциала в целях односторонней реализации интересов отдельных лиц или групп. Молодые люди не только усваивают образы, транслируемые школой, семьей, друзьями, а также сложившиеся на основе собственного опыта, но и пропускают их через индивидуальные «фильтры интерпретации», размещая затем в своих «картинах мира» [1, с. 115].

Существенную роль в жизни общества продолжают играть нарастающие диспропорции между элитой и широкими народными массами. В широких народных массах традиционные национально-этнические ценности обычно тесно связаны и гармонично уравновешены с религиозными ценностями, однако разные элиты общества всегда склоняли чашу весов в ту сторону, которая могла бы больше отвечать их интересам на разных этапах истории, пытаясь манипулировать социальными силами в свою пользу. В связи с этим, можно говорить о двух видах общественной безопасности – негативной безопасности общества, подчиненной интересам определенных элит, и позитивной безопасности, обеспечивающей гармоничное сочетание интересов всего общества. Проблематика негативной и позитивной без-

опасности только начинает прокладывать свой путь в современных политологических исследованиях. Одним из первых к ней обратился Г. Хугенсен [2, р. 835–859].

Модернизация российского государства происходит в разрыве с уровнем развития гражданского общества. Факторы массовой безработицы, высокого уровня отчуждения молодежи от участия в событиях политической, экономической и культурной жизни общества не являются показателями демократической модернизации российского общества, а противоречиво указывают на острый разрыв власти и народа. Как следствие этого происходит криминализация молодежной среды, отсутствие политической культуры. Определенная идеологическая деятельность СМИ способствуют формированию негативных этнических стереотипов, предубежденности, что, зачастую, приводит к распространению вербальной агрессивности, жестокости, насилия по отношению к тем или иным этническим группам.

В многонациональном обществе теоретическое и практическое решение проблемы культурной и духовной консолидации этносов, подготовку личности к жизни можно считать одной из главных функций системы образования. Образование призвано формировать ментальную совместимость и духовную интеграцию людей, человеческих сообществ и социумов. Образование подрастающих поколений, обеспечивает механизм трансляции этнического наследия новым поколениям.

В современных условиях у молодежи в какой-то мере деформировались нормы поведения, которые зачастую не только не согласуются, но и противоречат традициям, зафиксированным в обычном праве горцев. Поэтому проблема воспитания молодежи сегодня является острой необходимостью. Особенно актуальным представляется изучение молодежи, как группы с наиболее подвижными идентичностями по двум направлениям: изучение экстремистских проявлений интолерантности как девиантных практик и выделение уровня толерантности к определенным группам. Последние десятилетия ознаменованы мощными этническими конфликтами, подогреваемыми ростом геополитических амбиций, подъемом националистических ксенофобных настроений. Это связано как с глобальными и внутрироссийскими процессами. Без сомнения, настроение молодежи отражает общую ситуацию, сложившуюся в последние годы.

Наступление периода «перестройки» внесло ощутимые изменения в восприятии молодежного потребления и духовной сферы. С постсоветского периода часто отмечаются ксенофобные проявления националистического характера в отношении выходцев из Кавказа. В наиболее концентрированном виде эта модель получила свое развитие в интолерантном отношении к мигрантам – гастарбайтерам, которые, по словам молодых, занимают рабочие места коренного населения, либо также являются участниками различных криминальных группировок.

Многовековые традиции и обычаи Кавказа, определяющие нормы личной и общественной жизни и основанные на общечеловеческих нравственных качествах, как честность, доброта, трудолюбие, милосердие, почтенное отношение к старшим, любовь к своей Родине, передавались из поколения в

поколение. Особое внимание уделялось на воспитании молодежи в духе интернационализма. «Ведь уважая свои собственные традиции, - писал Р. М. Магомедов, - мы научим чтить чужие, что не менее важно в нашем многонациональном государстве» [3, с. 3]. Ярким примером служат традиции качества и масла кавказских народов. Эти же качества прививались гражданам нашей страны в советский период, в которых рассматриваются вопросы патриотического, интернационального, нравственного, трудового, правового воспитания.

В последнее время подростки и молодежь проводят свое свободное время за игровыми автоматами и компьютерами, виртуально общаясь в социальных сетях. Картина мира индивида строится за счет двух источников: межличностного общения и пространства массовой коммуникации, в которое он включен с раннего возраста. СМК становятся одним из значимых источников ценностей, норм и моделей поведения. В том числе из пространства массовой коммуникации человек узнает об объектах потребления. «Модное», «стильное», «современное» - эти категории продвигаются в массы во многом с помощью средств массовой информации. Образы известных людей, особенности их внешнего вида, пристрастия – становятся значимым примером для индивидов и в дальнейшем, полностью или частично, воспроизводятся им в потребительских практиках. Практически нет общения со старшим поколением, особенно в городах. Уровень общения примитивный. Они практически не участвуют в делах семьи и в домашней работе. Поэтому у родителей, когда дети достигают так называемого «трудного» возраста, возникают проблемы, так как они в свое время не сделали главного – не приобщили детей к труду. Как гласит народная пословица «Что в детстве воспитаешь, то в старости обретешь».

Воспитательным потенциалом обладают, в первую очередь, семья, а затем воспитатели детских учреждений, учителя, преподаватели, а также наставники-профессионалы и здесь самое важное желать и уметь его реализовать. Процесс социализации кропотливый и длится почти всю жизнь, главное определить и направить на правильный путь. Особую значимость имеет потенциал нравственных ценностей этнических культур Кавказа для стратегического выживания данного региона и выхода из духовного кризиса, мира и согласия в обществе.

Духовно-нравственная жизнь общества всегда тесно связана с разными формами национально-этнической культуры. Этническая культура разных народов как наиболее глубинный пласт и одна из первичных форм проявления социально-исторического процесса, представляет собой саморегулируемый способ социальной адаптации и естественно-исторический механизм самосохранения общества. В гуманитарных науках возник даже термин «этнокультурная безопасность», выражающий «состояние устойчивого функционирования и воспроизводства культур всех национальных групп, составляющих население РФ, которому присуще: повышение уровня их адаптивности к социальным изменениям; возможность участия в свободном взаимообмене культурными ценностями; сохранение их членами своей этнической идентичности» [4, с. 109].

Перед социальными и светскими идеалами гражданского общества все национально-этнические и религиозно-конфессиональные различия уходят на второй план. Позитивные формы национальной и религиозной культуры не представляют особых угроз общественной безопасности. Но, негатив национально-этнической идеологии, сконцентрированный в национализме, ничем не лучше и не хуже негатива религиозной идеологии, оформленной в виде фанатизма, несовместимых с идеалами гражданского сосуществования. Гражданская общность людей интегрируется в государстве независимо от религиозных или национальных различий. Поэтому, устранение таких разделительных линий в обществе служит на благо сплочения и солидарности всех граждан, имеющих равные права и обязанности перед законом.

Поскольку мы живем в эпоху глобализации процессов, можно ожидать наступления эры интегрированной культуры. Однако, чтобы в нашем сложном мире оставаться самим собой, культурные различия нужно воспринимать как данное и пытаться освоиться в “чужой” культуре, не теряя своей собственной. Подлинная культура межнационального общения, взаимодействия и сотрудничества народов может возникнуть только на основе раскрытия духовно-нравственного потенциала каждой нации, обмена опытом социального и культурного творчества, на основе реализации идеалов свободы, справедливости и равенства. И именно образование призвано обеспечить сочетание интернационального и национального воспитания подрастающего поколения. Модель современного образования не может быть создана без учета региональных особенностей, без опоры на историческую память народов, на национальный опыт обучения и семейного воспитания. Внедрение инновационных технологий в поликультурные образовательные учреждения с полиэтничным составом учащихся обеспечит каждой личности возможность самоидентифицироваться как представителю той или иной национальной культуры; создаст условия для равноправного диалога с этнокультурным окружением; вовлечет студентов в глобальные процессы современности по усвоению национальных и общечеловеческих ценностей, основанных на принципах равенства и значимости культур.

Особая роль в этом процессе принадлежит системе образования. Система образования призвана скорректировать негативные проявления разного рода, создать условия для формирования и распространения тех ценностных ориентиров, которые предпочтительны как для личности, так и для общества. В условиях полиэтничного региона одной из задач системы образования, является целенаправленное формирование норм и эталонов, отражающих специфику социально - исторического опыта жизни народов, проживающих в крае, привитие навыков межнационального общения, формирование умения преодолевать конфликтные ситуации, развитие интереса к историко-культурному наследию народов. В целом, именно в образовательной среде должна формироваться и распространяться межнациональная политика, закладываться общая система ценностей и установок, обеспечивающая единство многонационального российского общества. Это бы во многом облегчило взаимное приспособление народов России друг к другу и стало реальной альтернативой попыткам обретения суверенитета на нацио-



нальной основе. Сегодняшнее студенчество как будущая интеллектуальная элита страны может стать активным проводником идеи мультикультурности, гарантируя тем самым стабильное развитие общества. Освоение, понимание и принятие иной национальной культуры - важное требование нашего времени. И на первый план выходит проблема толерантности в межкультурных отношениях. Толерантность должна стать культурной нормой поведения в обществе. Поликультурное образование основывается на принципах плюрализма, недопустимости авторитарности в научных суждениях, в его рамках осуществляется демократизация образовательного процесса, культивируется толерантность как нравственный идеал и норма поведения.

Воспитанию толерантности может способствовать внедрение в образование элементов поликультурности. Главным в решении этой проблемы можно считать, прежде всего:

- \*приобщение детей к глубокому познанию своего родного языка, истории, литературы;

- \*всестороннее овладение молодежью культуры своего собственного народа, как неперемное условие интеграции в иные культуры;

- \*обучение правам человека и миролюбию;

- \*формирование представлений о многообразии культур в России и мире;

- \*воспитание в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения;

- \*образование, в основе которого стоят личность, общечеловеческие и национальные ценности, диалог и сотрудничество;

- \* формирование чувства патриотизма, искренней преданности и любви к своему народу и Родине;

- \*развитие положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества;

- \*создание условий для интеграции в культуры других народов.

На основе инвариантных общечеловеческих ценностей должны быть сформированы и поддержаны национальные и межнациональные ценности, базовая культура личности, ее соответствие реалиям меняющегося мира.

### **Список литературы:**

1. Глядя на Запад. Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004. С. 154.

2. Hoogensen G. Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach // Review of International Studies. 2012. Vol. 38, iss. 4. P. 835–859.

3. Магомедов Р.М. Обычай и традиции народов Дагестана. Махачкала, 1992. С. 3.

4. Перепёлкин Л., Стельмах В. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Общественные науки и современность. М., 2003 г., № 3, С. 109.

# АНАЛИЗ РЕАЛИТИ-ШОУ КАК ВИРТУАЛЬНОЙ ГЕТЕРОТОПИИ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ Х/Ф «ШОУ ТРУМАНА»)

Алиев Р.Т.

Россия, г. Астрахань

Астраханский государственный университет

E-mail: rastaliev@gmail.com

**Аннотация.** Статья посвящена анализу такого явления современной массовой культуры как реалити-шоу. В ней данный феномен рассматривается через призму гетеротопии в контексте культурной безопасности. Определяя реалити-шоу как виртуальную гетеротопию и вычлняя её симуляционные паттерны на примере х/ф «Шоу Трумана», автор приходит к выводу о природе непристойных и насильственных актов, направленных на разрушение симулякра и возвращение в Реальное.

**Ключевые слова:** культурная безопасность, гетеротопия, реалити-шоу, симулякр, гиперреальность, реальное, виртуальное, Бодрийяр, Жижек, свобода, насилие.

Интенсивное развитие массовой культуры в XX в. было обусловлено широким распространением средств массовой коммуникации и информации: печати, радио, телевидения и т.д. «Переориентация с вербальной сущности мира на аудиовизуальную возводит на центральное место электронные виды информации, а именно телевидение и Интернет» [10, с. 82]. Последние и породили такой феномен массовой культуры как реалити-шоу, родственной документальному кино, но акценты в котором смещены, как правило, в сторону драмы, личных конфликтов и развлечений [1]. Отличительная медиакультурная особенность данного явления состоит в том, что «привычные границы между реальностью и иллюзией начисто стираются, оставляя стойкий эффект размытой действительности, в которой зрителю все сложнее становится отделять реальную жизнь от вымышленных событий» [10, с. 83]. Иными словами зритель становится важным участником реалити-шоу, укрепляя сам феномен. Например, создатели в попытках поднять рейтинги и привлечь внимание зрителей к телеэкранам часто вводят интерактивное взаимодействие последних с главными героями, в конечном счёте, выводя реалити-шоу в обыденную повседневность и делая телезрителей такими же участниками шоу. Граница между мифологическим электронным пространством и реальностью стирается, тем самым театрализуя повседневность.

Нельзя сказать, что реалити-шоу гомогенны, по своей сути. В погоне за рейтингами их создатели придумывают новые и новые драмы, вводят новые элементы, героев, актёров, испытания. Таким образом, в реалити-шоу любое событие крайне «быстро обрастает повседневной банальностью или, наоборот, страданиями безумия» [5, с. 326].

В нашем современном постмодернистском обществе среди режиссёров кино стали актуальны идеи и взгляды французского философа и мыслителя Ж. Бодрийера, который уделил своё внимание теории гиперреальности, основанной на симуляции [11, с. 94], и вводит такое понятие как «симулякр». Этот термин означает, по словам философа, «копию, оригинал которой безвозвратно утерян» [4, с. 4]. Другими словами, симулякр представляет собой семиотический знак, не имеющий обозначаемого объекта в реальности. И анализ многих телевизионных реалити-шоу показывает, что последние как раз и выступают в качестве симуляции реальной жизни, становясь транслятором гиперреальности, когда реальность утрачивает черты реального. Пример подобного явления отлично отражён в первой серии телесериала «Чёрное зеркало» (О. Батерст, 2011), в сюжете которого лежит история о том, как неизвестные похищают всеми любимую британскую принцессу и выдвигают сумасбродное условие. Они хотят, чтобы по телеканалам всего мира в прямом эфире транслировали акт сношения премьер-министра со свиньёй. В конечном итоге, британское правительство соглашается на условия похитителей, а те, в свою очередь, отпускают принцессу за полчаса до шоу. Очень символичной кажется сцена, когда все жители Лондона прильнули к телеэкранам, чтобы лицезреть мерзкое соитие высокопоставленного политика с животным, и никто не замечает одиноко идущую по улицам принцессу, которой нужна была помощь. Здесь реальность искажается, теряет черты реального и перемещается на экраны телевизоров. Людей захватывает не сам акт похищения всеми любимой принцессы, а то, что творится в прямом эфире, они готовы забыть обо всём, лишь бы стать участниками такого грандиозного события века. А реальность оказывается пустыней [6], по которой бредёт уставшая принцесса.

Мотив искажения реальности, симуляции жизни за счёт помещения человека в виртуальное пространство, прекрасно передаёт фильм «Шоу Трумана» (П. Уир, 1998), в сюжете которого лежит идея беспрецедентного реалити-шоу. Главный герой, Труман Бёрбанк – житель небольшого городка в США, идеального по меркам американской мечты. У него есть работа страхового агента, свой дом, машина. Он живёт своей размеренной жизнью день за днём от самого рождения и не подозревает о том, что каждый его шаг, каждый миг его жизни наблюдают миллионы людей по всей планете. Труман Бёрбанк – герой реалити-шоу, названного в его честь.

Выше мы отметили беспрецедентность идеи такого реалити-шоу, так как в реальности подобного никогда не существовало. По сути своей, в структурном аспекте такая передача будет отличаться от классического реалити-шоу, в котором герои, помещённые в виртуальную гетеротопию, неспособны не замечать камер, и вынуждены мириться с третьим элементом своего пространства, телезрителями. Но со временем структура зритель-телешоу-герои приобретает несколько иной вид: последние, став частью гиперреальности, начинают вести себя как в реальности, их поступки мотивируются тем, чем бы мотивировались в жизни. Создаётся эффект реальности телешоу. Тогда как «Шоу Трумана» лишено подобной инверсии изначально. Главный герой не знает, что является объектом миллиона присталь-

ных взглядов, наблюдающих его жизнь от самого рождения. Для него пространство, в котором он живёт, гомогенно изначально. Кажется, что Труман живёт в гомотопии: в его жизни нет Другого, нет чего-то из ряда вон выходящего, а его попытки уехать в путешествие пресекаются работниками канала под различными подстроеными предложениями. Проводя анализ данного художественного фильма, социолог С.Г. Ушкин приходит к выводу, что в фильме «мы наблюдаем уже не только построение вокруг героя своеобразной гиперреальности, но и аспекты общества потребления и даже то, что так яростно критикует Бодрийяр, – нигилизм и инертность постмодернистского общества... / ...Образы реального в фильме образуют структуры гиперреальности. Лишь в конце фильма герой окончательно понимает, что все существующее для него ранее было неподлинным. Актерская игра подставных людей из его окружения соответствует моделям развития событий и принимает форму специфических знаков, образующих интегрированную систему межличностных отношений» [11, с. 96]. Но стоит ли в данном случае сочувствовать главному герою? Он, в конечном итоге, соприкасается с реальностью, понимая, что вокруг него – шоу, а он главный его герой. И, как только у Трумана возникают первые сомнения по отношению к происходящему вокруг (реальность вторгается в его пространство, начиная со сцены, когда с «неба» падает осветительный прибор, и подкрепляется сначала появлением отца главного героя, а потом признанием Сильвии, объекта любви Трумана, в том, что всё вокруг – шоу), он начинает вести себя подозрительно, а потом и вовсе впадает в безумие, пытаясь выбраться за город. В конце фильма Труман обретает свою «свободу», но какой ценой?

С психоаналитической точки зрения, возвращению реального предшествует акт насилия, которым и является «свобода». «Свобода – это не блаженное состояние гармонии и равновесия, а предельно насильственный акт, который нарушает это равновесие» [7, с. 442]. И Джим Керри прекрасно показал психологические страдания своего персонажа. На первый взгляд, именно этот акт насилия и превращает гомотопию в гетеротопию, подобно древнему жертвоприношению во имя какого-либо божества ради изменения существующего порядка вещей. Но мы забываем о другом важном персонаже фильма, который изначально находится в этом приграничном гетерогенном состоянии – это зритель реалити-шоу. Он постоянно включён в данное пространство и является его неотъемлемой частью. Искусство, по мнению Ж. Бодрийяра, должно нести в себе критическую и терапевтическую функции, суть которых заключается в возвращении реальности [3]. И если искусство как семиотическая система имеет обозначаемый объект, тем самым возвращая реальность, то симулякр как знак, лишённый обозначаемого, не способен сделать это, переводя субъект обратно в нереальное, гетеротопию, созданную им. Образуется определённая цикличность: субъект, в конечном итоге, сам становится объектом нереального, подобно современному человеку, превратившегося в продукт массовой культуры [9, с. 4]. Разорвать порочный круг приграничного гетерогенного состояния может только акт насилия – уничтожения системы или выход за её грань.

В данном контексте логичным кажется вопрос: а кто является источником этого насилия в фильме? И если на первый взгляд, как мы описали выше, это сам Труман, то с другой стороны – это зритель реалити-шоу. Именно здесь и происходит мифологизация фильма П. Уира, направленная на сокрытие существующей идеологии [2, с. 18]. Истинными заложниками гетеротопии реалити-шоу являются как раз именно те, кто смотрят данное шоу, а не Труман в истинной своей сущности. Это насилие необходимо им для возвращения реального, а сам акт метафорически аналогичен действиям героев фильмов Д. Линча «Синий бархат» (1996) и «Психо» А. Хочкока (1960). В них главные герои находятся в ситуации подглядывания или за объектом своего сексуального влечения («Психо»), или за сексуальным актом («Синий бархат»). Не является ли это аналогом телезрителя, который следит за жизнью других людей в реалити-шоу? В каком-то смысле, да! И подобно Норману из «Психо», убивающий объект своего вождения лишь для того, чтобы выбраться из нестабильного пространства нереального (сексуальной страсти к девушке), зрители, пытаясь вырваться из гетерогенной гиперреальности телевизионного шоу, организывают движение в поддержку свободы Трумана. Весьма символично, что в данном случае это движение организывает Сильвия, объектом любви которой и является Труман. Но только эта акция направлена не на Трумана, а на них самих, не способных по-другому выйти из своего приграничного состояния. Конечно, демонстрации у телестудии – это не революционное движение (П. Уир не стал бы показывать подобное в своём фильме), но близкое к нему. Так что, следуя логике С. Жижека, «если акты революционного насилия должны быть "деяниями любви" в самом строгом кьеркегоровском смысле, то вовсе не потому, что революционное насилие "в реальности" стремится к установлению свободной от насилия гармонии; ровно наоборот, по-настоящему революционное освобождение оказывается связано с насилием гораздо более непосредственно – именно насилие как таковое (насильственный жест отказа, установление различий, прочерчивание разделительных линий) освобождает» [8, с. 146], то единственным носителем подлинной любви является Сильвия, которая противопоставляется Труману, и воплощает в себе образ этого самого телезрителя реалити-шоу.

Таким образом, проанализировав реалити-шоу на примере х/ф «Шоу Трумана», мы приходим к выводу, что подобные телевизионные передачи создают особое пограничное состояние, вводят как героев этих шоу, так и зрителей в особую гетеротопию. Гиперреальность подобных пространств не создают символического обмена за счёт отсутствия у симулякра обозначаемого, что не даёт возможности для возвращения реального. В конечном счёте, пребывание в такой гетеротопии «быстро обрастает повседневной банальностью или, наоборот, страданиями безумия» [5, с. 326], что выливается в насильственный акт по отношению либо к объекту, либо к самому субъекту, как символическое стремление к избавлению от симулякра и возвращению к реальному.

***Статья выполнена при поддержке РФФИ 15-33-11172 а(ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»***

### Список литературы:

1. «Docu-soup». Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/docusoap> (дата обращения: 31.08.2017)
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Рипол Классик, 1994.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2015.
4. Грицанов А. А. Жан Бодрийяр. Минск: Книжн. дом, 2008.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998.
6. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Пер. с англ. А. Смирного. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
7. Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе / предисл. А. Павлова; пер. с англ. Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 442.
8. Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М.: Издательство «Европа», 2014.
9. Кириллова Н.Б. От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. №4. С. 1-15.
10. Савенко А.А. Реалити-шоу в контексте позитивных и негативных тенденций функционирования массовой культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 10. С. 82-86.
11. Ушкин С.Г. Симулякры и симуляция в зеркале современной киноиндустрии // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 3. С. 94-100.

## ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНОСТИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА ОТ ОПАСНЫХ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Алиханова З-Б.Т., Пашнина З.Д.

Россия, г. Махачкала

Дагестанский государственный университет

E-mail: sasa7\_76@mail.ru

E-mail: zalina\_dgu@mail.ru

**Аннотация.** Целью данной статьи является выявление важности возрождения духовности у подрастающего поколения для защиты их от опасных реалий современного мира, через взаимодействие семьи, образовательных учреждений и институтов социализации.

**Ключевые слова:** духовность, бездуховность, семья, человек, образование, воспитание, интернет.

*Человек есть мера всех вещей*

*Протагор*

Когда-то в древности сказанное Протагором изречение стало решающим в истории философской мысли, появились такие понятия как антропоцентризм, гуманизм, толерантность, эмпатия рассматривающие человека как высшую ценность на Земле.

В современности человек и духовные ценности сдвинуты на второй план, ведущими стали материальные ценности. В результате этих трансформаций в человеке постепенно преобладает бездуховность и будущее человека находится под вопросом. Поэтому проблему бездуховности необходимо решать сейчас привлекая мировое сообщество и возрождая духовность человека.

Проблему духовности в истории человечества рассматривали различные авторы как отечественной так и зарубежной литературы, о ней слагали стихи, поэмы, пели песни, проникшись ее светом многие совершали поступки запечатлевшие их в обществе как героев.

Духовность имеет различные формы, виды и интерпретации, ее разделяют на светскую и религиозную, она трансформировалась в истории человечества так же как и само человечество, но не смотря на эти трансформации можно с уверенностью сказать, что духовность является неотделимой частью человека.

А.А. Аникеев выводит три понимания «духовности»: «духовность как система знаний о науке .... в жизни человека, духовность как традиции, обряды в религии и «духовность» как образование, воспитание полученные от религиозных учебных заведений»[3]. И в итоге приходит к выводу о воспитании молодежи религиозном русле, для возрождения духовной культуры нашей молодежи на примерах таких подвижников как А. Невский, А. Рублев, С. Саровский, С. Радонежский. Воспитание на наш взгляд не должно дифференцироваться на религиозное или светское, оно должно быть направлено на решение проблемы современного общества – проблему возрождения духовного начала в обществе. А спутниками в процессе возрождения должны быть культура поведения и образования в обществе.

В исследовании Л. Степаненко «Философия и история образования» подчеркивается, что философское понятие «духовность» включает в себя прежде всего устремленность к возвышенному, идеалам, высшим ценностям, нравственным императивам. В известном нам стихотворении Владимира Маяковского сын спрашивает у отца о правильности поведения, ценностном преобладании в обществе и на основе данных примеров делает вывод о том чему стоит следовать, а чего нужно избегать. В данной ситуации с воспитанием детей происходит преемственность поколений, которая не приемлема в современном обществе. Воспитанием подрастающего поколения в современном обществе оснащенном научно-техническим прогрессом не улавливается ни кем, родители занятые добыванием материальных благ и занимаются воспитанием своих детей в последнюю очередь. По данным исследования на предмет интернет зависимости и преобладания средств массовой коммуникации (интернета) у учащихся 8-10 классов по методике К.Янг и авторской анкеты дали следующие результаты:

✓ 60% учащихся используют социальные сети Интернет как средство коммуникации и 30% телевидение как получения информации.

✓ 60% учащихся указало информацию о жизни сверстников, знаменитостях и т.д. О новостной информации написали 25%.

✓ 70% учащихся считает, что полученная в сети Интернет информация положительно влияет на них и лишь небольшая часть учащихся (15%) заметили отрицательное влияние.

✓ 5% учащимися имеют проблемы с чрезмерным общением в сети.

Что такое хорошо и что такое плохо детям объясняет Интернет в котором они проводят большую часть своего времени и в котором ищут ответы на свои вопросы. Пагубность такого поиска состоит в том, что Интернет не дозирует поток информации, что влияет на ценностные установки; долгое нахождение в сети приводит к интернет-зависимости; подростку трудно адаптироваться в обществе и наступает социальная изоляция; интернет зависимость ведет к снижению успеваемости в школе; конфликтам в виртуальной и реальной жизни; знакомству с опасными людьми-вербовщиками вовлекающими подростка в различные деструктивные группировки, что чревато для безопасности подростка в результате бесчеловечности по отношению друг к другу у людей.

М.Г.Курбанов о такой бесчеловечности пишет следующее: «бесчеловечное воздействие одного человека на другого ставит последнего перед необходимостью выбора ответной модели поведения, которая может быть как человеческой, так и античеловечной. В сложных ситуациях насилия (с изощренными формами бесчеловечно манипулирования) выбор ответной модели поведения может навязываться человеку таким образом, что возможность индивидуальной заботы о близких ставится в зависимость от выполнения античеловечных действий с далеко идущими последствиями для более широкого социального окружения» [2, с.110]. Выходом из проблемы является опять таки возрождение духовности в семье, в которой родители будут являться первичными агентами социализации и ограждать своих детей от вмешательства извне, но для этого необходимым является поддержка со стороны государства и достойная оплата труда, позволяющая малой ячейке общества не думать о способах заработка для обеспечения семьи необходимым, а мыслить на темы создания внутреннего мира наполненного духовностью, о которой размышляет И.М. Ильичева. В ее в работе мы находим духовность как «постоянный возврат человека к человеческому в себе» и как способность создавать внутренний мир, мир индивидуальных смыслов [4, с.98]. Опираясь на индивидуальные смыслы, личность получает возможность преодолевать жестокость жизненных ситуаций, проблем. Именно в этот период появляется готовность подняться из состояния повседневности в сферу достойного, истинно человеческого.

О человеке, его проявлении духовности в отношении к другому - себе подобному, пишут П. Зинченко и Е.Б. Моргунов. Не давая четкого определения духовности, авторы пишут, что "формированию человеческих отношений к миру... предшествует возвращение человеческого отношения к человеку, в чем и заключается подлинная духовность" [1, с.292].

Для формирования этой подлинной духовности необходимо воздействие со стороны близкого окружения в роли которого должна выступать семья. Важнейшим условием здоровой полноценной семьи и духовного развития детей имеет родительская любовь, вера и дружеские отношения



между членами этой семьи. Дети словно губка впитывают знания, перенимают движения, интонации родителя, всячески подражают своему «кумиру», поэтому необходимо рационально, взвешивая каждое действие, слово подходить к проблеме воспитания, показывая достойный пример в словах, поступках и действиях. Лев Толстой говорил: «Дети нравственнее, гораздо проникательнее взрослых, и они, часто не выказывая и даже не сознавая этого, видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков - лицемерие родителей, и теряют к ним всякое уважение» [5, с.192].

Воспитывая детей в атмосфере душевного тепла, любви и взаимопонимания, прививая им нравственные ценности, уважительное отношение к взрослым, семья тем самым выполнит свою основную задачу перед обществом и оградит от опасного воздействия окружающей среды.

Возрождение духовности в современном человеке будет способствовать его безопасности в современном мире, стремлению самосовершенствоваться, человеколюбию и толерантному отношению к другому человеку не зависимо от его конфессиональной и национальной принадлежности.

#### **Список литературы:**

1. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. М., 1994. 512 с.
2. Курбанов М.Г. К многомерности человека. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). С.110.
3. О понятии духовности и духовной культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://otc-pavel.ortox.ru> (дата обращения 10.10.2017)
4. Степаненко Л. М. Философская история образования. М., 2000. 272 с.
5. Толстой Л.Н., Скрижали мысли, М.: Мартин, 2005. 384 с.

## **ФАКТОРЫ РИСКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**

**Аминов И.Р.**

*Россия, г. Уфа*

*Башкирский государственный университет*

*E-mail: Aminov76@mail.ru*

**Аннотация:** В основе любого регионального конфликта лежат факторы, обусловленные материальными экономическими, политическими, социальными причинами неравномерного распределения доли общественных благ между социальными группами региона. В тоже время для возникновения конфликта решающую роль играют факторы, которые могут быть использованы как региональной элитой, так и внешними силами для дестабилизации регионального пространства.

**Ключевые слова:** регион, риск, федерализм, конфликт, консенсус, этнос, конфессия.

Актуальность статьи обусловлена возросшим значением стабильности конфликтно-консенсусной ситуации внутри регионов обуславливающей стабильное развитие государства. С ростом элементов информационного общества, усилением динамики коммуникационных связей растёт и значение факторов риска развития деструктивных процессов.

В риске внутри региональных конфликтов, как и в любом риске, по мнению Ульриха Бека, нашла «выражение существенная компонента будущего. Она основывается частично на продлении обозримых в настоящее время вредных воздействий в будущее, частично на всеобщей утрате доверия или на предполагаемом «возрастании риска» [1, С. 22]. Незначительные события сегодня могут завтра стать серьёзной проблемой. На риск дестабилизации воздействует одновременно несколько факторов, которые условно можно разделить на материальные и надматериальные, связанные с ценностями сообществ.

Мы считаем, что в основе любого регионального конфликта лежат объективные социально-экономические причины.

1. Экономический фактор. В любой стране развитие регионов происходит неравномерно. Есть регионы со сложившимися производственными комплексами или развитым сельским хозяйством, благоприятными для развития туризма природными условиями. Есть регионы, охваченные депрессией по причине отсутствия природных ресурсов, реструктуризации экономики страны или изменения климата. Если регион имеет меньшее, по сравнению с другими регионами страны экономическое развитие. Если имеет место рост уровня безработицы, прежде всего, среди специалистов высокой квалификации, отсутствие перспектив для материального и морального развития жителей региона, то в совокупности эти объективные факторы могут привести к тому, что региональное сообщество ощущает себя «несправедливо обделенным» по отношению к национальному центру или соседним регионам.

К экономической группе факторов риска дестабилизации относятся и межрегиональная конкуренция. Неравномерность развития регионов, лучшие стандарты жизни, более высокий уровень оплаты труда, лучшие климатические условия или большая инвестиционная привлекательность приводит к миграции населения в более развитые регионы, что ещё более увеличивает неравномерность развития. Надо принимать во внимание, что в первую очередь уезжает наиболее образованные и активные жители, которые могли бы принести данному региону наибольшую пользу. При невнимании к данным процессам может резко снизиться уровень компетентности жителей, что ещё более усилит депрессивные тенденции в данном регионе.

2. Социальный фактор. Зачастую фактор ухудшения социальной среды связан с экономическим развитием. Но в некоторых случаях мы наблюдаем ухудшения положения отдельных социальных групп и на фоне общего экономического роста. В информационном обществе это группа индустриальных рабочих предприятий с устаревшей номенклатурой товаров или устаревшей технологией, не выдержавших конкуренцию со стороны глобальных корпораций. Даже при условии дотаций от национального, наднацио-

нального или глобального центра напряжение в регионе будет сохраняться. Сепарационные настроения могут быть и в наиболее успешном, с экономической точки зрения регионе. Некоторые сообщества Квебека, Каталонии считают, что «кормят неудачников». Стоит также напомнить, что в конце 80-х годов такие настроения присутствовали практически во всех регионах СССР.

3. Политический фактор. В государстве, независимо с федеративным или унитарным устройством Центр забирает себе ряд полномочий и ресурсов для их осуществления. В тоже время в регионах формируется своя промышленная, финансовая, а также политическая элита, связанная с сообществами региона. Противоречия элит «центр» - «регион» может не проявляться в стабильное время, но в период кризиса может усилиться.

Опасность политического фактора ещё и в том, что мнение политически-ориентированных групп, как правило, не отражают, либо отражают не в полной мере желания и потребности всего общества. Апеллируя к ценностям и символам части сообществ, используя нематериальные факторы, группа элит инициирует гражданскую активность, выдавая её за желание всего общества сама же оставаясь вне публичного поля.

Как не парадоксально, но чем менее выражены объективные материальные причины риска по отношению надматериальным тем более велик риск дестабилизации региона. Конечно, в основе любого социально-политического процесса лежат объективные материальные причины обуславливающие деятельность различных социальных групп в их взаимосвязи. Но сами по себе материальные издержки сегодняшнего дня, могут быть осознаны лишь как временные, не экстраполируемые в будущее. В то же время как осознанный негативный символ несёт высокую степень риска. К надматериальным факторам относятся:

1. Фактор исторического наследия. За века обозримого исторического прошлого всегда можно найти эпизод, оставшийся в коллективном сознании как негативный или позитивный. Диалектика исторического развития данного региона отражается во взгляде на настоящее. «Мы могли бы жить лучше если бы...». Далее может следовать любой исторический факт. Для начала деструктивных процессов нет разницы, произошел этот факт в недавнем прошлом или тысячу лет назад. Коллективное сознание воспринимает символ события, в том виде, в котором он отразился в коммуникационном коде под влиянием ценностей сообщества. Объективные факты реального исторического события тут роли не играют. Сообщество в любом случае из всей массы фактов воспримет только те, которые соответствуют их ценностям, и отринет факты их ценностям противоречащие.

2. Этнический фактор. Регионы возникли по большей части как гомогенные моноэтнические образования на основе места компактного проживания племен и племенных союзов. Глобализационные процессы повысили мобильность населения, а возникающие, по различным причинам, миграционные волны, в реальности разрушили региональную моноэтничность. Само по себе проживание людей различных этносов на территории одного района не несёт дополнительных рисков, но только тогда, когда у большин-

ства политически активного населения этнические ценности не превалируют над интересами общества в целом. В этом случае время совместного проживания большого значения не имеет. Могут смениться несколько поколений, пройти десятки лет совместного проживания разных этносов на одной территории и за несколько месяцев может вспыхнуть межэтнический конфликт, переходящий в гражданскую войну либо в «холодное» многолетнее противостояние. При этом часть жителей, представляющих более многочисленный этнос, позиционирует себя как «местные», «коренные», тогда как меньшинство определяется как «пришлые». Процесс может стать и обратным когда со временем «пришлые» становятся влиятельной силой. Примером может служить поселения албанцев на Косовом поле (Косово) во второй половине XX века. Изначально это были поселенцы из Албании на землях, оккупированных фашисткой Италией. Малочисленные вначале албанцы стали вначале численным большинством, а затем стали мощной сепаратистской силой и, в итоге образовали собственное государство на оккупированных территориях Сербии. По данным известного исследователя, руководителя Центра по изучению современного балканского кризиса Института Славяноведения РАН Е. Ю. Гуськовой процесс сецессии был поддержан США и Европейским союзом и окончился полным захватом региона албанцами изгнанием десятков тысяч сербов, убийствами и грабежами [2, С. 610].

3. Религиозный фактор. Футурологи XX века считали, что к началу XXI века человеческое общество будет практически полностью секуляризованным и религиозное сознание будет характерно для абсолютного меньшинства населения. В течение всего XX века количество верующих людей постоянно снижалась. Однако, в начале XXI века наблюдается рост доли религиозных людей [3]. В то же время, российская исследовательская структура «Ромир», проводила опрос на ту же тематику в январе 2012 на территории России в рамках проекта Gallup International/WIN «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния». В результате исследования выявлено, что доля религиозных людей в России составляет около 55% от числа опрошенных. И с начала XXI века снизилось на 2%, а атеистов доля атеистов выросла на ту же величину [4].

Столь значительная разница результатов исследований двух столь уважаемых и профессиональных исследовательских центрах связана с разности самоидентификации человека как представителя религиозной общины и как исповедующего определенную религию. Существует определенное отграничение, растущее с ростом образования и благосостояния, между этими ценностями. Вопрос примыкания к одной из конфессий в динамично меняющемся информационном обществе становится существенным вопросам увеличения коммуникационных связей человека, за счет стабильно существующего сообщества со сложившейся символикой, коммуникационными кодами, идеями и идеалами. Этот феномен впервые был выявлен Максом Вебером в работе «Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus» (Протестантская этика и дух капитализма). Изучая особенности жизни американских переселенцев протестантского вероисповедания,

он выявил, что принадлежность к определенной конгрегации даёт возможность воспользоваться моральной поддержкой общины при ведении финансовой и хозяйственной деятельности. По мнению М.Г. Бреслер в данном случае проявлялась «сетевая солидарность, которая не подразумевает непосредственного получения благ после акта взаимопомощи. Также «как, и банкир в Северной Америке в XIX веке помогал безвестному ремесленнику или фермеру, не ожидая получения каких-либо благ от известных и зажиточных членов той же конгрегации. Но вступив в сетевую коммуникацию в сетевом сообществе, он способствовал его [сообществу] развитию и получал блага... в виде роста доверия [к нему самому и его банку] и социального капитала» [5, С. 178].

Принадлежность к сообществу, к религиозной общине усиливает коммуникационные связи и возможности сетевой солидарности. Что особо проявляется, например, в мусульманских и иудейских религиозных общинах, где процесс взаимопомощи и взаимодействия членов общины описан и регламентирован традициями и обычаями, имеющими в ряде стран силу закона.

Итак, самоидентификация в качестве члена религиозного сообщества повышает коммуникационные возможности человека и позволяет воспользоваться сетевой солидарностью, что крайне важно в период трансформации социального пространства. Но немаловажно и наличие в религии определенного набора легко воспринимаемых символов, кодов, а также формальных законов позволяющих сузить необходимость выбора, что также позволяет сделать интенсифицировать информационный обмен, прежде всего в религиозных сообществах, что интерпретируется в публицистической литературе как «заполнение духовной пустоты».

Этим мы объясняем парадоксальную ситуацию роста доли людей с религиозной самоидентификацией коррелирующую с ростом информационного общества, развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением уровня образования. Понимание трансформации коммуникационного процесса можно распространить и на другие над-материальные факторы риска – исторический и этнический, так как все нематериальные факторы взаимосвязаны. Преобладание одного из них является следствием вариативности конкретного процесса в конкретном месте. Так упомянутые события в Ферганской долине, также как и в Косово были спровоцированы в первую очередь этническим фактором, сецессионные процессы в Шотландии и Каталонии активизированы фактором исторического наследия, а гражданская война в Сирии идёт под влиянием религиозного фактора.

Надматериальные факторы риска дестабилизации регионального пространства управляемы с помощью современных информационных технологий. Анализируя различные этно-политические конфликты мы приходим к выводу, что существенная причина перехода конфликта в «горячую» стадию. Основная причина роста риска этно-политического конфликта обусловлена невниманием, пренебрежением центральной власти к надматериальным факторам риска, блокирование или снижение динамики информационного обмена в коммуникационной сети как внутри региона, так и по стране в целом.

### Список литературы:

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н.Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с. , С.22-Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
2. Гуськова Е. Ю. Балканские дороги и шальное бездорожье. - Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2012. – 614 с.
3. Религиозная вера в России// Levada.ru – аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс] 26.09.2011, URL: [http:// www. levada.ru/ 2011 /09/ 26/religioznaya-vera-v-rossii/](http://www.levada.ru/2011/09/26/religioznaya-vera-v-rossii/),
4. Терновая, Л.О., Гайдук, В.В. Правовые новации и политическое поведение в свете глобального индекса надежды и отчаяния//Евразийский юридический журнал, 2013, № 10 (65), С. 176-179.
5. Мир становится менее религиозным: международный опрос Gallup International/WIN в рамках исследования «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» //Sociologos .ru –портал российской прикладной социологии [Электронный ресурс] URL: [http:// www. sociologos. ru/ novosti /Mir\\_ stanovitsya\\_menee\\_religioznym\\_mezhdunarodnyj\\_opros\\_gallup\\_international\\_win](http://www.sociologos.ru/novosti/Mir_stanovitsya_menee_religioznym_mezhdunarodnyj_opros_gallup_international_win)
6. Бреслер, М.Г. Социальная солидарность в информационном обществе // Евразийский юридический журнал № 2 (69) . 2014 . С. 178-179.

## ПРЕЛОМЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ДУХОВНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОСТИ

**Антропова Н.К., Каташинских С.Н.**

*Россия, г. Екатеринбург*

*Уральский государственный лесотехнический университет*

*E-mail: katasch@list.ru*

**Аннотация.** Проблема духовной безопасности - это не личное дело каждого, так как человек – это микрокосмос, отражающий и впитывающий влияние социума. Человек является не отдельным существом, а интегральной частью окружающего его мира, поэтому является существом, внушаемым разнообразных факторов: идеологических, религиозных, политических, философских.

**Ключевые слова:** Личность, система духовных ценностей, духовная безопасность, социальный прогресс.

Актуальность понятия «Духовная безопасность» представляется чрезвычайно важной в настоящее время. Как суметь сохранить самость в мире массовой культуры и системы социальных контактов, когда человек открыт внешнему вниманию вольно или невольно. Подобная личностная открытость представляет угрозу, ибо человек становится беззащитным перед чужим и безжалостной оценкой поведения или внешности. Вероятно, это связано с тем, что духовность подменяется излишней и ненужной открытостью.

Смысл понятия духовности является предельно широким по объему. Каждый исследователь в сфере духовности отражает какую-то определенную грань духовности. Некоторые авторы связывают духовность с системой взаимоотношений (например, С.С.Аверинцев), другие – с деятельностью человека как субъекта исторического процесса (В.Е.Кемеров), третьи – видят духовность в утверждении высших нравственных ценностей (Г.В.Осипов), четвертые – исследуют интенциональный аспект духовности (В.И.Стрелков), пятые – связывают духовность с высшими переживаниями (А.И.Зеличенко), шестые – понимают под духовностью универсальное, присущее только человеку качество личности, седьмые – отождествляют духовность с нравственностью.

Духовность, по мнению Р.Л.Лившица, это «такая жизненная позиция личности в мире, в которой реализуется ее внутренняя свобода и творческое начало» [1, 24]. Сущность духовности – «открытость личности навстречу миру» [1, 24], устремленность к социально-позитивным, гуманистическим ценностям.

Духовность – «фундаментальное, основополагающее качество человека, его родовая характеристика, родовый способ существования» [2, 5].

В.А.Лекторский считает, что «духовность всегда так или иначе, связана с выходом за пределы эгоистических интересов личной пользы, своекорыстия, мелочных расчетов» [3, 31].

Духовность, по мнению Латыпова И.А., «понятие, качественно характеризующее внутренний мир и социально-бессознательные связи субъекта с миром» [4,8]. Духовность проявляется в принятии мира, открытости и постоянном выходе навстречу миру: от Я к Ты (М.Бубер), от повседневности к вечности (Н.Н. Бердяев), к сверхчувственной сложности бытия (В.Е. Кемеров). Понятие духа тесно связано с понятиями духа, духовной деятельности, сознательного и бессознательного, духовной культуры. [4, 8]

По мнению Шумихиной Л.Ю., духовность – это «многомерная идеальная реальность, пронизывающая все человеческое бытие» [5, 31]

Идея связи личности с духовным ростом лежит в основе концепции У.С.Хэтчера: духовность есть «процесс полного, адекватного, правильного и гармоничного развития духовных способностей человека» [1, 34].

Согласно христианской концепции, духовность – это «религиозная настроенность» (С.Л.Франк). «Дух» означает «дуновение», «тончайший воздух», «дыхание». Терминологически понятие «духовность» происходит от Духа святого. Через эту ипостась Бог дает человеку силу и энергию, благодаря которым ему дано быть «образом и подобием Божиим».

Представители античной философии, в частности Плотин, считали, что «дух» - это универсальное, сверхразумное начало, постижение которого дано человеку лишь в интуиции, непосредственно.

Дух обладает особой содержательностью. Действительно ли Дух - только сознание человека? Можно ли духовность приравнивать только к культуре? Дух – некая трансцендентная сущность, именуемая Абсолютом.

Русская религиозная философия затрагивала вопрос духовности и считала, что духовность – это «особая реальность личностного религиозного

опыта, где источник духовности один – внутренняя работа личности в движении ее духа к Богу через осознание собственной греховности и нравственное самосовершенствование» [5, 16]. В. Соловьев считал, что «духовность заключается в способности господствовать над витальными влечениями» [1, 34], «духовность – это стыд, милосердие и благоговение к добру» [5, 23]. Согласно концепции Н.А. Бердяева, «духовность есть высшее качество, ценность, высшее достижение в человеке» [1, 36]. В концепции С.Л. Франка духовность трактуется как позиция личности по отношению к миру высших смыслов. Согласно И.А. Ильину, духовность – это путь человека к Богу. Духовное воспитание служит воспитанию целомудрия, чистоты, трудолюбия, смирения, патриотизма.

В центре учения Н.Ф. Федорова находится духовность, осмысленная как свободная творческая активность. Божественная воля действует через человека как разумно-свободное существо, через единую соборную совокупность человечества [5, 30].

Именно православием созидался стержень русской духовности (нравственность, искусство, язык, письменность и др.).

Духовна лишь такая жизнь человека, которая ориентирована на целостность как устремленность к созиданию и творчеству. Единственно верным способом бытия человека является его объективное предназначение, благодаря чему он и обретает духовность.

Духовность конкретного человека представляет собой приобщение к сверхсмыслу, через высшие духовные ценности: Истины, Любви, Красоты.

На наш взгляд, если духовность – это личное дело каждого, то тогда возникает проблема духовной безопасности личности, так как человек – это микрокосмос, отражающий и впитывающий влияние социума. Человек является не отдельным существом, а интегральной частью окружающего его мира, поэтому является существом, внушаемым разнообразных факторов: идеологических, религиозных, политических, философских. Духовность основывается на непосредственных переживаниях иного (другого) взгляда на реальность. По мнению психологов, с одной стороны эти переживания происходят в измененных состояниях сознания (смотри, например, работы С.Грофа), с другой стороны целеустремленность индивида – вещь избирательная. У каждого из нас есть выбор, на что направить усилия, в соответствии с индивидуальной ценностной парадигмой. Программа личностной системы ценностей и приоритетов обязательно включает фактор духовной безопасности.

Деятельностная концепция духовности – продукт европейской цивилизации. Вид духовности, характерный для западноевропейской культуры, принято называть цивилизационным, для этого вида духовности характерно, прежде всего: рационализм, индивидуализм, экстравертированные интенции европейской души, направленные вовне, на мир, частью которого является и сам человек.

Традиционалистский вид духовности характерен для Востока: интравертированность души восточного человека, сбережение культурных традиций и норм, верность традиционным смысло-жизненным ценностям.



Третьим видом духовности является духовность, свойственная русскому народу и тяготеющая к традиционализму.

Л.В.Шапошникова ввела в 2001 году понятие духовной революции. Первая духовная революция произошла в конце I тысячелетия до нашей эры и принесла миру Христа. Вторая духовная революция произошла в конце 2 тысячелетия нашей эры. В России вторая духовная революция приходилась на Серебряный век (рубеж XIX и XX вв.). [6, 5-6]

В XX веке была открыта духовная реальность человека. По мнению Г.П.Меньчикова, духовная реальность человека – это «такая форма бытия, где вобран в себя весь комплекс бытия, центрированных ... на целевом детерминизме» [7, 116].

В XXI веке зарождается новая духовность. У нее нет пока названия и конкретной формы, у нее нет лидеров. Многие люди начинают заново открывать «вечную мудрость» и осуществлять в своей собственной жизни. По мнению П.Рассела, «мы переживаем новый духовный ренессанс, впервые мы заново переживаем истину коллективно» [7, 74].

Таким образом, процесс трансформации духовности переживает кризисные формы, перерастающие в форму беззащитности и потерей ощущения духовной безопасности.

#### **Список литературы:**

1. Р.Л.Лившиц. Духовность и бездуховность личности /Лившиц Р.Л. Екатеринбург, 1997.
2. А.В. Ботвинова. Духовность и гуманизм в открытом обществе (социально-философский анализ): дис.д-ра филос.наук /Ботвинова А.В.. – М., 2004. 320с.
3. В.А. Лекторский. Духовность, художественное творчество и нравственность //В.ф., 1996, № 2, С.31.
4. Социально-философский словарь /под ред. Кемерова В.Е. Екатеринбург, 1997.
5. Л.А. Шумихина. Русская духовность. Том 1 /Шумихина Л.А.- Екатеринбург, 2002.
6. В.А. Усольцев. Русский космизм и современность /Усольцев В.А. – Екатеринбург, 2008.
7. Г.П. Меньчиков. Духовная реальность человека. Духовность и религиозность /Философские науки, 2000, № 3.

## ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Аскарова Г.Б.

Россия, г. Стерлитамак,  
Башкирский государственный университет,  
Стерлитамакский филиал E-mail: askarov66@bk.ru

**Аннотация.** В статье рассматривается одна из актуальных проблем современного образования как значимого элемента духовной безопасности общества – формирование ценностных оснований профессионально-педагогической деятельности, определяющих ее высокую результативность и эффективность. Автор рассматривает данную проблему сквозь призму положений нового профстандарта «Педагог».

**Ключевые слова:** педагогическая деятельность, учитель, профессиональные компетенции, профессиональный стандарт, духовно-нравственное воспитание.

Решение проблем оптимизации и модернизации российского образования возможно при условии организации профессиональной деятельности педагога в рамках компетентного подхода. Ориентация на реализацию в процессе педагогической практики тех или иных профессиональных компетенций задает вектор аксиологического развития учителя, формируя ценные личностные качества и предопределяя успешность учебно-воспитательной деятельности. «Несмотря на то, что смыслом педагогической деятельности является в общем случае служение людям, цель деятельности конкретного учителя – достижение личного успеха, его личностный и профессиональный рост, приобретение все новых умений и навыков... И если учитель будет настойчиво стремиться к этой цели и успешно проходить этапы своего движения по пути к ней, то воспитательные, развивающие и обучающие задачи школьного дела будут блестяще реализованы как побочный продукт саморазвития!» [1, с. 17]. Педагогическая деятельность весьма многогранна, ибо педагог выступает в самых различных ипостасях – как преподаватель-предметник, воспитатель, методист, психолог, руководитель-менеджер, консультант, исследователь и даже, если неукоснительно придерживаться требований профессионального стандарта, реабилитологом, психиатром, музейным экскурсоводом и инструктором по туризму и спорту. В связи с этим он должен быть высококомпетентным человеком во многих отраслях человеческого знания и соответствовать широкому кругу компетенций, представленных в вышеупомянутом профессиональном стандарте.

Традиционно в структуре компетенций принято выделять следующие компоненты: мотивационно-ценностный (потребности, мотивы, установки и характер направленности педагогической деятельности); содержательный (здесь речь идет о системе профессиональных знаний, умений и навыков), а

также операционно-деятельностный, предусматривающий уверенное применение умений и навыков в процессе собственной профессиональной деятельности. При условии их успешной реализации достигается высокая результативность и эффективность учительского труда. В свое время известный российский педагог-новатор Ш.А. Амонашвили верно отметил, что современность испытывает не столько ученические, сколько учительские способности, и что учитель должен доказать, прежде всего, не только свое право на воспитание и обучение, но и обнаружить готовность к самопреобразованию, обновлению и творческому обогащению своего опыта [2, с. 204]. Напомним, что в сентябре 2017 года должен был быть введен новый профстандарт, однако, в силу ряда объективных причин, Министерство образования пролонгировало его ввод до 1 сентября 2019 года. С учетом всей сложности ситуации и в целях обеспечения максимальной готовности учительской аудитории к нововведениям, официально подтвердили, что постепенный переход к нему будет осуществляться вплоть до 1 января 2020 года. Это было вызвано необходимостью более тщательного обоснования отдельных его положений, подвергнутых критике прогрессивной педагогической общественностью, которая потребовала основательно расписать отдельные процедурные вопросы. Прежде всего педагоги обратили внимание на тот факт, что требования нового стандарта оказались гораздо шире традиционных должностных обязанностей современного учителя, представленных в Едином квалификационном справочнике. Действительно, согласно новому профстандарту, учитель должен, образно рассуждая, уподобиться многорукому Шиве и трехглавому дракону, чтобы постараться все-таки объять необъятное.

Во-первых, от педагогов будет требоваться базовое педагогическое образование, соответствующее профилю преподаваемой ими учебной дисциплины. Причем для преподающих в среднем и старшем звене наличие высшего образования станет обязательным. Это тема довольно болезненна для нашей школы, так как во многих школах учителя труда, обеспечения безопасности жизнедеятельности, изобразительного искусства, физической культуры и музыки имеют лишь среднее специальное образование. Следовательно, сегодня перед достаточно большим количеством учителей остро стоит проблема срочной профессиональной переподготовки, либо получения высшего или второго высшего образования. В то же время совершенно не отработан вопрос о том, каким образом сотни тысяч учителей смогут в предельно сжатые сроки повысить свой уровень образования и привести его в соответствие с требованиями стандарта. Ведь подавляющее большинство ныне работающих педагогов зачастую трудятся чуть ли не на две ставки, и потому довольно трудно решить вопрос с их заменой в период обучения. К тому же мы еще не поднимаем вопрос о том, кто конкретно будет оплачивать данные процедуры, поскольку изначально ясно, что спасение утопающих, как всегда, дело рук самих утопающих. К сожалению, этот вопрос также выпал из поля зрения разработчиков профстандарта. Хотя все понимают, что любой проект, любая организация нового предприятия или внедрение определенных новаций в обязательном порядке требуют составления

бизнес-плана, без которого невозможно говорить об эффективности и результативности планируемых нововведений. Обратимся в качестве иллюстрации к опыту израильской образовательной системы, где также обязательным моментом является прохождение учителем курсов повышения квалификации через каждый три года. Но оплата курсов (с сохранением заработной платы педагога в период их прохождения) производится за государственный счет, впрочем, как и профессиональная переподготовка, если это необходимо работодателю. Привлекательным моментом здесь является тот факт, что после каждого прохождения указанных курсов учительская зарплата возрастает на 20%. То есть спустя 9 лет после начала педагогической деятельности заработная плата закономерно вырастает почти в два раза. Конечно, подобный подход к делу повышает мотивацию и мощно побуждает учительство к профессиональному совершенствованию и самореализации.

Во-вторых, согласно новому профстандарту, учителя должны будут в полной мере овладеть технологиями учебно-воспитательной работы с разной категорией детей: как с одаренными, так и имеющими ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). По сути, педагога, не располагающего всей полнотой знаний в области инклюзивного образования, обязывают работать с аутистами, гиперактивными детьми, слабослышащими и слабовидящими учащимися, а также со школьниками с задержкой психического развития (в стандарте они обозначаются как дети с особыми образовательными потребностями). Вполне возможно, что интегрирование детей с ОВЗ в единое образовательное пространство преследует, несомненно, гуманистическую цель, ибо при условии правильной организации коммуникативного взаимодействия обеих категорий детей в учебно-воспитательном процессе можно достичь высокого уровня социальной толерантности как безусловной общественной и личностно-значимой ценности. К тому же у детей с особыми образовательными потребностями появится уникальная возможность ориентироваться в развитии не на себе подобных, а на тех, кто располагает большими учебными и иными потенциями и может служить для первых своего рода ролевой моделью и поведенческим образцом. Однако, есть все основания полагать, что подобная практика может не оправдать социальных ожиданий, поскольку усилия педагога объять необъятное и охватить своим вниманием и заботой столь разнородную совокупность учащихся, может привести к банальному распылению сил и энергии учителя, что негативно отразится не только на процессе обучения и воспитания, но и на его конечном результате. Думается, что дети с особыми образовательными потребностями все-таки нуждаются и в особом присмотре, уходе, коррекции и реабилитационных мероприятиях, которые невозможно ему обеспечить одним лишь обустройством пандусов, санитарно-гигиенических комнат и других важных атрибутов нормальной жизнедеятельности. Если уж исходить из того же самого гуманистического подхода, то истинное человеколюбие, на наш взгляд, будет заключаться в том, чтобы поместить такого ребенка не в экстремальные для него условия жизнеобитания, а эмоционально-комфортные и всемерно подстроенные под его особые потребности; и что-

бы его развитием, адаптацией и реабилитацией, если таковая потенциально возможна, занимались бы специально обученные люди, имеющие не только обширные специальные знания, но и богатейший опыт работы с подобной категорией детей. Можно согласиться с тем, что выход из зоны комфорта является условием успешного развития человека, но здесь речь идет о детях, нуждающихся в особой любви и внимании – именно это и обеспечивает их социализацию в обществе. Другое дело, что нельзя отвергать идею совместной жизнедеятельности обычных школьников и детей с ОВЗ, но разумнее было бы, с нашей точки зрения, объединить их в рамках воспитательной или внеурочной деятельности. К примеру, хороший опыт такой позитивной солидарности наработан педагогическим коллективом МАОУ «Средняя школа № 30» города Стерлитамак Республики Башкортостан, в которой трудновоспитуемые подростки активно вовлекаются в волонтерскую деятельность по оказанию самого разного рода помощи детям-инвалидам, прикрепленным к данной школе. Работа ведется на протяжении достаточно долгого времени и результаты не могут не радовать как самих учеников, так и учительскую общественность в том числе.

Вновь обращаясь к отправным положениям профстандарта, следует также признать, что обучение и воспитание даже номинально здоровых детей тоже порой затруднительны для современного учителя. Дело в том, что поколение юных сегодня в подавляющем своем большинстве принадлежит к так называемому «поколению Z», характеризующемуся повышенной способностью к учению и самостоятельному освоению знаний: они креативны, мобильны, бесстрашно осваивают новые виды деятельности практически методом «тыка», легко переключаются на различные виды деятельности и активно ищут альтернативные пути успешного решения какой-либо проблемы.

Наряду с этим вышеназванные дети также нуждаются в особо пристальном учительском внимании, без которого невозможно обеспечить их полноценное развитие и успешное обучение. Недаром мы сегодня все чаще говорим о формировании у современных детей так называемого тоннельного зрения и клипового мышления, что обуславливает низкую эффективность учебно-воспитательных воздействий на них со стороны педагогов. Дети сегодня воспринимают огромный объем информации – большей частью абсолютно ненужной. Соответственно мозг стремится спасти себя и человека, разгружая восприятие и формируя мозаичный, фрагментарный способ получения информации. Негативные последствия клипового мышления приводят к тому, что такой человек не способен всесторонне и полно анализировать ситуацию, поскольку ее образ разрознен и хаотичен. Естественно, все это негативно отразится на процессе его учения. Тоннельное зрение (мышление, сознание) еще более препятствует успешному учению детей, поскольку современный ребенок, заикленный на гаджетах, все свои мысли подчиняет идефиксу, чрезмерно концентрируясь на каком-либо предмете, явлении и демонстрируя, тем самым, аддиктивное (зависимое) поведение. С глубоким сожалением приходится констатировать, что мир современного ребенка стремительно сузился до исключительно предметного

восприятия окружающего мира, причем предметов конкретных – гаджетов. Сущность так называемого тоннельного зрения образно можно проиллюстрировать русской поговоркой: «У голодной куме – хлеб на уме». И если ребенка с клиповым мышлением еще как-то можно вовлечь в активный процесс познания, решения учебной задачи, то в полной мере увлечь аддитивного школьника учебными проблемами – задача архисложная, поскольку, даже волевым усилием принуждая себя к деятельности, раздвинуть границы своего «тоннеля» тот вряд ли сможет: хоть и краем сознания, но он будет «привязан» к предмету своего интереса. Обучать детей с тоннельным зрением весьма сложно, ибо общеизвестна истина: хорошо запоминается именно то, что вызывает эмоциональный отклик в душе – на эффекте поражения и построена, к примеру, дидактическая система педагога-новатора Е.Н. Ильина. У названной же категории школьников эмоциональная раздражительность возникает исключительно в связи с предметом своих вожделений – компьютерами, ноутбуками, смартфонами – то есть тем, что связано с его гедонистическими устремлениями.

Исходя из того, что учебно-воспитательная деятельность всегда была проникнута глубоко гуманистическими идеями, и во все времена исторического развития общества, невзирая на трудности, учителя не утрачивали своего подвижнического энтузиазма и педагогического оптимизма, следует и в современных условиях по-прежнему нацеливать учителей на активное решение задач всестороннего развития подрастающего поколения в целях его успешной социализации в обществе. В связи с этим воспитание предусматривает создание оптимальных психолого-педагогических условий для эффективной жизнедеятельности школьников, их духовно-нравственного развития в соответствии с индивидуально-возрастными особенностями и с учетом не только культурно-исторических традиций России, но и системы общечеловеческих ценностей, наработанных в процессе эволюционного развития общества.

Поскольку педагогам все же придется существовать в предлагаемых условиях, необходимо максимально оптимизировать их, сориентировав учительство на высокие цели, чтобы они смогли творчески воспринять новый профстандарт, не растеряв при этом своего человеколюбия и избежав пресловутого синдрома профессионального выгорания. Для этого следует в основу профессиональной деятельности заложить такие фундаментальные педагогические ценности как любовь к детям, высокая профессиональная компетентность, социальная ответственность, стремление к самосовершенствованию, обретение целостного здоровья и стрессоустойчивости. Ценностные характеристики профессионально-педагогической деятельности весьма тесно связаны с достижением высокого уровня духовно-нравственной культуры современного учителя, которая проявляется в осознании им глубинной духовной сущности процессов становления человеческого в человеке, процессов воспитания, обучения и развития формирующейся личности. Немаловажно, чтобы люди, избравшие в качестве своей профессии педагогическую деятельность, не только четко понимали философско-мировоззренческий смысл целей педоцентрического обучения и вос-

питания, но и в полной мере осознавали особую социальную значимость собственной миссии, испытывая личную потребность в обеспечении духовной безопасности общества, в созидательно-преобразовательной деятельности в целях сбережения детства как такового и обеспечения гармоничного и благополучного развития человеческой цивилизации.

#### **Список литературы:**

1. Сергеев И.С. Основы педагогической деятельности: Учебное пособие / И.С. Сергеев. СПб: Питер, 2004. 316 с.
2. Амонашвили Ш.А. Единство цели: Пособие для учителя / Ш.А. Амонашвили. М.: Просвещение, 1987. 208 с.

### **КРИЗИС СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ**

**Ахмедова Т.М.**

*Россия, г. Дербент*

*Социально-педагогический институт*

*E-mail: akh-tevriz@rambler.ru*

**Аннотация:** В данной статье автор стремится с позиций социологической рефлексии обосновать корреляционную зависимость духовной безопасности общества и его семейной культуры, которая становится пространством формирования ценностей и норм семейной жизни для молодых поколений.

**Ключевые слова:** семья, семейная культура, молодежь, духовная безопасность.

Совершенно очевидно, что устойчивое и эффективное развитие общества во многом определяется наличием благополучно развивающегося института семьи, основой которого выступает семейная культура как совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, детерминирующих восприятие семьи в обществе и характер семейных практик. В данной статье предметом социологического осмысления выступает семейная культура молодежи, без которой сложно представить развитие крепкой, счастливой и благополучной семьи в обществе, но зато легко объяснить наличие негативных явлений в функционировании молодой семьи в современном российском обществе, о чем свидетельствуют такие деструктивные процессы, как рост разводов в молодых семьях, рост семейного насилия, неполных семей, снижение социального и физического самочувствия детей и родителей, упадок нравственных ценностей [1, 2].

По понятным причинам, связанных с кризисом семейной культуры в обществе и в молодежной среде, в том числе, молодая семья становится тем

полем, в котором наиболее ярко находят отражение все кризисные факторы функционирования общества и его семейной сферы. Именно в семье человек получает все базовые представления о мире, о том, что такое семья, какой она должна быть, в чем ее сущность и ценность. Затем эти представления переносятся во взрослую жизнь и становятся ориентирами в выстраивании собственной семейной и жизненной траектории, а потому семейная культура, в которой социализируется молодежь, приобретая навыки семейной жизни и семейные ценности, рассматривается нами как фактор духовной безопасности общества, ибо пространство семьи есть пространство, в котором молодому поколению транслируются важнейшие духовные ценности.

Духовная безопасность общества выступает важнейшим основанием социальной безопасности как способа функционирования социальной системы, обеспечивающего сохранение ее целостности, устойчивости и жизнеспособности в процессе взаимодействия ее структурных составляющих (подсистем: экономическая, политическая, демографическая, информационная, культурная и т.д.; элементов: социальные группы, организации, институты, отдельные индивиды) между собой и с окружающей средой на протяжении существования и развития общества [3]. Детерминантами духовной безопасности общества, в свою очередь, выступают механизмы трансляции и устойчивого воспроизводства базовых духовных ценностей, определяющих способность общества к социокультурной динамике на основе его культурного потенциала.

Семейная культура – значимая часть культуры общества, развивающаяся в ее рамках и на ее основе. Соответственно, в каждом обществе формируется своя, особенная и отличная от других обществ семейная культура. Более того, в условиях полиэтничного общества, такого как российское, семейная культура дифференцируется по региональным и этнокультурным показателям [4]. Очевидно, что семейная культура народов Северного Кавказа в значительной степени будет отличаться от той же культуры у жителей центральной России или ее северной части. Соответственно, и кризисные факторы в рамках семейной культуры каждого из регионов страны и ее народов будут иметь свою специфику, но объединять их будет то, что все они неминуемо связаны с кризисом семьи и культуры как образующих данное явление.

Так, кризис семейной культуры на Юге России связан с кризисом традиционной семьи и ее ценностей, а этот кризис, в свою очередь, проявляется в росте разводов, распространении нетрадиционных форм семейно-брачных отношений, изменении гендерных устоев и ролевых соотношений в семье и т.д. Так, дагестанские исследователи, анализируя изменения, происходящие в пространстве дагестанской семьи, пишет о том, что к факторам, вызывающим тревогу в среде дагестанской общественности, относятся показатели снижения устойчивости семейно-брачных отношений, рост конфликтного потенциала семей, рост разводов в семьях, при всем том, что дагестанская семья, в целом, сохраняет консервативный облик [5, с. 48; 6, с. 121]. Конечно же, указанные явления не могут не рассматриваться как проявления кризиса традиционной семьи.



Безусловно, следует понимать, что в условиях глобализации и распространения под ее влиянием новых семейных ценностей, связанных с либерализацией семейных и гендерных отношений, тенденциями эгалитаризации и демократизации семейной сферы, традиционная семья не может пребывать в своем неизменном виде и не подвергаться переосмыслению на предмет составляющих ее нормативных и поведенческих оснований. И наиболее восприимчива к новациям, к их апробации в семейной жизни оказывается, естественно, молодежь, социализация которой происходит на пересечении глобальных и локальных (традиционных) ценностей и норм.

Эпоха семейной революции, которую зачастую связывают с революцией сексуальной, порождает множество вопросов. Так, Т.Ю. Брыкова, характеризуя институт супружества в современном обществе как чрезмерно свободный от обязательств партнеров друг перед другом, задается вопросом о том, насколько возможно и возможно ли вообще счастливое супружество в эпоху сексуальной революции с учетом того, что в концептуальных рамках этой революции акцент делается на стремлении к максимальному удовлетворению отношений, прежде всего, связанных с потребностями в самореализации, положительных эмоциях, сексуальных отношениях [7, с. 140]. Мы бы не были так критичны к современным тенденциям в развитии семейных отношений, ориентированных на удовлетворение супружеских потребностей в плане эмоциональных и иных личностных аспектов, поскольку и при такого типа отношениях наличие взаимных обязательств у супругов предполагается, поскольку без них не могут выстраиваться никакие семейные и супружеские отношения.

Другое дело, что современная семейная культура, включающая в себе новые аспекты, отличные от традиционных, должна содержать в себе четкие представления и ориентиры о ценности этих отношений, их содержании, взаимных правах и обязанностях, способах их развития в благополучном ключе на бесконфликтной основе. Ее формирование в молодежной среде стихийным образом вне структурированной и санкционированной специальными акторами стратегии опасно неспособностью включиться в позитивное пространство новой семейной культуры, обладающей как своими плюсами, так и минусами. В итоге, эгалитарные отношения вырождаются в эгоистические, а свобода отношений как отношений равных трансформируется в безответственность и нарушение этики супружеских отношений.

Основная проблема заключается также в том, что имплементация ценностей и норм новой и еще чуждой культуры, сформировавшейся в лоне иной социокультурной среды, чревата не только разрушением своих традиционных оснований семейной культуры, но и искажением той, которой пытаются неумело следовать. Иными словами, если эгалитарные ценности, составляющие основу семейной культуры европейского общества, вызревали в этом обществе на протяжении длительного времени по мере развития демократических отношений в социуме и индивидуалистической культуры и, соответственно, пластично вписались в нормы и принципы организации семейных отношений, то в условиях российской действительности они с трудом пробивают себе дорогу, так как социокультурная матрица российского

социума далека от ценностей и норм демократического и индивидуалистического западного общества.

В результате, в пространстве семейной культуры и базовой культуры общества возникает пространство противоречий и несоответствий, выступающим факторами риска семейной жизни для многих молодых семей, стремящихся уйти от воспринимаемыми ими как неадекватными современности традиционных семейных норм, но не способных создать эффективные семейные отношения на основе принципов современной эгалитарной семейной культуры, требующей от ее сторонников глубокого понимания специфики этой культуры и умения соблюдать ее этику.

Как сочетать индивидуализм и ответственность в семье, свободу и обязательства, равноправие и сохранение границ мужского и женского, полное стирание которых в принципе невозможно? Мы сегодня наблюдаем, как попытки реализовать это, которые мы наблюдаем в западном обществе, приводят к деформации всей системы социальных отношений и искажению самой природы семьи и супружеских отношений. Допустить такой сценарий развития семейных отношений в российском обществе, конечно же, нельзя, поскольку, как справедливо заключил П. Сорокин, семья самым мощным образом влияет на ход социальных процессов и динамику общественных отношений [8, с. 464], определяя, соответственно, уровень духовной безопасности социума.

Таким образом, можно сказать, что через семейную культуру передаются ключевые культурные стандарты молодому поколению, которое через нее впоследствии определяет образ и стиль семейной жизни, характер распределения ролей в семье и взаимоотношений между ее членами, специфику детско-родительских отношений, отношение к детности как таковой и к семье в целом. В этой связи принципиально важно не наблюдать со стороны на процессы формирования семейной культуры молодежи и ее кризисные проявления, а взять под общественный контроль данный процесс, который должен регулироваться такими ключевыми акторами (институтами социализации), как государство, образование, семья, СМИ, а также религия, в особенности в тех регионах, которые традиционно отличаются высоким уровнем приверженности религиозным ценностям.

Еще раз подчеркнем, что духовное благополучие общества не может рассматриваться вне семейного благополучия, а, следовательно, в молодежной среде необходимо выращивать, взращивать и культивировать ценности и нормы семейной жизни с высокой культурой семейных отношений. Однако на одних только идейных и нормативных установках воспитывать семейную культуру у молодежи будет сложно, из чего следует, что должны предприниматься и реальные шаги в области повышения устойчивости института семьи в обществе, поддержки молодых семей, и высокая роль в этом направлении отводится государству, призванному выступать основным актором разработки и реализации семейной политики, направленной на создание благоприятных условий жизненной самореализации семей, в том числе молодых; совершенствование правового пространства функционирования семейных отношений; развитие системы мониторинга состояния

семейной сферы общества и регуляции возникающих в ней рисков в рамках создания широкой сети организаций, оказывающих помощь семьям, нуждающимся в ней, с целью снижения конфликтного потенциала в семейной сфере и профилактики распада семей, образования семей неполного типа.

Иными словами, государство не может и не должно оставаться в стороне от семейных проблем, в своей совокупности трансформирующихся в проблемы масштабного и угрожающего безопасности общества характера.

### **Список литературы:**

1. Верещагина А. В., Ковалев В. В., Самыгин С. И. Проблемы и риски распада молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 55 – 63.

2. Шахбанова М.М. Миграция и особенности межэтнического общения в Республике Дагестан (конец XX – начало XXI века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 3. С. 32 – 37.

3. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Семья и социальная безопасность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 116 – 120.

4. Шахбанова М.М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 232 – 237.

5. Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48 – 52.

6. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2016. – 358 с.

7. Брыкова Т.Ю. Возможно ли счастливое супружество в эпоху сексуальной революции? // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 140 – 145.

8. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 464 – 465.

### **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ШКОЛЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

**Бабаджанова М.М.**

*Республика Таджикистан, г. Душанбе*

*Российско-Таджикский (Славянский) университет,*

*muntaj@rambler.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена вопросу межкультурного диалога; разъяснению и обучению методам и механизмам диалога культур. Независимо друг от друга параллельно в России и Таджикистане стали имплементировать проект Школы диалога культур. Анализируя опыт работы, автор показывает механизмы работы на примере Информационно-ресурсного центра ООН.

**Ключевые слова:** Межкультурный диалог, Школы диалога культур, ЮНЕСКО, ООН.

*При всем многообразии вероисповеданий, культур и языков люди должны уважать друг друга. Следует активно поощрять культуру мира и диалога между всеми цивилизациями.  
(Декларация тысячелетия)*

Диалог культур, межкультурный диалог был и остается одним из актуальных направлений в укреплении взаимопонимания, взаимодействия, взаимообмена между народами и цивилизациями.

С учетом времени, ситуации менялись методы, подходы и пути диалога культур.

Одним из таких примеров стал Проект ЮНЕСКО по межкультурному диалогу в Центральной Азии (ЦА), сфокусированный на странах: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Соседних стран – Афганистан, Иран, Китай, Монголия и др. В ходе его имплементации были созданы: Международный институт по изучению Центральной Азии (IIICAS) в Самарканде (Узбекистан) и Международный институт по изучению кочевых цивилизаций (IISNC) в Улан-Баторе (Монголия). Открыты кафедры ЮНЕСКО (в том числе и наша Кафедра «Межкультурный диалог в современном мире» – в 2004 г.), проведены международные встречи, круглые столы, конференции. Итогом многолетней работы стало проведение в Штаб-квартире ЮНЕСКО Фестиваля по культурному разнообразию и диалогу в Центральной Азии (Париж, 24 мая–1 июня 2005 г.) [8]. Эмблема Фестиваля была подготовлена таджикским художником Н. Нарзибековым, которая по конкурсу была выбрана из 70 представленных эскизов художниками ЦА. Смысл эмблемы заключался в том, что: «я – человек, пришел познакомиться вас со своей культурой и познать все разнообразие ваших прекрасных культур». Этот проект объединил страны ЦА, создал возможность больше узнать друг о друге, учитывая, то, что в некоторых странах была сложная постконфликтная ситуация (развал СССР, приведший к военным конфликтам, разрушению инфраструктуры, спаду экономики и др.). Молодое поколение росло в ситуации вражды, непонимания и даже ненависти к «чужим» и культуре, и истории.

Много общего в культуре народов Средней Азии, которая проявляется в психологии народов, их давних связей, взаимообусловленности.

Поэтому следует особо подчеркнуть, что со времен Шелкового пути, который связывал между собой страны Востока и Запада, до сегодняшних дней, проходил и проходит интенсивный обмен культурными ценностями между народами региона и другими ближними и дальними странами на пересечении этого великого пути.

Культура и образование являются наилучшими средствами поддержания мира, особенно в постконфликтных ситуациях, средствами утверждения толерантности, уважения прав человека и достоинства каждого.

Как известно, в межкультурном понимании ключевая и одна из эффективных ролей отводится и различным образовательным программам, в рамках которых происходит процесс повышения академической мобильности, что способствует обмену межкультурного обогащения.

Наша Кафедра подготовила и издала учебное пособие «Калейдоскоп культур» для школьников старших классов и студентов I – III курсов [3]. Для нас было важно проводить эту работу именно среди этой категории молодежи, так как многие из них в тот период не учились ни в школах, ни в вузах, особенно там, где шли военные действия или была сложная обстановка (некоторые не учились из-за отсутствия средств на обучение).

Межкультурное понимание предполагает общение разных культур на уровне общества, но все же основывается на индивидуальном понимании, когда толерантность во всех аспектах, в контексте формирования межкультурной компетенции решает не только этнокультурные и этнополитические проблемы, но и, главным образом, взаимопонимание между людьми разных национальностей.

Учебное пособие «Калейдоскоп культур» было посвящено культуре народов Центральной Азии. ЮНЕСКО передало наше пособие в Казахстан, Киргизию, Узбекистан. И более полугодом оно было размещено на его сайте.

В Российско-Таджикском (славянском) университете (РТСУ) Кафедрой ЮНЕСКО разработан и читается спецкурс «Межкультурный диалог в современном мире».

Акцентируя внимание на вышеуказанном опыте, хочу привлечь внимание и на наш совместный проект – Школа диалога культур.

Родосский Форум «Диалог цивилизаций» [11] это замечательная площадка еще раз подтвердить нашу приверженность к диалогу, диалогу культур. А начинать эту работу надо со школы. На 13 Родосском Форуме мы начали эту работу, и практика показывает – проект работает, объединяет нас единой целью, между собой мы обмениваемся лучшими практиками и опытом, адаптируя к своим странам.

В 2015 г. наша кафедра ЮНЕСКО подготовила и издала новое учебное пособие для студентов «Межкультурный диалог в современном мире», который был представлен в 2016 г. участникам 14 Родосского форума [2].

Еще на III-м Всемирном Форуме по межкультурному диалогу высокого уровня (г. Баку, Азербайджан, май 2015 г.) мы встретились с профессором Степанянц М.Т. И с того времени тесно сотрудничаем по продвижению нашего совместного проекта Школа диалога культур.

Наши учебные пособия имеют много общего, но каждое в отдельности предназначено и адаптировано для наших стран и регионов: России и ЦА, в частности, Таджикистана. Практика подтверждает, что материалы, представленные в этих учебных пособиях, вызывают большой интерес не только у школьников и студентов, но и у взрослых.

И. Бокова – Генеральный Директор ЮНЕСКО – в своем Программном заявлении «ЮНЕСКО в глобализованном мире: новый гуманизм XXI века», подчеркнула, что «... в XXI веке диалог, толерантность и уважение к разли-

чиям должны стать сами по себе гуманитарными ценностями, которыми следует дорожить» [4].

13 июля 2016 г. у нас в РТСУ состоялось официальное открытие первого Информационно-ресурсного центра ООН – ИРЦ ООН (на пространстве СНГ такие центры имеются только в России и Казахстане). Центр был торжественно открыт С. Асловым, Министром иностранных дел Таджикистана и Джихан Султаноглу, помощником Генерального секретаря ООН, помощником администратора ПРООН, директором регионального бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, Региональным Председателем Группы по развитию ООН.

Церемония открытия прошла под председательством Александра Зуева, Постоянного координатора ООН и Постоянного представителя ПРООН в Республике Таджикистан, с участием глав агентств ООН в Таджикистане, представителей дипломатического корпуса, общественности и СМИ [9; 10]. Центр оснащен библиотекой в более чем 6 тысяч экземпляров литературы на основных языках ООН и доступом ко всем цифровым ресурсам основных подразделений и институтов ООН.

Необходимо отметить, что учебное пособие «Межкультурный диалог в современном мире» был презентован участникам церемонии открытия Центра, которые проявили большой интерес к его содержанию.

ИРЦ ООН создан в целях повышения осведомленности общества о деятельности ООН и ее структур в стране, повышении знаний и понимания молодежи об основных принципах работы структур ООН, основополагающих приоритетах, таких как Цели Устойчивого Развития и национальных стратегий в целом. Центр, без сомнения, внесет свою лепту в укрепление взаимодействий структур ООН и Таджикистана. В центре на постоянной основе уже проводятся мероприятия, открытые лекции для школьников и студентов, встречи с руководителями агентств ООН в Таджикистане, приглашенных специалистов ООН, и активно работает библиотека.

Он даст возможность школьникам и студентам учебных заведений поближе познакомиться с деятельностью структур ООН, подходах в решении глобальных вопросах развития человечества, как искоренение бедности, голода, неравенства между странами, обеспечение здравоохранения, занятости, изменения климата и охраны окружающей среды и, конечно же, диалога культур, умения жить вместе, а также и многое другое.

Как отметила Д. Султаноглу Заместитель Администратора, Региональный Директор Программы Развития ООН по Восточной Европе и стран СНГ: «Этот уникальный центр станет полезной площадкой для всех жителей страны, в особенности школьникам, студентам, журналистам, экспертам и ученым, которые интересуются деятельностью ООН. Надеюсь, Информационно-ресурсный центр ООН постепенно займет свое достойное место в общественно-информационной жизни Таджикистана» [9; 10].

Проблеме диалога, диалога культур, межкультурному и межрелигиозному диалогу уделяется особое внимание в общеобразовательных учреждениях республики.

И интерес, проявляемый к проблеме диалога культур, свидетельствует о том, что наш совместный проект Школа диалога культур – это не разовое мероприятие, он имеет свое продолжение, и постоянно будет обогащаться и привлекать новых участников.

Сегодня молодежь стремится познать мир, историю и культуру других народов не только через средства массовой информации, интернет, но и путешествуя. И рассказывая им о своей культуре, мы разъясняем и даем им базовые понятия об основных исторических культурах и цивилизациях, приобщаем их к культуре других народов. Учитывая то, что в странах, где идет война, и детей, привлекают к насилию, террору, нашей общей задачей является не просто формально только говорить о диалоге культур, но постоянно и повсеместно разъяснять принципы и важность диалога. Эти знания позволят молодежи извлекать максимум полезного от соприкосновения и взаимодействия с другими культурами в формате диалога и открытости. Важно не столько сфокусировать внимание на Диалог, сколько на содержание системы ценностей каждой отдельной культуры. У нас не один универсальный набор, а каждая культура имеет свои особенности, свои ценности.

В наше время, когда глобализационные процессы все больше угрожают культурной самобытности, национальному самосознанию, у народов все больше наблюдается интерес к своей истории, культуре, вкладу своих предков в мировую культуру.

Во всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии подчеркивается, что именно культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы оно охватывает «образ жизни», т.е. «умение жить вместе», системы ценностей и верований [5].

Сегодня очень важно определить соотношение глобализационных процессов и культуры отдельных народов и регионов. Необходимо учитывать общемировые тенденции развития культуры и сохранение самобытности национальных культур. В этом смысле диалог культур чрезвычайно важен. Степень плодотворности и обогащение культур зависит от определения наиболее существенных и жизнеспособных параметров культур, их способности к взаимному влиянию, не нарушая национальную идентичность и самостоятельность. Плюрализм в области культуры и существенные условия, обеспечивающие сохранение и обогащение, как отдельных культур, так и общечеловеческой.

Переход к диалогу языков и культур, толерантности, в рамках образовательного пространства ВУЗа, означает культивирование среди студентов отношений открытости, реальную заинтересованность в культурных различиях, признание многообразия языков и культур, развития способности распознавать несправедливость и предпринимать шаги по ее преодолению. Также способность конструктивно разрешать разногласия и обеспечивать продвижение от конфликтных ситуаций к примирению и разрешению противоречий. Он проявляется в нацеленности преподавателей и студентов на конструктивное разрешение конфликтов совместной деятельности. В этих

целях в университете используются не только лекции, спецкурс, но проведение совместных мероприятий, праздников, круглых столов, встреч: Международный праздник Навруз, провозглашенный ООН и Масленица, Международный день родного языка, провозглашенный ЮНЕСКО, Дни русской культуры и Дни славянской письменности и культуры и др. [6].

Диалог цивилизаций, который предполагает обсудить и содействовать решению проблем и разногласия на всех уровнях современной политики, как внутри, так и между государствами, континентами, находит все больших сторонников и последователей.

В межкультурном понимании ключевая и одна из эффективных ролей отводится также различным образовательным программам, в рамках которых происходит процесс повышения академической мобильности, что способствует обмену межкультурного обогащения.

Положительным примером для снижения рисков возникновения непонимания, страха перед интеграцией в другое общество с иной культурой, при этом, не теряя своей традиционной идентичности, могут быть разного рода политические и культурные национальные и международные проекты, отражающие ценности разнообразия других культур, позиционируя определение культура, как путь к гуманизму и культурному обогащению человечества в 21 веке. Одним из таких проектов является и наш совместный проект Школа диалога культур.

#### **Список литературы:**

1. Бабаджанова М. Культура мира – основа межкультурного диалога. // Наука и инновация, № 2./М.М. Бабаджанова. – Душанбе: «Сино», 2014. – С.12-15.
2. Бабаджанова М.М. Межкультурный диалог в современном мире: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. /М.М. Бабаджанова. – Душанбе, 2015. – 170 с.
3. Бабаджанова М.М., Юлдашева М.Р., Ким В. Калейдоскоп культур./М.М. Бабаджанова, М.Р. Юлдашева, В. Ким. – Душанбе: «Статус», 2007. – 95с.
4. Бокова И. Программное заявление «ЮНЕСКО в глобализованном мире: новый гуманизм XXI века». 15 ноября 2009 г. – [www.unesco.org](http://www.unesco.org)
5. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2005г.). – [www.unesco.org](http://www.unesco.org)
6. Текущий архив РТСУ
7. Центральная Азия на пути к культуре мира: формирование толерантного сознания, воспитание культуры мира: материалы международной конференции / Сост. и ред. И. Каримова, Академия образования Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 268 с.
8. Festival sur la diversite culturelle et le dialogue en Asie centrale. UNESCO 2005, France. – 264 p.
9. [www.mfa.tj](http://www.mfa.tj)
10. [www.rtsu.tj](http://www.rtsu.tj)
11. [www.wpfdc.org](http://www.wpfdc.org)



## НОВЫЕ РЕЛИГИИ РОССИИ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Бабич И.Л.

Россия, г. Москва

Институт этнологии и антропологии РАН

E-mail: irina@babich1.net

**Аннотация.** В предлагаемой статье рассматривается сложившаяся к настоящему времени религиозная ситуация на Северном Кавказе. Автор, на основе сбора нового полевого этнографического материала, убедительно показывает, что в течение 1990-2010-х годов появилась новая тенденция, в основе которой активное распространение в регионе протестантских церквей, что грозит появлению ряда проблем в духовной безопасности коренных народов региона.

**Ключевые слова:** религии, Северный Кавказ, протестантизм, ислам, православие.

1990-2010-е годы вызвали в Российской Федерации мощное религиозное возрождение так называемых «традиционных» (или «исторических») религий (православия и ислама), а также других религий, которые, по нашему мнению, и в научной сфере, и практической плоскости, редко становятся объектом объективного, научного анализа. Как нам представляется, в настоящее время на юге России, в целом, и в республиках Северного Кавказа, сложилась новая религиозная ситуация, в основе которой лежит значительный рост протестантских церквей. Это обусловлено целым рядом причин, о которых стоит размышлять. Цель предлагаемой статьи - на основе новых полевых этнографических материалов, собранных автором в 2016 – 2017 гг. на Северном Кавказе (главным образом, в Адыгее), рассмотреть особенности религиозной жизни в исследуемом регионе и предложить методы ее административной оптимизации.

**Районы распространения протестантизма на Северном Кавказе и юге России.** Общий религиозный процесс юга России и на Северном Кавказе характеризуется тенденцией роста большинства протестантских церквей [1, с.135-147]. На сегодняшний день протестантизм в этом регионе представлен такими течениями как Адвентисты 7-го дня, Евангельские христиане-баптисты (относящиеся к Союзу Евангельских христиан-баптистов), Совет Церквей Евангельских христиан-баптистов, Христиан веры евангельской (пятидесятников), Свидетели Иеговы и др. [2, с.180].

В настоящее время состав членов протестантских общин на Северном Кавказе таков: *русские, украинцы, белорусы, народы Северного Кавказа*. Для кавказоведов особый интерес представляет участие северокавказских горцев в протестантских церквях. Руководство всех протестантских церквей (и особенно баптистов), с начала 1990-х годов стало стремиться «принести свою веру» каждому народу Северного Кавказа. Наиболее успешной деятельностью баптистов оказалась среди адыгейцев, балкарцев, осетин, меньше

- среди ингушей и чеченцев. В Дагестане членами протестантских общин стали многие дагестанцы.

Одним из наиболее «открытых» к протестантским направлениям стали адыгейцы, особенно те, кто проживает недалеко от г. Краснодара. Рядом с этим городом находится целый «куст» адыгейских аулов, а также г. Адыгейск [3]. Привлечение адыгов в протестантские церкви началось еще в начале 1990-х годов, но лишь последние 5-7 лет они стали посещать эти церкви более или менее открыто, не боясь негативной реакции со стороны родственников-мусульман, и прежде всего своих родителей – мусульман.

***Причины успешного распространения протестантских церквей. Пассивность миссионерской работы Русской православной церкви. Негативные стереотипы в отношении ислама.*** Бывшие мусульмане Адыгеи часто воспринимают ислам как агрессивную религию, с которой они не хотели бы себя ассоциировать. Они не видят в исламе того духовного гуманизма, который, по их мнению, должна нести вера в Аллаха (хотя он, безусловно, есть). Понятно, что такое впечатление сложилось под влиянием стереотипов об исламе, навеянных религиозным экстремизмом, но желание исповедовать «гуманную и светлую религию» (по их словам) заставляет обратить внимание на различные протестантские церкви. ***Слабость или полное отсутствие православных и мусульманских социальных, образовательных, культурных программ на фоне нового витка активизации социальной помощи со стороны протестантских религиозных движений.*** Кавказ – регион, куда в течение ряда прошлых веков ссылались различные религиозные группы из Центральной России. История проникновения протестантизма на Кавказ относится к началу XIX в., когда в регионе начали осуществлять свою проповедническую деятельность западноевропейские библейские миссии. После отмены крепостного права (1861 г.) протестантизм получил широкое распространение в Российской империи, в основном среди русского населения православного вероисповедания. В конце XIX - начале XX вв. в ходе переселенческой политики правительства на Северном Кавказе представители русского сектантства и протестантизма пополнили этнический состав населения региона. Во второй половине XIX в. в Российской империи была большая проблема с распространением сект среди казачества. Уже в это время в русском христианстве стали преобладать протестантские церкви - баптисты, адвентисты, евангельские христиане, пятидесятники. Распространение протестантов в конце XIX в. на Северном Кавказе происходило легко, так как были значительные группы старообрядцев и «духовных христиан». Кроме того, Кавказ издавна являлся регионом, куда бежали от преследования властей представители различных религиозных течений. И в Терской, и в Кубанской области насчитывалось множество переселенцев, исповедующих различные религиозные течения. Немецкие миграции, имевшие место в XIX в. на Кавказе, также добавили региону неправославных общин [4, с. 88-111]. ***Активная миссионерская деятельность членов протестантских общин.*** Большую роль в подготовке христианских миссий среди мусульман бывшего Советского Союза сыграл Институт Перевода Библии, основанный в Стокгольме. В первые два года своей работы Инсти-

тут переиздал Библию на 19 языках народов бывшего Союза. Среди этих первых языков, наряду с языками всех бывших республик Союза, были башкирский и татарский. В последующие годы сотрудниками Института были сделаны переводы многих книг Библии на чеченский, аварский, кумыкский, даргинский, лезгинский, карачаевский и другие языки мусульманских народов России.

Успешность распространения баптистских идей среди народов Северного Кавказа во многом объясняется и деятельностью в начале 1990-х годов протестантского миссионера из Германии, шведа Лео Мартенссона. Он выучил адыгейский язык, перевел Евангелие на адыгейский язык, основал первую адыгейскую общину на Северном Кавказе. В 2002 г. его лишили визы и запретили деятельность на территории Адыгеи. Но дело уже было сделано: адыги вовлеклись в протестантизм [5, с. 162-185]. В Дагестане в 1990-е гг. иностранными миссионерами было предпринято несколько попыток организовать христианские общины из числа дагестанцев. Американцем Гербертом Греггом из организации World Team в 1995 г. в Махачкале была основана Церковь «Благая Весть». Пастор Грегг преподавал английский язык в Дагестанском педагогическом университете, общался с воспитанниками одного из махачкалинских детских домов. В конце 90-х гг. граждане США Филипп Ли Шенк, Алиса Шенк, Дуглас Лорен Смит и подданные Норвегии Рик Фьосте, Альфред Оскар Мюренг, Ян Хаген под прикрытием религиозной благотворительности, занимались миссионерской деятельностью в Дагестане. Впоследствии все были высланы из РФ [1].

• *Грамотная критика ислама и православия.* Протестанты охотно критикуют нынешние исламские и православные церкви. Например, баптисты часто рассказывают своим членам, что ислам в Адыгее – формальный, никто не знает арабского языка и не понимает молитв, которые, как правило, мусульмане заучивают наизусть. Баптистское руководство утверждает, что адыги стали чаще посещать и православные храмы, но священники не хотят иметь с ними дело, предлагая идти в мечеть. Пресвитер баптистской церкви в г. Адыгейск отметил, что «сами адыги не будут целовать крест у народа, который их завоевал», используя таким образом в пропаганде своей религии историю включения адыгов в состав Российской империи [3].

• *Способ распространения протестантизма: миграции.* Важным фактором усиления протестантских течений в 2000-х годах стали миграционные потоки, наблюдаемые на юге России. Приехали значительные группы белорусов, украинцев, таджиков, узбеков, казахов, исповедующих протестантские учения. Так, в 1990-2000-е годы было несколько волн мигрантов в Адыгею вообще, и в уже упоминавшуюся выше ст. Ханскую: в станице протестантские общины 2000-х годов во многом и сформировались за счет мигрантов - пятидесятников из Белоруссии, баптистов и адвентистов из республик Средней Азии. И в тоже время за последние 10-15 лет мы наблюдаем отток православного населения из республик Северного Кавказа.

• *Психолого-экономические причины.* Когда говоришь с членами протестантских церквей о том, почему они не нашли себя в «традиционных» для

российских народов религиях, то обычно они объясняют это неприятием их официозности, огосударствления и равнодушного отношения к рядовому верующему. В протестантских общинах им нравится атмосфера заботы и внимания к каждому. Попадая в нее, они подвергаются «бомбардировке любовью». К новому человеку обязательно подойдут, расспросят, проявляя интерес, он начинает чувствовать себя нужным. Заходя в церковь или мечеть, человек этого не испытывает: священнослужитель проводит молитву, и все расходятся. Индивидуального внимания прихожанин не ощущает, между священнослужителем и отдельным прихожанином порой настоящая пропасть.

Если адыгеец становится членом мусульманской общины, то община ему ничем не помогает, и в первую очередь, община не помогает ему в его экономическом продвижении в жизни. Однако если он становится членом протестантской общины, то сразу же начинает чувствовать помощь: то велосипед его ребенку подарит община, то компьютер - ему самому, и главное – члены общины помогут найти работу.

• *Ослабление исламско-православного контроля над протестантскими движениями.* В Адыгее в прежние годы, в 1990-2000-е годы, когда муфтием Духовного управления мусульман РА и КК был Нурби Емиж, а православной епархией руководил епископ Пантелеймон, большое внимание уделялось ограничению деятельности протестантских организаций в республике. Муфтий Н. Емиж совместно с епископом Пантелеймоном привлекали силовые и властные структуры в своей «борьбе» с негативным, по их мнению, влиянию протестантов на граждан Адыгеи. Была реальная «борьба» за паству. Однако несколько лет назад руководство, как ДУМ, так и Майкопской и Адыгейской епархии сменилось: новым муфтием стал А. Карданов (2011 г.), а епископом - о. Тихон (2009 г.). Новое руководство мусульман и православных в значительной степени ослабили контакты между своими ведомствами вообще, и по вопросу деятельности протестантских церквей на территории республики, в частности. В основном, общение двух религиозных лидеров сводятся к поздравлению с основными религиозными праздниками. В настоящее время руководство ДУМ РА и КК активно работает совместно с республиканскими властями в сфере контролирования радикальных мусульман. И эта деятельность ДУМ достаточно успешна (за последние годы известен лишь один случай деятельности радикального имама г. Адыгейска Ю. Шеуджена, который проводил агитацию за поддержку ИГИЛа и отъезда в Сирию для борьбы с «противниками ислама», в результате чего не менее 10 семей переехали в Сирию, 2015 г.) [6, с. 7-66].

Ни руководство ДУМ, ни простые члены мусульманской уммы в настоящее время не видят значительной угрозы со стороны деятельности протестантских церквей в Адыгее. Более того адыги-мусульмане считают, что мусульманам протестанты «ближе», чем, например, члены православных общин. У протестантов как у мусульман нет почитание икон, покаяния и других внешних атрибутов, свойственных православной церкви. В других республиках Северного Кавказа между протестантами и мусульманами в

прежние годы также складывались более жесткие отношения, чем в настоящее время.

**Заключение.** Вышеприведенный материал свидетельствует о том, что в настоящее время на Северном Кавказе складывается новая религиозная ситуация, в которой кроме ислама и православия начинают доминировать различные протестантские религии. В силу ряда причин протестантам удастся привлекать в свои общины коренные народы Северного Кавказа. Как нам представляется, данная тенденция заставляет кавказоведов задуматься о формулировании мер духовной безопасности, которые позволили бы ограничить распространение новых религий среди северокавказцев.

*Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ «Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в развитии российского общества» №15-31-11109 (рук. В.А. Тишков).*

### Список литературы:

1. Бабич И.Л. Актуальные проблемы западных адыгов в XXI веке // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 2
2. Халидова О.Б. История протестантских общин на Северном Кавказе: возникновение, становление и развитие во второй половине XIX – нач. XXI в. (на примере Республики Дагестан). Дисс. на соиск. Канд. ист. Н. Махачкала, 2008.
3. Бабич И.Л. Полевые материалы автора. Адыгея. 2016 – 2017 гг.
4. Бабич И.Л., Бобровников В.О., Соловьева Л.Т. Ислам и христианство на Северном Кавказе // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.
5. Бабич И.Л. Протестантское движение в Адыгее // Христианство на Северном Кавказе: история и современность. М., 2011.
6. Бабич И.Л. Этапы распространения ислама в Кабарде // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. М., 2003

## БУДДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

**Багаева К.А.**

*Россия, г. Улан-Удэ*

*Бурятский государственный университет*

*E-mail: ksyusha.81@mail.ru*

**Аннотация.** В данной работе мы предлагаем формировать экологическое сознание на основе буддийской философии. В буддизме понимание отсутствия индивидуального «Я» занимает центральное положение. Основываясь на этой философии, человек понимает свою неразделенность, взаимосвязанность с окружающей средой. Настоящее исследование изучает эти отношения. Результаты свидетельствуют о позитивной направленности человеческого сознания в сторону сохранения себя как части целого, приро-

ды. Представляется, что толкование себя как потока дхарм в рамках всеобщей целостности мира формирует естественное экологическое сознание.

**Ключевые слова:** восточная философия, буддийская этика, «Я», экологическая этика, даосизм, конфуцианство

Сегодня мы становимся свидетелями того, как ухудшающееся состояние окружающей среды приводит к тому, что мировое сообщество начинает осознавать насколько губительной для природы оказалась деятельность человека. В последнее время появилось множество программ по изменению потребительского отношения к окружающей природе. Однако кардинальных изменений не наблюдается. Более того, некоторые ученые, исследователи уверены в том, что без изменения мировоззрения людей данную проблему не решить.

Возможно, экологический кризис и связан с изменением ценностной шкалы общества. Нравственные идеалы христианства, ислама и ислама способствуют отчуждению человека от природы, конфликтам и войнам, росту техники и технологий. Тогда как восточные религиозные культуры: индуизм, буддизм, даосизм и конфуцианство, напротив, способствуют поиску гармонии с природой. Восточная цивилизация основывается на традиционном типе культуры, который предполагает аграрное производство, экстенсивное освоение земель, преобладание традиций, уважением и почитание старших, единение с природой. Восточная культура интровертивна, т.е. направлена внутрь себя, на самопознание, изменение своего «Я», а не объекта, не природы. Поэтому тип личности, сформировавшийся на Востоке подразумевал гармоничные отношения с природой. Об этом свидетельствуют такие понятия как «ахимса» - принцип не насилия, возникший еще в ведийской философии и существующий в буддизме.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных буддийской философии, медитации, практике, опубликованных за последние два десятилетия, изучение экологической проблемы через призму буддизма еще находится на начальной стадии.

В буддийских текстах нет прямого обращения к проблемам экологии, в них мы можем найти отдельные высказывания, которые формируют определенное поле смыслов. Таким образом, мы стремимся внести вклад в создание нового экологического сознания на основе буддийского миропонимания.

Буддийская философия рассматривает природу не как объект покорения, а как равный человеку. Принцип взаимозависимого существования состоит в том, что все существа имеют возможность переродиться и стать Буддой. Кроме того, в каждом живом существе есть частица, зерно Будды, так называемая алая-виджняна. Здесь подразумевается внутренний потенциал каждого, которым живое существо наделяется еще при рождении, так называемое «Семя Будды» Соответственно, раз во всех существа, везде присутствует частица Будды, то и к природе человек относится с особым почтением.

Главным принципом буддийской философии является идея взаимообусловленности субъекта и объекта, человека и природы.

Картина мира, созданная на основе буддийского вероучения, служит средством интеграции человека в природе, способствует гармоничным отношениям, как между людьми, так и между различными сферами культуры. В этой картине мира проявляется глобальный образ всего явленного нам мира, который формируется на основе и в границах определенного сознания и обуславливается требованиями реальной жизни. Буддийская картина мира пластична и многообразна [1, с 61].

Пространство экологической этики – это интеллектуальная традиция отношений между людьми. Мораль придает человеческому существованию изначально самоценный смысл, также она ответственна за факт существования в качестве человеческого. Этическая проблема – это, прежде всего проблема определения места человека в мироздании. «В центре буддийского космоса стоит этически разумный человек. Буддизм подчеркивает особую роль разума в эволюционном процессе» [2, с.14]. Буддизм нацелен на решение внутриличностных и межличностных конфликтов посредством внутреннего самосовершенствования личности. Тем самым способствуя активной духовной деятельности в течение земной жизни, без изменения окружающего мира. Буддийская этика оказывается тесно связанной с экологической проблематикой. Поскольку карма определяет рождение человека в благоприятных экологических условиях.

Закон кармы представляет собой некий инструмент нравственной саморегуляции человека, который можно сравнить с категорическим императивом И. Канта, суть его заключается в том, что не следует поступать с другими так, как не хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе. Понятие о карме является одним из аспектов учения и цепи причинно-зависимого происхождения (пратитьясамутппада), которая состоит из двенадцати звеньев (нидан), расположенных в строго определенном порядке. Данный этический императив практически проявляется в одном из главнейших буддийских законов – в законе кармы.

Буквальное значение слова «karma» (санскр.) – действие. По сути, карма и её результат это описательное выражение расположения элементов бытия в такой-то момент в сложном сплетении их совокупностей, причём расположение это в каждый момент определяется предшествующим моментом. Если переложить это на индивидуальный континуум живого существа, тогда: любое переживание или нечто испытываемое, мыслимое или ощущаемое живым существом, является результатом его индивидуальной кармы, суть совокупности совершённых им деяний. В силу первой благородной истины Будды допустима формулировка: «любой результат в виде страдания трёх видов». Что такое переживаемое страдание? По своей природе тончайший аспект сознания, называемый «ясным светом», не имеет никаких преград, препятствий, затруднений, страдания и т.п. Аспекты осознания и действия в нём нераздельны, т.е. свойство изменчивости отсутствует. Находясь под влиянием изначального (безначального) неведения (avidyā; неосознания, разделения на внешнее и внутреннее), «внутренний» ум взаимо-

действует с тем, что воспринимает как «внешнее». То есть аспект осознания видится «внутренней сущностью», субъектом, а аспект действия – «сущностью внешней». При наличии такого разделения, направленность внешней сущности «изнутри вовне» становится действием ума, а направленность «извне вовнутрь» – претерпеваемым воздействием. Само это состояние подверженности внутреннему неведению противоречит сущности аспекта осознания и естественно обращает его в аспект действия, что приводит ум в состояние некой оформленности, суть, которой в наложении аспектом осознания ошибочного представления о «Я» на основу – аспект действия. Так образуется действующий субъект, который постоянно вынужден претерпевать различные, обозначаемые им так, воздействия, которые суть результаты его же собственных постоянно меняющиеся действий, непрерывно возвращающиеся к нему же, поскольку единственно возможным объектом действия является всё тот же ум.

По существу, человек не противопоставляется природе и не должен ее завоевывать, как в западном понимании, а является лишь частью сообщества живых существ, которые также подвержены влиянию кармы. Человек отличен от других лишь тем, что имеет возможность и способность стать просветленным. Поскольку под воздействие кармы попадают все живые существа, то и этические нормы предписаны для всех. Поэтому в буддизме человек обязан соблюдать этические правила, нарушение которых может привести к неблагоприятному будущему рождению.

Кроме того, данный принцип взаимообусловленности раскрывает, как связаны между собой все живые существа на Земле, что причинение ущерба природе, окажет негативное влияние и на человека.

Главное в формировании экологического сознания с помощью буддийской философии это понять, как взаимодействует человек со средой своего обитания. Это, прежде всего, связано с осознанием себя как личности. В западноевропейском понимании личность формируется благодаря воспитанию, социализации, это социально активная, ответственная и граждански ориентированная личность. В буддийской философии личность рассматривается с точки зрения сотериологии.

Анализ тибетских источников показывает, что окружающий мир и личность представляет собой некую строго структурированную динамичную целостность, иначе называемую потоком (сантана), в свою очередь состоящего из трех функциональных групп таких как: «скандха», «аятана», «дхату» Совокупность пяти элементов иначе «скандх». Это: группа чувственного («рупа»), то есть это все, что относится к области чувственно воспринимаемого и материального; группа чувственности («ведана») (ощущение приятного, неприятного или нейтрального); группа осознания различий (круглое – квадратное; белое – черное и т.д.), а также формирования представлений и понятий – «самджня»; группа мотивирующих и формирующих факторов – волений и побудительных импульсов («самскара»); сознание как таковое («виджняна»).

Существует десять источников сознания («аятана»), которые представляют собой пять органов чувств («индрия») – зрительный, слуховой, обоня-



тельный, вкусовой, осязательный и пять продуктов чувствования – видимый, слышимый, обоняемый, вкусовой и осязаемый элементы. Помимо этого, в структуру личности входят десять классов элементов («дхату») – это, собственно, пять органов чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и пять классов объектов: цвет и форма, звук, запах, вкус, осязание, т.е. то, на что непосредственно направлены указанные выше органы чувств. Все эти элементы взаимосвязаны друг с другом. Одним из важнейших аспектов сознания в буддийской традиции выступает понятие «алая-виджняна», на взгляд автора, которую можно соотнести с «архетипом» К.Г. Юнга. Такая параллель возможна потому, что в «алая-виджняне» собраны и накоплены отпечатки прошлых жизней, которые особым образом помогают приспособиться ко внешнему миру. И вот именно в ней человеческое «Я» актуализируется и находит свои основания. Динамичная психофизическая целостность мира или поток дхарм проистекают, взаимодействуют и создают разного рода комбинации, которые как метка откладываются в «алая-виджняне» в виде воспоминаний. И вот этот поток, имеющий своей основой общие воспоминания, начинает воспринимать себя как нечто единое целое, что влечет за собой заблуждение о наличии вечной субстанции внутри потока в виде так называемой человеческой души. В этот момент человек противопоставляет себя миру, появляются желания, воления и привязанности, столь губительные для человека. Основным ментальным фактором, формирующим отрицательное для человека состояние, является «неведение» (авидья»), наличие которого означает присутствие в сансаре, а отсутствие – в нирване. Как утверждает Махаянская традиция в Тибете, все элементы не имеют собственной сущности, а, по сути, являются лишь именами, названиями. Все составляющие элементы взаимообусловлены – все является причиной одного и, наоборот, одно является причиной другого. Получается, что раз составляющие элементы личность «пустотны», или «шуньята», личность как таковая существует, но не абсолютно. «Я» существует, но имеет зависимое существование. Главная мысль того, что «я» не имеет самостоятельного независимого существования – это то, что «я» не имеет такого понятия как единственное число. В «я» нет понятий «единственное число «я» и «множественное число «я»». Здесь на первый план выдвигается субъективизм буддийской традиции, который утверждает, что все иллюзорно и является продуктом сознания. Существует лишь представление личности о самой себе и окружающем мире. С помощью этого буддийской теоретик подталкивают человека к пониманию, того, что в принципе весь мир и, естественно, человек «растворены» в абсолюте, т.е. Будде. За этим иллюзорными сущностями присутствует истинная реальность. Будда присутствует во всех и вся, причем сущность его пустотность («шуньята»). Отрицание самости человека и вещей не означает полное их несуществование, а имеется в виду, отсутствие самостоятельной сущности в мире, пронизанном взаимообусловленностью и жесткой каузальностью. Человек будет счастлив только тогда, когда поймет, что он неразделен с абсолютом. И вот именно понять относительность нашего «Я» и увидеть свою истинную природу и является задачей пути просветления.

Представление о сущности человека в тибетском буддизме берет свои оригинальные истоки из индийской доктрины анатмавады (отсутствие индивидуального «Я»), которая впоследствии была принята индийской школой буддизма «мадхьямака», оказавшей немаловажное значение на становление и развитие буддийских воззрений на природу человека в Тибете, следовательно, в Монголии и Бурятии. В тибетской традиции отрицается индивидуальное «Я» как сущность, как душа. Самость человека - это пять элементов (скандх), которые образуют способность человеческого познания окружающего мира. В философской традиции Гелугпа эти скандхи считаются изначально «пустотными», т.е. лишенными собственной, индивидуальной сущности. Отрицается в данном случае не элемент и его совокупности как таковые, а его наименование. Исходной посылкой такого видения является признание существования чувственных объектов только в сознании индивида. Они пустотны потому, что не обладают реальной сутью, а есть только номены. Данное понятие пустотности носило, прежде всего, практически-деятельностный характер, используемый человеком при медитативных практиках для достижения человеком совершенного состояния [1, с. 97]

Такой онтологический взгляд буддизма способствовал формированию открытости личности, что на наш взгляд, помогает буддизму адаптироваться в любых исторических и социокультурных условиях. Именно этот аспект применим к созданию особого экологического сознания на основе взаимосвязанности, взаимообусловленности субъекта и объекта, человека и мира природы.

Следует отметить, что буддизм впитал себя и элементы автохтонных верований тех народов, на территории которых он распространялся. Ярким примером служит Центральная Азия, Монголия и Бурятия. Именно в этих регионах наиболее ярко проявляется ассимиляция буддизмом экологических традиций бурят и монголов.

Существовавшее до прихода анимистическое мировоззрение монголов и бурят, проявляющееся в сакрализации природных мест нашло свое отражение и в буддийском мировоззрении. Местные боги становятся буддийскими защитниками. Особо почитаемые при шаманизме озера, реки, водоемы, горы, также становятся святыми для буддизма. Для кочевников очень важен был баланс с природой, когда нельзя убивать животных больше чем нужно, вырубать леса, загрязнять водоемы. Буддийское мировоззрение дополнило данные воззрения более глубоким философским смыслом.

Таким образом, буддийская философия имеет опыт и пути решения экологической проблемы. Ведь буддийская этика основана на любви и уважении ко всему окружающему.

### **Список литературы:**

1. Багаева К.А. Мировоззренческие основы традиции Гелугпа в Центральной Азии.- Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012.-127с.

2. Мантатов В.В. Экологическая этика буддизма // Мир буддийской культуры: материалы международного симпозиума.-Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001.-С.12-25

3. Андросов В. П. Историко-методологические проблемы изучения древнебуддийской философии (V в. до н. э. – V в. н. э.) // Московское востоковедение: очерки, исследования, разработки. М.: Восточная литература, 1997.

4. Розенберг О. О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. -295 с.

5. Рудой В. И., Островская Е. П. О специфике историко-философского подхода к изучению индийских классических религиозно-философских систем. М.: Наука, 1987.

6. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988.-420с.

## УГРОЗЫ КУЛЬТУРНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ

**Баева Л.В.**

*Россия, г. Астрахань*

*Астраханский государственный университет*

*E-mail: baevaludmila@mail.ru*

**Аннотация.** В современном глобальном, открытом мире безопасность становится главной ценностью, объектом защиты, обеспечения и исследования. Защита от противоправного, манипулятивного информационно-психологического воздействия, оказываемого на современного человека, является объектом данного исследования. В статье анализируются основные государственные документы в сфере информационной безопасности, дается оценка информационным угрозам с позиции культуры. В рамках подхода культурной безопасности раскрываются типы и формы информационных дестабилизирующих факторов и определяются направления противодействия им.

**Ключевые слова:** информационная безопасность, культурная безопасность, кибербезопасность, киберугрозы.

В современном информационном мире безопасность связана с защитой от деформаций социальных и культурных систем, ведущих к нарушению здоровья, жизни, прав, свободы личности вследствие информационно-психологического воздействия с применением современных электронных ресурсов. Негативность воздействия информационного контента современные исследователи связывают с тем, что он вызывает «психолого-эмоциональную, социально-психологическую напряженность, искажение нравственных критериев и норм, морально-политическую дезориентацию» [1]. Добавим к этому также возможные деформации культуры, ведущие к ее упрощению, нивелированию, открытому или скрытому снижению ее цен-

ности, дискриминацию этнических и конфессиональных культурных ценностей путем распространения информации, и дезинформации, направленной на разжигание розни, противостояние культур в современном поликультурном сообществе.

Безопасность в целом, и информационная безопасность в особой мере становятся одним из важнейших направлений изучения как со стороны ученых, так и со стороны правительств государств, органов безопасности, законодательной сферы, а также международных общественных организаций. Юридически понятие «безопасность» было введено в «Закон о безопасности» в 1992 году, в нем указывалось, что «безопасность - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2]. Основными объектами обеспечения безопасности были названы «личность - ее права и духовные ценности; государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» (ст.1).

В настоящее время главным документом, связанным с обеспечением государственной безопасности, является Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3]. В нем дается определение национальной безопасности Российской Федерации как состояния «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее - граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» (Общие положения). К основным угрозам национальной и общественной безопасности в числе других отнесена «деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе» (Ст. 43). Наука, технологии и образование отнесены к главным факторам, обеспечивающим национальную безопасность в том числе отмечается необходимость повышения уровня технологической безопасности, в информационной сфере. В образовании - это «повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий» (Ст.70).

В области информационной политики главным документом является «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», принятая Указом Президента страны 5 декабря 2016 года. В Общих положениях Федерального закона дано определение информационной безопасности как состояния «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация

ция конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [4]. К информационным угрозам, согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, относятся, в том числе, различные террористические и экстремистские организации, которые широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Усиливает угрозы и отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства (ст. 3).

Усиление угрозы в информационной сфере связано с ее глобальностью и широтой охвата сетевого сообщества. В 2015 году, по данным Международного Союза Электросвязи (МСЭ, ИТУ), за последние 15 лет происходил значительный рост информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), открывая возможности для социально-экономического развития государств и народов. С 2000 года количество и плотность пользователей Интернет увеличились в 7 раз (с 6,5% до 43 % мирового населения). При этом отмечалось, что количество преступлений в информационной сфере растет в геометрической прогрессии, имея своими целями как отдельных граждан, так и политические системы, государства, международные сообщества [5].

Что же выступает основными угрозами в сфере информационной безопасности? Прежде всего, к ним относят следующие:

- Киберпреступность как преступные противоправные действия с использованием ИКТ для нанесения ущерба жизни, здоровью, свободе, собственности человека и организаций.

- Кибертерроризм как преступная деятельность с применением ИКТ с целью устрашения, разрушения, уничтожения или причинения вреда социально-политическим системам, государственному строю, конфессиям, институтам власти и системам правопорядка.

- Информационные войны как источник дестабилизации политических систем, подрыва авторитета отдельных лидеров, движений, партий и т.д. в целях борьбы за власть, влияние и распределение ресурсов.

- Умышленная и неумышленная дезинформация с применением ИКТ, способствующая формированию насаждаемых стереотипов, ложных знаний, страхов, суицидальных настроений, паники и т.д. для манипулирования общественным мнением.

Угрозы в сфере культуры, главным образом связаны с кибертерроризмом, дезинформацией, информационными войнами, однако, не исчерпываются ими. Если систематизировать возможные угрозы в области культурной безопасности с применением ИКТ, то к ним необходимо отнести следующие:

1. Кибер-экстремистскую и террористическую деятельность, направленную на разжигание национальной, этнической, конфессиональной розни, оскорбляющую честь или достоинство людей как носителей той или иной культурной традиции, дискриминацию представителей отдельных социальных групп по тому культурному признаку. Примерами этому является распространение в сети Интернет контента с проповедью или презентацией агрессивных, насильственных, оскорбительных действий в отношении представителей тех или иных конфессий, этносов, наций, рас и их культуры; использование социальных сетей, мобильных мессенджеров для коммуникации и обмена информацией среди членов экстремистских и террористических групп при подготовке и проведении атак (не только в киберпространстве, но и в реальной сфере), связанных с религиозной или этнической почвой.

2. Распространение информации и дезинформации, связанной с оскорблением исторической памяти, культурных традиций, вероучений тех или иных народов, имеющее целью снижение их авторитета в обществе (искажение результатов Второй мировой войны о роли каждой из сторон-участников, распространяемый через информационные ресурсы контент, направленный на девальвацию культурных ценностей; информационные атаки в отношении лидеров или ярких представителей конфессий, этнических сообществ, культурных объединений и др.).

3. Целенаправленное ослабление роли определенной культурной традиции, вплоть до ее вытеснения другой, посредством использования ИКТ нарушающее права и свободы личности (девальвация традиционных ценностей той или иной этнической группы или конфессии, формирование культа потребления и др.)

4. Пропаганда саморазрушительного поведения (призывы через социальные сети, блоги, виртуальные сообщества к суициду, к насилию и антигуманным действиям).

5. Распространение «низовой» массовой интернет-культуры, пропагандирующей обращение к низменным потребностям, вытесняющей интеллектуальную культуру с установками на формирование этических и социальных ценностей.

6. Постмодернизация сознания, с преобладанием эклектики, квазинаучного мировоззрения, основанного на форсированном плюрализме подходов (религиозного, мифологического, научного). Результатом становится ослабление способности к аналитическому, логическому, критическому, системному мышлению, преобладание клипового, визуально-слухового восприятия упрощенной информации, фрагментация знаний, неспособность к аргументации и обоснованию мировоззрения.

7. Умышленное и неумышленное искажение традиционной языковой культуры, размывание его норм, замена сленгом, упрощениями, заимствованиями и т.д., ведущими к утрате культурно-языковых традиций тех или иных народов.

Влияние информационных технологий на сферу культуры двойственно. С одной стороны, оно дает возможность для развития новых форм сохранения культурного наследия, проявления творчества человека, преодоления барьеров для коммуникации, образования, доступа к культурным ценностям. С другой стороны, ИКТ могут быть использованы как источник манипуляции общественным мнением, распространением угроз жизни, здоровью, правам и свободам личности, культуре как системе ценностей и норм.

С позиции структурно-философского анализа к рискогенным тенденциям развития информационного общества сквозь призму проблемы культурной безопасности можно отнести следующие:

- утрата ценности реального мира в сознании и жизни человека (на онтологическом и аксиологическом уровне);
- ослабление реальной коммуникации, реального творчества и интеллектуальной активности, утрата индивидуальности личности, культурной идентичности, снижение личной ответственности за действия в виртуальном мире (на антропологическом и когнитивном уровне);
- формирование новых типов зависимостей личности и форм девиаций, связанных с ИКТ (на психологическом уровне);
- зомбирование или программирование поведения, информационные войны и возрастание социальной рискогенности, утрата доверия к социально-политическим институтам (в результате вбросов дезинформации, информационного мусора, троллинга), незащищенность личности в информационном пространстве (на социальном уровне);
- стирание границ между вымышленной и достоверной информацией, утрата доверия к научному знанию, системе образования, мифологизация общественного мировоззрения, насаждение псевдо- и квази-научных знаний, иррациональных стереотипов мышления с использованием ИКТ (на когнитивном уровне);
- усиление этического и нравственного плюрализма, размывания границ между «добром» и «злом» в виртуальной деятельности, ослабление моральных регуляторов и их замену правилами «пользователя» (геймера, пользователя социальных сетей и т.д.) (на этическом уровне).

Защита человека и его культурных ценностей в информационную эпоху оказывается связанной с такими областями как:

- усовершенствование законодательства в сфере информационного общества (по предотвращению и наказанию киберпреступлений);
- формирование принципов и норм информационной этики (для профилактики киберугроз и формированию культуры межличностного общения в глобальной и локальных информационных средах);
- сохранение и развитие системы современного образования (с целью формирования рационального, научного мировоззрения, обладающего

навыками критического, системного анализа, ограждающим от манипуляций общественным сознанием);

• пропаганда достижений творчества, науки, искусства, ориентированных на духовные, социальные, моральные ценности (противостоящее массовой культуре, ориентированной на пропаганду низших потребностей, асоциальности, эгоцентризма, примитивного гедонизма, консюмеризма, ониомании).

Для совершенствования информационной культуры в ряде стран появляются специальные учебные курсы, тренинги, призванные помочь адаптации человека в Сети и формированию определенных поведенческих ориентиров, которые могут быть ценными и в реальной сфере. Обучение основам информационной безопасности и этики было бы эффективно и в России; на первом этапе это может быть знакомство с существующим международным опытом в этой сфере (Кодексами ООН, ЮНЕСКО, Руководствами по защите от кибербезопасности для детей и взрослых, подготовленными МСЭ и т.д.), на втором этапе – изучение этических аспектов развития виртуальной коммуникации и авторского права, и на более продвинутом третьем уровне – этический анализ развития высоких технологий в различных сферах современной науки и их влияния на человека.

Культурная безопасность в информационном мире также должна стать темой пристального внимания, поскольку она связана не только с возможностью утраты традиционных форм деятельности человека и их виртуализацией, но и с изменением самого человека, его социальных, ценностных, духовных оснований.

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15–33–11172). Целевой конкурс проектов междисциплинарных исследований 2015 г. «Социокультурные аспекты национальной безопасности России», проект «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».*

#### **Список литературы:**

1. Федоров А.В. Зиновьева Е.С. Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 132.
2. ФЗ № 2446 от 05.03.1992г. Российской Федерации «О безопасности» (в 2010 году этот Закон был признан утратившим силу).
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации - URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации".
5. The Measuring the Information Society Report, 2016 // [http:// www. itu. int/ en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2016.aspx](http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2016.aspx)



## ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

**Байсаидова Г.Б.**

*Россия, г. Махачкала*

*Дагестанский государственный университет*

*E-mail: baysaidova@list.ru*

**Аннотация.** В глобальном мире особую актуальность приобретает проблема влияния традиционных идентичностей на формирование молодых людей. В рамках статьи предлагается анализ влияния исламской идентичности на процесс социализации современной российской молодежи.

**Ключевые слова:** религия, ислам, исламская идентичность, молодежь, социальная интеграция, социализация, криминальная девиация, религиозное просвещение

Социализация современной молодежи происходит в условиях кризиса традиционных идентичностей. Кроме того, сегодня активная демонстрация конкретной религиозной идентичности связана с определенной долей риска, что способствует социальному исключению различных общностей, прежде всего, молодежи. Бесспорно, подобные процессы ухудшают социальное положение молодежи, стимулируют криминальную девиацию.

Угроза утраты своей культуры, риск потери традиционной идентичности осложняют процессы социальной интеграции, порождают многочисленные конфликты и социальные девиации в ходе контактов с другими культурами.

Эти процессы негативно сказываются на самоидентификации современной молодежи, препятствуют ее адекватной социальной интеграции. Поэтому существует потребность в постоянном внимании к данной проблеме. В рамках статьи предлагается анализ исламской идентичности и ее влияния на формирование современной молодежи.

В условиях постмодерна происходит активное противостояние различных цивилизаций [1], в ходе которого особенно выделяется столкновение на религиозной почве. Известно, что религиозная идентичность построена на осознании своей принадлежности к определенной религии. Религиозная идентичность молодежи формируется в ходе социализации посредством конкретных религиозных догм.

На формирование ценностных ориентаций современной дагестанской молодежи большое влияние оказывает ислам. Но при этом надо отметить, распространение радикальных исламских ценностей порождает риск социального исключения и приводит к усилению антагонизма в системе ценностей различных групп молодежи. В процессе формирования религиозной самоидентификации молодежи, в том числе и исламской идентичности, часто внешние факторы доминируют над внутренней составляющей личности молодого человека. В практической деятельности это выражается в боязни части молодежи выразить свою точку. Причина такого поведения – неже-

ление быть отвергнутыми обществом. Именно подобная позиция делает молодежь объектом манипулирования радикально настроенных социальных групп. Помимо этого, в ходе социализации молодежи необходимо обратить внимание на баланс внутренних и внешних составляющих религиозной идентичности, то есть на взгляд изнутри на себя и на оценку окружающего мира, что, как известно, создает дополнительные сложности в формировании религиозной самоидентификации молодежи. Решение проблемы – повышение уровня гуманитарного образования и религиозного просвещения. Реализации этой задачи, главным образом, способствует изучение комплекса социально-гуманитарных дисциплин на разных этапах образовательного процесса.

В рамках религиозного просвещения необходимо активизировать работу по распространению информации об опасных последствиях религиозно-политического экстремизма. Реализации данной цели способствует курс «Религиозно-политический экстремизм», который изучается в Дагестанском государственном университете в последние полтора десятка лет. В рамках изучения данной дисциплины мы проводим круглые столы с приглашением ведущих специалистов по истории ислама. Студенческая молодежь активно участвует в организации и работе конференций, посвященных особенностям проявления, проблемам преодоления религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе и в Дагестане. Эта работа особенно актуальна в условиях распространения размытых идентичностей и неадекватной оценки исламских традиций и ценностей, стимулирующих процессы негативной социализации. Задача педагога – научить молодежь оптимальной процедуре принятия решения в сложной жизненной ситуации.

Известно, что молодежь всегда стремится улучшить свой социальный статус и достичь результатов в кратчайший срок. Но в условиях кризиса идентичностей отсутствует универсальная модель социализации, существует опасность распространения ее негативных вариантов. Неопределенность идентичности, недоверие к социальным институтам создают условия, которые способствуют развитию социальной травмы. В этой ситуации молодежь ищет спасение в религии, потому следует обратить внимание на позитивную роль религиозных институтов и их эффективное взаимодействие с современной системой светских социальных институтов. Решению проблемы духовного воспитания молодежи препятствует отрицательное восприятие исламской идентичности, в частности, распространение в средствах массовой информации негативного образа мусульман. Развитию негативного отношения к мусульманам в современной России способствовал также конфликт на Северном Кавказе. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением, что формированию и распространению взгляда на ислам как на агрессивную идеологию оказывает влияние и некомпетентный анализ причин возникновения и специфики деятельности различных радикальных религиозных группировок [2].

Целесообразно обратить еще раз внимание на то, что в ходе изучения исламской идентичности современной молодежи Дагестана особенно важно адекватное обращение с результатами социологического исследования.

Корректность работы с данными эмпирического исследования способствует эффективной прогностической деятельности, в том числе изучению перспективы влияния современного ислама на формирование дагестанской молодежи. Так, прогноз в интервале от одного года до пяти лет поможет предсказать, в каком направлении будет проходить исламизация молодежи Дагестана. Перспективы влияния исламских ценностей на сознание дагестанской молодежи могут быть определены в рамках среднесрочного прогноза, то есть в интервале от пяти до пятнадцати лет. Стратегия работы в направлении формирования религиозного сознания может быть определена в ходе составления долгосрочных прогнозов, в интервале от пятнадцати до тридцати лет. От профессионального анализа полученной объективной информации и составления качественного социологического прогноза зависит определение стратегии работы всех агентов и институтов социализации, перспектива решения сложнейших проблем духовного воспитания молодых людей.

Далее необходимо обратить внимание на фактор, который также негативно влияет на формирование исламской идентичности. Речь идет о довольно высоком уровне политизации ислама [3]. Идея создания собственной правовой системы способствует формированию антисистемной формы религиозного экстремизма. Данная форма религиозного экстремизма направлена против идеологии светских режимов, которые не признают за религиозными организациями статуса легитимного субъекта власти.

Фальсификация истории ислама, неверные сведения об исламе, заведомо ложные социологические выводы о влиянии исламских ценностей на молодежь препятствуют адекватной социализации молодых людей, формированию исламской идентичности, способствуют формированию радикальных идей. В этой связи, пожалуй, следует еще раз напомнить, что за произвольное обращение с данными эмпирического исследования любой ученый несет как моральную, так уголовную [4, ст. 237] и административную ответственность [5, ст. 5.39]. В частности, в процессе изучения проблем религиозно-политического экстремизма мы обращаем особое внимание на корректное обращение с данными, с выводами, которые могут оказать негативное влияние на формирование представлений об изучаемом предмете, обострить проблемы религиозной, в том числе исламской, идентичности молодежи.

В процессе социализации молодежи необходимо помнить, что склонность к криминальной девиации, в том числе и к экстремизму присуща не только молодым людям без устойчивого социального статуса, но и той части молодежи, которая усвоила эти негативные формы поведения в результате неудачной социализации. Поэтому перед всеми агентами социализации молодежи стоят сложные задачи духовно-нравственного воспитания молодежи. При этом надо понимать, что уровень сложности этой работы разный и зависит от того, с какой группой молодежи мы имеем дело. Адекватная социализация молодежи, которая долгое время находилась в состоянии социальной фрустрации, осложнена тем, что она является доступным объектом манипулирования организаторов экстремизма. Наибольшая сложность,

порой безрезультативность характерна для работы с фанатично убежденными в правомерности экстремистской идеологии субъектами, которые признают лишь исламскую идентичность, отличаются особенной нетерпимостью по отношению к иноверам. Подобное понимание религиозной идентичности отрицательно воздействует на социализацию молодежи. Современное образование как один из важнейших институтов социализации должно способствовать активной социальной интеграции молодежи, особенно той ее части, которая общается в виртуальном пространстве и подвержена влиянию пропагандистов и организаторов религиозного экстремизма.

Процесс духовно-нравственного воспитания, формирования исламской идентичности молодежи связан с решением множества проблем. При этом важно помнить, молодые люди часто не могут правильно реагировать на сложную ситуацию, хотя среди них есть и те, кто умеет извлекать прибыль из ситуации риска, кто использует различные социальные лифты для изменения своего социального статуса. Задача всех агентов и институтов социализации направлять все цели и потребности молодежи в правильное русло в ходе ее социализации. Угроза потери традиционных идентичностей в современном мире должна стимулировать объединение всего общества в направлении формирования молодежи как активного социального субъекта, способного противостоять современным вызовам.

Известно, что перспективы развития современного общества зависят от степени оптимального использования социального потенциала молодых людей, создания условий для инициативы молодежи. Решение проблемы исламской идентичности и ее влияния на социализацию российской молодежи зависит от организации социокультурного диалога, который позволит обеспечить адекватную интеграцию исламской молодежи в современную российскую действительность.

Дальнейшее исследование проблемы может быть связано с анализом роли семьи в формировании традиционных идентичностей в глобальном мире.

### **Список литературы:**

1. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004

2. Ерохин В.С. Риски личностной идентификации: социально-философский анализ [Электронный ресурс].

Режим доступа: [http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/erochinavto1\\_0.pdf](http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/erochinavto1_0.pdf).

3. Нунуев С.М. Риски политизации исламской идентичности в современной России (на материалах Северного Кавказа). Историческая и социально-образовательная мысль [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://www.hist-edu.ru/hist/article/view/1479/1461>.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 6393 (в ред. от 26.08.2017).

Ст.237 «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей»

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-93 (в ред. От 29.07.2017). Ст. 5.39 «Отказ в предоставлении информации».

## ЦЕННОСТЬ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

**Бакурадзе А.Б.**

*Россия, г. Москва*

*Российский университет транспорта (МИИТ)*

*E-mail: bondovich@mail.ru*

**Аннотация.** В статье анализируется процесс развития как ценность управления социальной организацией, определяются аксиологические основания различных стратегий развития и его многоаспектности.

**Ключевые слова:** ценность, социальная организация, развитие, аксиология, управление, руководитель, многоаспектное развития.

Развитие социальной организации представляет собой такой тип изменений, который предполагает ее переход к качественно новому состоянию. С точки зрения управления основу процесса развития социальной организации составляет координированная целенаправленная деятельность руководителей, рабочих групп и работников по изобретению и внедрению новых продуктов, услуг, технологий и методов работы, а также взаимодействия в процессе труда. При этом ее развитие может быть как прогрессивным, так и регрессивным. Оно может предполагать не только обновление, но и разрушение социальной организации и ее отдельных составляющих. Развитие социальных организаций носит нелинейный характер, означающий, что этапы их организационного прогресса чередуются с этапами регресса [1; 27]. Характеристиками развития социальной организации являются качественные изменения, новизна, усложнение или упрощение.

Осмысление ценности развития социальной организации строится на противопоставлениях движения и покоя, преобразования и сохранения, изменчивости и устойчивости. Вместе с тем устойчивые формы функционирования социальных организаций, обеспеченные периодически повторяющимися в пространстве и времени стабильными производственными и управленческими процессами, позволяют сохранять и воспроизводить организационные системы социальных организаций.

Такое обеспечение, ориентированное на сохранение системы деятельности социальной организации, может быть определена как стабильность. Стабильность представляет определенную ценность для различных субъектов управления. Она может рассматриваться как особый тип развития социальной организации, при котором ее ресурсы расходуются на расширение существующих структур производственной деятельности и управляющей

системы социальной организации, совершенствование присущих им качеств без введения новшеств, ведущих к качественным изменениям в социальной организации.

Этапы интенсивного развития и стабильности чередуются в процессе жизни социальной организации. На всех этих этапах происходят различные по источникам, глубине и последствиям изменения в ее деятельности. Они являются реакцией на происходящее как вне, так и внутри социальной организации, а также инициируются ее миссией и стратегией. Таким образом, целью изменений может быть как повышение результативности деятельности, так и поддержание стабильного функционирования социальной организации.

Исходя из сказанного выше, выделяются четыре основных стратегии развития социальной организации: стратегии ограниченного роста, активного развития, сокращения, а также комбинированная стратегия развития [2]. Выбор той или иной из них зависит, как правило, от ситуационной ориентации субъектов, участвующих в управлении, на различные ценности.

Стратегия ограниченного роста характеризуется постановкой «целей от достигнутого», которые корректируются с учетом прогнозируемого изменения обстоятельств жизнедеятельности социальной организации. Она характерна для зрелых социальных организаций с развитыми технологиями производства товаров и услуг, функционирующих в достаточно предсказуемых условиях, где руководство стремится идти по наименее рискованному пути развития, ориентируясь на ценность стабильности.

Стратегия активного развития предполагает ориентацию на значительное превышение уровня производства над достигнутым в предшествующий период. Она используется, прежде всего, в наиболее динамично развивающихся социальных организациях и отраслях. Такая стратегия характеризуется большей рискованностью, чем стратегия ограниченного роста, но одновременно – и большими потенциальными возможностями. Чаще всего, ее используют руководители, для которых ценность представляет инновационное, качественное развитие.

К стратегии сокращения прибегают, как правило, как к вынужденному средству при неблагоприятных внешних и внутренних условиях функционирования социальной организации. Она реализуется в трех основных вариантах: ликвидация; «отсечение лишнего» (частичная ликвидация тех или иных подразделений, филиалов, сфер деятельности социальной организации, части ее персонала); сокращение и переориентация. Стратегия сокращения характеризуется во всех ее вариантах одним общим признаком - уровень планируемых результатов является более низким, нежели уровень достигнутого в прошлом. Аксиологической основой такой стратегии выступает ценность самой социальной организации, когда субъекты управления стремятся сохранить ее любой ценой, пожертвовав чем-либо или кем-либо.

Крупные социальные организации в планировании своей деятельности используют, как правило, комбинированную стратегию развития, предполагающую сочетание всех трех описанных выше стратегий. Отдельные подразделения социальной организации могут развиваться при этом по разным

сценариям: рост одних сочетается с ограниченным ростом других и сокращением третьих. Более того, само сокращение некоторых подразделений может использоваться как необходимое средство роста для других – путем переориентации и концентрации на них ценных ресурсов социальной организации. Сочетание ориентации субъектов ценностей управления на ценности инновационного развития и стабильности, а также на ценность социальной организации характерно для руководителей, ориентированных на комбинированную стратегию развития.

Развитие социальной организации касается как ее формальных, так и неформальных компонентов, которые находятся в диалектическом взаимодействии. Технологические факторы в большей степени влияют на развитие формальных компонентов: миссии и целей организации, ее структуры и содержания деятельности и пр., а человеческие – неформальных: характера межличностных и межгрупповых отношений в социальной организации, особенностей реализации властных полномочий, специфики трудового поведения работников и др. Для достижения результативности и эффективности социальной организации ценным представляется многоаспектное развитие, которое затрагивает как ее формальные, так и неформальные компоненты. Оно, в частности, обеспечивается применением системы тотального управления качеством, или комбинациями, предполагающими воздействие и на технологические, и на человеческие факторы. Например, такая комбинация может предусматривать:

- привлечение работников к участию в постановке целей социальной организации, принятию решений и перепроектированию работ (развитие технологических факторов);
- формирование рабочих команд (развитие человеческих факторов);
- реорганизацию организационной структуры для приспособления к новым неформальным командным структурам.

Признание ценности развития предполагает, что для управленческой деятельности будут характерны следующие черты:

- ориентация на предвидение результатов деятельности социальной организации [3; 8], которое служит базой для принятия решений, позволяющих руководителям и работникам формулировать цели, на достижении которых они сосредоточат свои трудовые усилия;
- интеграция и переименование производственных функций, например, функций маркетинга, научных исследований, конструкторских разработок, обучения персонала и др.;
- ориентация на современные технологии, применяемые в областях деятельности социальной организации, а также передовые информационно-коммуникационные технологии, поскольку принятие обоснованных решений находится в прямой зависимости от того, какой объем информации поступает и как она используется;
- адаптивность к изменениям внешней среды социальной организации, предполагающую ее превращение в самообучающуюся систему.

Развивающаяся социальная организация должна обладать таким качеством как гибкость, которое характеризуется мобильностью ее целей и задач, ориентацией на адаптацию к изменениям внешней среды организации. Динамика организационных изменений в ней зависит от темпов технического и технологического развития, запросов отдельных групп клиентов и социума в целом. Гибкость социальной организации определяется ее внутренней конкурентоспособностью, которая основывается на знаниях и опыте работников; способности к мобилизации своего ресурсного, прежде всего кадрового, потенциала, обеспечением его рационального использования.

В условиях высокой динамики научно-технического и социального развития социальные организации вынуждены подвергаться реорганизации. При этом проведенный нами социально-философский анализ показал, что противостояние организационным изменениям прямо пропорционально усилиям, прилагаемым для внедрения этих изменений. Противоречие развития социальной организации заключается в том, что чем динамичнее ее внешняя среда, тем больше стремление ее персонала к стабильности. Разрешить это противоречие возможно, придав социальной организации многомерный характер, т.е. сделав ее способной к принятию нововведений без перестройки. Она не требуется, если в структуре социальной организации существуют три типа структурных подразделений (рабочих групп):

- функциональные структуры, результаты труда которых потребляются внутри социальной организации, например, отделы кадров, снабжения, юридический отдел, бухгалтерия и т.п.;

- продуктивные структуры, результаты деятельности которых потребляются вне социальной организации. К их числу относятся производственные цеха завода, логистические терминалы и пр.;

- рыночные структуры, обслуживающие клиентов социальной организации, которым она предоставляет свои продукты и услуги, например, магазины, отделения банков и т.п.

Реорганизация предполагает создание той или иной из перечисленных выше структур или их комбинации. Она не требуется, если все данные структуры имеются в социальной организации. Структурные подразделения могут расширяться или сокращаться, может меняться их значимость, перераспределяться ресурсы, инвестированные в развитие. Однако собственно структура социальной организации остается без изменений.

В случае, если каждая часть социальной организации строится по многомерному принципу, ее принято считать фракционной. Базовой процессуальной ценностью фракционной организации является свобода руководителей ее структурных подразделений (рабочих групп), что позволяет таким руководителям выступать в качестве реально независимых управляющих и упрощает управление развитием руководимых ими структур.

Принять ценность развития невозможно без признания значимости для управленческой деятельности такой фундаментальной ценности, как творчество. Оно представляет собой деятельность человека, созидающую новые объекты и качества, схемы поведения и общения, новые образцы и знания



[4; 704]. Однако важно понимать, что придумать некие абсолютно новые продукты практически невозможно. Поэтому творчество в процессе трудовой деятельности, как правило, связано с переосмыслением старого, его развитием, на что и должны ориентировать работники руководители социальных организаций. Вместе с тем творчество – это всегда уникальный и неповторимый ответ субъекта на вызовы его внешней и внутренней среды, это – «собственный вызов внешнему бытию, который одновременно есть и вызов самому себе» [5; 186]. Признание ценности такого ответа и такого вызова увязывает проблему творчества руководителей, работников и организаций с проблемой их свободы.

Подходя к своему делу творчески, работники и рабочие группы предприятия принимают активные действия, направленные на повышение качества продукции и услуг социальной организации. Однако в структуре трудовой деятельности имеют место действия, основанные на исполнении жестко заданного алгоритма, изменение которого способно вызвать негативные последствия как для социальной организации и ее работников, так и для пользователей продуктов и услуг организации. К таковым относятся действия часового при охране вверенного ему поста, экипажа самолета при взлете и посадке воздушного судна и др. Данные действия не предполагают творческого подхода к их выполнению. Таким образом, обнаруживается ограниченность творческого начала в трудовой деятельности, что способно вызвать неудовлетворенность трудом у работников и рабочих групп, ориентированных на творчество как ведущую для себя ценность, и породить производственные конфликты.

Рассматривая развитие социальной организации в современном обществе, нельзя не указать на то, что в настоящее время оно перестает базироваться только на рациональной организации. Основой развития становятся знания и информация, что повышает их ценность для руководителей и означает возрастание значимости самих носителей знаний. Это приведет к тому, что со временем характер работы специалистов в организациях претерпит существенные изменения – ведущей станет деятельность, ориентированная на обеспечение обратной связи с коллегами, потребителями и руководством социальной организации и оперативное реагирование на полученную информацию, в том числе и новые знания о ее внешней и внутренней среде, о наличных и потенциальных ресурсах.

Таким образом, различия в философско-аксиологических основаниях определяют различия в содержании и способах осуществления стратегий развития социальных организаций, характере изменений в их внешних и внутренних средах. При этом многоаспектность развития предполагает осуществление влияния как технологические, так и человеческие факторы социальной организации, ориентацию на ценности знаний и творчества.

#### **Список литературы:**

1. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / А.И. Пригожин, И. Стенгерс; пер с англ. - М.: Прогресс, 1986. - 431 с.

2. Фрайлингер, К. Управление изменениями в организации / К. Фрайлингер, И. Фишер; пер. с нем. - М.: Книгописная палата, 2002. – 264 с.
3. Бодди, Д. Основы менеджмента / Д. Бодди, Р. Пэйтон; пер с англ. – СПб.: Питер, 1999. – 816 с.
4. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.
5. Баева, Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии / Людмила Владимировна Баева. - М.: Прометей. МПГУ, 2003. – 222 с.

## **ФИЛОСОФИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

**Баркова Э.В.**

*Россия, г. Москва*

*Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова,*

*E-mail: barkova3000@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье обоснована востребованность экофилософского исследования ответственности в стратегии развития гуманитарного знания и духовной безопасности. Выявлена роль ответственности как ценностного ориентира деятельности, условия восстановления статуса субъекта культуры и его потенциала в регулировании пространства жизни России и современного планетарного бытия.

**Ключевые слова:** ответственность, человек, субъект, гуманитарное знание, цель культуры, регуляция культуры, духовная безопасность, экофилософия.

Пока топтать мне довелось  
Ковыль да зеленыя,  
Я понял, что земная ось  
Проходит сквозь меня.  
Арсений Тарковский [1]

Сохранение и развитие гуманитарно-интеллектуального потенциала современной России в содержательно противоречивых условиях бытия современного мира – исходный момент и условие развития личности крупного масштаба, т.е. способной к адекватной оценке происходящего, ориентированной на совершенствование культуры и общества и – что существенно – готовой взять на себя полноту ответственности за перспективы Жизни – своей, своей семьи, своего общества и судьбы Земли в их единстве. Отсюда – востребованность обновленного на основе экофилософии исследования ответственности как необходимого, хотя и недостаточного, элемента в структуре проекта «Гуманитарное знание и духовная безопасность» [2].

Предпосылкой выхода на такое определение философии ответственности является процесс конкретизации основных онтологических категорий, в котором на основе свойств пространства, времени, жизни, субъекта, сознания, деятельности и т.д. раскрываются ценности, регулятивные нормы, принципы бытия человека. Это позволяет осуществить опыт обоснования положения о том, что гуманитарное знание существует *не только субъективно*, как усвоенный субъектами смысл и содержание, но и *объективно* - как особое пространство социокультурной реальности и институт, представленный не только совокупностью текстов – хранителей накопленного в культуре содержания и социального опыта, и не просто опыта, представленного в программах гуманитарных дисциплин, в практике их преподавания и освоения, но и в постоянном *воздействии* этого пространства на и на все все стороны жизни и, прежде всего, на формирование мироотношения человека.

Это воздействие проявляется в формировании направлений социализации личности и возможности развития в ней гуманистических ориентиров, актуализации нравственных, эстетических, экологических и других ценностей, выражающих цели развития; в процессах самоорганизации гуманитарной сферы, необходимой для сохранения в ней нормативности; формирования ответственности, достоинства и чести личности - оснований развития ее субъектного статуса. Представленное как особое социокультурное пространство, это знание связывает в единство свободу и творчество субъекта с гуманизацией общественных отношений, активизируя тем самым и общий смысл гуманитарного знания как стержня самоопределения личности и социума. Как общая культурная форма, поэтому, гуманитарное знание в содержании своих вопросов постоянно разрешает противоречие между сущим и должным, фактически-существующим и нормативным - целями и идеалами бытия человека.

Поэтому вхождение человека в это пространство всегда предполагает выход за границы простого знания-информирования, формирует широкий спектр его мировоззренческих, культурно-ценностных, профессиональных отношений к жизни, связанных в единство общим отношением *ответственности*. Понятие «ответственность», как известно, означает осознание человеком своей включенности в результаты выполняемых им каких-либо действий, принимаемых решений, а также его готовность признавать свою вину и нести определенное наказание, если эти результаты нанесли материальный или моральный ущерб организации, другим людям и т.д. «Под ответственностью понимают сознательное выполнение требований, которые предъявляются к человеку... Личная ответственность может выражаться так же в том, что человек берет на себя определенную роль в социуме и ставит перед собой цель, которую собирается достичь в установленные сроки» [3].

Кроме того, сегодня обозначена тенденция акцентировать внимание на аксиологическом измерении феномена ответственности. Так, А.И. Ореховский пишет, что ответственность – это «не только арсенал средств наказания за произвол, проявившийся в деятельности субъекта, а и *необходимый ценностный ориентир деятельности*, определенный идеал и мощный стимул

свободы и гражданской активности в творческом преобразовании действительности, определенная гражданская мера исполнения социальных обязанностей, вытекающих из аксиологических оснований общества» [4, С. 11].

А по мысли П.А.Костина, ответственность, «представленная во многих формах своего проявления... является особым измерением существования субъекта в обществе, раскрывающим оценку результатов самореализации этого субъекта, его влияния на существующие социокультурные процессы и связи. Такая оценка осуществляется, как самим субъектом, так и теми социальными структурами – институтами, организациями, - на которые направлены действия субъекта... ответственность – это действия субъекта, которые осуществляются в рамках особой идеальной формы, которая ограничивает и корректирует эту активность субъекта через принцип «не навреди». [5. С.129].

Таким образом, ответственность корректируется бытием общей идеальной формы, которая, прежде всего, включает в себя гуманитарное знание, хотя и не сводится к нему. В содержание такой формы входят все те сферы общества, в которых выражается *соотношение и связь их содержания с целями общества*. В этом аспекте ответственность – это осознание и переживание субъектами своей связи с нормами-целями общества и потенциал типа отношения к реальности сквозь призму этих норм.

В этом сложном отношении постоянно существует риск выйти за рамки норм и «спуститься» на уровень фактичности, характерными признаками которой является непосредственное окружение субъекта в измерении «здесь и теперь», простая адаптация к существующим процессам без их реальной критической оценки. Здесь открывается потенциал *феномена «духовной опасности»*, связанного с нежелательными следствиями развития человека, неадекватной оценкой человеком рисков в информационных воздействиях, принятием на их основе стандартов поведения, разрушающих его личность и способности отделить собственное «Я» от окружающей информационной среды и ее требований. Поэтому так важно представление о духовной безопасности, открывающей понимание механизмов, на основе которых формируется массовое сознание, которое постоянно подвергается манипуляциям, и вместе с этим утрачивается способность к самоопределению личности, исчезает оценочное отношение к воспринимаемой информации. Информация потребляется как любой другой товар или услуга, причем сам этот процесс воспринимается как нечто психологически комфортное или дискомфортное. Знакомое или привычное при этом предпочитается тревожащему душу, неизвестному, а сообщения сопровождаются психологической реакциями, не выходящими за границы фактичности. Но именно такая усеченность и псевдо-нейтральность по отношению к духовной безопасности личности представляет настоящую опасность, так как здесь закрывается тот «экран ответственности», через который постоянно восстанавливается нарушаемое на основе фактичности соответствие жизни человека высоким ценностным ориентирам духовной Культуры.

Особенность нормативности гуманитарного знания в том, что вместе с его содержанием, которое осваивается субъектом, оно формирует и *отно-*

шение к данному знанию. Это отношение возникает как проявление *ценностного регулирования* со стороны данной сферы: чувство ответственности возникает как чувство и сознание включенности в эту гуманитарное пространство в целом, а отсюда – стремление сохранять и поддерживать ее требования, блокировать искажения, которые могут проникать в его смысловую целостность. Но именно поэтому защищенным оказывается и сам человек: воспринимая классическую музыку, литературу, живопись, историю, фидлософию в которых открывается духовная глубина человека, исторический опыт народа и человечества, такой человек уже не будет втянут в смыслы разного рода коммерческих шоу или массовых «культурных услуг», так как они становятся для него не востребованными, бессмысленными или агрессивно-навязчивыми.

В силу этого гуманитарное знание должно существовать в социокультурной системе не просто как набор текстов, которые находятся вне реальной жизни, как оторванные от нее идеалы и ценности, но как *пространство самой жизни*. Это значит, что *на основе именно этого пространства могут решаться реальные проблемы*, связанные с экологией человека, культуры и природы, с миром личности, формированием мировоззрения и самосознания. Гуманитарное знание должно стать основой объективного, а значит ответственного анализа смысла природы, культуры и истории родного края, как и природы и истории страны и мира. Именно тогда, вероятно, краеведческие музеи, природно-культурные парки и заповедники перестанут быть только набором артефактов прошлого, но будут восприняты как реальное окно в мир, не искаженный рекламой и виртуальными играми аналог или модель реальности.

Сегодня, однако, в пространстве гуманитарного знания доминируют суждения, авторы которых ограничиваются констатацией деструкций, становясь своеобразным зеркалом тенденций, характерных для массового сознания. Так, о непонимании элитами народа России рассуждает Ф.И.Гиренок: «Элита появляется тогда, когда... понимает интересы того народа, внутри которого она живет...А наша элита, я бы сказал, ничего не понимает...элита существует тогда, когда существует масса. Элита – часть массы. У нас общество настолько деградировало, что мы можем говорить только в терминах массы. Народу элита не нужна. А у массы она есть. И в силу того, что у нас произошла деградация людей, человеческого состава, массе будут нужны харизматические вожди...У людей есть потребность и желание пойти за теми, кто может взять на *себя полноту ответственности*... потребность в лидере, который может предложить программу, которая в свою очередь будет понятна большинству людей, - один из главных упреков к существующей элите» [6.С 233-234].

Гуманитарное знание в онтологическом и социокультурном аспекте *«согревает» человека*, потому что возвращает ему мир живой реальности в нем самом, освоенный в разных направлениях в его пространственно-временном континууме культуры. [7]. Поэтому *ориентироваться* в гуманитарных дисциплинах и *быть* в пространстве гуманитарного знания – в принципе разные векторы. Гуманитарное знание и культура органически

соединяют, «сращивают» человека со своей страной, с ее большой историей. Оно формирует те установки, в которых человеку открывается святость, абсолютная ценность его Отечества и высшие смыслы бытия, в которых возникает чувство ответственности, гордости за свою страну, стремление человека реально решать ее ключевые проблемы. Все эти онтологические аспекты включенности субъекта в смысл понятия «Родина» формируют и *онтологию* ответственности, которая оказывается важной составной частью философии ответственности.

Философия ответственности при такой ее интерпретации в значительной мере углубляет содержание понятия «социальная ответственность», выводя его содержание за рамки психологии, этики, правосознания. Кроме того, категория «ответственность» открывает новые пути освоения социальной сущности субъекта – тезис, который подвергается критике с точки зрения, постмодернизма и идеологии либерализма. Представители этого направления мысли видят в социальной сущности человека лишь модель «казарменного коммунизма», жесткого авторитаризма, в которых личность подавляется обществом и государством. Подвергая критике этот подход, чилийский философ Клаудио Наранхи справедливо подчеркивает: «пора уже признать, что цивилизация наша пышет неумным и необузданным самомнением, сродни подростковой незрелости... Как следствие, мы подняли на свое патриархальное знамя такие понятия, как «я», «мое», «я хочу этого» и – особенно – «раз я этого хочу, то получу» [8. С. 152 -153].

Поэтому важно подчеркнуть: ответственность – это личностная или коллективная позиция, на основе которой происходит, с одной стороны, освоение человеком всего богатства социальной и культурной жизни, а с другой – возникает *сложное отождествление и различение социальной необходимости и личной свободы*. Ни один моральный принцип или норма не формируют такой связи в ее исчерпывающем смысле и содержании, так как в них не проявлено гуманитарное знание в его онтологическом статусе и регулятивно-нормативной функции. Ответственность человека, которая возникает на этой основе, характеризует *включенность* человека в пространство этого знания, и это значит, что через требования ответственности сама гуманитарная сфера начинает регулировать в аспекте целей и общественных идеалов все стороны жизни. Человек, принявший ценности и нормы гуманитарного знания распространяет свою ответственность за сохранение своей культуры и языка, за уровень жизни общества, состояние образования.

Формирующие человека ресурсы гуманитарного знания бесконечны, хотя они далеко не в полной мере освоены из-за неадекватной оценки самого этого знания. Конечно, это и информация, раскрывающая мир человека в его разных измерениях. Но гуманитарное знание – это одновременно не только информация, а свернутая в *идеях*, ценностях и текстах творческая деятельность людей, их свобода и социальная ответственность. Это особая идеальная форма, которая развивается на основе разума, развития интеллекта. И экофилософский, эко-антропологический смысл ответственности в структуре гуманитарного знания подтверждает смысл концепции современ-

ного итальянского онтопсихолога Антонио Менегетти, утверждающего, что «ум – это первое благо, которым наделен человеческий вид, живущий на планете Земля, поэтому именно умом надлежит научиться оперировать, способствуя тем самым развитию уровня сознания и ответственности человека. Каждый человек должен, прежде всего, *коренным образом усиливать, а не подавлять ответственность за потенциал, дарованный ему природой.* Ответственность приобретается благодаря волевому усилию, согласованному с природными амбициями. Лидер является вершиной гуманистической экологии, он созидает себя сам, последовательно и ответственно» [9. С. 34 ].

Таким образом, философия ответственности в логике экофилософски понятого гуманитарного знания выступает как целостное, наиболее многомерное и адекватное по отношению к человеку определение и исследование бытия, культуры и жизни на Земле в настоящем, рассмотренное с позиций будущего. Цель такой философии – сформировать Человека, для которого, по глубокой мысли поэта К.Хетагурова «Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, Вселенная – отечество мое».

Ответственность, которая связывает человека, его природу, культуру и общество, – один из важнейших показателей его социальной зрелости и способности возвышаться над информационным пространством и массовой культурой, что необходимо для духовной безопасности и возрождения статуса гуманитарного знания и культурного развития. В силу этого философия ответственности в пространстве проекта «гуманитарное знание и духовная безопасность» – не просто перспективная тема философских и междисциплинарных исследований, но общая форма и инструмент духовной безопасности России и современного планетарного бытия в целом.

#### **Список литературы:**

1. Тарковский А.А. Арсений Тарковский. Стихи. Музыка. Картины. К 110-летию поэта // <http://www.liveinternet.ru/users/tessa24/post418286810>
2. Баркова Э.В. Жизнетворческая миссия экофилософии в горизонте тенденций современности // Право и практика. 2017. № 1. С. 148-157
3. Ответственность // [http:// psych. info/ psihologiy a-lichnosti /harakter/ otvetstvennost. html](http://psych.info/psihologiy a-lichnosti /harakter/ otvetstvennost. html)
4. Введение в философию ответственности. / Под ред. проф. Ореховского А.И. - Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, 2007. – 227 с.
5. Костин П.А. Концептуализация проблемы ответственности в истории философской мысли // Право и практика. 2017. №2. С. 129-134
6. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры //
7. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Волгоградский государственный университет. - Волгоград, 2003. – 47 с.
8. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. – М.: Проспект. 2016 . 256 с.
9. Наранхо К. Исцелить цивилизацию. – М.: Независимая форма «Класс». 2014. – 176 с.

10. Менегетти А. Психология лидера. – М.: НФ «Антонио Менегетти». 2016. – 348с.

11. Хетагуров К. [Электронный ресурс] URL: <http://hetagurov.ru/>

## ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ СОЦИУМА НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ

**Баталова О.Ю., Сердюкова Я.Е., Широков А.А.**

*Россия, г. Киров*

*Вятский государственный университет*

*E-mail: olga\_molodejj@mail.ru*

**Аннотация.** Взаимоотношение общества и природы является вечной и актуальной проблемой философии. Общество и природа связаны воедино, потому что: общество является продуктом природы, оно формировалось в результате длительной эволюции (как природной, так и социальной); также общество не сможет полностью отделиться от природы, существовать вне ее; единство человека с природой носит материальный характер, выражаемый в общей связи процессов и предметов; общество и природа имеют общие законы развития.

**Ключевые слова:** общество, природа, антропогенное влияние, философия, космос.

С появлением человеческого общества, природа стала подвергаться антропогенному влиянию. Заметно это влияние стало заметно еще в XIX веке, когда началось активное развитие науки и техники – этот период называют эрой покорения природы. А уже в XX веке антропогенное влияние стало приобретать катастрофические масштабы. Основной проблемой данного взаимодействия является несоответствие возможностей природы в покрытии потребностей общества.

Согласно одному из определений, экологическая обстановка – это общее состояние природной среды с точки зрения условий проживания людей и существования животных и растений [1].

Наше современное общество, не смотря на высокий уровень технического прогресса достаточно сильно продолжает взаимодействовать с природой, поскольку человек имеет природно-социальную сущность. И зачастую с развитием урбанизации и новых технологий увеличивается именно негативное влияние общества на экологическую обстановку [2].

Особенно полно вопросы взаимоотношений общества и природы рассматривается в философии. С философской точки зрения природа понимается как весь мир, который можно изучать методами естествознания, а общество – как ее общая часть, выделившаяся в форме (продукте) деятельности человека. В философии природа соотносится с обществом, ведь иначе существование общества невозможно.



Основная проблема во взаимоотношениях общества и природы возникла с давних времен. Основной составляющей проблемы является противоречие в том, что с одной точки зрения человек является существом природным, но обособляет себя от нее своей деятельностью, созданием чего-то нового, не имеющегося в природе.

Чтобы исследовать, как же человек относится к природе, следует исходить из его самопознания, то есть из того, как человек видит природу. Здесь отпечаток может накладывать общество и эпоха, в которых живет человек, какие задачи у данного общества, какие взгляды, философия, религия [3].

В разное время были разные формы отношения человека к природе. Чем ближе к современности, тем более человек старается отрезать себя от природы, не замечать своего влияния на нее.

Античная философия разработала и несла идеи полной гармонии природы и человека. Аристотель одним из первых заинтересовался и оформил проблему взаимоотношений человека и природы. Он поставил вопрос об отличительных чертах человека от животных. В Греции были уверены в непосредственной полноте природы. Средневековая христианская философия ставила над природой Бога, а в эпоху Возрождения произошло отождествление Бога и природы – так называемый пантеизм.

В философии Нового времени заметное значение играет технический прогресс. В результате чего природа стала источником ресурсов для создания орудий труда, сооружений и изобретений. Проблема единства человека с природой приняла в тот период новый вид – человек начал ощущать свою власть над природой.

Позднее Вернадский вводит понятие о ноосфере, дав этому понятию научное содержание. Не смотря на сложность структуры ноосферы, главным ее элементом остается человек, которые взаимодействует и изменяет природу.

Чем сильнее человек отдаляется от природы, тем больше проблем начинает возникать. И теперь проблемным является не только соотношение человека и природы, но и проблема народонаселения и экологии.

Проблема народонаселения заключается в том, что общество еще больше влияет на человека. Плотность и качество жизни населения напрямую влияют на формирование и развитие общества.

Экологическая проблема является на данный момент глобальной, так как от стабильности экологической обстановки зависят судьбы всего мира. Тем не менее действия людей несут все больше негативных последствий для природы. Зачастую последствия этих действий невозможно компенсировать. К таким последствиям можно отнести:

- огромные объемы вырубаемого леса и отстающие объемы новых насаждений;
- нерациональное использование водных ресурсов;
- грубое использование почв, приводящее к истощению ее ресурсов;
- изменение состояния воздуха;
- загрязнение окружающего нас космоса [3].

С технической точки зрения самым крупным источником влияния на природу безусловно являются города. Именно в них существует большая нагрузка на природные ресурсы. Социально-экологическая ситуация в городах складывается из множества факторов: природные условия, развитие различных производств, степени застройки и озеленения, количества автомобилей. При ухудшении природной обстановки страдает и общество, так как неизбежно происходит снижение качества жизни [4].

Основными подходами к решению экологических проблем можно назвать следующие:

- рациональное использование как возобновляемых, так и не возобновляемых природных ресурсов;
- постоянная борьба с загрязнениями;
- защита окружающей среды от безответственного вмешательства в ее процессы [3].

Борьба с загрязнениями осуществляется очистными фильтрами, сооружениями, использованием переработки отходов, их обезвреживанием, достаточным озеленением городов. Оснащение предприятий необходимым оборудованием является достаточно дорогостоящим и сложным. Для некоторых предприятий необходима индивидуальная разработка оборудования, которая еще больше увеличивает капиталовложения [5].

Экологический мониторинг позволяет отслеживать степень негативного влияния человека на природу. Для этого используются различные информационные системы – программные комплексы. Наиболее используемыми на данный момент являются комплексы «КЕДР», «Зеркало ++», «Stalker», «Призма». Данные комплексы позволяют прогнозировать, наблюдать, отслеживать воздействие «антропогенного фактора» [6].

В связи с обострением данных проблем человечество стало задумываться о том, как не допустить продолжения пагубного влияния человека на природу. В экологической психологии на эту тему можно выделить пять основных концепций:

1. Философская концепция холизма (Я. Смэтс) – дает понимание живого организма как единого целого в биосфере.

2. Глубинная экология (А. Наесс) – вводит равенство всех живых существ и видов самих по себе.

3. Концепция биоэтики (А. Леопольд) – распространяет этические принципы в отношении всех живых существ, земли и сохранение природных ресурсов.

4. Идея конечности и ограниченности природных ресурсов земли (Г. Хардин).

5. Концепция Геи (Дж. Лавлок) – описывает Землю как единый живой организм.

Данные концепции могут помочь сформировать правильное экологическое сознание, которое позволит снизить деструктивное влияние человека.

Создание экологического сознания является сложным процессом, включающим в себя общественно-исторические условия, экологическую

культуру, нравственное воспитание. В то же время сознание предполагает отношение к миру как к самому себе [7].

Основные направления влияния общества на природу:

- Расширение пределов использования природной среды;
- Углубленное изучение уже известных естественных явлений;
- Увеличение интенсивности использования природных ресурсов через повышение объема использования ресурсов и вовлечения природных процессов непосредственно в производство;
- Изменение структуры природной среды;
- Воссоздание природы для уменьшения негативных последствий, вызванных техническим прогрессом и урбанизацией [8].

Все это, в конечном итоге, позволяет кардинально изменить взгляд на взаимосвязь человека и природы. А также поможет предотвратить ухудшение экологии и открыть новые пути взаимодействия [6,7].

Человечество и природа являются неразрывными частями общей системы. Общество является отделившейся от материального мира частью, но его существование без природы невозможно. Общество использует природные ресурсы для создания комфортных условий проживания, одновременно оказывая негативное влияние на экологическую обстановку. И если не начать действовать и исправлять последствия этих действий, то обществу и природе грозит крупнейший кризис [8].

#### **Список литературы:**

1. Финансовый словарь «Академик». URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin\\_enc/31752](https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/31752) (Дата обращения 05.11.2017)
2. Бринчук М.М. «Человек и природа» / Астраханский вестник экологического образования №4 (34) 2015
3. Социальная философия: Учебное пособие для вузов / Под ред. профессора В.Н. Лавриненко. М.: ЮНИТ, 2003.
4. Бобров Е.А. «Социально-экологические проблемы крупных городов и пути их решения» / Научные ведомости. Серия Естественные науки. 2011. № 15 (110). Выпуск 16
5. Ситаров В. А., Пустовойтов В. В. Социальная экология: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 280 с.
6. Шмелева И.А. «Проблема взаимодействия человека с окружающей средой: области и аспекты психологического исследования» / Вестник Московского университета. Серия «Психология». 2010, № 3
7. Баталова О.Ю, Сердюкова Я.Е. «Системы экологического мониторинга» / Материалы международной научно-технической конференции «Системы контроля окружающей среды – 2017»
8. Ульянова Н.В. «Экологическое сознание и экологическая культура, проблемы и перспективы» / Вестник ТГПУ. 2007. Выпуск 6 (69). Естественные и точные науки

## ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

**Батырова М.Д.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: ritadaur@gmail.com*

**Аннотация:** В данной статье рассматривается проблема формирования у младших школьников бережного и ответственного отношения к окружающей среде. Обосновывается необходимость систематизирования работы по формированию нравственно-экологической культуры школьника, что дает возможность построить уроки по федеральному образовательному стандарту. Автор предлагает помочь школьнику найти компромиссы между современными технологиями, окружающими нас и необходимостью взаимного сосуществования природы и современного человека. Автор утверждает, основой формирования нравственно-экологической культуры является в первую очередь семья, дошкольные и общеобразовательные заведения, а так же средства массовой информации.

**Ключевые слова:** Экологическое образование, окружающая среда, экологический кризис, младший школьник, экологическая культура, природа, нравственность.

Основопологающим звеном в проблеме экологического кризиса современности является стремление людей удовлетворить все свои материальные потребности посредством экономического роста, что незамедлительно влечет за собой сокращение природного потенциала земли.

Мы все чаще можем наблюдать нарастающее загрязнение рек, озер, водоемов химическими отходами, бытовым мусором, которые влияют не только на развитие млекопитающих и их приумножение, но и в частности на здоровье самих людей. Неоднократные катастрофы нефтяных танкеров, выброс ядовитых газов в атмосферу, разрастающиеся города приносят ощутимый урон нашей флоре и фауне. Истребление лесов, убийство редких животных для собственного обогащения и самоутверждения в обществе приводит к исчезновению животных и растений. Все это приводит к мысли, что научно - технический прогресс начинает с каждым днем преобладать над человеческим разумом, разрушая ту человечность и чувство ответственности, которую человек должен нести в течении всей своей жизни по отношению к природе и всему живому. Невосполнимые потери, наносимые человеком окружающей среде, растут с каждым днем.

Ученые, общественные и политические деятели, а так же средства массовой информации неоднократно твердят о необходимости развития у современного общества нравственно - экологического образования во всех сферах общественной деятельности. Преодоление сложной экологической ситуации, сложившейся во всем мире, возможно лишь при смене мировоззрения человека к природе. В сознании подрастающего поколения должна

преобладать мысль, что он не является обладателем все живого, а только лишь одним из его обывателей. Осознавая, что земля, горы, озера, моря, животные, растения даны человечеству для создания наилучших условий его сосуществования с окружающей средой и гармоничного с ним взаимодействия.

Изучая вопрос экологического кризиса, который является одним из приоритетных вопросов современности, мы приходим к мнению, что общеобразовательная система должна занимать значимую роль в процессе воспитания нравственно – экологического поколения.

Древнегреческий мыслитель Аристотель о нравственном человеке говорил, что “Нравственно прекрасным называют человека совершенного достоинства... Ведь о нравственной красоте говорят по поводу добродетели: нравственно прекрасным зовут человека справедливого, мужественного, благоразумного и вообще обладающего всеми добродетелями” [Аристотель. Сочинения в 4-х томах- М.: 1984, т.4]

Со временем понимание слова “нравственность” изменилось и в словаре С. И. Ожегова. Оно трактуется как понимание правила, определяющего поведение; духовных и душевных качеств, необходимых человеку в обществе, а также выполнение этих правил, и есть поведение. [Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. док. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., Стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 360 с. ]

По мнению А. П. Евгеньевой “нравственность” – это внутренние качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п., которые проявляются в отношении к людям и природе. [Толковый словарь А.П. Евгеньевой].

В то время как под экологической культурой подразумевается наличие у человека сформулированных моральных устоев, экологических знаний и убеждений. Человек, обладавший всеми этими качествами, будет стремиться сохранить, не только окружающие его природные блага, но и попытаться сформировать в сознании последующего поколения, разумное, целесообразное использование природных ресурсов. Сменяя свои ценностные ориентиры, исключительно потребительского, утилитарного отношения к окружающей среде в сторону лимитированного потребления человеком природных ресурсов, с целью сохранения их для будущего поколения. Регулятором в отношениях человека и природы является экологическая культура, формируя которую мы рассматриваем все слои населения, включая самый ранний возраст. Обладая экологической культурой потребительское отношение к природе перерастает в разумное культивирование окружающей среды, а также внутреннего развития природы человека.

В настоящее время общеобразовательная система считает целесообразным интегрированный подход в процессе экологического и естественно научного обучения младших школьников. Так как выделение экологического образования, как самостоятельной дисциплины считается не целесообразным. Экологическая культура затрагивает большую часть школьных дисциплин младших школьников, таких как: окружающий мир, литература, родной и английский языки и направлено на многогранное развитие уча-

щихся младших классов. На уроках литературы, родного языка учитель закладывает основы нравственно – экологического воспитания посредством устного народного творчества, бесед, игр, пословиц, поговорок, стихов и т. п. Уроки по окружающему миру дают представление учащимся об природных явлениях, изменениях и катаклизмах, которые происходят в природе по вине человека. Изучая животные и растения, входящие в красную книгу, учащиеся убеждаются в необходимости природоохранной деятельности. Закладывается понятие того, что человек и окружающая среда – это неразделимое целостное.

В отличие от учащихся городских школ, сельский школьник имеет больше возможностей соприкоснуться с живой природой. Важно отметить, что на уроках окружающего мира в сельских школах много внимания уделяется краеведению. Здесь ребенок впервые соприкасается с природой родного края, изучая все прелести и красоты родной природы. Не слушать, а именно наблюдать на практике все изменения, происходящие на территории родного края, посещать любимые места и воочию любоваться красивыми пейзажами гор, зеленым лесом, быстротечной рекой. Научить и дать понять учащемуся о целесообразности защиты и сохранности окружающей среды не только в своем регионе, но в своей стране и на всей планете.

Начиная с младшего школьного возраста на уроках природоведения учащиеся познают проблемы экологического характера, возникающие перед человечеством и рассматривают такие понятия, как экологический кризис, экологическая катастрофа, природные катаклизмы. Целью учителя на данном этапе является сформировать у младшего школьника бережное, ответственное отношение к окружающей среде и для достижения поставленной цели педагогу необходимо систематизировать свою работу по формированию нравственно - экологической культуры школьника, что дает нам возможность уроки построенные по ФГОС. Заложить уже в младшем возрасте, что природные катаклизмы - это последствия взаимодействия человека с природой. Что именно человек ответственен за происходящие природные изменения.

В настоящее время большое внимание уделяется внеурочной деятельности, на которых прослеживаются экологические вопросы, где младшие школьники получают азы о сохранности природы родного края. Главной задачей для педагога является правильная подача материала, которая формирует в сознании младшего школьника стремление незамедлительно помочь окружающей его природе, желание спасти свой край от экологического кризиса и предотвратить разрушение природного дисбаланса. Это тот самый возраст, когда можно донести до сознания каждого ребенка, что разрушая окружающую среду, они выражают антигуманное и безнравственное отношение ко всему живому.

В момент становления младшего школьного возраста определяется значительная степень развития нравственно - экологического воспитания индивидуума, его осознанного отношения к окружающему миру. Именно на этом этапе становления личности необходимо закладывать фундамент добродетельности, нравственности и моральных норм не только по отношению

к людям, но и к окружающей среде, которая является одной из немаловажных составляющих элементов человеческого существования. Решение экологической проблемы нуждается в правильно организованном экологическом образовании, формировании нравственно – экологической культуры общества в целом и каждого отдельно взятого человека в частности.

Основой формирования нравственно – экологической культуры является в первую очередь семья, дошкольные и общеобразовательные заведения, а так же средства массовой информации. Методами убеждения являются: совет, личный пример, положительная оценка со стороны взрослых, их одобрения, занимает не последнюю роль в формировании нравственно образованного человека. В дальнейшем учащийся усвершенствует свои знания в процессе становления личности.

Неотъемлемой частью в формировании и развитии нравственно – экологического воспитания младших школьников является междисциплинарный процесс, направленный на разностороннее осознание природных ресурсов, которые задействованы во всех сферах нашей жизнедеятельности. Необходимо объединить усилия между учителями, младшими школьниками, и родителями для осуществления поставленных задач при формировании нравственно – экологического поколения.

Семья, как и школа несет ответственность в становлении и воспитании нравственной личности учащегося. Именно в семье он впервые начинает понимать, что хорошо и что плохо. Важно научить ребенка адаптироваться с окружающими условиями. Помочь найти компромиссы между современными технологиями окружающими нас и необходимостью взаимного сосуществования природы и современного человека. Формирование нравственно - экологической культуры человека – это длительный трудоемкий процесс, осуществляемый на протяжении всей его жизни под влиянием его научных знаний, воспитания и жизненного опыта.

### **Список литературы**

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах- М.: 1984, т.4 – 147 с.
2. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: М.: Русский язык, 1981-1984. – 235
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка – М.: Рус. яз., 1986. – 360 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. док. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., Стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 360 с.
5. Евгеньева А. П. Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984. – 235 с.

## ЭКОЛОГИЯ МЫСЛИ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Безукладова Л.В.

Россия, г. Симферополь

Международная общественная организация по развитию культуры и науки «Международная Академия духовных наук»

E-mail: toomadn@mail.ru

**Аннотация. Цель исследования:** формирование духовного единения в культурно-образовательной сфере наций, духовного здоровья и духовного воспитания человека, в основе которых находится экология мысли.

**Ключевые слова:** экология мысли, биосфера, ноосфера, экосистема, ноосферно-интегративная парадигма.

XXI-й век приготовил новые антропологические ловушки: кризис идентичности, медийное манипулирование сознанием, гуманизацию, гегемонию масс культуры.

Я полагаю, что сегодня каждый из нас стоит на пороге Духовного пробуждения. Господствующие воззрения не позволяют полностью объяснить хорошо знакомые природные и социальные феномены, как добро и зло, свет и тьма, мысль и слово. Попытки их объяснения с точки зрения какой-либо одной науки, неизбежно дают искаженную, неполную и одностороннюю картину.

При рассмотрении экологии, как родственной науки биологии, которая занимается изучением живых существ и среды их обитания, необходим интегративный подход, сконцентрированный в новых гносеологических точках зрения, носящих нередко непривычный характер.

Эта относительно новая отрасль знания сосредоточила внимание учёных на структуре и функционировании не отдельных механизмов, а биологических комплексов. И хотя первым понятие «экология» ввёл известный немецкий естествоиспытатель и философ Эрнст Геккель (1834-1919) для определения области биологии, изучающей взаимоотношения организмов со средой, до начала 1900-х годов этот термин почти не использовался.

Системная концепция биосферы должна была возникнуть в недрах экологии, зарождавшейся на рубеже XIX-XX веков. Однако в действительности всё сложилось иначе. Первым пришёл к современной трактовке этого понятия не биолог, а минеролог, основатель геохимии, выдающийся российский учёный В.И. Вернадский (1863-1945). В опубликованных в 1926 году лекциях под общим названием «Биосфера», он выдвинул идею целостного мира, в котором живая материя (плёнка жизни) объединена через систему биогеохимических циклов с атмосферой, гидро- и литосферой. Оболочку Земли, в которой протекают биохимические процессы, он предложил называть биосферой. Вернадский писал: «На нашей планете в биосфере существует не жизнь, от окружения независимая, а живое вещество, то есть совокупность живых организмов, теснейшим образом, связанная с окружа-



ющей её средой биосферы – мощным геологическим фактором от биосферы неотделимым» [1].

До тех пор, пока в конце 1920-х годов Вернадский пришёл к идее биосферы и ноосферы, как единого, целостного образования, формирующего облик нашей планеты, а вскоре Артур Тенсли, британский ботаник (1871-1955) ввёл ключевое для экологии понятие экосистемы, мир представлялся большинству людей открытым и почти безграничным, в котором человек может действовать как ему заблагорассудится, приспособливая и перекраивая его под свои нужды. Результаты изысканий всем казались бесконечно далёкими от повседневных людских забот и дел. Понадобился почти век, чтобы эта связь стала очевидной, а термины «биосфера», «ноосфера» и «экосистема» вошли в наш обиход наравне с такими понятиями, как, например, приватизация, индексация и лизинг. Потому что между осознанием зависимости человека от окружающей среды, от агрессии в мыслях и понимания всей опасности деградации этой среды в будущем – большая дистанция, которую требуется преодолеть.

За прошедшее столетие понимание экологии расширилось. И сегодня мы уже говорим об экологии культуры. Сохранять нужно не только биоразнообразие, но и разнообразие культур, как достижения человека.

Я полагаю, что в первую очередь необходимо разработать и воплотить в жизнь ноосферно-интегративную парадигму духовного возрождения народов в культурно-образовательной сфере, чтобы остановить процесс моральной деградации общества. Человеческий интеллект напряженно ищет ответ на исторический вызов, мобилизуя духовные ресурсы. На планете и в космосе, а также в каждом из нас в третьем тысячелетии происходят необратимые эволюционные изменения.

Нужно отметить, что общество потребления привело человека к духовной деградации. Значение личности в развитии национальных культур во время цивилизационного прогресса постоянно возрастает во всех сферах жизни: в системе экономических, производственных, социальных, научно-технических, организационно-управленческих и других отношений. В сущности, речь идёт о двустороннем процессе: личность заботится о благе общества, а общество – о предоставлении личности возможностей для её развития, что предполагает взаимную ответственность общества и человека. Обладая свободой воли, свободой слова, человеческая активность может проявляться, как в позитивных, так и в негативных формах. Процесс развития личности в аспекте её существования в социуме может и должен эволюционировать от *homo sapiens* к *homo spiritus*.

Все люди незаметно для себя стали переходить в более высокую мерность. Человеческое сознание очень мощное. Все намерения метаболизируются физическим телом. Намерение является стимулятором для синтеза рецепторов. Например, если Вы хотите пить, то ментально синтезируется и физически проявляется клеточная деятельность. Организм готов принять воду ещё до того, как Вы начнёте пить воду. Как это происходит? ДНК высвобождает магнитную энергию при намерении, энергия мысли идёт в клетке на исполнение – так происходит материализация сознания. Мысль

материальна. Осознание мысли изменяет ДНК. Переписывает команды, рождает новые реакции, очищает кровеносную систему. Правое и левое полушария мозга работают более синхронно. Рождается мощное резонансное поле высшей гармонии положительных мыслеформ. Каждый человек – своеобразный резонатор. Сознание резонирует с ноосферой, получая необходимые знания. «Резонировать» - значит быть настроенным на одинаковую частоту с источником волн, генерируемых ноосферой.

В этом столетии ярким примером четкой настроенности на такое излучение являются дети-индиго. Они по иному относятся к происходящим событиям и лучше ориентируются в социуме.

Все мы начинаем «отражать» - осознавать очень высокий план собственной божественной структуры. В зависимости от качества настройки нашего внутреннего «Я», слова и мысли влияют на наше ДНК. Бранное слово, отрицательные мысли и эмоции вызывают мутогенный эффект, как от сильного радиационного облучения, разрушающий структуру кристаллической решетки воды внутри клеток организма. Результат – отсюда все болезни человека, так как волновые приёмники ДНК мгновенно улавливают эмоциональную окраску голоса и соответствующим образом реагируют. ДНК как маяк, воспринимает и транслирует эмоции. Учёные выявили, что код ДНК не постоянен, гены изменяют положение в хромосомах в ответ на стрессовое воздействие, на отрицательные эмоции и мысли.

Что самое главное сегодня? Здоровье! Осознанная положительная реакция на стресс может предупредить болезнь. Пройдёт минимум пять – десять лет и каждый человек будет бояться признаться в своих хронических заболеваниях. Потому что болезни – это характеристика образа жизни, образа мысли и поступков человека.

Также учеными доказано, что отрицательные мысли убивают сердце.

Например, люди, которые любят беспричинно обсуждать руководство и друг друга, подвергаются риску получить сердечный приступ и другие заболевания. Дело в том, что когда они сплетничают или критикуют кого-то, у них появляются отрицательные мысли. Эти негативные мысли приводят к тому, что в организме повышается количество нейропептидов, которые принимают участие в процессе метаболизма жиров и превращения их в липопропротеиды.

Липопротеиды, как правило, делятся на обычные и низкогустные (бета-липопротеиды). Последние - более опасные, поскольку содержат большое количество холестерина, избыток которого откладывается в кровеносных сосудах. Таким образом, сплетни приводят к уменьшению пропускной способности кровеносных сосудов. В последующем это может повлечь повышение артериального давления и даже сердечные приступы.

К выводу о неопровержимой вредности неприятных мыслей для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями пришел и доктор Гарбанс Вазир. Он отметил: "Когда человек сердится, в его кровь выделяются адреналин и норадреналин. Это приводит к учащению пульса, повышению давления, которое также может навредить и без того больному сердцу". Он также отмечает, что положительные мысли и действия, а также физические

упражнения предопределяют выделение в кровь окиси азота. Это соединение имеет лечебную силу и обеспечивает сохранение здоровья.

Умение прощать – охраняет сердце от инфаркта. Сердце связано с интуитивным восприятием.

Человек должен понять, что отрицательные импульсы вырабатываются не только в результате выполнения определенных действий. На это могут влиять и мысли. Если человек сердится или очень огорчается, ему непременно следует приложить усилия, чтобы устранить негативные мысли. Нужно направить мысли в положительную сторону, готовить себя к новым достижениям, думать о тех, кого любишь, или о тех, кто любит тебя.

**Результаты пилотажных исследований** учёных, членов Международной Академии духовных наук, показали, что существующие программы мыслеформ на уровне психики актуализируют взаимосвязь Слова и Дела. Они пропускают через «фильтр» информацию, отбрасывая то, что не соответствует определённому критерию или заявленной цели. Психологи считают, что положительные мыслеформы в сотни раз сильнее негативных, ибо мозг склонен оперировать позитивными мыслями. Правильно сформулированные мысли для исполнения желаний имеют удивительную способность сбываться с наибольшей вероятностью. Они программируют успех. Желаемый результат создается сначала в мыслях со всеми подробностями, до мельчайших деталей, что позволяет ощутить и пережить его ещё задолго до того, как он возникнет в действительности.

Экология мысли ориентирована на забвение субъектом своих бед и неудач, обид и ненависти. Она культивирует необходимость мыслить только "образами" успеха, любви и радости [3].

Интеллект человека проявляет научные и эстетические принципы каждой национальной культуры.

Что самое главное сегодня и в обозримом будущем? Самосовершенствование человека. В то время, когда однажды осознаете, кто Вы есть и кем Вы являетесь, начнётся истинное развитие и сохранение национальной культуры. Член Международной Академии духовных наук Зенин Станислав Валентинович, профессор Московского гуманитарного университета, доктор биологических наук, кандидат физико-математических наук, кандидат химических наук заявляет: «Наша мыслительная деятельность способна оказывать влияние как на развитие человечества, так и на мировой процесс в целом. Это налагает величайшую ответственность за качество информации, содержащейся в наших мыслях».

Учёными доказано, что интуиция и восприятие рождают вдохновение. Корень всех загрязнений окружающей среды и болезней человека лежит в токсичных мыслеволнах. Поэтому каждый несёт ответственность за чистоту своих же помыслов, соблюдая экологию мысли. Вспомним работы Чижевского Александра Леонидовича (1897-1964), биофизика, основоположника гелиобиологии. Космизм был тем целенаправляющим стержнем, который привел Чижевского к ряду выдающихся открытий. Это направление включает биологическую и социальную эволюцию человека в рамки универсального эволюционизма – от флуктуации вакуума, породившего нашу

Вселенную до глобальных проблем современной цивилизации. Чижевский своё понимание так формулировал: «Человечество, населяющее Землю, находится под постоянным мощным и сложным воздействием космоса, которое мы лишь с трудом учимся улавливать и понимать. Но для нас уже нет никакого сомнения в том, что жизнедеятельность и отдельного человека, и всего человечества находится в тесной связи с жизнедеятельностью всей Вселенной» [4]. Мировоззренческие идеи Александра Леонидовича Чижевского сыграли роль в разработке его концепции влияния космических факторов на геофизические, биологические и социальные процессы. Он показал тесную связь ритмических изменений этих процессов с циклами космической, в частности, солнечной активности. Солнечные вспышки постоянно незаметно преобразуют электронейро-молекулярную систему (организм человека) на тончайших уровнях.

Обратимся к работам В.И. Вернадского, который писал, что ноосфера призвана трансформировать космическую энергию в психические ментальные структуры каждого. Разум имеет относительный и абсолютный уровни. Абсолютный называется совершенной гармонией. Относительный – мы видим некий процесс. Чтобы уметь видеть в гармонии, Природа (Бог, Творец) раскрывает медитативное состояние Разума каждого человека в его повседневной жизни в быту [2].

Так мы учимся оценивать информацию, используя экологию мысли. Понимание этого факта может помочь нам в сохранении, развитии и единении, как в заимодополнении, так и в заимообогащении национальных культур и религий.

На законодательном уровне получил признание тот факт, что для российской культуры традиционными являются четыре религии: ислам, православие, буддизм и иудаизм. Наряду с этими религиями равноправно функционируют этнические верования. Свобода совести (право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой) и установка на толерантность и межрелигиозный диалог являются характерными чертами российской национальной культуры. Ничто не препятствует чеченцу, кабардинцу, русскому, татарину, греку, эвенку или представителю какой либо иной этнической или национальной общности определять себя, как носителя российской культуры, сохраняя при этом иные формы культурной идентичности.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил: «Проблемам сохранения единства нашего многонационального народа, совершенствования межкультурного и межрелигиозного диалога государство уделяет приоритетное внимание».

На основании вышесказанного, хочу отметить, что предусмотрительность, осторожность, то есть всё то, что относится к культуре нашей мыслительной деятельности, крайне необходимо применять в повседневной жизни. Экология мысли станет естественной только при достижении соответствующего высокого морально-нравственного состояния в культурно-образовательной сфере человеческого общения.

### Список литературы:

1. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения, - М.: Наука, 1987, с.269.
2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста, - М.: Наука, 1988, с. 27, с. 34.
3. Безукладова Л.В. Состояние светской духовности в условиях техногенной цивилизации: монография / Л. В. Безукладова. – Симферополь, Диайпи, 2011. с.128-148.
4. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни,- М.: Наука, 1995, с.695.

## ДОКУМЕНТНАЯ ОСНОВА РЕЛИГИОЗНЫХ СВОБОД В ЕВРОПЕ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАПСКИХ БУЛЛ ДО СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Безус С.Н.

*Россия, г. Пятигорск*

*Северо-Кавказский институт-филиал*

*РАНХиГС при Президенте Российской Федерации*

*E-mail: luzazul@list.ru*

**Аннотация:** В настоящей статье даётся обзор документов, регулирующих свободу вероисповедания в странах Европы: от первых папских булл, положивших начало Инквизиции в Средние века, до современных демократических Конституций.

**Ключевые слова:** Средневековая Европа, свобода вероисповедания, инквизиция, документы, папская булла, конституции европейских стран.

Вопросы религии вызывают серьезную озабоченность во многих демократических странах. С одной стороны, демократическое государство должно предоставить определенные гарантии свободы вероисповедания; с другой, большинство правительств помнят и понимают, что многие мировые войны начались и велись из-за религии.

В средневековой Европе не существовало никакого правового или документационного регулирования свободы вероисповедания, однако догмы христианской церкви были не единственными догмами среди необразованных людей.

На религиозном ландшафте средневековой Европы выделялась одна секта, которая пользовалась большой популярностью среди населения – секта катаров (от греческого слова, означающего «чистый») или альбигойцев. Катары считали, что мир, католическая церковь и светская власть были созданы сатаной, а папа вообще был объявлен заместителем дьявола. Катары не принимали во внимание католические доктрины и таинства, они отрицали частную собственность и требовали уничтожения церковных ресурсов. В повседневной жизни они проповедовали безбрачие и преодоление

плотских желаний, запрещали пищу животного происхождения и допускали самоубийство.

Доктрина катаров отрицательно сказывалась как на обществе, так и на католической церкви. Беспорядки, спровоцированные катарами, особенно в северной Италии и на юге Франции, пугали христианских лидеров. Катаров поддерживали не только ремесленники и крестьяне, но и дворяне, которые ссорились с церковными феодалами. Главным мотивом дворян было возвращение своих земель, захваченных Церковью.

В 1165 году во Франции состоялась серьёзная борьба между католическим духовенством и проповедниками катаров. После этого события катары были объявлены еретиками (греч. *hairesis*: первоначально – отбор; позже – учение, секта – особое вероучение, отклоняющееся от официальной доктрины церкви [1, С. 91]). Катары, в свою очередь, сами объявили полное отделение от Римской Церкви и основали собственную организацию.

Таким образом, именно вероисповедание катар привело к появлению первого документа, который узаконил преследование несогласных с официальной религией. Речь идет о булле (лат. *bullā* – шарик – наиболее важный папский документ, папская грамота, папское послание) папы Луция III (1181-1185 гг.) *Ad Abolendam* от 4 ноября 1184 года, которая гласила (авторский перевод по [2, С. 4]): «Для того чтобы искоренить развращённость, рождаемую различными ересями...

*Итак, настоящим документом приказываем, чтобы любой, явно уличённый в ереси, будь то священник или кто-то, по крайней мере, по внешним признакам принадлежащий религиозному ордену, да будет лишён всех привилегий духовного ордена, а также отстранён от должности и лишён церковного дохода, и да будет он предан суду духовенства, чтобы подвергнуться должному наказанию, если только немедленно, после признания своего заблуждения, он добровольно не вернётся в лоно католической веры и не согласится публично отречься от своего заблуждения, с одобрения епископа епархии, и не представит достаточные доказательства своей лояльности.*

*Однако если речь идёт о мирянине, который тайно или явно заразился одним из вышеперечисленных грехов, судьбу его будет решать церковный судья, дабы он получил заслуженное наказание в соответствии с тяжестью своего преступления, если только он клятвенно не отречётся от ереси и не представит достаточных доказательств искупления вины, как уже было сказано, и немедленно не вернётся к истинной вере.*

*Идентичному наказанию подвергнутся те, кто предстанет перед Церковью в качестве подозреваемых, если только они не докажут свою собственную невиновность достаточными, по мнению епископа, доказательствами, в зависимости от степени подозрения и статуса самого подозреваемого.*

*Но если те, кто вслед за отречением от своих заблуждений или оправдательным приговором, по мнению самого епископа, как мы уже сказали, будет снова уличён в ереси, от которой он отрёкся, мы приказываем, чтобы таковые были преданы церковному суду без необходимости какого-*

либо дополнительного судебного слушания, с отчуждением имущества осуждённых духовных лиц в пользу церкви, в которой они несли свою службу, согласно церковным нормам. (.....)

По мнению совета епископов и высшей власти империи и её государей, добавим к вышесказанному, что каждый архиепископ или епископ, сам лично или в лице архидьякона или других честных и компетентных лиц, пусть объезжает дважды или хотя бы один раз в год тот свой церковный приход, в котором, по слухам, обитает ересь, и обяжет трёх или более надёжных, подходящих людей, в том числе из местных жителей, поклясться в том, что, если они узнают, что кто-то устраивает еретические собрания, они должны об этом донести епископу или архидьякону ...».

Отсутствие религиозной толерантности среди так называемого «высшего руководства» католической церкви по отношению к последователям манихейства, катаризма и других вероучений привело к выработке своеобразной защитной стратегии, которая воплотилась в особой процедуре наказания за инакомыслие – инквизиции (от лат. *inquisitio* – «расследование»). Начиная с 1184 г. (год выхода вышеуказанной папской буллы) к еретикам стали применять наказание в виде изгнания. С 1199 г. добавились такие наказания как смертная казнь на костре и пытки, которые были уже прописаны в другом декрете папы Иннокентия III *Vergentis in senium*.

В 1231 г. инквизиционная процедура трансформируется в особый институт, который возник во Франции для борьбы с учением всё тех же катаров. Первоначально данный судебный и карательный орган Католической церкви контролировался папой Григорием IX посредством буллы *Exco-communicatus et anathematizatus* «Отлучаем и придаём анафеме».

Распространение катаризма по территории Италии привело к появлению инквизиторов в Ломбардии. На протяжении XIV в. инквизиционные трибуналы появляются также в Польше, Германии, Боснии, Португалии. Постепенно увеличивается инквизиционная бюрократия, издаются процессуальные документы. Главной целью Святой Инквизиции была уже не только борьба с катарами, но и с любой другой ересью, то есть со всеми религиозными убеждениями, не совпадающими со стандартом, установленным Римско-католической церковью. Список преступных деяний, подпадающих по понятие «ересь», расширился: наказание можно было получить за богохульство, двоежёнство и колдовство.

Как видно, о религиозной свободе в средневековой Европе не могло быть и речи.

В отличие от Средних веков в настоящее время все европейские конституции гарантируют свободу вероисповедания. Почти во всех европейских странах, в том числе и в России, Церковь отделена от государства, что зафиксировано в соответствующей статье Конституции. Так, статья 14 Конституции Российской Федерации гласит: «1) Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2) Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [3].

Статья 1 Конституции Словацкой Республики гласит: «*Словацкая Республика есть суверенное, демократическое и правовое государство. Оно не связано никакой идеологией или религией*» [4].

Пункт 2 статьи 13 Конституции Болгарии гласит: «*Религиозные учреждения отделены от государства*» [5]. То же в пункте 2 статьи 6 Конституции Венгрии: «*Церкви и государство Венгрии функционируют отдельно. В Венгрии Церкви являются независимыми. Государство будет сотрудничать с церквями в достижении целей сообщества*» [6].

Тем не менее, некоторые европейские страны зафиксировали свою официальную религию на документной основе, т.е. прописали это в основном законе – в Конституции. Среди них Греция, Исландия, Мальта и Королевство Норвегия.

Так, Греция регулирует отношения Церкви и государства в соответствии со статьей 3 (раздел II) Конституции: «*1. Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Православная Церковь Греции, признающая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой константинопольской Церковью и со всякой другой единой Церковью Христовой, неуклонно соблюдает, так же как и они, святые апостольские и соборные каноны и священные традиции*» [7].

В статье 62 Конституции Исландии говорится: «*Евангелическая лютеранская церковь является государственной церковью в Исландии и пользуется защитой и поддержкой государства*» [8].

Конституция Республики Мальты определяет государственной религией римскую католическую апостольскую религию, обязательную для преподавания во всех государственных школах (статья 2, глава I) [9].

Согласно конституции Королевства Норвегии (Раздел А. О форме правления и религии, § 2) «*Евангелическо-лютеранская религия является официальной государственной религией. Исповедующие ее жители обязаны воспитывать в ней своих детей*» [10].

Несмотря на существование официальных религий, Конституции упомянутых выше стран предоставляют религиозную свободу своим гражданам. Так, статья 13 Конституции Греции гласит: «*1. Свобода религиозного сознания неприкосновенна. Пользование личными и политическими правами не зависит от религиозных убеждений каждого*» [7]. Те же идеи записаны в статье 63 Конституции Исландии: «*Все лица имеют право создавать религиозные объединения и исповедовать свою религию исходя из личных убеждений*» [8]; в статье 40 Конституции Мальты: «*Любое лицо в Мальте должно иметь полную свободу совести и пользоваться свободой осуществления своего соответствующего религиозного культа*» [9]; в статье 2 Конституции Норвегии: «*Все жители государства обладают свободой религиозной совести*» [10].

Болгария не определяет **официальную**, но **традиционную** религию в пункте 3 статьи 13: «*Традиционной религией в Республике Болгарии является восточно-православное вероисповедание*» [2].



Для большинства европейских стран свобода вероисповедания занимает одно из первых мест в списке личных и политических свобод и прав [см. 11]. Так, в основном законе Германии статья, защищающая свободу вероисповедания (№ 4), предшествует даже статье о браке, семье и детях (№ 6): «1) Свобода вероисповедания, совести и свобода провозглашения религиозных и мировоззренческих взглядов ненарушима. 2) Беспрепятственное отправление религиозных обрядов гарантируется» [12].

Несмотря на то, что большинство европейских стран представляют собой правовые, светские, демократические государства. Однако отделение Церкви от государства не означает отделение её от народа. Часто на документной (конституционной) основе за той или иной религией закрепляется статус официальной или традиционной. Даже если это не прописано в Конституции, религия, так или иначе, играет важную роль в сфере культурного воспитания граждан, развития национально-культурных традиций, повышения нравственной и, как следствие, правовой культуры, духовно-нравственного и патриотического образования.

В средневековой Европе можно было наблюдать столкновение интересов из-за религиозных различий. Это объясняется, в определенной степени, необразованностью населения и его темным сознанием. Удивительно, но в XXI веке, когда наука и техника достигли беспрецедентного успеха, некоторые европейские страны продолжают сталкиваться с проблемами на религиозной почве (вспомним события с хиджабами во Франции и массовые убийства, совершаемые молодыми мусульманами). В большинстве случаев базовые законы являются некоторым ограничителем и обязывают гражданские общества демонстрировать религиозную терпимость. И всё же Конституция может гарантировать свободу вероисповедания на бумаге, но только люди могут обеспечить мир и стабильность в реальности.

### Список литературы:

1. Католицизм: Словарь атеиста / Под общ. ред. Л.Н. Великовича. – М.: Политиздат, 1991. – 320 с.
2. Gonzalo Martínez Díez S.I. Bulario de la Inquisición Española. Hasta la muerte de Fernando El Católico (*Bulls Collection of the Spanish Inquisition. Until the death of Fernando the Catholic*). – Madrid, 1997. – 505 p. (на испанском языке)
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>
4. Конституция Словацкой республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=110>
5. Болгария. Конституция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugsvet.ru/node/42735>
6. Конституция Венгрии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=298>
7. Конституция Греции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=153>

8. Конституция Исландии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=150>
9. Конституция Республики Мальты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=145>
10. Конституция Норвежского Королевства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=142>
11. Bezus S. The documentary basis of the Inquisition Tribunal in Medieval Europe // Tradition and Reform. Social Reconstruction of Europe. International Scientific Conference November 7-8, 2013. – Bucharest (Romania): Medimond, 2013. – pp. 63-66.
12. Конституция Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=155>

## **КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ РЕЛИГИОЗНЫХ СВОБОД В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ**

**Безус С.Н., Шихмагомедова Д.М.**

*Россия, г. Пятигорск*

*Северо-Кавказский институт-филиал*

*РАНХиГС при Президенте Российской Федерации*

*E-mail: luzazul@list.ru*

**Аннотация:** В настоящей статье анализируются отношения между Церковью и государством в некоторых странах Европы; даётся обзор статей европейских Конституций, закрепляющих религиозные права и свободы.

**Ключевые слова:** Европа, церковь, государство, свобода вероисповедания, конституции европейских стран.

Разделение церкви и государства – это величина или мера, которая определяет одну из сторон идентичности европейских народов. Однако эта величина никогда не бывает абсолютной.

Даже в странах, где такое разделение широко поддерживается, как, например, во Франции, существуют очень важные нюансы. И наоборот, когда в государстве есть общепризнанная церковь, например, в Англии, это не обязательно означает, что церковь контролирует религиозное образование в школах.

В разных странах ситуации довольно разнообразны. Так, во Франции, согласно закону 1905 г. разделение церкви и государства почти завершено. Сами принципы, которые лежат в основе Французской Республики, в частности «светскость», были установлены путём исключения церкви и религии из общественных мест, в т.ч. из школ. Долгое время религия не присутствовала в государственных школах, которые должны были быть светскими и нейтральными. И только с 1990-х гг., и в частности с 2002 г., школьные учебные программы были открыты, но не для религии как таковой, а для знания «религиозных фактов».

Однако и во Франции, тем не менее, есть исключения. Так, в трёх областях Эльзас-Мозеля (северо-восточная часть Франции), которые в 1905 г. были ещё частью Германской Империи, продолжают применять религиозные законы полувековой давности. Там признаются три религии (католичество, протестантизм и иудаизм), причём государство финансирует преподавание трёх религий в государственных школах.

Напротив, Англиканская Церковь – это основная церковь в Англии. (Другие три страны Евросоюза, в которых есть государственные Церкви – это Финляндия (Лютеранская Евангелическая Церковь и Православная Церковь), Дания (Лютеранская Евангелическая Церковь) и Греция (Греческая Православная Церковь). Королева является «главой церкви и защитницей веры». В этой стране система образования построена на тесном сотрудничестве между церковью и государством, и преподавание религии очень рано приняло обязательный характер во всех государственных школах. Сегодня, тем не менее, преподавание является, с одной стороны, неконфессиональным, с другой – многоконфессиональным.

Кроме двух вышеприведённых примеров, существуют страны, в которых, несмотря на разделение церкви и государства, государство в той или иной мере поддерживает сотрудничество с церковью, и это не считается парадоксальным. Так, например, несмотря на то, что согласно Конституции в Испании нет основной Церкви, общественные власти обязаны поддерживать рабочие отношения с Католической церковью и другими конфессиями в соответствии со статьёй 16 Конституции 1978 года. Католическая церковь отвечает за католическое обучение в государственных школах, следуя соглашению с Ватиканом от 1979 г. Другие признанные религии (протестантизм, иудаизм и мусульманство) также могут преподаваться на основе соглашений, достигнутом в 1992 г.

В Швеции отделение Лютеранской церкви от государства произошло совсем недавно – в 2000 г. В этой стране религиозное образование допускается в школьной программе, но оно должно быть строго неконфессиональным и объективным.

В Нидерландах, как и во Франции, разделение Церкви и государства относится к Конституции 1848 г. Страна является одной из самых светских стран в Европе, однако религия продолжает играть здесь немаловажную роль. Голландская мультикультурная модель берёт своё происхождение от голландского общества, которое было разделено на сегменты, представляющие собой разные группы в обществе в зависимости от религиозной или философской принадлежности. Католический и протестантский сегменты остаются важной частью системы образования. И хотя нидерландское общество перестало делиться на сегменты и сегодня считается очень светским, религиозная составляющая, тем не менее, остаётся реальной частью системы образования. В связи с расширением в центральную и восточную Европу Евросоюз стал включать страны, в которых религия претерпевала падение численности приверженцев и строгие ограничения в течение длительного периода советского господства. Возвращение к демократии выявило очень разные ситуации. Так, например, хотя Церковь и государство

официально разделены в Чешской Республике и в Румынии, связь с религией большинства остаётся довольно сильной в Румынии, где православие занимает высокое положение в обществе и доминирует в религиозном образовании в школе. Ситуация кардинально отличается в Чешской Республике, где религия имеет гораздо меньшее значение в обществе и образовании. Последняя перепись 2001 г. показала, что более половины чешского населения считают себя нерелигиозными, т.е. не имеющими определённых религиозных взглядов.

Общей чертой многих европейских стран действительно можно считать светскость общества. До расширения ЕС в центральную и восточную Европу только в трёх странах довольно большое количество людей заявляли, что они не исповедуют никакую религию: в Нидерландах (54%), во Франции (43%) и в Бельгии (37%). Тремя странами с наименьшим количеством подобных заявлений были Греция (3%), Ирландия (10%) и Дания (11%).

Большой процент молодого поколения в настоящее время описывает себя как не имеющих религию. Особенно это касается Нидерландов (70%) и Франции (53%). Религиозные практики продолжают медленно угасать, сигнализируя о недовольстве традиционными религиозными институтами.

Религиозный мониторинг 2008 г. показал, что каждый четвёртый или пятый европеец вообще не религиозен. Совет Европы подтверждает эту тенденцию: «Менее одного европейца из пяти посещает религиозную службу, по крайней мере, один раз в неделю, тогда как 20 лет назад эта цифра была в два раза больше» [цит. по 1, р. 16].

Однако данная тенденция не может ассоциироваться с отсутствием интереса к вопросам, касающимся духовных ценностей. Напротив, эти аспекты растут, особенно среди молодёжи, в мире, который считается чрезмерно материалистичным, и где традиционные идеологии больше не имеют такого влияния.

Итак, в большинстве европейских стран церковь отделена от государства, что закреплено в соответствующей статье Конституции. Тем не менее, практически все демократические страны предоставляют своим гражданам религиозные свободы или свободу вероисповедания. (Обобщённые данные приведены в Таблице 1 [см. также 2].)

**Таблица 1**

**Религиозные свободы в Конституциях некоторых европейских стран**

Страна	Статья	Краткое содержание
<b>Страны Восточной Европы</b>		
Албания	24	1. Гарантируется свобода совести и вероисповедания. 2. Каждый свободен в выборе и смене религии или убеждений, равно как свободен их выражать индивидуально или коллективно, в общественной или личной жизни, через отправление культа, образование, практическую деятельность или исполнение ритуалов.

Белоруссия	31	Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом.
Босния и Герцеговина	II	3. Перечень прав. Все лица на территории Боснии и Герцеговины пользуются правами человека и основными свободами ...; к их числу относятся: g) свобода мысли, совести и религии;
Болгария	13	(1) Вероисповедания свободны. (2) Религиозные учреждения отделены от государства. (3) Традиционной религией в Республике Болгарии является восточно-православное вероисповедание.
Хорватия	40	Гарантируется свобода совести и вероисповедания, а также свободного и публичного выражения религиозных или иных убеждений.
Кипр	18	1. Каждый имеет право пользоваться свободой мысли, сознания и совести. 2. Все религии, вероисповедания и обряды которых не осуществляются тайно, являются свободными. 3. Все религии равны перед законом. ... 4. Каждый свободен исповедовать любую веру, религию или религиозные убеждения, проявляя их путем выполнения обрядов, проповедования, осуществляя или соблюдая обрядовые формы единолично или коллективно... 5. Запрещается использовать телесное или моральное насилие с целью принуждения какого-либо лица изменить свою религию... .
Эстония	40	Каждый обладает свободой совести, вероисповедания и мысли. Принадлежность к церкви и религиозным общинам свободна. Государственной церкви нет. Каждый волен как сам, так и вместе с другими, публично или приватно исполнять религиозные обряды, если это не наносит ущерба общественному порядку, здоровью или нравственности.
Грузия	19	1. Каждому человеку гарантируется свобода слова, мнения, совести, вероисповедания и убеждений. 2. Запрещается преследование лица в связи с использованием им свободы слова, мнений, совести, вероисповедания и убеждений, а также принуждение человека высказать свое мнение по поводу этих свобод.

Латвия	99	Каждый имеет право на свободу мысли, сознания и религиозных убеждений. Церковь отделена от государства.
Литва	26	Свобода мысли, вероисповедания и совести ограничению не подлежит. Каждый человек имеет право на свободу выбора любой религии или вероисповедания и единолично или сообща с другими, в частном или публичном порядке ее исповедовать, отправлять религиозные обряды, практиковать вероисповедание и обучать ему. Никто не может ни подвергать принуждению другое лицо, ни принуждаться выбирать или исповедовать какую-либо религию или веру. ...
Македония	19	Гарантируется свобода вероисповедания. Гарантируется свободное и публичное, индивидуальное или совместно с другими выражение религиозных убеждений. Македонская православная церковь, другие религиозные объединения и религиозные группы отделены от государства и равны перед законом.
Молдавия	31	Свобода совести (1) Свобода совести гарантируется. Она должна проявляться в духе терпимости и взаимного уважения. (2) Религиозные культы свободны и организуются согласно собственным уставам и в соответствии с законом. (3) В отношениях между религиозными культурами запрещаются любые проявления вражды. (4) Религиозные культы самостоятельны, отделены от государства и пользуются его поддержкой, в частности, в облегчении религиозного присутствия в армии, больницах, тюрьмах и приютах.
Польша	53	Каждому обеспечивается свобода совести и религии. Свобода религии включает в себе свободу исповедовать или принимать религию по собственному выбору, а также индивидуально или вместе с другими, публично или частным образом, выражать свою религию путем отправления культа, моления, участия в обрядах, осуществления практик и обучения. ... Религия церкви или иного вероисповедного союза, юридическое положение которого урегулировано, может являться учебным предметом в школе ... . Никто не может принуждаться участвовать или не участвовать в религиозных практиках.

Румыния	29	<p>Свобода совести</p> <p>(1) Свобода мысли и мнений, а также свобода религиозных верований не может ограничиваться ни в какой форме. Никто не может быть принужден принять мнение или присоединиться к религиозному верованию, противоречащему его убеждениям.</p> <p>(2) Свобода совести гарантируется; она должна проявляться в духе терпимости и взаимного уважения.</p> <p>(3) Религиозные культы свободны и организуются по собственным уставам на условиях, установленных законом.</p> <p>(4) В отношениях между культурами запрещаются любые формы, средства, акты или действия, возбуждающие религиозную рознь.</p> <p>(5) Религиозные культы автономны по отношению к государству и пользуются его поддержкой ... .</p>
Украина	35	<p>Каждый имеет право на свободу мировоззрения и вероисповедания. Это право включает свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, проводить религиозную деятельность.</p> <p>Церковь и религиозные организации в Украине отделены от государства, а школа – от церкви. Никакая религия не может быть признана государством как обязательная.</p>
<b>Страны Западной Европы</b>		
Бельгия	19	<p>Свобода культов, их публичное отправление, а также свобода выражать свои мнения любым способом гарантированы, за исключением преследования за правонарушения, совершенные при пользовании этими свободами.</p>
Германия	4	<p>(1) Свобода вероисповедания, совести и свобода провозглашения религиозных и мировоззренческих взглядов ненарушимы.</p> <p>(2) Беспрепятственное отправление религиозных обрядов гарантируется.</p>
Италия	8	<p>Все религиозные исповедания в равной мере свободны перед законом. Некатолические вероисповедания имеют право создавать свои организации согласно своим уставам, поскольку они не противоречат итальянскому правовому порядку.</p>

Португалия	41	<p>Свобода совести, религии и культа.</p> <ol style="list-style-type: none"> <li>1. Свобода совести, религии и культа неприкосновенны.</li> <li>2. Никто не может преследоваться, лишаться прав или освобождаться от гражданских обязанностей и обязательств из-за своих религиозных убеждений или религиозной деятельности.</li> <li>3. Никакие органы власти не вправе никому задавать вопросы об убеждениях или религиозной деятельности, за исключением сбора статистических данных анонимного характера. ...</li> <li>4. Церкви и религиозные общины отделены от государства и свободны в своей организации, деятельности и отправлении культа.</li> </ol>
Испания	16	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Гарантируется свобода идеологии, вероисповедания и отправления культа, осуществляемых индивидами и их сообществами без каких-либо ограничений, кроме тех, которые необходимы для поддержания общественного порядка, охраняемого законом.</li> <li>2. Никто не может быть обязан объявлять о своей идеологии, религии и верованиях.</li> <li>3. Никакое верование не может иметь характера государственной религии. Публичные власти должны принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать вытекающие из этого отношения сотрудничества с католической церковью и другими конфессиями.</li> </ol>

### Список литературы:

1. Pépin L. Teaching about Religions in European School System. – London, 2009. – 92 p.
2. Bezus S. The documentary basis of the Inquisition Tribunal in Medieval Europe // Tradition and Reform. Social Reconstruction of Europe. International Scientific Conference November 7-8, 2013. – Bucharest (Romania): Medimond, 2013. – pp. 63-66.
3. Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru>



## ПРОБЛЕМА «ЗОЛОТОЙ МОЛОДЕЖИ» И ОПЫТ ПРОШЛОГО

Берсанова З.Х.-А., Гайсултанова Т.А.

Россия, г. Грозный

Академия наук ЧР

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема современной «золотой» молодежи. Делается вывод о том, что необходимо создавать для нее жизненные ориентиры, используя опыт прошлого, раскрывая яркие примеры из жизни и деятельности представителей зажиточных сословий дореволюционной Чечни.

**Ключевые слова:** молодежь, культура, ценности, опыт, просветительство, благотворительность.

Социально-экономическая ситуация в России в конце XX - начале XXI вв., создав широкие возможности для развития предпринимательства, привела к появлению в обществе класса людей, обладающих огромными материальными богатствами. Возникает вопрос, как они распорядятся этими богатствами, в каком направлении пойдут дети, уже при рождении становящиеся миллионерами, а то и миллиардерами?

Мы не проводили специальных социологических исследований по этому вопросу, но изучение опыта некоторых сверхблагополучных семей приводит к неутешительным результатам. Часто дети нуворишей, не имея никаких целей, становятся духовно опустошенными прожигателями жизни или идут за ложными ценностями. Целью их существования становится соревновательность – у кого круче машина, кто более оригинальным способом потратит легко доставшиеся от родителей миллионы.

Многие, еще в юношеском возрасте пресытившись всеми прелестями жизни, в поисках новых, более острых ощущений, скатываются в лоно наркомании и преступности, тем самым становясь опасными для общества.

Проблема «золотой молодежи» – это очень серьезная проблема. Одним из вариантов ее решения может послужить изучение опыта прошлого.

В конце XIX-начале XX века в Чечне стали появляться первые богачи из чеченцев – это были купцы, военные, предприниматели. Надо отметить, что представители этих сословий, обладая материальными благами, соответственно, получив больше возможностей и свободного времени, стали не только самосовершенствоваться, как личности, но и многое сделали в плане духовного развития своего народа.

Из среды военных выходят первые ученые, литераторы, просветители. Они изучают этнографию своего народа, собирают фольклор, открывают школы и просветительские общества.

Так первым чеченским этнографом стал горский офицер Умалат Лаудаев, который написал солидный труд «Чеченское племя». К этой работе, как к серьезному источнику, до сих пор обращаются многие специалисты в области этнографии.

Князь, горский общественный деятель, выходец из знатного кумыкско-чеченского рода, сын офицера и землевладельца Туган Карасаевич Алхазов (Кагерманов), несмотря на то, что был специалистом по нефтедобыче (он окончил Санкт-Петербургский Горный институт), участвовал в сборе фольклора для П.К. Услара.

Кстати, дед Тугана князь Кагерман является персонажем ряда чеченских героико-эпических песен-илли. «Эла Къахъармин илли» опубликовано в сборниках «Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей» [1, с.142-154].

Также князь Кагерман упоминается в «Песне о Хамзате». Последнее илли рассказывает о знаменитом абреке Хамзате, который во время восстания 1840 г. бежал в Гехи из надтеречных селений [2, с. 27-31].

Устным народным творчеством чеченцев занимался также офицер, представитель зажиточной фамилии Яндаровых Магомет Яндаров. До нас дошли только эпическая песня «Баймурзы Заза» и легенда «Башни дружбы», которые были им записаны у илланчи (певца) Ч1оьндарга-ашуга из Девкар-эвла (название «ч1оьндарг» – скрипка была названа именем ашуга за то, что он великолепно играл на ней).

Кстати, Магомет не только собирал сокровища чеченского фольклора, но и сам занимался литературной деятельностью, особенно в области драматургии. Им были написаны пьесы «Макажойн имам», «Захало», «Кемсаллехъ» («В сельсовете») и рассказы «Керладахар» («Новая жизнь»), «Х1айттархой» (Ударники) [3, с.30].

Выходцу из офицерской семьи Асламбеку Шерипову не было еще двадцати лет, когда он подготовил к изданию собранные им чеченские народные песни.

«Если золотой век русской литературы создало русское дворянство, то основы чеченской литературы в новом времени заложило чеченское офицерство. Собственно, в этот период шел процесс активного усвоения русской и мировой культуры и расстановки первоначальных акцентов в создании собственной литературы сквозь призму устного народного творчества. Наиболее яркий след оставил Асламбек Шерипов, переложивший народные песни об абреках, близкие по своей героике к лермонтовским образам, на русский язык. Основная же работа того периода шла в русле газетной и журнальной публицистики и общественной деятельности» [4].

Брат Асламбека Шерипова Данилбек занимался публицистической деятельностью. Он издавал и редактировал газету «Терек» прогрессивно-демократического направления. В 1912 году газета была закрыта администрацией.

В советское время Данилбек Джамалдинович продолжал свою просветительскую деятельность, работая в учреждениях культуры, создавая новые статьи и пьесы.

Другой брат Асламбека Хайдарбек Джамалдинович явился организатором первого театрального кружка в Грозном. К сожалению, многие его начинания в сфере самодеятельного театрального искусства остались неза-

вершенными. Хайдарбек был убит во время погромов в Грозном в ноябре 1917 г.

Еще задолго до революции начал свою литературно- публицистическую деятельность выходец из зажиточной семьи писатель и публицист, будущий офицер Ибрагим-Бек Саракаев (1883-1834). Он окончил реальное училище во Владикавказе. Работал в популярном журнале «Кавказ», затем в газете «Терек».

И.-Б. Саракаев является автором статей по национальным и земельным вопросам, проблемам судеустройства, развития культуры и образования. В своих публикациях Ибрагим-Бек Саракаев резко критиковал беззакония и произвол чиновников на Кавказе. Написал историко-философские исследования по мюридизму и по движению имама Шамиля. В 1913 г. издал книгу «По трупам Чечни», в которой осветил острые земельные, экономические и социальные проблемы чеченского народа [5].

Царские власти не были заинтересованы в просвещении горцев, поэтому образовательный уровень жителей дореволюционной Чечни оставался низким.

Достойный вклад в дело народного просвещения внес горский офицер Абдул-Меджид Кужуев. В 1893 году он окончил Александропольский учительский институт в Тифлисе. Работал в Грозненской горской школе сначала помощником учителя подготовительных классов, а затем учителем мусульманского закона.

Вскоре он опять уезжает на чужбину. На это раз в Ставропольскую губернию. Работает смотрителем Бардинского земского двухклассного училища. Но он не перестает думать о чеченских детях. О том, что они не имеют возможности учиться, особенно ребяташки из сельской местности.

Он возвращается домой, в Чечню. И здесь решается на шаг, который не все тогда могли оценить и одобрить – в 1907 году он открывает специальный класс для чеченских мальчиков при Веденской церковно-приходской школе.

В 80-х годах XIX века стали возникать первые общественные просветительские организации. Так, в 1882 году официально было зарегистрировано «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» («Горское общество») которое довольно активно содействовало развитию науки и образования в крае.

«В «Обществе» состояли и своими взносами способствовали продвижению его деятельности именитый чеченский предприниматель А.-М Чермоев, просветители Т. Эльдарханов, Д. Шерипов и другие известные чеченские деятели. Главной задачей этой организации являлось содействие развитию школьного образования в горских округах, в том числе оказание финансовой поддержки лицам, обучавшимся в российских средних и высших учебных заведениях.

При материальной поддержке «Горского общества» были изданы труды чеченского просветителя Таштемира Эльдарханова, в частности, выпущенного им в 1911 году в Тифлисе «Чеченского букваря» на основе русской графики [6].

Уроженец села Гойты Магомет Ахтаханов в 1912 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. Успешно окончив его, он возвращается в Чечню. М. Ахтаханов является одним из создателей Общества распространения просвещения среди чеченцев. В своем родном селе он организовал первый медицинский кружок, где обучал местных девушек основам сестринского дела [7].

В начале XX века семья миллионера Абдул-Меджида Чермоева рядом со своим фамильным кладбищем в Ханкальском ущелье построила мечеть и медресе, где содержала за свой счет преподавателя-муллу. В эту же группу пожертвований следует включить частную инициативу известного шейха Дени Арсанова, который в городе Грозном «при своем доме устроил в специально отведенном для этого помещении низшую арабскую школу для обучения детей Корану и содержал муллу» [6].

Примеров участия первых чеченских богачей в развитии духовной жизни своего народа можно привести немало. Необходимо «заразить» представителей современной молодежи из обеспеченных семей идеей благотворительности, воспитать у них стремление быть полезными обществу, используя сведения о личностях, оставивших глубокий след в истории народа своей меценатской и просветительской деятельностью.

#### **Список литературы:**

1. «Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей». Г. Грозный, 1979 г.. С.142-154)
- 2.Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868// Статья А.П. Ипполитова «Этнографические очерки Аргунского округа».
- 3.Юсупов А.У. Тернистый путь комиссаров. Грозный. 2009 г.
- 4.Тауз Исс. «Нана», №11-12/2015.
- 5.Полевые материалы автора. Инф. Саракаев Х.И.-Б, 1930 г.р. Записано в Грозном в 2009 г.
6. М. Гортикова. «Свет деяний чеченских меценатов». Информационное агентство "Грозный-информ" [www.grozny-inform.ru](http://www.grozny-inform.ru)
- 7.Полевые материалы автора. Инф. Ахтаханова М.А., 1957 г.р. Записано в Москве в 1999 г.

### **ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИЙ)**

**Бетильмерзаева М.М.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: maret\_fil@mail.ru*

**Аннотация.** В качестве объекта исследования выделяется гуманитарное знание. Предметом исследования является духовность и духовная без-

опасность в современном гуманитарном дискурсе на материалах конференций по теме «Гуманитарное знание и духовная безопасность», проведенных в Чеченском государственном педагогическом университете за предыдущие три года.

**Ключевые слова:** духовность, духовная безопасность, гуманитарное знание.

**Актуальность темы.** Вот уже четвертый год мы встречаемся в рамках научной конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность». Актуальность данной проблематики прослеживается в том, что «постановка проблемы духовности в современном гуманитарном знании и поиск различных подходов ее разрешения является ответом на вызовы сегодняшнего дня» [1, с. 85]. Когда мы говорим о вызовах сегодняшнего дня, необходимо уточнить, что именно мы понимаем под этим понятием и в чем именно выражаются эти вызовы. С точки зрения ряда исследователей [2, 235] формулировка вызовов может быть представлена двумя программами – глобалистской и антиглобалистской. Глобалисты настаивают на том, что «главное зло, угрожающее миру – это «международный терроризм», эгоизм нацио-государств, не желающих принять «правила игры» мондиалистов, далее – весьма сомнительная концепция «глобального потепления» и т.д.». Антиглобалисты и «чистые левые» усматривают главное зло «в природе капитала и его транснационализации, в глобальной экспансии финансового «интернационала» и ТНК, и их разрушительной силе». Правые как антиподы левых видят угрозу в «наплыве иммигрантов, в демографической экспансии исламского и китайского миров». Также в контексте прогнозируемой четвертой промышленной революции вызовы современности и ближайшего будущего дополняются проблемами, связанными массовым внедрением киберфизических систем в производство, то есть, роботизацией производства, созданием искусственного интеллекта, государством всеобщей слежки, новыми урбанизациями, изменением моральных норм, семейных практик [3].

В качестве **объекта исследования** выделяется гуманитарное знание. **Предметом исследования** является духовность и духовная безопасность в современном гуманитарном дискурсе на материалах конференций по теме «Гуманитарное знание и духовная безопасность», проведенных в Чеченском государственном педагогическом университете за предыдущие три года.

**Цель исследования** заключается в анализе научной рефлексии о духовной безопасности и гуманитарного знания как феноменов, обуславливающих безопасность общества.

Для достижения поставленной цели автор предпринимает решение **следующих задач:**

1) анализ различных аспектов духовной безопасности, нашедших отражение в сборниках материалов конференций по теме «Гуманитарное знание и духовная безопасность»;

2) формулирование актуальных подходов статуса ценности духовной безопасности в контексте вызовов современного мира.

В сборнике материалов конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность» за 2014 год в публикациях В.Х. Акаева [4], М.М. Бетильмерзаевой [5], В.Ю. Гадаева [6], М.Ю. Келигова [7], О.Б. Молодова [8], И.В. Мухановой [9], Х.Л. Нальгиевой [10], Б.Б. Нанаевой [11], Д.Х. Сайдумова [12], З.Я. Умаровой [13] и др. нашли отражение различные аспекты проблемы гуманитарного знания и духовной безопасности. Как верно отметил В.Ю. Гадаев, «духовная безопасность человека – это определенная система условий, обеспечивающая сохранение сложившихся у конкретной личности основополагающих духовно-нравственных принципов и ценностей, соответствующих традиционным правилам и нормам данного социума» [14, с. 21–25]. «Соответственно, писали мы в своей статье «Духовная безопасность как гарант здорового общества», бытие человека, как существа биопсихосоциального, необходимо обладая духовностью, однозначно требует и условий безопасного функционирования человеческой субъектности в пространстве антитетичного бытийного промысла, когда границы между добром и злом, прекрасным и ужасным, трагическим и комическим стираются. И мир, обогащенный многообразием возможного и допустимого, стал перед угрозой собственных гегуинных начал. Основные тезисы автора заключались в том, что... духовность есть феномен гегуинный культуре, ибо ее становление и развитие есть следствие свершения ее духа, и поэтому духовность нуждается в свободе выражения, что позволяет ей обособлять ценное, изолируя вредное. Подобно тому, как на дереве от одного корня появляются жизнеспособные ветви и отсыхающие сучья, нуждающиеся в обрезке, культура в своем естестве самостоятельно saniрует свое пространство. Идеи, традиции, различные культурные элементы, имеющие ценностную значимость, сохраняются и обогащаются» [5, С. 61].

В статье «Духовность как фактор обеспечения духовной безопасности», В.Ю. Гадаев определил духовность как «верхний слой духовной сферы, высший уровень развития и саморегуляции личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности. На этом уровне проявляется высоконравственное начало духовной жизни, стремление к идеалу, высокая культура мысли, чувств, поступков и т.д.» [6, с. 81]. Как специалист-исследователь молодежной проблематики, В.Ю. Гадаев в цитируемой статье обратил внимание на то, что возвращение духовности длительный процесс, уходящий корнями во младенчество, в ранние этапы формирования человеческой субъектности.

М.Ю. Келигов описал роль философии в обеспечении духовной безопасности [7], О.Б. Молодов уделил внимание характеристике теоретических и прикладных аспектов духовной и религиозной безопасности [8], И.В. Муханова предложила анализ ценности психологической безопасности личности в семейной практике [9], Х.Л. Нальгиева отметила актуальность патриотического воспитания для обеспечения духовно-нравственной безопасности [10], Б.Б. Нанаева исследовала роль традиционных ценностей как фактора обеспечивающих духовную безопасность [11], Д.Х. Сайдумов развил проблему правовой культуры как фактора обеспечения духовной без-

опасности [12], З.Я. Умарова рассмотрела роль толерантного сознания в духовной безопасности современного российского общества [13].

В сборнике материалов конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность» за 2015 год в контексте беспрецедентно обострившейся геополитической ситуации в мире проблемы гуманитарного знания прозвучали как важнейшие проблемы обеспечения духовной безопасности общества и личности. В предисловии к сборнику было отмечено, что духовная безопасность подразумевает создание системы условий, позволяющих сохранить жизненно важные параметры в рамках исторически сложившейся нормы [15, с. 6].

Проект конференций по проблеме «Гуманитарное знание и духовная безопасность» вышел на новый уровень не только в рамках научных теоретических исследований ученых, но он заявил себя как часть большого Проекта, нацеленного на поэтапное формирование «Экоуниверситета», политика которого будет направлена на внедрение принципов устойчивого развития и непрерывного экокультурного совершенствования различных сфер его деятельности.

М.М. Бетильмерзаева отметила, что «мера гуманитарности знания, обусловленная мерой обнаруживаемых в нем смыслов, определяет истоки угрозы духовной безопасности в условиях глобального пересечения культур. Потеря смыслов, стирание границ между добром и злом, утрата меры, как основной культуuroобразующей категории, неизбежно становится причиной дегуманизации социокультурного пространства; в целях обеспечения духовной безопасности в современной ситуации мультикультурализма и глобализма может быть избрана форма «диалог культур», основанная на многовекторном общении субъектов коммуникативного пространства на основе естественного права» [16, с. 83].

Известный российский ученый А.Ш. Викторov подчеркнул, что «жизнеспособность современного российского общества непосредственно связана с характером состояния духовной безопасности, которая существует в двух неразрывно связанных между собой формах: во-первых, в форме духовного мира каждого отдельного российского гражданина и его деятельности по сохранению национальной культуры и ценностей; во-вторых, в характере функционирования социальных институтов (власти, церкви, искусства, образования и воспитания) [17, с. 97].

В.Ю. Гадаев в контексте проведенного исследования пришел к выводу, что «проблема патриотического становления и воспитания молодежи является как никогда актуальной для российского общества. Современный мир сложен, противоречив, агрессивен. Идет ожесточенная борьба во всех сферах человеческого бытия. Нас окружают не только друзья, но, к сожалению, и агрессивные недруги. Каждый народ, каждое государство преследует и защищает собственные интересы, накал конкуренции достиг критической отметки. Вот почему мы должны готовить новое поколение к всевозможным противостояниям, оснатив его не только высокоэффективными боевыми средствами, но и мощной духовно-идеологической броней, каким является,

в частности, великое чувство патриотизма и его концептуальное бытие – национально-патриотическая идеология» [18, с. 113].

М.М. Керимов, Б.С. Керимова высказали актуальную для современной России мысль о том, что «представляется актуальным осуществление христианско-мусульманского взаимопонимания, придав ему соответствующую институционализацию, создав духовно-культурные и исследовательские центры, призванные значительно шире изучать пути и механизмы установления уважительных, терпимых, толерантных отношений между народами и религиями. В их рамках могут быть полезными рекомендации по разработке мер практического характера, позволяющие корректировать церковно-государственную политику в стране» [19, с. 181].

А.А. Манкиев Говоря, анализируя вызовы и угрозы этнонациональной безопасности, обратил внимание на необходимость «иметь в виду не только их *возможный «конечный» результат*, в виде больших, общенациональных трагедий, как это случилось в Чеченской Республике». Но также, что «они реализуются и бытуют также в виде текущих, повседневных, «малых», локальных бед, чинимых гражданам по признакам национальной, религиозной, расовой принадлежности путем особого надзора за ними, их дискриминации, разжигания неприязни и вражды к ним, внедрение в общественное сознание их крайне негативного имиджа, образа врага русских и России» [20, с. 245].

Украинский ученый-исследователь В.Г. Циватый отметил, что «в современных условиях, когда ключевыми факторами развития цивилизации становятся гуманитарные знания и высокие технологии, интеллектуальный потенциал и культура нации, неоспоримым является тезис о том, что важнейшую роль в развитии общества играет человеческий потенциал. При таком подходе показателем национального богатства в значительной степени выступают не только и не столько запасы сырья или динамика производства, сколько образованные люди» [21, с. 390].

В третьем сборнике материалов конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность» за 2016 год также получили свое развитие различные аспекты проблемы духовности, например, в публикациях М.М. Бетильмерзаевой [22], А.Ш. Викторова [23], В.Ю. Гадаева [24], Н.А. Каныгиной [25], А.А. Ковалева [26], Е.М. Малышевой и Л.У. Курбановой [27], А.А. Манкиева [28] и др. Весьма интересен социологический взгляд на духовную безопасность А.Ш. Викторова, который отмечает, что «в социологическом контексте духовную безопасность необходимо рассматривать через антиномию духовности современного общества, которая состоит из высокой духовности и антидуховности человека, как социокультурного существа. Эти антиномии духовности выражают единство и целостность двух противоречивых явлений и находят в том или ином уровне социокультурного развития и состояния общества. В самом общем плане можно выделить четыре таких антиномии:

1. Духовность, по сути, не принадлежит обществу, но только она обеспечивает его воспроизводство, сохранность и развитие;



2. Духовность как объединяет, так и разделяет людей, общества и цивилизации;

3. Духовность охраняет, оберегает одни системы ценностей и разрушает другие;

4. Духовность выступает и как фактор развития и фактор стагнации общества» [23, с. 103].

С вышеприведенной мыслью ученого перекликается высказанная в том же сборнике идея другого автора о том, что «безопасность современного российского общества требует нового взгляда на духовность человека, которая должна быть воспринята как продукт взаимодействия духа и среды. Любой человек, любая эпоха, любое общество обладает духовностью. Но вот вопрос, каково рода эта духовность? Эволюционирует в ней дух, инволюционирует или находится в состоянии стагнации» [22, с. 90]. Хотелось бы остановиться на первых двух тезисах А.Ш. Викторова. Согласно первой его антиномии, духовность противопоставляется социальности, в этом случае, по нашему пониманию, социальное есть материальное, духовное – формальное. И второй тезис характеризует духовность как нравственно-ценностную категорию, которая не может быть ограничена абсолютными границами: содержательное своеобразие духовности обусловлено уровнем развития социума.

Таким образом, хотелось бы обратить внимание коллег-исследователей на то, что проблема гуманитарного знания и духовной безопасности, под эгидой которой мы проводим уже четвертую встречу, не только неисчерпаема, но и в возможном будущем предстанет в совершенно новых палитрах своего звучания.

### **Список литературы:**

1. Бетильмерзаева М.М. Эволюция духовности как необходимое условие безопасности общества. – С. 84–92 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря 2016 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

2. Халидов Д.Ш. Глобальные вызовы, пророческая традиция и наука: попытка философского осмысления и синтеза // Футурологический конгресс: будущее России и мира: Материалы Всероссийской научной конференции, 4 июня. 2010 г., Москва [текст + электронный ресурс] / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2010.

3. Шульман Е. Будущее семьи, частной собственности и государства. Выступление в лектории «Прямая речь» 22 мая 2017 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n13hg-zFeyA&t=3863s>. Дата доступа: 19.10.2017.

4. Акаев В.Х. Соотношение естественно-научного и гуманитарного форм знаний: теоретико-методологический анализ. – С. 19-25 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной

научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

5. Бетильмерзаева М.М. Духовная безопасность как гарант здорового общества. – С. 60-66 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

6. Гадаев В.Ю. Духовность как фактор обеспечения духовной безопасности. – С. 79-85 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

7. Келигов М.Ю. Роль философии в обеспечении духовной безопасности. – С.117-121 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

8. Молодов О.Б. Духовная и религиозная безопасность: теоретические и прикладные аспекты. – С. 163-170 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

9. Мусханова И.В. Психологическая безопасность личности и семья. – С. 181-184 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

10. Нальгиева Х.Л. Патриотизм и проблема духовно-нравственной безопасности. – С. 195-201 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

11. Нанаева Б.Б., Несерханов Р.И. Традиционные ценности как фактор обеспечения духовной безопасности. – С. 202-214 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

12. Сайдумов Д.Х. Развитие правовой культуры как фактор обеспечения духовной безопасности. – С. 231-235 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

13. Умарова З.Я. О роли толерантного сознания в духовной безопасности современного российского общества. – С. 248-252 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2014 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

14. Гадаев В.Ю. Индивидуально-личностное начало в контексте духовной безопасности человека. – С. 21–25 // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – № 6.

15. Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

16. Бетильмерзаева М.М. Место и роль духовной безопасности в системе мультикультуральных ценностей. – С. 76-83 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

17. Викторов А.Ш. Духовная безопасность как фактор жизнеспособности современного российского общества. – С. 92-98 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

18. Гадаев В.Ю. Духовная безопасность северокавказской молодежи в контексте современного геоидеологического противостояния. – С. 98-114 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

19. Керимов М.М., Керимова Б.С. Традиционная мусульманская культура России как один из факторов духовной безопасности. – С. 172-182 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

20. Манкиев А.А. Реализация ценности Конституции РФ как условие национальной (этнической) безопасности ее народов и граждан. – С. 232-247 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

21. Циватый В.Г. Природа ценностей и новая роль гуманитарных знаний в условиях глобализированного мира: институционально- дипломатический аспект (взгляд из Украины). – С. 386-391 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

22. Бетильмерзаева М.М. Эволюция духовности как необходимое условие безопасности общества. – С. 84-92 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

23. Викторов А.Ш. К проблеме духовности и духовной безопасности (социологическая рефлексия). – С. 102-108 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической

ской конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

24. Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Патриотичность как фактор обеспечения духовной безопасности. – С. 118-126 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

25. Каныгина Н.А. Духовность как основной принцип объединения Российского общества и гарантия его безопасности. – С. 175-184 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

26. Ковалев А.А. Проблемы духовной безопасности современного человека в свете противостояния цивилизаций. – С. 184-189 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

27. Малышева Е.М., Курбанова Л.У. Основные угрозы и обеспечение национальной государственной безопасности России в современных геополитических реалиях. – С. 264-270 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

28. Манкиев А.А. Постыжение причин деформации отношения к человеку в чеченском обществе на рубеже XX - XXI вв. – фактор его духовной безопасности. – С. 270-280 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

## **АСКЕЗА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ КАК СПОСОБ ЗАБОТЫ О СЕБЕ**

**Богданова В.О.**

*Россия, г. Челябинск*

*Южно-Уральский государственный*

*гуманитарно-педагогический университет*

*E-mail: verovictory@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается аскеза как практика заботы о себе, которая направлена на обретение внутренней гармонии через освобождение от влияний ложных ценностей и социальных предрассудков массового общества.

**Ключевые слова:** аскеза, дисциплина, забота о себе, экзистенция, ценности.

Забота о себе предполагает отстаивание своей внутренней независимости. Многие мыслители считали, что путь к внутренней независимости лежит через подавление желаний и влечений, следовательно, обретение внутренней свободы предполагает аскетический образ жизни. Первоначально древние греки под аскезой подразумевали тренировку атлетов, но впоследствии значение этого слова начинает применяться для обозначения пути к нравственному совершенству. Например, стоики понимали аскезу как «упражнение в добродетели», такое же значение это слово имеет в христианской культуре. Аскеза необходима для того, чтобы через добровольное самоограничение, проявив терпение, путем строгой самодисциплины достигнуть нравственного очищения от суетных желаний, страстей, привязанностей, ложных страхов. Аскеза способствует возвышению человеческой души в иерархии духовных ценностей. Она является путем освобождения от власти материальных благ, сковывающих человека путами вещиизма.

Данное понимание аскезы актуально и для современной культуры, чтобы сохранить себя, необходимо сопротивляться натиску желаний, навязываемых обществом потребления. Сопротивление осуществляется благодаря волевым усилиям. Волевой тренинг ведет к высвобождению духовной энергии, дающей человеку не только власть над своими желаниями, но также способность сопротивляться всем проявлениям современной потребительской, гедонистической по своей сути культуры. Человек обретает духовную крепость и независимость от власти соблазнов мира [1, с. 134].

В современном обществе, где желания человека обретают коммерческую направленность, аскеза служит действенным способом борьбы с искусственно навязываемыми потребностями. Массовое общество как бы выносит человека на поверхность культуры, скрывая истинные ценности и существенно деформируя «естественный» процесс становления личности. Господствует опасная тенденция отождествления человеческого Я с тем, что является знаком социального успеха: уровнем дохода и высоким социальным положением. Однако данные знаки-симулякры скрывают истинное содержание общественной жизни. Потребление знака, отождествление себя с ним в силу его открытости, доступности и внешней привлекательности создает иллюзию «легкости» жизни, скрывает истинные механизмы социальных отношений. Вместо налаживания действительно продуктивных и адаптивных социальных взаимодействий, требующих раскрытия духовного и экзистенциального потенциала личности, индивид просто «потребляет» социальные отношения, симулирует их, примеряя на себя те или иные социальные маски, не задумываясь о собственном жизненном призвании. В этом случае аскетизм может стать практикой утверждения личной свободы, практикой аутентичности.

Современный мир будит в человеке безудержные желания, которые могут расти до бесконечности, если их удовлетворение измерять количественными показателями (например, уровнем дохода). Пробуждая стремление к «сверхпотреблению», современная массовая культура порождает в сознании человека разрушительное противоречие между принципом наслаждения (стремлением к удовольствию) и принципом реальности. Противо-

борство данных принципов выражается в том, что для человека массовой культуры понятие успеха отождествляется с достижением максимума удовольствия, т.е. стремление к удовольствию, по сути, превращается в императив жизни. Однако принцип реальности ставит этому стремлению жесткий предел, следовательно, чувство неудовлетворенности становится постоянным спутником современного массового человека, зачастую эта неудовлетворенность переживается невротически [3]. Доступность знаков-симулякров создает иллюзию доступности удовольствий, однако этого не происходит в силу того, что их реальный источник находится не вовне, а внутри. Удовольствие нельзя присвоить и потребить, оно переживается. Глубина и полнота этого переживания требует определенных личностных качеств, которыми, как правило, индивид не обладает. А чтобы ими обладать нужно в себе их воспитывать. Это требует усилий, труда. Дефицит этих качеств – вот истинная причина недовольства собой.

Недовольство собой – это также результат внутриличностного конфликта между «Я-реальным» и «Я-идеальным». В условиях массового общества «Я-идеальное» заменяется совокупностью социальных стереотипов и предубеждений о том, каким должен быть успешный человек. Практика аскезы помогает человеку разобраться в себе, соотнести свои возможности с фактическим положением дел, соотнести свои требования к жизни с требованиями к себе. В этом случае отказ от потребностей и чрезмерных желаний, которые невозможно удовлетворить, является действенной стратегией обретения духовной зрелости. Такое умение довольствоваться малым древнегреческий философ Эпикур рассматривал в качестве главной добродетели. Примечательно то, что для него сведение удовольствий к минимуму не является обязательным предписанием. «Мы, – пишет Эпикур, – стремимся к ограничению желаний не для того, чтобы всегда употреблять пищу дешевую и простую, но чтобы не бояться этого» [4, с. 229]. Умеренность в желаниях не является благом самим по себе, благо то, что посредством нее достигается, – душевное спокойствие. Человек с умеренными потребностями сохраняет самообладание, не паникует даже в тех случаях, когда вынужден довольствоваться малым. Таким образом, в аскетической практике господство над желаниями и страстями, привязывающими к «поверхности» жизни, – это только средство для достижения конечной цели – внутренней гармонии, душевного спокойствия, бесстрашия.

В этом смысле «забота о себе» предполагает также преодоление ложных социальных предрассудков – еще одного источника страхов. Социальные предрассудки подчиняют разум и волю человека, подавляют его способность свободно мыслить, гармонично взаимодействовать с миром. В конечном итоге, они провоцируют внутренний конфликт, который вырастает из противоречия между «принципом удовольствия» и «принципом реальности».

Борьба с предрассудками начинается с прояснения того, что для самого человека является главной ценностью. Человек зачастую не отдает себе в этом отчета, увлеченный заманчивыми образами и образцами «правильной» жизни, пропагандируемыми массовой культурой. Например, принято, что социальное и психологическое взросление личности регламентируется

определенными социальными институтами. Сначала человек должен окончить школу, потом поступить в вуз, потом начать работать, потом создать семью, потом родить детей и т.д. Если течение жизни индивида не соответствует этому «расписанию», ему может казаться, что что-то в его жизни «неправильно», он чувствует нарастающую тревогу и вину по этому поводу, а также по поводу того, что ему кажется, что его образ жизни вызывает недоумение, сожаление или осуждение большинства людей. Зачастую индивид стремится оправдаться перед другими людьми и собой и тем самым еще более усугубляет свое несчастное положение. Его все глубже засасывает пучина социальных предрассудков, и он все дальше отдалается от понимания того, в чем заключается ценность его собственной жизни.

Понимание ценности жизни не дается извне, оно интуитивно постигается из внутренней пустоты, когда человек, прислушиваясь к себе, может обнаружить, что реальное содержание его жизни наполняют иные источники. Эти источники питает иррациональная «воля к жизни», бессознательные побуждения, безотчетные стремления души, осознать которые человеку не дано, он осознает лишь их последствия. Человеку кажется, что он поступает осознанно и свободно, на самом же деле неразумная воля влечет его по жизни в неведомом направлении, однако она и питает его жизненный источник. Недоверие к жизни наполняет ее страхом, ненавистью и отчаянием, так как индивид осознает, что не принадлежит самому себе, хотя на самом деле он просто очень узко мыслит свое существование и ему кажется, что в этих масштабах можно контролировать все проявления жизни. Ошибочность этого тезиса приводит его к осознанию своей неподлинности.

Состояние неподлинности – это усредненное, банальное, повседневное существование человека. Находясь в этом состоянии, человек мыслит себя вещью, отдельной частью материального мира. Неподлинность проявляется в бессознательном стремлении нивелировать свой специфический способ проживания бытия, стать таким же, как другие, бездумно и безоговорочно принять общественные установки [5, с. 259]. М. Хайдеггер считает, что почувствовав вину за собственное существование, оставленное на волю случая, человек должен включиться в борьбу за подлинность. Борьба за подлинность предполагает осознание свободы и ответственности за присутствие в бытии. Человек должен понять, что только он является творцом собственной жизни. Психологическая зрелость индивида предполагает отказ от иллюзорной веры, что кто-то другой направляет, охраняет и оберегает его существование. Осознание этого всегда сопровождается переживанием одиночества. Человек абсолютно одинок в выборе ценностей, идеалов, способов их воплощения.

М. Хайдеггер отмечает, что одиночество является наиболее благоприятным состоянием для поиска подлинности. В уединении человек освобождается от негативного влияния Другого, который может уводить от самости пустыми разговорами [5, с. 336]. Практика аскезы – это практика уединения, необходимая для самоуглубления и прояснения собственного существования, концентрации жизненного опыта и обнаружения главных личностных ценностей. Одиночество позволяет прислушиваться к самости, от-

крывает духовное богатство, тогда как погруженность в социальную среду обедняет и обезличивает.

Современные люди мало времени проводят наедине с собой, они часто включены в поверхностные, утилитарные отношения, отдаляющие их от самих себя и других. Принудительное обезличенное общение не дает человеку удовлетворения. В этом случае аскетическая сосредоточенная позиция помогает уберечься от неподлинной коммуникации. Важно чтобы человек не превращал Другого в средство для спасения самого себя. При таком отношении индивид никогда не сможет выйти за границы своего Эго. Как пишет Н.А. Бердяев «человек остается замкнутой монадой, ищущей спасения», между ним и Другим не произойдет реальное общение, так как он не проникнет в тайну личности Другого [2, с. 412]. Дисциплинируя ум и чувства, человек учится глубокому и проникновенному общению, осознает его ценность. Подлинная коммуникация помогает «просветлению экзистенции», открывает человеку его уникальность. Проникновенное общение с другими людьми может служить стимулом для духовного преображения человека, поэтому задача индивида – переводить общение на сокровенный, экзистенциальный уровень, на котором не допускается пустословие и сохраняется внимание к другому человеку.

*Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход» и при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 14.04.2017 г. № 16-453 по теме: «Коммуникативное расширение границ сознания средствами философской практики».*

#### **Список литературы:**

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 375 с
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
4. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Государственное издательство политической литературы, 1995. 239 с.
5. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.



## ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

**Борисова Е.Р.**

*Россия, г. Чебоксары*

*Чебоксарский кооперативный институт*

*Российский университет кооперации*

*E-mail: elrafborisova@mail.ru*

**Аннотация.** Целью работы является исследование проблем образования как социокультурного фактора в ракурсе аксиологической парадигмы, предложен подход формирования ценностных отношений студенческой молодежи в процессе образования

**Ключевые слова:** ценности, молодежь, образование, социум, аксиология, фактор

Кардинальные изменения в российском обществе испытывают все слои, но особо остро на них реагирует студенчество, как наиболее пассионарный слой молодежи. Вследствие трансформационных процессов обострились некоторые старые и появились новые проблемы, такие как имущественные и социальное неравенство, рост безработицы, преступности, кризис духовных и нравственных ценностей. Вполне естественными стали изменения, происходящие в сознании и поведении людей, в смене жизненных приоритетов, произошла переоценка ценностей. Для современного общества одним из актуальных вызовов сегодня является проблема адаптации современной молодежи к новой общественно-политической и социально-экономической реальности. Образование является социокультурным фактором формирования ценностных ориентаций молодежи. Поскольку молодежь является носителем будущего облика социума, постольку необходим своевременный анализ ее ценностных характеристик и ключевых тенденций развития [2].

Студенческая молодежь в наибольшей степени образована и профессионально ориентирована среди своего поколения. Отличительной чертой студенческой молодежи является ее активный интерес к социальным преобразованиям российского общества. Вследствие влияния новых технологий все ускоряющиеся изменения, как в экономике, так и в общественной жизни (в частности преобразованиях института семьи) меняют ценностные ориентиры нового поколения молодежи, корректируются идеалы и ориентиры самореализации. Благодаря социальной мобильности молодежи именно в этой группе возникают новые ценности.

Во всем многообразии проблем, касающихся социокультурных факторов, ценности являются главным элементом духовной культуры, и выполняют значимую, определяющую роль в регулировании социальных взаимодействий. В истории человечества они являются своего рода ориентирами, духовными опорами, позволяющими систематизировать восприятие окружающей действительности, и, таким образом, привести в нее осмысление в

восприятию и, соответственно, оценочные моменты. Другими словами, благодаря, и через культуру, выстраивается определенная система ценностей и, как безусловную ее часть – критерии ценностей как таковых. Поведение индивидуума детерминируется его потребностями, на базовой основе которых формируется интерес.

Полноценное функционирование человека в обществе базируется, прежде всего, на усвоении им корпуса ценностей, унаследованного от предыдущих поколений. Сформированный в ходе социализации набор ценностей, превращающийся в результате в личные ценности позволяют индивиду использовать данный набор принятых им ценностей в некую шкалу, опираясь на которую индивид определяет жизненные планы, оценивает свои поступки и, взаимодействуя с окружающей средой, характеризует свое социальное окружение [4].

Сложные и противоречивые процессы, происходившие в жизни общества, породили изменения и в системе образования. Масштабная социальная дифференциация ставит перед образовательной системой новые проблемы. Ценности личности образуют систему ее ценностных ориентаций, т.е. систему важнейших качеств личности [1]. Ценностные ориентации определяют некоторую основу сознания и поведения личности, они способствуют ее формированию и развитию [5]. В современных условиях жизненные ценности формируются в процессе влияния разнообразных факторов. Трансформационные процессы оказали сильное воздействие на процессы социализации.

С нашей точки зрения необходима реализация целостного концептуального подхода к исследованию проблем образования как социокультурного фактора формирования ценностных ориентаций молодежи. Существуют различные точки зрения на сущность категории «ценность». По нашему мнению, дефиниция «ценность» как философская категория рассматривается с точки зрения субъект-объектных отношений, когда индивидум выступает не как субъект познания, а как личность с определенным отношением к той реальности, которая его окружает и в которой он существует.

Можно констатировать отсутствие определенных идеологических стандартов на те, или иные, качества личности. Социализации молодежи свойственно: плюралистическая модель поведения, слабая предсказуемость, неопределенность, подверженность влиянию порой радикальных мировоззрений.

Ценным для индивидуума является его отношение к миру, в котором он живет и который соотносит со своими социокультурными потребностями, интересами, устремлениями, идеалами. Трансформационные процессы в социуме, отсутствие идеологии (в ст.13 Конституции Российской Федерации зафиксировано отсутствие государственной идеологии) повлияли на то, что у значительной части молодого поколения отсутствует более или менее четкая картина мира, система ценностей, норм и установок, проявляются иные противоречия в сознании. Поэтому настоятельной необходимостью является формирование системы воспитания и социализации молодежи.

Именно посредством социализации молодежь принимает ценности жизни. Каждое общество характеризует свои ценностно-ориентационная структура, отражающая особенности данной культуры. Набор ценностей, усваивается индивидом в процессе образования, передаются ему именно обществом, поэтому изучение системы ценностных ориентаций молодежи является наиболее актуальной проблемой в период кардинальных социальных изменений, когда общественная ценностная структура оказывается в определенной степени «размытой», многие ценности девальвируются. Выведение из под государственного контроля идеологии, как системы политических, философских, нравственных, религиозных идей, посредством которой оцениваются отношение людей к общественной жизни, существенно сузило не только предел государственной власти, но повлияло и на формирование политического, общественного строя, в целом, и образования в частности. Проблема ценностных и смысложизненных ориентаций личности приобретает особое значение в современных условиях кризиса традиционных ценностей, отсутствия четких нравственных и мировоззренческих ориентиров, связанных с этим трудностей в процессе личностного самоопределения молодежи. Изучение ценностей и смысложизненных ориентиров личности позволяет получить представление о тенденциях в изменении общественного сознания, социальных норм социума.

Формирование научно обоснованных программ целенаправленного развития ценностно-смысловой сферы личности, основанных на знаниях, приобретенных в процессе образования [3]. Формирование ценностных отношений является одним из важнейших факторов, обеспечивающих эффективность профессиональной подготовки студенческой молодежи. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в основе современного образования лежат аксиологические процессы, способствующие решению образовательных задач, как в будущей профессиональной деятельности, так и в социуме в целом.

Однако необходимо отметить, что в существующей образовательной практике потенциал аксиологической парадигмы образования в плане формирования ценностных отношений к межкультурному, межличностному взаимодействию не всегда реализуется в должной мере, что осложняет решение актуальных образовательных задач. С нашей точки зрения технология формирования ценностных ориентаций молодежи в процессе образования в вузе включает следующие составляющие: мотивационную, информационную, аналитическую, продуктивную, творческую и оценочную. Такой подход предполагает формирование ценностных отношений будущих специалистов к межличностному взаимодействию через приобретение знаний, умений, опыта, творческие способы реализации аксиологической составляющей образования.

Следует также отметить, что реализация воспитательной составляющей образовательного процесса не всегда осуществляется достаточно эффективно. Важнейшей целью образования является также подготовка не только будущего профессионального специалиста, но и гражданина, способного отстаивать интересы своей страны. Одним из путей повышения

эффективности реализации воспитательного потенциала образования является усиление его аксиологической направленности.

Таким образом, предлагаемый подход формирования ценностных отношений студенческой молодежи в процессе образования в вузе направлен на подготовку профессионалов, способных присваивать, систематизировать, отбирать и транслировать необходимые ценности. Методологическую основу формирования ценностных отношений молодежи в процессе образования составляет интеграция аксиологического подхода с такими подходами как культурологический, компетентностный, социокультурный, проблемно-деятельностный и коммуникативно-когнитивный.

#### **Список литературы:**

1. Баева Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во АГУ. 2004. 282 с.
2. Борисова Е.Р. Качество образования и место высшей школы в обществе // *Alma mater: Вестник высшей школы*. 2003. №11. С.9-14.
3. Дюркгейм Ю. Социология образования. М.: ИНТОР, 1996. 80 с.
4. Долгова В.И., Аркаева Н.И. Смыслжизненные ориентации: формирование и развитие. Челябинск: Искра. 2009. 229 с.
5. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК «Петрополис». 1997. 205 с.

### **ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ОПЫТ ИХ РЕШЕНИЯ В СТРАНАХ ПОГРАНИЧЬЯ: РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА – УКРАИНА**

**Брага Лилия, Рустанович Людмила**

*Республика Молдова, г. Кишинэу*

*Институт юридических и политических исследований АН Молдовы*

*E-mail: 009braga@gmail.com*

**Аннотация.** Целью данного исследования является изучение причин возникновения экологических конфликтов между странами пограничья – Республикой Молдова и Украиной в современных условиях и поиск путей их цивилизованного разрешения. Авторы показывают, что становление Республики Молдова и Украины в качестве суверенных и независимых государств привело к обострению взаимных экологических претензий, обусловленных несоблюдением принципов международной экологической безопасности. Авторы полагают, что усвоение европейского опыта разрешения международных экологических конфликтов будет способствовать не только сохранению окружающей среды, но и укреплению международного сотрудничества между двумя странами.

**Ключевые слова:** экологические конфликты, экологическая политика, международное сотрудничество, природные ресурсы, экологическая безопасность, страны пограничья, европейский опыт.

Экологическая проблематика все чаще выдвигается на передний план в международных отношениях. Неравномерность размещения природных ресурсов по территории Земли и стремление восполнить их недостаток являлось во все времена причиной формирования различного рода отношений между народами и государствами: от торговли до войны. Большинство используемых природных ресурсов имеют пределы и, к сожалению, невозможны. Поэтому проблемы, связанные с их потреблением, с течением времени будут только обостряться. На современном этапе разведка, рациональная добыча и использование невозобновляемых ресурсов, охрана и воспроизводство возобновляемых ресурсов по мере их истощения и загрязнения превращаются из внутреннего дела каждой страны в острейшие проблемы межгосударственных отношений. В то же время, приходит понимание, что без соответствующего решения проблем, связанных с потреблением природных ресурсов, на международном уровне современному человечеству будет сложно обеспечить себе необходимые условия выживаемости.

Природный комплекс каждой страны, и, в особенности стран, небольших по размеру занимаемой территории, неразрывно связан с природным комплексом соседних стран, или даже является их составной частью. Движение воздушных и водных масс, миграция животных не подчиняются государственным границам. Даже почвы могут перемещаться в результате пыльных бурь, безусловно, нисколько не считаясь с установленными государственными границами. Трансграничный перенос приводит к распространению с территории одной страны на территорию другой биологического, химического, радиационного загрязнения. К примеру, выбросы предприятий, расположенных в соседних с Республикой Молдова государствах, могут серьезно ухудшать экологическую обстановку в нашей стране. И наоборот, предприятия Республики Молдова, которые не находят нужным считаться в разворачиваемой ими деятельности с международными требованиями экологической безопасности, могут порождать справедливые претензии со стороны соседних стран.

Единство и взаимосвязь биосферных процессов, а также условность государственных границ приводят к тому, что ни одна самая образцовая страна в смысле бережного обращения к природе, с самым разумным природоохранным законодательством и законопослушными гражданами не может быть ограждена от ухудшения качества воды, воздуха, почвы, гибели животного и растительного мира. Поэтому мало совершенствовать законодательство и систему природопользования только в отдельно взятой стране. Необходимо способствовать развитию международного сотрудничества и международного законодательства, регулирующего совместные усилия всех стран в деле охраны природы. К налаживанию и расширению международного сотрудничества в особенности побуждают острые ситуации, обусловленные экологическими конфликтами, которые требуют многоуровневого решения. Экологические конфликты должны решаться, прежде всего, в пользу окружающей среды и природных объектов как таковых, а не в пользу одной из конфликтующих сторон. А это требует большого профессионализма, глубокого научного изучения, правового регулирования и экологи-

ческого мониторинга. Необходимый уровень решения экологических проблем может быть достигнут лишь при условии плодотворного международного сотрудничества, солидарности участвующих в диалоге сторон, выраженной в принятии общепризнанных стандартов, авторитетов и принципов [1, с. 264].

Все государства, в различной мере, сталкиваются с экологическими проблемами. Однако в государствах постсоветского пространства, таких как Республика Молдова, Республика Беларусь и Украина, необходимость решения экологических проблем является особенно злободневной. Молодым независимым государствам досталось от прежних времен тяжелое наследие в виде подорванной экологии. В числе наиболее тяжелых экологических издержек следует отметить ухудшение плодородности почвы в результате нерационального использования пестицидов и губительных технологий глубокой вспашки земли, а также необдуманного осушения почв. Помимо этого, указанные государства сильно пострадали вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, территории которых подверглись загрязнению радионуклидами. Однако в 1990-е годы экологическая проблематика оказалась вытесненной на периферию государственной политики молодых независимых государств вследствие разразившегося здесь экономического кризиса. Тем не менее, проблемы экологии не переставали привлекать серьезного внимания широкой общественности, что побудило государственные структуры к более активным действиям в этой сфере. Перед государствами молодой демократии встала необходимость поиска позитивных примеров в области сохранения биоразнообразия, в разработке законодательной базы регулирования природоохранной сферы функционирования общества, в решении экологических споров. В данной ситуации молодые независимые государства, безусловно, крайне нуждались в помощи международного сообщества. Эту помощь молодым демократиям оказали страны Европейского Союза. Европейские стандарты и модели легли в основу разработки государственной политики новых независимых государств в области охраны окружающей среды.

Международное сотрудничество Республики Молдова, Украины в области экологии началось сразу после провозглашения ими независимости. Первая международная конференция «Экология Европы», будучи посвященной разработке долгосрочных экологических стратегий, была проведена в партнерстве с Экономической комиссией Организации Объединенных Наций по Европе. Начиная с 2000 года, европейским сообществом было инициировано свыше 30 проектов, направленных на оказание помощи молодым демократическим государствам в разработке правовых рамок и в создании условий по предупреждению загрязнения окружающей среды и обеспечению гражданам качественных условий жизни. Полезным оказался наработанный Советом Европы опыт и в решении межгосударственных конфликтов. Стандарты ЕС стали применяться к мониторингу конфликтов, которые время от времени возникают в соседствующих странах.

Первый экологический конфликт разразился между молодыми независимыми государствами - Республикой Молдова и Украиной уже в 1992 го-

ду, когда стало известно о планах Украины на строительство сети водохранилищ с сооружением энергоблоков на плотинах, в которых предполагалось аккумулирование части стока Днестра (Новоднестровской ГЭС). Молдавские экологи осознали нависшую над окружающей средой страны угрозу, вызванную тем, что украинские аккумулирующие гидроузлы могут заблокировать огромное количество воды. А это в совокупности с климатическим фактором (в частности, систематические засухи последних лет) может привести к «обезвоживанию» реки Днестр. В результате «обезвоживания» Днестра пострадают плавни, что приведет к резкому сокращению численности птиц, животных и рыб. Потеря воды также поставит под угрозу работу оросительных систем и ощутимо ударит по агрокомплексу. Представители научного сообщества Республики Молдова заявили о том, что если проект строительства шести украинских ГЭС будет реализован, то Молдова превратится в пустыню, а её жители останутся без питьевой воды [2, с.149].

Строительство Украиной гидросооружений противоречит Конвенции о трансграничном воздействии на окружающую среду (1991 г., Экспо). В то же время, Водно-рамочная Директива ЕС от 2000 г. обязывает страны, которые разделяют трансграничный водоток, заключить соглашения, чтобы совместно разрабатывать планы и управлять данным водотоком. В 1995 г. Международная ассоциация хранителей реки Днестр «*Eco-Tiras*» лоббировала подписание соответствующего документа между Молдовой и Украиной относительно эксплуатации данной водной артерии. Однако только в результате оказанного ОБСЕ и Европейской экономической комиссией давления на украинскую сторону в 2012 году, наконец, был подписан Договор между Правительством Республики Молдова и Кабинетом министров Украины об устойчивом управлении бассейном реки Днестр (Италия, Рим). Молдова ратифицировала соглашение в январе 2013 г. Тем не менее, Верховная Рада Украины до сих пор все еще не приступила к рассмотрению вопроса о ратификации данного документа.

Украина, в свою очередь, выступает против функционирования в с. Джурджулешты нефтеналивного терминала. Его строительство было начато в 1996 году и завершено к 2006 году. Терминал включает в себя причал для приёма нефтяных танкеров, 8 резервуаров общей ёмкостью 52 тыс. тонн, комплексную систему закачки нефтепродуктов из морских цистерн в резервуары. Нефтепродукты будут доставляться на терминал в танкерах и далее поставляться потребителям автомобильным и железнодорожным транспортом. Претензии Украины таковы: Республика Молдова не предоставила информацию о предполагаемом вредном влиянии терминала на экосистему реки Дунай. Однако молдавские власти эти заявления опровергают, заявляя, что данные экологической экспертизы были предоставлены украинской стороне еще 12 лет назад.

Самый беспристрастный арбитр в этом споре – независимые экологи и наблюдатели со стороны Евросоюза. Эксперты Евросоюза приходят к выводу о том, что обе стороны ведут себя нецивилизованно. Вместо того, чтобы договариваться о взаимной экономической пользе и о пользе для экосистемы, Молдова и Украина множат взаимные претензии. Молдова, в част-

ности, выдвигает встречные экологические претензии к соседней стране. Речь идет уже о загрязнении реки Днестр химическими отходами предприятия ОАО «Ориана». Сложившиеся тенденции во взаимодействиях двух стран в области решения экологических проблем, основанные на предъявлении взаимных претензий, продолжают доминировать и сегодня. Однако международные эксперты все же надеются минимизировать вредное влияние тех экономических факторов, которые наносят вред окружающей среде, предлагая решение экологического спора между Молдовой и Украиной с учетом европейских стандартов [3, с. 100-104].

Пока Всемирный банк не принял решение о финансировании Новоднестровской ГЭС, существует возможность выдвинуть украинской стороне условие разработать такую модель работы предприятия, которая сможет существенно снизить негативный экологический эффект. В дальнейшем независимые эксперты надеются, что споры об окружающей среде между Молдовой и Украиной будут решаться цивилизованно. В обеих странах сейчас разрабатывается проект двустороннего соглашения о сотрудничестве, касающегося бассейна общих рек Днестра и Дуная. Республика Молдова в реализации этих планов намерена следовать примеру европейских государств. В частности, Республика Молдова и Украина, руководствуясь европейскими нормами, заключили в 2012 году соглашение о совместной охране реки Днестр. Данную инициативу молдавские экологи продвигали, начиная с 1995 года. Но лишь многим позднее было, наконец, достигнуто межправительственное соглашение, которое предусматривает сотрудничество сторон в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, проведение совместной работы по совершенствованию законодательства двух стран в области охраны окружающей среды и его гармонизации с нормами Евросоюза.

Одним из направлений деятельности экспертов со стороны Совета Европы является также мониторинг соблюдения условий совершенствования экологической ситуации в странах молодой демократии, тесно сотрудничающих с Евросоюзом, и формирование предпосылок реализации европейских моделей и стандартов в сфере защиты окружающей среды. Одновременно наблюдатели ЕС стремятся благоприятствовать созданию единого правового поля, в котором экологические конфликты могут получить свое адекватное разрешение.

Разработанные Европейским Союзом принципы урегулирования экологических проблем, призванные способствовать сохранению природного богатства, сводятся к ряду положений, которые должны быть положены в основу принимаемых в данной сфере государственных решений. В их числе такие принципы, как принцип упреждающего действия, согласно которому деятельность сообщества направлена на предупреждение, профилактику загрязнения или иного ущерба окружающей среде, угроза нанесения которого должна быть учтена заранее до принятия решений; принцип предосторожности, в соответствии с которым недостаток результатов научных исследований по конкретной проблеме не может являться причиной отмены или отсрочки мероприятий ЕС по профилактике загрязнения окружающей среды;



не всегда можно с большой точностью предсказать негативное влияние на окружающую среду, но даже и в таких случаях при наличии гипотетической возможности экологического нарушения необходимо применять соответствующие природоохранные меры; принцип ликвидации последствий и возмещение ущерба окружающей среде, который обязывает в случаях невозможности избежать ущерба - минимизировать его, ограничить масштаб его распространения и затем устранить его в кратчайшие сроки; принцип, согласно которому виновник ущерба оплачивает его возмещение, то есть расходы на превентивные меры, очистку и компенсацию за загрязнения ложатся на его виновников; этот принцип отражает тенденцию предпочтения методов финансового стимулирования, разработанных на рыночной основе, более эффективных, чем методы административного характера или запреты. Следование указанным принципам обеспечит более успешное решение межгосударственных конфликтов, возникающих в экологической сфере.

### **Список литературы:**

1. Бекашев К.А. Международное публичное право: учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.].- Москва: Проспект, 2005. - 784 с.
2. Маглене А. Предотвратить экологическую катастрофу в центре Европе. // Сохранение биоразнообразия в бассейне Днестра.- Кишинев: Tipografia Centrală, 1999.- с.148-149.
3. Ciocirta L. Same consider of environmental protection and ecological monitoring in river Dnister's basin. // Сохранение биоразнообразия в бассейне Днестра. - Кишинев: Tipografia Centrală, 1999.- с.100-104.

## **ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА СТУПЕНИ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**Буракова И.С., Княженко**

*Россия, г. Железноводск*

*Ставропольский государственный педагогический институт*

*E-mail: Bis-mgus@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается проблемы экологического воспитания на ступени начального общего образования, формы и методы формирования природоведческих суждений.

**Ключевые слова:** экологическое воспитание, экологическое образование, природоохранное воспитание.

Бесперывный процесс обучения, воспитания и развития личности устремленный на организацию системы научных и практических знаний, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное взаимоотношение человека с окружающей социально- природной сферой и является экологическим воспитанием. Экологическое воспи-

тание представляет единую систему, окружающую всю жизнь человека. Оно так же ставит своей целью развитие миропонимания, сформированного на взгляде о единстве с природой.

Экологическое воспитание должно завязываться с самого раннего детства. Дети особо чувствительны к добру, любопытны. Именно в эту пору надлежит закладывать моральные основания, формировать чувство прекрасного, способность видеть красоту природы. Крайне важно чтобы в этом возрасте с ребёнком находился мудрый грамотный наставник, который разовьёт в нём начала экологической культуры.

Экологическое образование становится стержнем современного образования, и служит источником перестройки его нынешних систем и общества в целом. Сегодня особенно актуальна роль экологического образования как основания новой морали и опоры для решения бесчисленных задач практической жизни людей.

Формирование суждений о природе - главная задача естествознания, потому что мышление человека в своей основе всегда образы. Чем точнее представление передаёт внешний вид объекта или явления, тем адекватнее понятие о нём. Представления появляются в ходе созерцания или целенаправленного наблюдения объекта, когда учитель путём постановки вопросов сосредоточивает внимание ребёнка на те, или иные признаки наблюдаемого.

Учитывая, что в мышлении детей доминирует чувственное, образное начало, в основе которого лежат ощущения, развитие у учащихся представлений – главная задача в обучении естествознанию.

В процессе обучения естествознанию кроме представлений и суждений об объектах и явлениях формируются пространственные представления о размере объекта, его форме, положении по отношению к сторонам горизонта и т. д.

Значительную роль в процессе развития представлений и понятий играют умения обучающихся. Это умения читать, выполнять различные виды наблюдений, практические работы, ставить эксперименты. Педагог не должен пускать процесс выработки природоведческих воззрений на самотёк, а осуществлять руководство им. Дети, непрерывно сталкиваясь с объектами и наблюдая явления своей местности, затрудняются, когда нужно, рассказать о них. От обучающихся необходимо требовать словесного воспроизведения тех действительных объектов, а так же их изображений, которые они воспринимали прежде.

В целях создания представлений можно также предложить обучающимся зарисовать по памяти увиденный ими раньше предмет или картину. На рисунке предлагается представить только значительные признаки предмета. Наглядное выражение главных признаков объединяет образ с понятием, делает его носителем общего понятия [1, с.30].

Формирование природоведческих суждений – долговременный и трудоёмкий процесс. На всём его протяжении происходит расширение и углубление освоенных представлений и понятий, на основе которых создаются новые.

Человек - существо владеющее сознанием, т. е. способный оценивать себя, окружающий его мир и своё отношение к нему. Суждения о взаимосвязях человека с природой и о взаимоотношениях между прочими её составными называют экологическим сознанием.

Человек утвердил главной ценностью не человек с его интересами, а экосистему и природу. Этические нормы поведения общества должны учитывать интересы и других обитателей Земли, а также то, что ценность их жизни – не меньшая, чем у людей. Человек не противопоставлен природе, а является одним из её компонентов, и его нужды должны быть согласованы с возможностями биосферы.

Конечно, человек не может не беспокоиться о себе и о своих потомках, но сбережение природы на будущее вовсе не значит сохранение ресурсов для самих себя. Не биосфера сотворена для человечества, а человечество возникло как натуральная доля биосферы. Оно неразрывно соединено с иными элементами живой оболочки Земли в целостную систему. Поэтому стремление не рушить то, что находится вокруг нас, является гарантией сохранности всего целого, а значит, и составляющих его элементов.

Распространение и закрепление в человеке таких норм поведения, при которых деятельность человека вписывается в природный круговорот, позволит сохранить равновесие биосферы. Организация таких этических воззрений – забота старших, поднимающих новое поколение, передающий ему свой опыт.

На протяжении развития человечества экологическое сознание людей изменялось. Человек понемногу отдалялся от природы, его разум становился более антропоцентрическим. Необходимо осознавать, что проблема возникает, когда люди не заботятся о последствиях, и будет существовать до тех пор, пока все бездействуют. Сохранение природы значит сохранение всех его элементов.

К внеурочным формам обучения естествознанию относят те формы организации учебной деятельности, которые перенесены за рамки учебного процесса, но непосредственно объединены с целями урока и содержанием учебного материала. Связь с уроком обеспечивается и тем, что задания, осуществляемые вне урока, устанавливаются учителем. К внеурочным формам обучения причисляется и домашняя работа.

Домашнее задание тесно связано с классной работой и дополняет урок. Прежде всего, это повторение пройденного материала, которое поможет освоению новых знаний на следующем уроке.

Индивидуализация домашних работ требует учёт уровня подготовки обучающихся, уровня их развития, заинтересованности в изучаемом предмете. Немалое значение при выполнении домашней работы имеют «Дневники наблюдений», которые помогают сформировать систематическую самостоятельную работу учащихся по наблюдениям за окружающей средой и трудовой деятельностью людей.

В качестве домашней работы можно предложить также опыты и практические работы, однако при характере задания нужно учитывать, что экс-

перименты должны быть посильны для выполнения, совершенно безопасны и легковыполнимы в домашних условиях.

Задача учителя – приучить ребёнка к самостоятельному чтению научно - популярной литературы. Это позволит им узнать много нового и интересного о разнообразных явлениях, происходящих в окружающем мире.

Очень важной и наиболее распространённой формой деятельности являются экскурсии в природу. Эта форма весьма результативна и содействует формированию определённых практических умений у обучающихся, конкретизации теоретических сведений. Экологические экскурсии обладают спецификой. Она заключается в том, что во время экскурсии кроме образовательных задач решаются и экологические проблемы. Обучающимся можно поручить выполнение какой-либо полезной работы, устремленной на выявление нарушений в природе[2, с.16].

Предварительная беседа перед экскурсией поможет заинтересовать детей, выявит необходимость личного участия в деятельности охраны природы. Им нужно рассказать о растениях, создающих внешность сообщества и в большой мере определяющих наличие в них тех или иных животных. Можно рассказать детям о Красных книгах и разъяснить, что в природе всё взаимосвязано и согласованно, и наша задача сохранить этот удивительный и разнообразный мир.

Перед началом экскурсии детям нужно объяснить элементарные правилами поведения в природе. Им нужно дать задание определить состояние зелёных насаждений, уровень вытоптанности участков парка или леса, загрязнённости реки или озера. Такие задания вызывают у детей большой интерес, желание сделать что-то полезное, помогает воспитать бережное отношение к природе.

Во время экскурсии нужно объяснять детям о пользе земляных червей, лягушек, насекомых и т. д. Нужно приучать детей видеть и наблюдать красоту живой природы.

Например, во время экскурсии - прогулки «Птицы нашего города» можно уделить внимание следующим вопросам:

Животные и птицы рядом с человеком. Проблемы животных, обитающих рядом с человеком.

Наблюдение за птицами города. Наблюдение за гнёздами. Привлечение птиц путём подкормки. Развешивание кормушек и скворечников.

Краткое описание птиц, особенности поведения, питание.

Влияние города на обитающих в нём птиц. Места гнездования и источники пищи. Значение птиц для города.

Игровая деятельность – естественная потребность детей, в основании которой лежит подсознательное имитирование взрослых. Игра нужна для подготовки детей к жизни и труду, она может стать одним из активных методов обучения и воспитания.

Содержание игр по ознакомлению с окружающим миром разнообразно. В них ярко отражаются интересы ребёнка, осуществляются мечты и стремления. Это делает игру значимым средством развития личности, воспитания

моральных чувств и побуждений. Выработка игрового творчества содействует воспитанию у детей необходимых в жизни качеств.

Подбирая игры, важно учесть уровень сложности и в то же время доступность детям. Во время игры необходимо следить за внимательностью детей, они не должны мешать друг другу и быть достаточно активными.

Имитационно-ролевые и моделирующие игры расширяют кругозор детей. В играх может быть реализовано непосредственное исследование социальных обстоятельств, таких, как уничтожение цветов на клумбе, поломка деревьев, плохое отношение к животным и т. д.

Игры позволяют смоделировать разнообразные обстановки, им принадлежит большая роль в жизни и развитии детей. В их процессе формируется множество положительных качеств.

Игра: «Многообразие и значение растений».

Учащимся раздают карточки с изображением растений из различных групп со всеми органами, включая цветки и плоды. По правилам на карточках нужно вычеркнуть орган, отсутствующий на самом деле у данного растения. В процессе игры дети должны ещё оценить выполнение задания товарищем. Каждый участник получает баллы за правильно выполненное задание и за правильную проверку задания напарника.

Таким образом, экологическое воспитание в нашей стране включено как обязательный элемент во все этапы общего образования. Оно сосредоточено на то, чтобы дать основы экологических знаний, превратить их в практические навыки природопользования, заложить творческий интерес к изучению природы, развить нравственное и эстетическое к ней отношение. Начинается оно в курсе природоведения, а затем продолжается при изучении целого комплекса учебных предметов, таких как биология, химия, география, экология и т.д. Начальная школа – важнейшая ступень в формировании эмоциональных, моральных, деятельностных отношений детей к окружающей среде и своему здоровью на основе целостности чувственного и рационального познания окружающего мира.

### **Список литературы:**

1. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе : от действия к мысли: пособие для учителя / Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.. – М. : Просвещение, 2008. – 151 с. – С. 29-32
2. Виноградова Н.Ф., Рыдзе, О.А. Окружающий мир как учебный предмет в начальной школе: особенности, возможности, методические подходы / Н.Ф. Виноградова, О.А. Рыдзе // Начальная школа. – 2007. - №19. – С. 14-18
3. Дмитриева Н.Я., Казаков А.Н. Методические рекомендации к курсу «Окружающий мир» 1-4 класс. Самара: Издательство «Учебная литература»; Издательский дом «Федоров» 2010.

# ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

**Бычков Д.М.**

*Россия, г. Астрахань*

*Астраханский государственный университет*

*E-mail: dmitriybychkov@list.ru*

**Аннотация.** В данной статье ставится цель обоснования роли традиционных ценностей православия как одной из мировых религий в трансформирующемся пространстве современной русской литературы. Делается вывод, что произведения современной русской словесности имеют духовный потенциал в том случае, если они ориентированы на литературные традиции классики, в том числе на принципы древнерусской литературы, например, на житийную традицию изображения человека. Статья написана в русле учения о дискурсе. В настоящей работе определяется специфика агиографического дискурса.

**Ключевые слова:** русская литература, православие, традиции, агиография, дискурс, духовность, рецепция.

Литературные традиции, разрабатываемые разными авторами, отличаются своеобразием на каждом историко-литературном отрезке, потому что каждый автор по-своему их использует. Это обстоятельство создает условия для того, чтобы художественная литература как эстетическая система успешно функционировала. Для этого важно наличие имманентной связи отдалённых в исторической перспективе периодов, составляющих целостность литературы. На современном литературном этапе многие писатели пытаются заново выстроить агиографический дискурс [1]. При этом принципы этой дискурсии отличаются специфичностью. Агиографический дискурс позволяет выдержать эти правила функционирования литературы.

Назначение агиографического дискурса особенно важно в кризисные периоды истории литературы, который и сегодня оказывается еще не преодолен. Агиографический дискурс сохраняет национальную специфику русской литературы. В дискурсе писателя, если он, например, пересказывает сюжет жития святого, проявляется его мировосприятие. И если русская литература XX века представляется насыщенной одновременно несколькими литературными традициями, то в агиографическом дискурсе проясняются некоторые грани национальной картины мира, вокруг дискурса организуется национальное самосознание.

Агиографический дискурс – явление новое для литературы, принципы восприятия которого приобретаются читателями с опытом чтения духовной словесности. Из забытых этических и эстетических опытов такой тип дискурса вовлекает сегодня все большее число читателей, существует как специфическая художественная модель коммуникации.

Перед литературоведением стоит одна из сложных задач – изучить содержание той спирали историко-литературного развития, которая наиболее точно выражает динамику, взаимосвязь традиционных и новаторских тенденций в искусстве. Одним из актуальных направлений в развитии русской литературы является агиографическая традиция как вектор духовности.

Примечательным явлением в современной русской прозе становится постепенное приобщение писателей к богатому этическому и эстетическому опыту традиции житийной словесности, отличающейся особым качеством антропоцентризмом, сохранившей традиционную для отечественной культуры мифологию бытия человека и народа в среде мученически кровавой русской истории прошлого столетия.

Перед историками литературы рубежа XX – XXI вв. встают вопросы о том, какими путями движется русская литература, какие идеалы она исповедует, какие эстетические, социально-нравственные ценности ею накоплены, какие перспективы она прочерчивает. В результате, определение преемственных связей в существующих концепциях историко-литературного развития, возможно, как никогда раньше, обретает всё большую обзорность. Проявление в русской прозе конца XX – начала XXI вв. агиографической традиции объясняет закономерность обращения общества к духовности. Таким образом, житийная традиция – одна из главных для русской литературы всех периодов её истории, в том числе, и для новейшего этапа, а агиографический дискурс – один из перспективных типов художественной коммуникации.

Важностью проблемы литературной преемственности объясняется тот факт, что она привлекает к себе сегодня большое внимание писателей, критиков, литературоведов. Концепцию литературной традиции и специфики ее функционирования разработал Ю. Бореев в фундаментальной «Теории литературы». Однако научное обоснование методологии анализа традиции в аспекте ее дискурсивной реинтерпретации только начинается. В последнее время все возрастающее количество литературных прецедентов заставляет обратиться к этой литературоведческой проблеме.

Жития святых становятся для писателей нашего времени объектом дискурсивных репрезентаций. Подобные произведения как явление современной прозы нуждаются в определенной интерпретации. При этом основной подход, который необходимо использовать при их литературоведческом анализе, естественно, должен быть связан с принципами когнитивно-дискурсивного подхода к филологическому анализу и интерпретации художественного текста.

Трансформация в современной русской прозе древнерусских жанровых моделей связана с обращением писателей к насущным проблемам духовной жизни отдельной личности и российского общества. В жанровых модификациях древнерусских литературных форм воссоздается национальная ментальность, отражается языковая картина личности воцерковленного человека, ориентирующаяся на традиционные концепты русской культуры, базовые морально-нравственные ценности и религиозные принципы.

Подобные произведения находят своего читателя: дискурс, как известно, не состоялся без реципиента. Читательская аудитория сегодня разноплановая: читатель-интеллектуал, читатель массовой литературы, воцерковленный читатель и др. (Естественно, что социология литературы не исключает и наличия других групп реципиентов, здесь не указанных). На восприятие произведений с «житийной» памятью жанра влияет и само отношение вообще к Церкви (связанное в последнее время с установлением разницы понятий «Русская Православная Церковь» и «РПЦ»), а также к феномену святости и аскетизму и вообще к вере и религии. Духовные изменения давно назревали в российском обществе, что и привело к обновлению литературного дискурса.

Известный поэт 1970–1980-х годов Игорь Кобзев в одном из своих стихотворений размышлял о том, что из тезауруса его современников исчезло слово «аскет»:

Кажись бы, утрата невелика,  
Что в лексике наших лет  
Из обиходного языка  
Исчезло слово «аскет»!

Куда б этот термин употреблять?  
Иные слова в чести.  
Довлеют глаголы «достать», «добыть»,  
«Добиться», «приобрести».

А всё же к чему прибедняться нам?  
Характер аскета жив:  
Он так же, как прежде, суров и прям,  
Не суетен и не лжив.

Нет волчьей алчности у него.  
И сущность его мудра:  
Не нужно лишнего ничего –  
Ни почестей, ни добра.

И как не хитри, в вековечной мгле  
Лишь тот оставляет след,  
Кто слыл подвижником на земле,  
Кто прожил жизнь как аскет.

Это наблюдение над словоупотреблением, по мнению поэта, – симптоматичный факт для общей характеристики урбанистической эпохи, отрицавшей идеал аскетической жизни. Выход слова из активного лексического запаса свидетельствует, что утрачено само явление, им называемое. В представлении поэта слово «аскет» наполняется несколько иным значением, не совсем тем, которое обосновывалось в трудах христианских исповедников. Но лишенное религиозного смысла, слово «аскет» для автора, с публици-



стической интонацией отстаивающего идеал аскетизма, обозначает важнейший принцип общественной и личной жизни. В этом смысле слово «аскет» не может устареть, и «характер аскета жив» в отдельных – лучших – представителях советского атеистического общества. Аскетизм для И. Кобзева не культурный феномен, связанный с религиозной жизнью христианина, а категория морально-нравственного порядка. Однако уверенность в незыблемости аскетизма может быть обоснована на многочисленных примерах литературных произведений второй половины истекшего столетия, а также осмыслено в контексте религиозно-философских трудов о русской святости и агиографической традиции.

Пример стихотворения И. Кобзева приводит нас к утверждению, что духовный дискурс не может существовать в условиях, когда утрачены важнейшие константы национального бытия, на смыслы (в том числе мистические) он по законам своей природы ориентирован. Становится понятно, что без представления читателя и автора об аскетизме между ними как коммуникантами не может быть реализован духовный дискурс. Расширение смыслов понятий «вера», «церковь», «святой», «чудо» и многих других концептов за счет актуализации их первичного религиозного смысла – главное условие для возрождения агиографического дискурса.

Размышления над этими концептами пронизывают многие произведения русской литературной классики XX века. Интерес к русской агиографии в связи с раскрытием национального характера заметен в произведениях писателей-деревенщиков. Обнаруженная исследователями и критиками типологическая общность между «деревенской прозой» и древнерусской словесностью выявила факт перманентного присутствия средневековой эстетики в писательском сознании писателей второй половины XX века, прежде всего, В. Шукшина, В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова и В. Крупина.

Литературоведческая практика архитектурного анализа обогатилась новыми данными о «генетических» особенностях русской литературы, сохраняющей в различные историко-культурные периоды связь с древней русской культурой. В ситуации динамически развивающейся науки о литературе особенно актуальной кажется попытка анализа художественной поэтики современных произведений в связи с контекстами отдалённых во времени культурных эпох, необходимость системного изучения влияния древнерусской традиции на творчество писателей. Художественный опыт писателей-деревенщиков представляется важным для понимания своеобразия русской прозы, помогает выработать качественно иной подход к анализу их сочинений, а литературоведческие труды об их произведениях представляются важным и ценным методологическим основанием. Однако вопрос об авторских дискурсивных стратегиях в процессе трансляции агиографической традиции не ставился, потому что такие произведения (при высоком уровне заложенной в них духовности) не дают основания рассматривать их как формы выражения агиографической дискурсии. В этом отношении нам принципиально важно указать на некоторое несходство понятий «духовный

дискурс» (Л.П. Егорова) и «агиографический дискурс» как его частную разновидность в нашем понимании.

В системе современного литературного потока древнерусское житие представлено в широком типологическом регистре бытования. Агиографические труды разнообразны: существуют «адаптированные» жития, специально написанные для разных детских возрастов, например, издание Н.С. Алеевой и В. Воскобойникова «Как Русь стала православной», презентующая вариант реализации «культурного мифа» в пространстве детского сознания (писательская установка на реставрацию «космогонического» мифа заключена уже на уровне заглавия).

Жанровый подзаголовок названной книги – «рассказы о святых» – представляет читателю качественно неоднородную жанровую модель, ориентированную на парадигмальный образец Библии, а также древнерусскую агиографию и летопись, которые становятся сюжетным фундаментом «неоагиографических» произведений. Стремление к сюжетному повествованию обосновывает редукцию портретов, которых как осознанно инкрустированных композиционных фрагментов не использовал и древнерусский агиограф. Однако представление о внешности литературного героя, которым, как правило, являлась известная историческая личность, было спроецировано иконографией: житийная поэтика претерпевала регламентацию со стороны средневекового иконописного искусства, творчески вбирала в повествовательную ткань завоевания художественной мысли, достигнутые в этой области древнерусской культуры. Отсутствие у читателей детского возраста рецептивных навыков, которые были воспитаны у их средневекового сверстника, делает «агиографическую галерею», представленную в этой книге, *обезличенной*, а также лишает агиографический дискурс важнейших показателей.

С начала 1980-х годов появилась большое количество «пересказов» духовных источников, в том числе и Евангелия для неофиов. Об этом явлении пишет М. Кучерская: «У адаптаций свои законы, главная их задача – просветительская <...>. Стремление к удобству естественно. Но только до тех пор, пока речь не идет о культуре. Попытки сделать удобной культуру абсурдны, они бьют мимо цели, если, конечно, считать целью понимание друг друга, любовь. Так вот, культура – это сложно. <...> Евангелие вот, слишком уж загадочная и печальная случилась с Христом история, добавим немного ясности и позитива», – переходит на иронию писательница. Ремейк священного текста, как и житийного сочинения в принципе не возможен, но концептуальное обновление предтекста позволяет иначе интерпретировать сюжет и идею в контексте современной культуры.

Знаковый для настоящей эпохи феномен возвращения агиографии в культурное сознание определил изменения в читательской деятельности, в совершенствовании навыков «декодирующей» рецепции. Амплитуда рецептивных возможностей постижения читателем идейно-художественного своеобразия новейших житийных инвариантов колеблется от ситуации чтения как труда до восприятия рецепции как творчества.

### Список литературы:

1. Бычков Д.М. Агиографический дискурс в современной русской прозе: Монография. Изд-во Астраханского государственного технического университета, 2014. – С. 3.
2. Кучерская М. И никаких богов в помине. О стремлении к удобству в культуре // Кучерская М. Наплевать на дьявола. Пощечина общественному вкусу. М., 2009. – С. 55.

## О СМЫСЛЕ И ЦЕННОСТЯХ ЖИЗНИ СОЛДАТА НА ВОЙНЕ

**Вахонин Н.Л.**

*Россия, г. Санкт-Петербург*

*Военная академия связи имени С. М. Буденного*

*E-mail: Julena-69@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье постановлен вопрос об осмыслении современных философских, социальных, научных и религиозных взглядов, направлений и школ о смысле и ценностях жизни солдата на войне. Значимость работы заключается в необходимости и святости исполнения священного воинского долга по защите своего Отечества.

**Ключевые слова.** Бытие, смысл жизни, ценности и цели воинского бытия. Жизнь и смерть солдата на войне, их оценка.

Бытие, смысл жизни солдата. Раскрытие проблемы бытия человека, его смысла и ценностей не теряло своей актуальности на протяжении всей истории человечества.

Данной проблемой занимались Сократ и Сенека, Марк Аврелий и Августин, Макиавелли и Монтень, французские философы - моралисты и другие. В классической философии, в рационализме проблема цели и предназначения человека рассматривалась как логическое противоречие.

Вопросы сущности жизни, ее смысла связаны с проблемой существования и деятельности человека. Жизнь как объективная реальность выступает категорией мифологического, религиозного, философского, научного и военного познания.

Познание жизни в естественнонаучном и социально-гуманитарном знании различно. Биологический смысл жизни построен на понимании сути живого, а в социально-гуманитарном познании упор делается на раскрытие ее ценности и смысла.

Понимание феномена жизни позволяет абстрагироваться от постижения тайны бытия человека, так как ни в мифологии, религии, науке однозначного ответа нет. В мировых религиях и научных школах существуют различные направления, где целью выступает постижение смысла бытия человека.

Исследуя понимание жизни у М. Хайдеггера, как аксиологического феномена, В.М. Розин применил ситуативный подход, который позволил

ему высказать идею, что в каждой ситуации жизнь понимается и оценивается по-разному. [7] У М. Хайдеггера жизнь рассматривается как фундаментальное философское положение, как бытие здесь и теперь и оценивается через положительную, отрицательную и неопределенную ценность.

Такой подход позволяет в историческом аспекте рассматривать гедонизм древних греков – жизнь как наслаждение, божественную жизнь как небытие в христианстве, где земная жизнь – анти-идеал вечной, неопределенность наличной жизни и страдания в буддизме.

В различных жизненных ситуациях человек может руководствоваться в мирное и в военное время двойным стандартом, как религиозными положительными, так и в повседневной деятельности отрицательными ценностями. (Достаточно напомнить пожелание: «Жить тебе в эпоху перемен.»)

Вместе с тем существующий в современном обществе принцип «здесь и сейчас», «здесь и теперь» ориентирует жизнь человека не на будущее, а на наличное потребление, на повседневность.

Для понимания деятельности человека в военной сфере это важно потому, что оно ослабляет необходимость концентрации сил и средств по прогнозированию возможных сценариев будущих войн. Ведь жизнь должна пройти проверку временем. Во все времена война всегда давала подлинную оценку жизнедеятельности человека.

В военно-философском познании жизнь рассматривается в специфической форме деятельности человека на войне. Она характеризуется пространственными, временными параметрами, приобретает особый смысл и значимость.

Война и воинская деятельность определяют специфичный характер и способ жизнедеятельности солдата. Понимание жизни человека на войне выходит за рамки научного обоснования биологического смысла, смысла сохранения его существования. Война порождает специфическую форму жизнедеятельности воина. Выполнение воинского долга, защита Родины от врага определяют смысл жизни и смерти солдата на войне.

В философии войны осмысление жизни и смерти выражается в категориях **«ценность и смысл жизни»**. Жизнь человека представляет собой высшую ценность, но, если лишить жизнь человека смысла, она тогда превратится для него в небытие.

На войне командир исходит из задачи иметь меньше потерь, сохранить жизни своих подчинённых. Но, «смертью смерть поправ», воины, совершившие героические подвиги, получают признание высшей степени их благородства за то, что они отдали жизнь ради великой цели, ради победы. Проблема цели, ценностей и предназначения человека на войне исследуется различными философскими школами и течениями.

Жизнь во времени и пространстве структурирована смыслами и ценностями. В герменевтике смысл это дополнение к процессу понимания, жизнь как творческий процесс требует постижения смысла, сути, с критической стороной ее оценки, при сохранении в ней позитивного. Смысл или «суть дела» позволяют усвоить предмет, соотнести предварительное содержание с осмысленным опытом.

«Смысл,- говорится в Толковом словаре русского живого языка В. И. Даля,- способность понимания, постижения, разум, способность правильно судить, делать заключения, сила, значение, толк, смысл». [4] Русский филолог и лингвист М.М. Бахтин считает, что процедуры объяснения и понимания раскрывают в диалоге смысл, контекст передаваемого знания. При этом отбирается все ценное в нем. [2]

Смысл жизни с философской точки зрения есть размышление о цели, о предназначении человека. Природное предназначение человека – это воспроизводство себе подобного, как продление человеческой жизни. С другой стороны, человек руководствуется различными социальными, моральными и религиозными установками.

С конца XIX – начала XX века проблема человека, его существования стала предметом рассмотрения неклассической и постнеклассической философии. Поиску смысла жизни большое внимание стало уделяться в одном из направлений антропологии в философии жизни.

В современной философии феномен жизни рассматривается как сложное, неоднородное, неравновесное явление, с различными переходами из одного состояния в другое. Переход жизни человека из одного состояния в другое для достижения высших ступеней осуществляется через преодоление смерти. Война, как одно из основных социальных зол, рассматривается в ней как пространство перехода из одной жизни в другую. В этом переходе человек якобы осознаёт подлинную и неподлинную, земную и небесную, плотскую и духовную сферы жизни.

В современных концепциях философии жизни поставлен вопрос о ценностях, цельности и способностях осмысления феномена жизни солдатом на войне как пространства переживания и проживания. У Ф.Ницше война предстает стихией жизни, а готовность к смерти - критерием его жизнестойкости и подлинности.

Что значит выявить смысл бытия? Понять жизнь как нечто существующее в наличном мире, который есть, был и будет. Современные глобальные катастрофы ставят на карту существование жизни на Земле. Одной из наиболее опасных катастроф становится проблема войны и мира.

Какой смысл приобретает проблема бытия для военного человека? Вопрос бытия человека раскрывается в науке как продолжение жизни, существование человечества. Но на войне он переходит в разряд осмысления человеком собственного существования, в вопрос жизни и смерти.

Вопрос о ценностях и целях человека на волне критики рационализма в неклассической философии переходит в область иррациональной трактовки жизни. В философии немецкого философа А. Шопенгауэра высшей ценностью человека становятся волевые действия. Им отводится определяющая роль в жизненном поведении человека. В художественной форме руководство идеей воли человека изображено Л.Н. Толстым в портретах героев романа – эпопеи «Война и мир».

Воля, как свойство личности, имеет большое значение для военного человека. На войне нужен солдат, не только обладающий сильной волей, но и глубоким умом. Наполеон Бонапарт считал, что побеждает на войне не

солдат, а полководец, обладающий гениальным умом. Для победы только воли солдата недостаточно.

Известен его логический квадрат. По декартовой системе координат по оси абсциссу него расположен ум, а по оси ординат – воля. Если у командира недостаточно ума, а воля через край- его действия обречены на провал. С другой стороны, если командир умный, но слабовольный, ему не добиться успеха на войне. Оптимальный вектор усилий ума и воли у человека должен составлять угол в 45%. Проблема соотношения ума и воли полководца рассмотрена в работе Б.М. Теплова «Ум полководца».

Использование понятия жизнь в военном познании связано с анализом характера войны (по основанию справедливости и несправедливости ее ведения). Война сталкивает между собой разные образы жизни людей, их идеалы и нормы, что находит отражение в обозначении понятия воинства.

В качестве примера приведем слово витязь. Основой понимания служит индоевропейский корень слов, означающий жизнь. В Древней Руси воин осмысливался как витязь.

В словаре В. И. Даля, витязь трактуется как храбрый и удачливый воин, рыцарь, богатырь. Его назначение богатырствовать, странствовать, посвящать себя воинским подвигам. Витязь – хранитель жизни, его охранительная функция заключается в том, что он должен справиться с бедой народа, обеспечив ему победу. [6] Он служит родной земле и охраняет жизнь в космическом измерении. Его охранительная функция находит выражение в понятии победа, что означает отвести в сторону беду, преодолеть её.

Глубокое изменение претерпевает и заимствованное иностранное слово – солдат. Сольдо - мелкая разменная монета Италии. Покупной характер воина – солдата в понятии «сольдо» символизировал наёмничество, что свидетельствовало об ином, денежном, измерении жизни воина. Куплен солдат за мелкую монету и жизнь его оценена также ничтожно.

Другой нравственный оттенок понятие «солдат» приобретает в России, где оно стало синонимом неприхотливого, бескорыстного человека (воина).

Жизнь, бытие, существование и жизнедеятельность человека составляют основу мифологического, религиозного, философского познания мира. Указанные понятия широко используются в осмыслении различных социальных явлений, в том числе и войны.

В религиозной философии воин - это божий слуга, носящий меч для отмщения злу, но вместе с тем он и сам воплощение зла. В религии смысл земной жизни сводится к правилам достижения вечной будущей жизни, создаваемой самим человеком. Такой методологический приём определения смысла жизни военнослужащего имеет место в военной науке США и стран Запада.

Религия древнее духовное явление, зародившееся на заре человеческой цивилизации и ставшее одним из важнейших факторов в человеческой истории. Как духовный феномен она оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на войну. Идея духа в религии – это идея вечной жизни, это жажда бессмертия в подлинной жизни. Ее главный объект - духовный, нравственный мир человека.

Сохранить самоценность человеческого «Я» - основное ее предназначение. «Жизнь есть - говорит религиозный мыслитель и писатель архиепископ Иоанн, - выявление и отпадение человека от Божией гармонии раскрытие смысла жизни есть указание людям, что им надо делать.» [1]

Религиозная сила, сила духа солдата в войнах воплощалась в победах, и во все времена высоко ценилась и почиталась. Религия оказала огромное влияние на развитие духовной культуры человечества. Великие творения духовной и материальной культуры созданы глубоко верующими людьми в архитектуре, литературе, музыке, живописи. Сказания, эпосы, летописи многих народов созданы служителями различных религий и верований.

Наука и религия о месте и роли человека на войне вначале шли рука об руку. В дальнейшем наука отходит от религии, но в целом не отвергает ее. В религиозном истолковании наука есть дар Божий человеку, как знание душевного в виде эмпирического опыта, а религия – дар Божий – дар видения духовной истины, как нравственной интуиции.

Различие между научной и религиозной мыслью заключается в том, что в религии человек исходит в большей мере из веры и духовно-нравственных ценностей, духовного озарения. А в научной мысли человек руководствуется абстрактными логическими рассуждениями, выраженных в виде принципов, методов, закономерностей.

Понятие жизнь в военном познании используется при анализе характера войн, по отношению понимания справедливой или несправедливой войны, в обосновании содержания воинской деятельности, как основы выполнения воинского долга.

Война же рассматривается как разрешение противоречий в жизни народов, противоречий в мировоззренческих позициях, как столкновение различных культур, цивилизаций, образа жизни.

Противопоставление неклассической и постнеклассической философии классической затрудняет понимание феномена жизни человека. Вместе с тем идея господства разума над силами природы и общества в рационализме, где орудием господства выступала война, то человеческая практика ведения современных войн поставила под сомнение разумность их продолжения.

#### **Список литературы:**

1. Архиепископ Иоанн О тайне человеческой жизни. Москва: г. Сергиев Посад, «Лодья», 1999. С. 192.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: 2000.с.308.
3. Вахонин Н.Л. Философия: Военный аспект. учебно-методическое пособие. СПб: ВАС, 2015, 144 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-т. М.: Рус.яз.1999. т.4.с.240.
5. Зайцева З. М. Мартин Хайдеггер: язык и время. // Разговор на проселочной дороге. Сборник. М.: 1991. с.170.

6. Карлов В.П. Честь имени, или о русском национальном самосознании. //Вопросы философии. 1977. №4. С. 4.

7. Розин В.М. Типы жизни с аксиологической точки зрения (Методологический и культурологический анализ)//: Жизнь как ценность. М.: 2000.С.168-183.

## ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

**Веткасова Н.В.**

*Россия, г. Казань*

*Казанский национальный технический университет им. А.Н.Туполева*

*E-mail: n.vetkasova@yandex.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению ценностей западной и восточной культур в отношении к природе и пониманию роли человека. Отмечается противоречивое влияние теизма на развитие отношения к природе, благотворность пантеизма (язычества).

**Ключевые слова:** ценности, религия, природа, человек, Бог-Личность, тело, дух, реинкарнация.

Одна из важнейших функций религии с древнейших пор – это обоснование ценностей (прежде всего нравственных). Результат философских размышлений на этот счет однозначен: невозможно рационально, с точки зрения целесообразности или полезности обосновать ценности. Только апелляция к воле высших сил являлась основанием для признания тех или иных нравственных принципов, норм, правил всеобщими, абсолютными для людей данного общества (культуры). В первобытные времена эти высшие силы трактовались как духи, затем (в политеизме) – как боги, а в теистических религиях (иудаизме, христианстве, исламе) – это Бог.

В теистических религиях человек как образ и подобие Бога, как личность возвышается, становится главной ценностью, ведь и Бог – это Абсолютная Личность. Основание для особой роли человека по отношению ко всему природному миру изложены в Библии, где говорится как о сотворении человека, так и о данной ему власти. Человек – венец творения. Как известно, все живое на Земле было сотворено по слову Бога природными стихиями, и только человека Бог творит сам и «вдувает в него дыхание жизни». Бог дает человеку право властвовать над всем земным тварным миром так же, как сам Бог властвует над всей Вселенной [1]. При этом человек несет ответственность перед Богом за сохранение и улучшение земного мира. В европейской, русской, американской культурах процесс секуляризации и замены религиозного мировоззрения светским, атеистическим привел к забвению идеи ответственности перед Богом, но оставил как само собой разумеющуюся идею превосходства человека над всем миром живой природы. Человек вправе изменять, переделывать природу под свои потребности.



«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней – работник», – как утверждал тургеневский Базаров [2, с.207]. Результат такого потребительского отношения налицо: проблемы сохранения природы, экологической безопасности стали общемировыми, за гибелью природы неизбежно видится гибель самого человека. Так противоречиво возвышающее человека, гуманистическое содержание христианства превратилось в разрушительную идею вседозволенности.

Мировая история дает нам иной пример отношения к природе и понимания соотношения «природа – человек», который представлен в восточной культуре, индийской и китайской. Идея ее в том, что надо не переделывать природу, подгоняя ее под потребности человека в комфортном существовании, а вписываться в нее, изменяя и совершенствуя себя. Человек мыслится как неотъемлемая часть не просто природы, а всего космоса. Китайская религиозная и философская мысль говорит нам о космических энергиях – Инь и Ян, которые представлены в жизненной энергии человека – ци. Для благополучного физического и психического состояния человек должен гармонизировать свою внутреннюю энергию с внешней – космической. Носителями иньской и яньской энергий выступают Луна и Солнце, эти энергии содержатся в растениях и продуктах питания. Ритм жизни человека должен соотноситься с ритмами природы и космоса: сменой времен года, дня и ночи и т.п. Во всей Вселенной действует универсальный закон Дао, управляющий миром, – так говорится в философско-религиозной системе даосизма. Задача человека понять этот закон и строить свою жизнь в соответствии с ним, жить «естественной» жизнью. Принципы естественной жизни заключаются в том, чтобы не делать ничего, противоречащего законам природы, и не тратить своих сил даром (т.е. поступать так, чтобы поступок был эффективным). Это означает – поступать интуитивно и спонтанно, в соответствии со своей натурой, а не условностями и стереотипами поведения [См.: 3, с.273-275].

В индийской культуре также утверждается идея совершенства Космоса, природного мира, необходимости жить в гармонии с природой. Для этого создана поразительная по своей эффективности система йоги, призванная научить человека управлять своим телом, психикой, сознанием. Философская, религиозная (они по сути не противопоставлялись друг другу) и научная мысль были нацелены не столько на преобразование окружающего природного мира, сколько на углубленное изучение человеческого организма, психики и сознания, создание духовных практик. В основе их лежала идея взаимосвязи человека как микрокосма и Космоса, что характерно как для китайского, так и индийского мировоззрения. У китайцев – теория о универсальных энергиях Инь и Ян, у индусов – теория о чакрах как средоточиях энергии, воспринимаемой извне (из Космоса, от других людей) и излучаемой человеком.

Природа в человеке – это прежде всего его тело. Интересно отметить, как различно отношение к телу в восточной и европейской традиции. Общим для всех развитых религий и культур можно считать признание превосходства духа над телом, стремление избавиться от «рабства телу». Но

пути достижения этого различны. Христианство стремится к умерщвлению плоти, пост в общей сложности занимает не менее полугода (это, правда, не относится к протестантизму). Монахи, выдающиеся святые очень часто страдали тяжелыми телесными болезнями, преодолевая свою немощь силой духа. Конечно, в христианстве утверждается, что тело – это храм духа, что о нем необходимо заботиться. Но забота эта никогда не должна быть главной целью и задачей человека. Нечистоплотность, характерная даже для европейского дворянства и королевского двора, помимо неких объективных социальных причин, имела и духовную подоплеку. Пренебрежение телесностью было следствием идеи о превосходстве духа и потенциальной порочности тела как источника греха в человеке.

Иное – в Индии и Китае. Важнейшим считается достижение такого состояния телесного здоровья, чтобы тело не мешало, а способствовало свободному развитию и совершенствованию духа. «Плоть «преодолевается» не умерщвлением, не слепым и фанатичным ее игнорированием, а напротив, считается, что тело «умолкает» и перестает быть препятствием, когда оно получает условия для своего нормального функционирования и тем самым не отвлекает его владельца от духовно-религиозного продвижения. Не чувствовать своего тела, быть как рыба в воде – это привилегия здорового, а не больного тела» [4, с.152]. Так, в психофизической практике – йоге, нацеленной на совершенствование сознания, психики, умственных способностей человека, рекомендуется начинать с хатха-йоги, которая призвана дать человеку власть над своим телом, физической природой (но и на этой стадии в силу специфики такой гимнастики достигается большая устойчивость психики и способность человека управлять своим умственным и эмоциональным состоянием). Только после этого возможно прийти к совершенствованию сознания (раджа-йога) и овладению истинным знанием, разработке познавательных методов, что является целью джняна-йоги. На этом этапе «сознание человека подготавливается к созерцанию и сосредоточению, к умению мыслить в новых категориях, в непривычном направлении и на новых планах, связанных не с внешними аспектами вещей, а с их фундаментальными принципами; прежде всего ум приучается думать быстро и точно, обращать внимание на существенное и не тратить время на внешние и маловажные детали» [5, с.276]. Развитие сознания и достижение нового знания неотделимы от совершенствования всей природы человека, его телесно-физической и психической структуры. Субъект-объектное противопоставление познающего человека природному миру, характерное для европейской мысли в индийской философии меняется на идею слияния, гармонии с миром; человек способен познавать природу через познание себя, медитативное слияние с объектом познания.

Обоснованием восточной системы ценностей, утверждающей равнозначность человека и природы, так же является религия. В Индии, где существовали брахманизм, буддизм, джайнизм, индуизм, общей для всех религиозных систем являлась идея реинкарнации (метемпсихоза) и кармы. Последующее воплощение человека проходит по закону кармы, определяется характером прожитой жизни. Хорошая карма обеспечивает воплоще-

ние в человека более высокого социального статуса (в прошлом – касты), более успешного, здорового, благополучного. Плохая карма может привести к воплощению в животное, либо растение. Бессмертие в том, что все живое включено в единую цепь перевоплощений, сансару – «колесо бытия». Человек не вправе разрушать эту взаимосвязь живых существ. Важнейшим принципом индийского мировоззрения является ахимса – непричинение вреда ничему живому. Неудивительно трепетное отношение к природе, ведь в каждой цветке или зверьке может находиться душа некогда близкого вам человека. Как известно, буддизм пришел и в Китай, где соединившись с даосизмом стал органичной частью китайской культуры – чань-буддизмом. С буддизмом пришли и идеи кармы, реинкарнации, но и в изначальном даосизме утверждается совершенство природного мира. «Исходя из этой посылки любая попытка изменить мир является посягательством на его совершенство, обнаружить которое можно лишь находясь в состоянии естественного покоя», – отмечает популяризатор восточной философии Мел Томпсон [3, с.262].

Представляется парадоксальным тот факт, что монотеистические религии, в которых можно увидеть поистине духовный прогресс, привели к такому плачевному результату: хищническому отношению к природе, разрушению самой основы человеческой жизни. Религии языческие и пантеистические, в которых поклоняются природным силам и стихиям, которые и в человеке видят прежде всего природное существо, неразрывно связанное с космическим миропорядком, оказались истинно гуманными в отношении к природе.

Идея о том, что необходимым условием выхода из экологического кризиса является включение ценностей восточной культуры в мировоззрение человека западной цивилизации, высказывалась неоднократно. Подобный синтез и должен привести к ограничению эгоистических потребностей людей, их стремления к комфорту и неограниченному потреблению. Однако эта идея представляется поверхностной и утопической. Ценности являются основой мировоззрения, воспринимаются эмоционально, они имеют духовное (религиозное) оправдание, глубоко укоренены в каждой культуре. Перестроить мировоззрение, образ жизни, привычки миллионов людей вряд ли возможно. Конечно, угроза гибели человечества может привести к некоторой переоценке ценностей, если массы и правительства отнесутся к этому серьезно. Но просто перенять взгляд на природу и человека, сложившийся в восточной религии, философии, культуре в целом не удастся. Более популярной, близкой сознанию западного человека является надежда на совершенствование технологий, развитие науки, призванное свести на нет вред, наносимый окружающей природной среде.

#### **Список литературы:**

1. Библия. Быт 1,26.
2. Тургенев И.С. Отцы и дети//Тургенев И.С. Собрание сочинений. Т.3. – М.: Госуд. изд-во художественной литературы, 1954. С.167-370.

3. Томпсон М. Восточная философия/Пер. с англ. Ю. Бондарева – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 384 с.

4. Щелкина Л.В., Щелкин А.Г. О восточной физической культуре//Проблемы Дальнего Востока. 1986. №4. С.150-159.

5. Успенский П.Д. Новая модель Вселенной. – СПб.: Изд-во Чернышева. 1993. 560 с.

## **ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Власюк Н.Н., Косенко Т.С.**

*Россия, г. Новосибирск*

*Новосибирский государственный педагогический университет*

*E-mail: tany0879@mail.ru, nnvlasuk@ngs.ru*

**Аннотация.** Цель статьи – проанализировать семейное воспитание в качестве фактора обеспечения духовной безопасности российского общества. Авторы рассматривают понятие «духовная безопасность». Приходят к выводу, что семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания, следовательно, выступать в роли духовной опасности или безопасности общества исходя из современных тенденций развития российского общества.

**Ключевые слова:** воспитание, духовная безопасность, семья.

Проблема духовной безопасности на сегодняшний день одна из актуальных. Отметим, что само определение «духовная безопасность» имеет неоднозначное значение, хотя вопрос о духовных угрозах в России сегодня стоит особенно остро.

Изначально под «безопасностью» понимали, прежде всего, защищенность общества от военной угрозы, защита от чрезвычайных ситуаций различного характера и стихийных бедствий [1]. По мере исследования проблем связанных с безопасностью различных сфер общества выявились не менее важные ее аспекты: правовая, информационная, экономическая, культурная, образовательная, экологическая и др.

На наш взгляд особое внимание следует уделять проблемам духовной безопасности, поскольку интеллект, культура, образование всегда были и остаются одной из значимых основ безопасности любой страны.

Мы согласны с исследователями, которые отмечают, что «„духовная безопасность” отражает то, что связано с функционированием образования, науки, литературы, культуры, досуга, уровня их развития, состояния и содержания. <...> все системы духовного жизнеобеспечения человека, семьи, социальных групп, популяций, удовлетворение разносторонних духовных потребностей при максимально возможной гармонизации взаимоотношений общества и природы» [2].

Поскольку семейное воспитание является необходимым фактором духовной безопасности российского общества, то мы рассмотрим лишь некоторые злободневные проблемы, возникающие в процессе воспитания подрастающего поколения. Семья – начальная ступень в жизни каждого человека. Именно в семье приобретает первый жизненный опыт, формируются навыки и умения для социализации и адаптации в обществе. Следует отметить, что семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания, следовательно, выступать в роли духовной опасности или безопасности общества. Существует диалектическая взаимосвязь семьи и общества, где модель семьи отражает общество. Следовательно, существенная функция семьи заключается в воспитании гражданина и патриота, являясь тем самым гарантом духовной безопасности общества.

Глобализационные и геополитические процессы происходящие в мире повлекли на нивелирование ценностей в российском обществе. Все это отразилось непосредственно на системе воспитания подрастающего поколения. Наблюдается формирование нового типа личности, ориентирующейся на такие ценности, как: предприимчивость, материальная обеспеченность, независимость, стремление к саморазвитию, самоактуализации, самосовершенствованию и т. д. за пределами семьи, что создаёт угрозу безопасности, в частности, духовную российскому обществу. Большинство современных родителей мечтая о свободном времени покупают своим детям гаджеты (планшеты, ноутбуки, телефоны и т.д.), а качество воспитания оставляет желать лучшего. «Экран» вытесняет семейное общение (совместное прочтение чтение книг, сказок, колыбельных песен, бесед по душам), становясь незаменимым «воспитателем» ребенка. Подрастающее поколение впитывает и усваивает все происходящее на экране. Экранная зависимость влечет за собой ряд негативных факторов, влияющих на развитие: повышенная рассеянность, неуверенность, нежелание общаться, отсутствие интереса к окружающему миру и др. Таким образом «экран» формирует современную душу и ум подрастающего поколения, воспитывает его вкусы и взгляды на мир. Как следствие, сегодня «ребенок поставлен в ситуацию разорванных социальных связей и хаотичного потока информации без структурно-логических связей» [3].

Другой тенденцией является особое отношение к материальному благополучию. «Деньги... стали главным регулятором всей основной жизнедеятельности людей, основным побудительным мотивом, целью, отраслью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря, – их идолом и богом ... люди одержимы деньгами вовсе не потому, что они морально испорчены, а потому, что деньги стали абсолютно необходимым условием, средством и формой их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется вся суть жизни людей в этом обществе» [4, с. 108, 110]. В результате материальное превалирует над духовным. Рынок формирует потребительское отношение к жизни, а духовная составляющая современной личности нивелируется [5, С. 88]. Таким образом, для большинства людей, нарциссизм, инфантильность, равнодушие к окружающим становятся нормой жизни. «Именно гос-

подство денег и связанный с этим культ потребительства порождают глубочайший экзистенциальный кризис современной личности» [4], в первую очередь подрастающего поколения.

За последнее десятилетие наблюдается тенденция увеличения количества неполных семей. Дети из неполных семей чаще обладают неустойчивой психикой, с сформированным негативным отношением к окружающему миру, совершают чаще безнравственные поступки, правонарушения т. д.

Немаловажной проблемой современного общества является увеличение рождаемости детей и обеспечение их местами в дошкольных учреждениях. Согласно Закону «Об образовании в РФ» № 273 рассчитывать на обучение в дошкольном учреждении могут дети возрастом от 3 до 7 лет. Однако в реальности закон не соблюдается, не все дети попадают в детский сад. «Только 40 % малышей, возраст которых 3 годика, обучаются в ДООУ» [8]. Некоторые общеобразовательные школы вынуждены работать в три смены с количеством детей в классах более 30 человек. Вопрос о качестве и духовной составляющей такого воспитания-образования подрастающего поколения остается открытым.

Таким образом, чтобы воспитание явилось фактором, обеспечивающим духовную безопасность российского общества, необходимо во-первых, реализация комплексной государственной политики в соответствии с заданными направлениями в области образования и воспитания подрастающего поколения; во-вторых, соблюдение общепринятых целей и задач воспитания семьи и общества; в-третьих, повышение моральной и гражданской ответственности родителей за воспитание подрастающего поколения.

### Список литературы:

1. Моисеев Н. О механизмах саморегуляции общества и месте разума в его развитии // Социально-политический журн. – 1993. – № 8.
2. Японский Р. Г. Духовно-нравственная безопасность России
3. Современные проблемы семейного воспитания. – [Электронный ресурс]. – URL: [https://otherreferats.allbest.ru/pedagogics/00756204\\_0.htm](https://otherreferats.allbest.ru/pedagogics/00756204_0.htm) 1 (дата обращения: 22.10.2017).
4. Зиновьев А. А. Запад. – М., 1995. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/05/80/72/05807201.a6.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).
5. Косенко Т. С., Власюк Н. В. Проблемы нравственного воспитания подрастающего поколения в условиях информационного общества // Философия образования. – 2017. – № 1 (70). – С. 84–90.
6. Озиева Л. С. Ценности семейного воспитания в традиционных культурах. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-semeynogo-vospitaniya-v-traditsionnyh-kulturah> (дата обращения: 22.10.2017).
7. Тенденции современного семейного воспитания и семейной педагогики. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://referatnik.com/all/psihologia/6602.html> (дата обращения: 22.10.2017).

8. Кто имеет право на получение места в детском саду в России – с какого возраста детей принимают в садик? – [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo812.ru/news/803-raspredelenie-mest-v-detskom-sadu-v-2017-godu-cto-delat-i-kuda-obrashchatsya-esli-rebenku-ne-dayut-mesto-v-sadike.html> (дата обращения: 23.10.2017).

## О РОЛИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНА

**Габимова М.Р.**

*Россия, г. Махачкала*

*Многопрофильный лицей №30*

*E-mail: gab-muslimat@yandex.ru*

**Аннотация.** Целью статьи является исследование роли этноконфессиональной идентичности в социокультурном пространстве современного дагестанского общества.

**Ключевые слова:** религия, ислам, нация, этнос, конфессия, идентичность

Современное социокультурное пространство представляет собой совокупность мультикультурных и этноконфессиональных традиций локальных цивилизаций [1]. Характерной особенностью развития локальных цивилизаций стало усиление роли религиозного фактора в социокультурном измерении. Религия, превратившись в заметный фактор социокультурной жизни современного российского общества, ставит новые задачи перед социологической наукой, одной из которых является основательное изучение религиозной ситуации в регионах страны, где традиционной религией является ислам. Ислам занимал в прошлом и занимает в настоящее время огромное место в структуре национального самосознания дагестанских народов. Актуальность этой проблематики обусловлена тем, что ислам является одним из важнейших элементов социокультурном пространстве современного Дагестана. В республике построена система исламского образования (кружки по изучению ислама, мактабы, медресе, исламские вузы, курсы по изучению Корана, функционируют исламские медицинские учебные заведения), функционирует огромное число мусульманских культовых объектов, массовым явлением стал хадж. Идет процесс возрождения исламской культуры.

Ислам в современном Дагестане представляет собой определенную совокупность религиозных установок, специфическую социокультурную форму, адаптированную к конкретным условиям, обычаям и нравам народов Дагестана, и оказывает серьезное влияние на образ жизни современных дагестанцев.

При исследовании данной проблемы целесообразно использовать системный, структурно-функциональный, культурно - детерминистский подходы.

Использование системного подхода позволило выявить механизмы координации и субординации элементов, обеспечивающих сохранение ценностно-нормативного порядка ислама как целостной системы.

Применение структурно-функционального подхода дало возможность выявить значение ислама в структуре национального самосознания, определить его роль и место в условиях современных социокультурных трансформаций.

Принцип культурного детерминизма, позволяет обосновать объективную закономерную зависимость и причинную обусловленность всех структур мусульманского общества от особенностей религиозной системы ислама как духовной сферы.

Генетический подход дает возможность проанализировать генезис и развитие ислама в структуре национального сознания и самосознания, как социального продукта процесса усвоения норм и ценностей ислама в иной социокультурной среде, интегрировать историко-сравнительные и социологические методы.

На сегодняшний день в научной литературе отсутствуют работы, в которых бы рассматривалась эволюция социокультурной основы религии в Дагестане. Другими словами, отсутствуют работы, где была бы выявлена социокультурная основа исследования религиозной идентичности дагестанских народов. Для того чтобы изучить роль религиозного фактора в многонациональном Дагестане, важно выявить не только социокультурное, но и экономическое, политическое значение религии в условиях данной республики. Более того чтобы понять логику этноконфессиональных преобразований в данной республике, необходимо на наш взгляд, вкратце остановиться и на некоторых дефинициях. Так, например, понятие «нация», чаще всего имеют два смысловых значения. В одном случае «нация» отождествляется с понятием «государство», а слово «национальный» - со словом «государственный». Как отмечает профессор В.П. Молчановский, это – реальность мононациональных государств, в которых исторический процесс формирования нации и государства совершался одновременно. Естественно, что в этих государствах нет таких административных образований как республики, штаты, провинции, созданных по этническим (национальным признакам). В другом случае понятия «нация» отражает реальность многонационального государства и означает этническую общность, имеющую свою территорию, культуру, язык, обычаи и традиции. Классическим примером многонационального государства является Россия. Среди субъектов Российской Федерации насчитывается 21 республика, одна автономная область и десять автономных округов, созданных по этническим признакам. В последние годы в Дагестане религиозная идентичность все более активно выступает как фактор возрождения и развития региональной идентичности людей [2]. Соотношения культурных религиозных и этнических признаков может быть различным в процессе формирования и осознания личностью своей этноконфессиональной идентичности.[3] Проблемность ситуации, сложившейся с пониманием идентичности, характеризуется, с одной стороны различием подходов к определению самого понятия идентичности, со-



ответствующему тем или иным контекстам, в которых это понятие используется. Разработка проблем идентичности и идентификации началась в середине XX века. Эволюция обозначенной проблемы прослеживается в фундаментальных трудах З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Дж. Мида, Э. Эриксона, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, С. Хантингтона и др. У каждого ученого свое понимание идентичности. В Современной Российской науке идентичность также стало одним из центральных для осмысления. Такие авторы как Н.И. Алексеева, А.В. Буров, Т.П. Гаврилова, Е.М. Дубовская, Т.И. Комисаренко, Р.Л. Кричевский, Т.А. Моджарова, В.А. Рахматшева, А.П. Соприков отмечают социально-значимую черту идентификации: формирование социальных качеств индивида, занявшего позицию активного нравственного субъекта. В последнее десятилетие XX века представлено исследованиями В.А. Авксентьева, Г.М. Андреевой, Н.В. Антоновой, Ю.В. Арутюняна, Б.Е. Винера, Л.Я. Гозмана, П.С. Гуревича, Г.С. Денисовой, А.В. Дмитриева, Л.Г. Ионина, В.В. Коротеевой, Н.М. Лебедевой, В.С. Малахова, Т. П. Матяш, З.В. Сикевича, Н.Г. Скворцова, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Сухачева, С.В. Чешко и других, в которых ставится вопрос об идентификационном аспекте этничности, характере идентичности, затрагиваются проблемы трансформации идентичности в постсоветском обществе. Сегодня вопрос о российской идентичности рассматривают З.Жаде, Е. Куква, С.Ляушева, А. Шадже и среди дагестанских ученых можно назвать Магомедова М.З., Магомедова М.А. Шахбанова М.М. и др.

Как правило, национальные и религиозные чувства тесно связаны между собой. Они оказывают сильное влияние на общественное сознание не столько взятые в отдельности, сколько взаимосвязанные. Поэтому историческую связь этнического и религиозного, симпатии к единоверцам и этнически родственным группам используют в своих интересах лидеры конфессиональных и национальных движений [4].

Исследование роли этноконфессиональной идентичности в современном социокультурном пространстве позволяет сделать ряд выводов.

1. Сегодня основная часть российского общества постепенно выходит из состояния культурного шока, ориентируясь на традиционные ценности добра, совести, патриотизма. Свое место постепенно в системе нравственного оздоровления общества занимает религия.

2. Российское общество, в том числе и северокавказский регион, испытывает на себе неоднозначное влияние как вызовов глобализации, так и регионализации. Это влияние проявляется в усилении, с одной стороны, интегративных воздействий в сфере культуры, межэтнического и межконфессионального взаимодействия, с другой стороны, в росте тенденций сепаратизма, замкнутости, этнического и религиозного радикализма и экстремизма. Молодежь северокавказского социума, как подтверждают и результаты проведенных нами социологических исследований, оказалась наиболее подверженной воздействию идеологии религиозно-политического экстремизма, терроризма и национализма.

3. В современном национальном самосознании дагестанцев происходят динамичные процессы кристаллизации новых нормативно-ценностных

установок, обусловленных влиянием нескольких культурно- цивилизационных потоков: западной идеологии, российской, в том числе советской культурной традиции, имеющей достаточно продолжительную историю, восточной культурной традиции, имеющей многовековую историю в жизни дагестанских народов, исламской культурной традиции.

4. Как показало наше исследование, этноконфессиональная толерантность может стать внутренним механизмом самосохранения дагестанского общества, цементирующим его своеобразную внутреннюю нормативно-ценностную матрицу.

5. В условиях системного кризиса, который переживает дагестанское общество, становится актуальным и востребованным ценностное содержание толерантности в межэтнических, межконфессиональных и внутриконфессиональных взаимоотношениях. Формирование толерантности является сегодня важным условием укрепления стабильности и этнокультурной безопасности дагестанского социума.

6. В самоидентификации дагестанских народов этническая и религиозная составляющие занимают определяющее место, наряду с сильными достаточно позициями общероссийской гражданской идентичности.

7. Как свидетельствуют результаты проведенного нами социологического исследования, религиозная идентичность дагестанских народов обладает весьма глубокой адаптивной характеристикой и тесно переплетается с этнической идентичностью.

8. Как мы полагаем, повышение адаптивных способностей религиозной идентичности дагестанцев в последние десятилетия является результатом демократизации российского общества, однако несет в себе потенциал как определенного конфликтогенного характера, так и некую конструктивную возможность трансформации духовно-нравственных компонентов современного общества.

#### **Список литературы:**

1. Юсупова Г.И., Гаджимурадова А.К. Роль религии в межкультурном диалоге Запада и Востока//Вестник Дагестанского научного центра РАН, 2012 , №47 С.100-109.

2. Залимханов З.М., Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала: Буйнакский филиал ДГПУ, 2000 г. – С. 42-43.

3. Социология межэтнической толерантности. Отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва, издательства Института социологии РАН, 2003.- С 159 (222 стр.)

4. Юсупова Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге РОССИИ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Махачкала 2009. С. 49.

## ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТНЫХ РЕГИОНАХ

**Гадаев В.Ю.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: gadaev\_v@mail.ru*

**Аннотация:** В статье рассматривается проблемы обеспечения духовной безопасности молодежи восточных регионов, пострадавшие от преступной политики глобализма Запада. Намечены некоторые пути возрождения в этих регионах духовной сферы общества и его нового поколения.

**Ключевые слова:** «глобализация», «глобализм», «духовная безопасность», «духовная безопасность молодежи», «конфликтный регион».

Современный мир хотя и составляет взаимосвязанную целостность, однако характеризуется многообразием составляющих его частей, которые ныне находятся в острых противоречиях. Эти противоречия проявляются, в частности, в форме геополитического соперничества, выражающееся эскалацией конкуренции во всех сферах жизни человечества, направленной на передел жизненно важных энергетических, пресноводных и других ресурсов нашей планеты, на достижение и сохранение высокого уровня жизни, обеспечение повседневного комфорта для «золотого миллиарда», т.е. привилегированной части землян. Для достижения своих преступно-корыстных стратегических целей явно меркантильной, эгоистической направленности ведущие западные державы отходят от традиционной военной стратегии завоеваний других стран путем прямой военной агрессии и делают установку на иные факторы (духовные, информационные, психологические и др.).

В своей агрессивной стратегии ныне Запад все больше исходит из постмодернистской парадигмы хаоса, т.е. стремления внедрить во все сферы жизни других стран дестабилизацию, беспорядок и хаос, пытаясь реализовать там свои задачи в контексте принципов глобализма. Так произошло, например, в постсоветский период на Северном Кавказе, Восточной Европе, Центральной Азии и т.д. Но наиболее цинично Запад обошелся со странами Ближнего Востока в период «арабской весны», в результате чего эти некогда цветущие державы ныне лежат в руинах, а население погрязло в долгой междоусобной братоубийственной войне. И никто ныне не берется прогнозировать будущее конфликтных восточных регионов и в особенности Арабского Востока, ибо здесь продолжают обостряться противоречия между государствами, национально-этническими образованиями, племенами, кланами, конфессиями, расами (белые и черные мусульмане) и т.д.

Проводимая Западом политика глобализма обостряет отношения во всех сферах жизни людей нашей планеты, угрожает существующему миру, порядку, множит на земле конфликтные регионы. В этих конфликтных регионах (особенно на Ближнем Востоке) вследствие реализации варварских принципов глобализма подверглась эрозии материальная сфера жизни лю-

дей, разрушены заводы, фабрики, больницы, социальная инфраструктура и т. д. Особенно ощутимыми являются негативные воздействия в социально-культурной сфере: в руинах лежат школы, высшие учебные заведения, библиотеки, мечети, учреждения культуры, шедевры древних восточных цивилизаций, памятники мировой культуры и т.д. Сложившаяся ситуация обусловила проблемы возрождения культурно-образовательного и духовно-нравственного потенциала данных регионов, в обеспечении духовной безопасности их населения и особенно молодежи. Запад как бы мстит Востоку за его прошлый цивилизационный взлет и свою былую варварскую отсталость, пытаясь ныне опустить эту цивилизацию на варварское дно. Конечно, конфликтные регионы не могут вечно находиться в физических и духовных руинах, они пытаются восстановить материально-экономическую жизнь, возродить духовную сферу общества и его нового поколения, которая, в отличие от материальной, трудно поддается возрождению.

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы обеспечения духовной безопасности молодежи в современных условиях расширения зоны конфликтных регионов в разных частях мира. В контексте поставленной цели ставятся следующие задачи: раскрыть содержание категорий «глобализм», «духовная безопасность», «духовная безопасность молодежи», «конфликтный регион»; рассмотреть негативные последствия западной политики глобализма в конфликтных регионах мира; разработать некоторые рекомендации для преодоления трагических последствий в кризисных восточных регионах, а также наметить пути возрождения в них духовной сферы общества, в том числе и его нового поколения. При рассмотрении проблемы, обозначенной в заглавии данной статьи, прежде всего следует дать краткие пояснения таким категориям, как «глобализм», «духовная безопасность», «духовная безопасность молодежи», «конфликтный регион».

В научной литературе исследователи активно используют такие понятия, как «глобализация» и «глобализм». В настоящее время глобализация является сложившимся социальным феноменом, представляющим собой систему, при которой социально-экономические, политические, культурные и др. сферы интегрируются в общемировом масштабе для решения актуальных глобальных проблем [1]. Следует однако сказать, что глобализационные процессы пытаются использовать в своих корыстных целях элита «золотого миллиарда», транснациональные корпорации, ведущие западные державы. Их проект, реализуемый в рамках глобализации, называется глобализм, пропагандирующий неолиберальные, вестернизированные ценности и опирающийся на три базовые основания: свободная торговля, капитализм и демократия. Эти основания укрепляются западной парадигмой современного мироустройства. Глобализм защищает интересы конкретных национальных или транснациональных корпораций, а также определённых, привилегированных групп, в результате чего страдают менее защищённые представители человечества.

Если говорить о понятии «духовная безопасность», то здесь можно встретить множество подходов. Общеизвестно, что в научной литературе выделяется разные виды безопасности: ядерная, энергетическая, финансовая,

экологическая, информационная, санитарная, национальная, психологическая и т. д. В этой относительно устоявшейся системе видов безопасности в последнее время особо важное место начинает занимать духовная безопасность. По мнению А.С. Запесоцкого, «духовная безопасность – это система условий, обеспечивающая сохранение жизненно важных параметров (культурного, этического, интеллектуального характера) в пределах исторически устоявшейся нормы» [2, с.14]. На основе данного определения можно вывести понятие «духовная безопасность молодежи», как совокупность условий и факторов, обеспечивающая жизнедеятельность и устойчивое развитие молодого поколения на основе необходимых для социума культурно-исторических, духовно-нравственных и интеллектуальных ценностей.

Теперь о понятии «конфликтный регион», под которым понимается макросоциальный кризис, детерминированный факторами регионального масштаба, специфическими региональными социально-экономическими, политическими реалиями и охватывающий прямо или косвенно несколько или большинство административных подразделений, входящих в регион [3;51–56].

В регионах, подверженных конфликтам, как правило, «выводятся из строя» все сферы жизнедеятельности людей, которые нуждаются в немедленном восстановлении. Здесь важно установить приоритеты, главным из которых является возрождению материально-экономического базиса общества, на основе которого возвращаются к жизни социокультурные, духовно-нравственные, религиозные, интеллектуальные, эстетические феномены и ценности. Все они составляют духовную сферу общества и его нового поколения, которую необходимо также восстанавливать и защищать. Важной предпосылкой восстановления духовной сферы молодежи и обеспечения ее духовной безопасности является формирование благоприятной социальной среды, имеющей огромный интеллектуальный, культурный и духовно-нравственный потенциал. Эту среду составляют, как известно, религиозные учреждения, духовные учебные заведения, образовательные организации (вузы, средне-профессиональные, общеобразовательные и дошкольные учебные заведения), молодежные и общественные организации, культурно-просветительские учреждения, дворцы культуры, театры, библиотеки, музеи, музыкальные учреждения, мемориальные комплексы и памятники, парки, скверы, спортивные клубы, различные спортивные сооружения (дворцы, стадионы, площадки) и т.д.

Весь этот богатейший потенциал представляет собой объективную основу культурного развития молодежи, обеспечения ее духовной безопасности. Эта основа способствует повышению эффективности субъективного фактора, т.е. активной и целенаправленной работы государственных учреждений и органов, институтов гражданского общества, национальной интеллигенции по культурно-образовательному и духовно-нравственному воспитанию нового поколения конфликтных регионов, защите его духовного мира.

Духовная безопасность предполагает защиту не только устоявшего образа жизни и культурных ценностей, но и традиционных верований народов

конфликтных регионов Востока, ибо конфессиональные отношения выступают здесь важным конфликтогенным фактором. В этом направлении ключевое место должны занимать центральные религиозные учреждения, способные проявлять активность в координации работы мусульманских общин на местах через своих специальных представителей. Последние призваны организовывать мероприятия, направленные на повышение культурного уровня и эффективности духовно-нравственного воспитания молодежи, привлекая для этой цели религиозных авторитетов, представителей общественных организаций и особенно имамов мечетей и неформальных религиозных авторитетов. Здесь особая миссия отводится системе духовных образовательных учреждений, призванных защищать существующие веками конфессиональные системы от религиозно-экстремистских нападков.

В понятие духовная безопасность молодежи также входит защита традиционных социокультурных, нравственных и эстетических ценностей. В этом направлении важную функцию могут выполнять учреждения культуры: 1) театры, 2) библиотеки, 3) музыкальные учреждения, 4) музеи, 5) мемориалы, 6) памятники и т.д. Деятельность этих учреждений должна быть направлена на повышение не только общекультурного уровня подрастающего поколения, но и на развития у него знаний в различных видах искусств: театральное, вокальное, инструментальное, хореографическое и изобразительное искусство. Молодые любители искусства в этих условиях не только учатся, но и могут участвовать в разных творческих конкурсах и фестивалях разных уровней, выступать в концертных программах, сами организовывать концерты для учащихся образовательной системы.

Важную культурно-воспитательную функцию среди молодежи конфликтных регионов должны выполнять театральные коллективы. Как известно, театр является учреждением полифункциональным, наиболее важными из которых являются – познавательная, эстетическая, развлекательная, коммуникативная, социализирующая, компенсаторная, игровая, нормативная. Познавательная функция театров способствует развитию процесса преемственности поколений, трансляции социального опыта от старших к младшим. Эта функция позволяет получить информацию о современном мире, о жизни, дает повод для анализа и рефлексии, вызывает раздумья о смысле человеческого существования. Наиболее востребованной функцией театра, особенно для молодежи, является функция развлечения, которая проявляется в яркой зрелищности постановки спектаклей (костюмы, декорации, свет, музыка), встреча с любимыми актерами. Особенно актуальной в конфликтных регионах является коммуникативная и воспитательная функция театра, которая развивает межличностные контакты, привлекает молодых людей к сопереживанию и сотрудничеству, даёт им возможность каким-то образом слиться с другими личностями, установить с ними более глубокие, тесные и разнообразные отношения, способствует поддержанию целостности общества, что весьма актуально в условия проявления духовности в негативно-деструктивной форме. Следует особо сказать об игровой функции театра. Завороженной игрой актеров молодые зрители отвлекается от нелегких социальных проблем и получает компенсацию за нереализо-

ванные устремления в социально значимой деятельности. Театральная игра как специфическое развлечение выполняет важную функцию снижения уровня психологической напряженности, возникающей в силу социального или политического противостояния различных политических сил, религиозных организаций, общественных объединений и т.д.

В повышении культурно-эстетического уровня молодого поколения конфликтных регионов важное место занимают музыкальные учреждения. Эти учреждения приобщают молодежь к высокохудожественным произведениям мировой и национальной музыкальной культуры, в результате чего происходит развитие эстетического сознания молодежи, возникают новые ценностные ориентиры, позволяющие адекватно оценивать жизнь, в том числе и современные социально значимые духовные ценности. Коллективы музыкальных учреждений выполняют еще и культурно-воспитательные функции, ибо освоение сущности самих шедевров музыкального искусства в значительной мере способствует формированию социоцентрических идеалов.

Огромную работу по духовно-нравственному воспитанию молодежи, защите ее духовной сферы призваны проводить музеи конфликтных регионов. Общеизвестно, что социальный конфликт приводит к кризису деятельности музеев, разрушаются их здания, а их экспонаты, как правило, бывают разграблены, расхищены и потеряны. Поэтому работникам музеев необходимо в кратчайшие сроки возродить их работу, восстановить хотя бы некоторую часть утраченных экспонатов, пополнить фонды новыми материалами. Важными функциями музеев являются функции документирования, образования и воспитания. Выполняя функцию документирования, коллективы музеев должны выявлять и отбирать объекты уникальной природы своих регионов и созданные предками данных этносов артефакты, которые могут выступать подлинными (аутентичными) свидетельствами их богатейшей материальной и духовной культуры. В музейное собрание должны включаться также экспонаты, отражающие героическую и славную историю народов данных регионов, которые способствуют выполнению музеями функции образования и воспитания молодежи, обеспечения ее духовной безопасности. Кризисные регионы Востока богаты мемориалами и памятниками, которые играют важную роль в культурном и духовном развитии молодежи.

Наиболее значимой функцией мемориалов и памятников является функция воспитания и образования, раскрывающая молодежи героические страницы истории родного края, показывающая тернистый путь предков к свободе, пропагандирующая вклад конкретных индивидов, известных людей, выдающихся личностей в решении актуальных проблем социального бытия, в развитии фундаментальных, базисных основ общественной жизни народов данных регионов.

В развитии образования, культуры и духовно-нравственной сферы молодежи, в обеспечении ее духовной безопасности значительное место занимают образовательные организации регионов, подверженных конфликтным воздействиям: дошкольные учебно-воспитательные учреждения, средние

общеобразовательные школы, средние профессиональные образовательные заведения, высшие учебные заведения. Работа в этих учреждениях должна проводиться в трех направлениях: 1. Развитие системы знаний, умений и навыков; 2. Утверждение национального самосознания, правовых, культурно-исторических знаний, изложенных в программных документах правительств данных регионов. 2. Формирование правового сознания и законопослушного поведения, культуры общения с окружающими и ответственного поведения, умения противостоять чуждым социокультурным идеям и асоциальным нормам и установкам.

Активное участие в деятельности по культурному и духовному развитию молодежи, в обеспечении ее духовной безопасности должны принять различные министерства и ведомства конфликтных регионов. Они могут организовать систему мероприятий самых различных направлений: развитие культуры и образования, патриотическое, интернациональное, трудовое, духовно-нравственное воспитание, противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде, проблемы преодоления девиантного поведения и т.д.

Свою лепту в процесс защиты духовной сферы молодежи могут вносить занятия физической культурой и спортом, которые представляют большие возможности не только для физического и спортивного совершенствования, но и для нравственного, эстетического, интеллектуального и трудового воспитания. В этой связи весьма актуальной является проблема восстановления разрушенных в конфликтных регионах спортивных объектов: стадионы, спортивные комплексы, спортивные залы, спортивные площадки и т.д., в которых должны культивироваться такие популярные среди молодежи виды спорта, как футбол, спортивная борьба, (греко-римская и вольная), тяжелая атлетика, дзюдо, бокс, легкая атлетика и т.д. Весьма важным является формирование государственной программы по обеспечению равных возможностей занятий физической культурой и спортом для инвалидов и лиц с ограниченными физическими возможностями, направленная на интеграцию их в жизнь, организацию для них без барьерной среды.

Из всего сказанного выше можно заключить, что проблема обеспечения духовной безопасности молодежи актуализируется в связи с увеличением конфликтных регионов и расширением зон кризисных проявлений в современном мире, что приводит к разрушению не только материальной, но и духовной сферы общества и его нового поколения. От руководства регионов, где в явной или латентной форме развиваются конфликты, требуются титанические усилия, направленные не только на восстановление материально-экономических основ общества, но и его духовно-культурной сферы, особенно молодежи, ибо она превалирует в социальной структуре этих регионов. Данные конфликтные регионы можно называть молодежными, ибо большая часть их населения составляет молодое поколение. Социально-экономическое, идейно-воспитательное, культурно-образовательное программирование неблагополучных регионов должно осуществляться с учетом реальной социально-демографической ситуации. Огромную молодую жизненную энергию конфликтных регионов при наличии злонамеренной



геополитики архитекторов глобализма можно направить в негативное, деструктивное русло, и тогда Восток будет иметь катастрофу «арабской весны». Но ее можно использовать и в мирных целях, направить ее в позитивное, созидательное русло: втянуть в научно-образовательный процесс всех юношей и девушек, развивать коллективы культурно-творческой самодеятельности, спортивное движение и, главным образом, занять молодежь общественно полезным трудом, и тогда мир будет иметь возрожденный из пепла цветущий Ближний Восток, каким он был некогда. Здесь уместны слова Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова, который привел свой регион от конфликтного к цветущему состоянию: «У нашего поколения практически не было детства, и это наша общая беда, в которой виновны взрослые, но именно на молодых людей сегодня мы возлагаем большие надежды. Мы верим, что наша молодежь построит и обеспечит себе достойное, светлое будущее. Однако для достижения этих целей именно нам сегодня необходимо создать соответствующую платформу. Вместе мы обеспечим счастливое будущее нашей Родины» [4;335].

Молодое поколение – это будущее пока еще кризисных регионов современного Востока, её судьба. Все прогрессивное сообщество конфликтных регионов Востока, кому дорого будущее этой многострадальной древней цивилизации, обязаны незамедлительно принять активное участие в созидании самой главной своей национальной ценности – духовного мира молодого поколения и обеспечения его духовной безопасности.

#### **Список литературы:**

1. Положительные и отрицательные стороны процесса глобализации. [Электронный ресурс] StudFiles.net › preview/5255702/page:3/ (Дата обращения 22.09.2017).
2. Запесоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 1.
3. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. 368 с.
4. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. – Грозный: «АЛЕФ», 2013. – 356 с.

## МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Гадаев Р.В.

Россия, г. Грозный

Чеченский государственный университет

**Аннотация.** Целью данной статьи является исследование некоторых причин миграционных процессов в современном мире, обусловленных агрессивной политикой европейских держав в отношении восточных народов и складывающимися на этой основе языковыми взаимосвязями в Европе.

**Ключевые слова:** миграция, агрессивная политика, Европа, национальные языки, европейские языки.

Проблема миграционных процессов в наше время все больше привлекает к себе внимание исследователей. Интерес к ней обусловлен сложными миграционными процессами, динамично развивающимися в современном мире, порождая кризисные явления в разных сферах социального бытия. Само слово «миграция» с латинского языка переводится как «переселение» и обозначает перемещение больших групп людей с одной страны (региона) в другую, как правило, большими группами. По мнению О. Д. Воробьёвой миграция населения – это «любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью перемены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих» [1,35].

Миграция как социальное явление в разной степени интенсивности всегда существовала в истории человечества. Причем, она была характерна всем странам и регионам. А. В. Юрин выделяет три основных этапа в развитии миграции населения, например, в Европе со времён великих географических открытий по настоящее время. Первый этап завершился к середине XX века, когда Европа была основным регионом оттока населения. Второй период – середина 1950-х – конец 1990-х годов – характеризует Европу как крупнейший в мире центр массового неконтролируемого привлечения иностранной рабочей силы в низкооплачиваемые и не престижные сферы деятельности. Третий период, с конца 1990-х по настоящее время, – период активного регулирования и ограничения иммиграции в Европу, когда предпочтение отдаётся высококвалифицированной рабочей силе [2,7].

Как нам представляется следует выделить и такой этап в развитии иммиграции в Европу, связанный с крушением СССР и активизацией агрессивной политики Запада по отношению к Востоку. В этой связи важно сказать, что после второй мировой войны ситуация в мире оставалась относительно спокойной, хотя и омрачалась пасмурным климатом «холодной войны» и периодически возникающими локальными конфликтами. В тот

период в мире господствовали две враждебные друг другу силы: блок НАТО во главе с США и страны Варшавского договора, возглавляемые Советским Союзом. Это противостояние закончилось в конце XX века развалом мощной советской державы и всей системы Варшавского договора. В мире начались процессы по переделу сфер влияния по западному сценарию.

Надо отметить, что внезапное крушение советской державы застал мир врасплох: все верили в могущество и долголетие «союза нерушимых республик свободных». Многие государства не только Европы, но Азии и Африки были ориентированы на СССР, в них на долгие годы утверждались подобные странам социализма долгосрочные режимы, власть великих вождей, харизматичных лидеров, пассионарных сверх героев, которые обеспечивали у себя относительный покой и стабильность. Прочность авторитарных режимов в этих странах была во многом обусловлена не только поддержкой СССР, но и укоренившимися там вековыми традициями патриархального уклада и соответствующей этому укладу психологии широких масс населения почитания вождя- патриарха.

Следует сказать, что традиции патриархального прошлого в разной степени интенсивности проявлялись, да и ныне проявляются в социокультурной жизни разных народов, что обусловлено особенностями их исторического развития. В этой связи важно отметить, что в исторической динамике того или иного этноса, в процессе трансформации патриархально – родового общества в классовые образования, (рабовладение, феодализм) патриархальная модель предстала в новом обличье: бывший отец «патриархального семейства» в новых классовых условиях выступал в качестве рабовладельца, фараона, царя, феодала, короля, императора и т.д.

Конечно, в после родоплеменных классовых эпохах патриархальные устои в значительной мере трансформировались, однако полностью преодолеть их не удалось. Например, в Новое время в феодальной Европе при развитии капиталистических отношений (которые являются смертельными для родоплеменных устоев) патриархальная модель подверглась более серьезному испытанию, а затем и значительной трансформации. Этому способствовали, во-первых, утвердившиеся еще в глубокой древности в античном мире буржуазные торгово-экономические, товарно-денежные отношения. Эти отношения обеспечили переход от жестко регламентирующей жизнь первобытных греков обычаев и традиций к возможности выбора и осмысления своих действий и поступков, что обусловил духовность конкретной личности, формирование ее индивидуально - личностного начала, создавая при этом предпосылки для проявления капиталистической инициативы и предпринимательской свободы. Во – вторых, в Новое время буржуазной революцией были реализованы следующие важные задачи: 1) отделение власти, государственного аппарата от собственности; 2) признание государственной властью легитимности, законности частной собственности, 3) защита частной собственности от произвола государственной бюрократии, 4) аграрная революция-ликвидация феодального, дворянского землевладения, разрушение общины и наделение крестьян землей [3,688]. В обще-

ственно-политической и социокультурной жизни стали внедряться либерально-демократические ценности: всеобщие выборы, представительная власть, свобода совести и слова, правовое государство, права граждан и т.д. Эти либеральные нормы относительно эффективно функционируют и в современном мире, особенно на Западе.

На Востоке сложилась иная ситуация, которая во многом блокировала внедрение буржуазных отношений, капиталистического базиса и надстройки, либерально-демократических принципов общественно-политического и государственного устройства, нового образа жизни на основе свободы, равенства и братства. Среди факторов, обусловивших данную ситуацию, можно выделить следующие: 1. На Востоке господствовал так называемый «азиатский способ производства», где в значительной мере синтезировались рабовладельческие и феодальные общественные отношения, в значительной мере сохранившие на себе родимые пятна патриархальной эпохи. Феодально-рабовладельческий симбиоз выросший здесь из патриархального прошлого оказался более живучим и менее уязвимым от воздействия нарождающихся буржуазных отношений, нового строя и его институтов. На Востоке на вершине социальной лестнице господствовал собственник всех богатств, всевластный царь-патриарх и управляющий делами всего общества подвластный ему мощный государственный аппарат. На нижней ступени стояла сельская община, огромная масса рядовых общинников не имеющая защищенную законами и властью гарантированной частной собственности. 2. В средневековую эпоху в духовном развитии Запад уступал Востоку. Европа, в силу известных причин, многие духовные ценности и идеи заимствовала у соседних, особенно у арабоязычных народов, которые в свою очередь обогатили собственную культуру во многом за счет античного наследия. Однако, в конце средневековья, с середины 14 в., европейские народы осуществили спринтерский рывок в развитии всех сфер общественной жизни. Результаты, достигнутые в христианстве (Реформация), философии, науке, технике, технологии, в общественных преобразованиях в Эпоху Возрождения, Новое время, в Эпоху Просвещения оказались грандиозными. Восток в духовном развитии в конце средневековья замедлил свой бег, передав эстафетную палочку прогресса Европе, не создал принципиально новых светских учений и оригинальных философских систем. Восток не пережил Реформацию, духовно-просветительский и научно-технический всплеск Эпохи Возрождения, Нового времени, Эпохи Просвещения, как это сделала Европа.

В силу названных причин восточному обществу так и не удалось в значительной мере удалиться от патриархальности, подвергнуть коренной перестройке уклад жизни, психологию, образ мыслей, архаично-патриархальную ментальность, что затормозило развитие здесь таких либеральных ценностей, как, например, демократия, свобода, равенство и т.д. В современном мире многие восточные государства активно пользуются таким изобретением либерального Запада как демократия, но по своей сути они являются еще патриархальными обществами. В этих странах функционируют свои конституции, выборные механизмы, свобода слова, печать, теле-

видение и т.д. И весь этот демократичный камуфляж, тем не менее позволяет обеспечивать долгосрочное правление утвердившимся у руля государства различным лидерам, ибо эти социальные системы по сути своей являются еще патриархальными обществами (государства Северной Африки, Средней Азии, Аравии, Юго-Восточной Азии и т.д.).

Традиции патриархального прошлого можно обнаружить и в ностальгии по «железной руке», и в стремлении длительное время пребывать на вершине иерархической политической пирамиды. Здесь дело даже не в каком-то злом умысле со стороны, просто патриархальное общество нуждается в пожизненном патриархе, ибо культурный код, культурная матрица восточной цивилизации в своем сущностном ядре даже в нашу эпоху остается прежним. Людям, конечно, импонируют привлекательные либеральные ценности, но «душа лежит к старине», как говорили классики «традиции мертвых, как кошмар довлеют над умами живых».

В современных условиях глобализации, диалога культур, миграционных процессов у разных народов либо либерального, либо патриархального общества имеются все возможности познать, осознать и оценить своеобразие культур, духовно-нравственные ценности, образ жизни, эффективные формы государственного и общественного устройства друг у друга. Какие из этих ценностей являются наиболее полезными и благоприятными для современной противоречивой и предельно динамичной жизни? На этот вопрос нет однозначного ответа. Либеральные и патриархальные ценности не могут в наши дни ужиться, прийти к компромиссу и толерантности. Например, для либеральной культуры важными ценностями являются гендерное равенство и свободная любовь. Патриархальное же общество считает приоритетным крепость семьи, домашнего очага, доминирование мужчины и ориентацию женщин на рождение и воспитание как можно больше детей. Остается загадкой, почему патриархальное сознание не трансформируется в либеральное, которое призвано привносить в реальную жизнь людей демократию, свободную любовь, гендерное равенство, свободу слова, совести, правовое государственное устройство, гарантии гражданских прав и свобод и т.д.? Может быть в подсознании патриархальной психологии функционирует некий предохранительный механизм от нравственно деградирующих либеральных процессов, потеря которого приводит к отрицательным последствиям. Конечно, Восток у Запада пытается перенять названные ценности, многие страны стремились культивировать у себя и капитализм, и социализм, и народную демократию, но все это трудно поддается экспорту. Попытки Запада насильственно насадить чуждую для Востока западную демократию и преодолеть вековые традиции, в том числе и культ всемогущего «патриарха» в Ливии, Египте, Сирии, Ираке, Афганистане и т.д. не дали желаемого результата. Россия не смогла защитить традиционный Восток, поэтому либеральный Запад разрушил вековые устои ближневосточных государств, физически уничтожил политически вменяемых и здравомыслящих их «патриархальных» вождей и лидеров, посеял долгосрочный социальный хаос, что привело к страшной катастрофе эти древние цивилизации.

Из всего сказанного следует, что западные страны своей корыстной и агрессивной восточной политикой обусловили братоубийственную бойню, кровавое противостояние в этом некогда процветавшем восточном регионе, что непосредственно стало причиной современных массовых миграций с Востока на Запад.

Незадолго до своего убийства лидер Ливии М. Каддафи громогласно на весь мир произнес свои пророческие слова: «А теперь слушайте вы, люди из НАТО! Вы бомбите стену, не пропускавшую поток африканской миграции в Европу, стену, останавливавшую террористов “Аль-Каиды”. Этой стеной была Ливия. Вы разрушаете её. Вы – идиоты. За тысячи мигрантов из Африки, за поддержку “Аль-Каиды” гореть вам в аду. И так оно будет»[4]. Так оно и стало, огромные миграционные потоки со всех испытывавших агрессию восточных стран, преодолевая немыслимые препятствия, тысячами погибая в страшной океанской пучине, хлынули на Запад, к странам, устроившим им на их родине сущий ад. Современный Запад ныне напоминает древневосточный невольнический рынок, где пребывают вынужденные покинуть Родину представители разных рас, этносов, стран, религий, культур, языков, вынужденные на далекой суровой, а порою враждебной чужбине устраивать свою жизнь, различными способами выживать, строить будущее свое и своих детей.

Действенным средством для достижения этой важной цели естественно, является языковое общение. В современном Старом свете функционируют традиционные языки его народов: Албанский, Английский, Баскский, Болгарский, Бретонский, Венгерский, Голландский, Греческий, Датский, Ирландский, Исландский, Испанский, Итальянский, Каталанский, Латинский, Македонский, Немецкий, Новогреческий, Норвежский, Польский, Португальский, Провансальский, Ретороманский, Румынский, Сербскохорватский, Словацкий, Словенский, Старославянский, Уэльский, Финский, Фламандский, Французский, Шведский [5]. Семья названных европейских языков в последнее время пополнилась за счет таких пришлых языков, как русский, арабский, тюркский, персидский, китайский, языки народов Африки, Азии, Кавказа и многих других языков. Эти пришлые многоязычные народы вынуждены создавать новую коммуникативную культуру, налаживать эффективное языковое общение с местными и пришлыми этносами. Для решения этой проблемы они вынуждены заложить соответствующую современным реалиям, способную эффективно функционировать модель языковой коммуникации, структуру которой могут составлять следующие элементы.

1. Государства современной Европы по существу выступают открытыми политическими образованиями, границы между которыми являются прозрачными, что позволяет их народам свободно передвигаться внутри европейского союза. В новых социополитических условиях мигранты вынуждены адаптироваться к общеевропейским и местным условиям жизни, усваивать духовно-нравственные и религиозные ценности, познавать культурно-ментальное своеобразие европейского полиэтнического поликультурного, и поликонфессионального макрорегиона. Данное обстоятельство обу-

словливает необходимость усвоения языка межнационального общения не только в пределах всей Европы, но и далеко за ее пределами. Таким языком может выступать только английский язык, распространенный в 106 странах мира, и к которому мигранты должны приобщаться.

2. Каждый мигрант живет в конкретном европейском государстве, где функционирует свой национально-государственный язык и которым он вынужден владеть, ибо общение мигрантов в производственно-экономической и политико-правовой жизни, в сфере образования, здравоохранения, культуры и т.д. должно происходить на этом языке. Его знание должно быть не только на поверхностно бытовом уровне, но и на необходимом грамматическом уровне, позволяющим мигранту вести свои дела в разных сферах социального бытия, способствующим его социальному росту и продвижению по служебной лестнице и т.д.

3. В процессе жизни в Европе перед мигрантами встает важнейшая задача – сохранить свою родную, аутентично-национальную культуру, обычаи, традиции, религиозные верования и транслировать их новым поколениям. Данную задачу невозможно реализовать без сохранения и развития своего родного языка, что является весьма проблематичным в инородной социальной среде, в новых европейских социокультурных условиях. Дело в том, что язык, не востребованный в производственно-экономической и социально-политической сферах, как правило, обречен на прозябание, он не может выступать действенным фактором развития национальной культуры. Миграционные процессы вообще отрицательно сказываются на жизни любого народа, во многом отрицательно сказываются они и на этнокультурной жизни европейских мигрантов, приводят к деградации национальных традиций и обычаев, к интенсивному протеканию процесса этнической ассимиляции. Поэтому у мигрантов развивается и обостряется чувство патриотизма, боязнь потерять самобытную этническую культуру и его носителя – национальный язык. Эта боязнь имеет под собой объективную основу, ибо, как писал английский философ Майкл Полани, язык, культура или искусство, которое не практикуется в течение одного поколения, остается безвозвратно утраченным. Итак, как видно, современные европейские мигранты вынуждены жить в условиях триязычья: два языка европейские и один – национальный. При этом следует учитывать, что европейские языки находятся в благоприятных, «родных» социокультурных условиях, чем пришлые в инородную социальную среду национальные языки. Они не могут выдержать жесткое противостояние против своих европейских языков-конкурентов, но и мирное их сосуществование постепенно приводит к размыванию глубинных культурно-исторических устоев национальных языков. Конечно, мигранты предпринимают энергичные усилия, направленные на сохранение родных языков и этнической культуры: пытаются проживать компактно, создавать собственную диаспору, организовать преподавание родного языка, историю отчего края, национальную культуру и т.д. Но эти временные меры, на наш взгляд, не могут дать ожидаемый эффект в долгосрочной перспективе.

### Список литературы:

1. Воробьева О.Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ – 2003. – № 9 (202).
2. Юрин А.В. Миграционные процессы в странах ЕС и пути их регулирования. Автореферат на соискание ученой степени канд. эконом. н. М.: 2011.
3. Философия. М., Издательство РАГС, 2003.
4. [https:// vmirechudes.com/poslednie-slova-kaddafi-on-prosil-poshhady-i-skazal-chem-ya-vam-2 /](https://vmirechudes.com/poslednie-slova-kaddafi-on-prosil-poshhady-i-skazal-chem-ya-vam-2/) (дата обращения 20.04.2017).
5. <http://tapemark.narod.ru/opred/083.html> (дата обращения 21.04.2017).

## РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЧТЕНИЯ ПРОПОВЕДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ)

**Ганчар А.И.**

*Республика Беларусь, г. Гродно*

*Гродненский государственный аграрный университет»*

*E-mail: gancharandre1@yandex.by*

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема регламентации чтения римско-католических проповедей в многонациональной Российской империи в начале XX века. Сделан вывод о том, что безопасность страны, необходимость сохранения целостности государства, предопределяла характер поступков светских чиновников.

**Ключевые слова:** Российская империя, Римско-Католическая Церковь, проповедь, духовенство

При рассмотрении журналов Комитета министров по п. 6 высочайшего указа 12 декабря 1904 г. Николай II повелел подвергнуть обсуждению Комитета, для представления ему соображений, следующие вопросы: «Как будут смотреть, по введении в действие нового законоположения, гражданская власть и духовное начальство на проповедь католических миссионеров?», «Как установить грань между проповедью католицизма и пропагандой полонизма?».

Комитет министров полагал, что ст. 4 Устава духовных дел иностранных исповеданий (т. XI ч. I), остававшаяся в силе и по издании нового законоположения, гласила, что в пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше были обязаны не прикасаться к убеждениям совести лиц, не принад-



лежавших к их религии. В противном случае они подвергались взысканиям, определенным в уголовных законах.

Взыскания эти в достаточной мере были строги: по Уложению о наказаниях за соращение из православия в иное христианское вероучение виновный приговаривался к лишению всех особенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения на время от 1 до 1,5 года. Когда же доказывалось, что для соращения были употреблены принуждение и насилие, то виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на поселение (ст. 187) [1, л. 154]. Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 17 апреля 1905 г. министру внутренних дел было поручено безотлагательно разработать предположения и без сношений с ведомствами войти с предложениями в Государственный Совет об отмене ст. 187 и примечания к ней Уставов департамента духовных дел иностранных исповеданий (т. XI, ч. 1, Свод законов, издания 1896 г.) [2, с. 261, ПСЗРИ-3, ст. 26126].

Новое уголовное уложение 1903 г. устанавливало, что виновный в произнесении или чтении, публично, проповеди, речи или сочинении или в распространении сочинений, возбуждавших к переходу православных в иное вероисповедание, если эти действия совершались с целью соращения православных, наказывался заключением в крепость на срок не свыше года или арестом (ст. 90).

Сверх этого то же уголовное уложение предусматривало и соращение православного в иное христианское исповедание злоупотреблением власти, принуждением, обольщением, обещанием выгод или обманом, наказывалось заключением в крепость на срок не свыше трех лет. Если же соращение было совершено посредством насилия над личностью или угрозы, то виновные наказывались ссылкой на поселение (ст. 83).

Указанные законоположения, по единогласному мнению Комитета министров, в достаточной степени ограждали появление и распространение проповеди католицизма среди православных. Гражданская власть и духовное начальство, которым поручался надзор за соблюдением таковых законов, имели в своем распоряжении надлежащие средства для прекращения делавшейся опасной проповеди иноверных миссионеров.

Но независимо от этого, в виду возможности обнаружения духовенством Римско-Католической Церкви стремлений к пропаганде как католицизма, так вместе с тем и полонизма, среди приживавшего в пределах Западных и Привислинских губерний православного населения непольского происхождения, на законодательном рассмотрении находился основанный на высочайше утвержденном 17 апреля 1905 г. положения Комитета министров об укреплении веротерпимости проект о предоставлении министру внутренних дел особых полномочий по отношению р.-к. священнослужителей. Согласно проекту, рассмотренному уже в соединенных департаментах Государственного Совета и ими исправленному, министру внутренних дел предоставлялось, в случае обнаруженной «вредной» деятельности ксендза, сноситься с подлежащим римско-католическим епархиальным начальством о наложении на виновного священника наказания согласно канониче-

ским законам. В случаях же, когда епископ не подверг бы ксендза взысканию или в недостаточном размере подверг бы взысканию, то министр мог уволить указанное духовное лицо от должности. В прежнее время взыскания налагались на ксендзов в экстралегальном административном порядке, ибо законоположения, устанавливавшие такое право министра внутренних дел, ранее не имелось. С получением же указанным проектом силы закона, министр приобретал возможность карать р.-к. священнослужителей, действовавших во вред для русских интересов на основании закона.

При указанных полномочиях, министр внутренних дел, по мнению Комитета, всегда был бы в состоянии в корне прекратить появление пропаганды полонизма под видом проповеди католицизма.

Вполне присоединяясь к данному заключению Комитета, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода высказался, что пропаганда полонизма в значительной степени потеряла бы шансы на успех среди проживавших в пределах Западного края Российской империи и Царства Польского польских народностей, если бы оказалась возможным ввести дополнительное богослужение на русском языке.

Подобная мысль, возникшая в к. 60 гг. XIX в. уже подвергалась в то время обсуждению Комитета министров, причем, поддержанная некоторыми лицами, она другими, например, бывшим обер-прокурором Св. Синода и министром внутренних дел, д. т. с. Графом Толстым, была признана «вредной» для русского дела на западной окраине.

Не считая возможным, в виду трудности и сложности возбужденного сенатором Саблером вопроса, входить сейчас в обсуждение вопроса, Комитет высказал, что осуществление мысли о допущении местных языков в дополнительное богослужение, при признании ее заслуживающей одобрения, должно принадлежать инициативе МВД.

13 мая 1906 г. данные соображения Комитета министров были представлены на высочайшее соизволение на сообщение таковых министрам внутренних дел и юстиции, для принятия их к надлежащему руководству. На это последовала резолюция Николая II: «Согласен. Необходимо сообщить также генерал-губернаторам Варшавскому, Виленскому и Киевскому» [1, л. 154–155 об.].

В 1911 г. управляющий Виленской римско-католической епархией апостольский протонотарий К. Михалькевич просил разрешения гражданской власти на проповедь на польском и литовском языках, по случаю 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Текст проповеди на этих двух языках был выслан Гродненскому губернатору В.М. Борзенко. На что Департамент духовных дел указал К. Михалькевичу на нарушение действующих правил о языке в официальной переписке, да и служебный такт, по словам министра внутренних дел, требовал изложения текста проповеди на понятном Гродненскому губернатору языке [3, л. 8]. «Акт освобождения крестьян, – продолжал министр, – от крепостной зависимости, являясь актом общенародного и общегосударственного значения, само собой разумеется требовал, при его трактовании, употребления языка, который составляет природный язык данных крестьян. Как Вашему Высокопре-

подобно известно, Гродненская губерния населена почти исключительно русскими крестьянами. Крестьяне польской и литовской народности составляют в названной губернии меньшинство, сосредоточенное на незначительном пространстве в совершенно определенных местностях. Остальная масса крестьянства – русская. При таких условиях произнесения проповедей, в данном случае даже не религиозного, а светского содержания, представляется оскорбительным для русской народности попранием прав ее языка, являющегося к тому же государственным. Поэтому вышеуказанное распоряжение Ваше не может быть рассмотрено Министерством иначе, как стремление, при помощи костела и дел с ним связанных, содействовать денационализации русской народности в искони русской местности. Само собой разумеется, что такого рода направление, по существу антигосударственное, недопустимо для служителей церкви, ибо религия и связанная с нею церковь не могут быть обращаемы в политическое орудие без ущерба для своих интересов, как источники нравственности, и без воздействия со стороны Государства в отношении тех, которые в церковь вносят политические вожелания» [3, л. 8-9]. В своем ответном послании в ДДД, К. Михалькевич указал на существующий порядок, согласно которому проповеди в костелах Виленской римско-католической епархии всегда произносились именно на польском и литовском языках и что изменить данный порядок он считает себя вправе. На это министр внутренних дел указал, что указанный порядок произнесения проповеди не на природном языке прихожан является переживанием прошлого и, не отвечая настоящим условиям местной жизни, не мог быть оставлен в силе, а искусственное введение польского и литовского языка в ущерб природному языку русского населения, составлявшего большинство в Гродненской губернии, ведет к насильственному ополячиванию римско-католическим духовенством. В итоге, 19 февраля 1911 г. проповедь в Гродненской губернии была произнесена на русском языке [3, л. 10, 14].

Министр внутренних дел, циркулярным отношением от 17 февраля 1913 г. за № 1803, сообщил могилевскому архиепископу-митрополиту Ключинскому о наблюдавшихся в последнее время попытках «неблагонамеренных элементов» отметить истекшее в январе 1913 г. пятидесятилетие «польского» (термин был употреблен как министром, так и митрополитом – А.Г.) восстания пением в костелах польских национальных гимнов, причем со стороны р.-к. священников, совершавших при таких обстоятельствах богослужения, не принимались меры к прекращению или хотя бы к воспрепятствованию подобных демонстраций.

Принимая во внимание, что пассивное отношение к таким демонстрациям со стороны римско-католического клира давало, естественно, населению повод думать, что римско-католическое духовенство признает подобные выходки допустимыми, а быть может даже желательными, министр просил архиепископа-митрополита принять меры к недопущению в костелах выступлений, аналогичных имевшим место, добавив, что если впредь, в случаях подобных политических демонстраций в костелах, римско-католические священники, при этом присутствовавшие, не будут прекра-

щать подобный беспорядок, министр будет вынужден применить к таким ксендзам действие ст. 17<sup>1</sup> Устава иностранных исповеданий по продолжению 1906 г. Об этом 9 марта 1913 г. могилевский архиепископ-митрополит Ключинский циркуляром за № 1325 поставил в известность приходское духовенство архиепархии, для сведения и руководства [4, л. 94].

Таким образом, регламентация чтения проповедей в Римско-Католической Церкви являлась довольно сложной государственной задачей, сопряженной не только с религиозными проблемами, но и с политическими, национальными. Безопасность страны, необходимость сохранения целостности государства, предопределяла поступки чиновников. В тоже время, умаление религиозных и национальных вопросов светской властью, не внимание их к мнению Римско-Католической Церкви являлось довольно значительным дестабилизирующим фактором существования самой Российской империи.

### Список литературы:

1. Дело об отмене римским папой постановления Конгрегации инквизиции от 11 июля 1877 г. о запрещении употребления русского языка в дополнительном р.-к. богослужении и о сообщении Министерством иностранных дел сведений об употреблении славянского яз. при богослужении в р.-к. епархиях Хорватии и Далмации. Ч. II (20 мая 1905 г. – 4 мая 1910 г.) // РГИА. Фонд 821. Оп. 125. Д. 278.

2. Полное собрание законовъ Россійской имперіи. Собрание третіе. Томъ XXV. 1905. Отдѣленіе I. Отъ № 25605–27172 и Дополненія. СПб., 1908.

3. Дело о произнесении 19 февраля во всех костелах епархии на польском и литовском языках по случаю 50-ти летия освобождения крестьян от крепостной зависимости (14 февраля 1911 г. – 9 мая 1911 г.) // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1748.

4. Указы и циркуляры Могилевской римско-католической духовной консистории и руководителя Могилевской архиепархии (1901–1917 гг.) // НИАБ. Ф. 1781. Оп. 28. Д. 9.

## ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**Гарас Л.Н.**

*Россия, г. Севастополь*

*Севастопольский государственный университет*

*E-mail: garas\_ln@mail.ru*

**Аннотация.** Анализируется специфика поддержания духовной безопасности общества в современном мире. Цель исследования – охарактеризовать особенности существования религии в эпоху информационно-коммуникационной революции, а также определить роль традиционных ре-

лигий в вопросах обеспечения духовной устойчивости российского общества.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, информационно-коммуникационная революция, традиционные религии, киберрелигиозность, стабильность, информационный суверенитет, Россия.

Оформление информационного общества и активное внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обуславливают изменение круга участников современных социально-политических процессов, способы их коммуникации, а так же подвергают трансформации самого человека в целом, его бытие, влияя на формирование духовного мира личности и ее мировоззренческую позицию. Современные ИКТ позволяют реализовать потенциальную возможность включения каждого человека в систему глобальных коммуникационных связей, что с одной стороны, продуцирует социокультурное взаимодействие и взаимопроникновение, а с другой – грозит потерей личностной свободы и манипулированием, вплоть до перестроения идентичности.

Усиление информационной конкуренции за глобальное доминирование и процессы изменения геополитической архитектуры мира актуализируют проблему духовной безопасности (еще шире – национальной безопасности) личности, общества и государства.

В современных условиях, когда подвергаются изменению принципы и формы политического управления, традиционные методы контроля над пространством, духовное развитие общества может выступить важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности России и основой фактической реализации ее информационного суверенитета (ментальной составляющей). Воспроизводство традиционных социокультурных институтов, культурная трансмиссия, сохранение гражданского мира, консолидация полиэтничного и поликонфессионального сообщества сегодня выступают основными детерминантами духовной безопасности, которая способна поддерживать формирование целостной личности, продуцировать стабильность и единство российского общества и содействовать независимости государства.

Стоит отметить, что основу духовной безопасности, помимо общекультурной, составляет религиозная компонента. Специфика современности такова, что водоворот информационных потоков попадает и такой достаточно консервативный социальный институт как религия. И хотя, согласно Конституции Россия является светским государством, а религиозные объединения отделены от государства, все же полностью элиминировать религию из жизни общества весьма затруднительно. Об этом свидетельствуют и современные реалии, демонстрирующие уникальную адаптивность функционирования религиозного института.

Сегодня с уверенностью можно утверждать о своеобразном религиозном ренессансе, так как религия уверенно возвращается в информационное общество, отвоевывая себе место и порождая новые феномены. Данные процессы сопровождаются, в частности, трансформацией традиционного ареала распространения той или иной религии, изменением современных

практик ортодоксальных религий, расширением спектра и появлением новых типов религиозности.

Расширение возможностей и доступ к интернету, включают все большее число людей в многомерное информационно-коммуникационное пространство, формируя особую среду обитания – киберпространство, которое становится ключевым фактором социокультурной среды. Современная религиозная жизнь форсированными темпами перемещается из церквей, мечетей, синагог в сферу киберпространства. Спецификой современности становится такой феномен как киберрелигиозность, так как сегодня у прихожан благодаря интернету появилась возможность, оставаясь дома, общаться со священником или присутствовать на службе, осуществлять сетевые «памятничества» и посещать виртуальные духовные библиотеки и форумы. Религиозные организации отвечая на своеобразный вызов современности активно включаются в работу в сети и используют ИКТ в своей деятельности. Данные аспекты преследуют своей целью поддержание групповой сплочённости религиозной общины; информирование о различных направлениях своей деятельности; установление и осуществление горизонтальных интеракций как среди единоверцев, так и для коммуникации с иноверцами. Следует отметить, что появление ИКТ коренным образом меняет способы и инструменты осуществления миссионерской деятельности.

Современные реалии вынуждают традиционные церкви активнее использовать возможности интернета. Так, в 1997 году появляется сайт Московского Патриархата ([www.russian-orthodox-church.org.ru](http://www.russian-orthodox-church.org.ru)) [1]; с 2005 года действует сайт Русской Православной Церкви (РПЦ) - [patriarchia.ru](http://patriarchia.ru). Патриарх Кирилл артикулирует позицию РПЦ в вопросе отношения к современным средствам коммуникации, акцентируя внимание на специфике и новых возможностях «для христианского свидетельства». Однако, патриарх подчёркивает необходимость совмещения реальной приходской работы с виртуальной миссией церкви. Одной из ключевых задач церкви в современном мире, он называет, представленность в интернет-пространстве как своеобразного «подтверждения заботы о спасении единоверцев» [2]. Однако, глава РПЦ предостерегает от чрезмерного увлечения интернетом, указывая на возможность манипулятивного эффекта, что может привести к разрушению личности, «порабощению сознания и воли» и трансформации идентичности, духовному кризису в целом.

Своеобразным первопроходцем в среде использования медиа, в том числе и в освоении интернет-пространства, является Католическая церковь. Ватикан с 1995 года имеет собственный домен - .va, а с 2014 зарегистрирована доменная зона верхнего уровня. catholic и ее эквиваленты в кириллическом, арабском и китайском написании [4]. С 1996 года работает сайт Святого Престола [www.vatican.va](http://www.vatican.va). С 2002 года на сайте Ватикана опубликованы документы, в которых озвучена позиция Католической церкви по вопросам использования коммуникации («Церковь и Интернет», «Этика в Интернете»). Понтифик, призывая использовать интернет как священнослужителей, так и паству, объявляет «интернет божьим даром и воплощением подлинного добра», а так же акцентирует внимание на открывающихся

«безграничных возможностях для человеческого единения и проявления солидарности», однако, в то же время подчёркивает необходимость осознанного использования современных средств коммуникации. Стоит отметить, что годом ранее Папа римский опубликовал в Instagram свое первое селфи [3]. Таким образом, вышесказанное свидетельствует, что современные средства коммуникации требуют применения традиционными церквями новых методов коммуникационной, миссионерской и информационно-просветительской деятельности, учитывающих не только исторический опыт миссии, а и запросы современности.

Современные информационно-коммуникационные технологии не просто обуславливают способы исповедования религии (возможность использования различных приложений, например, для изучения Библии Bible Gateway, программа для мусульман iPray Pro, помогающая узнать время намаза и другие), но и инспирируют оформление новых типов религиозных сообществ. Одной из особенностей киберрелигии является огромное разнообразие духовных практик, доступных в Интернете, которые в той или иной мере удовлетворяет духовным потребностям личности. Американский социолог Э. Тоффлер назвал данное явление «рынком спиритуальных товаров», то есть современные технологии способствуют появлению разнопланового рынка духовных услуг, характеризующегося ярко выраженным эклектизмом: от мистических практик и опасных религиозных сект тоталитарного типа до симбиоза религии и мира высоких технологий, трансгуманизма. Учитывая открытость и экстерриториальность коммуникации, следует отметить, что новые учения и культы всё больше начинают конкурировать в киберпространстве с традиционными религиями, подталкивая последних к определённым метаморфозам. Стоит так же отметить, что современные экономические реалии показывают активное действие законов рынка и в религиозной киберсреде. Остро стоит вопрос о честной конкуренции, так как богатые религиозные организации могут вкладывать средства с целью занять «топовые» позиции в рекомендованных поисковых системах.

Конечно, сегодня не стоит утверждать о реконструкции религиозной системы ценностей, речь скорее идёт о применении религии. В современных условиях религия выступает не только как моральный ориентир, а, прежде всего, как средство, инструмент давления и достижения целей, который активно используют заинтересованные акторы в достижении своих интересов, зачастую слишком далёких от религии. Виртуализация современного конфессионального пространства проявляется и в открытии более широких возможностей для распространения своей идеологии различных эзотерических, псевдоцерковных и даже преступных религиозных течений. Сегодня происходит не только актуализация религиозного дискурса в публичном и политическом пространстве, а и выход на авансцену и проникновение в интернет-пространство религиозного радикализма (особенно его крайних форм – экстремизма и терроризма), что напрямую коррелирует с безопасностью общества, государства и личности. Так, по данным Национального антитеррористического комитета РФ, в настоящее время в мире

действует около 5 тысяч интернет-сайтов, активно используемых террористами. [5]. Интернет открывает упрощённый доступ к аудитории и ее данным с целью посеять страх и панику, а так же используется для вербовки и другое. Терроризм в интернете постоянно мимикрирует, стремясь найти последователей, особенно из молодёжной среды.

Таким образом, ИКТ сегодня выступают как бесспорный фактор изменения общества, который, продуцируя новые возможности, одновременно порождает риски и угрозы духовной безопасности.

Существование института религии в киберпространстве позволяет не только эффективно осуществлять процессы информирования и коммуникации, а и инициировать манипулятивный эффект, жёстко контролируя сознание верующих, трансформировать идентичность, конструировать виртуальную реальность, распространять идеи религиозного радикализма и нетерпимости. Наибольшую остроту проблема духовной безопасности приобретает в полиэтнических и полирелигиозных обществах, коим является Россия.

Современные реалии демонстрируют уникальную адаптивную функцию функционирования религиозного института, который, с одной стороны призван сохранить традиционные ценности и нормы, а с другой – адекватно ответить на вызовы информационной эпохи. И хотя, ИКТ трансформируют сам институт религии и религиозные практики, всё же именно у традиционных религий имеется опыт поддержания межконфессионального диалога, утверждения, в том числе, в виртуальном пространстве духовно- нравственных ценностей и приоритетов, определяющих духовное измерение общества и личности, противостояния деструктивным тенденциям, достижения социально-политической стабильности и реализации информационного суверенитета.

Именно духовная устойчивость российского общества в условиях своеобразной «информационной интервенции» способна сохранить «самобытность» и обеспечить историческую преемственность, так как без прошлого и традиций у человеческого сообщества не может быть и полноценного будущего. В целях поддержания духовной безопасности государству необходимо проводить грамотную и взвешенную политику, опираясь на гражданское общество, осуществлять политику взаимодействия и диалога.

#### **Список литературы:**

1. Православная церковь и Интернет // Мир ПК. 2003. № 5. URL: <https://www.osp.ru/pcworld/2003/05/165719/> (дата обращения 20.09.2017)
2. Святейший Патриарх Кирилл: Миссия в интернете важна, но не заменяет реальной приходской работы // Православие.Ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/59208.html> (дата обращения 03.02.2017)
3. Папа римский Франциск назвал интернет божьим даром // Информационное агентство России ТАСС. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2610603> (дата обращения 05.10.2017)



4. Ватикан и интернет // Ватикан. Ru. URL: <http://vaticanstate.ru/vatikan-i-internet/> (дата обращения 09.01.2017)

5. Терроризм в интернете // Центр безопасного интернета в России. URL: <http://www.saferunet.org/adult/news/982/> (дата обращения 10.02.2017)

## **РУССКИЙ КОМПОНЕНТ В НЕРУССКОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ ДАГЕСТАНА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ФЕНОМЕНА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЯЮЩИХ ЕГО НАРОДОВ (К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОЙКОНИМИИ)**

**Гебекова А.Н., Ханмагомедов Х.Л.**

*Россия, г. Грозный, г. Махачкала*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*Дагестанский медицинский стоматологический институт*

**Аннотация.** В работе рассмотрены численность русского населения, русская и русскоязычная ойконимия в нерусских районах Дагестана (аваро-андо-цезских, лакско-даргинских, лезгиноязычных, тюркоязычных).

**Ключевые слова:** Дагестан, русское население, численность, ойконимы, нерусские районы.

Как отмечается в литературе «Дагестан – уникальный ландшафтный, этноязыковой и геополитический регион юга России» [8, с.37]. В этой среде формировалось русское население и русская ойконимия Дагестана. «Русские в силу своего геополитического положения, входил в круг внешнеэкономических и политических интересов России, и дагестанские народы в лице русского народа видели своего защитника священных рубежей и решения социально-экологических проблем» [9, с.98].

М.-Р.А.Ибрагимов пишет, что начало формирования населения Дагестана относится ко второй половине XVI в. [2, с.69]. В.Г. Гаджиев отодвигает этот процесс к VII-IX и особенно к X-XII столетиям, когда устанавливаются более тесные торгово-экономические связи Кавказа и Ближнего Востока с русскими [1, с.138]. Мы с этим вполне согласны.

Русские – один из основных народов Республики Дагестан. Они с глубокой древности имели тесные политические, социально-экономические контакты с народами Дагестана. О месте и роли русского населения написано немало и будет написано ещё много. Благодаря этому все народы Дагестана несмотря по принадлежности определенным языкам вышли на мировую арену, стали государственными деятелями, учеными, тружениками полей и станка и трудно перечислить, где русские не оказали содействие и помощь в продвижении дагестанцев по лестнице карьеры. Им честь и слава. Нами вышесказанное подтверждается также мнением известного ученого, бывшего директора Дагестанского НИИ педагогики им. А.А. Тахо-Годи Г.И. Магомедова [3, с.239], где он пишет: «Мы с уверенностью можем кон-

статировать, что отношение к русскому языку, к русскому народу со стороны дагестанцев было и остаётся самым доброжелательным и миролюбивым. Вряд ли можно назвать такую республику, как Дагестан, где с таким уважением, любовью относились бы к русскому народу ... В Дагестане, объединяющем, совместно живущих и работающих людей многих национальностей национально-русское дарьязычие стало жизненной необходимостью ... Без знания русского языка носители малочисленных народов (да и многочисленные в Дагестане – А.Г., Х.Х.) не имеют перспективы. Поэтому в многонациональном Дагестане в силу исторических причин основным языком межэтнического общения стал русский язык... В условиях дагестанского многоязычья сама жизнь объективно подсказала дагестанцам, что языком межнационального общения должен стать именно русский язык. Сегодня всем ясно, что не владеть русским языком – значит лишать себя богатейшего источника знаний духовно объединить, ограничить свою жизнь!». Эти слова написаны в 1998 г. и звучат как сегодня написанные.

Русское население – гарант духовной безопасности и фактор формирования устойчивого развития народов Дагестана во вне своего основного ареала и смело можем сказать об этом, как целостный составной компонент гуманитарного знания. В этом знании выделяется фактор населения и тесно связанная с ним ойконимия. Согласно «Районированного Дагестана 1929 г.» численность их в Дагестане была равна 98 314 чел., что составляет 11,97 % всего Дагестана [4, XIV]. По переписи населения 2002 года [6], они расселены во всех районах Дагестана, а именно в городах Махачкала (город, администрация) – 43644 чел. (8 %), Буйнакск – 3710 (6,04 %), Дагестанские Огни 505 (1,92 %), Дербент – 5073 (5,02 %), Избербаш (горсовет) – 2109 (5,15 %), Каспийск – 10228 (13,17 %), Кизилюрт (горадминистрация) – 2002 (4,2 %), Хасавюрт – 3965 (3,25 %), Южно-Сухокумск – 531 (5,49 %). Город Кизляр – русский город, где, согласно цитируемого источника его население равно 23543 (48,58 %), на втором месте даргинцы с численностью 5684 человек или 13,73 % [4, с.31]. Расселение последних связано с миграцией их в этот город. Рассмотрим на районах численность русского населения. По данным переписи населения их равно в районах: Агульском – 7 (3,06 %), Акушинском – 23 (0,04 %), Ахвахском – 4 (0,02 %), Ахтынском – 517 (1,64 %), Бабаюртовском – 366 (0,89 %), Ботлихском – 46 (0,09 %), Буйнакском – 145 (0,22 %), Гергебильском – 16 (0,09 %), Гумбетовском – 7 (0,04 %), Гунибском – 41 (0,2 %), Дахадаевском (городская и сельская местность) – 22 (0,06 %), Дербентском – 651 (0,8 %), Докузпаринском – 230 (1,6 %), Казбековском – 36 (0,11 %), Кайтагском – 50 (0,19 %), Карабудахкентском (городская и сельская местность) – 111 (0,2 %), Каякентском – 139 (0,26 %), Кизилюртовском – 245 (0,35 %), Кулинском – 14 (0,13 %), Кумторкалинском – 150 (0,71 %), Курахском – 20 (0,13 %), Лакском – 14 (0,11 %), Левашинском – 51 (0,08 %), Магарамкентском – 982 (1,67 %) (это второй народ после лезгин по численности населения), Новолакском – 40 (0,18 %), Рутульском – 185 (0,79 %), Сергокалинском – 79 (0,26 %), Сулейман-Стальском – 100 (0,18 %), Табасаранском – 53 (0,1 %), Тляратинском – 146 (0,6 %), Унцукульском (городская и сельская администрации) – 125 (0,45

%), Хасавюртовском – 298 (0,24 %), Хивском – 23 (0,11 %), Хунзахском – 302 (1 %), Цумадинском – 116 (0,56 %), Цунтинском – 208 (1,19 %), Чародинском – 12 (0,10 %), Шамильском – 16 (0,06 %) [6].

Широко представлено русское население в нерусских районах республики Дагестан по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. [5]. Во всех этих районах они пользуются всеобщим уважением среди местного населения немало межнациональных браков.

Рассмотрим на материале ойконимов русские топонимы с чисто русскими ойконимами, отмеченными в «Районированном Дагестане» (написание ойконимов сохраняется как в этой работе – А.Г., Х.Х.) являются: Красный Труд, Волково, Огни, Соленное озеро [4, с.31-33] в Дербентском районе, Артель Труда (бывш. кутан Сапарали) в Махач-калинском [1, с.65]. Такой кутан сохранился ныне в Кировском районе г. Махачкалы (А.Г., Х.Х.), Нефтяной пром. [ысел] в Каякентском сельсовете Дербентского [1, с.32], Нефтекачка [1, с.66] Самуркентском сельсовете Махач-Калинского, ойконимы Хасав-Юртовского – Петраковский, Покровский, Прянишниково, Жуково, Ярморкин [6: 1-й, 2-й, 3-й] [1, с.80], Ново-Ничаево, Полуказ ... 888 кл, Сторожевой пост в Султан-Янги-Юртовском сельсовете Махач-Калинского районов [1, с.66]. Далее, выделяются следующие номерные ойконимы: 1) Железнодорожная будка: 18 вер. в Канчугайском сельсовете Буйнакского, Араблинская № 1005, 1007, 1015, 107 вер. в Дербентском районе [4, с.21, 31]; 2) Будка: 8, 18, 27 в Кафыр-Кумухском сельсовете Буйнакского, 202, 211 в Белиджинском сельсовете Дербентского районов [4, с. 21, 31]; 3) Рыбные промыслы: Перво-Майск(ие), №№ 1, 2, 3, 4, 5 в Деличубанском сельсовете, №№ 1, 2, 3, 4 в Кая-Кентском сельсовете, Араблинская в Дербентском районе [4, с.31,35]; 5) Казарма: 894, 899 кл в Махач-Калинском районе [4, с.66].

Широко распространены в нерусских районах Дагестана нерусские гибридные русскоязычные ойконимы, адаптированные, как результат межэтнических контактов. К таким относятся следующие типы гибридных ойконимом: 1) тюрк.+рус.: Атлы-Буюнская сторожевая будка [4, с.65], Казалиево, Коркмасовка [4, с.66] в Махач-Калинском, Хункерово, Кандауровка в Хасав-Юртовском районах [4, с.78-79]; 2) рус.+тюрк.: Сад Мардановой [4, с.78-79] в Дербентском, Паром-Аул [4, с.12] в Баба-Юртовском, Соленное озеро Турали [4, с.66] в Махач-Калинском районах; 3) лезг.+тюрк., адаптированный по-русски: Микрах, Казмаляры в Ахтынском, Кабир-Казмаляры, Яраг-Казмаляры в Касум-Кентском районах [4, с.9,4В 2]; 4) таб.+тюрк., адаптированные по-русски: Чулат-Казмаляры, Экентиль-Казмал. [4, с.74] в Табасаранском районе; 5) руск.+араб.: Сад Араблинского (бывш.) [4, с.39] в Дербентском районе. В ойконимии нерусских районов Дагестана отмечаются русские сокращения лексем верхний, нижний, большой, малый. Они в следующих формах: 1) Верхний: а) В.: Уллубиевка В. в Махач-Калинском районе [4, с.66]; б) Вер. Лапко-Махи Вер. в Левашинском районе [4, с.61]; г) Верхн.: Верхн. Казанище в Буйнакском [1, с.22], Верхн. Инхо в Гумбетовском районах [4, с.19]; д) Верх. – Хваршины, Верх. В Цумадинском районе [4, с.87]; е) Верхне – Верхне-Дженгутай в Буйнакском районе [4, с.22]; 2)

Нижний: а) Н.: Уллубиевка Н. в Махач-Калинском районе [4, с.66]; б) Ниж.: Хваршины Ниж. в Цумадинском районе [4, с.87]; в) Нижн.: Нижн. Чир-Юрт в Махач-Калинском; Нижн. Казанище в Буйнакском районах; 3) Большой – Б.: Гергин-Тала Б. в Буйнакском районе [4, с.20]; 4) Малый – М.: Гергин-Тала М. в Буйнакском районе [4, с.20]; 5) Километр [4, с.66] (подчеркнуты нами): а) К.-Ж.Д. Казарма 923 (км) в Махач-Калинском районе; б) клм – ж.д. будка 978 клм (км); б) Казмаляры [4, с.40-43, 74]: а) Каз. [4, с.41]: Газардикам – в Касум-Кентском районе; б) Казмал.-Целягюн-Казмал [4, с.43] – в Касум-Кентском районе, Экентиль-Казмал. в Табасаранском районе [4, с.74]; в) Казм. – Нижнее Ашага-Стал. Казм., в Касумкентском районе [4, с.40-41].

Изучение русизмов топонимии в одном Юго-Восточном Дагестане, по данным Х.Л. Ханмагомедова, в лезгинской, табасаранской, цахурской, агульской, даргинской, лакской, азербайджанской и кумыкской нерусских территориях из 1817 этих топонимов 38, 63 % в азербайджанской, 18,22 % в лезгинской, 16,67 % в даргинской и меньше всего в агульской – 0,83 %, рутульской и цахурской – 2,97 %, табасаранской – 3,4 % территориях [7, с.53]. Чем больше в языковых территориях русизмов в топонимии, тем высоко их относительное количество населения и ойконимия русского и русскоязычного происхождения.

Мы здесь коснулись в порядке постановки изучения лишь некоторые вопросы и штрихи в данном нами теме, чтобы привлечь молодые силы и в целом исследователей. Для этого есть достаточные кадры в вузах и научно-исследовательских учреждениях Дагестана.

### Список литературы:

1. Гаджиев В.Г. Исторические связи Дагестана с Россией // Учен. записки Ин-та истории, яз. и лит-ры Даг. фил. АН СССР, - Т.13. – Серия Историческая. Махачкала: Изд. Ин-та истории, яз. и лит-ры Даг. фил. АН СССР, 1964. – С. 135-154.

2. Ибрагимов М.-Р.А. Основные этапы формирования русского населения в Дагестане // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. – Махачкала: Изд. Ин-та истории, 1999 археологии и этнографии Даг. науч. центра РАН, - С. 65-68.

3. Магомедов Г.И. Роль национально-регионального фактора в системе образования Республики Дагестан // Наука Дагестана сегодня: уровни и масштабы поиска: материалы республиканской научной конференции 16 мая 1996 г. – Махачкала: Изд. Даг. науч. центра РАН, 1998. – С. 229-240.

4. Районированный Дагестан: административно-хозяйственное деление ДССР по новому районированию 1929 г. – Махачкала: Изд. Орготдела ДССР, 1930. – 114 с.

5. Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – В 11 томах. – Том 4. – Кн. 1. – М.: ИКЦ «Статистика России» Федеральной службы государственной статистики России, 2012. – С. 76-77.

6. Национальный состав населения Республики Дагестан: по данным Всероссийской переписи населения по состоянию на 9 октября 2002 г. / Из текущего архива отдела переписи населения и демографической статистики.

7. Ханмагомедов Х.Л. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 244 с.

8. Ханмагомедов Х.Л. Русский топонимический ландшафт Дагестана: историография, пути дальнейшего развития // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 9. – Краснодар: Эдви, 2016. – С. 37-48.

9. Ханмагомедов Х.Л., Шилханова А.А., Гебекова А.Н. Возникновение поселений, миграция и численность русского населения в Дагестане // Межнациональные отношения на Северном Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы науч.-практ. конф. 16 сент. 2007 г. – Изд. филиала Даг. гос. пед. ун-та в г. Дербенте, – 2007. – С. 98-101.

## **ОРГАНИЗАТОР СЕКТОРА ЗООЛОГИИ БАШКИРСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР**

**Гиниатуллина Л.М., Мухаметов А.М.**

*Россия, г. Уфа*

*Уфимский научный центр Российской Академии наук*

*E-mail: arhiv\_ru@anrb.ru*

**Аннотация.** В данной статье рассказывается о жизни и научной деятельности одного из организаторов сектора зоологии Башкирского филиала Академии наук СССР. Авторы подробно описывают важную научную деятельность ученого-биолога, орнитолога, кандидата биологических наук С.И. Снигиревского, который принес неоценимую пользу науке и хозяйственной жизни страны. Отмечают его большую роль в становлении Института биологии филиала и научные достижения связанные, в том числе, с изучением вредных насекомых, их негативного влияния на леса.

**Ключевые слова:** экология, ученый-биолог, наука, Академия наук СССР, Башкирский филиал АН СССР, вклад.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации 2017 год объявлен годом экологии и особо охраняемых природных территорий, поэтому в этом году деятельность научного архива Уфимского научного центра Российской академии наук (далее – УНЦ РАН) сосредоточена на реализации данного Указа. В течение отчетного года сотрудники архива старались опубликовать статьи о крупных представителях науки в области биологии, зоологии, экологии, ботаники, чья жизнь и научная деятельность была связана с научными учреждениями Башкирского филиала Академии наук СССР (далее – БФАН СССР).

До настоящего времени биографическая информация Научного архива УНЦ РАН об ученом-биологе Снигиревском С.И. в составе материалов научно-практических конференций не опубликовалась. Благодаря, сохранившимся документам в личном фонде ученого удалось выявить и выяснить одного из организаторов сектора зоологии БФАН СССР. Предлагаемый исторический источник вводится в научный оборот впервые.

Кандидат биологических наук, орнитолог-географ Снигиревский Сергей Иванович родился 10 января 1896 г. в г. Туле. Отец Сергея Ивановича - Иван Алексеевич Снигиревский был военным служащим (поручиком) и, как государственный служащий, с получением первого чина, считался личным дворянином. Мать – Софья Алексеевна Сергеева, занималась литературной работой. В 1905-1915 гг. Снигиревский С.И. учился в Тульской гимназии. С 1911 г. начал заниматься птицами и насекомыми на Тульской энтомологической станции и с 1912 г. начал печатать небольшие орнитологические статьи в журналах. По окончании Тульской гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1916-1917 гг. призван на военную службу и помещен в 3-ю Московскую школу прапорщиков, по окончании которой в 1917 г. назначен в 59-й запасной полк в г. Воронеже в звании прапорщика и помощника начальника команды противогазовой защиты и затем отправлен на фронт, где был лектором в «Народном университете». В начале 1918 г. демобилизован из штаба западного фронта в г. Бердичеве. Начал служить на гражданской службе, являлся преподавателем природоведения на вечерних курсах при Бердичевском коммерческом училище. В г. Бердичеве организовал общество любителей природы и был сначала секретарем, а затем председателем этого общества. В 1919-1920 гг. служил в Красной Армии. С июня 1919 г. в железно-дорожных войсках, затем в 1-й Конной армии, где являлся сначала начальником экспедиции, а затем лектором политотдела 14 Кавалерийской дивизии. В конце 1920 г. направлен Политотделом Южного фронта (Харьков) в распоряжение Наркомзема Украины и назначен научным сотрудником в заповедник «Аскания-Нова». В 1921-1923 гг. служил в заповеднике «Аскания-Нова» в качестве зоолога и заведующим Научной частью. В то же время являлся специалистом секции охраны природы сельского хозяйственного ученого комитета Украины; научным сотрудником физико-математического отдела АН УССР; секретарем инспекториата по охране природы Южной Украины.

Снигиревский С.И. работал по изучению орнитофауны причерноморских степей, а также организовал приморские орнитологические заповедники. В 1923 г. переехал на постоянное жительство в г. Ленинград и поступил на биологический факультет Ленинградского университета. В 1924 г. работал лектором и руководителем экскурсий в Ленинградском Политпросвете, выполнял договорную работу по определению зоологических коллекций Ленинградского университета и сотрудничал в ленинградских научно-популярных журналах «Человек и природа» и «Вестник знания». Работая научным сотрудником Ленинградского зоологического сада, занимался орнитологическими наблюдениями в Новгородской губернии и продолжал

быть экстерном Ленинградского университета. В 1925 г. продолжал служить в зоосаде. Работал лектором на вечерних курсах при Домпросвете им. Самойловой и преподавателем в школе фабзавуча «Скорород». Участвовал в экспедиции Географического общества в пустыню Кара-Кум в качестве зоолога. Затем занимался обработкой материалов экспедиции в Зоологическом институте Академии наук СССР.

В 1926 г. состоялась орнитологическая поездка на Южный Урал от Зоологического института Академии наук СССР. С 1926 г. по 1928 г. работал в Государственном Ильменском заповеднике имени В.И. Ленина в качестве зоолога, затем заведующим научной частью. В 1926-1930 гг. в г. Златоусте выходят его исследовательские работы: «Фаунистический обзор Южного Урала» (1928), «Орнитогеографический очерк Ильменского государственного заповедника» (1929), печатается в журнале «Уральское краеведение», «Государственный минералогический заповедник» (1928).

В 1928-1932 гг. в нашем регионе действовала Башкирская комплексная экспедиция Академии наук СССР, которая изучала хозяйственную и культурную жизнь республики и перспективы развития производительных сил края. Руководство осуществляла комиссия в составе ученых С.И. Руденко, затем А.Х. Завадовского и Ю.К. Крауберга, созданная при особом комитете Академии наук СССР по изучению союзных и автономных республик. Башкирская комплексная экспедиция состояла из 17 специализированных отрядов, участие принимали более 100 ученых, в том числе зоолог С.И. Снигиревский. Он был назначен начальником зоологического отряда Башкирской комплексной экспедиции АН СССР.

Ученые ботаники данной экспедиции разработали классификацию основных растительных ассоциаций Южного Урала и ботанико-географическое районирование территории республики, описали ряд неизвестных ранее видов растений, собрали гербарий из 2200 экземпляров, составили карты размещения растительных ресурсов, проводили геоботаническое обследование угодий сельскохозяйственных на площади около 1 млн. га.

В 1928 г. Снигиревский С.И. принимает участие на III Всероссийском съезде зоологов, где выступает с сообщением «К истории орнитофауны Южного Зауралья». В эти годы состоялась орнитологическая поездка на озера северного Казахстана по поручению Зоологического института АН СССР. Являлся членом-учредителем Башкирского Союза охотников. В 1929 г. продолжая работу в Ильменском заповеднике в составе Башкирской экспедиции, совершил вторую поездку на озера северного Казахстана и был премирован Башкирской экспедицией за представленный научный отчет. В 1930-1931 гг. продолжает работу на Южном Урале в Ильменском заповеднике. В 1932 г. после окончания полевых работ Башкирской экспедиции и ее ликвидации, назначен в Казахстанский филиал АН СССР заведующим зоологическим сектором, который был организован самим Снигиревским С.И. В 1933-1934 гг. работая в Казахстанском филиале АН СССР принимал участие в 2-х экспедициях филиала – в Джунгарский и Занлийский Алатау, за добросовестную работу также получил премию от Казахстанского филиала АН СССР. В 1935 г. продолжает службу в Ленинградском зоологиче-

ском саду заведующим отделом птиц, в 1936 г. принимал участие в экспедиции Отдела землеустройства Крайнего севера Наркомзема РСФСР в Охотско-Аянский край, в качестве зоолога-охотоведа. Работа продолжалась с 10 марта 1935 г. по 9 мая 1937 г. с зимовкой на Охотском море. В 1937 г. Снигиревский С.И. трудовую деятельность продолжает в Ленинградском отделении Военно-Охотничьего общества по обследованию фауны охотничьих хозяйств и по договору в Зоологическом институте АН СССР, а в 1938 г. работает старшим научным сотрудником, затем зав. зоологическим сектором Дальневосточного филиала АН СССР.

В 1939 г. в связи с ликвидацией Дальневосточного филиала АН СССР направляется на службу в Башкирский государственный заповедник, имея ввиду продолжение орнитологической работы на Южном Урале, которая была прервана в 1932 г. ликвидацией Башкирской экспедиции АН СССР и Президиумом АН СССР по согласованию с Высшей аттестационной комиссией утверждается в ученом звании старшего научного сотрудника, где трудится до мая 1941 г. В 1941-1945 гг. научную деятельность продолжает в Жигулевском государственном заповеднике в должности зав. научной частью и старшего научного сотрудника по орнитологии, энтомологии и географии. В октябре 1945 г. возвращается в г. Ленинград и продолжает службу в Зоологическом институте Академии наук в качестве экскурсовода по Зоологическому музею. В 1946-1950 гг. работает старшим научным сотрудником отдела биологии Агробиологического научно-исследовательского института, также в качестве доцента по совместительству и по часовой оплате в высших учебных заведениях – в Университете и в Педагогическом институте им. Герцена, читает курсы зоологии, дарвинизма, биогеографии полярных стран, а также руководит практическими занятиями по методике полевых исследований определения птиц в природе.

В 1947 г. защищает кандидатскую диссертацию в Зоологическом институте Академии наук СССР на тему «Тетеревиные птицы СССР». В марте 1950 г. переведен на службу в Институт физиологии им. И.П. Павлова Академии наук СССР на должность старшего научного сотрудника.

В 1950 г. происходит объединение следующих 3-х академических институтов: Института физиологии им. И.П. Павлова Академии наук СССР; Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова Академии медицинских наук СССР; Института центральной нервной системы Академии медицинских наук СССР. Снигиревский С.И. до марта 1952 г. трудовую деятельность продолжает в объединенном Институте физиологии им. И.П. Павлова в должности старшего научного сотрудника и руководит орнитологической лабораторией. В марте 1952 г. молодой ученый биолог зачисляется на должность младшего научного сотрудника только что организованного сектора зоологии Башкирского филиала АН СССР. В апреле того же года по ходатайству филиала он утверждается на должность старшего научного сотрудника данного сектора, в феврале 1953 г. постановлением Академии наук СССР утверждается заведующим сектора зоологии.



В целях дальнейшего развития сельского и лесного хозяйства в Башкирской АССР Снигиревский Сергей Иванович, являясь заведующим, одним из организаторов сектора зоологии филиала, проделал огромную работу над изучением условий развития массовых размножений вредных насекомых и по разработке мер борьбы с ними.

По документам Научного архива УНЦ РАН видно, что ученый биолог неоднократно обращался с письмами – обращениями в адрес руководства БФАН СССР, Председателя Верховного Совета Башкирской АССР, Председателя Совета Министров БАССР, Секретарю Башкирского областного комитета КПСС об увеличении кадрового состава и задачах сектора зоологии филиала, о необходимости организации и проведения энтомологической работы по исследованию вредных насекомых, из-за которых наносится большой ущерб лесным насаждениям и о потере значительного количества сельскохозяйственной продукции.

Снигиревский С.И., работая в научном учреждении, принимал активное участие в многочисленных съездах и конференциях по охране природы и зоологии, также в общественно-политической, социально-экономической жизни республики и страны.

В архивных фондах отложились приглашения в адрес фондообразователя на Программно-методическое совещание по геологии, разведке, добыче и химической переработке нефти и газа (19-30 мая 1952 г.), Республиканское совещание специалистов сельского хозяйства БАССР (27 января 1953 г.) и удостоверение представителя на Окружное предвыборное совещание Ждановского избирательного округа №3 по выборам в Уфимский Областной Совет депутатов трудящихся от коллектива Башкирского филиала Академии наук СССР (20 января 1953 г.) [1].

Среди исторически ценных документов ученого имеются документы о комплексной экспедиции Агробиологического института БФ АН СССР, проведенной в 1952 г., где секретарем экспедиции был назначен Снигиревский С.И. В соответствии с данным распоряжением начальника экспедиции-профессора С.Н. Тайчинова на секретаря возлагались все работы, связанные с делопроизводством экспедиции, включая сбор и предварительный просмотр программно-методических документов, индивидуальных рабочих планов участников экспедиции, учет отчетности и др. Для данной экспедиции из склада филиала ему выданы под личную ответственность двухствольное ружье, дорожный микроскоп, фотоаппарат «Киев», различные коробки для сбора насекомых [2].

Его научные труды опубликовывались в научных и популярных журналах «Человек и природа», «Вестник знаний» и др. В целом, ученый биолог написал о заповедниках, об охране природы, о кольцевании птиц, о перелетах, о сельскохозяйственном значении птиц, об охотничье-промысловых животных. Во многих статьях имеется новый фактический материал, собранный автором во время экспедиции. Отдельной брошюрой опубликован научный труд, подготовленный совместно с М.М. Соловьевым в очерке «Ленинградский зоологический сад». В личном фонде сохранился список опубликованных научных трудов Снигиревского С.И.

Снигиревский Сергей Иванович в БФАН СССР работал до середины 50-х гг. и умер 24 ноября 1955 года на 59-м году жизни. Похоронен в г. Ленинграде [3].

Научные отчеты, материалы поисковых, комплексных лесознтологических экспедиций, хранящиеся в фонде личного происхождения С.И. Снигиревского рассказывают о важной научной деятельности ученого-биолога, орнитолога, кандидата биологических наук. По архивным документам необходимо сделать вывод, что ученый за годы своей научной деятельности проделал огромную работу в области экологии, зоологии, биологии, сельского и лесного хозяйства, принося неопределимую пользу науке и хозяйственной жизни страны [4].

#### Список литературы:

1. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук. Ф. 60. Оп. 1. Д. 9. 59-61.
2. Там же. ЛЛ. 43-46;
3. Там же. ЛЛ. 87-90.
4. Гиниатуллина Л.М. В науке он оставил след. //Экологический журнал «Табигат» Министерства природопользования и экологии Республики Башкортостан, Уфа, 2016- № 2. -С. 31.

## РУССКИЙ МИР В ДИСКУРСЕ БЕЛОРУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

**Гронский А.Д.**

*Россия, Москва*

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук*

**Аннотация.** Исследуется отношение белорусских националистов к Русскому Миру и поиск угроз с его стороны. Для сравнения приводится отношение к Русскому Миру простых белорусов.

**Ключевые слова:** Русский Мир, Белоруссия, белорусская оппозиция, белорусский национализм

В политическом лексиконе постсоветского пространства в самом начале XXI в. возник термин «Русский Мир». И хотя появление термина относится к IX в., но его актуальность стала заметна лишь после использования термина президентом России В.В. Путиным. Термин до настоящего времени не имеет единого наполнения. Однако в целом можно сказать, что практически в любых трактовках Русского Мира присутствует упоминание о духовно-культурной составляющей как основном элементе для понимания явления. Другой вопрос в том, что это духовно-культурное наполнение определяется как позитив или как негатив в зависимости от идеологических

взглядов трактующих понятие Русского Мира. Русский Мир обсуждается не только в России, но и за её пределами.

Самым близким союзником России в мире считается Белоруссия. Она вместе с Россией состоит не только в СНГ, ОДКБ или ЕАЭС, но и в сугубо российско-белорусском интеграционном проекте – Союзном государстве. Тем не менее, белорусские власти достаточно дистанцируются от проявления союзнических отношений. Белорусские власти не признали Абхазию и Южную Осетию [1], пытались запретить использование георгиевской ленточки [2], задержали журналистов, обращавших внимание на эти проблемы, обвиняя их в разжигании межнациональной розни [3, 4], белорусские депутаты проголосовали за антироссийскую резолюцию Парламентской ассамблеи Совета Европы [5], постоянно подчёркивают равноудалённость Минска как от стран Запада, так и от ближайшего союзника – России [6] и т.д. Это при всём том, что подавляющее большинство белорусов уверены, что русские, украинцы и белорусы являются одним народом [7], а родным для 92 % населения выступает не белорусский, а русский язык [8]. Также большинство белорусов выступают за интеграцию с Россией, а не с Европой. Т.е. в массовом белорусском сознании явно наблюдается культурно-духовная солидарность с россиянами, чего не скажешь о белорусских властях, которые постоянно лавируют между союзническими отношениями с Россией и возможностью солидаризироваться с западными странами. Отношение к Русскому Миру у белорусских властей двойное. Даже белорусский президент А.Г. Лукашенко может в одном выступлении как утверждать, так и отрицать его реальность для Белоруссии.

Однако самым последовательным критиком Русского Мира в Белоруссии является белорусская оппозиция и силы, разделяющие её взгляды. После 2014 г. риторика белорусской оппозиции в отношении Русского Мира практически не отличается от украинской. Русский Мир рассматривается как проект, несущий опасность для существования белорусского суверенитета и вообще для белорусов в целом. Причём, поскольку чёткого понимания, что такое Русский Мир, нет ни у кого, к его проявлениям может относиться всё, что не нравится белорусским националистам в силу их идеологических предпочтений. Например, установка в Витебске памятника древнерусскому князю Александру Невскому была оценена как «акт агрессии “русского мира” в отношении Беларуси» [9]. Чем помешал древнерусский князь белорусским националистам, непонятно. Тем более, что супруга Александра Невского происходила из витебской ветви полоцких князей. Т.е. Александр Невский имел какое-то отношение к Витебску. Может быть, белорусским националистам не понравилось, то, что князь Александр сначала разбил сначала датских рыцарей, а потом ещё и крестоносцев, и таким образом не дал укрепиться на Руси «европейскому» влиянию. Ведь и датчане и крестоносцы представляли собой Европу, на которую не критически ориентируется белорусская оппозиция. Ещё один страх перед памятником русскому князю белорусский националист объясняет тем, что россияне якобы мотивировали события Крымской весны 2014 г. посещением в прошлом Крыма русским князем. «Это то, что было в начале захвата Крыма, когда

они придумывали сказки, что здесь был какой-то русский князь», – писал белорусский активист. Но, если говорить о реальных исторических событиях, то «какой-то русский князь» действительно был в Крыму – Владимир Святославович (будущий креститель Руси) штурмовал Корсунь. Это реальный факт, а не «придумывание сказок» о русском князе в Крыму. Так что белорусский национализм в данном случае оперирует незнанием исторических фактов.

Борьбу с Русским Миром белорусские националисты видят в сложившейся практике придания государственного статуса основным праздникам православной и католической конфессий. В Белоруссии подавляющее большинство населения считают себя православными. Следующая по массовости конфессиональная группа – католики. По разным оценкам количество православных превышает количество католиков в 7 – 8 раз. Точнее сказать нельзя, т.к. различные исследовательские центры используют разные методики подсчёта [10]. Тем не менее, в Белоруссии государственными праздниками являются оба Рождества и обе Пасхи. Именно в этом двойном отмечании белорусские оппозиционеры видят борьбу с Русским Миром. Подобное дублирование представляет собой якобы дополнительную защиту «от воронки агрессивного проекта „Русский мир“, в которую затянуло часть Украины», а также обозначает для Белоруссии западный цивилизационный вектор. Помимо того, по мнению оппозиционного эксперта, Белорусский экзархат Русской Православной Церкви должен «получить больше зависимости от Лукашенко и меньше зависимости от Путина» [11]. Таким образом, Православная Церковь рассматривается белорусской оппозицией как инструмент, который необходимо подчинить политическим властям по причине якобы опасности Русского Мира, исходящего от Церкви. В то же время никто из националистов не высказывает претензий к Католической Церкви, хотя бывший католический кардинал Белоруссии говорил: «Моя программа – распространения польскости на этой территории: нам следует как можно больше детей и молодёжи отправлять в Польшу на экскурсии, на учёбу, а из Польши сюда присылать ксендзов [ксендз – католический священник – А.Г.] и монахов, нам нужно организовывать кружки поляков, курсы польского языка ...» [12, с. 115]. Большинство белорусских националистов ориентировано на Европу и против России, поэтому одни и те же действия России и любой из стран Запада, направленные на Белоруссию, рассматриваются белорусскими националистами по-разному.

Русский Мир видится белорусским оппозиционерам как угроза и в интернете. В частности, русскоязычный сегмент интернета определяется как «существенный инструмент в восстановлении российско-советской империи» [13], а более конкретно, акценты, расставляемые в новостях, и даже собственно русский язык сайтов. Интересно то, что практически все белорусские националистические сайты имеют русскоязычную версию, поскольку именно русский язык является родным для подавляющего большинства белорусов. Таким образом, используя русский язык, белорусские националисты уже по этому факту должны представлять угрозу для самих себя. Но отказаться от русскоязычных версий националистических сайтов

вряд ли возможно. В противном случае националисты потеряют часть читателей. Также угроза видится и в использовании некоторых почтовых серверов: «Русский Мир приходит [...] к белорусам в том числе через пользование электронной почты с доменом ru».

Проявления Русского Мира видятся националистам во всём, например, в том, что в одном из магазинов г. Гомеля продаются российские школьные дневники. Несмотря на то, что они не раскупаются, т.к. в Белоруссии существует национальные стандартные дневники (остальными пользоваться не разрешено) националисты возмущены уже самим фактом появления этих дневников. Мнения же жителей Гомеля по поводу того, нужны ли российские дневники, разделились. Также националисты постоянно возмущаются наличием в продаже глобусов польского производства, на которых Крым является российским. Дневники и глобусы, видимо, представляют для оппозиции какую-то угрозу, потому что статья, в которой описаны эти проявления Русского Мира, заканчивается небольшим разделом под названием «Как бороться с проявлениями “русского мира” в Беларуси?». После чего следует совет «бороться комплексно – писать жалобы в книгу замечаний и предложений, сообщать о таких случаях в медиа и даже устраивать общественные кампании» [14].

Для простого белоруса термин «Русский Мир» чаще всего окажется неизвестным. Кстати, эта ситуация наблюдается и среди россиян. Т.е. люди, для которых ценность русской культуры и языка, а также думание на русском языке являются совершенно естественным состоянием, просто не считают необходимым описывать эту естественность каким-то особым термином [15, с. 154]. Для простых белорусов восприятие Пушкина или Лермонтова как своих поэтов, а также говорение и думание на русском (иногда только на русском) языке – в порядке вещей. Т.е., если воспринимать Русский Мир как ценность русского языка, позитивное отношение к русской культуре, восприятие Православия как основной конфессии и интерес к России, то белорусы живут в Русском Мире. По опросам независимых социологов из Варшавы на рубеже 2016–2017 гг. практически 65 % белорусов были уверены, что лучше быть в союзе с Россией, чем в Европой. Сам руководитель опроса объясняет это положение тем, что в белорусском информационном поле доминируют российские СМИ, Белоруссия экономически зависит от России, в Европе проблемы с беженцами и с единством Евросоюза, и ещё Европа не показывает белорусам, что ждёт их [16]. Однако тяготение белорусов к России наблюдалось и до начала европейских проблем. Да и доминирование российских СМИ может говорить не о количестве российских информагентств или телеканалов, а о том, что белорусы сознательно среди всех СМИ предпочитают российские по причинам того, что подача материала в российских СМИ наиболее подходит для традиционного белорусского мировоззрения, разделяющего те же ценности, которые бытуют и у россиян. Это можно проиллюстрировать на украинском материале. В 2015 г. оказалось, что «степень воздействия российской пропаганды [...] в Харькове в разы выше, чем во Львове». Российские каналы на Украине были отключены, но их можно было смотреть через интернет.

Культурные, духовные или цивилизационные предпочтения разных регионов Украины стимулировали получение информации из различных источников [17]. Белорусское общество и белорусские националисты также предпочитают получать информацию из различных СМИ.

Таким образом, белорусский национализм относится к Русскому Миру однозначно негативно. Причём, националистов пугает абсолютно всё – памятники древнерусским князьям, глобусы с российским Крымом, даже электронная почта, зарегистрированная в домене ru. Этот набор фобий абсолютно не распространяется на простых белорусов, которые разделяют с россиянами общие представления о культурно-духовном единстве и общей исторической памяти.

### Список литературы:

1. Полозов А. Признает ли Минск Южную Осетию и Абхазию? // Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. URL: [http://www.stoletie.ru/slavyanskoe\\_pole/priznajot\\_li\\_minsk\\_juzhnuju\\_oseciju\\_i\\_abkhaziju\\_808.htm](http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/priznajot_li_minsk_juzhnuju_oseciju_i_abkhaziju_808.htm) (дата обращения: 2.11.2017).

2. Гронский А.Д. Формирование новых символов Победы в Белоруссии // Общество и этнополитика: материалы Междунар. научн.-практ. конф., г. Новосибирск, 24 – 26 сентября 2015 г. Под науч. ред. Л.В. Савинова. В 3 ч. Ч. 3. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – С. 34 – 42.

3. «Дело публицистов»: нравственная коллизия и совесть белорусских «экспертов» // Информационное агентство EADaily URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/25/delo-publicistov-nravstvennaya-kolliziya-i-sovest-belorusskih-ekspertov> (дата обращения: 3.11.2017).

4. Белорусское следствие игнорирует аргументы защиты пророссийских публицистов. // Информационное агентство EADaily URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/15/belorusskoe-sledstvie-ignoriruet-argumenty-zashchity-prorossiyskih-publicistov> (дата обращения: 3.11.2017).

5. Беларусь отказала России в поддержке резолюции по Украине на сессии ПА ОБСЕ // Ежедневник.by. URL: <https://ej.by/news/politics/2017/20907/06/belarus-otkazala-rossii-v-podderzhke-po-rezolyutsii-ukrainy-nasessii.html> (дата обращения: 1.09.2017).

6. Макей: мы не хотим зависеть ни от Брюсселя, ни от Москвы // Sputnik. Беларусь. URL: <https://sputnik.by/politics/20171024/1031540092/makey-belarus-ne-hochet-zaviset-ot-moskvu-do-brusselya.html> (дата обращения: 9.11.2017).

7. Важнейшие результаты национального опроса в марте 2015 г. // НИСЭПИ. URL: <http://www.iiseps.org/?p=2680> (дата обращения: 17.06.2016).

8. Gradirovski S., Esipova N. Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States // American Institute of Public Opinion. URL: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-language-enjoying-boost-postsoviet-states.aspx> (дата обращения: 21.06.2016).

9. Дорофейчук И. «Русский мир» в Витебске: страсти вокруг памятника Александру Невскому // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/news/russkij-mir->

v-vitebske-strasti-vokrug-pamyatnika-aleksandru-nevskomu/ (дата обращения 28.05.2017).

10. Православная церковь в Беларуси: между государством и обществом // Mymedia.org.ua. URL: [http://mymedia.org.ua/articles/belarus\\_v\\_fokuse/pravoslavnaya\\_cerkov\\_v\\_belarusi\\_mezhdu\\_gosudarstvom\\_i\\_obschestvom.html](http://mymedia.org.ua/articles/belarus_v_fokuse/pravoslavnaya_cerkov_v_belarusi_mezhdu_gosudarstvom_i_obschestvom.html)

11. Лукашенко, «Русский мир» и Белорусская Православная Церковь // Вне строк. Информационно-аналитические публикации. URL: <http://vstroках.net/mezhdunarodnaya-panorama/lukashenko-russkiy-mir/> (дата обращения 28.05.2017).

12. Чарота И.А. О сути трансформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского Мира. Материалы круглого стола (Минск, 19 Декабря 2014 г.). – Минск: Ковчег, 2014. – С. 103 – 122.

13. Алексей Криволап: «Русский мир» пользуется электронной почтой на yandex.ru и mail.ru // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/programs/aleksej-krivolap-russkij-mir-polzuetsya-elektronnoj-pochtoj-na-yandex-ru-i-mail-ru/> (дата обращения 28.05.2017).

14. Бабин В. «Русский мир» запрещают в белорусских школах // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/in-focus/russkij-mir-zapreshhayut-v-belorusskih-shkolah/> (Дата обращения 30.05.2017).

15. Гронский Русский мир в поисках содержания // Россия в глобальной политике. 2017. Сентябрь. Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. – С. 149 – 164.

16. Вардомаций: 65% белорусов – за союз с Россией // Белорусский партизан. URL: <http://www.belaruspartisan.org/enjoy/370947/> (дата обращения 28.05.2017).

17. Юрий Дракохруст. Формула народной геополитики: за Россию и независимость // TUT.BY URL: <https://news.tut.by/economics/544223.html> (дата обращения 28.05.2017).

## **НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ РУССКОГО МИРА КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**Даренский В.Ю.**

*Луганская Народная Республика, г. Луганск  
Луганский национальный аграрный университет  
E-mail: [darenskiy1972@mail.ru](mailto:darenskiy1972@mail.ru)*

**Аннотация.** В статье дается определение понятия «Русский мир», показана его актуальность для формирования идентичности и духовной безопасности современного многонационального российского социума. Раскрывается научное содержание и истоки происхождения термина. Русский мир исследуется в статье как локальная цивилизация, имеющая объективные исторические причины своего формирования. Выделены основные ас-

пекты научной концепции Русского мира, требующие дальнейшего развития в рамках различных научных дисциплин.

**Ключевые слова:** Русский мир, цивилизация, нравственные основы российской государственности.

«Русский мир» (РМ) – понятие, принятое для обозначения объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населяемых ими территорий, в течении длительного времени находящихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Это понятие к настоящему времени стало широко употребляемым и приобрело новые значения, в первую очередь, идеологические. Поэтому его изначальный исторический и научный смысл фактически отошел на второй план, а многим и до сих пор остается неизвестен. Этот смысл требует дальнейшей концептуализации и популяризации, поскольку в настоящее время становится «ядром» идентичности многонационального российского общества и его цивилизационного самосознания. В настоящее время стала очевидной особая актуальность этого понятия для формирования идентичности и духовной безопасности современного многонационального российского социума. Благодаря научной разработке этого понятия и внедрению его в массовое сознание у граждан России может быть достигнуто более четкое понимание цивилизационных особенностей своей страны и ее особого места в современном мире. Поэтому понятие «Русский мир» должно вводиться уже на уровне школьных учебников по целому ряду базовых гуманитарных дисциплин (история, русская литература и др.). Выделим ряд ключевых концептуальных определений этого понятия, на которые в первую очередь следует опираться при его использовании.

Возникновение РМ в качестве локальной цивилизационной общности было обусловлено объективной необходимостью самоорганизации обширных полиэтнических пространств восточной Европы и северо-восточной Азии перед лицом перманентной внешней агрессии с запада и юга. В основе формирования территории РМ лежал объективный процесс продолжения миграционного потока славян, начавшегося в первые века н.э. общим вектором на северо-восток и восток. Включение отдельных регионов в состав российской государственности и цивилизационное пространство РМ происходило в соответствии со следующими принципами. 1) Главный и основной – как следствие мощных миграционных потоков славянского земледельческого населения на обширные пространства Евразии: Поволжья, Урала, Великой степи и Сибири. 2) Связанный с реализацией нравственно- религиозных основ русской государственности – включение территорий с православно-славянским населением, подвергавшемуся опасности геноцида и ассимиляции – земли Руси западнее Днепра, Грузия, Армения. 3) Связанный с необходимостью поддержания геополитического баланса в противовес экспансии других мировых держав – Прибалтика, Средняя Азия (временно – Финляндия и центральная Польша). К настоящему времени все три названные принципа почти утратили свою актуальность и на первый план выступает



принцип обеспечения самостоятельного развития и сохранения культурной самобытности РМ перед лицом геополитической экспансии Запада.

В отличие от колонизаторской политики европейских народов, почти полностью уничтоживших коренное население трех континентов (Северной и Южной Америк и Австралии), русская колонизация носила характер культурного симбиоза и реального породнения с другими этносами. Это признавали даже противники России, завидуя ее способности объединять народы в едином государстве, а не насильно завоевывать их в качестве колоний. Так, например, британский вице-король Индии лорд Дж. Керзон в начале XX века писал: «Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами... к чему англичане никогда не были способны» [цит. по: 5, с. 21]. А великий русский философ хорошо объяснял эту способность особенностями русско-го национального характера следующим образом: «Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увы! – чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других» [2, с. 32]. Ни один из вошедших в состав РМ этносов не только не исчез, но все они резко увеличились в численности и, как правило, увеличили территории своего проживания. Для сравнения: в Западной Европе более половины из существовавших в конце Средневековья этносов были либо ассимилированы, либо уничтожены государствообразующими нациями (в частности, западные славяне, проживавшие на большей части территории нынешней Германии). Наоборот, только благодаря вхождению в состав РМ целый ряд этносов – в частности, украинцы, эстонцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и др. – были спасены от геноцида и ассимиляции.

«Русский мир» как научное понятие было впервые введено в XIX веке известными киевскими историками М. Максимовичем (первым ректором Киевского университета) и В. Антоновичем. Год его рождения – 1864-й. В том году вышла статья М. Максимовича «Нечто о земле Киевской», в которой он писал о событиях 1654 года, т. е. о вхождении Южной Руси в состав Московского государства: «Таким образом вся земля Киево-Переяславская или Украина, на исходе восьмого века своей исторической жизни, возвратилась опять в общий состав русского мира, приумноженная еще Запорожьем, которое во время предтатарское было землей половецкой» [6, с. 46]. Об Украине, то есть о «земле Киево-Переяславской» (прочие земли тогда к Украине никто не относил) он там же писал: «Многострадальная, заслуженная в русском мире земля...» [6, с. 44]. В свою очередь, в 1882 г. Д. Антонович в работе «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие» писал, используя этот же термин: «Владимир Ольгердович уступил Киев не без борьбы; он отправился искать помощи в другом центре русского мира – у Василия Дмитриевича московского» [1, с. 544].

Важно также и то, что эта статья была опубликована в альманахе «Украинец» – то есть само понятие «русский мир» было предложено именно самими этническими «украинцами» того времени для обозначения своей принадлежности к русскому миру. (А сам термин «украинец» также был тогда придуман ими как *неологизм* – ранее его вообще не существовало: например, даже Т. Шевченко, умерший в 1861 году, никогда не называл себя «украинцем» просто по причине отсутствия такого слова в его языке). Тем самым, термины «русский мир» и «украинец», созданные киевскими историками одновременно, содержательно связаны между собой и вообще коррелятивны: то есть «украинцы» как таковые возможны именно в рамках русского мира как его органическая часть. Этот изначальный смысл терминов нужно помнить в наше время, когда эти термины некорректно противопоставляются как якобы «враждебные» и взаимоисключающие. (А многие современные русофобы даже до сих пор всерьез думают, что термин «Русский мир» придумал лично Патриарх Кирилл).

Понятие «Русский мир» было введено для обозначения исторического периода, наступившего после распада Древней Руси на удельные княжества, которые затем оказались в составе различных государств. Но поскольку объективное единство русских земель как языковой, культурной и религиозной общности сохранялось (часто даже несмотря на глубокое политическое разобщение и междоусобные войны), то для обозначения этой объективной общности и было необходимо введение научного понятия «Русский мир». Затем оно пришло в забвение, изредка появляясь только у некоторых авторов русской эмиграции XX века (например, у П. Савицкого в книге «Евразийство» [9, с. 37-43] или в таком определении Л. Эллисом (Кобылинским) фигуры Пушкина как «центра русского мира в России и в эмиграции» [7, с. 277]). Новую жизнь это понятие обрело после распада СССР, что совершенно естественно, поскольку после 1991 году возникла ситуация, вполне аналогичная периоду «феодальной раздробленности» позднего Средневековья. Поэтому известное определение русских как «самого большого разделенного народа в XXI веке» потребовало и соответствующего этому понятия, которое фиксирует реальную общность русского народа и русской цивилизации, существующую несмотря на политические разделения и новую «феодальную раздробленность». Эту функцию, естественно, и взяло на себя понятие «Русский мир», требующее научной разработки.

В частности, в России на новую концептуализацию этого понятия в свое время претендовала группа методологов и политтехнологов во главе с П. Щедровицким, который отмечал: «сегодня Россия устроена так, что в границах Российской Федерации и в той «России», которая не очерчивается этими пространственными рубежами, – одинаковое число людей, говорящих и думающих на русском языке» [10]. Насущность употребления и содержательной разработки понятия «русский мир» (далее – РМ) определяется двуединой необходимостью: а) четкой идентификации названной цивилизационной общности людей и б) противостояния различным формам «руссофобии» – идеологий, направленных на фальсификацию истории и со-

циокультурных особенностей «русского мира» с целью его уничтожения в качестве субъекта всемирно-исторического процесса.

Активная теоретическая концептуализация этого понятия происходила в 2000-е годы, в том числе и на Украине. «Знаковыми» в этом процессе стали издания в Киеве энциклопедического словаря «Русский мир Украины» (2008) и сборника трудов ведущих ученых-гуманитариев Украины с таким же названием [8]. В упомянутом словаре были помещены наши статьи по базовому определению этого понятия [См.: 3; 4]. Дальнейшая разработка этих определений РМ требует их спецификации по различным уровням культурно-исторической реальности, среди которых базовое значение имеют экономический, политический, геополитический, аксиологический (ценностный), культурологический и религиозный уровни.

На *экономическом* уровне понятие РМ определяется как регион мировой экономики, восстанавливающий внутреннюю технологическую, сырьевую и финансовую самодостаточность в рамках мирового разделения труда, позволяющую избежать экономического порабощения Западом. Единственной «альтернативой» Русскому миру в экономической сфере является полная экономическая деградация и превращение в сырьевой придаток Запада, что мы ярко наблюдаем на современной Украине и в Прибалтике, а также в самой Российской Федерации в 1990-е годы.

На *политическом* уровне понятие РМ определяется как регион мира с реальным политическим суверенитетом стран, способных защищать свои национальные интересы и свои цивилизационные ценности. Единственной альтернативой Русскому миру в политической сфере является установление марионеточных режимов, назначаемых из Вашингтона, и всегда имеющих русофобский и неонацистский характер. Для самой Российской Федерации установление прозападного режима под маской «либерализма», как это уже было в 1990-х годах, неизбежно приведет к ее дальнейшему распаду и уничтожению как государства.

На *геополитическом* уровне понятие Русский мир определяется как регион мира, способный поддерживать военный паритет со странами НАТО, в том числе и благодаря военному сотрудничеству с другими странами Азии (в первую очередь, Китаем и Индией) в рамках ШОС.

На *аксиологическом* уровне понятие Русский мир определяется как регион мира, основанный на возрождении и сохранении традиционных ценностей, препятствующих «антропологической катастрофе» Запада. Это последнее понятие, введенное М.К. Мамардашвили в 1984 году, фиксирует феномен разрушения человеческой личности в потребительском обществе, деградации человека до уровня эго-центрического «биосоциального автомата» с инфантильным сознанием (эгоцентризм, атеизм, содомия).

На *культурологическом* уровне это означает определение Русского мира как традиционной цивилизации, противостоящей «антропологической катастрофе». Пространство Русского мира состоит из множества локальных культурных традиций – и общей его доминантой является сохранение традиций как таковых и культивирования «традиционного человека» – то есть человека, способного к духовному развитию и возрождению.

На *религиозном* уровне это означает определение РМ как цивилизации, в которой именно религиозные традиции остаются содержательным ядром культуры и мировоззрения людей, глубоко проникающими во все сферы культуротворчества. Такой тип культуротворчества возродился и снова стал активно развиваться в современной многонациональной российской культуре, а вырожденческие проявления псевдокультуры «постмодерна» активно маргинализируются.

Тем самым, в настоящее время понятие «русский мир» приобрело статус историософской категории с многоуровневым содержанием. Ее смысл вышел за рамки обозначения одной из «локальных цивилизаций» и приобрел еще более глубокое *метафизическое* измерение. Оно состоит в том, что цивилизация Русского мира в современном мире сохраняет особый библейский статус «удерживающего» («катехона»), ныне противостоящего экспансии цивилизации Запада и той inferнальной модели «пост-человека», которую она пытается навязать всему остальному миру.

#### Список литературы:

1. Антонович В.Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. – К.: Либідь, 1995. 816 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: АСТ, 2006. 333 с.
3. Даренский В.Ю. Русский мир // Русский мир Украины: Энциклопедический словарь. – К.: Радуга, 2008. С. 124-130.
4. Даренский В.Ю. Русский мир Донбасса (историософский взгляд) // Русский мир Украины: Энциклопедический словарь. – К.: Радуга, 2008. С. 130-132.
5. Кожин В.В. Россия как культура и цивилизация // Кожин В.В. Победы и беды России. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С.
6. Максимович М.О. «Киевъ явился градомъ великимъ...»: Вибрані українознавчі твори. – К.: Либідь, 1994. 486 с.
7. Поляков Ф. Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934-1937 гг.) // Диаспора. Новые материалы. Вып. II. С.-Петербург-Paris, 2002, 269-290.
8. Русский мир Украины. Сб. статей. – К.: Радуга, 2006. 234 с.
9. Савицкий П. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. 464 с.
10. Щедровицкий П. Русский мир: восстановление контекста: [Электронный ресурс]. URL: [http://www.archipelag.ru/ru\\_mir/history/history01/shedrovitsky-russmir/](http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history01/shedrovitsky-russmir/) (дата обращения: 19.9.2017)

# ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Даянова Д.П.

Россия, г. Казань

Казанский государственный институт культуры

E-mail: kafedra.tzmf@yandex.ru

**Аннотация:** в данном исследовании рассматриваются вопросы межкультурной коммуникации и культурной адаптации представителей различных национальных общностей в условиях образовательного пространства.

**Ключевые слова:** культура, коммуникация, межкультурная коммуникация, культурная адаптация, обогащение культурного поля, межкультурный диалог.

Сегодня формулой прогресса становится цивилизация как однотипная, основанная на планетарной синергии, предпосылка свободного развития, многообразия и цветущей сложности культур. Современная ситуация позволяет передавать информацию посредством речи, языка и печатных звуковых, знаковых систем представителям различных национальных общностей, также непосредственно взаимодействовать друг с другом и общаться. В процессе общения происходит обмен, передача культуры расширяются межкультурные границы. Именно поэтому важное значение сегодня приобретают способности к пониманию и осознанию так называемой «чужой культуры» то есть различных точек зрения, взглядов и как следствие анализ оснований собственного поведения, признание и уважение «чужой» культурной самобытности, умение включать «чужие» истины в свою социальную позицию, в новой социальной среде, признавать правомерность существования многих истин, умение строить диалогические отношения, идти на разумный компромисс [1, с. 19]. Который, напрямую зависит от активности субъектов общения, их ценностных установок, нравственного климата и образа жизни народов. Значительно возросший интерес научного поиска к проблемам межнациональной коммуникации еще раз убеждают нас более подробно рассмотреть основные понятия: межкультурная коммуникация и культурная адаптация. Существует достаточно большое количество определений межкультурной коммуникации, например, в исследованиях Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», межкультурная коммуникация понимается как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [7, от 30.10.17 г.]. Понятие «межкультурной коммуникации» в работах Г. Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа», она понимается как идеальная цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру [6, от 30.10.17 г.]. Определение «межкультурной коммуникации», мы находим также в работах профессора А. П. Садохина, в которых говорится:

«Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам» [4, с. 98].

Т.Б. Фрик выдвинул следующее определение: «Межкультурная коммуникация – это общение людей, которые представляют разные культуры» [4, с. 100]. Следовательно, данное понятие является производным от понятий «культура» и «коммуникация».

Культура в данном исследовании рассматривается нами как общая, универсальная для общества система ценностных ориентации. Поскольку именно ценностные ориентации позволяют личности ранжировать объекты социальной действительности и мотивы поведения по их значимости для личности и выступают в качестве побуждающих стимулов для достижения поставленных целей, приобретая функцию регуляторов социального поведения. Воздействие их на общественную жизнь как компонента социального поведения, социальной жизнедеятельности призвано обеспечивать социальные институты, являющиеся организаторами и координаторами деятельности людей в каждой сфере. Культура в значительной мере способна оказывать влияние на восприятие, мышление, поведение всех членов сообщества и определять их принадлежность к данному обществу. Коммуникативные процессы, происходящие между членами сообщества, позволяют передавать информацию, сведения представителям разных культур, взаимодействовать и общаться между собой. Следовательно, изучение «чужих» иных культур, особенностей и закономерностей их функционирования и развития обогащает человека, трансформирует его отношение к миру и другим людям, может кардинально изменить его отношение к жизненным ситуациям.

Адаптации людей к другой «культурной среде» в последние десятилетия стала исключительно важной, поскольку причиной такого пристального внимания, отраженного в многочисленных научных, теоретических и прикладных исследованиях, являются глобальные изменения современного мира. Большое количество миграций и других типов перемещений (туризм, деловые поездки, международные обмены и т.п.) стали на сегодняшний день обычным явлением.

Интенсивная миграция студенчества обеспечила приток иностранных студентов Казанский государственный институт культуры (далее КазГИК) в котором стремительно развиваются международные и межнациональные контакты. Разнообразие национальных культур института очень велико, что еще раз доказывает теорему современного времени – в современном мире невозможно обойтись без межкультурного общения на самых разных уровнях. Жизнь в дали от родины оказывается нелегкой для всех категорий иностранных студентов, так они уезжают от друзей, родственников и сталкиваются с необходимостью понимать и принимать другую культуру, непривычные традиции, особенности поведения коммуникации, новым образом жизни. Попадание личности в другую среду неминуемо приводит к необходимости адаптации, поскольку невозможно жить в другой стране ориентируясь только на ценности собственной культуры.

Опираясь на теоретические знания по данному направлению деятельности института отмечают ряд проблем межкультурной коммуникации:

- неустойчивая социокультурная нормативная среда;
- недостаточное знание иностранного языка;
- низкий уровень межкультурной толерантности;
- недостаточная академическая мобильность;
- невысокий уровень заинтересованности в межкультурных коммуникациях;
- преобладание ранговых сравнений (типа лучше - хуже);
- нарушение норм коммуникативного этикета» [5, с. 76].

Чтобы минимизировать вышеперечисленные проблемы межкультурной коммуникации в студенческой среде, в институте готовят иностранных студентов к конструктивному диалогу в новой поликультурной среде. Данная форма межсубъектного взаимодействия, способствует расширению и обогащению культурного поля развивающейся личности, позволяет принять партнера по межкультурному взаимодействию с иным мировоззрением, языком и культурой [3].

Поскольку, иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и потоков и т.д. Основной проблемой успешного вхождения иностранных студентов в учебный процесс является противоречие между уровнем готовности (коммуникативной компетенции) иностранных студентов к восприятию учебной информации и требованиями высшей школы.

Положительное влияние на адаптацию оказывает деловая и эмоциональная включенность студента в ученический коллектив, насыщенная общественная жизнь в студенческой среде, активное участие в общих институтских мероприятиях - таких, как подготовка совместных праздников, научных конференций, спортивных соревнований, музыкальных фестивалей.

Следовательно, основными показателями успешной адаптации является:

- установление позитивных связей с новой средой;
- решение ежедневных житейских проблем;
- участие в социальной и культурной жизни принимающего общества;
- удовлетворительное психическое состояние и физическое здоровье;
- адекватность в общении и межкультурных отношениях;
- целостность и интегрированность личности [3].

В КазГИК специалистами отдела по работе с иностранными студентами разработаны программы помощи, для более удачного прохождения процесса культурной адаптации:

- заключение договоров и визовая поддержка обучающихся;
- расселение и регистрация на время обучения иностранных студентов;
- обучение русскому языку;

•кросс-культурные тренинги или межкультурные тренинги для снятия трудностей взаимодействия и разрешения конфликтов между представителями разных культур;

•тренинг социокультурных умений, как модель культурного научения, позволяет иностранным студентам приобретать социальные и культурные умения в условиях новой среды;

•тренинги толерантности, позволяют развить чувство собственного достоинства и умения уважать достоинства других, развивать способности к самоанализу, самопознанию формировать позитивное отношение к своему и другим народам, выражению своих чувств и переживаний без конфликтов, развивают социальную восприимчивость, социальное воображение, доверия, эмпатии, сочувствия, развитие коммуникативных навыков, обучают межкультурному пониманию и толерантному поведению в межэтнических отношениях.

Следовательно, социально-культурная деятельность в работе с иностранными студентами в условиях КазГИК направлена на активизацию внутренних ресурсов студентов, что в значительной степени оптимизирует положительное взаимодействие внутри учебного коллектива, а изучение проблем межкультурной коммуникации и культурной адаптации иностранных студентов, несомненно, является одним из приоритетных действий на пути установления межкультурного диалога, в связи с происходящими процессами глобализации.

#### **Список литературы:**

1. Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции / Л.Н. Боронина, Ю.Р. Вишнеvский, Я.В. Дидковская и др. // Университетское управление: практика и анализ.–2001.–№4(19).

2. Антипова Л.А. Педагогические технологии успешной адаптации личности студента в процессе обучения в вузе // Казанский педагогический журнал. - 2008. - № 2. - С. 52-56.

3. Хасанова Л.И. «Формирование личности студента, как субъекта диалога культур в образовательной деятельности», автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, Ижевск, 2006 г.

4. Хохлова И. Н. Межкультурная коммуникация. Понятие, уровни, стратегии [Текст] // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 98-101.

5. Яценко Ю. С. "Воспитание толерантности студентов в процессе межкультурной профессиональной коммуникации" автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, Ростов-на-Дону, 2007.

6. <https://studfiles.net/preview/5267442/> от 30.10.17 г.

7. <http://www.twirpx.com/file/761727/> от 30.10.17 г.



# ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК МЕТОД ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ ИНФОРМАЦИОННОГО МИРА

Денисова А.Б.

Россия, г. Москва

Московский технический университет связи и информатики

E-mail: [den-alla@yandex.ru](mailto:den-alla@yandex.ru)

**Аннотация.** Система образования призвана готовить специалистов, нацеленных на удовлетворение потребностей своего государства. Поэтому должна меняться не только структура, но прежде всего содержание как обучения, так и воспитания.

**Ключевые слова:** воспитание, информационная безопасность, гражданская позиция, внеучебная деятельность, информационная культура.

Глобальная информатизация общества давно уже заставляет задуматься об изменениях не только и не столько в структуре системы образования, а об изменении содержания процесса обучения и воспитания, организации воспитательного процесса не только в учебное, но и во внеучебное время. Невозможно не учитывать время, которое студент проводит вне учебного заведения под мощным, постоянно воздействующим информационным влиянием. Принципы системности, культуросообразности, нравственности, гражданственности и т.п., которым подчинена информация, получаемая в учебном заведении, находятся в конфликте с клиповостью, хаотичностью, моральным релятивизмом, пропагандируемыми вне его. Аксиологическая шкала внешней по отношению к вузу среды, пропагандируемые в ней образцы и нормы поведения затрудняют получение положительного эффекта от реализации воспитательных программ учебных заведений.

Если на учебных занятиях в технических вузах информационные и телекоммуникационные технологии рассматриваются в основном с профессиональной (технической, технологической) стороны, зачастую оставляя за пределами учебного курса гуманитарные, этико-эстетические, социальные и проч. стороны проблемы, то во внеучебное время, когда студент свободен от нацеленности на решение профессиональных задач и начинает поглощать, часто не осознавая этого, информационную лавину, степень его информационной культуры, информационной безопасности, сформированности свойства «информационной устойчивости» становятся особо актуальными.

Поэтому проблемы воспитания тесно смыкаются с проблемами информационной безопасности, которые предполагают защиту информации (сохранение персональных данных, обеспечение конфиденциальности общения, недопустимость вторжения в частную жизнь, в среду управления предприятием и др.) и защиту от информации, поскольку имеющийся сегодня в пространстве Интернета контент, может представлять реальную опасность в процессе формирования и воспитания личности, становления ее

гражданской позиции. В этом контексте проблемы информационной безопасности личности приобретают социально-педагогический смысл, а основой будущей профессиональной и социальной деятельности является не только владение методами поиска и обработки необходимой информации, адекватной профессионально-ориентированным задачам, умение критически оценивать, анализировать и систематизировать знания из современного разнообразия источников, а знание основных закономерностей протекания информационных процессов в социотехнических системах, культура медиапотребления, рефлексивное отношение к получаемым знаниям, информации, происходящим социальным явлениям, понимание их значения для развития общества и прогресса государства в целом, умение организовать информационную безопасность процесса, владение навыками «информационной гигиены» [1] и сформированное свойство «информационной устойчивости», которое обеспечит «иммунитет» от деструктивных информационных влияний.

Не успевающие за достижениями в области ИКТ законодательная, правовая сферы, регулирующие общественные отношения в информационном пространстве, привели к появлению новых рисков и угроз. Так, например, постоянное нахождение в сети позволяет, при необходимости, контролировать субъекта, онлайн-социальные сети, участниками которых является абсолютное большинство молодежи, все чаще становятся средствами информационного влияния. В числе основных угроз в Стратегии национальной безопасности РФ названы: «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры» [2]. При этом невозможно не учитывать, что в современном глобальном мире, объединенном ИКТ, ограждение от нежелательной информации, ограничение доступа к ней – задача практически неразрешимая ввиду компактности устройств, их доступности и уровня компьютерной грамотности молодого поколения, который несравнимо выше, чем у их учителей, воспитателей, родителей. «Тот, кто думает, что может решить проблемы безопасности с помощью технологии, тот не понимает ни проблем безопасности, ни проблем технологии», сказал президент компании Counterpane Systems Брюс Шнайер.

Интернет, являясь важнейшим фактором социализации личности, выступает не только необъятным источником информации, средством для обеспечения коммуникаций, реализации интеграционных идей, но и мощнейшим средством информационного влияния и управления – информационного воздействия для достижения требуемой реакции, поведения с целью манипулирования личностью, социальными группами и обществом в целом. Поэтому в рамках остро стоящей проблемы национальной безопасности

возникает актуальная педагогическая проблема воспитания гражданской позиции, как метода противодействия личности и государства в целом чуждым российской государственности идеологиям.

Усилия, направляемые образовательными учреждениями на формирование гражданской позиции обучаемого, определяют, куда будут направлены его способности – чему следует обучаться, какое знание стоит самостоятельно добывать, и глобально, для чего, для процветания какого государства система образования готовит специалистов. Для специалистов, получающих образование в технических вузах, эта проблема особенно актуальна, так как недостаток предметов гуманитарного цикла не способствует гуманистической направленности в гражданском определении личности.

Следует подчеркнуть, что неиспользование или игнорирование ИКТ в процессе воспитания, вовсе не означает, что возможности применения новейших технологий не будут задействованы с каких-либо иных сторон и в противоположных образовательно-воспитательным целям воздействия, влияния и даже управления. Снимая с себя ответственность за воспитание, существуя в реальном мире и отмахиваясь от виртуального, где существует молодежь, преподаватели выпускают ее из виду, и общество получает молодое поколение, воспитанное Интернетом, на западных и далеко не лучших фильмах, клипах с совершенно определенными, культивирующимися во всемирной сети образами и ценностными ориентациями, далекими от нравственных идеалов.

Информационное образовательное пространство вуза - «пространство связей и отношений», «пространство взаимодействий», в котором происходит управление, организация, координация сложных воспитательных процессов, коммуникация между студентами и сотрудниками. Создаваемое смысловое информационное поле является специфическим фактором влияния на формирование гражданской позиции студента, активизации личностного саморазвития. Создание, поддержание и регуляция информационного воспитательного пространства, создающего требуемое информационное поле влияния (включая подготовку и распространение необходимых информационного контента, направленного на формирование созидательно-активной гражданской позиции студентов и свойства «информационной устойчивости»), и вовлечение в него максимального количества участников становится отдельным направлением воспитательной работы.

В Московском техническом университете связи и информатики в 2012-16 годах была реализована разработанная автором статьи Программа формирования и развития социальной активности, состоящая из двух основных блоков:

Блок, объединяющий различные воспитательные модули (подпрограммы).

Блок информатизации воспитательного процесса.

Первый блок объединяет множество воспитательных модулей по различным видам деятельности студентов, направлениям воспитания, воспитательным целям. Каждый модуль в свою очередь состоит из комплекса массовых, групповых мероприятий, индивидуальных консультаций, самостоя-

тельной подготовки студентов разных уровней подготовки и разных видов и уровней деятельности.

Второй блок систематизирует множество информационных ресурсов, информационно-коммуникативных средств, задействованных в воспитательном процессе, объединяя их в единую информационно-коммуникативную систему, воспитательное влияние которой корректируется на основе распространяемой информации.

В результате реализации Программы формирования и развития социальной активности студентов МТУСИ произошел значительный скачок количества студентов, как в целом вовлеченных в социальную деятельность, так и активно проявляющих себя в этой сфере. В то же время, почти вдвое снизилось количество студентов, не вовлеченных и с низкой степенью активности. Анализ результатов комплексного воздействия Программы формирования и развития социальной активности студентов МТУСИ позволяет видеть рост инициатив (проектной деятельности студентов, разнообразие организуемых ими мероприятий), количества участников мероприятий (как пассивных, так и активных), а так же возрастание конкурса на попадание в Школы актива, Школы организаторов, Школы кураторов академических групп. Результаты реализации Программы отражены в брошюре «Становление и развитие внеучебной деятельности в Московском техническом университете связи и информатики» [3], статье «Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности» [4].

В 2016 году было проведено анкетирование студентов разных вузов. В опросе были использованы вопросы методики измерения интрагрупповой идентификации (разработанной К.Лич, апробированной в России Е.Р. Агадуллиной и А.В.Ловаковым) [5]. Результаты опроса студентов МТУСИ и остальных студентов разных вузов сравнивались между собой.

Всего в измерении приняли участие 349 студентов: МПГУ (Московский педагогический университет, 30 чел.), МГППУ (Московский психолого-педагогический университет, 108 чел.), Театральный институт им. Б. Щукина (10 чел.), МИИТ (Московский университет путей сообщения, 30 чел.), МИИГАиК (Московский университет геодезии и картографии, 30 чел.), РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева (Российский государственный аграрный университет – МСХА, 12 чел.), МИЭТ (Московский институт электронной техники, 30 чел.) и МТУСИ (Московский технический университет связи и информатики, 99чел.).

Студенты МТУСИ в процентном соотношении имели существенно большее количество положительных ответов («полностью согласен», «скорее да»), чем студенты других вузов по следующим параметрам:

Я чувствую свою связь с другими россиянами

Я солидарен с россиянами

Я ощущаю свою приверженность к россиянам

Мне приятно быть частью такой группы как россияне

Принадлежность к россиянам делает меня счастливым

На вопрос из методик И.М. Кузнецова [6]: Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы – гражданин своего государства? – ответ: Гордость, спокойную уверенность дали 65,65% студентов МТУСИ и 36,4% студентов других вузов.

Результаты опроса были проверены критерием Стьюдента, для чего всем полученным ответам были присвоены числовые значения («полностью согласен» – 5, «скорее да» - 4, «в чем-то да, в чем-то нет» -3, «скорее нет» - 2, «полностью не согласен» - 1). По всем вышеперечисленным параметрам полученные эмпирические значения t-критерия находятся в зоне значимости, что говорит о существенности различий в ответах двух сравниваемых групп студентов.

Полученные результаты позволяют говорить об эффективности внедренной в Московском техническом университете связи и информатики Программы формирования и развития социальной активности, которая способствовала формированию созидательно-активной гражданской позиции студентов технического вуза, и утверждать, что, не смотря на мощнейшее влияние внешних объективных условий, при правильной организации воспитательной работы и вовлечении студентов в социальную деятельность удастся переломить, преодолеть реально существующие тенденции, стереотипы, насаждаемые средствами массового влияния и сформированные на основе ценностных культур западного мира.

#### **Список литературы:**

1. Еремин А.Л. "Ноогенез и теория интеллекта" – Краснодар: СовКуб, 2005. – 356 с. – С.177.
2. Указ Президента РФ N683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" от 31.12.15.
3. Денисова А.Б. Становление и развитие внеучебной деятельности в Московском техническом университете связи и информатики. – Казань: ИПК «ЭксИм-Пресс», 2012. – 132с.
4. Денисова А.Б. Влияние информационно-коммуникационных технологий на формирование мотивационно-ценностной структуры личности// Мир образования-образование в мире. – 2016. - №1 (62). - С.136-142
5. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке//Психология. Журнал Высшей Школы Экономики – 2013. - Т.10, №4. - С.143–157.
6. Кузнецов И.М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. - 2016. - № 7. - С. 164-171.

# ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ: ОПЫТ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

**Дзутцев Х.В., Бетильмерзаева М.М., Корниенко Н.В.**

*Россия, г.г. Владикавказ-Грозный*

*Северо-Осетинский отдел социальных исследований Института  
социально-политических исследований РАН*

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова  
Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: khasan\_dzutsev@mail.ru*

**Аннотация.** В мае 2017 г. Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова было проведено исследование на тему: «Эффективность государственного стимулирования развития науки: опыт анализа результативности государственных мероприятий». Опрос проходил в г. Владикавказе в столице Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа. Всего были опрошены 75 экспертов: архитекторы, ученые, журналисты, работники культуры, преподаватели школ и вузов, врачи, юристы и т.д. По результатам опросов почти половина ответов экспертов (45,7%) придерживается мнения о положительной динамике развития перечисленных в указе направлений науки, технологий и техники.

**Ключевые слова:** указ президента, терроризм, наносистемы, ИТС, науки о жизни, энергоэффективность, транспортные и космические системы, производство.

## **Введение**

В XXI веке наука и технологии становятся определяющими факторами развития общества. Государство, выступая основным спонсором развития науки и техники в России, должно также определять, какие именно технологии и отрасли науки требуют наибольшего внимания и поддержки с его стороны для достижения экономического роста политической устойчивости во внешнем и внутреннем пространстве. В 2011 выходит последний на сегодняшний день перечень «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации», утверждённый Указом Президента РФ от 07.07.2011 № 899 (далее – Указ), в котором были перечислены 8 направлений: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; науки о жизни; перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика.

Для целей данной работы были проанализированы научные работы 2011 г. и последующих, в которых рассматривались указанные выше направления, были даны прогнозы и рекомендации по развитию. Затем мы

опросили экспертов о сегодняшнем (май 2017 г.) состоянии каждой из отраслей, а также предложили озвучить собственное видение проблем каждой из рассматриваемых сфер и пути их решения. В заключении провели промежуточные итоги эффективности развития приоритетных направлений развития науки с точки зрения экспертов.

### **Развитие приоритетных направлений развития науки, технологий и техники: ожидание и реальность 6 лет спустя**

Одним из самых опасных преступлений по уголовному законодательству большинства современных стран, в том числе и России, является терроризм (п.1, п.2, п.3 ст. 205 УК РФ). В эпоху сверхбыстрого развития телекоммуникационных технологий правоохранительные структуры нуждаются в новых научных разработках, помогающих противодействовать терроризму, в активной работе с общественностью, в том числе с подрастающим поколением [1]. В 2011 г., когда был принят Указ, перед Россией стояли такие угрозы, как мировой терроризм, угроза международной безопасности, усложнения отношений с Вашингтоном и Украиной, при этом, по мнению учёных, «решительное включение России в борьбу против террористического квазигосударства ИГИЛ в Сирии создает условия для постепенного возврата к активному сотрудничеству с Западом в сфере международной безопасности» [2]. Мы поинтересовались у респондентов, как они оценивают динамику противодействия терроризму после принятия Указа (Табл. 1).

**Таблица 1**

#### **Как Вы считаете, в Российской Федерации что-то изменилось в плане безопасности и противодействия терроризму после Указа Президента РФ? (В %)**

1.	Да	30,7
2.	Скорее, да	46,1
3.	Нет	11,5
4.	Затрудняюсь ответить	7,9
5.	Другое мнение (напишите)	3,8
	Итого	100,0

В комментариях к вопросу эксперты отметили, что Закон четко определил принципы, понятия, организационные и координационные механизмы противодействия терроризму, проводится обширная разъяснительная информационная пропаганда, в результате чего обстановка стабилизировалась, частота совершения терактов снизилась, люди чувствуют больше спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

Промышленная эпоха человечества условно делится на 6 этапов в соответствии с используемыми технологиями, к последнему на сегодняшний день 6-му этапу относятся нано-, био-, информационные и т.д. технологии.

«В настоящее время, по оценкам экспертов, в России доминируют технологии четвертого и третьего укладов – соответственно более 50 и около 30 %. Технологии пятого уклада составляют примерно 10 % и сосредоточены в основном в военно-промышленном и авиакосмическом комплексах»[3]. Развитие нанотехнологий стало вторым приоритетным направлением развития наук в Указе, учёные ожидали, что «нанотехнологии окажут существенное влияние на мировую экономику, достоверным показателем чего могут служить объёмы соответствующего рынка»[4], «работкой новых материалов, приборов и устройств особого назначения с повышенным сроком службы, низкой материалоемкостью и весом. Это будет способствовать выходу отечественных производителей на внешние рынки и импортозамещению.»[5]. Как же оценивает население сегодняшнее состояние индустрии нано-систем? (Табл. 2)

**Таблица 2**

**Как Вы считаете, в Российской Федерации что-то изменилось в индустрии наносистем (нано- – греческое слово *nans*(карлик) – означает, что нечто имеет отношение к технологиям, работающим с величинами наномасштабов либо измеряется в масштабах порядка 10 в 9 степени) после Указа Президента РФ? (В %)**

1.	Да	7,7
2.	Скорее, да	34,6
3.	Нет	19,2
4.	Затрудняюсь ответить	23,1
5.	Другое мнение (напишите)	15,4
	Итого	100,0

Треть экспертов отметили, что основное применение нано-разработки находят в сфере национальной безопасности (сбор информации и доступ к ней), в результате чего власти могут следить за всеми, что ограничивает демократические права, в частности, свободу слова; столько же отмечают, что инвестируются новые проекты, создаётся больше возможностей для новых разработок, но фактически до адресатов доходят не более 20% финансов; остальные считают, что Россия идёт в верном направлении преодоления отставания в технологическом развитии, как пример развития научно-технологического комплекса была приведена «Индустрия наносистем» с количеством научно-исследовательских проектов и опытно-конструкторских работ, которые, правда, в основном относятся к промышленной сфере и медицине.

Одним из главных показателей социально-экономического роста в последние десятилетия стало развитие Информационно-коммуникативных технологий. В 2011 году ожидали, что развитие ИКТ позволит «создать современную национальную информационную инфраструктуру на базе новых наукоемких производств (в частности, производства суперкомпьютеров и программного обеспечения), будет способствовать выходу на внешние рынки и активизации импортозамещения.» [5]. В 2013 г. учёные прогнози-



ровали изобретение «до 2030 г. прототипов систем, реализующих новые принципы организации вычислений, и мультязычных программ извлечения и формализации знаний; технологий для работы с гигантскими массивами данных; новые аналитические инструменты»[6], также серьезные перемены должны были произойти «в здравоохранении, энергетике, машиностроении и на транспорте, а также в сфере персонального потребления ИКТ-продуктов и услуг» [6]. Сегодня мы можем подвести промежуточные итоги эффективности развития сферы ИКТ и степень воплощения краткосрочных перспектив, намеченных экспертами после принятия Указа (Табл. 3).

**Таблица 3**

**Как Вы считаете, в Российской Федерации что-то изменилось в плане Информационно-телекоммуникационные системы (Информационно-телекоммуникационные системы - класс систем, реализующий множество технологических процессов по сбору, обработке, хранению, поиску информации и доступа к ней, переносу (транспортировке) всех видов сообщений путем их объединения в единые транспортные потоки) после Указа Президента РФ? (В %)**

1.	Да	38,5
2.	Скорее, да	34,6
3.	Нет	15,4
4.	Затрудняюсь ответить	7,7
5.	Другое мнение (напишите)	3,8
	Итого	100,0

Эксперты отметили, что за последние 6 лет благодаря информационно-телекоммуникационным системам очень облегчился доступ к получению информации, как технической, нормативной, научной, деловой, так и личной (при этом было отмечено, что последнее не всегда хорошо – личная информация о человеке, его семье и т.д. может быть использована, например, недоброжелателями, что ведёт к снижению уровня безопасности), однако не все связывают это с Указом, напротив, по мнению экспертов, технический прогресс развивается независимо, а иногда и вопреки работе государства. В отношении работы госслужб 2/3 опрошенных довольны повышением эффективности деятельности государственных органов за счет использования ИКТ для оплаты штрафов ГИБДД, долгов ФССП и коммунальным службам (или списания средств с карточек злостных неплательщиков); остальные недовольны недостаточной развитостью этой системы – например, получение справок о судимости в МВД или справок из диспансеров пока возможно только очно.

Расходы на образование, науку и здравоохранение сегодня являются базовыми для развития человеческого потенциала. Развитие страны за последние десятилетия постоянно увеличивают финансирование данных от-

раслей[7]. В рамках реализации Указа учёные ожидали «реализации наиболее востребованных инновационных проектов, в первую очередь, в сфере диагностики и профилактики заболеваний, геномных и постгеномных технологий создания лекарственных средств» [5]. Опросы показали следующие результаты (Табл. 4).

**Таблица 4**

**Как Вы считаете, в Российской Федерации что-то изменилось в развитии наук о жизни, в частности, угроз высокой смертности из-за сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, недостаточной эффективности существующих мер по предупреждению инфекционных заболеваний, высокой стоимости лекарственной терапии социально значимых заболеваний, критического отставания научно-исследовательской и производственно-технологической базы биотехнологий, недостаточных инвестиций бизнеса в развитие биотехнологических производств после Указа Президента РФ? (В %)**

1.	Да	3,8
2.	Скорее, да	23,2
3.	Нет	34,6
4.	Затрудняюсь ответить	26,9
5.	Другое мнение (напишите)	11,5
	Итого	100,0

Эксперты отметили, что, хотя меры по предупреждению инфекционных заболеваний улучшаются, инвестиции в медицину недостаточны, из-за чего не достигнуты те успехи, которых можно было бы достичь за последние 6 лет; также были отмечены низкое качество подготовки медицинских работников, переход к коммерциализации, которая губительная для российской медицины и образования, отсутствие снижения смертности (а в отдельных регионах – и повышение), особенно от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, в том числе среди молодых людей; отсутствие развития технической базы, повышение стоимости мед. услуг и лекарств; сильное отставание медицины на периферии.

Как было показано в начале статьи, вопрос усиления военной мощи государства за последние 6 лет получил ещё большую актуальность, чем во время принятия Указа. Учёные полагают, что долгосрочный рост может быть связан с развитием «В таких отраслях, как ... производство вооружений, военной техники, летательных аппаратов, энергетического оборудования, грузовиков отдельных классов и т. д., Россия способна выступать технологическим донором и центром компетенций глобального уровня.» [8], в связи с чем мы узнали у наших экспертов, как они оценивают прогресс в развитии оборонно-промышленного комплекса за последние годы? (Табл.5)

**Таблица 5****Как Вы считаете, в Российской Федерации что-то изменилось в производстве перспективных видов вооружения, военной и специальной техники после Указа Президента РФ? (В %)**

1.	Да	34,6
2.	Скорее, да	23,2
3.	Нет	7,7
4.	Затрудняюсь ответить	26,8
5.	Другое мнение (напишите)	7,7
	Итого	100,0

В комментариях эксперты единогласно отметили неизменное ещё со времён СССР лидерство России в военных разработках и производстве вооружения. Такое положение объясняется инвестициями государства в военно-промышленный комплекс, многократно превышающими вложения в остальные сферы. По мнению отдельных экспертов, военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с другими государствами даст не менее положительный эффект при отражении нападения, само же производство вооружения обходится чрезвычайно дорого для страны.

**Заключение**

Таким образом, почти половина ответов респондентов (45,7%) показывают положительную динамику развития перечисленных в Указе направлений науки, технологий и техники (17,3% ответов «Да» и 28,4% - «Скорее да») с точки зрения экспертов. В среднем четверть ответов (25,5%) были отрицательными, 23,1% - «затрудняюсь ответить», что показывает достаточно низкую информированность населения о состоянии приоритетных направлений науки и вызывает серьёзную озабоченность – на наш взгляд, государство должно заниматься просвещением граждан об успехах наук, которые оно определило как приоритетные.

Развитие науки, технологий и техники в России сегодня – очень энергоёмкое и экономически затратное направление, которое требует скоординированных усилий огромного количества участников: «Механизм реализации принимаемых решений требует взаимодействия социума и власти, так как политика преобразований должна опираться на все социальные слои общества, а система властных (государственных) органов в целом должна быть подотчётной гражданам»[9]. Проведённое исследование показывает первоначальные ожидания и краткосрочные результаты, которых удалось достичь в заявленных направлениях после принятия Указа в 2011 г., и которые позволяют прогнозировать дальнейшие успехи в науке, технологиях и технике, и, в итоге – улучшение социальной и экономической жизни России.

**Список литературы:**

1. Айзатов Ф. А., Бутова Ю. В. Противодействие идеологии терроризма в рамках системы образования в современной России // Интеграция образования. 2017. Т. 15. № 13. С. 223-230.

2. Ознобищев С.К. «Новая холодная война»: воспоминания о будущем // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 60.
3. Миндели Л. Э., Черных С. И. Приоритеты в развитии науки и технологий и приоритетные направления исследований Российской Академии наук // Экономическое возрождение России. 2014 . № 1(39). С. 6-14.
4. Стрелецкий А., Забавников В., Асланов Э., Котлов Д. Патентный ландшафт сферы нанотехнологий // Форсайт. 2015. Т. 9. № 3. С. 40-53.
5. Позняк А.Ю., Шашнов С.А. Научно-технологические приоритеты для модернизации российской экономики // Форсайт. 2011. Т. 5. № 2. С. 48-56.
6. Гиглавый А. В., Соколов А. В., Абдрахманова Г. И., Чулок А. А., Буров В. В. Долгосрочные тренды развития сектора информационно-коммуникационных технологий // Форсайт. 2013. т. 7. №3. С. 6-24.
7. Государственные социально-экономические приоритеты: опыт США и интересы России / Супян В. Б., Васильев В. С., Кочетков Г. Б., Лебедева Л. Ф., Портной М. А. // США и Канада. Экономика, политика, культура. – 2007. – № 4(427) (апр.). – С. 3-24.
8. Апокин А., Белоусов Д., Сальников В., Фролов И. Долгосрочные социально-экономические вызовы для России и востребованность новых технологий // Форсайт. 2015. Т. 9. № 4. С. 6-17.
9. Дзуцев Х. В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 734 с. .

## **НАРОДНОЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР КАК ГАРАНТ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

**Додонова С.Г.**  
*Россия, г. Казань*  
*Казанский государственный институт культуры,*  
*E-mail: dodonova\_1603@ mail.ru*

**Аннотация.** Целью данной статьи является - рассмотреть межкультурный диалог стран Европы и Азии посредством народного инструментального творчества. Межкультурные диалоги являются гарантом сохранения духовной безопасности человека и всегда актуальны. Это подтверждает своевременность культурной политики в отношении поддержки российской культуры за рубежом, развития межнациональных отношений, культурного сотрудничества. В статье показана специфика музыкальных инструментов, определены этнические сходства инструментов разных стран и народов, доказывающие взаимопроникновение культур в результате исторических взаимоотношений.

**Ключевые слова:** народные традиции, народное творчество, музыкальные инструменты, музыкально-инструментальные жанры, инструментальные ансамбли.

Народные инструменты, как и народное творчество, сохранившие свою аутентичность, уникальность продолжают развиваться от любительского до профессионального уровней исполнительства. Находят отклик у искушенного современного слушателя, «зараженного» прогрессивным музыкальным авангардом, инновационными звуковысотными соотношениями, семиотической системой музыкального языка и т.д. В России в 2016 году был принят документ стратегического планирования - Стратегия государственной культурной политики до 2030 года, куда вошли все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка российской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество и т.д. [4].

Духовно-нравственные ориентиры в воспитательном процессе посредству народных инструментов всем известны, подтверждены и доказаны научно-исследовательскими работами педагогов, ученых-этнографов, музыковедов. Сохранение традиций является очень важным и необходимым делом в поддержке культурного пространства стран всего мира. Многие музыкальные инструменты стран Европы, Азии, Средиземноморья имеют между собой сходства в строе, приемах звукоизвлечения, материалах изготовления и т.д. Следовательно, такое сходство музыкально-инструментального жанра подтверждает исторически сложившиеся межгосударственные культурные связи среди народов разного вероисповедания, уклада и образа жизни, разных традиций. И эти связи необходимо и дальше использовать в качестве важного ресурса в укреплении интересов, в укреплении межнациональной культурной политики для сохранения духовной безопасности человека. Рассмотрим специфику музыкальных инструментов, народное творчество отдельных стран и регионов, выявим их общие черты и привлекательные формы существования.

Многоствольная флейта бытует в Румынии, поперечная флейта – в Китае и Монголии, сурна (зурна) и нагора – в Афганистане, Иране и в Китае (сона), тар, кеманча и сантур – в Иране, рупаб – в Индии, Афганистане и Китае, волынка – в Польше, Чехии, Болгарии, Франции, Шотландии, цимбалы – Венгрии, Румынии и т.д. В исламской культуре, под активным влиянием тюркских народов, сформировавших собственные письменные литературные традиции, произошло сближение исламского музыкального профессионализма с народным творчеством. В музыке возникают полупрофессиональные или народно-профессиональные явления. Например, появление в Азербайджане и Турции народных певцов ашиков или ашугов, сопровождающих собственное пение на танбуровидном инструменте саз, в Средней Азии – певцов-сказителей и шаманов бахши или баксы со струнным смычковым инструментом кобуз, появившимся у кочевников в качестве варианта уда. В практику тюрков вошли распространенные среди арабов инструменты: уд, щипковая цитра-канун, скрипка-ребаб (или кеманче-руми), а также

был создан собственный вариант танбура. В свою очередь, как указывают источники [1], народы мусульманского Запада, Средиземноморья и Балкан узнали турецкие музыкальные инструменты и ритмы. Популярность турецко-османской культуры составили военная музыка и военные учреждения, получившие позже общее название Музыка-и Хумайюн. Музыка турецких военных оркестров, продолжая традиции содержания с X века мусульманскими правителями военных музыкальных капелл в специальных «домах барабанов» (таблхана, наккарахана), стала символом турецкого могущества.

Во всем мире музыканты любят играть в ансамбле – в любительских, на разных инструментах по выбору или в профессиональных со своими классическими традициями. Существуют ансамбли из однотипных музыкальных инструментов. Например, ансамбль исполнителей на поперечных флейтах в Новой Гвинее, где эти инструменты занимают важное место в магии и обрядах. В Центральной и Южной Африке встречаются ансамбли ксилофонов, аккомпанирующие танцам. Эскимосы используют рамочные барабаны разных размеров для аккомпанемента своей вокальной музыки. Смешанные ансамбли - это японский ансамбль гагаку. Гагаку – классическая музыка Японии. Мелодию исполняют шалмеи и поперечные флейты, а дублируют ее и гармонизируют сё, бивы и кото варьируют мелодию и иногда играют простой аккомпанемент. Ударные инструменты – гонг и барабаны - подчеркивают сильные доли и задают определенный ритмический рисунок. «Ансамбли» из одного исполнителя: народные музыканты США, исполняющие музыку одновременно на банджо и губной гармонике. В Европе – соединение дудки и провансальского барабана. Боливийские музыканты сочетают барабан и флейту Пана. Таким образом, «человек-оркестр» может играть на самых разных инструментах. Распространены ансамбли из двух музыкантов: барабанщик и исполнитель на шалмее в Албании; исполнители на фиделе и аккордеоне в Шотландии; волынка и шалмея в Италии, лютня и фиделе в Греции. Похожее сочетание можно встретить в самых разных странах. Очень популярен индийский классический ансамбль, который состоит из ситары, таблы и тамбуры. Ситар исполняет сложные импровизации, основанные на определенных ритмических и мелодических формулах, которые называются талы и раги. Аккомпанируют тамбура, создающая протяжную бурдонную линию, и табла. Яванский гамелан также пользуется популярностью. Гамеланы встречаются по всей Индонезии, отличаются по размерам и составу. Основу каждого гамелана составляют ударные с определенной высотой звучания, руководитель оркестра играет на фиделе с шейкой-шпилем. Гамелан употребляют в религиозных и государственных церемониях, театральных и кукольных представлениях [1, с. 300-301]. Османы создавали в воинских «янычарских» корпусах (мехтер-хане) оркестры, куда входили большое количество музыкальных инструментов: гобой (зурна), труба (бору), большие тарелки (зил), котловидные парные барабанчики (накара), большой цилиндрический барабан (давул) и другие инструменты.

Необходимо отметить, что большой популярностью на Западе пользуются балалаечные оркестры. Великорусский оркестр под руководством

В.В.Андреева можно по праву считать первым профессиональным организатором трансфера русской инструментальной культуры в ряде стран Европы и в Америке. Великорусский оркестр своим исполнительским мастерством вдохновил зарубежных музыкантов для создания народных коллективов во многих странах (в том числе и в Персии), где проходил гастрольный тур.

Разнообразны по материалу и интересные по звукоизвлечению этнические инструменты и коллективы разных национальностей нашей страны. Многие из них схожи и имеют одинаковые происхождения с музыкальными инструментами Запада, Азии. В результате исторического становления разных этносов происходил их культурный взаимообмен. Например, один из наиболее архаичных инструментов карельского и финского народов – кантеле. Родственными ему являются литовский канклес, латышский кокле, эстонский каннель, русские гусли, китайский цинь, японский кото. Данный инструмент составляет основу оркестра Государственного национального ансамбля песни и танца Республики Карелия «Кантеле». Инструменты народов Дагестана: духовые - зурна, балабан, дудук; струнные смычковые - чаган, кеманча; струнные щипковые - чунгур, саз; ударные - барабан, так и другие, которые входят в составы оркестров народных инструментов и ансамбли Дагестана. Музыкальные инструменты донских армян: духовые - хавал, бороза; ударный – давул; струнно-щипковый – шахри и т.д. Инструментарий народов Волго-Уралья: окарины, продольные флейты, различные гармоника, гусли, балалайки, скрипки, барабаны, бубны, колокола. Инструментальный фонд Республики Тувы: игил, чанзы, амырга, эдиски, орба, конгураа, бурээ и другие, вышедшие, в основном, из обрядово-религиозной практики, быта, активно используются в современном художественном творчестве [2].

Интересная и сложная музыкально-инструментальная культура крымских татар. Она является продуктом слияния культур Востока и Запада, где смешались десятки этносов, недаром Крым называют концентрированным. Татарская народная музыка близка своими интонациями, ритмами, лодотональностью к песням греков, турков, румын, болгар, албанцев, казахов, южных славян и некоторых народов Кавказа. Такая разнообразная и сложная палитра национальной культуры крымских татар всегда вызывала интерес среди ученых-исследователей: М.Волошина, С.Агаджанова, А.Сахарова, Э.Кудусова и других [3].

До середины XIX века в состав инструментальных ансамблей крымских татар входили саз, сантыр, кеманче, кавал, тулуп-зурна, камыш-кавал, давул. Из них старинными ученые считают зурну, давул и думблек. Ансамбль зурначей в сочетании с большими барабанами, в свое время, выполнял функцию военного оркестра, имели оглушительное звучание. Иногда вместо больших барабанов в состав оркестра могли входить думблеки (подобные парным литаврам). Распространены были ансамбли двух видов: ансамбли-солисты и ансамбли для сопровождения пения. Ансамбль «Давулджилар» («Барабанщики») из двух зурн и одного барабана. Резкое и сильное звучание инструментов ансамбля не подходило для аккомпанемен-

та, поэтому ансамбли выступали в только качестве солистов. Ансамбль «Индже саз такъымъ» («Ансамбль нежных инструментов») говорил сам за себя - служил в качестве аккомпанирующего. Его состав: саз, сантур, даре, думблелек, смычковый ребаб и кеманче (предшественники современной скрипки). Между куплетами ансамбль исполнял инструментальный проигрыш в виде прелюдий, интерлюдий, контрастирующих основной мелодии. Например, после медленной, грустной песни исполнялась подвижная веселая мелодия.

В XX веке в музыкально-инструментальная культура Крыма пополнилась европейскими инструментами – скрипкой, кларнетом, трубой, турецким барабаном. Они стали не менее популярными наряду с традиционными инструментами. Ансамбли, в состав которых входили две скрипки, кларнет, труба и бубен, стали называться «Кеманеджелер», причем, скрипки и бубен выступали в качестве солирующих инструментов.

Своеобразен и тем интересен жанр в музыкальной культуре крымских татар, как макамы. Макамы – это завершенное художественное вокально-инструментальное или только инструментальное произведение с солирующими инструментами (саз или кеманче) народного и профессионального творчества, состоящий из нескольких частей. Важное место в культуре занимают макамы «Таксим» и «Пишрев», пришедшие из Турции. Они отличаются особенным звукорядом (с тремя увеличенными секундами в полторы октавы). А.В.Никольский, известный композитор и этнограф, назвал данный звукоряд «великой восточной гаммой» [3].

Таким образом, музыкально-инструментальное творчество стран мира представляет собой сформировавшуюся систему с четкими определенными жанрами: песнопениями, песенно-инструментального или только инструментального творчества различных ансамблей и оркестров, исполняющих жанровую музыку – развлекательную, ритуальную, военную. Сходство культур разных стран и регионов говорит о взаимообогащении, которое необходимо бережно сохранять и развивать. Это и является подлинной сутью существования культурного пространства с его образованием, воспитанием, возможностью реализации истинных целей и задач, выступает настоящим гарантом сохранения духовной безопасности в мире.

#### **Список литературы:**

1. Музыкальные инструменты мира. Иллюстрированная энциклопедия / Перевод с англ. Т.В. Лихач. – Мн.: ООО «Попурри», 2001. – 320 с.
2. Национальные инструменты народов России. Проблемы исполнительства: история, теория, методика / Л.А. Богуславская, А.И. Цеп.– М.: Государственный Российский Дом народного творчества, 2007. – 64 с.
3. Чалбаш Э.Т. О музыкальной культуре крымских татар // Художественное образование и наука. Ежеквартальный научный журнал. – М.: Рос. гос. специализир. академия искусств, 2016. - №2(7). – С.62-67.
4. Официальный интернет-портал правовой информации [www. pravo. gov. ru](http://www.pravo.gov.ru), 04.03.2016, N 0001201603040022.



## ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Дринова Е.М.

Россия, г. Волгоград

Волгоградский государственный университет

E-mail: edrinova@mail.ru

**Аннотация.** Цель исследования – анализ поля публичной политики Северного Кавказа в контексте духовных ценностей. В статье исследуются проблемы включенности системы исламских ценностей в институциональный дизайн публичной политики Республики Дагестан и Чеченской Республики. Обосновано формирование двух моделей публичной политики – «снизу-вверх» и «сверху-вниз», в результате кроссинга региональных властных структур, института религии, политических партий, общественных движений.

**Ключевые слова:** духовные исламские ценности, публичная политика, гражданское общество, религиозные деятели, политические партии.

В начале XXI века в российской политической системе сложились и активно действуют институты демократии, существуют развитые структуры гражданского общества, в публичной политике сосуществуют консервативные/либеральные, светские/религиозные системы ценностей. Публичная политика понимается как пересечение и согласование интересов общественных и государственных структур, включенность институтов гражданского общества в социально-политический процесс, участие в разработке и принятии властных решений, последующий контроль за их исполнением [4]. Трендом институционального дизайна публичной политики в Российской Федерации стала востребованность духовных ценностей, в том числе религиозных ценностей христианства, ислама, буддизма. В динамике публичной политики отражается взаимодействие государственных институтов и гражданского общества, в том числе института религии, реализующего духовно-ценностный потенциал в социально-политическом процессе.

В России второй по численности религией является ислам. В семи субъектах Российской Федерации в Дагестане, в Ингушетии, в Кабардино-Балкарской Республике, в Карачаево-Черкесской Республике, в Республике Башкортостан, в Чеченской Республике, в Республике Татарстан большая часть населения исповедует ислам. Востребованность традиционных исламских ценностей в обществе определяет их значимость в поле публичной политики как маркеров гражданского, политического поведения населения. Отметим, что в РФ отсутствует единая религиозная организация, объединяющая всех мусульман, что затрудняет анализ взаимоотношений религиозных организаций и государственных структур в поле публичной политики.

Специфика публичной политики на Северном Кавказе проявляется в том, что большинство республиканских властей, чиновников местного самоуправления поддерживают традиционный ислам. В результате он «может

претендовать на роль официальной идеологической системы ценностей» [7. С.88]. Приверженность населения исламским традициям, обычаям, ценностям оказывает влияние на их гражданские и политические предпочтения. При решении общественно-политических вопросов к мнению религиозных лидеров прислушивается большая часть верующих граждан [6. С.145]. В результате поле публичной политики пронизано религиозными ценностями, востребованными гражданским обществом.

В публичной политике одним из механизмов согласования интересов гражданского общества и государства выступает институт религии, что обусловлено вхождением религиозных ценностей в политическую культуру региона. В институциональном дизайне публичной политики на Северном Кавказе согласование интересов гражданского общества и государства обусловлено формированием политической культуры в которой сосуществуют системы демократических, консервативных ценностей совместимых с духовными ценностями ислама.

В последние годы участие институтов гражданского общества в публичной политике является одним из элементов социально-политического процесса, который во многом определяет различные модели коммуникативного взаимодействия структур региональной власти и в том числе института религии. В качестве примера обратимся к анализу публичной политики в Республике Дагестан и Чеченской Республике.

В Республике Дагестан имеет место сложная социально-экономическая ситуация, коррупция, неудовлетворенность существующим социальным положением. Приоритетными проблемами публичной политики в Республике Дагестан выступают следующие: неспособность адаптироваться к рыночной экономике многочисленных социальных групп, незначительное финансирование сельского хозяйства, низкий уровень жизни, разочарование в политике, проводимой муниципальными и региональными органами власти. Согласно проведенному в 2016г. интернет-голосованию за звание «Народный президент Дагестана», глава ДУМ Дагестана муфтий А. Абдулаев, набрал более 20 тыс. голосов в отличие от главы республики Р. Абдулатипова, за которого проголосовало 600 человек [2]. Большим уважением и авторитетом в обществе пользуются суфии, которые обладают мощным мобилизационным ресурсом.

В республике несколько лет действует Дагестанское региональное отделение общероссийской партии «Народ против коррупции». В 2016г. партия заявила о своем участии в выборах в Государственную Думу и Народное собрание Дагестана. Политическими лидерами партии стали А. Ацаев – суфийский имам, М. Саадиев – первый заместитель муфтия Дагестана, К. Темирбулатов – бывший имам Казбековского района Дагестана и др. Оппозиционная партия «Народ против коррупции», возглавляемая религиозными деятелями, стала политической силой, которая активно включилась в предвыборную борьбу.

Согласно российскому законодательству религиозные деятели не могут быть избраны депутатами от своего муфтията, но как частные лица они имеют право баллотироваться на выборах. Политическая активность рели-

гиозных деятелей вызвала негативную реакцию у главы республики Р. Абдулатипова, по мнению которого они должны заниматься религией, в свою очередь, политические руководители – политикой, но при этом не вмешиваться в дела друг друга, а налаживать взаимовыгодное партнерство[1].

Результатом противостояние республиканской административной и политической религиозной властей, стал уход из предвыборной кампании первого заместителя муфтия Дагестана М. Саадуева. В заявлении, сделанном пресс-службой Муфтията РД, принятие этого решения было обосновано тем, что политическая деятельность «требует иных профессиональных навыков, чем те, которые на протяжении всей своей жизни совершенствовал имам в качестве наставника верующих», соответственно, политическая жизнь является «уделом исключительно светским»[5]. Религиозные лидеры партии «Народ против коррупции» приняли решение отказаться от участия в выборах. Вместе с тем, они показали, что могут быть активными участниками публичной политики, вести борьбу с коррупцией, отстаивать интересы своего электората. Специфика публичной политики на данном этапе политического процесса заключалась в том, что активность гражданского общества была инициированная снизу политическими партиями и религиозными деятелями, социальными движениями ориентированными на совершенствование существующей социально-политической системы. Одним из векторов развития публичной политики выступает реализация интересов различных социальных слоев дагестанского общества, в том числе исламского духовенства.

Прошедшие в 2016г. выборы в Государственную Думу и Народное Собрание показали высокую политическую активность верующих граждан и в Республике Ингушетия. Оппозиционные движения, в которые входило духовенство получили поддержку среди верующих. Вместе с тем, они отказались от участия в предвыборной борьбе в силу политической неподготовленности, незрелости, недостаточности финансовых средств.

В Дагестане и Ингушетии священнослужители предприняли попытку возглавить республиканскую политическую оппозицию, выступив против существующей в обществе коррупции. Включенность священнослужителей в поле публичной политики свидетельствует о высокой активности гражданского общества. В данном случае трендом светских политических партий и движений стала опора на приверженность к традиционным религиозным ценностям. Этот факт демонстрируют высокие адаптивные способности акторов гражданского общества к новым политическим реалиям, формированию структур гражданского общества «снизу-вверх».

Следует отметить, что принципиально иная экономическая, социальная и религиозная ситуация сложилась в Чеченской Республике. По мнению главы республики, национального лидера Р. Кадырова, «сегодня Чечня является одним из самых стабильных регионов не только России, но и всего мира», в республике существует высокий уровень экономического развития[3], ликвидированы очаги ваххабизма. Институт религии находится под патронажем главы республики, исповедующего ислам. Президент республики про-

водит политику направленную на распространение традиционных исламских ценностей.

В Чеченской Республике формируется иная модель публичной политики «сверху-вниз», что предполагает опору на сильную вертикаль региональной власти, которую поддерживают институты гражданского общества. В публичном пространстве Чеченской Республике сосуществуют структуры административно регионального аппарата и гражданского общества, ориентированные на решение задач публичного менеджмента. В первую очередь, республиканская власть берет на себя ответственность за решение социальных, экономических, религиозных проблем.

В заключении отметим, в республиках Северного Кавказа происходит формирование различных моделей публичной политики. В Чеченской Республике складывается утилитарно-прагматическая модель публичной политики - «сверху-вниз», ориентированная на действия республиканской власти, региональных управленцев, которые совместно с институтами гражданского общества, в том числе и религиозными, успешно решают социально-политические проблемы. В Республике Дагестан происходит формирование модели публичной политики «снизу-вверх», которая во главу угла ставит демократию участия [5.С.12], структуры гражданского общества с опорой на систему духовных ценностей института религии.

В числе общих черт моделей отметим доминирование конфессионального фактора, акцентирование роли духовных ценностей в институциональном дизайне публичной политики. Формирующаяся на основе духовных ценностей, публичная политика выступает одним из механизмов согласования интересов институтов гражданского общества и государства как на этапе обсуждения социально-политических решений, так и в ходе их совместной реализации.

*Материалы выполнены при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039.*

#### **Список литературы:**

1. Абдулатипов Р. высказался против продвижения духовенства во власть Дагестана / [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.versia.ru/ramazan-abdulatipov-vyskazalsya-protiv-prodvizheniya-duhovenstva-vo-vlast-dagestana> (дата обращения: 1.10.2017 г.).

2. Алиев Н. Дагестанские суфии на выборах бросают вызов власти [Электронный ресурс]. URL: [http://islamio.ru/news/policy/dagestanskie\\_sufii\\_na\\_vyborakh\\_brosayut\\_vyzov\\_vlasti](http://islamio.ru/news/policy/dagestanskie_sufii_na_vyborakh_brosayut_vyzov_vlasti) (дата обращения: 22.10.2017 г.).

3. Кадыров Р. Я глубоко благодарен всему народу Чечни, миллионам наших друзей в России и десятках стран мира за помощь словом и делом / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=19279> (дата обращения: 16.10.2017).

4. Красин Ю. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. Публичная политика в России. М. 2005.

5. Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры. Граждане и власть: проблемы и подходы. М. 1998.

6. Саадуев М. Прекратил активную деятельность в НПК - Муфтият Дагестана [Электронный ресурс]. URL: [http:// chernovik .net/ content/ lenta-  
novostey/magomedrasul-saaduev-prekratil-aktivnuyu-deyatelnost-v-npk-  
muftiyat-dagestana](http://chernovik.net/content/lentanovostey/magomedrasul-saaduev-prekratil-aktivnuyu-deyatelnost-v-npk-muftiyat-dagestana) (дата обращения: 09.10.2017).

7. Яхьяев М. Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе //Исламоведение. 2014. № 1. С. 88.

## **ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНОСТЬ – ЦЕННОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПЦИЙ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Дякиева Б.Б.**

*Россия, г.Элиста*

*Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова*

*E-mail: raisadyakieva@mail.ru*

**Аннотация:** В статье рассматриваются ценностные компоненты концепций воспитания в прошлом и настоящем, анализируются подходы к обучению детей в современных условиях. Автор подчеркивает роль традиционных религий в развитии духовности и формировании нравственных качеств школьников.

**Ключевые слова:** образование, духовность, концепции воспитания, нравственные ценности, педагогический идеал.

Воспитание всегда было ориентировано на достижение определенного идеала, т. е. образа человека, имеющего приоритетное значение для общества в конкретно-исторических и социокультурных условиях.

В XVIII в. Россия стала империей, сила которой заключалась в централизации и концентрации государственной власти в руках правящего монарха - императора. Государство возвышалось над церковью, был сформулирован новый воспитательный идеал – «человек государственный, слуга царю и Отечеству». Образовательная система стала ориентироваться на задачи подготовки профессиональных кадров для государственных нужд. «Всяческое беззаветное служение на благо и на силу Отечества, – утверждал М. В. Ломоносов, – должно быть мерилom жизненного смысла» [Ломоносов 1990: 42]. Для императорской России был характерен идеал полезного государству и Отечеству гражданина.

Советская эпоха в отечественной истории сформировала высокий педагогический идеал – воспитание всесторонне развитой личности, дала примеры массового патриотизма, героического служения, вплоть до самопожертвования, во имя будущего своей страны и своего народа, пренебрежения материальным во имя идеального [Концепция 2009: 24].

Но проходит время, и мы уже в третьем тысячелетии продолжаем говорить о тех же качествах, но применительно к современному человеку, о возрастающей роли традиционных религий, исповедующих морально-нравственные ценности, возвращаемся к животворным их истокам, потому что в конечном итоге они дают ответ на многие самые жгучие проблемы, выдвигаемые жизнью.

Современное образование должно стать питательной средой духовного развития личности. Традиции подлинного российского образования всегда были связаны с духовностью. Владимир Петрович Зинченко, известный советский психолог, при анализе понятия «духовность» на основе работ Алексея Алексеевича Ухтомского говорил о том, что «духовность» – есть устремление, неутоленность, беспокойство, напряженность, энергия, направленная на поиски истины, «духовность» – это практическая деятельность, направленная, прежде всего, на переделку самого себя, на создание духовного мира и собственно духовного организма. С такой концепцией ученого трудно не согласиться. Надо отметить, что А.А.Ухтомский имел духовное образование, и оно, несомненно, оказало влияние на его искания, хотя и не было их единственным медиатором [Зинченко 2011: 231-271].

Но мы понимаем, что новое время ставит новые задачи, не менее трудные, чем были до этого, а порой, может быть, совершенно сложные и требующие нестандартных решений. Обозначенные нами проблемы привлекают не только философов, психологов, культурологов, богословов, но и в первую очередь педагогов, потому что именно от них зависят изменения образовательной траектории и воспитание будущих поколений.

Современный период в российской истории и образовании - время поиска и смены ценностных ориентиров, задача духовно-нравственного воспитания в новое время приобретает чрезвычайную значимость, ее, без преувеличения, необходимо осмыслить сегодня как одну из приоритетных в деле обеспечения национальной безопасности страны.

Сегодня воспитание должно строиться на синтезе разума и чувства, знания и воспитания. Словами Игоря Михайловича Ильинского, известного философа такую концепцию можно выразить следующими словами: «Обучение без воспитания ущербно, более того знания могут быть использованы не во благо, а во зло. Человеку всегда недостает одного ума для его характеристики. Необходимо иметь в виду не только умственные способности, но и духовно-эмоциональную, чувственную сторону, которые создаются не сколько обучением, сколько воспитанием. Ранее обращались только к одной половине человеческого мозга, где размещается только разум» [Ильинский 2002: 333].

Поэтому сегодня необходимо понимать, что продукт образования в современных условиях – это не специалист, пусть даже «высококачественный», а человек – знающий, понимающий, культурный и гуманный. Поэтому, если специалист создается обучением, то человек - только образованием, т.е. обучением и воспитанием. В России истинно образованным можно назвать того человека, который, обретя духовные корни бытия, приобрел и целостное мирозерцание, кто максимально освоил сокровище своей

национальной культуры, не просто познакомившись с ним, но и вобрав их в свой ум и сердце.

Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Формирование нравственной культуры, принятие гражданином России общенациональных и общечеловеческих ценностей - важнейшие составляющие социокультурного и экономического потенциала Российской Федерации, являющиеся базой для укрепления благополучия и благосостояния страны.

Несомненно, образование в многоконфессиональном и многонациональном государстве играет одну из важных ролей в целенаправленном воспитании у подрастающего поколения нравственных качеств личности, прежде всего таких, как уважение, сопереживание, солидарность, терпимость, толерантность, милосердие.

Работа по формированию духовно-нравственной личности в современном обществе представляет собой одну из важнейших не только педагогических, но и общегосударственных проблем.

Современная личность должна быть готова к жизни в условиях многонациональной поликультурной среды, к общению и сотрудничеству с людьми разных национальностей, рас, конфессий. В условиях современного общества для снижения агрессии, экстремизма важно научить человека, а особенно подрастающее поколение, узнавать и понимать окружающий мир, формировать сопереживание, солидарность, терпимость, толерантность – ведь в основе всех общечеловеческих ценностей лежат культурные, религиозные и национальные традиции. Сближение стран и народов, тенденция к их взаимодействию – важная закономерность развития современного общества.

Востребованность человеком созидания и создание вокруг себя открытых, добрых, гуманных отношений, уважение и понимание многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности является характеристикой высокообразованной личности.

Причины этого многообразны и находятся на нескольких уровнях. Парадокс современной культурной жизни человечества состоит в том, что культуры все более выявляют свой не только объединяющий, но и разделяющий народы потенциал, потенциал вражды цивилизаций. Взаимоотношения национальных культур всегда включают в себя политический момент и являются одним из важнейших аспектов отношений между народами, населяющими ту или иную территорию.

Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости. Воспитание в духе толерантности начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав, и с поощрения стремления к защите прав других.

Воспитание в духе толерантности следует рассматривать в качестве безотлагательного императива, в связи с этим необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения толерантности, вскрываю-

щие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях, как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями.

Воспитание должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

Жизнь потребовала разработки на самом официальном уровне Концепции духовно-нравственного развития и воспитания. Это концепция сегодня внедрена в практику, она стала методологической основой разработки и реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования нового поколения. Концепция определяет систему базовых национальных ценностей, принципы духовно-нравственного развития и воспитания личности. Воспитание должно быть ориентировано на достижение определенного идеала. Каковы же наши традиционные источники нравственности? Это Россия, наш многонациональный народ и гражданское общество, семья, труд, искусство, наука, религия, природа, человечество. Базовые национальные ценности производны от национальной жизни России во всей ее исторической и культурной полноте, этническом многообразии, каждая из них раскрывается в системе нравственных ценностей.

Концепция формулирует социальный заказ современной общеобразовательной школе как определенную систему общих педагогических требований, соответствие которым обеспечит эффективное участие образования в решении важнейших общенациональных задач. Семья, «малая Родина», «Отечество», «родная земля», «родной язык», «моя семья и род», «мой дом» - это ключевые слова Концепции.

Важным этапом развития гражданского самосознания является ценностный компонент, выражающийся в укорененности в этнокультурных традициях, к которым человек принадлежит по факту своего происхождения и начальной социализации. Но вместе с тем более высокой степенью духовно-нравственного развития гражданина России является принятие культуры и духовных традиций многонационального народа Российской Федерации. Современный национальный воспитательный идеал – это высоко нравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, включенный в духовные и культурные традиции многонационального народа Российской Федерации.

#### **Список литературы:**

1. Ломоносов М. В. Для пользы общества. – М., 1990. С.42.
2. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: /проект/ А. Я. Данилюк, А.



М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. М.: Просвещение, 2009. (Стандарты второго поколения). – 24 с. <http://www.labyrinth.ru/books/231658/>

3. Зинченко В.П. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. Под научной ред.: Щедрина М.Р. М. : РОССПЭН, 2011. – 582 с.

4. Ильинский И.М. Образовательная революция. – М., 2002. – 596 с.

## **СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Загирова Э.М.**

*Россия, г. Махачкала*

*Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН*

**Гафиатулина Н.Х.**

*Россия, г. Ростов-на-Дону*

*Южный федеральный университет*

**Аннотация:** В статье рассматриваются существующие в массовом сознании молодежи ценности и их роль в сохранении национальной безопасности российского общества.

**Ключевые слова:** духовное здоровье, молодежь, российское общество, национальная безопасность.

В обеспечении духовно-нравственной безопасности российского общества господствующую роль играют духовные ценности, на основе которых происходит удовлетворение потребности молодых людей (как социальной группы) в совершенствовании, развитии их духовно-нравственного мира, в насыщении сознания и души молодого человека идеями, знаниями, чувствами, идеалами. По мере динамики общественного развития, а также в ситуации коренных общественных трансформаций потребности молодых людей, а также баланс между духовными и утилитарными (терминальными и инструментальными) ценностями могут существенно видоизменяться, что, собственно, и наблюдается в современном российском обществе.

В рамках культуры каждого общества складывается своя шкала ценностей, обусловленная социокультурными, общественно-историческими, политическими, социально-экономическими условиями развития того или иного социума. Социальные ценности подразделяются на: а) глобальные; б) национальные; в) материальные; г) духовные; д) политические; ж) этнические; з) семейные. Наиболее распространенной является дифференциация ценностей на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности обладают большей устойчивостью в отличие от инструментальных, их изменение представляется процессом, пролонгированным во временном отрезке. Е.Ю. Рудкевич отмечает, что ценности придают молодежному сообществу необходимую степень порядка и предсказуемости, через систему ценностей, накопившихся в молодежной культуре, и воплощаются в жизнь

регуляция деятельности молодого индивида [1, с. 93]. Именно по этой причине ценности можно рассматривать как гарант духовной безопасности общества, а изменения в них – как угрозу безопасности общества. Разрушение социума, его целостности, единства начинается с разрушения его системы ценностей. Ни одна война, которых было достаточно много в истории России, так разрушительно не подействовала на целостность российского общества, как идеологическая, аксиологическая (идейно-ценностная) революция, перевернувшая представления молодых россиян обо всем, что окружало и составляло сущность российского бытия старших поколений. Трансформационные изменения произошли и во всех важных областях жизнедеятельности российского общества, отразившись на поведенческих установках в семейной, профессиональной, политической, экономической и иных сферах. Духовно-нравственные ценности придают значимость человеческому поведению, наделяя его социальным аспектом и ограничивая рамками той культуры, в которой сформировалась определенная система ценностей. По определению Н.И. Лапина, ценности представляют собой обобщенные представления молодых людей о целях и нормах своего поведения, олицетворяющие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества [2, с. 50].

Отражая специфику общества и условия его развития, ценности, вместе с тем, представляют собой личностно окрашенное отношение молодежи к миру, возникающее на основе не только полученного знания и приобретенной в процессе социализации информации, но и собственного жизненного опыта молодого человека [3, с. 120]. Поскольку любые социальные изменения могут иметь, как положительный, так и отрицательный характер, точно таким же образом и ценности, выступая катализатором изменения сознания молодого индивида, могут стать не только неким ускоряющим фактором проводимых социальных преобразований, но и тормозящим их факторов [4, с. 83].

Таким образом, оценить характер ценностных трансформаций в обществе и степень их позитивности можно через анализ жизнедеятельности различных социальных групп и сообществ. Наиболее значимую информацию можно получить при изучении ценностного содержания жизнедеятельности российской молодежи, которая является наиболее мобильной частью населения. И поэтому российские исследователи посвятили изучению динамики ценностей молодежи ряд исследований [5, 6, 7], в которых были выявлены особенности жизненных установок, взглядов, стереотипов, предпочтений, самочувствия молодых россиян различных регионов, категорий.

Анализируя духовно-нравственный мир современной молодежи, исследователи, в первую очередь, обращаются к значимости такой важной ценности для современной молодежи как семья, что, в целом, правомерно, поскольку изначально семья, будучи ячейкой общества, являлась самым ценным, что есть у каждого человека, а различные изменения в семейной сфере общества, как правило, никогда не проходили бесследно ни для одного социума.

Проводя социологический анализ множеству работ российских исследователей, было выявлено едва ли не единственное в социологии молодежи единение мнений ученых, которые однозначно отметили, что важнейшей ценностью для молодежи является семья. Результаты исследований, проведенных различными учеными, явственно продемонстрировали бесспорное лидерство ценности семьи в числе других ценностей молодых россиян [8, 9, 10].

Действительно, семья способствует молодому человеку преодолевать жизненные трудности, дает понять ему, что у него есть надежная поддержка и опора, что здесь он может позволить себе расслабиться и забыть о неприятностях прошедшего дня, ощутить заботу, любовь и готовность прийти на помощь со стороны ближайшего социального (семейного) окружения. Разумеется, все сказанное имеет отношение только к подлинной семье, в том семантическом значении, в котором и должна быть. В случае же, когда в ней, по тем или иным объективным/субъективным причинам, отсутствуют такие важные ценности, как: взаимодействие, взаимопонимание, взаимоподдержка, взаимовыручка, взаимопомощь, забота, тепло, ласка, любовь, доброта и прочие семейные ценности, семья может стать источником многих негативных явлений в судьбе молодого человека. Она же может спровоцировать его на противоправные действия и поступки, возбудить в душе молодого человека волну негатива, агрессии и жестокости, которые, излившись на окружение, не смогут принести счастья никому. Так, семья помогает смотреть на мир оптимистически даже тогда, когда для этого недостаточно объективных причин. В этом аспекте отрадно то обстоятельство, что современное молодое поколение россиян смотрит на жизнь с определенной долей оптимизма и питает надежду на то, что его жизнь будет совершенствоваться и в ней получится достигнуть успехов. В частности, оптимистические настроения были обнаружены у молодежи Хабаровского [11, с. 31], Краснодарского края [12, с. 89] и др. регионов России [см.: 13, 14, 15, 16].

Результаты социологического мониторинга, осуществленного в конце первого десятилетия XXI в. по данному вопросу показали, что большинство молодых респондентов в качестве самой важной ценности при ответе на вопрос выбрали «крепкую семью» (73,3 %), а второй по значимости оказалась ценность: «достойная работа, карьера (52,2 %)», на третьем – «надежные друзья», в то время как «материальная обеспеченность и богатство» (30,0 %) заняли пятую позицию в шкале ценностей донской молодежи [17, с. 364]. Очевидно, что в последние годы наметилась тенденция некоторого отторжения потребительских ценностей в молодежной среде, но как эта тенденция будет развиваться и что в итоге получится, сказать пока наверняка еще не представляется возможным. Все это позволяет сделать вывод о том, что духовно-нравственная безопасность современного российского общества имеет весьма крепкий тыл со стороны семьи и ее ценности в молодежной среде, сохранность которой позволяет ученым с оптимизмом смотреть в перспективы развития общества. К глубокому сожалению, не представляется возможным то же самое сказать в отношении трудовых ценностей российской молодежи, которые существенным образом видоиз-

менялись под воздействием социально-экономических преобразований в период перехода к рыночным отношениям и последующих трансформаций на российском рынке труда. Так, В. Магун указывает на то, что за период с 1999 по 2007 гг. более чем на треть снизилось количество тех, кто считает важным для себя соответствие работы способностям; уменьшилась значимость таких трудовых ценностей, как «инициатива», «долг» и «ответственность в работе» [18]. Действительно, в условиях подчеркнутой партикулярности общественных ценностей, правил и норм «не работает» идея «долга», которая много десятилетий консолидировала людей различных мировоззрений, убеждений из разных социальных страт общества. Бездарным руководством российской армией, ее совершенно нецелевым своекорыстным использованием, казнокрадством и дедовщиной попорна священная когда-то для молодежи советского пространства идея воинского долга, девальвированы патриотические ценности.

Сегодня понятия совести, правды, коллективизма, справедливости, чести, долга и др. практически исключены из бытового лексикона, а если и применяются, то в ироническом контексте. К сожалению, критикуются и осмеиваются такие исконно русские базовые ценности и цивилизационные качества народа России как: долг, честь, нестяжание, долготерпение, примат общественного над личным, патриотизм, русское гостеприимство и радушие, самопожертвование «всемирная отзывчивость» (по меткому выражению М.Ф. Достоевского). Все эти и многие другие духовно-нравственные ценности помогли многострадальному российскому народу с честью и достоинством пережить трагические и порой непосильные для любой другой нации общественно-исторические испытания. Эти же самые качества и ценности, безусловно, играют важную роль в воспитании и социализации молодых поколений россиян, в возрождении мощи российского государства на вполне естественных для нее принципах – преодоления разрыва между безудержным эгоизмом и разумным самоограничением; разрушением и созиданием, конфронтацией и сотрудничеством; социальным равнодушием и деятельностным пониманием, заинтересованностью; духовным и материальным; нравственностью и свободой. Именно СМИ инвестируют большие средства и затрачивают огромные усилия, направленные на оглушение молодых поколений россиян с помощью информационного ширпотреба и диффамации – сильнейшей отравы для мозга молодежи, ее психики, нервной системы и социального самочувствия. Именно СМИ обеспечили внедрение в массовое сознание искаженного понятия свободы, в результате чего свобода совести превратилась в свободу от совести, от духовных традиций; свобода предпринимательства – свободой от всех законов: как государственных, так и морально-нравственных. СМИ активно участвовали в разрушении процесса социализации молодежи, практических нравственных отношений между молодым человеком и социумом, которые пронизывали все сферы жизнедеятельности, обеспечивали их нормальное функционирование и социально здоровое развитие. А в силу навязываемого молодым людям пренебрежения общественными интересами и целями, которые до последнего времени практически не артикулировались, – поддерживаются,

по своей сути, лишь как два варианта социализации молодых людей: девиантный и маргинальный. Противостоять таким тенденциям сегодня просто насущно необходимо во имя спасения нации. В частности, требуется преодоление кризисных явлений в духовно-нравственной сфере общества, заполнение интеллектуально-этического и духовно-нравственного вакуума, образовавшегося в молодежном сознании исконно русскими традиционными ценностями, исключение из телевидения и пр. СМИ высокооплачиваемых т.н. «звезд», попирающих духовно-нравственные традиционные ценности русского народа и возбуждающих гедонистические псевдоценности удовольствия и стяжательства. Российское государство и общество может выжить и развиваться в глобализирующемся мире только в качестве сильного государства с общезначимой для всего народа смысло-жизненной перспективой и едиными для всех «правилами игры», с системой ценностей и межличностных отношений, которые будут способствовать обеспечению духовно-культурному единству всех поколений россиян, духовно-нравственной безопасности. Разработка такой модели развития требует серьезного теоретического осмысления и эмпирических исследований, чтобы быть положенной с основу не только духовно-нравственной, но и национальной безопасности российского общества в целом.

#### **Список литературы:**

1. Рудкевич Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. 2007. № 1. С. 92 – 94.
2. Гурьева Л.С., Копкарева С.И. Правовые и политические ценности молодежи // Власть. 2008. № 3. С. 50 – 55.
3. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1995. – 286 с.
4. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83 – 90.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. – 272 с.
6. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2016. – 358 с.
7. Муллахмедова С.С., Шихалиева Д.С., Гафиатулина Н.Х., Загирова Э.М. Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества. Махачкала, 2017. – 198 с.
8. Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала, 2013. – 394 с.
9. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. М., 2007. URL: // <http://www.isras.ru> (Дата обращения: 11.02.2016).
10. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 35 – 47.

11. Березутский Ю.В. Ценностно-мотивационный потенциал молодежи региона // Социология. 2006. № 2. С. 31 – 33.
12. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83 – 90.
13. Гурьева Л.С., Копкарева С.И. Правовые и политические ценности молодежи // Власть. 2008. № 3. С. 50 – 55.
14. Букин В.П. Жизненные стратегии молодежи российской провинции // Власть. 2009. № 1. С. 51 – 55.
15. Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.
16. Шахбанова М.М. Современное состояние патриотического сознания дагестанской молодежи // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. М., 2013. С. 254 – 267.
17. Барков Ф.А., Новозженко К.А., Сериков А.В. Молодежь Ростовской области: структурные характеристики ценностных ориентаций и установок // Гуманитарный ежегодник – 7 / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону, 2008. С. 364 – 366.
18. Магун В. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3 (37). С. 98 – 117.

## **ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ – ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Зайнуллина Ф.К.**

*Россия, г. Казань*

*Казанский государственный институт культуры*

**Аннотация.** Религиозные секты противопоставляют себя существующим традиционным духовным ценностям, создаются для корыстного господства над духовно инфантильными людьми, что требует от государства эффективной борьбы с ними.

**Ключевые слова:** секта, сайентология, баптисты, адвентисты, лютеране, пятидесятники, духовная безопасность.

Каждый человек в своей жизни сталкивается с духовно-религиозными проблемами, для решения которых нужны определённые знания, помощь специалиста, так как религиозно-духовный мир разнополярен и далеко неоднозначен.

Сегодня в силу многообразности духовно-религиозных практик, особенно различных сект (террористы радикального ислама, сатанисты, иеговисты, баптисты, адвентисты, лютеране, пятидесятники, «Церковь Христа», «Новоапостольская церковь», мормоны, Белое братство, «Богородичный центр», «Аум Синрике», «Церковь последнего завета» лжехриста Виссариона, бахаизм, кришнаизм, йогические практики, секта П. Иванова, секта

сайентологии Л. Рона Хаббарда, «Троянова тропа» и др.) и их агрессивной позиции беззащитными становятся дети, подростки, молодёжь.

Для того, чтобы обозначить деятельность сект, нужно понимать, что «секта - это термин, который используется для обозначения религиозной группы, отделившейся от основного религиозного направления и противостоящего ему, или указания на организованную традицию, имеющую своего основателя и особое учение» [5].

Целью любого религиозного течения является связь человека с богом. Секты же противопоставляют себя существующему порядку вещей, традиционным духовным ценностям, так как изначально создаются их предводителями для корыстного господства над людьми и поэтому в их сети попадают люди, духовно инфантильные.

Сегодня к наиболее распространенным в России сектам относятся иеговисты, пятидесятники и харизматы, баптисты и адвентисты, охватывающие около 600 тысяч человек. Секты во время распространения своего учения вербуют новых членов, влияя на них через подсознание. Особенно страшны для молодёжи секты сатанинского толка, которых привлекает отрицание авторитета родителей, общественных норм, жажда безнаказанности. Самые опасные секты на территории России сегодня: неопятидесятники (харизматики), которые свои adeptам предлагают сдавать деньги в секту, и чем больше, тем лучше, чтобы в итоге разбогатеть, но многие из них из-за душевного разлада в итоге пытаются покончить с собой.

Одна из влиятельных многочисленных сект - секта «Саентология», adeptов которой считают себя сверхлюдьми и в итоге у них утрачивается критическое мышление, развивается неоправданная самоуверенность в себе, что также приводит в итоге к внутреннему душевному разладу.

Adeptы секты кришнаитов считают признаком «единения» с Кришной катания по земле, громкие крики, тяжелое дыхание, бешеный хохот, но постоянное нахождение в таком состоянии также негативно действует на их психику.

Секту мунитов в 50-х годах создал кореец Сан Мен Мун, проживающий с супругой в США. Большое количество adeptов данной секты становятся «спиритами»: впадая в транс, они будто - бы «получают послания» из мира духов.

Около тридцати «экологических» поселений секты Анастасии раскиданы по всей России и главной характерной чертой их является агрессивность. Секта находится в стадии становления, поэтому сведений о ней немного.

Секта Григория Грабового манипулирует сознанием adeptов, уверяя их, что за большие деньги можно научиться воскрешению, и в итоге, по мере «воскрешения» своих близких они становятся пациентами психиатров или же, отказываясь от традиционного лечения, умирают.

Но все эти секты, спектр которых от целительских, псевдоиндуистских, псевдобуддийских до националистических, принуждают своих adeptов отказать от своих родных, от своих верований, убеждений, нравственных

ценностей, что в итоге ведёт к потере себя как личности, деградации, самоубийству во имя непонятной цели.

Большинство сект в свои ряды вовлекают именно подростков, молодежь, где процветают оргии, употребление наркотиков. Сектантские проповедники призывают своих адептов игнорировать выборы, не служить в армии, не платить налоги и т.д.

И надо добавить, что большинством сект руководят из США. Объёмы финансирования доходят до миллиарда в год, доказывая то, что деятельность данных религиозных объединений превратилась в прибыльный бизнес.

Безусловно, сегодня вопрос стоит не только о духовной безопасности молодёжи, отдельных сообществ, а духовной безопасности нашего государства, так как щупальца центров данных сект тянутся из США, из западного мира.

Данная ситуация ставит перед обществом, государственными органами борьбу с данными сектами ради спасения молодёжи, России, которая должна быть определена следующей платформой действий:

- изучение деятельности сект для дальнейшей грамотной работы спасения будущих адептов от рабства и т.д.;
- непременная психологическая и юридическая помощь пострадавшим;
- пропаганда центров помощи пострадавшим: Центр святого Иринея Лионского, Центр по вопросам сектантства при соборе Святого благоверного князя Александра Невского, Миссионерский отдел Екатеринбургской епархии и др.;
- моральная поддержка пострадавшим.

Государственным органам под контролем Совета безопасности следует определить функции по аналогии с антитеррористическими комиссиями, готовить кадры в Центре по борьбе с экстремизмом. Особенно важно сегодня заниматься профилактикой возникновения опасных для общества сект, так как многие из них пытаются не регистрировать свои организации.

В Уголовный кодекс следует доработать и внести статьи за склонение, вербовку в религиозные объединения, деятельность которых связана с психическим принуждением, с физическим, психическим и психологическим насилием над гражданами России.

И мы утверждаем, что духовная безопасность общества, а особенно молодёжи, зависит от следующих критериев:

- воспитание критического мышления у молодёжи;
- полная информированность о сектах, их целях и задачах;
- знакомство с методикой привлечения адептов в свои ряды;
- создание методик обучения противостоянию против методик привлечения в секты и т.д.

### **Список литературы:**

1. Классификация тоталитарных сект и деструктивных культов Российской Федерации / Миссионерский отдел Московского Патриархата Русской Православной Церкви. - Белгород, 1996 - 80 с.



2. Ли Р., Хиндсон Э. Ангелы обмана: О ложных сектах и лжепророках. - М.: Протестант, 1994. - 239 с.
3. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: Справочник / Миссионерский Отдел Московского Патриархата РПЦ. Информационно-аналитический вестник №1. - Белгород, 1997.
4. О национальной угрозе России со стороны деструктивных религиозных организаций: Аналитический вестник / федеральное собрание - Парламент Российской Федерации. Аналитическое управление. - М., 1996. Вып 28, (Сер. «Оборона и безопасность - 8»)
5. Секта. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. [Электронный ресурс].

## **МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРЕХОДНЫХ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

**Зубкевич Л.А.**

*Россия, г. Нижний Новгород*

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

*E-mail: lada-zubk@rambler.ru*

**Аннотация.** Переходная форма общественного развития – сложное, плохо поддающееся фиксации в качестве объекта изучения явление переходных состояний процесса развития человечества. Задача статьи состоит в том, чтобы понять как возможно изучение подобных явлений и конструирование гносеологических моделей. Следуя «полидискурсивной», «полипарадигмальной» методологии, эклектически сочетая различные концепции общественного развития, в статье моделируется переходная форма общественного развития. Переходные формы конструктивно представляют собой бинарную множественность, где бинарными оппозициями являются старое (или его свойства) и отказ от старого (или от его свойств).

**Ключевые слова.** Переходные формы общественного развития, моделируемое социокультурное пространство, конструируемая мыслимая реальность, реальность событий истории, бинарная оппозиция переходных форм общественного развития.

Задача данной статьи – понять как возможно изучение подобных явлений и конструирование гносеологических моделей. Для достижения этой задачи надо абстрагироваться от межпарадигмальных противоречий. Переходная форма общественного развития – сложное, плохо поддающееся фиксации в качестве объекта изучения явление переходных состояний процесса развития человечества. Сложность обусловлена переходным состоянием, субъектно-объектной неопределенностью изучаемого явления. Никакая завершенная логически концепция не будет адекватна многообразию этих состояний развития социального бытия, так как отсутствует объективное единство бытия в переходных состояниях Поэтому важна применимость

или неприменимость отдельных компонентов этих концепций, их сочетание без потери идентичности, без изменения категориальных структур. Это – «принцип участного мышления», совместное осмысление действительности [1, с. 4], где разрозненные элементы группируются в едином герменевтическом поле, где рождаются новые смыслы, реальности, формы, модели и пр. А потом набор определенных взаимосвязанных понятий составит каркас подробной модели исследуемой реальности [7, с. 61-62].

Мы рассмотрим некоторые методологические концепции, авторы которых рассматривают то пространство, где живет человек моделируемым (или конструируемым) «социокультурным пространством», деятельностной природы [9, с. 111-113]. Оно является объектом познания, созданной людьми моделью реальности, объектом социокультурного бытия, который недоступен к прямому восприятию субъектом. В некоторых концепциях данная модель – онтологическая целостность, а не гносеологическая модель. Она представляет собой способ совместного сосуществования социальных акторов и смыслов, которые они создают, и замыкается сама в себе [9, с. 117-119]. Данная замкнутость разрушается, если модель рассматривать как гносеологическую и включить в нее понятие «историческое самосознание», состоящее из историко-индивидуального и общезначимого (историческое самосознание). В историко-индивидуальном («идея исторического самосознания») логические категории совпадают с «порядком исторического развития», в историческом самосознании народ мыслит свою историю. Но историческое развитие иное, чем любое «логическое следование категорий» [5, с. 3]. История всегда конкретна, и только конкретна, тогда как мысль о событии всегда более абстрактна. Противоречие логического и исторического в движении от мысли к факту (от абстрактного к конкретному). История мысли и действительная социальная история объективно существуют как единое органическое целое. Так историческое содержание прямо включается в логическое движение мысли и определяет его последовательность [4, с. 251]

Социальное конструирование или моделирование применяется в случаях, когда конкретная историческая реальность находится в состоянии неустойчивости (изменчивости), при экстерииоризации субъективного и интериоризации объективного, когда границы между субъектом и объектом ситуативны, зависят от социальных практик, а также и от их интерпретаций. Происходит формирование коллективных представлений, мыслительного проекта, включенных в национальный дискурс. В нем формируется логика понятий, которые потом формируют дискурс [8, с. 3,4]. В проекте сочетается эмпирическая и дискурсивная убедительность, которая противопоставляется субъективным представлениям. Объективная реальность концепции доказывает объективную реальность предмета данной концепции [8, с. 6].

В варианте создания субъектом объективного дискурса реализуется экстерииоризация субъективного. Симулякр и форма развивают содержание дискурса. Симулякр («граница некоторого содержания»), позволяет отличить одно ноуменальное содержание от другого, содержание развивается в рамках формы. Содержание меняет форму, форма меняет содержание, смена

содержания рождает новую форму - «так симулякр закрепляет себя, плодя новые формы жизни» [2, с. 175].

Для моделирования важна интерпретация, так как «содержание» и «дискурс» немислимы без субъекта, и не существует без него: «интерпретация всегда позиция личности, социально-экзистенциальный модус ее присутствия» [1, с. 8]. Через интерпретации в конструировании устанавливаются практики преобразования мира и самой личности, благодаря включению «осмысливаемого в культуру личности», формируются новые смыслы бытия. Неизбежны противоречия интерпретаций, это является источником «столкновения исторически различных практик интерпретационной деятельности» [1, с. 4,11].

В концепте «модель-метафора» объединяется субъект, с его экзистенциальной реальностью, и объект (бытие). Модель-метафора фиксирует фрагмент реальности, в ней учитывается многомерность данного фрагмента и «противоречивость душевного мира познающего субъекта» с помощью органического соединения модели и метафоры. От модели взято: структурность, переносимость с «одного субстрата на другой». В модели-метафоре допускается «фиксированное число интерпретаций» вместо строгого определения и исчисления. От метафоры: «сравнение чего-то со всем, чем угодно» при наличии всеобщей сущностной связи; индивидуально-конкретные «смысло-образы» [7, с. 62,63].

Концепт бинарной множественности применим как в онтологическом, так и в гносеологическом аспекте понимания модели. Исходной точкой этого концепта является утверждение множественности и двойственности бытия. Двойственность – «одно из свойств множественности». Противоположные друг другу части множественности мыслятся как «бинарные оппозиции», «для них характерно широкое поле взаимодействий – от единства и борьбы до нейтралитета и массы промежуточных состояний» [6, с. 4]. Через эти промежуточные состояния происходит переход от одной оппозиции к другой. «Предельные бинарные оппозиции» представляют собой крайне полярные значения, между ними «располагаются множество бинарных предметов и явлений». Множество бинарных предметов находится в отношении рода и вида с множеством, в которое оно входит. Бинарные предметы или явления, находящиеся между предельными бинарными оппозициями суть переходные состояния (если это объективный мир) и переходные понятия (если это мыслимый мир) [6, с. 5].

Далее, следуя «полидискурсивной» методологии, эклектически сочетая выше проанализированные концепции, мы моделируем переходные формы общественного развития. Вследствие действия объективизации субъективных факторов, устанавливаются практики преобразования мира и самой личности, социокультурное пространство переходных состояний процесса развития человечества является моделируемым. Переходные формы общественного развития – «модель-метафора», которая реагирует на «сигналы» реальности и на интерпретации, где конструирующий субъект объединяется с объектом. Переходные формы конструктивно представляют собой бинарную множественность. Здесь бинарными оппозициями мыслятся старое

(или его свойства) и отказ от старого (или от его свойств). Развитие этих форм происходит в направлении к среднему показателю, поэтому переходные формы уравнивают неустойчивость переходных состояний, но при этом не тормозят развитие, а наоборот его обеспечивают, уводя общественную систему от системоразрушающих влияний. Переходная форма – это симулякр, где многообразие переходных состояний отражается в многообразии переходных форм.

Переходный характер форм соответствует переходному состоянию общества. Это неопределенное, безкачественное состояние общества. Для него характерен нигилизм – голое, «зряшное» отрицание всего, что связано с уходящим прошлым. Часто принимает не конструктивные формы. Также характерно желание возврата к старому, где идеализируется предшествующее старому общественное устройство, которое еще свежо в памяти людей. В этом прошлом пытаются найти ответы на вопросы сегодняшнего дня. В переходном обществе сосуществуют множество общественных укладов, типов поведения, мировоззрения и пр. Это – остатки старого; всевозможные гибриды (переходные формы), где рождается новое; и, в том числе, «социальные девиации» (отклонения от общечеловеческих, вечных ценностей и норм, часто имеющие антиобщественную направленность). Все это сосуществует, конкурирует между собой, происходит своеобразный естественный отбор.

На данный момент уже можно говорить о том, что в современном обществе сложились определенные векторы развития [3], которые реализуются и проявляются в следующих тенденциях: 1) в нигилистической (полностью отвергающей или критикующей старое качественное состояние общества); 2) в возвратной тенденции (стремление вернуться к старому и восстановить «все как было»). Возврат к «старому» из переходного состояния возможен не полностью. Все «новое» сохраняется, но «старое» снова занимает доминирующие позиции и определяет «правила игры». Но рано или поздно общество все снова и снова входит в переходное состояние, и перед ним встают все те же, не решенные ранее, вопросы; 3) тенденция к уравниванию развития (если пользоваться моделью бинарной множественности – это стремление к нейтральному или среднему параметру в бинарной оппозиции). Каким образом сочетаются тенденции и векторы в развитии? Вектор указывает цель развития и его путь. Тенденции – это отношения людей к объективности вектора развития, проявляющиеся в мыслях и поступках, также объективирующиеся в условиях переходного процесса. Сегодня существует три таких вектора, идущих к одной цели – единству человечества. Это - формирование новой мировой системы (сети), глобализм, интеграция.

При хаотичности обществ переходного состояния, управление ими возможно только в тоталитарном режиме. Когда все общество рассыпается, нет органичных связей, объединяющих его, сохранить целостность возможно только различными видами диктатур. И то, представители какого вектора развития установили диктатуру, часто определяет установившуюся доминанту в дальнейшем развитии общества.

Объективация субъективного фактора и субъективация объективного фактора в развитии общества характерны только для переходных состояний

общественного развития. Субъективность или объективность какого-то фактора зависит от активности самого актора развития, от ситуации, от относительности точки рассмотрения (внешнее или внутреннее позиционирование). Случайность начинает определять развитие, довлеть над закономерностью.

Подводя итог нашим рассуждениям, мы можем сделать следующие выводы. Переходное состояние общественного развития – моделируемое людьми (субъектами) «социокультурное пространство», оно объективно, освоение его – это мировоззренческий процесс, субъект-объектные отношения. Поэтому необходимо четко разделять онтологические аспекты (бытие объекта и бытие субъекта) и гносеологические (особенности познания субъекта субъектом, объекта субъектом, субъекта объектом из-за интериаризации объективного и экстериаризации субъективного). При онтологическом рассмотрении в переходных состояниях возникает ситуация «замыкания субъекта на самого себя», как результат конструирования им моделей и форм. Они становятся одновременно социальными акторами и способом саморазвития смыслов. В процессе мировоззрения сочетаются логическое и историческое, где историческое – процесс саморазвития объекта, логическое – символическое (языковое) конструирование мыслительных моделей.

В истории, особенно в ее неустойчивые периоды, трудно отделить субъект истории и объект саморазвития. Поэтому важно помнить о том, что есть исторические события, они неизменны и предельно конкретны, это объект (даже если это судьбы людей), а есть мысли по их поводу, причем время возникновения этих мыслей здесь не важно (до события, во время него или после). Мыслимые конструкции или модели всегда более абстрактны по сравнению с событием, они могут быть адекватны событию или неадекватны, могут отражать либо субъектно-объектные отношения, либо лишь экзистенцию субъекта.

### Список литературы:

1. Агапов, Олег Дмитриевич. Интерпретация как личностная форма творения бытия : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.11 / Агапов Олег Дмитриевич; [Место защиты: Казан. гос. ун-т]. - Казань, 2011. - 300 с.
2. Грицай, Е.В. Инициация постмодерна (на полях у Бодрийяра) / Е.В. Грицай // Вопросы философии. - 2003. - №3. - С.170-179.
3. Зубкевич, Л.А. Сущность глобализации и ее сценарии /Л.А. Зубкевич // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. - 2015. - №2. - С.58-70.
4. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории / Э.В. Ильенков - 2-е изд., доп. - М.: Политиздат, 1984. - 320с.
5. Мухамедьянов, Булат Фаридович. Социально-философская концептуализация исторического самосознания: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11 / Мухамедьянов Булат Фаридович; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2010. - 148 с.
6. Тетиор, А.Н. Бинарная множественность природы / А.Н. Тетиор - М.: РЭФИА, 1999. - 234с.

7. Фатенков, А.Н. Философия подвижной иерархии (русский контекст): монография / А.Н. Фатенков - Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. - 322с.

8. Федотова, В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества (к вопросу о методологии) / В.Г. Федотова // Вопросы философии 2003. - №11. - С.3-18.

9. Шакирова, Е.Ю. Общее представление о строении и динамике современного социокультурного пространства / Е.Ю. Шакирова // Вестник ВГУ. Се-рия: Философия. - 2013. - №2 - С. 108-124.

## **ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ**

**Ибрагимов Муса М.**

*Россия, г. Грозный*

*Грозненский государственный нефтяной технический университет*

**Жемчураева С.Ш.**

*КНИИ имени Х.И. Ибрагимова РАН*

**Ибрагимова Э.М.**

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: ibragimov95@mail.ru*

**Аннотация:** В статье на основе проведенного социологического исследования раскрывается уровень толерантного сознания и поведения студенческой молодежи Чеченской Республики. Определено, что наибольшее неприятие в студенческой среде получают практики, которые не связаны с выполнением требований и норм учебного процесса: обособления по богатству, обособления по принадлежности к известным фамилиям, обособления по национальной принадлежности. Исследование уровня коммуникативной толерантности показало, что в целом, в данном вопросе обнаружился высокий уровень толерантных установок в сознании студентов ВУЗов Чеченской Республики. Политическая идентичность, в отличие от других коллективных идентификаций (семьи, людей одной религии, товарищей по учебе, сверстников, людей своей национальности, выбранной профессии и др.) не так сильно развита среди студентов. Низкий уровень политической идентичности и бескомпромиссности у респондентов сочетается с не очень высоким уровнем патриотизма к Родине.

Анализ ответов студентов на два «зеркальных» вопроса о межпоколенческой толерантности, а также о возможности сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии у большинства опрошенных толерантных установок в отношении межпоколенческого взаимодействия, а также невысокой степени значимости для них использования опыта старших для достижения жизненного успеха.

**Ключевые слова:** Студенческая молодежь; толерантность; толерантное сознание; коммуникативная толерантность; политическая идентичность; политическая толерантность; межпоколенческое взаимодействие.

Толерантность, основные принципы которой, предполагают уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, имеет важнейшее значение для современного российского общества.

Развал Советского Союза, региональные военные конфликты, рост национального экстремизма, череда террористических актов, крушение существовавших моральных ценностей способствуют превращению проблемы толерантности в важнейший фактор, социального, политического и духовно-нравственного развития страны.

Многочисленные исследования свидетельствуют о росте эгоистических начал, прагматизма, рационализма в сознании и поведении молодежи в современных условиях. На этом фундаменте нередко произрастают и зерна экстремизма. Так, авторитетный чеченский исследователь В.Ю. Гадаев считает, что известные события, произошедшие в нашей стране в конце XX столетия, и приведшие к смене формации и устоявшегося жизненного уклада, способствовали разрушению традиционного мировоззрения и психологии чеченцев, в связи с чем «...духовные ценности, составляющие стержневую основу традиционной нравственной опоры этноса, начали размываться и на их месте стали утверждаться капиталистические «святыни»: алчность, лицемерие, корысть, материальный интерес и т.д.» [1]

С учетом подобной реальности в 2015 году сотрудниками кафедры «Политология и социология» ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова было проведено социологическое исследование, с целью выявления уровня толерантности студенческой молодежи Чеченской Республики.

Объектом исследования были студенты 3-4 курсов ГГНТУ, ЧГУ, ЧГПУ, РИУ им. Кунта-Хаджи. Генеральная совокупность 2599 человек. Выборочная совокупность 526 студентов.

**Основная цель исследования:** выявление характера, направленности, основных форм и степени отклонения от толерантности как нормативного качества и ценностного ориентира у студентов – будущих специалистов.

В рамках достижения поставленной цели важной задачей исследования являлось рассмотрение проблемы формирования **коммуникативной толерантности**.

Известно, что основным фактором повседневной учебной жизнедеятельности студентов является общение между собой, и формирующиеся в результате этого нормы и практики. Поэтому коммуникативную толерантность, возможно рассматривать как наиболее заметный и значимый для большинства обучающихся вид социальных отношений, которые проявляются в межличностных взаимоотношениях, сложившихся практиках и нормах повседневной учебной деятельности и коллективных идентификациях.

В этой связи, при исследовании коммуникативной толерантности необходимо определить основные факторы, препятствующие оптимизации

межличностных взаимоотношений между студентами в процессе повседневной учебной деятельности.

К числу наиболее характерных для студенческой среды практик, которую они характеризуют отрицательно, можно отнести обособление по богатству (70,8%), а также обособление по принадлежности к известным фамилиям (64,6%). К обособлению по национальной принадлежности негативно относятся 50,9% респондентов.

Почти устоявшейся традицией студентов отечественных вузов стало использование готовых материалов из интернета при подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ, а также шпаргалок на зачетах и экзаменах. Плагиат при написании учебных заданий не приемлют только 24,8% опрошенных, что говорит о том, что данные практики не только широко известны, но и активно воспроизводятся. По отношению же к шпаргалкам у студентов наблюдается еще более лояльное отношение – всего лишь 19% опрошенных относятся к этому негативно, тогда как 81% респондентов подтвердили, что они помогают им успешно сдавать зачеты и экзамены.

Таким образом, наибольшее неприятие в студенческой среде получают практики, которые не связаны с выполнением требований и норм учебного процесса: обособления по богатству, обособления по принадлежности к известным фамилиям, обособления по национальной принадлежности.

Такие же явления, как использование шпаргалок, плагиат, при толерантном отношении к ним со стороны абсолютного большинства обучающихся, позволяют им обойти формальные предписания и нормы в достижении желаемой цели.

Для понимания особенностей профессионального становления будущих специалистов важно учитывать влияние общих, характерных для всего изменяющегося российского общества факторов. К ним, главным образом, относятся продолжающиеся тенденции «ломки» прежних общественных структур и институтов, ценностных ориентиров и социальных норм.

Утрата, удержание или становление качественно новых стереотипов поведения проявляются в социальных идентификациях людей. Эти идентификации проявляются при ответах на вопросы, которые позволяют выявить основные принципы солидарного или конфронтационного взаимодействия. Солидарное взаимодействие характеризуется тем, что люди чувствуют большую близость, легко находят общий язык общения, могут сказать: «Это – мы», а конфронтационное – это когда, напротив, испытывают отчуждение, хотя и могут проживать рядом, про кого говорят: «Это – они».

Методика измерения коллективных идентификаций студентов нами заимствована с небольшими доработками из арсенала методов ее изучения в Центре исследований социальных трансформаций Института социологии РАН под руководством профессора В.А. Ядова [2. С.592-607].

Универсальные, т.е. характерные практически для всех опрошенных социокультурные идентичности связаны с основными первичными группами. Это – семья (85,3%) и люди одной религии (77%), а также товарищи по учебе (71,8%). Вторая по распространенности группа социальных идентификаций, охватывающая 50-65% опрошенных, указывает на духовную бли-



зость людей, уважающих традиции своего народа (65,2%), имеющих похожие взгляды на жизнь (64,9%), уважающих местные традиции (63%), людей одной национальной принадлежности (59,9%), людей одного поколения (53%). Средние по распространенности идентификации связаны с людьми, проживающими по соседству (52%), «однотайповцами» - 48,9%, теми, кто не ждет манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь (41,1%), людьми похожего достатка (40,8%), людьми, придерживающимися сходных досуговых интересов (37,3%). Самыми низкими по распространенности оказались геополитические идентичности: граждане всего мира (19,7%), люди, близкие по политическим взглядам, позициям (19,4%), люди, достигшие безусловного успеха и материального благополучия (18,5%), люди, относящиеся к элите общества (16%), россияне (14,4%), граждане СНГ (10,7%).

При анализе толерантности принято выделять пять основных уровней коммуникативной толерантности: терпимость, уважение, эмпатия, доброта, общение[3]. Использовалось также понятие *коммуникативной интолерантности*, т.е. стойкая защита своей позиции и неприятие другого мнения.

Рассмотрение уровней проявления коммуникативной толерантности показало, что почти трети респондентов (33,4%) свойственна позиция уважения. При ответе на вопрос: «Что Вы обычно делаете, когда сталкиваетесь с чуждым для себя мнением?» - они выбирали ответ: «Отношусь с уважением к другому мнению, но без попыток к взаимодействию». Данный уровень толерантности преобладает у девушек (37,5%), в то время, как у юношей он несколько ниже (28,7%). В данной иерархии на втором уровне находится эмпатия (30,2%). Приблизительно, один из семи респондентов придерживается позиции доброты по отношению к чужому мнению, выражая при этом, готовность, если будет необходимость, принять другую точку зрения. Такой уровень толерантности, фактически, означает потерю собственной позиции. Наверно, поэтому так невелико число его сторонников среди студентов, которые планируют стать специалистами и сделать хорошую карьеру. Не получают значимой поддержки в студенческой среде уровни интолерантности (12,5%), а также терпимости (9%).

Таким образом, существенно большое выражение, характерное для трети опрошенных, получил уровень уважения к чужому мнению, но без попыток к взаимодействию. В целом, в данном вопросе обнаружился высокий уровень толерантных установок в сознании студентов ВУЗов Чеченской Республики.

**Политическая толерантность:** В нашем исследовании мы исходили из понимания политической толерантности как уважение точки зрения "политического другого", в качестве которого может выступать человек, придерживающийся иной идеологии, иных мировоззренческих позиций, других взглядов на государственное управление[4]. Она проявляется в готовности слушать мнение политических противников, желании их переубедить или способности признавать правоту их взглядов. Основой для формирования политической толерантности является личностный уровень, где толерант-

ность предстает в качестве ценностных диспозиций и готовности придерживаться определенных норм поведения.

Анализ ответов на вопрос: «Какая политическая система больше всего подходит для России» показал, что свои предпочтения студенты отдают политической системе, которая существует сегодня (40,9%). Значимым для них также является демократия западного типа, что проявилось в ответах респондентов (31%). Советскую систему, но в другом более демократичном виде, считают наиболее подходящей для России 17,4% студентов. Ценность доперестроечной советской системы отметили всего лишь 6,8% респондентов.

Примечательно, что небольшая часть опрошенных (3,6%) предложила свой вариант ответа – шариатская политическая система. Монархию как подходящую для России систему отметили 0,4% студентов.

Для того чтобы выяснить в какой мере сложившиеся разные точки зрения студентов на приемлемость того или иного типа политической системы современным условиям соотносятся с установками на политическую толерантность, были выбраны индикаторы политической толерантности в качестве которых выступили показатели политической идентичности и ценностные диспозиции.

Политическая идентичность, т.е. совпадение политических взглядов и на этой основе противопоставление себя другим рассматривается в литературе как отражение политической интолерантности. «Другие» при таком понимании идентификаций рассматриваются как «чужие». С «чужими» пытаются не взаимодействовать, но в случае необходимости такого взаимодействия стараются обоснованно подавить политического оппонента. Политическая идентичность, в отличие от других коллективных идентификаций (семьи, людей одной религии, товарищей по учебе, сверстников, людей своей национальности, выбранной профессии и др.) не так сильно развита среди студентов. В структуре коллективных идентификаций, предлагавшимся респондентам для оценок, она занимает лишь 19 место из 23.

К индикаторам политической толерантности для современных условий была отнесена низкая степень согласия опрашиваемых с суждением «В нашей жизни очень важно бороться до победы над политическими оппонентами, соперниками». Такое отношение к социально-политическим ценностям общества закладывались в основу формирования коммунистической нравственности нескольких поколений советских граждан, однако, сегодня оно не соответствует требованиям демократии и современным политическим представлениям. Опрос показал, что с данным суждением согласны только 7,4% респондентов.

Низкий уровень политической идентичности и бескомпромиссности у респондентов сочетается с не очень высоким уровнем патриотизма к Родине. При формулировке своей жизненной позиции придерживается принципа «Раньше думай о Родине, а потом о себе (15,4%), а 5,9% опрошенных демонстрируют свой космополитизм: «Родина там, где мне хорошо».

**Межпоколенческая толерантность:** Ее принято понимать как признание ценности и возможности взаимопонимания и сотрудничества, ис-

пользования опыта, знаний и позитивных традиций во взаимоотношениях со старшим поколением. Именно пренебрежение к использованию опыта родителей предшествующих поколений в ходе приспособления молодежи к современным рыночным условиям жизни рассматривается многими аналитиками как одно из важнейших социальных противоречий ведущее, в конечном итоге, к расколу общества и противостоянию поколений.

Исследование показало, что абсолютное большинство студентов (66,2%) положительно настроены к возможности конструктивного взаимодействия между разными поколениями.

Годится ли опыт старшего поколения (по мнению молодежи) для достижения успеха в сегодняшней жизни? Для ответа на этот вопрос студентам были предложены два суждения. Первое, толерантное: «Чтобы добиться успеха, надо максимально использовать опыт старшего поколения», второе, интолерантное: «Опыт старшего поколения не годится для достижения успеха в сегодняшней жизни молодых». Степень согласия с предложенными суждениями позволял выявить уровень толерантности студентов. Только 3,8% опрошенных считают, что нужно максимально использовать опыт старших поколений. Со вторым, нетолерантным суждением, в отношении использования опыта старших поколений, согласна примерно пятая часть опрошенных.

Анализ ответов студентов на два «зеркальных» вопроса о межпоколенческой толерантности, а также о возможности сотрудничества между молодежью и людьми старшего возраста, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии у большинства опрошенных толерантных установок в отношении межпоколенческого взаимодействия, а также невысокой степени значимости для них использования опыта старших для достижения жизненного успеха.

Выявленная ситуация вызывает определенную обеспокоенность за будущее имеющих многовековую историю чеченских традиций уважительного отношения к старшим, буквального благоговения перед ними. Эта тенденция нами была отмечена и в предыдущем исследовании[5].

Ответы респондентов относительно межпоколенческой толерантности показывают, что данная проблема требует пристального внимания со стороны государственных органов власти и общественности при формировании и реализации национальной политики и осуществлении концепции духовно-нравственного воспитания молодежи в Чеченской Республике.

### **Список литературы:**

1. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный. 2011. С.16-17.
2. См., например, Данилова Е.Н. Кто мы, россияне? /Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН – ПРЕСС-Ц, 2001..
3. См.: Психодиагностика толерантности личности: под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. – М.: Смысл. - 2008. – 172 с.

4. Устинова И.В. Политическая толерантность как компонент политической культуры и условие демократии // [http://www.lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov\\_2007/17/ystinova\\_iv.doc.pdf](http://www.lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/ystinova_iv.doc.pdf) (дата обращения 05.07.2016 г.)

5. Манкиев А.А., Ибрагимов М.М., Жемчураева С.Ш. Чеченский тайп в историческом прошлом и сознании современной студенческой молодежи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. №3(20). С.98-104.

## **ВЛИЯНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЧЕЧЕНЦЕВ НА ОСОБЕННОСТИ ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**

**Ибрагимова Э.М.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

**Аннотация.** В статье на основе проведенного автором социологического исследования анализируются особенности экономического поведения чеченцев на современном этапе. Отмечается, что формирование рефлексии экономического поведения и стереотипизация ценностных ориентаций сопряжена не только с преобразованиями в экономической и институциональной сферах общества, но и с этническими и культурными традициями общества. Выявлено, что значительную предрасположенность чеченцев к определенному типу экономического поведения определяет его положение в социальном пространстве, которое структурируется следующими принципами дифференциации: экономическим капиталом, духовным и культурным капиталом, в котором образование имеет главенствующую роль. По результатам проведенного исследования, мы можем заключить, что образование и духовность – это некая структурированная матрица в социально-экономическом поведении чеченцев, которая в свою очередь оказывает влияние на их взгляды и действия в окружающем мире. Прежде всего, в качестве матрицы или структуры восприятий, действий ценностные ориентации чеченцев генерируют и организуют экономическое поведение и представления – они структурируют опыт чеченцев и его отношения к социальному миру. Тот процесс социально-экономического поведения чеченцев, который индивид проходит в семье и своем окружении, оказывает особенно сильное воздействие на формирование социально-экономического статуса, поскольку закладывает основу понимания социального мира и структурирования будущего опыта.

**Ключевые слова:** экономическое поведение; ценностные ориентации; чеченцы; традиции и обычаи; материальное положение; духовность; экономический капитал; духовный капитал.

Актуальность избранной темы заключается в том, что проблема формирования экономического сознания, экономических стратегий поведения индивидов видоизменяется в связи с происходящими переменами в социально-экономической области [1].

Однако, формирование рефлексии экономического поведения и стереотипизация ценностных ориентаций сопряжена не только с преобразованиями в экономической и институциональной сферах общества, но и с этническими и культурными традициями общества, которая меняется медленно и незаметно по сравнению с быстро меняющимися социально-экономическими преобразованиями. В результате экономическое поведение групп и индивидов может не соответствовать ожиданиям разработанных экономических стратегий и преобразований, что требует изучения и осмысления[2].

Становится особенно важным выявление особенностей формирования экономических практик и ценностей социально-экономического поведения чеченцев, учитывая глубокие изменения в политической, социальной и экономической жизни Чеченской Республики в последние десятилетия. В силу стечения обстоятельств и формирования ряда объективных и субъективных факторов в конце XX в. чеченский народ вынес целый ряд широкомасштабных военных действий, в результате чего Чеченская Республика была выведена из социально-экономического поля Российской Федерации, так как была уничтожена экономическая и социальная инфраструктура республики, а сотни тысяч чеченских граждан лишились жилья и имущества[3].

Проблема изучения социально-экономического поведения чеченского народа актуальна и вследствие тесной связи населения с историко-культурными традициями и особенностями чеченского этноса, являющегося титульной нацией в Чеченской Республике. Чеченцы составляют 93% населения республики. Поэтому важно выявить степень влияния этнических ценностей на социально-экономическое поведение чеченцев, так как социальная жизнь, история и культура чеченцев составляют часть кавказской и российской цивилизации. Чеченская Республика является неотъемлемой частью социально-экономического пространства Российской Федерации, при этом имеет внутреннее социально-экономическое и культурное самоопределение.

Крайне мало представлено работ по исследованию влияния этнических особенностей и ценностей на экономическое поведение населения. Из таких работ можно назвать работы Дж. Кейнса, Л. Ханифана [4]. По влиянию этнических особенностей кавказских народов, в том числе и чеченского народа, на их экономическое поведение работы практически отсутствуют. Некоторые аспекты этого влияния на поведение чеченцев в экономической сфере рассмотрены в работах М.М. Ибрагимова, посвященных проблеме повседневной жизни чеченских спецпереселенцев в период сталинской депортации [5].

Аксиологические аспекты социально-экономического поведения чеченцев и особенности их ценностных ориентаций были выявлены в ходе проведенного исследования. Исследование проводилось методом анкетного опроса по репрезентативной выборке жителей Чеченской Республики (N=457) в сентябре-октябре 2015 года, после летних отпусков в начале учебного года. Целевая кластерная выборка осуществлялась среди город-

ского и сельского населения в возрасте от 16 до 60 лет и старше среди женщин и мужчин. В опросе принимали участие 30% мужчин и 70% женщин.

В ответах принимали участие жители двух городов: Грозный (N=285) и Урус-Мартан (N=126), а также жители трех сельских населенных пунктов Гойское (N = 13), Рошни-Чу (N=16), Нагорное(N=27). Полученные анкетные данные обработаны с применением статистического пакета Excel с использованием факторного, регрессионного, корреляционного анализа распределений. В задачи исследования входило: систематизация различных факторов, влияющих на выбор социально-потребительских предпочтений, дифференцированных по целеполаганию и направлению.

Исследование проводилось на дому и на работе у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных. Статистическая погрешность данных исследования не превышает 3,4%.

Исследование позволило сформулировать следующие социально-экономические особенности в распределении населения по республике:

большинство жителей республики проживает в центральных районах; в районы, которые удалены от г. Грозный привлекается малая доля инвестиций,

в результате г. Грозный в социально-экономическом отношении развивается динамичнее прочих районов;

в г. Грозный сосредоточено основное количество занятого населения республики, в котором есть возможность вести деятельность в сфере услуг;

отличительными чертами г. Грозного является стабильная социальная ситуация, что отличает г. Грозный от других муниципальных образований, особенно от сельской местности.

В силу культурных традиций и ментальности в Чеченской Республике среди жителей развиты семейные форма хозяйства, в которых одной из распространенных форм заработка принадлежит частному бизнесу.

Анкетный опрос выявлял характер основных занятий респондентов и им предлагалось ответить на целый ряд вопросов по трем направлениям: социально-экономическая ориентация, материальное положение, экономические факторы обеспечения семьи. Также отдельно определялся рейтинг социально-значимых вопросов по социальным и экономическим проблемам.

В ходе авторского исследования в Чеченской Республике выявлено, что по характеру основных занятий респонденты разделились следующим образом: в возрасте 16-25 лет 78% опрошенных учились, 22% - занимались спортом или путешествовали, основная часть мужчин в возрасте 26-45 лет во время проведения опроса «работали и зарабатывали на жизнь» - 89% от опрошенных. 33% женщины в возрасте 26-45 лет в основном «помогали по дому» или «учились». 98% женщин и мужчин в возрасте 46-60 лет «работали и зарабатывали на жизнь». 60% женщин и 38% мужчин ответили, что «денег хватает только на продукты, покупка одежды вызывает финансовые затруднения». 49% жителей Чеченской Республики отмечают, что денег хватает только на продукты, что на 8% выше, чем в целом по России.

По данным официальной государственной статистики (Росстата) реальные располагаемые денежные доходы россиян в январе – декабре 2015 г. составили 96,9% к соответствующему периоду предыдущего года, реальная заработная плата – 91%. При этом индекс потребительских цен в декабре 2015 г. составил 100,8% к декабрю 2014 г. В целом доля жителей России с денежным доходом ниже прожиточного минимума в первом полугодии 2015 г. составила 15,1%, в 2014 г. (для сравнения) – 11,2%.

Среди жителей Чеченской Республики плохое материальное положение отметили 33% респондентов, 55% назвали материальное положение средним, только 11% были удовлетворены своим материальным положением.

Показательно, что на вопрос: «Как вы считаете, ваше материальное положение за последние два-три месяца улучшилось, ухудшилось или практически не изменилось?». Практически 100% респондентов ответили, что существенно ничего не изменилось. Социальное самочувствие у чеченского населения остается низким: 52% ответили, что они не ждут перемен, 48% затруднились ответить среди опрошенных в возрасте 46-60 лет и старше, молодежь более оптимистично смотрит на жизнь и 25% в возрасте 16-25 лет ответили, что их материальное положение улучшится. Особо выделилась возрастная группа 26-45 лет, в которой 44%, считают, что их материальное положение улучшится.

Как показали результаты социологических измерений, в годовой ретроспективе в динамике индекса потребительского настроения наблюдаются устойчивые негативные изменения (в 2013 году – 90 п., в 2014 году – 88 п., в 2015 году – 77 п.). На протяжении 2015 года индекс потребительских настроений находился в пределах 73 – 80 пунктов, что существенно ниже нейтрального уровня (100 пунктов), означающего равновесие положительных и отрицательных характеристик. Более того, с середины 2015 года наметилась тенденция ухудшения в оценках населением региона своих потребительских возможностей: с июня по декабрь 2015 года индекс потребительского настроения упал на 2 пункта (с 80,1 до 77,7 п.).

Ухудшение экономического положения затронуло все основные социальные группы жителей Чеченской Республики: во всех социально-демографических категориях с 2010 года снижаются денежные доходы и расходы населения.

Хотя общий прирост денег на руках не имеет отрицательных значений и в 2010 г. он составлял 100 млн. руб., а в 2014 г. 136 млн. руб. Но за тот же период возможность приобретения недвижимости сократилось в 2 раза с 682 млн. руб. до 377 млн. руб., а в процентном отношении эти показатели сократились в 4 раза по отношению к предыдущему году и составили: 0,4 в 2010 году, 0,4 в 2011 г., 0,3 в 2013 г., 0,1 в 2014 г. Это согласуется и с проведенным нами опросом, когда жители отвечали, что денег им хватает только на еду.

В результате реальные доходы жителей Чеченской Республики сократились почти на 20% в 2015 году по сравнению с 2011 годом [6].

Рассмотрим еще один индикатор зависимости материального положения по возможности совершать покупки первой и не первой необходимости и группе по оценке своего материального положения среди чеченцев.

Корреляционный анализ результатов опроса среди женщин и мужчин по всем возрастным группам показал, что наиболее реально оценивают свое материальное положение и возможности совершать покупки женщины и мужчины в возрастных группах 36-45 и 46-60 лет (коэффициент корреляции от 0,52 до 1). В возрастных группах 16-25, 26-35, от 61г. оценка своих возможностей и оценка своего материального положения не достаточно объективна (коэффициент корреляции колеблется от -0,01 до -0,98). Причем у мужчин разброс в значении коэффициента больше. Это свидетельствует о том, что материальное положение жители оценивают достаточно субъективно. Молодое поколение не склонно соотносить возможности и личную оценку своего социально-экономического статуса: хорошее, среднее или плохое у них материальное положение, люди среднего возраста 36-60 лет более объективны в этом вопросе: они соотносят свои материальные возможности с оценкой своего социально-экономического статуса.

Особое значение приобретают результаты опроса среди чеченцев по рейтингу социально значимых вопросов. Опрос показал, что чеченцы имеют своеобразный умственный фильтр, структурирующий восприятие, жизненный опыт и поведение индивидов таким образом, что окружающий мир для чеченца приобретает образовательный характер. Полагаем, что это происходит в силу сложившихся культурно-исторических традиций чеченцев, о которых написано немало исследований. В данном же исследовании в аксиологических ориентирах чеченцев мы выделили понятие «целеустремленного образования», которое характеризует склонность к определенному типу поведения, посредством которых познается социальный мир. Иными словами, именно целеустремленное образование позволяет чеченцам определить «понимание собственного места» в социальном мире или выработать «точку зрения», объясняющую как собственные действия, так и действия других индивидов.

Это доказывают результаты проведенного опроса о ценностных ориентациях (оценка проходила по пятибалльной шкале, где 1 – самый низкий бал, а 5 – наивысший). Он показал, что образование и профессионализм у чеченцев тесно связан с социальным положением. Причем 75% опрошенных образование вывели на первую позицию с 5-ю баллами, на втором месте в высоких позициях иерархии оказалась духовность – 66% из опрошенных поставили высший бал. Следующим в иерархии ценностей оказалось социальное положение – 65% из опрошенных, на материальные и профессиональные ценностные ориентиры с оценкой в 5 баллов указали 63% опрошенных. Это свидетельствует о том, что, в качестве образа жизни у чеченцев «образование» и «духовность» формирует не только интерпретативные схемы и мысли индивида – т.е.его разум – но и его социальные особенности, создавая тем самым предрасположение к восприятию действительности социальных проблем и задач. Ценностные ориентации у чеченцев становятся обобщенными признаками социальных образов действий.



Такие ценностные ориентации становятся базисом социальных трансформаций и влияют на ценностно-нормативную сторону экономического поведения, потому что образование, как социально значимый, общественный институт, сегодня является проводником экономических целей общества. И чеченцы это очень хорошо понимают, о чем свидетельствуют данные проведенного опроса.

Образование и духовность помогает чеченцам создавать классифицирующие схемы социально-экономического поведения, чем подтверждаются результаты огромных экономических достижений Чеченской республики за последние годы. Можно сказать, что образование и духовность позволяют устанавливать чеченцам различия между хорошим и плохим, истинным и ложным и т.д. [7].

Выделить аксиологические аспекты социально-экономического поведения чеченцев, это не только определить ценностные ориентации экономического поведения, но и выявить такое понимание социальной жизни, которым подчеркивается ее активное построение, попытки индивидов управлять своей повседневной жизнью. Значительную предрасположенность чеченца к определенному типу экономического поведения определяется его положением в социальном пространстве, которое структурируется следующими принципами дифференциации: экономическим капиталом, духовным и культурным капиталом, в котором образование имеет главенствующую роль.

Понятие «экономический капитал» для чеченцев представляют материальные ресурсы: богатство, земля, деньги, – которыми они управляют или же обладают. Культурный капитал представляет нематериальные блага, такие как образование, виды знания и специальности, красноречие (дар вести споры, излагать мысли и т.д.), духовность, эстетические предпочтения, которые могут быть преобразованы в экономический капитал. Именно эти две формы капитала и образуют то предрасположение индивида к определенной форме внутреннего и внешнего контроля, которое образует социальное пространство, в котором вырабатываются точки зрения чеченцев.

В этом социальном пространстве чеченцы позиционируют себя относительно друг друга, во-первых, в соответствии с общим объемом капитала (образование и духовность), которыми они обладают, а, во-вторых, в соответствии с относительным размером их экономического и культурного капитала. Более того, чем ближе индивиды находятся друг к другу по размерам и типам капиталов, тем больше между ними общего (т.е. тем больше совпадают их стили жизни, вкусы и стремления); тогда как чем больше они отстоят друг от друга в социальном пространстве (т.е. чем менее схожи они между собой по составу капитала) тем меньше между ними общего.

Опрос показал, что это не является прямым результатом того, что любой чеченец обладает сходным количеством денег или же сходным образовательным багажом, но каждый приобрел некий экономический статус, благодаря сходству их положения в социальном пространстве.

В результате, мы можем заключить, что образование и духовность – это некая структурированная матрица в социально-экономическом поведе-

нии чеченцев, которая в свою очередь структурирует их взгляды и действия в окружающем мире. Прежде всего, в качестве матрицы или структуры восприятий, действий ценностные ориентации чеченцев генерируют и организуют экономическое поведение и представления – они структурируют опыт чеченцев и его отношения к социальному миру.

Тот процесс социально-экономического поведения чеченцев, который индивид проходит в семье и своем окружении, оказывает особенно сильное воздействие на формирование социально-экономического статуса, поскольку закладывает основу понимания социального мира и структурирования будущего опыта.

Социально-экономическая обусловленность ценностных ориентаций экономического поведения чеченцев – это система длительных и устойчивых диспозиций, которая стремится обеспечить свое собственное постоянство и защиту от перемен путем отбора новой информации. Посредством систематического отбора, а именно это и дает образование, которое чеченцы в опросе поставили на первое место в целеполагании (даже с учетом близости «духовность» отстает от «образования» на 9 п.п.), наиболее часто встречающихся экономических событий, социальных проблем, чеченцы стремятся защитить себя от различного рода критических состояний и вызовов, создавая себе среду, к которой они наилучшим образом заранее адаптированы.

#### **Список литературы:**

1. Вебер, М. Избранное. Образ общества /пер. с нем.– М.: Юрист, 1994. – 704 с.; Беккер, Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменчивости /пер. с англ. В. М. Карзинкина и Ю. В. Семенова. М.: Изд. иностр. Литературы – 1961. – 882 с.

2. См.: Павлов К.В. Приоритеты России. Национальные особенности экономического поведения. ООО "Издательский дом Финансы и кредит" (Москва) №4 – 2006. С.36-38; Ивченков С.Г. Особенности социокультурной самоидентификации саратовской молодежи: социологический анализ // Научно-практическая конференция с международным участием. Первые Всероссийские Гуткинские чтения, посвященные 80-летию со дня рождения профессора Гуткиной И.М. «Пространство и бытие современной культуры: теоретические и прикладные аспекты исследования», Саратов, СГУ, 19-20 апреля 2016 года.

3. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный 2008.- 832 с.; Решиев С.С., Даурбеков С.-Э.С. Социально-экономическое развитие Чеченской Республики в 2010–2015 годы // Региональная экономика: теория и практика. М., 2015. №37.

4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.; Narayan D., Pritchett L. Social Capital: Evidence and Implications // Social Capital: A Multi-Faceted Perspective. Washington: WorldBank, 2000. P. 269–295.

5. Ибрагимов М.М. Трудовая и общественно-политическая деятельность чеченцев в годы депортации// Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации» 18 февраля 2006 года. Грозный, 2006. С.54-63; Ибрагимов М.М. Труд и условия проживания как аспекты повседневной жизни чеченских спецпереселенцев в 1940-50-е гг.// Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Г. Грозный, 18-19 мая 2010 г. С.290-301.

6. Статистические сборники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике «О социально-экономическом положении в Чеченской Республике за 2010–2016 годы».

7. Ибрагимов Муса М., Балаева А.Р., Нуридова А.Х.. Вклад русской интеллигенции в социально-экономическое и культурное развитие Чечено-Ингушетии в годы советской власти. Грозный. 2008.-352 с.

## **РЕФЛЕКСИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ ПОДРОСТКОВ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ**

**Иванова И.В.**

*Россия, г. Калуга*

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского*

*E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме, актуальной в свете современных социокультурных условий – проблеме формирования ценностно-смысловой сферы личности современного ребенка. Исследование построено на основе идей научной школы под руководством М.И. Рожкова, основной методологической базой которых является экзистенциальный подход. В статье раскрывается сущность педагогического сопровождения саморазвития личности как реализации ребёнком собственного проекта совершенствования необходимых ему качеств. В качестве новой идеи к реализации педагогического сопровождения саморазвития детей в дополнительном образовании предлагается рефлексивно-ценностный подход, в рамках которого педагогическое сопровождение саморазвития подростков ставит перед собой в качестве первоочередной задачу формирования у ребенка ценностных смыслов, и, на основе этого – построение и реализацию проекта своей жизни. Исследование вносит вклад в реализацию «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года», принятой Правительством Российской Федерации (распоряжение от 29 мая 2015 г. N 996-р, г. Москва).

**Ключевые слова:** саморазвитие, педагогическое сопровождение, дополнительное образование, рефлексивно-ценностный подход, экзистенциальная педагогика, проект саморазвития.

Практика формирования экзистенциальной сферы такова, что позволяет прийти к заключению, согласно которому в начале 21 века создаются условия (социальный заказ, образовательная политика государства), предопределяющие востребованность разработки детьми «проектов саморазвития» как проектов реализации собственной жизни. При этом действительность настоящего времени свидетельствует о том, что 21 век характеризуется отсутствием целенаправленной практики формирования экзистенциальной сферы личности ребенка в условиях образования.

Налицо провозглашенный приоритет предоставления свободы выбора ребенку при отсутствии практики формирования ответственности на основе рефлексии. То есть, речь идет о возникшем противоречии между теорией и воспитательной практикой: нет ответа на вопрос «*Как воспитать свободную и ответственную личность, способную к построению и реализации проекта собственной жизни?*». Возникла потребность в организации воспитания как целенаправленного процесса, организуемого педагогом, и направленного на решение задачи стимулирования саморазвития ребенка на основе его рефлексивной оценки происходящих событий, в том числе и ситуаций, специально создаваемых педагогами.

Констатируем необходимость разработки ценностно-рефлексивного подхода, способного разрешить противоречие между теорией и практикой. В данном случае речь идет о формировании у ребенка ценностных смыслов, на основе которых строится видение проекта своей жизни.

Обоснование педагогического сопровождения саморазвития детей через построение ими проектов собственной жизни как проектов саморазвития в контексте рефлексивно-ценностного подхода восходит к сущности саморазвития как процесса, строящегося на основе сформированных ценностей: личностных, связанных с самовосприятием; социальных, связанных с восприятием себя как члена общества; глобальных, связанных с восприятием человеком себя как представителем планеты [1].

Создание детьми проектов саморазвития видится нами возможной в контексте специально организованного педагогического сопровождения, методологически опирающегося на законы, принципы и механизмы **рефлексивно-ценностного подхода**. При этом важной задачей педагогического сопровождения в данном случае выступает формирование у ребенка ценностных смыслов, и на основе этого – построение им проекта своей жизни как проекта саморазвития.

**Педагогическое сопровождение** (помощь ребенку в развитии его личности и индивидуальности) выступает как фактор воспитания и функция воспитательной деятельности, ориентированная на саморазвитие личности.

**Целью педагогического сопровождения** в данном случае выступает формирование у подростка ценностных смыслов, и на основе этого – построение им проекта своей жизни как проекта саморазвития.

**Задачи сопровождения** состоят в формировании:

- 1) ценностей личности (личностных, связанных с самовосприятием; социальных, связанных с восприятием себя как члена общества; глобальных, связанных с восприятием человеком себя как представителя планеты);
- 2) потребности в саморазвитии;
- 3) готовности к личности к свершению осмысленного самостоятельного выбора и несения за него ответственности (на основе рефлексии).

Определяем следующие **этапы сопровождения**: этап проблематизации; этап изучения запроса; этап соотнесения «Я-реального» и «Я-идеального»; этап целеполагания; этап поиска смысла; этап подготовки к ответственному выбору; этап разработки проекта; деятельностный и аналитический этап. В качестве основных **методик и технологий формирования сензитивных компонентов экзистенциальной сферы личности** (жизненной позиции, ценностных ориентаций, способности к ответственному экзистенциальному выбору) обозначаем: технологию разработки проектов собственной жизни, методику проблемных ситуаций, метод дилемм-ситуаций морального выбора и социальные пробы.

**Принципами** педагогического сопровождения саморазвития подростков выступают:

***Принцип свободы саморазвития и независимости***

Задачи: формирование у подростка мотивов самопознания и стремления к саморазвитию, формирование целостности и уверенности в себе, свободе воли как свободе взять на себя ответственность за свою судьбу, свободе принимать решения о своем жизненном самоопределении.

Условия реализации: предоставление подростку свободы выбора (видов деятельности, типа занятий и т.д.), включение в практику разработки проектов собственной жизни.

***Принцип нравственного саморегулирования***

Задачи: формирование готовности подростка к осуществлению нравственной оценки происходящих событий.

Условия реализации: реализация методики проблемных ситуаций.

***Принцип накопления опыта нравственных ценностных установок***

Задачи: формирование нравственности как ценности личности, потребности строить свой жизненный путь на основе нравственных установок, накопление опыта социально полезного поведения.

Условия реализации: метода дилемм-ситуаций морального выбора, включение в практику разработки проектов собственной жизни, погружение подростка в социальные пробы.

***Принцип стимулирования развития ценностно-смысловой сферы***

Задачи: формирование у подростка мотивов самовоспитания, основанного на осознанности и целенаправленности.

Условия реализации: обучение способам самопознания, рефлексии, планирования самосовершенствования.

***Принцип социального закаливания***

Задачи: формирование рефлексии, готовности подростка к самостоятельному выбору на основе сформированных ценностных ориентаций.

Условия реализации: погружение в социальные пробы.

***Принцип актуализации потребности в смысле***

Задачи: формирование стремления к смыслу, способности подростка вести осмысленную жизнь.

Условия реализации: применение методики проблемных ситуаций, метода дилемм-ситуаций морального выбора, включение обучающихся в практику разработки проектов собственной жизни.

***Принцип актуализации личной ответственности***

Задачи: формирование осознанности выбора, критичности мышления, ответственности нахождение и реализацию смысла в любых обстоятельствах, стремлении осознавать ответственность нахождение и реализацию смысла в любых обстоятельствах.

Условия реализации: применение методики проблемных ситуаций, метода дилемм-ситуаций морального выбора, включение в практику разработки проектов собственной жизни.

Педагогическое сопровождение саморазвития обладает ***функциями***: ценностно-ориентированной, социально-ориентирующей, развивающей, обучающей, диагностической, стимулирующей, организационно-деятельностной, фасилитирующей и рефлексивно-оценочной.

Реализация рефлексивно-ценностного подхода к организации педагогического сопровождения саморазвития детей видится нам особенно рельефно ***в условиях дополнительного образования***, поскольку последнее построено на принципах, обеспечивающих развитие субъектности детей, а именно, предполагает:

- *добровольный, свободный выбор* направления и вида деятельности, содержания своего образования, объема и темпа его освоения;
- *учет индивидуальных потребностей* ребенка, подчиненность природе ребенка;
- *принятие и защита индивидуальных интересов* детей;
- *отсутствие жесткой регламентации образовательного процесса*, универсальных, единых для всех стандартов содержания образования, что создает благоприятные условия для творчества, инновации, инициативы, успешности, самопроявления;
- *сотрудничество* детей и взрослых в контексте *детско-взрослой бытийной общности*;
- *доминанта в образовательном процессе установки на индивидуальный опыт продуктивной деятельности и учения с учетом свободного выбора*, интересов всех участников объединения, но с четким определением ***ответственности*** каждого вовлеченного в совместную деятельность, живую коммуникацию и межличностные взаимоотношения [2].

Как пишут В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, «Личность – это прежде всего персонализированная самоопределившаяся самость среди других, для других и тем самым – для себя. Именно личность есть то, что выражается в индивидуальности, которая раскрывается в самобытном «прочтении» соци-

альных норм, выработке своего мировоззрения, своего «лица»...» [3, с.340-341].

Дополнительное образование выступает как часть социального пространства, главной функцией которого является формирование будущего поколения граждан и обеспечение персонификации развития личности.

Воспитательный потенциал дополнительного образования заключается в том, что педагоги сопровождают развитие личности ребенка на основе гуманистического взаимодействия с ним. Осуществляя это взаимодействие, педагоги реализуют комплекс воспитательных задач. В контексте разработки рефлексивно-ценностного подхода особую актуальность приобретает реализация в дополнительном образовании группы воспитательных задач, направленных на реализацию *экзистенциальной стратегии воспитания*, при этом педагогическое сопровождение саморазвития ребенка направлено на формирование человека, умеющего прожить жизнь на основе сделанного им экзистенциального выбора, осознающего ее смысл и реализующего себя в соответствии с этим выбором.

Необходимо создавать условия для того, чтобы каждый ребенок в условиях дополнительного образования мог проектировать процесс своего развития (проект саморазвития) и научился делать выбор на основе приоритета нравственных ценностей и жизненных предпочтений, нести за него ответственность. Участие в творческих объединениях, кружках и секциях должно способствовать коррекции жизненного самоопределения подростка.

Дополнительное образование обладает богатым потенциалом для саморазвития детей, поскольку именно в дополнительном образовании есть возможность выбора, при этом выбор выступает как механизм саморазвития личности, возможность свершения которого выступает неперенным условием саморазвития. Как отмечали представители экзистенциального направления гуманистической психологии (Р.Мэй, Дж.Келли, В.Франкл, Дж.Бьюдженталь, Р.Эмонс и др.), сущность приобретает в результате самосозидания, при этом позитивная актуализация является результатом собственного свободного и ответственного выбора [4].

Именно возможность осуществления ребенком выбора в дополнительном образовании можно рассматривать как основу для построения своего *проекта саморазвития*:

- направленного на формирование готовности к свершению осознанных выборов и несению за них личностной ответственности;
- основывающегося на осознании ценностных смыслов;
- предполагающего развитие мотивации к саморазвитию;
- обеспечивающего формирование ответственности за решение.

#### ***В качестве заключения.***

Важным ориентиром, провозглашенным современными образовательными документами в РФ, является формирование саморазвивающейся личности в опоре на развитие нравственных ценностей подрастающего поколения.

Дополнительное образование в РФ представляют максимум условий и возможностей для саморазвития детей.

Современная ситуация развития образования предопределяет рассмотрение воспитания с точки зрения экзистенциальной педагогики, в контексте которой особое внимание уделяется практике педагогического сопровождения саморазвития детей, представляющее собой особый вид педагогического взаимодействия, направленный на стимулирование осознания воспитанниками смысла собственной жизни и ее ценностных составляющих. По нашему убеждению, оно должно включать их в ситуации, способные вызвать душевные переживания и расцениваться как события. В опоре на сложившиеся ценностные ориентации, воспитанник должен самостоятельно выбрать тот или иной способ решения экзистенциальной дилеммы и «кристаллизовать» в себе необходимые для его реализации личностные качества.

Педагогическое сопровождение саморазвития подростков, реализующееся в рамках рефлексивно-ценностного подхода, ставит перед собой задачу формирования у ребенка ценностных смыслов, и, на основе этого – построение проекта своей жизни. Педагогическое сопровождение должно оказать помощь в принятии смысложизненных ориентаций, не противоречащих общечеловеческим нормам и ценностям бытия.

#### **Список литературы:**

1. Иванова И.В., Рожков М.И. Педагогическое сопровождение саморазвития ребенка в контексте реализации экзистенциального подхода: раздел в монографии // Инновационные процессы: потенциал науки и задачи государства: монография / Под общ.ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2016. – 170с. – С.87-99.

2. Ivanova I. V. Non-formal Education Investing in Human Capital // Russian Education & Society. 2016. – Issue 11. Vol.58. Pp.718-731. | Published online: 12 Sep 2017.

3. Слободчиков В.И., Е.И. Исаев. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. - М.: Школа-Пресс, 1995. – 384с.

Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл; пер.с англ. и нем.; общ. М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

### **УСПЕШНАЯ КАРЬЕРА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ**

**Иванова И.В., Каландия Е.Д., Димошенкова А.И.**

*Россия, г. Калуга*

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского*

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме изучения ценностей и представлений молодежи о построении успешной карьеры. Актуальность данного аспекта изучения личности современной молодежи связан с тем, что современный этап развития российского общества характеризуется глубокими изменениями, которые затрагивают практически все сферы жизни, и в первую



очередь это касается молодёжи - слоя российского населения, у которого осуществляется процесс интенсивной социализации. Именно в сознании молодых людей происходит переосмысление и переоценка ценностных аспектов, которые напрямую связаны с карьерой.

**Ключевые слова:** система ценностей, ценностные ориентации, ценности, карьера, тревожность.

Для современной молодежи в целом характерно изменение направленности жизненных ориентаций от социальной составляющей к индивидуальной, - это касается и ценностей молодежи в плане построения успешной карьеры. Успешная карьера – это вопрос, который волнуют многих молодых людей. В связи с конкуренцией на рынке труда одной из уязвимых категорий становится молодежь.

Система ценностей выступает центральным компонентом внутренней структуры личности. С ценностной структурой связаны как сами жизненные ориентации, так и мотивы, цели, интересы, которые формируются у личности на разных этапах процесса самоопределения.

Система ценностей у молодежи не является неизменной и этому способствуют разные факторы, а особенно коренные преобразования, происходящие в обществе и социальных институтах.

По мнению исследователей Ю.М. и Т.Е. Резник, экономические реформы, которые происходят на современном этапе развития общества, создали специфичную социальную ситуацию. В сущности, данный процесс происходит в условиях перехода одного общественного строя на другой. Современное поколение молодежи поставлено в довольно сложное положение, в котором жизненные ценности, которые десятилетиями были ведущими в обществе, перестали быть незыблемыми, а некоторые вообще потеряли смысл и ценность. В сознании современной молодежи происходит противоречивый, подчас мучительный процесс, в котором происходит борьба и переоценка ценностей, а также изменение их структуры и иерархии, и следовательно трансформация таких взаимосвязанных структур сознания, как потребности, интересы, мотивы и установки деятельности. Появляется новый спектр ценностных ориентаций, а значит разрушаются старые идеалы, традиции и формируется иной тип личности [2].

Студенческий возраст является периодом формирования ценностей, оказывающих влияние на характер человека и в целом на личность. Появляются предпосылки для формирования ценностных ориентаций: накопление жизненного опыта, статус и социальное положение. Ориентация на собственные убеждения свидетельствует о значительном качественном переделе в характере и становлении системы моральных ценностей.

Ценностные ориентации, которые сформировались в юности, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью, следовательно, детерминируют ее поведение.

Ученые Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н., обращаясь к сущности терминологического аппарата, констатируют, что

ценностные ориентации представляют собой компонент направленности личности. Это разделяемые и внутренне принятые ею материальные и духовные ценности, предрасположенность к восприятию условий жизни и деятельности в их субъективной значимости. Они служат опорными установками для принятия решений и регуляции поведения [1].

В педагогике есть много работ, связывающих ценностные ориентации обучающихся с последующим их профессиональным самоопределением (труды А. М. Булынина, М. И. Лукьяновой, И. В. Гришиной, П. Б. Торопова, С. Н. Чистяковой и других ученых).

В качестве приоритетных ценностей выделяются такие ценности, как:

- общественно значимые ценности;
- ценности содержания труда;
- ценности статусных достижений;
- ценности результата труда;
- ценности, связанные с возможностями саморазвития и самоутверждения в профессиональной деятельности;
- ценности условий труда;
- ценности эстетики профессии.

Сознательное планирование карьеры может рассматриваться как один из важнейших аспектов профессионального развития личности.

Карьера представляет собой индивидуальную последовательность аттитюдов и поведения, связанных с опытом и активностью в сфере работы на протяжении всей человеческой жизни.

Для любого человека характерны определенная личностная концепция, таланты, побуждения, мотивы и ценности, которыми он не сможет поступиться, осуществляя построение успешной карьеры.

Согласно Шекшня С.В критериями удавшейся карьеры являются удовлетворенность жизненной ситуацией (субъективный критерий) и социальный успех (объективный критерий), то есть объективная, внешняя сторона карьеры - это последовательность занимаемых индивидом профессиональных позиций, а субъективная, внутренняя сторона - это то, как человек воспринимает свою карьеру, каков образ его профессиональной жизни и собственной роли в ней. Успешная карьера складывается из ряда факторов: таланта, работоспособности, умения договариваться с людьми и принимать смелые решения, удачи и многого другого [3].

Помимо положительных факторов существуют и те, которые отрицательно влияют на построение успешной карьеры. Это так называемые барьеры построения карьеры, тормозящие, сдерживающие факторы: страхи, низкая самооценка, недостаточный опыт работы, неудовлетворенность работой, конфликты с начальством, с коллективом, а также тревожность.

В частности, тревожность личности и низкая самооценка очень сильно влияют на работоспособность и сосредоточенность. С одной стороны, тревога – полезное переживание, которое помогает нам ощутить важность момента, вовремя включить защитные механизмы, мобилизовать эмоциональ-

ный резерв, а с другой – естественная и временная тревога превращается в устойчивое свойство личности. Поэтому уверенность в себе - это качество, которое очень важно для построения успешной карьеры молодым специалистом.

Тревожные люди все время ощущают беспричинный страх и волнуются «а вдруг что-нибудь случится». От лидеров всегда ожидают смелости, стрессоустойчивости, дальновидности, надежности, умения внушать людям веру в успех. Но этих качеств лишены тревожные люди. У них низкая самооценка, они крайне не уверены в своих силах, боятся совершить ошибку, быть осмеянными, униженными, отверженными. Им присуще чувство страха перед неизвестным приводит к тому, что они редко рискуют, избегают решительных поступков, не проявляют инициативу.

Известно, что предпосылкой возникновения тревожности является повышенная чувствительность организма. Бывает, что тревожность взрослых усиливается и расцветает из-за череды неудач, слабых рабочих результатов.

По мнению М. Макарушкиной, бороться с тревожностью необходимо следующими способами:

1) Оценить уровень решаемых задач – насколько они действительно соответствуют сегодняшним возможностям.

2) Научиться воспринимать любую ситуацию «сверху», из позиции наблюдателя. Такая позиция позволяет снизить эмоциональный накал, прибавить объективности и рассудочности нашему видению и увидеть ценностный и смысловой аспект проблемы.

3) Постоянная тревога – это сигнал бедствия. Если человек много тревожится, но не всегда понимает причины, надо срочно разгадать и проанализировать истинные основания тревоги.

4) Тревожным людям полезно освоить такие упражнения по контролю своих состояний, как медитация, аутотренинг, дыхательная гимнастика и т. д.

5) Необходимо присутствие рядом человека, который поможет посмотреть на возникшие проблемы без паники, рационально, взвешенно и окажет вам неоценимую услугу.

Таким образом, ценностные ориентации являются несомненной основой жизненной и профессиональной стратегии, позволяющей современной российской молодежи уверенно смотреть в будущее и успешно строить профессиональную карьеру.

Для построения профессиональной карьеры человеку необходимо побороть барьеры, мешающие успешному развитию, в особенности это касается преодоления тревожности, поскольку повышенная тревожность сдерживает социальную и личностную активность, препятствует самопроектированию и профессиональному саморазвитию, а следовательно – достижению успехов в карьере, начиная с этапа построения карьерного плана.

### Список литературы:

1. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодёжи // Социологические исследования. - 2012. - № 6.- С. 121–126.
2. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. - 2011. - №12. - С.100-105.
3. Шекшня С.В. Планирование карьеры. - М.: «Интел-Синтез», 2001.

## РОЛЬ СЕМЬИ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**Иванова И.В., Доронина А.Б.**

*Россия, г. Калуга*

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского*

*Лицей №9 им. К.Э. Циолковского*

*E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье подчеркивается важность и значение семейного воспитания в современных социокультурных условиях, актуализируется возможность взаимодействия семьи и школы в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения. Рассмотрены основные формы работы по духовно-нравственному воспитанию детей.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, духовно-нравственное воспитание, семья, школа, младший школьный возраст.

Государство и общество активно обсуждают и решают вопросы о различных видах безопасности детей. Один из них – духовная безопасность, без обеспечения которой невозможна подлинная защита детей.

Духовная безопасность – одна из актуальных проблем нашего времени для человека, семьи, общественных институтов, государств, человечества и мира в целом.

Важность обеспечения духовной безопасности детей связана с тем, что духовная жизнь влияет не только на мировоззрение, но и на психическое и физическое здоровье человека.

Согласно Д.В. Зеркалову духовная безопасность – это система отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для созидательной духовной жизни и здорового социально-нравственного развития [3].

Основой духовной безопасности является духовно-нравственное воспитание.

Под духовно-нравственным воспитанием понимается процесс духовно-нравственного становления человека, формирования у него:

- нравственных качеств (совести, долга, веры, гражданственности, патриотизма, ответственности, милосердия, справедливости, честности, терпения, кротости и т.д.);

- нравственной позиции (способности различать добро и зло, проявления духовной рассудительности);
- нравственного поведения (послушания, готовности служения людям и Отечеству).

Семья является первым и основным воспитателем детей, именно она является образцом нормы поведения, интересов и ценностей, которые усваивает ребенок. Семейные взаимоотношения становятся для него «моделью», по которой формируется его характер, отношение к себе, миру, другим людям. Мир для ребенка будет настолько светлым и добрым, насколько наполнены любовью, открыты и добры члены его семьи. Издревле воспитание доброго нрава ребёнка определялось образом жизни матери и отца. Без примера и наставления в добре ребёнок теряет способность формироваться как личность.

В воспитании детей семья не может быть заменена никаким другим социальным институтом, ей принадлежит исключительная роль в содействии становлению детской личности. То, что человек приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Как пишет великий русский педагог В. А. Сухомлинский: «В семье закладываются корни, из которых вырастают потом и ветви, и цветы, и плоды. На моральном здоровье семьи строится педагогическая мудрость школы» [5]. Именно школа призвана продолжать и дополнять дело семьи и, уподобляясь ей, становится теплой школьной семьей.

Духовно-нравственное воспитание должно осуществляться по формуле: «родители + дети + учитель».

Важность взаимоотношений школы и семьи прописана во всех нормативных документах, предназначенных для школы.

Положения закона «Об образовании», провозглашающие «демократический, государственно-общественный характер управления образованием...» служат исходными нормами для обеспечения сотрудничества школы и родителей [2].

Введение федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) придает взаимодействию семьи и школы принципиально новую значимость, ведь ключевая идея нового стандарта – это общественный договор между личностью, семьей, обществом и государством [6].

В основе ФГОС лежит Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Она представляет собой нормативную основу взаимодействия общеобразовательного учреждения с семьей. Целью этого сотрудничества является совместное обеспечение условий для духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся в семье и школе [4].

Если тщательно продумать и последовательно организовать сотрудничество учителя и родителей в начальной школе, то они станут союзниками в воспитании детей, соответственно повысится эффективность дальнейшего воспитательного процесса. Самое главное, чтобы взаимодействие педагога

и родителей не противоречили друг другу и положительно воспринимались ребенком.

Перед педагогом и родителями учеников начальных классов необходимо поставить следующие задачи по формированию у детей духовно-нравственного воспитания:

- воспитывать положительные привычки, которые помогают формировать характер, волевые качества;

- формировать у детей культуру поведения: дома, в общественных местах, учить соблюдать общепринятые нормы поведения;

- учить детей уважительно относиться к окружающим, считаться с их мнением, интересами, удобствами;

- воспитывать культуру речи, общения со сверстниками и взрослыми (умение вежливо разговаривать, обращаться к взрослым на “вы”, по имени и отчеству, говорить с четкой дикцией, приветливо и без лишней жестикующести);

- воспитывать: вежливость, предупредительность, сдержанность, деликатность, скромность, чуткость, умение считаться с интересами других;

- воспитывать бережное отношение к окружающей природе (умение видеть прекрасное, стремиться беречь природу, действовать соответственно правилам и т. д.);

- формировать у ребенка элементарные навыки организации своего свободного времени в соответствии с установленным распорядком в школе, в семье;

- формировать у ребенка разумные потребности и воспитывать чувство долга[1].

Существует множество форм работы в школе по духовно-нравственному воспитанию, в которых могут принимать участие родители, например:

«Встречи с интересными людьми» (выступление родителей перед детьми, рассказ о своих профессиях, спортивных достижениях, увлечениях);

- экскурсии на место работы родителей;

- организация совместных поездок, походов;

- проведение веселых стартов «Мама, папа, я – спортивная семья»;

- организация интеллектуальных игр на различную тематику с совместным участием детей и родителей;

- совместное участие семьи и школы в благотворительных акциях;

- участие детей совместно с родителями в общешкольных мероприятиях по теме «Моя родословная» (изготовление генеалогического древа семьи) и т.д.

Мероприятия, в которых принимают участие родители, служат хорошим примером взаимодействия двух самых важных факторов в жизни ребенка школы и семьи. Они дают возможность, связать всех в единое целое, чтобы вместе делить радости и огорчения, вместе преодолеть трудности и праздновать победы.

При всех трудностях, с которыми сталкиваются родители в деле воспитания своих детей, есть та положительная сторона, что, стараясь направить детей на правильный путь, родители одновременно с этим сами учатся и духовно растут. В этом собственно и заключается настоящая цель семьи – научить людей заботиться друг о друге и духовно расти.

**В качестве заключения:**

Сегодня проблема обеспечения духовной безопасности стоит особенно остро, являясь одной из актуальных образовательных задач нашего времени.

Многовековая педагогическая теория и образовательная практика свидетельствуют о важности семейного воспитания в формировании гармонически развитой, воспитанной личности.

Духовно-нравственное воспитание младших школьников - сложный, длительный процесс, требующий заинтересованности и родителей, и школы, и общества в целом. Только совместными усилиями можно добиться положительного результата и воспитать в каждом ребенке нравственного человека, что обеспечит ему духовную безопасность.

Формы педагогической работы, позволяющие объединить усилия школьного и семейного воспитания, разнообразны. Можно полагать, что их системное применение в ходе воспитательного процесса не заставят себя ждать и принесут должные воспитательные результаты, в частности, в области духовно-нравственного воспитания личности.

**Список литературы:**

1. Воспитание личности школьника в нравственной деятельности: методические рекомендации / Омский гос. пед. ин-т им. Горького – Омск: ОГПИ, 1991
2. Закон РФ "Об образовании" от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 03.12.2011, с изм. и доп., вступающими в силу с 01.02.2012).
3. Зеркалов Д.В. Духовная безопасность [Электронный ресурс]: Монография / Д. В. Зеркалов. – Электрон. дан. – К.: Основа, 2012.
4. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / сост. А. Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М.: Просвещение, 2009. – 24с.
5. Сухомлинский В.А. Избр. произв. В 5-ти т. – Киев, 1979 – 1980.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. – М.: Просвещение, 2011.

## ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Игнаточкина О.В.

Россия, Тулково

E-mail: olga.ignatochkina@gmail.com

**Аннотация.** Цель исследования – показать воздействие общества потребления и потребительской культуры на молодежь с точки зрения угрозы духовной безопасности.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, общество потребления, массовая культура, потребительская культура, хипстеры, битники.

Потребность в безопасности является одной из базовых, жизненных потребностей человека. Стремление к безопасности имманентно человеческой природе. В ходе развития человеческого общества процесс обеспечения безопасности усложнялся. Усложнялось и само это понятие. Более того, проблема безопасности давно уже вышла на государственный (национальный) уровень. Так, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» это понятие включает в себя такие элементы как государственная, общественная, энергетическая, информационная, экономическая, транспортная, экологическая безопасность и безопасность личности [1].

Понятие «духовной безопасности» как таковой в этом документе расплывчато, однако указывается, что культура является одним из стратегических национальных приоритетов. Соответственно, первой стратегической целью обеспечения национальной безопасности в данном направлении является сохранение и преумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, таких как «приоритет духовного над материальным», «семья», «созидательный труд», «служение Отечеству» и т.д. [1]. В качестве угрозы указывается размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление многонационального народа РФ путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры) [1].

Распространение массовой культуры – это одна их характеристик общества потребления наряду с «абсолютизацией материальных потребностей человека и приданием потребительству статуса высшей социальной, нравственной ценности» [2]. На наш взгляд, современное российское общество есть не что иное как общество потребления. И массовая культура в наиболее уродливой ее форме – форме потребительской культуры является доминирующей. А самой уязвимой частью социума, подверженной воздействию потребительского масскульта, является молодежь.

Цель данной статьи – на конкретных исторических примерах показать основные грани воздействия общества потребления и потребительской культуры на молодежь, продемонстрировать его различные формы и указать на возможные последствия. Для этого мы обратились как к современ-



ной российской действительности, так и к историческому опыту антисистемных движений в США в 1950-1960 – е гг.

В последние десять лет среди российской молодежи 15-25 лет становится все более популярна субкультура хипстеров. Позаимствованный представителями финансово благополучных семей из благословенного ими Запада образ хипстера включает в себя такие обязательные атрибуты как MacBook, iPhone, очки Ray-Ban Wayfarer, блокнот Молескин и фотоаппарат под фотопленку [3, с. 149]. Внешний вид хипстеров вполне узнаваем и типичен в своем стремлении отличаться от «серой массы»: зауженные штаны с подворотами, приталенные пиджаки либо клетчатая рубашка и кеды на босу ногу у юношей, все те же рубашка в клетку и кеды, только в сочетании с лосинами – у девушек. Возможен головной универсальный убор а-ля тирольская шляпа, а также выстриженные виски и умащенные в «трэндовом» барбер-шопе бороды у молодых людей. Основной принцип такого образа – сочетать несочетаемое. При этом и одежда, и обувь хипстера должна быть определенных – признаваемых тусовкой – брендов. Хипстеры предпочитают слушать англоязычную музыку, посещать модные в их сообществе места (для Москвы это – клуб «Солянка», арт-завод «Флакон» [4] и тому подобные заведения). Они считают себя аполитичными интеллектуалами, творческими личностями, видящими себя исключительно в сфере культуры и искусства.

Желая выделиться из толпы, хипстеры становятся похожи друг на друга как куклы Барби на фоне остальных кукол в витрине детского магазина: они другие, они дороже и ярче, но при этом однотипны и скучны в своей претензии на уникальность. Они – типичный продукт культуры потребления, ее детище и одновременно ее пища (так, с выходом очередной новой модели модного гаджета все App Store забиты желающими сменить свою устаревшую игрушку на ее нового блестящего собрата). Хипстеры – это глянец культуры потребления. Их будущее обеспечено и в настоящем они не знают нужды. Другое дело – те, кто стремится хипстерам подражать. Такие же жертвы культуры потребления, как и их более везучие в финансовом отношении сверстники, только со знаком минус: их айфоны куплены или на последние деньги, или в кредит, и, как следствие – дешевая лапша быстрого приготовления на завтрак, обед и ужин.

Хипстеры – первая в России, но далеко не первая в мире молодежная субкультура, возникшая в условиях общества потребления. Еще в конце 1940-х – начале 1950-х годов в США сложилась ситуация, при которой уровень культуры потребления в обществе настолько повысился, что начал выдавливать из социума тех, кто не мог ему соответствовать. В первую очередь это касалось молодых людей, находящихся на стадии взросления. Указанную ситуацию подробно описал эссеист и социальный критик П. Гудмен в своей книге «Возрастающий абсурд: проблемы молодежи в организованной системе» (1956 г.) [5]. «В нашей высоко организованной системе машинного производства и соответствующих социальных отношений, – отмечал автор, – практикуется, посредством «профессионального руководства», встраивать людей туда, куда необходимо производящей системе; и там, где

продукты этой системы должны быть использованы, существует практика: через рекламу вовлекать людей в их потребление» [5, с.4]. П. Гудмен, одновременно с критикующим обществом Г. Маркузе и вслед за ранним К. Марксом, писал об обезличивании человека системой вследствие отчуждения труда. Рабочий безразлично относится к тому, где он работает и что производит. Он отчуждён от результатов своего труда. Более того, то, что он производит, не является для него действительно полезным (т.е. он может обойтись без продуктов, им произведенных и это никак не скажется на его жизнедеятельности). Но, в то же время, те деньги, которые этот рабочий получает за свой труд, он тратит на то, что навязывает ему общество потребления. Получается замкнутый круг, который автор назвал «крысиными бегами».

Социальную структуру такого общества П. Гудмен разделил на три «класса»: бедные, принадлежащие организованной системе и независимые [5, с.61]. Из этих трех групп две – первая и последняя – не участвуют в круговороте потребления. Бедные – потому, что они бедны, а бедны они вследствие своей экономической несостоятельности и неспособности к труду. Независимые – потому что осознанно выбрали выпадение из системы и добровольную бедность. Молодежь в этой системе автоматически попадает в «крысиные бега». Кто-то встраивается в систему и растрчивает себя в погоне за обывательским счастьем потребителя, а кто-то разочаровывается в увиденном и примыкает к независимым. Последние – рано разочаровавшиеся, меланхоличные и переставшие трудиться молодые люди – пополняли «разбитое поколение».

Битники – первая молодежная субкультура, сформировавшаяся в недрах потребительской культуры. Им были присущи следующие черты: бедность, употребление наркотиков, увлечение джазовой музыкой, искусством и восточной философией. Битники выступали с критикой организованной системы. На хлеб они зарабатывали, занимаясь неквалифицированным ручным трудом (в основном на временных, сезонных работах). Главным в их жизни было творчество – все известные битники (Дж. Керуак, А. Гинзберг, У. Берроуз) были писателями или поэтами. Молодежь вливалась в ряды битников, так как не видела будущего в организованной системе. П. Гудмен отмечал, что «даже зная свои цели, дети не знают средства для их достижения, или не могут управлять этими средствами» [5, с.73]. Они не могут исповедовать потребительские ценности своих отцов, но и не имеют перед глазами других доминирующих социальных ценностей, чтобы это компенсировать [5, с.123]. Поэтому молодые люди бежали прочь от организованной системы и присоединялись к битникам.

«Разбитое поколение» положило начало различным формам молодежного протеста против организованной системы. В плане молодежных субкультур за битниками последовали «веселые проказники» [6], а потом и хиппи. Вся эта пестрая братия в итоге и совокупности сформировала контркультуру и дала толчок развитию различных молодежных субкультур в последующие десятилетия. Но как не отрицали общество потребления с его приземленными ценностями битники и хиппи, организованная система взя-

ла верх, начав зарабатывать на тех же хиппи (организация Вудстокского фестиваля в 1969 году прямое тому подтверждение [7]) и на их многочисленных последователях вплоть до сегодняшнего дня.

Таким образом, можно заключить, что общество потребления имеет огромную силу воздействия, и, в первую очередь, воздействия на молодежь. В рамках культуры потребления в разное время возникали как отрицающие её субкультуры, так и субкультуры, основанные исключительно на продуктах этой системы. Но, в итоге, даже самые отчаянные противники системы оказывались подавлены или поглощены ею. Так, «икона» бит-поколения Дж. Керуак, рассказывавший молодежи в своих книгах «В дороге» и «Бродяги дхармы» как должен выглядеть и чем жить настоящий битник, уже на первых страницах заключительного романа своей битнической трилогии «Биг Сур» пишет о том, как он счастлив и доволен, что не трясется через всю Америку на попутках без гроша в кармане, а заслуженно едет в «чудесном купе скорого поезда» [8].

Подобный провал упомянутых в статье протестных движений молодежи объясним с точки зрения понятия «духовной безопасности». Все эти движения по сути своей оказались деструктивными: их участники разрушали себя наркотиками и беспорядочным образом жизни, не стремились к созидательному труду, созданию полноценной семьи и уж тем более – к служению Отечеству. У них не было скрепляющего духовно стержня, того набора нравственных ценностей, сохранение и преумножение которого позволило бы противостоять молоху масскульта. С другой стороны, современные российские последователи популярных молодежных субкультур также возвращены обществом потребления и выпестованы потребительской культурой. А это прямой путь к перспективе «крысиных бегов», бездуховности и общему падению морально-нравственного уровня социума в угоду «золотому тельцу». Противопоставить этой тенденции мы можем только нашу глубинную многовековую исторически сложившуюся систему единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, опираясь на которую и взывая к которой есть шанс сохранить российскую идентичность и противостоять угрозам духовной безопасности личности и общества.

### **Список литературы:**

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683// [официальные сайты органов государственной власти Российской Федерации] Совет Безопасности Рос. Федерации. основополагающие документы. URL: [http:// www. scrf. gov. ru /security/ docs/ document 133/](http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/) (дата обращения 01.10.2017).

2. Общество потребления. [Электронный ресурс] // Большая актуальная политическая энциклопедия. / под общ. ред. А. В. Белякова, О. А. Матвейчева. – М.: Эксмо. - 2009. URL: [http:// greater\\_ political. academic. ru/ 130 /% D0% 9E% D0% 91% D0% A9% D0% 95% D0% A1% D0% A2% D0% 92% D0% 9E](http://greater_political_academic.ru/130/%D0%9E%D0%91%D0%A9%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E) (дата обращения: 01.10.2017).

3. Новак М.В., Игнатов М.А. Субкультуры в современной России и визуальное потребление: Региональный аспект. // Научные ведомости БелГУ (Философия. Социология. Право.) - № 10 (180) 2014. – с. 144-153.

4. Ремчуков К. Хипстеры: О новой субкультуре в среде молодежи [Электронный ресурс] // Независимая газ. – 2014. – 15 апр. URL: [http://www.ng.ru/ng\\_politics/2014-04-15/9\\_hipsters.html?print=Y](http://www.ng.ru/ng_politics/2014-04-15/9_hipsters.html?print=Y) (дата обращения: 04.08.2017).

5. Goodman P. Growing up absurd: problems of youth in the organized system. - N.Y.: Random House - 1960. 296 с.

6. Коммуна молодых интеллектуалов, путешествующих по стране под предводительством К. Кизи. Подробнее см.: Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест. - СПб.: Амфора - 2004. 550 с.

7. Woodstock 1969: Overview and Cultural Influence. [Электронный ресурс] URL: <http://www.woodstockstory.com/woodstock1969.html> (дата обращения: 11.08.2017).

8. Керуак Дж. Биг Сур. [Электронный ресурс] URL: [https://www.e-reading.club/bookreader.php/26969/Keruak\\_-\\_Big\\_Sur.html](https://www.e-reading.club/bookreader.php/26969/Keruak_-_Big_Sur.html) (дата обращения: 23.07.2017).

## **КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК УГРОЗА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ**

**Инаркаева С.И.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченского государственного педагогического университета*

**Аннотация.** Предметом исследования являются современное состояние русской литературы, наметившиеся в ней последнее время кризисные явления, их способность деструктивно влиять на духовное становление личности.

**Ключевые слова:** русская реалистическая литература, современный литературный процесс, кризисные явления, духовный рост личности.

Как известно, в российской (русской) действительности литература во все времена была той сферой, которая играла принципиальную роль в духовном росте личности, влияла на мировоззрение, определяла гражданскую позицию. Еще со времен М. Ломоносова, Н. Карамзина, Г. Державина, декабристов, Н. Некрасова русская литература призывала к любви к родине, преданности ей, давала яркие образцы для подражания. В российской истории XX века, наполненной многими трагическими событиями (две мировые войны, развал страны, локальные территориальные войны и т.д.), литература в разной степени активности продолжала влиять на умы и сознание людей, являясь для многих своего рода путеводителем в поиске общечеловеческих ценностей.

Вопрос современного состояния русской литературы является сегодня одним из ключевых в духовной сфере российского общества. Для его решения, как известно, предпринимаются самые активные действия на самом высоком государственном уровне. Свидетельством тому являются организация Ассоциаций учителей русского языка и литературы, преподавателей русского языка и литературы высшей школы Российской Федерации, а также формирование Общества любителей русской словесности. И все это происходит под непосредственным патронатом государственной власти, из чего следует: наконец, стали очевидными многие острые кризисные явления, охватившие последнее время современную отечественную литературу, послабление ее влияния на умы и сознание подрастающего поколения, больше того, утраченный современной молодежью интерес к живой книге.

Самый начальный этап кризиса в современной отечественной литературе обозначился сразу после ее выхода из – под контроля партийной цензуры, когда она «выбралась» из жестких рамок соцреализма. Именно в этот период в ней устанавливаются многоголосица и чехарда. С одной стороны, признавая объективный характер такого положения дел в литературе переходного периода, невозможно не задуматься о том, какие последствия из этого могли вытекать и как они повлияли на духовную жизнь общества.

Сегодня основными литературными векторами, как бы уравновешивающими друг друга, справедливо считаются постмодернизм во всех его разновидностях и, так называемый, новый реализм. Один из самых ярких русских ученых прошлого века, профессор филологии Алексей Лосев в работе «Теория стиля у модернистов» отмечал: «В конце концов, дело дошло до прямого нападения на реальную действительность и до проповеди чистейшего и самонадеянного субъективизма. Это значит, что из богатой и многоплановой структуры искусства выбиралась только одна сторона, раздувалась до невероятных размеров, подавляла и поглощала все другие планы и доводила иной раз художественное выражение до полного уродства и безобразия. Всякого уродства и безобразия в реальной жизни очень много. Но реалист, реально изображая эти стороны жизни, нисколько не забывает и положительные стороны жизни, изображая их то более, то менее красочно, но отнюдь не игнорируя их целиком. Но ничего не стоит выделить из жизни только одни абсурдные явления и закрыть глаза на все прочее. И тогда модернизм превращается в самую настоящую философию и эстетику уродства и безобразия...» [2, с.160].

Вопрос о постмодернизме особенно часто задавался на рубеже 80-90-х годов минувшего века. Вокруг него возникало довольно много дискуссий и разноплановой реакции. Для одних, кто совершенно отторгает его как направление в литературе, искусстве, постмодернизм в России считается мертворожденным ребенком. В этом смысле произведение у постмодернистов не рождается, а сочиняется. Для других постмодернизм есть эстетический нигилизм, и он не мог не привести к самым губительным последствиям, к массовой писательской вседозволенности, разрушив тем самым «иерархию» ценностей, выработанную отечественной литературой еще со времен реалистической традиции 19 века.

Немаловажная проблема этого контекста, на наш взгляд, – эта проблема читательского восприятия постмодернистского текста. И обеспокоенность российской общественности в том и заключается (если говорить о воспитательном значении литературы и ее влиянии на молодежь), что формирующиеся – лично, мировоззренчески – молодые люди способны без разбора принять на веру всякого рода тексты, не определяя при этом степень и уровень их художественности. В этом смысле проблема усугубляется в студенческой аудитории: преподаватель современной русской литературы растерян в принципе, поскольку не знает, что предложить читать, что считать программным текстом, а что можно исключить, и как угадать вкусы и пристрастия в литературе своих подопечных.

С другой стороны, в этой связи нельзя не учитывать и другую, не менее важную проблему: многие постмодернистские тексты пестрят «вольной» лексикой, похабщиной, развязностью авторского присутствия. Сложно, а иногда практически невозможно эти тексты «нести» в студенческую филологическую среду, тем более, если эта среда ментально и традиционно отличается от общероссийской. Возникает (и не может не возникнуть) справедливый вопрос о том, как разрешить эту ситуацию, каким образом в таких условиях руководствоваться единой концепцией преподавания русского языка и литературы, тем более, страна многонациональная, является уникальной по наличию в ней множества самых разных национальных культур, литератур, традиций. В этой ситуации очевидно одно: в решении этих проблем в студенческой аудитории предпочтительное право выбора остается за преподавателем, полагаясь на его опыт, привязанность к настоящей, живой, высокого уровня художественной литературе. И что немаловажно – есть из чего выбирать.

В этом контексте непреходящую ценность имеет реалистическая литература, и предпочтительные акценты, проставляемые в выборе художественных текстов, приходится именно на это направление в литературе. Как известно, реалистические традиции русской культуры, литературы уходят корнями в глубокое прошлое. Ощущение кровной связи отдельной личности с судьбой народа, страны пронизывает большинство произведений, например, древнерусской литературы. А XIX век, как известно, оказался подлинной вершиной русского реалистического искусства. Именно русский реалистический роман, связанный с именами А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева, А. Гончарова и многих других признан сегодня явлением мировой культуры высшего порядка.

Обвал общественного порядка, революция 1917 года, естественно, пошатнули устои реалистического искусства. Однако после долгих и сложных перипетий, поиска и утрат она снова пришла к реалистической традиции. Свидетельством тому является мировой успех нобелевских лауреатов Ивана Бунина и Михаила Шолохова, Бориса Пастернака и Александра Солженицына, опиравшихся – каждый по-своему – на классическую традицию.

60–90-е годы прошлого века принадлежат писателям- традиционалистам. Деревенская проза, как уникальное явление, возникла в те годы, развилась в полной мере, достигла своего пика. Вряд ли стоит сомневаться, что этот успех

был обусловлен найденным золотым сечением реалистической формы и народного содержания. «Деревенская проза – это, как правило, реализм в точном смысле слова, то есть реализм и по методу и по стилю. Суть в том, что жизнь предстает в ее дневной, практической модели, что перед нами проходят замкнутые в себе, объективные или сориентированные на объективность характеры, что сама жизнь предстает в ее народном многообразии и понимается как объективный социально-жизненный и социально-психологический поток, а не как внутренняя жизнь по преимуществу» [1, с.178].

Важный аспект реализма – внимание к самому широкому диапазону человеческого бытия, личности. Нет больших и малых тем, нет отреченного материала, нет героев, ситуаций, деталей выигранных и безнадежных. Все имеет место быть в литературе, если эта литература о человеке и его проблемах – сокровенных, высоких, низких, о проблемах, из которых, собственно, произрастает суть человеческой личности. Воспроизведение всех нюансов человеческой жизни, скрытых, очевидных, потаенных перипетий человеческой личности – есть, по большому счету, вопрос мировоззрения писателя. Сегодня те, кого называют новыми реалистами, в большой мере следуют этим принципам, в отличие от постмодернистов, и в этом, безусловно, видится широкая перспектива развития реалистической русской литературы.

Сегодня можно лишь предполагать дальнейшую судьбу отечественной словесности, в какую сторону качнется маятник литературного процесса, но все это – разговоры на гипотетическом уровне, поскольку в естественное поступательное движение культуры всегда вмешивались силы совсем иного характера и порядка. На рубеже девяностых годов страна, как известно, пережила сокрушительные события, и коснулись они всех сфер общественно – политического, экономического уклада. Рухнула идеология, общественный строй, политическая система, под угрозой гибели оказалась экономика. Культура, прежде всего, опиравшаяся на классические образцы, оказалась выброшенной за пределы государственных интересов. В результате фактически пострадали все сферы жизни. Литература, как важнейший общественный институт, испытала на себе всю глубину и тяжесть этих событий, попала под направление главного удара.

Одно перечисление имен, направлений и тенденций современной русской литературы способно убедить в том, что реализм – новый реализм – сегодня в широком смысле слова не имеет узко и жестко прописанной конфигурации. А потому следует говорить не столько о методе, сколько о некоем общем мироощущении, свойственном большому числу художников, стремящихся точно, ярко и в меру таланта убедительно изобразить жизнь во всей ее полноте. Реализм преодолевает кризис, наметившийся в последние десятилетия, возрождается в новом своем облике. И в этом видится перспектива позитивного и упорядоченного в идейно – эстетическом смысле развития современного русского литературного процесса.

Представленная тема концептуально не завершена, за рамками разговора о современной отечественной литературе остались многие вопросы, ответы на которых могли бы пролить свет на ее нынешнее состояние. Не

решен вопрос о русском постмодернизме – есть ли он уже сложившаяся эстетическая система, или это явление переходного периода? С другой стороны, есть ли окончательное представление о том, что именно называется новым реализмом или постреализмом в современном русском литературном процессе? Кроме того, с нашей точки зрения, не совсем решен вопрос о соцреализме, нет до сих пор исчерпывающего пояснения в отношении этого уникального культурологического явления в истории страны XX века. Возможно, что все волнующие нас вопросы разрешит будущее и те, кто будут представлять литературу и науку о ней.

#### **Список литературы:**

1. Гусев В. Искусство прозы. М., 1999. С.178.
2. Колядич Т.М., Капица Ф.С. Русская проза XXI века в критике. Рефлексия, оценки, методика описания. М., 2010.
3. Лосев А. Теория стиля у модернистов. Лит. учеба// 1988, №5. С.160.
4. Скоропанова Г. Русская проза конца XX века. М., 2002.
5. Тимина С.И. Современная русская литература (1990 – е годы – начало XXI века). М., 2005.

## **ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**Исмаилова Л.М.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*«Наука без совести опустошает душу»*

**Франсуа Рабле**

**Аннотация:** В данной работе раскрывается актуальная сегодня проблема экологического воспитания. Определены экологические аспекты взаимосвязи человека и природы. Рассмотрена роль экологического образования в формировании экологической культуры населения, а также экологической безопасности страны. Приведены положительные примеры по улучшению состояние экологической безопасности страны. Сделаны рекомендации для формирования экологической культуры населения.

**Ключевые слова:** экология, культура, образование, культурология, мировоззрение, окружающая среда, экологический показатель, природные ресурсы.

В современном мире невозможно не говорить о проблемах экологии, настолько они стали популярны. Экологические вопросы все чаще поднимаются на мировых уровнях и поэтому сегодня просто необходима система всеобщего комплексного и непрерывного, экологического воспитания и образования. Безусловно, в процессе экологического образования должны быть



задействованы учреждения культуры, музеи, библиотеки, общественные организации, средства массовой информации, не должны оставаться индифферентными и образовательные учреждения. Экологическая культура сегодня очень актуальна потому, что каждому необходимо знать каковы перспективы развития современного общества, какие качества человека сегодня требуются этому обществу и в каких условиях это общество будет функционировать. Широта и многогранность понятия «культура» предполагает правомерность различных аспектов ее изучения. В современной литературе можно встретить более пятисот определений понятия культура. Но, все определения объединены элементами, которые содержатся почти в каждом из них, это преимущественно природа, общество и человек. Таким образом под культурой мы понимаем прежде всего процесс освоения, облагораживания природы, совершенствование ее, а также общества и самого себя. Проблема экологического воспитания стала как никогда актуальна в современном обществе в связи с экологическим кризисом, который возникает в процессе стремительного развития научно-технического прогресса и низким уровнем экологической культуры человека, проявляющийся в безнравственном, потребительском отношении к природным богатствам, нерациональном их использовании, в незнании взаимосвязи живой и неживой природы, что может привести к нарушению экологического равновесия. С момента появления человека на Земле он тесно взаимодействует с природой, использует потенциал, энергию и дары природы. Сам термин «природопользование» говорит о взаимосвязи между природой и пользователем, то есть человеком. Эта взаимосвязь была более гармоничной в историческом прошлом человечества, чем в современном мире пока она не переросла во взаимодействие. Любая взаимосвязь порождает взаимодействие, в свою очередь, любое действие приводит к последствиям, которые являются либо созидательными и благотворными, либо разрушительными и губительными.

Безусловно, когда мы говорим о экологической культуре человека подразумеваем прежде всего экологическую грамотность, экологическое мышление и сознание. Речь идет об осознанном подходе каждого человека к данной проблеме, понимании связи нашего будущего и безопасной жизни. Привитие экологической культуры населению, обучающимся сегодня это залог сохранения здоровья будущих поколений. Экологическая стратегия нашего государства сегодня ориентирована на благо будущего поколения. Экологически культурный человек - это человек будущего! Так 5 января 2016 года президент РФ подписал Указ о проведении года экологии в 2017 году. Еще раньше, 1 августа 2015 года была обозначена тематика для предстоящего 2017 года, как год особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Таким образом план мероприятий на этот год рассчитывает охватить два направления экология в общем и оптимизация системы заповедников. Указ постановляет правительству РФ разработать план мероприятий, а реализацию этого плана поручить руководителям субъектов РФ. Определяющей целью принятия такого решения является привлечение внимания к проблемным вопросам, существующим в экологической сфере и улучшить состояние экологической безопасности страны. Год экологии подразумева-

ет реализацию цикла мероприятий (168 пунктов) на всех уровнях власти федерального, регионального и муниципального. В мероприятиях примут участие широкие круги общественности, это сотрудники природоохранных объектов, активные граждане, волонтеры, сфера образования, а также средства массовой информации, которые анонсируют эти события.

Ключевые задачи, которые предстоит решить для достижения поставленной цели, заключаются в совершенствовании нормативно правовых основ, регулирующих сферу охраны окружающей среды, улучшении экологических показателей, формировании активной гражданской позиции в сфере экологии у граждан РФ, развитии системы заповедников в России.

Сегодня включение и обсуждение экологические аспекты взаимосвязи человека и природы на IV Международной научно-практической конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность», которая запланирована и проводится кафедрой философии, политологии и социологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», является подтверждением участия образовательных учреждений, в частности ЧГПУ в реализации мероприятий запланированных в рамках проекта «2017 год – год экологии в России».

К сожалению, состояние окружающей среды за последние годы не меняется к лучшему. Традиционно считается, что основные параметры экономической безопасности связаны с динамикой развития производства, наличием бюджетного дефицита, инфляцией, уровнем занятости. Однако любые угрозы, в том числе экологического характера неизбежно приводят к снижению уровня экономического потенциала и экономики страны в целом. Более того, экология оказывает значительное влияние на здоровье людей и качество их жизни, следовательно, на социально-экономическое благополучие всего государства. Поэтому, безусловно, социально-экономическая безопасность государства напрямую связана с таким направлением ее обеспечения, как экологическая безопасность [1, с. 612].

В системе экологии человека выделяют социальную экологию (взаимоотношение социальных групп общества с их средой жизни), она позволяет определить модели отношений между человеком и природой, где необходимы знания и в области биологии.

Экологические знания должны служить основой рационального природопользования. На их основе базируется создание и развитие сети охраняемых территорий: заказников, заповедников и национальных парков, а также охрана отдельных памятников природы. Рациональное использование природных ресурсов является основой устойчивого развития человечества.

Во второй половине XX века в связи с интенсивным воздействием человеческого общества на биосферу начинается экологический кризис, особенно обострившийся в последние десятилетия. Современная экология включает множество разделов и охватывает самые разнообразные стороны человеческой деятельности, происходит экологизация всего общества.

Сегодня стало очевидным необходимость в молодых специалистах высокого уровня, владеющих не только социально-экономическими, юридическими, но и экологическими знаниями. Специалисты и руководители, кото-

рые способные не только понимать, но и убеждать остальных в том, что необходимо зарабатывать деньги на чистых технологиях, сохраняя конкурентоспособность за счет использования лучших технологий, не загрязняющих окружающую среду. Воспитание экологической культуры молодого поколения – миссия образования. Соответственно в образовательных учреждениях появляется необходимость в разработке образовательных программ экологической направленности. Примером является образовательная экологическая программа «Мой след на планете», которая реализуется во всероссийском центре Орленок, в крупнейшем учреждении образования, воспитания и оздоровления детей в нашей стране. Идея создания программы, направленная на воспитание у детей экологической ответственности за судьбу планеты Земля появилась в 2009 году, неравнодушные к проблемам экологии педагоги центра разработали образовательный проект «Мой след на планете», благодаря ему тысячи подростков включились в целенаправленную работу по сбережению окружающей среды.

Чеченская Республика является субъектом многонациональной России и центром развития нефтяной и газовой промышленности. Республика славится своими природными ресурсами, это прежде всего поверхностными и подземными водными ресурсами, степной и лесостепной растительностью, минеральными источниками обладающими лечебными свойствами.

Главной задачей институтов охраны природы, общества, является не только сохранить природу края, но и облагораживать, совершенствовать ее. Чеченский государственный педагогический университет вносит свою вклад в этом общезначимом деле организовывая и принимая участие в научных конференциях и конкурсах, общественных мероприятиях городского, республиканского и регионального масштабов. Не считая учебных дисциплин, на которых непосредственно осуществляется экологическое образование, студенты закрепляют теоретические знания по экологии и культуре во внеаудиторное время. Студенты ЧГПУ ценят и поддерживают чистоту и красоту родного края. Они принимают участие в городских субботниках, в озеленении городов, парков и зон рекреации. Несомненно, экологическое образование – целенаправленно организованный, планомерно и систематически осуществляемый процесс овладения экологическими знаниями, умениями и навыками. Указом Президента Российской Федерации «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» в качестве одного из важнейших направлений государственной политики в области экологии намечено развитие экологического образования и воспитания. Экологическая культура – это личная ответственность человека в отношении окружающей среды, его собственная деятельность, поведение и сознательное ограничение материальных потребностей. Образовательный процесс в Чеченском государственном педагогическом университете обеспечивается слаженной работой всего профессорско-преподавательского состава, который используют различные методы и инновационные технологии воспитания, направленные на формирование и укрепление как духовно-нравственной, гражданско-правовой так и экологической культуры обучающихся. Бесспорно,

положительные результаты вдохновляют, определяют чувство уверенности в завтрашнем дне, так как экологическая культура человека является важным фактором устойчивого развития общества.

#### **Список литературы:**

1. Исмаилова Л.М. Роль экологического образования в подготовке специалиста по социальной работе. В сборнике: Традиции и инновации в современной науке Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. 2016. С. 612-613.

### **КАРТОГРАФИРОВАНИЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ**

**Калашникова Л.Г.**

*Россия, г. Саранск*

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва*

*E-mail: lar\_ka73@mail.ru*

**Тесленок К.С.**

*Сурская горно-геологическая компания*

**Тесленок С.А.**

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва*

**Аннотация.** Исследование посвящено выявлению особенностей взаимодействия человека и природных ресурсов, анализу факторов проявления ряда негативных природно-антропогенных процессов, определению возможностей их картографирования.

**Ключевые слова:** природопользование; взаимодействие человека и природы; неблагоприятные последствия; земельные ресурсы; водная эрозия; дистанционное зондирование; ГИС-технологии, картографирование.

Экономический рост и структурные изменения экономики России в целом и ее отдельных регионов, призванные способствовать росту уровня и качества жизни населения, вызовут неизбежные негативные изменения в окружающей его среде. Это потребует новых шагов по организации гармоничного взаимодействия человеческого общества и природной среды и эффективного использования природных ресурсов, определения, обоснования и формирования экологически безопасных и разумных объемов их потребления, обеспечения комфортных условий проживания населения и его экологической безопасности.

Решение этих задач осуществляется, в числе прочего, на основе обеспечения сохранности качества почв и защиты территорий и проживающего на них населения от чрезвычайных ситуаций как природного, так и техногенного характера. Анализ же динамики площади земель сельскохозяйственного назначения, доля которых составляет менее 25% в структуре земельного фонда Российской Федерации, занимая второе место среди всех

категорий земель, показал их постоянное и неуклонное снижение. Так, за период с 2010 по 2014 годы этот показатель уменьшился на 7855,8 тыс. га – с 393 388,4 до 385 532,6 тыс. га (без учета Республики Крым и г. Севастополь) [1]. Процессы изъятия сельскохозяйственных земель из продуктивного оборота заключаются в их отводе под городскую и пригородную застройку, транспортную сеть, объекты производственной и транспортной инфраструктуры, свалки и полигоны, хвостохранилища и отвалы пустой породы [1] и тесно связаны с отрицательными последствиями воздействия общества на окружающую среду. Кроме того, неуклонно увеличиваются площади и доля нарушенных земель – как в стране в целом, так и в ее отдельных регионах.

Одна из главных причин сложившегося положения заключается в интенсивном развитии процессов почвенной эрозии. Выводя из оборота земли сельскохозяйственного назначения, водная и овражная эрозия наносят не только большой экономический и экологический урон, но и значительный моральный ущерб. Разрушение гумусового горизонта почвы происходит быстрее, чем процесс его образования, а развитие процессов овражной эрозии вообще не дает возможность вести нормальную сельскохозяйственную деятельность. Поэтому эрозия почв является одной из важнейших проблем современного землепользования, решение которой невозможно без мониторинга состояния территорий и сопутствующих действий, позволяющих отслеживать не только динамику негативных процессов, но и актуальность и результативность комплекса противоэрозионных мероприятий.

Почвенная эрозия, будучи естественным и/или антропогенно-стимулированным экзогенным процессом, имеет две тесно связанные и взаимодействующие составляющие [2]: природную и социально-экономическую. В случае усиленного проявления обеих групп факторов на каких-либо территориях происходит интенсивное развитие процессов водной эрозии и дефляции почв.

В первую очередь, необходимо отметить ландшафтную обусловленность, связанную с некоторыми характеристиками как природного комплекса в целом, так и отдельных его компонентов. Так, среди особенностей рельефа необходимо назвать крутизну, протяженность и экспозицию склонов, показатели их горизонтальной и вертикальной кривизны; среди характеристик микроклимата – количество, режим и характер выпадения атмосферных осадков; из показателей важнейшего компонента геосистемы – собственно почвы – характер почвообразующих пород, ее тип, механический и гранулометрический состав, водно-физические и физико-химические свойства и др. [2].

Важна и производственная составляющая – система ведения сельского хозяйства и земледелия, характер и структура землепользования, особенности севооборотов и агротехнических приемов, характер и степень техногенной нагрузки и др. При этом природно обусловленные эрозионные процессы зачастую могут быть стимулированы и резко интенсифицированы нерациональной сельскохозяйственной деятельностью (неэффективное и необоснованное с ландшафтно-экологической точки зрения использование

земель; чрезмерная концентрация аграрного производства в пределах небольших по площади хозяйств или их структурных подразделений, приводящая к интенсивной техногенной и зоогенной нагрузке, включая нерегулируемый выпас скота; отсутствие эффективных систем ирригации и управления гидротехническими сооружениями или низкая результативность их действия и т.п.) [2].

Подобные процессы отмечаются не только на землях сельскохозяйственных предприятий, крестьянско-фермерских хозяйств и отражаются на их экологическом состоянии. Они также проявляются на всех окружающих и прилегающих территориях, затрагивая различные аспекты комфортности проживания населения [3; 4], включая его духовную комфортность и безопасность.

Факторы первой группы, как правило, достаточно трудно, с большими материальными затратами поддаются либо совсем не подвержены регулированию и трансформированию при нынешнем состоянии технической базы, или же это происходит в течение долгого периода времени. Вторые же могут управляться [5] и достаточно быстро целенаправленно быть изменены за счет применения совершенных систем сельскохозяйственного производства и таких культуртехнических мероприятий, как внедрение почвозащитных севооборотов и соответствующих агротехнических приемов в их составе; изменение проективного покрытия почвы трансформированием характера, густоты и возраста возделываемой растительности; террасирование склонов; гидротехническое строительство и создание водохозяйственных геосистем (прежде всего системы прудов и малых водохранилищ на элементах овражно-балочной сети), создание ветровых барьеров в виде полезных лесных полос и др. [2].

Разработка различных вариантов и сценариев рационального использования земельных ресурсов, наиболее перспективных направлений развития сельскохозяйственного производства в целом, основывается на комплексной оценке природного потенциала (включая его духовную составляющую), экологической и экономической эффективности его использования, и должны вестись с учетом исследования всех существенных аспектов хозяйствования [2; 5–7]. Возникающие при этом проблемы духовного, социального, экологического и экономического плана оперативно и с максимальной степенью эффективности и достоверности в настоящее время могут быть решены лишь на основе широко применения ГИС-технологий, геоинформационного картографирования и моделирования и современных методов дистанционного зондирования [2; 5–10]. Решение многих современных геоэкологических проблем региона напрямую связано с рационализацией использования природных (и в первую очередь – земельных) ресурсов и их управлением на основе современного геоинформационно-артографического обеспечения [2; 5–7].

Широкое применение современных космических и информационных компьютерных технологий позволяет значительно облегчает сбор, накопление, хранение и систематизацию разнообразных количественных и качественных показателей состояния земельных ресурсов; их анализ и обобщение

ние с целью оценки и прогноза изменения под влиянием природных и техногенных факторов; разработку мероприятий по рациональному использованию и охране земельных ресурсов [2; 5–10].

Рационализация регионального природопользования в целом и управление земельными ресурсами [5; 7] нуждаются в привлечении данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), совершенствовании методов визуального дешифрирования геоизображений с целью оценки современного состояния земель сельскохозяйственного назначения [2; 7; 9], разработки обоснованного системного подхода и методических основ геоинформационного тематического картографирования состояния сельскохозяйственных угодий, создания тематических карт по данным дистанционного зондирования [2; 5–8]. Кроме непосредственного использования в процессе создания и корректировки широкого спектра геоинформационно-картографических материалов, данные ДЗЗ позволяют решать задачи инвентаризации и комплексной оценки сельскохозяйственных угодий, ведения оперативного мониторинга природных и антропогенных объектов и процессов, динамики развития возделываемых сельскохозяйственных культур, расчета и прогнозирования их биологической продуктивности, хозяйственной урожайности и объемов валового сбора, выделения участков проявления водной эрозии и дефляции почв, засоления и опустынивания, деградации растительного покрова в результате развития пасторальной дигрессии и др. [2; 5; 7].

Геоинформационное тематическое картографирование в региональном природопользовании Республики Мордовия позволяет решать все названные задачи управленческого и оптимизационного характера, прежде всего фиксируя результаты мониторинга земель. При этом для целей картографирования необходимо использовать материалы космических съемок, разрешающая способность которых позволяет проводить дешифрирование природных и антропогенных объектов с приемлемой точностью [7; 9; 10].

Геоинформационно-картографическое обеспечение мониторинга эрозионных процессов включает составление комплекса карт: особенностей рельефа, климатических, поверхностных и подземных вод, почвенных и других депонирующих сред. Полученные результаты дают возможность формировать базы данных различной картографической и атрибутивной тематической информации по почвам и земельным ресурсам, а на этой основе создавать серии электронных и компьютерных карт и различных моделей (ландшафтные и агроландшафтные, морфометрических показателей рельефа (крутизны (углов наклона поверхности), экспозиции склонов, горизонтального (густоты) и вертикального (глубины) расчленения рельефа, горизонтальной и вертикальной кривизны и др.) [2]. Их главная задача – наглядная визуализация различных данных с последующим выявлением пространственно-временных закономерностей процессов, явлений и территориальных систем различных иерархических уровней [2; 6; 7]. Визуальный анализ, сочетающийся с количественным анализом морфометрических показателей цифровых карт и моделей, а так же пространственным анализом средствами ГИС дает возможность получать и включать в специализированные базы данных дополнительную информацию, имеющую важное це-

левое практическое значение. В нашем случае это выявление участков возможного развития опасных экзодинамических процессов (линейной эрозии, плоскостного смыва, дефляции, суффозионно-просадочных и оползневых явлений, поверхностного карста, подтопления, затопления и заболачивания и др.), рекомендации по ограничению степени антропогенного воздействия на таких территориях [2; 10].

Примером результатов тематического картографирования на основе широкого использования ДДЗ и ГИС-технологий являются обновленные карты распространения и пространственного размещения экзогенных процессов на территорию Республики Мордовия.

Мелиорация и борьба с негативными антропогенными и природными антропогенно-стимулированными процессами помогают вернуть некоторые участки нарушенных земель в сельскохозяйственный оборот, но смыв почв и вынос гумуса на таких землях требует принятия комплекса мер по сохранению и приумножению естественного плодородия почв. Это достигается, как правило, внесением большого количества минеральных удобрений, и ведет к еще одной важной проблеме современного традиционного сельскохозяйственного природопользования и землепользования – прогрессирующему загрязнению почв. Его важнейшим следствием является ухудшение качества производимых продуктов питания. При этом на первый план встают вопросы влияния уже природной среды на физическое и психическое здоровье человека и общества в целом, а также проблемы продовольственной и духовной безопасности.

#### **Список литературы:**

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году». - Режим доступа: [http://www.ecogosedoklad.ru/2014/wwwOp1\\_1\\_503.aspx](http://www.ecogosedoklad.ru/2014/wwwOp1_1_503.aspx).

2. Тесленок С.А. Агрорландшафтогенез в районах интенсивного хозяйственного освоения: Исследование с использованием ГИС-технологий: Монография. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. - 189 с.

3. Долгачева Т.А., Бучацкая Н.В., Ивлиева Н.Г., Аникин В.В., Калашникова Л.Г. К вопросу об оценке природно-экологической комфортности проживания населения в городе // Картография и геодезия в современном мире : материалы Всерос. науч.- практ. конф. 1 декабря 2010 г. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. - С. 96-104.

4. Тесленок С.А., Тесленок К.С., Долгачева Т.А., Скворцова М.А. Методы и способы графической визуализации результатов исследования социальной комфортности проживания населения // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. - 2017. - N 11 (11). - Т. 10. - С. 125-130.

5. Тесленок К.С. Геоинформационное картографирование и моделирование в управлении земельными ресурсами Республики Мордовия // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XV междунар. науч. конф. (Минск,



23-24 окт. 2014 г.). В 3 т. - Т. 3. - Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2014. - С. 264-266.

6. Тесленок К.С. Геоинформационные технологии в изучении земельных ресурсов Республики Мордовия [Электронный ресурс] // Научное обозрение : электрон. журн. - 2016. - № 2. - Режим доступа: [https:// srjournal. ru/ 2016/id19](https://srjournal.ru/2016/id19).

7. Тесленок С.А., Тесленок К.С. Технологии ГИС и ДДЗ в управлении ресурсами и природопользованием АПК // Проблемы и перспективы развития агропромышленного производства: Монография. - Пенза: РИО ПГСХА, 2015. - С. 166-181.

8. Тикунов В. С. Моделирование в картографии / В. С. Тикунов. - М.: Изд-во МГУ, 1997. - 405 с.

9. Афанасьев М.А., Калашникова Л.Г. Использование материалов космических съемок с целью картографирования в ГИС-пакете ArcGIS [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. - 2015. - № 24 (65). - С. 7.

10. Кузин А.А., Примаченко Е.И. Использование геоинформационных технологий при изучении оползнеопасных зон // Природные опасности: связь науки и практики: материалы II Международ. науч.- практ. конф. - Саранск, 2015. - С. 226-229.

## **ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ НАСЕЛЕНИЯ**

**Клепова М.И., Мирошников А.В.**

*Россия, г. Воронеж*

*Воронежский государственный университет*

*E-mail: [marina.klyopowa@yandex.ru](mailto:marina.klyopowa@yandex.ru)*

**Аннотация:** в данной статье исследуется историческая роль Православной церкви в жизни народа России от принятия христианства до наших дней. Говорится о поддержке церковью людей в самые тяжелые времена в жизни нашей страны, о традиции помощи церкви бедным и нищим, сохранившейся в России и по сей день. Также сказано о нужности и важности изучения попечительской практики и благотворительности церкви.

**Ключевые слова:** историческая роль, социальная защита, православная церковь, благотворительность, христианство, призрение, православная религия.

Православная церковь на протяжении многих лет, начиная с принятия христианства в России, играла важную, а в отдельные времена и главную роль в жизни нашего народа. Именно она поддерживала общность традиций, ценностей и обеспечивала этим единение людей и взаимную связь между ними.

В истории нашего государства православие, православная церковь, ее деятельность имели серьезное значение для народа России. Истоки этого

значения для нашего Отечества берут начало еще с Крещения Руси в 988 году.

Принятие христианства представляло собой довольно трудный и длительный процесс, ведь предстояло сломать уже состоявшийся образ жизни русских людей, их культуры, быта, мировосприятия.

По преданию князю Владимиру было предложено на выбор различные религии, от которых он по различным причинам отказался, отверг. Исключением стала православная (византийская) религия. Об этом говорится в «Повести временных лет».

И одной из причин, побудивших князя выбрать данную религию, стало то, что она, православная религия, в тех же проповедях добра, сострадания, милосердия и, конечно же, сочувствия чужому горю совпадала с устремлениями русского народа, его духовно-нравственными устремлениями.

Но принятие христианства проходило в сложных условиях. Население сопротивлялось и не сразу и не везде принимало новую религию, считало это вероотступничеством. Для распространения православия на Руси большое значение имело то, что богослужение велось на славянском языке, который был доступен для русских.

С принятием христианства благотворительность, предоставление бедным и убогим убежища и пропитания являлось предметом постоянного внимания и княжеской власти и духовенства. И все вопросы, которые касались призрения страждущих, решались на государственном уровне княжеской властью вместе с епископами. На основе советов священнослужителей принимались окончательные решения.

Русской православной церкви было поручено, при помощи собираемой ею «десятины» на церковные нужды, поддерживать, оказывать помощь всякому к ней обратившемуся.

Да и сам князь Владимир «велел всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор, чтобы получить продукты, денег из казны, а для тех, которые не могли сами дойти до княжеского двора, хлеб, мясо и овощи привозили на специальных телегах в места наибольшего скопления нищих и убогих» [1].

При церквях и храмах по распоряжению князя начали строить школы, в которых имели возможность обучаться дети из разных семей, разного достатка, в том числе и неблагополучных.

Даже во время нашествия татаро-монгол, когда княжеская благотворительность перестала существовать, единственным надежным прибежищем для обратившихся за помощью оставалась Русская православная церковь. Да и князья в основном из нравственно-религиозных побуждений давали поручение духовенству в осуществлении благотворительности.

В XIX веке Православная церковь являлась не только духовным ориентиром в жизни русского общества, но и являлась важной структурой, оказывающей влияние на развитие этого общества и менталитет.

Именно в XIX веке, а вернее к его концу, увеличилось количество православных духовных заведений в России. Например, в Воронежской губернии было построено примерно около десяти церквей и очень много восста-

новлено. И в этом немаловажную роль играли вложения всех слоев населения.

Это свидетельствует о большом значении для населения православного образа жизни. Так, в 1864 году в Воронеже на народные средства и средства почетного гражданина города была основана церковноприходская богадельня.

А при монастырях создавались «странноприимные» дома. Например, при Митрофаново-Благовещенском монастыре был создан такой дом для проходящих паломников, при Валуйском Успенском монастыре – дом для богомольцев. В странноприимном доме при Толгиевском Спасо-Преображенском монастыре все проходящие безвозмездно получали не только еду, но и приют.

Все эти дома содержались на средства монастырей и оказывали благотворительную помощь всем нуждающимся. Примерно три тысячи человек, которые приходили на богомолье, и бедные жители города могли пользоваться услугами странноприимного дома при Задонском Свято-Троицком женском монастыре [2].

Целый ряд церквей в Воронеже – Введенская, Тихвино-Онуфриевская и другие были сооружены и перестроены на средства купцов Тулиновых, Гордениных и других. И, согласно одной из точек зрения, таким образом, богатые люди, во всяком случае, многие из них, «замаливали грехи».

Известно, что с 1880-х годов активно развернулось создание церковноприходских школ. Они часто создавались на личные средства и благодаря безвозмездной работе священников на селе.

В предреволюционной России интересы Православной церкви трактовались как совпадающие с интересами государства. И поэтому переход из православия в любое другое вероисповедание считалось правонарушением, и довольно серьезным.

В конце XIX века многие, а именно значительная часть населения (в основном образованного населения) считала христианство пережитком прошлого. Все социалистические и даже большинство либеральных партий были за отделение церкви от государства. Хотя стараниями отечественных писателей, историков, мыслителей прошлого столетия (Ф. Достоевского, В. Соловьева) была подготовлена почва для постепенного возрождения в XX веке интереса к православию.

Но дореволюционная Россия держалась на православии, так как его исповедовало большинство. И после революции 1917 года новая власть, опасаясь авторитета Православной церкви, потому что она могла составить конкуренцию, и довольно серьезную, идеологии коммунизма, издала Декрет об отделении Церкви от государства (23 января 1918 год).

Этот акт стал законным основанием гонений против религии. Количество храмов в России сократилось в двадцать раз. Уничтожались священнослужители.

Но, несмотря на боязнь обнаружить приверженность к религии, значительная часть людей призналась в Православной вере. Из тридцати миллионов неграмотных (старше шестнадцати лет) более двадцати пяти миллио-

нов, а именно 84% сказали, что они верующие, а из 68,5 миллионов грамотного населения 30 миллионов, соответственно 44%, были верующие.

Но по всей стране разрушались церкви и монастыри. Запрещалось всякое взаимодействие с религией. Однако в самые страшные годы, годы великой Отечественной войны, люди все равно искали утешение в православии. В войне Православная церковь была вместе с народом, именно она разделила боль и страдания населения нашей страны. Именно церковь организовала сбор средств в фонд денежных средств нашей армии. А самое главное: огромное количество народа обратилось к Богу в это трудное время. Церковь вселяла в людей веру в победу над фашистами, а также давала утешение и надежду на встречу с родными.

На сегодняшний день церковная деятельность в значительной степени ориентирована на социальную защиту малообеспеченных и неимущих. Многие церковные организации вместе с Благотворительным фондом продовольствия «Русь» [3] организовали открытие добровольческих цехов фасовки продуктовых наборов для кормления людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также – открытие столовых для бездомных.

В связи с возникающими проблемами в сфере социальной защиты требуется выработка новых направлений, решений. Для этого надо вспомнить о хорошо забытом старом, а именно о национальных традициях благотворительности Русской Православной Церкви, которая находилась у истоков становления системы призрения и попечительства. Важно изучение регионального аспекта социального служения Православной Церкви, что позволит точнее представить ее попечительскую практику.

Нужно и важно изучение местной попечительской практики, современного состояния благотворительной деятельности Русской Православной Церкви, так как оно в настоящее время значительно отличается от прошедшего времени не только направлениями, но и масштабами.

### **Список литературы:**

1. Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб: Наука, 1997. – Т. 1: XI-XII века. – С. 134.
2. Карпачёв М.Д, Воронежская Энциклопедия. – Воронеж.: 2009. – 524 с. С. 50-58.
3. Церковь и «Фонд продовольствия «Русь» собирают продукты для неимущих Москвы, Липецка и Санкт-Петербурга // Церковь и общество, 18 февраля 2016. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http:// www.patriarchia.ru/db/text/4377412.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/4377412.html) (Дата обращения: 12.11.2017).

## ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Княженко Л.П., Буракова И.С.

Россия, г. Железноводск

Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в  
г. Железноводске

E-mail: madikafedraid@mail.ru

Bis-mgus@yandex.ru

**Аннотация.** В статье рассматривается влияние средств массовой информации на формирование ценностной ориентации ребенка. Над проблемой такого влияния работают многие известные научные учреждения и организации, приведены статистические данные опросов по данной проблеме.

**Ключевые слова:** средства массовой информации, формирование личности, функции СМИ.

Личность формируется под влиянием множеством элементов социально-культурной среды. Экранный мир создаёт в наших обыденных условиях постоянно действующую информационно-эстетическую среду, которая подсознательно формирует ценностные ориентации ребенка в области всех сфер жизни: искусства, культуры быта, эстетической организации среды, деятельности, отношений, экологии. Но надо признать, что в последнее время коммерческое вещание, предоставленное стихии рынка, рассчитано на усреднённые вкусы обывателя и не делает школьника интеллектуально выше и эстетично красивее.

В наше безумное время как никогда актуально стоит вопрос о влиянии средств массовой информации, и в первую очередь телевидения, на патриотическое и эстетическо-нравственное воспитание школьников.

Очень велико влияние СМИ на процесс формирования личности школьника, так как на сегодняшний день телевидение и Интернет стали неотъемлемой частью жизни не только взрослого, но и ребёнка. Особое место среди многочисленных видов средств массовой информации занимает телевидение и компьютеризация, из-за их возможного наглядного восприятия, что обеспечивает более сильное эмоциональное влияние на ребёнка. Над проблемой такого влияния работают многие известные научные учреждения и организации (ЮНЕСКО, Европейский институт по изучению средств массовой коммуникации, Национальный институт психического здоровья США и т.д.). Вопрос о влиянии СМИ, а именно телевидения, вызывает множество дискуссий, и в настоящее время существует две точки зрения на эту проблему: средства массовой информации оказывают позитивное влияние и оказывают негативное влияние [1, с.33].

Самые популярные передачи в настоящее время это передачи развлекательно-игрового характера. Они не заставляют думать, размышлять, тренировать память, тонко чувствовать хорошее, доброе. Как правило, они

пробуждают низменное, разрушительное, животное начало в ребёнке, а не высокое, нравственное, духовное.

Анализ современного информационного пространства показывает, что большинство коммерческих каналов показывают исключительно боевики и эротику вперемежку с рекламой. На этом, к большому сожалению, и воспитываются сейчас наши подрастающие поколения.

Сложные социально-экономические изменения в обществе привели к существенному изменению роли семьи и образовательных учреждений в воспитании подрастающего поколения. Отдельные воспитательные функции родителей стали выполнять средства массовой информации, что приводит к результатам, которые иногда исправить во время не удается.

Среди школьников городов центральной части России был проведен опрос о СМИ, результаты весьма удручающие. Так, учёные выяснили, что школьники смотрят телевизор в среднем по пять часов в день. Следовательно, за все школьные годы молодые люди проводят у экрана 20 тысяч часов, а на уроках около 11 тысяч часов. То есть на образование они потратят значительно меньше времени, чем перед экранами телевизоров. При этом, за это время они видят примерно 15 тысяч случаев насильственной смерти.

На сегодняшний день сложилась достаточно сложная ситуация, объем информационного потока с экрана телевизора значительно превышает остальные. Зачастую дети доверяют этим источникам информации больше, чем родным и близким. А современное как отечественное, так и зарубежное телевидение в борьбе за рейтинг, получение больших прибылей от рекламы транслирует насильственные или эротические сюжеты, пробуждая самые низкие инстинкты человека. Взрослый человек с сформировавшимся в иной информационной среде мировоззрением может критически оценивать всю эту телепродукцию. А дети и подростки все события, происходящие на экране телевизора или в видеороликах сети интернет, воспринимают как действительные, не подвергая сомнению их реальность, в силу отсутствия жизненного опыта и социализации личности.

В конце концов, детский разум принимает экранную правду, и уже убийство и насилие не вызывают отторжения или отвращения, потому что в результате привыкания к агрессивному видеоконтенту увиденное на экране становится для детей не только реальным, но и обыденным. Манеры общения и поведения экранных персонажей становятся для ребенка основным источником моделей поведения в обществе и у него может постепенно сформироваться девиантный стиль мышления. В результате имеем привыкание к асоциальным моделям поведения, формирование представлений, что путь решения для большинства проблем – насильственный.

Очень опасным для детей может быть и неконтролируемый взрослыми доступ в глобальную сеть Интернет.

Дети наталкиваются на такие риски, как попадание в несуществующий мир, уменьшение социальных контактов, социальную дезадаптацию, что может привести к депрессиям и даже самоубийству. Интернет-зависимый ребенок не может сам контролировать количество времени, проведенное

перед монитором, у него появляется сухость глаз, расстройство сна, исчезает аппетит.

Наша современная информационная среда породила новый феномен интернет игры, самый страшный пример такой игры - «Синий кит» или игра в самоубийство. В 2016 году, по данным издания «Новая газета», из-за групп смерти умерло не менее 130 детей и подростков. По сообщениям СМИ жертвами игры «Синий кит» только в 2017 году стали около 20 подростков. Возраст детей умеющих пользоваться Интернетом заметно помолодел..

Около 50% детей трехлетнего возраста самостоятельно пользуются устройствами с доступом в сеть Интернет. Порой им доступна информация достаточно агрессивного характера, рассчитанная на иные возрастные группы. А 80% детей от 9 до 16 лет пользуются Интернетом в «мобильном режиме» (с помощью переносных цифровых устройств). И в сети Интернет подростки могут найти для себя образчиков поведения, которые в своей социальной деятельности транслируют нормы слабо сочетающиеся с жизнью в современном российском обществе.

Проведенные среди родителей опросы показали: всего лишь 24% родителей предполагают наличие неких угроз со стороны Всемирной паутины и только 19% подробно интересуются тем, чем занимается их ребенок в Интернете. Сравнительно недавно родительская общественность многих стран заговорила об отрицательном воздействии многих компьютерных игр, хотя количество трагических случаев с детьми увеличивалось в растущей прогрессии.

Психологи уже давно и много говорят о том, что заинтересованность разного рода «стрелялками», яркие кровавые ситуации, разрывание плоти убитых может провоцировать человека попробовать такую ситуацию не «понарошку», а в реальной жизни. Чтобы уберечь детей от компьютерной зависимости и игромании, специалисты советуют родителям регламентировать свободное время ребенка и не разрешать много времени проводить возле компьютера или телевизора, смотреть за тем какими компьютерными играми увлекается ребенок [2 с. 18].

В Интернете представлены сайты, где все чаще стала появляться «вредная» информация, содержащая призывы к войне, формирующая социальную, расовую или религиозную ненависть, распространение порнографии, суицидальных наклонностей и обсуждению действия тех или иных наркотиков. Отсюда может последовать увлечение всеми этими угрожающими их здоровью вещами.

Согласно статистическим данным группу риска составляют подростки, общающиеся во всевозможных чатах с представителями радикальных политических группировок, со сторонниками сатанинских культов и сект. Именно таким образом начинается вербовка в запрещенные группировки.

Следует отметить, что во многих своих исследованиях психологи и педагоги отмечают серьезное воздействие всемирной интернет-паутины на развитие ребенка и воспитание его культуры и поведения, способность нести угрозу здоровью и даже жизни. Бесконтрольное увлечение подрост-

ков и детей компьютерными играми наносит непоправимый вред психическому и физическому здоровью, формируя у них искаженное мировосприятие. Уже на сегодняшнем этапе развития возникает срочная потребность в программном обеспечении, позволяющем осуществлять постоянный родительский контроль за работой подростков в сети.

Опираясь на исследования многих учёных, нельзя не согласиться, что СМИ это сеть, которая обволакивает собою и детям уже тяжело вырваться из этого виртуального пространства. Для них компьютерные игры это уже не игра, а реальная жизнь. Она заменяет активную социальную деятельность, хобби и творчество, общение со сверстниками и даже противоположным полом. Появляется интернет - зависимость, которая несет за собой огромные негативные последствия.

Воспитание - это процесс организованного и целенаправленного воздействия на личность и поведение ребенка. Воспитание можно рассматривать как совокупность факторов, действий и приёмов, которые будучи организованы, формируют личность ребёнка [4 с. 40].

В идеале всё, что оказывает любое влияние и хорошее и плохое на воспитание и формирование личности ребёнка должно всегда контролироваться, родителями, педагогами, детскими психологами. Но на самом деле, по каким-либо причинам некоторые факторы не могут попасть под полный контроль со стороны взрослых. Или этим факторам не придают особого значения сами родители. К таким факторам, на наш взгляд, можно отнести СМИ.

За последние время в мире было проведено более 500 исследований, посвященных влиянию телевидения и кинематографа на детей. Они проводились во многих странах мира, среди мальчиков и девочек, принадлежащих к различным расам, национальностям и социальным группам. А вот результаты исследований, как не странно, были практически везде похожими: агрессия на экране делает детей злыми по отношению к людям, животным и к неодушевленным предметам. Через телевидение внедряются разные моральные ценности и модели поведения, принятые или не принятые обществом [3 с. 46].

Понятно, что воспитать ребенка в информационной пустоте нельзя. Многие родители хорошо понимают, как может отразиться на развитии личности школьника не предназначенные для его возраста фильмы. Учитывая многообразие телеэфира, больше родителей стали интересоваться, что смотрит или читает их ребёнок.

Современные технологии позволяют контролировать телеканалы, которые смотрит ребёнок. Родители могут спокойно заблокировать тот или иной канал во время отсутствия взрослых для просмотра его ребёнком. Существует множество компьютерных программ, которые блокируют вредные сайты. Эта система действительно эффективна, когда ребёнок дома находится не под контролем взрослых. Но, к сожалению, не все родители пользуются этими технологиями.

Существует закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" [2 с.87]. Каждая передача или фильм, по этому за-



кону должна оговаривать возраст своего зрителя. В углу экрана ставится разрешённый возраст для просмотра, например, 16 +. Так можно узнать возрастное ограничение для любого фильма, телепрограммы, которые транслируются по телевидению или в кинотеатрах. Однако эти ограничения весьма условны, но родителям стоит обращать на это внимание. Не все родители соблюдают эти ограничения, но в кинотеатрах стараются следовать федеральному закону. На наш взгляд, эти ограничения не всегда верны, но это связано с тем, что современные развлекательные передачи для взрослых крайне редко могут оказаться полезными и добрыми для детей.

Категорично заявлять о том, что средства массовой информации только негативно влияют на развитие и воспитание ребёнка нельзя. При правильном просмотре и должном контроле со стороны взрослых средства массовой информации могут оказывать и положительное влияние.

Образовательная и воспитательная функции СМИ прослеживаются в образовательных статьях, передачах, каналах. В формировании патриотического воспитания главную роль отводят электронным и печатным источникам информации. Роль СМИ в процессе патриотического воспитания нельзя оценивать однозначно. Средства массовой информации, однозначно, могут оказать положительное влияние на формирование чувства любви к Родине, патриотизма. Широкие возможности СМИ и современные технологии позволяют восстановить исторические события, воссоздать битвы, снимать фильмы об истории нашей страны, которые способны привить гордость за наш народ и его победы на разных полях сражения. Но в тоже время, постоянные сообщения СМИ об отклоняющихся от общепринятых норм событиях порождают у читателей, слушателей и зрителей беспокойство и страх, пессимизм в отношении возможности искоренения негативных явлений [2 с. 23].

Невозможно недооценить роль СМИ в жизни общества, в воспитании молодого поколения. СМИ уже давно являются неотъемлемой частью жизни каждого из нас. Они раскрывают большие возможности для воспитания морально-нравственной личности, с помощью СМИ мы можем охватить всё содержание воспитания: нравственное, патриотическое, политическое, экологическое, эстетическое и многие другие.

Велико влияние средств массовой информации на развитие личности современного ребенка, поэтому оно должно корректироваться влиянием других общественных институтов, таких как семья, школа, социальное окружение. Невозможно совсем оградить ребёнка от СМИ, но мы, взрослые, в силах не только контролировать и отфильтровывать получаемую им информацию, но и предотвратить негативные последствия неграмотного и неразумного пользования, научив правильно вести себя в мире информации.

### **Список литературы**

1. Полуэхтова И. А. "Телевидение как механизм социального контроля".- 1998г.
2. Сухонос С.И. Вселенская сила нравственности. – М.: Новый Центр, 2015.

3. Федоров А.В. Проблемы медиавосприятия и развития аудитории в области медиакультуры // Прикладная психология. – 2002. – № 2.

4. Яновская М.Г. Нравственное воспитание и эмоциональная сфера личности // Классный руководитель. 2003. - № 4

## **РОЛЬ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Кондратьев А.А.**

*Россия, г. Миасс*

*МКОУ «СОШ № 1»*

*E-mail: andrey\_kondrat\_kondratev@mail.ru*

**Гришина В.В.**

*Россия, г. Екатеринбург*

*Екатеринбургский торгово-экономический техникум*

*E-mail: valeria902010@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о роли семейного и педагогического воспитания подрастающего поколения в укреплении духовной безопасности нашей страны. Рассмотрены её принципы, проблемы, возникающие при их формировании, а также рассмотрены пути упрочения духовной безопасности России.

**Ключевые слова:** Подрастающее поколение, воспитание, семья, педагоги, принципы, духовная безопасность.

Одним из важнейших аспектов полноценного развития личности являются её нравственные и духовные ориентиры, заложенные в период формирования основных критериев и постулатов поведения в обществе.

Каждый человек проходит определенные этапы взросления, на каждом из которых формируется определенная степень освоения и закрепления, того или иного уровня знаний, а также формирование мировоззрения, которое, в свою очередь, индивидуально для каждого человека, но есть аспекты, которыми должен обладать каждый член нашего общества. К ним относятся: уважение к каждому человеку, независимо от того, каких взглядов он придерживается и какой культуре он себя относит; чувство патриотизма, которым должен обладать каждый гражданин нашей страны; культура общения и профессиональная этика, которая должна быть воспитана в человеке с ранних лет и в процессе его дальнейшего обучения в различных образовательных учреждениях.

Формирование духовной безопасности традиционно происходит в 2 этапа: семья и образовательное учреждение, в котором получает знания обучающийся. Существует и третий этап, в котором происходит корректировка и закрепление полученных, на предыдущих двух этапах, знаний и умений.

Самым первым этапом формирования многих человеческих качеств является воспитание ребенка в семье. Оттого, какая атмосфера сформирована в этой ячейке общества между членами семьи и их отношения с окружающим миром - зависит то, каким человеком будет воспитан ребенок. На это влияют многие факторы, такие как: наличие или отсутствие разного рода традиций, передача педагогического опыта между поколениями, сфера деятельности членов семьи и их досуговые интересы и жизненные цели и приоритеты.

В каждом культурном обществе существует своя практика воспитания подрастающего поколения в семье, которая складывалась и развивалась веками и является самой идеальной для того или иного сообщества. Главными причинами этого процесса являются: менталитет, традиции и географическое положение.

Российская Федерация – это огромная многонациональная страна со своим сложным историческим развитием, которое, несомненно, повлияло на традиции всех народов проживающих в нашем государстве, но, не смотря, на все это, бесспорным является то, что для представителей множества народов, а вместе с тем, и культур, которые населяют нашу большую страну, важным является любовь к своей Родине и желание повышения и совершенствования её социального, экономического и этнического благополучия.

Руководством Российской Федерации предприняты меры для повышения нравственности подрастающего поколения. Эти мероприятия включают в себя введение в школьный курс такого предмета, как «Основы религиозной культуры и светской этики». Целью, которого, является в преподавании обучающимся культурологических основ светской этики и религии, как культуры. Это дисциплина направлена на знакомство с религиозными традициями разных народов, которые проживают на территории России. Общеобразовательный модуль «Светская этика» рассказывает о тех качествах человека, которыми должен обладать гражданин нашей страны и о тех проблемах и сложностях, возникающих в процессе формирования личности ребенка, получающего знания в среднем общеобразовательном учреждении.

Для формирования высоконравственной личности ребенка, авторами была разработана программа дополнительного образования, которая носит название «Качества цельной личности». Она представляет собой учебный курс для учащихся младших и средних классов общеобразовательной школы. Опыт показывает, что на эти годы приходится самый пик увлечениями различными соблазнами и, как правило, они небезопасны [2, с.324].

Для укрепления духовной безопасности, в первую очередь, требуется построить воспитание детей, как в семье, так и в образовательных учреждениях на синтезе принципов духовной безопасности [3, 74].

Одной из важных задач нашего государства и общества является формирование принципов духовной безопасности, например, таких как: духовное здоровье членов общества, моральные и нравственные устои и поддержка федеральных СМИ.

Теперь рассмотрим каждый из принципов более подробно:

1. *Духовное здоровье членов общества* - главным критерием комфортного совместного сосуществования представителей различных культур и вероисповеданий, является духовное здоровье каждого члена общества. Оно формируется посредством взаимосвязи комплекса факторов: благоприятные условия становления личности в семье, окружение представителей подрастающего поколения должно быть защищено от людей, которые несут негативное влияние, защита каждого человека, а особенно детей и их родителей от попадания в различные религиозные сектантские и экстремистские течения;

2. *Духовные и нравственные устои* – для представителей каждой национальности, которые проживают на просторах нашей страны, характерны определенные духовные и нравственные устои, которые формировались на протяжении веков и, прежде всего, они направлены на воспитание в детях высоких моральных и нравственных границ, которые помогут им стать высоконравственными и духовно-образованными людьми, что, в свою очередь, повлечет за собой достижение высоких результатов во всех остальных сферах, в которых будут задействованы такие люди. В этой связи, возникает проблема неполного удовлетворения своих религиозных потребностей, представителями каждой из мировых религий, которые проживают на территории нашей большой страны, так как Российская Федерация – это светское государство.

3. *Поддержка федеральных СМИ* – важно упомянуть о том, что средства массовой информации играют важную роль в донесении до членов нашего общества различного рода информации. Одной из важных проблем, которая требует незамедлительного решения, заключается в том, что в некоторых случаях поток информации, который получают от них члены нашего общества, имеет негативный характер, что не может положительно влиять на формирование духовной безопасности.

На пути формирования этих принципов возникает ряд проблем, который описан выше для того, чтобы минимизировать влияние негативных факторов авторами предлагаются следующие пути:

Для того, чтобы избежать пагубное влияние сектантских и экстремистских движений на психологическое состояние личности должна проводиться регулярная профилактическая работа, основные положения которой должны быть утверждены на законодательном уровне. Также авторами предлагается введение в учебный план общеобразовательных учреждений такую дисциплину, как психология личности, которая будет соответствовать требованиям ФГОС третьего поколения [1].

Одним из способов решения второй, выявленной проблемы, является создание и обустройство специальных помещений в офисах компаний и других общественных местах, которые будут обустроены, исходя из требований основных мировых религиозных конфессий. Эту проблему также призван решать, преподаваемый в общеобразовательных учреждениях предмет, который носит название «Основы религиозных культур и светской этики». Одной из главных его задач является воспитание толерантного от-

ношения к приверженцам традиционных религиозных конфессий, которые, в свою очередь, оказывают положительное влияние на формирование духовной безопасности личности обучающихся.

Отсутствие цензуры в СМИ влечет за собой возникновение множества духовных, моральных и нравственных проблем, одной из которых является формальный подход возрастного ограничения к просмотру, тех или иных публикаций и телевизионных программ, которые могут нарушить психологическую или духовную стабильность формирующейся личности. Одним из решений этой проблемы выступает наложение реальных возрастных ограничений на просмотр определенных телевизионных программ и публикаций в СМИ. Доступ, к которым, может быть, осуществлен через ввод логина и пароля, который будет принадлежать родителям или законным представителям ребенка.

Резюмируя все вышесказанное необходимо сказать о том, что роль воспитания ребенка в общеобразовательных учреждениях можно с уверенностью назвать одним из первостепенных направлений в формировании духовной безопасности нашей страны, которое выступит гарантом стабильности и благополучия Российской Федерации.

#### **Список литературы:**

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года;
2. Райс, Филип Психология подросткового возраста / Филип Райс, Ким Долджин. - М.: Питер, 2014. - 816 с.;
3. Скурат, Галина Подростки. Как помочь им стать настоящими людьми / Галина Скурат. - М.: Речь, 2008. - 128 с.

### **ПОНЯТИЕ «МЕДИАСФЕРА» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ**

**Кривошеева Н.И., Панкратов С.А.**

*Россия, г. Волгоград,  
Волгоградский государственный университет  
E-mail: nataliya.krivosheeva\_1994@mail.ru*

**Аннотация.** В статье уделено внимание теоретическому анализу и интерпретации понятия «медиафера». Выявлены и обоснованы её структура, функционирование и факторы, оказывающие влияние на формирование повестки дня в современной медиафере.

**Ключевые слова:** медиафера, медиа, СМИ, коммуникация, медиатекст, политическая повестка дня.

Необходимым условием для коммуникации участников политического процесса является наличие такого пространства, в котором каждый из участников стремится стать субъектом формирования повестки дня. Современ-

менные технологические изменения в информационно-коммуникативных процессах привели к появлению и функционированию в нем относительно новой сферы общественной жизни – медиасферы, охватывающей процессы, связанные с функционированием информации в пространстве. Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что понятие «медиасфера» на сегодняшний день не является строго концептуализированным. Данное понятие анализируется в контексте теории коммуникаций, журналистики, философии, культурологии, политологии, экономики, социологии.

Одной из немногих современных работ по исследованию медиасферы является работа российской исследовательницы М.А. Буряк. Автор реализовала попытку концептуализировать данное понятие и охарактеризовать основные принципы функционирования медиасферы. Мы разделяем позицию вышеназванного исследователя в том, что медиасфера является новой сферой жизни общества, полноценным его элементом, предполагающая взаимодействие с другими сферами общественной жизни [2, с. 203]. Медиа являются полноценными участниками экономических и социально-политических процессов и оказываются ключевыми сетями, поскольку они организованы в глобальные конгломераты, являются основными источниками сообщений и образов, влияющими на сознание людей [6, с. 45].

Под медиасферой М.А. Буряк понимает «совокупность идей, тем, мнений и других нематериальных сущностей, представленная медиатекстами, обладающими следующими признаками: важность, значимость для разных групп аудиторий, сиюминутность, злободневность, открытость для многочисленных интерпретаций» [2, с. 209]. Из данного определения медиасферы следует, что её ключевым понятием является медиатекст, являющийся продуктом взаимодействия актора, коммуникационного агентства и СМИ. Более широкое понимание медиатекста дает М.Ю. Казак: «Смысловое наполнение термина медиа (от лат. «media», «medium» – средство, способ, посредник) позволяет называть медиатекстом любой носитель информации, начиная от наскальных рисунков, традиционных книг, произведений искусства и заканчивая суперсовременными феноменами технического прогресса» [5].

Альтернативную трактовку медиасферы предлагает петербургский исследователь В.А. Филиппова, несогласная с предыдущим автором в том, что медиасфера сводится к совокупности медиатекстов. Медиасфера, с точки зрения В.А. Филипповой, «это некоторая сфера общественных отношений, складывающаяся по поводу производства, распределения, обмена и потребления продуктов медиа – медиатекстов» [7, с. 39]. Но главная роль в ней принадлежит медиасистеме.

Проанализируем структуру медиасферы, её функционирование и факторы. В структуру медиасферы входят следующие элементы, связанные пространством медиатекстов и совокупностью регуляторов (нормативно-правовых и этических):

Производители и распространители медиатекстов (институциональные и не институциональные акторы):

- Традиционные СМИ (печатные и аудиовизуальные);
- Новые медиа;

- Средства массового воздействия (кино, театр, массовые зрелища, художественная литература);
- Потребители медиатекстов (аудитория);
- Взаимосвязи и отношения между СМИ и аудиторией.

Традиционный институциональный подход к СМИ – термин, эквивалентный понятию медиасферы в её узком понимании как совокупности всех СМИ – утверждает, что их базовыми элементами выступают печатные и аудиовизуальные СМИ. К печатным относят периодическую прессу – ежедневные и еженедельные газеты, журналы различной периодичности и тематики [3, с. 18]. В эту группу также входят и непериодические издания – например, книги и кинофильмы, которые могут наравне с традиционными СМИ формировать политическую повестку дня. В аудиовизуальные СМИ входят радио и телевидение. С позиции экономического подхода «Понятие «СМИ» сегодня описывает индустрию, систему производства содержания – от создания до упаковки – и отчасти организации каналов по их распространению [4].

Под новыми медиа понимают интерактивные электронные издания и новые формы коммуникации производителей информации с аудиторией. Многие исследователи доказывают, что новые медиа входят в систему СМИ. По мнению, М.С. Будолак, «Новые медиа – это новый вид онлайн СМИ, где любой пользователь сети Интернет, не обладающий навыками программирования, может участвовать в процессе создания, хранения и распространения социально значимой информации, имеющей периодический характер и адресованной широкой общественности» [1, с. 18]. Функции, традиционных СМИ присущи и социальным медиа. Традиционные СМИ используют новые медиа как источник информации и как инструмент распространения, аудитория, в свою очередь, использует новые медиа как самостоятельный информационный канал, исключая посредничество традиционных СМИ.

В современной медиасфере можно наблюдать гибридизацию медиа, влияющую на производство медиатекстов, на восприятие аудиторией информации, на управление информационными потоками, на политические процессы, и на процессы формирования политической повестки дня. Гибридизацию можно понимать как сочетание и взаимопроникновение любых двух СМИ.

Исходя из того положения, что медиатекст является основным продуктом медиасферы, охарактеризуем особенности, присущие коммуникации и информации именно в медиасфере [2, с. 208-209]:

- особый тип и характер информации – информация рассматривается отправителем как важная или необходимая обществу как массовому ее потребителю. Информация, вращающаяся в медиасфере, должна представлять интерес для какой-либо небольшой или массовой аудитории;
- публичность информации;
- массовая аудитория: рассредоточенная, неопределенная, разнородная аудитория, объединенная «только элементарным знанием языка»; представляет собой социальные группировки, не связанные целями и интересами;

- производство «на поток», одноразовость, сиюминутность, быстротечность информации;
- смысловая незавершенность, открытость для многочисленных интерпретаций;
- поликодовость текста – текст может включать видео и комментарии к нему, графики или схемы;
- медийность – информация попадает в медиасферу через медиаканалы: традиционные СМИ и новые социальные медиа.

Охарактеризуем функционирование медиасферы, в которой конструируется и функционирует политическая повестка дня. В качестве актора выступает как субъект, так и объект коммуникации. Актор может «запустить» (инициировать) информационный повод, либо повод появляется независимо от его намерений. В случае искусственного создания инфоповода актер (это может быть политик или коммерческая компания) чаще всего обращается к услугам коммуникационных агентств и продумывает такие поводы совместно с агентством. После того как инфоповод окончательно сформулирован, он должен попасть к аудитории с помощью СМИ.

Для нашего исследования важно подчеркнуть двойственную роль СМИ: с одной стороны – это только лишь медиаканал, когда информация напрямую попадает от отправителя к реципиенту (сообщение и посты в социальных сетях, в блоге и т. п.). В этом случае информация не изменяется. С другой стороны, СМИ являются полноценным актором процесса коммуникации, создающим информационный повод. Информация, попадающая в медиа, конструируется с учетом политики издания, художественного вкуса журналиста и т. д.

Выделим следующие факторы, оказывающие влияние на формирование повестки дня в современной медиасфере [7, с. 38]:

Социальный фактор: готовность читателя потреблять информацию и платить за неё, медиапредпочтения аудитории и доверие к разным типам СМИ, возможность любого элемента медиасферы (СМИ, инфоповода, аудитории) быть инициатором запуска информации в коммуникативно-информационном процессе;

Экономический фактор: количественная, структурная и типологическая представленность СМИ (данные тиражей и охвата радио, телевидение, новые медиа, печатные СМИ: газеты и журналы; массовые и элитарные СМИ; представленность по тематикам), рекламный рынок;

Технологический фактор: уровень проникновения интернета, роль новых медиа и социальных сетей в формировании повестки дня в современных медиасферах;

Политический фактор: законодательство, централизованность / децентрализованность медиасферы. В.А. Филиппова обозначает данное свойство как «федерализм в формировании повестки дня». При исследовании федеративных государств этот фактор позволяет изучать самостоятельность регионов и воздействие их локальной повестки дня на национальную.

Таким образом, под медиасферой в широком смысле можно понимать сферу общественной жизни, связанную с функционированием любых ком-



муникационных посредников (СМИ, новых медиа) и включающую процесс производства, распределения, обмена и потребления медиатекстов. Современная медиасфера ставит СМИ и аудиторию в равные условия, позволяя им влиять повестку дня. Медиасфера выступает «площадкой для формирования политического дискурса, свободного комментирования актуальной «повестки дня» и влияния на неё» [2, с. 204].

Политическая повестка дня функционирует в следующих форматах: как поле смыслов аудитории, фильтрующей информационные потоки на более важные и второстепенные; как совокупность сообщений, специально отобранных и внесенных в публичный дискурс; как заказ медиа со стороны политической элиты, связанный с регулированием властных отношений. В системе политической коммуникации СМИ способствуют смещению политических процессов в медиасферу и являются главным инструментом презентации политических акторов и повестки дня.

### Список литературы:

1. Будолак, М.С. Понятие «социальные медиа» // Петербургская школа PR: от теории к практике. Вып. 7 / Отв. ред. А.Д. Кривоносов. - СПб.: Роза мира, 2009. - С. 15-23.
2. Буряк, М.А. Медиасфера: концептуализация понятия / М.А. Буряк // Вестник СПбГУ. - Сер. 9. Вып. 2. - 2014. - С. 200-212.
3. Вартанова, Е.Д. Медиаэкономика в информационном обществе / Е.Д. Вартанова // Информационное общество. - 2005, вып. 1. - С. 23-27.
4. Вартанова, Е.Д. О современном понимании СМИ и журналистики [Электронный ресурс] / Е.Д. Вартанова // Медиаскоп. 2010. - Вып. 1. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/521>.
5. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://dspace.bsue.ru/bitstream/123456789/8687/1/Kazak\\_Spetsifika.pdf](http://dspace.bsue.ru/bitstream/123456789/8687/1/Kazak_Spetsifika.pdf).
6. Кастельс, М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. - 564 с.
7. Филиппова, В.А. Формирование политической повестки дня в современных медиасферах (на примере России и Бразилии 2010-2014 гг.): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Филиппова Виктория Александровна; [Санкт-петербургский государственный университет]. - Санкт-Петербург, 2016. - 204 с.

## ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ О РОЛИ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЯНИНА: ПРОБУЕМ ВЗГЛЯНУТЬ НА ПРОБЛЕМУ ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ

**Крылова М.Н.**

*Россия, г. Зерноград*

*Азово-Черноморский инженерный институт  
Донской государственной аграрный университет*

*E-mail: krylovamn@inbox.ru*

**Аннотация:** В статье предпринимается попытка разрушения нескольких исследовательских стереотипов, касающихся общения в социальных сетях. Предлагается найти положительные моменты в таких особенностях интернет-общения, как отсроченность реагирования, лёгкость ухода от некомфортных ситуаций общения, прогресс интернет-общения, представление в социальных сетях некорректной личной информации, недостаточная эмоциональность коммуникации. Подчёркивается, что общение – это главная ценность и даже смысл жизни для человека, и интернет-общение даёт личности новые возможности коммуникации, которые необходимо правильно использовать.

**Ключевые слова:** интернет, социальные сети, общение, коммуникация, ценности, смысл жизни.

Человек сформировался в процессе общения: когда-то, десятки тысяч лет назад, именно общение помогло человеку выйти из животного состояния и обрести речь. В непрестанной коммуникации развивалось человеческое общество, складывалась цивилизация. Сегодня общение претерпевает значительные изменения. С появлением и распространением сети интернет оно всё более переходит в виртуальный мир, становится заочным. В интернете происходит не только общение, эта среда обслуживает три вида потребностей индивида – коммуникативную, познавательную, игровую, однако исследователи отмечают, что «общение является одной из наиболее востребованных возможностей интернета» [1, с. 162]. Созданный как система хранения и транслирования информации, интернет постепенно стал в первую очередь коммуникативной системой.

Общение в интернете имеет ряд особенностей, которые активно изучаются современными социологами, философами, психологами, в том числе в диссертационных работах: Д.И. Кутюгин говорит о важной роли интернета в «идентификации и самопрезентации» коммуникантов [2, с. 9], М.М. Самелюк заявляет, что «интернет-досуг меняет структуру свободного времени индивида» [3, с. 11], Н.А. Цой рассматривает феномен интернет-зависимости и называет его одной из девиантных форм поведения [4, с. 6], И.Г. Опарина доказывает, что «интернет проявляет противоречивость гуманистических ценностей равенства, свободы и творчества» [5, с. 7] и т. п. Формируются даже новые научные отрасли междисциплинарного характе-

ра, нацеленные на анализ общения в сети интернет, например, киберпсихология [6].

Можно заметить, что в научной литературе уже сформированы определённые стереотипы оценивания общения, происходящего в виртуальной среде, в частности, в социальных сетях.

Целью данной статьи является рассмотрение стереотипов оценки интернет-общения, действующих в современных исследованиях и, при необходимости, разрушение данных стереотипов.

Первое, что следует отметить, – общий негативный фон в оценке процесса интернет-общения современного россиянина. Критикуется, к примеру, ненужность быстрой реакции в интернет-переписке. Р.В. Крюков отмечает: «Виртуальное общение снимает психологический эффект “быстрого реагирования”, что не создает условий максимальной концентрации сознания на поставленной проблеме» [7, с. 109]. Однако эта особенность характерна не только для виртуального общения, но и для заочного общения вообще. В XX веке, когда была широко распространена переписка с помощью почты СССР, миллионы людей ежемесячно обменивались письмами и открытками, они задавали друг другу вопросы, а затем отвечали на них с промежутком в несколько дней-недель-месяцев. Естественно, «быстрое реагирование» такой системой общения не было предусмотрено.

При любом заочном общении у собеседника есть время на то, чтобы продумать свой ответ, при необходимости найти недостающую информацию (в современных условиях – всё в том же интернете). Ничего плохого в этом, как нам кажется, нет. А реагирование с использованием современных технических устройств становится всё быстрее: у людей, живущих в разных частях страны, есть возможность практически мгновенного общения в чате, форуме, социальной сети. Отсутствие быстрой реакции на сообщение, по нашему мнению, никак не связано со степенью концентрации сознания на проблеме.

Критике подвергается возможность игнорирования тем и коммуникантов в социальных сетях, лёгкость ухода от сложных и неприятных тем, от непривлекательных людей. Н.М. Блинова пишет: «В интернет-пространстве человек сталкивается с большей свободой от Другого, от долга, от ответственности» [8, с. 37]. Действительно, в социальной сети можно заблокировать дискомфортного партнёра, удалить его из «друзей», можно выбирать только те темы, которые тебе приятны и вызывают желание общаться, можно вообще закрыть свою страницу для посторонних и общаться только с кругом избранных лиц. Однако так ли ужасна такая возможность? Желание создать для себя комфортную коммуникативную среду естественно для человека: мы и в реальной жизни окружаем себя друзьями, создаём семью, выбираем работу с учётом максимального психологического комфорта, выбираем те книги, телепрограммы, способы проведения досуга, которые близки и интересны нам. В социальной сети можно выбрать группу по интересам: болельщиков футбола, поклонников какого-то певца, любителей юмора или фильмов на английском языке – и успешно существовать в данном пространстве. Означает ли это уход от долга и ответственности? По нашему мнению, нет. Изби-

рательность – нормальное свойство человеческой психики, состоящее в стремлении индивида сделать выбор, его тщательности в процессе данного выбора и желании пользоваться результатами выбора.

Исследователей пугает то, как прогрессирует интернет-общение. С.В. Рослякова, Е.Г. Черникова пишут по этому поводу: «Коммуникативная деятельность человека всё больше переходит в пространство Интернета, непосредственное общение соседствует с опосредованным, уступая ему в популярности» [9, с. 76]. А вот это высказывание можно назвать, с одной стороны, устаревшим, с другой – голословным. Общаясь с детьми и молодёжью самого разного возраста (воспитание дочери 8 лет, работа в вузе со студентами 15-22 лет, общение с сыном 24 лет), автор статьи может уверенно заявить: детям и молодёжи гораздо больше нравится общаться в живую, в реальности. Социальные сети не заменяют непосредственного общения, а дополняют его, вносят в него то, что невозможно получить без интернета, – контакты с друзьями и родственниками, живущими в других регионах, общение с единомышленниками, которых нет в прямой близости. Кроме того, наши наблюдения показывают, что 5-10 лет назад общение в пространстве интернета было более активным, чем сейчас. Тогда недавно открывшиеся технические возможности коммуникации вызвали взлёт интереса к социальным сетям, сейчас страсти утихли и интернет-общение стало частью обыденной жизни, привычной для молодёжи с детского возраста. И.И. Шабшин характеризует данный процесс так: «То, что ещё недавно было новым, непривычным, сложным, уже через несколько лет воспринимается как нечто само собой разумеющееся, осваивается легко и быстро, а для нового поколения становится неотъемлемой частью жизнедеятельности» [1, с. 159].

Активно критикуются исследователями «некорректная персональная информация и “виртуальные личности”» [10, с. 243], которые коммуниканты могут создавать в сети. Пользователь социальной сети может создать свой образ, в той или иной степени далёкий от реального, создать собственный миф как составляющую часть мифологического пространства интернета [11]. Во-первых, он стремится показать себя с лучшей стороны. Для этого выкладываются фотографии в кругу улыбающейся семьи, на фоне шикарного автомобиля и роскошного дома, в ресторане и т. п. Предпочтение отдаётся фотографиям, на которых пользователь хорошо выглядит, для женщин – это фото с красивым макияжем, причёской, в дорогой одежде. С одной стороны, мы имеем здесь дело с недостоверной (неполной) информацией, но с другой – человек демонстрирует своё понимание жизненных ценностей, он показывает лучшее в себе, а значит, стремится к этому лучшему. Индивиду не свойственно обличать негативные стороны своей жизни не только в интернет-общении, но и в коммуникации вообще. В альбомах наших мам и бабушек тоже есть только красивые фотографии, но мы ведь не обвиняем их в «некорректной персональной информации»? Во-вторых, участник интернет-общения может вообще фальсифицировать информацию о себе: скрыть свою внешность, выкладывать чужие фотографии, предоставить недостоверную информацию о круге своих интересов, карьере, знакомствах, то есть попытаться создать «виртуальную личность». Но ведь та-

кое поведение – это не только обман партнёров по общению. С точки зрения психологии, мы имеем здесь дело с вариантом ролевой игры, которая помогает личности в поиске себя, в самоидентификации, для молодого человека – в формировании своей социальной идентичности.

Ещё один момент интернет-общения, который подвергается исследовательской критике, – его недостаточная эмоциональность. Например, С.Н. Хуторной, описав роль в выражении эмоций смайлов (графических изображений из комбинаций пунктуационных знаков), картинок и заглавных букв как знака повышения голоса, всё же делает вывод: «...На сегодняшний день эмоциональная палитра виртуального общения весьма бедна» [12, 102]. Однако можно ли говорить о богатстве эмоционального выражения мысли, если изначально подразумевается, что интернет-общение – это заочное общение (приведём снова в качестве аналогии почтовую переписку)? Логично ли упрекать интернет-коммуникацию в слабости того качества, которым она не способна обладать в принципе? Напротив, заслуживает внимания именно активный поиск коммуникантами способов для выражения своих эмоций. Появление всё новых средств для этого свидетельствуют о желании личности общаться эмоционально и творческом подходе к использованию для этого технических возможностей социальных сетей.

Итак, интернет-общение стало реальностью нашей современной жизни, и в его оценке исследователями недопустимы стереотипы. На каждое из свойств интернет-общения, которое критикуется в современной научной литературе, можно взглянуть по-другому и найти положительные моменты в чертах, декларируемых как негативные. Интернет-общение ждёт своего непредвзятого, объективного анализа, и смотреть на него необходимо в первую очередь как на новый технический способ коммуникации, охотно и с удовольствием освоенный современным россиянином.

С помощью социальной сети люди могут найти друзей и единомышленников в разных регионах, общаться с ними, обсуждать то, что интересно. Человек необычный, не обретший друзей в своём ближайшем окружении, перестаёт быть одиноким. Причём коммуникант пользуется огромными ресурсами внутренней свободы: он может быть настолько активным, насколько хочет, выкладывать или не выкладывать фотографии, делать или не делать записи на «стене» (социальные статусы), делиться или не делиться интересными темами, музыкой, фильмами. Огромное желание человека освоить интернет как пространство общения свидетельствует о том, что для индивида общение является важнейшей ценностью и даже смыслом жизни.

### **Список литературы:**

1. Шабшин И.И. О психологических особенностях общения в интернете // Консультативная психология и психотерапия. 2005. № 1. С. 158-182.
2. Кутюгин Д.И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2009. 22 с.
3. Самелюк М.М. Интернет-досуг в контексте трансформации социального времени: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. М., 2006. 26 с.

4. Цой Н.А. Социальные факторы феномена интернет-зависимости: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Владивосток, 2011. 22 с.
5. Опарина И.Г. Интернет в современном обществе (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2005. 24 с.
6. Козлова Н.С. Психологические аспекты удовлетворенности качеством общения в интернете // *Pedagogy & Psychology. Theory and practice*. 2015. № 2 (2). С. 61-63.
7. Крюков Р.В. Общение как ценность и круговорот идей и вещей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 109-111.
8. Блинова Н.М. Особенности образов партнеров по общению в интернете и в реальной жизни // *Мир науки*. 2016. Т. 4. № 4. С. 37.
9. Рослякова С.В., Черникова Е.Г. Общение, опосредованное интернетом, как объект научного изучения // *Новая наука: Опыт, традиции, инновации*. 2017. Т. 3. № 4. С. 76-79.
10. Курасова О.В. Влияние интернета на общение и восприятие рекламной информации в сети // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 2. № 6. С. 242-245.
11. Кроливецкая И.Е. Миф в информационном пространстве интернета // *Современные тенденции в образовании и науке: Сб. научн. тр. по мат. Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов: Юком, 2013. С. 81-84.*
12. Хуторной С.Н. Специфика общения в интернете // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2011. № 4. С. 100-102.

## **ДЖИХАД: ИСТОЧНИКИ, ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ**

**Кузьменко Н.С.**

*Россия, г. Симферополь*

*Таврическая академия, Крымский федеральный университет  
имени В.И. Вернадского*

*E-mail: n.s.kuzmenko@mail.ru*

**Аннотация.** Представлено широкое толкование джихада в качестве усердия, старания, приложения усилий, «борьбы с духовными или социальными пороками», которые могут осуществляться в различных областях и сферах.

**Ключевые слова:** джихад, ислам, Коран, смысл.

Определение джихада в его комплексном, совокупном виде существенно актуализируется в связи с устойчивой тенденцией представления джихада исключительно в военно-политическом контексте, с абсолютизацией одного из видов джихада. При этом важно отметить, что область реа-

лизации джихада не ограничивается одной лишь военной практикой и включает в себя различные виды «усердия» и «старания».

Глагол «джахада» означает «отдавать все силы», «напрягать усилия» [1, с. 28], «трудиться», «бороться», «воевать» и др. В связи с чем джихад обозначают как усердие, старание, приложение усилий [2, с. 13], а также как «борьбу с духовными или социальными пороками» [3, ст. джихад], которые могут осуществляться в любой области, сфере, деле. Уместно будет обозначить джихад как ратование [4, с. 2] – ревностное стремление и усердие, «приложение всех усилий и возможностей в установлении ислама и практики его решений» [5].

В различные периоды становления и функционирования исламского общества понимание джихада менялось в зависимости от характера условий, в которых проживали мусульмане, их взаимоотношений с враждебным окружением или же вообще конкретной жизненной ситуации.

Существуют различные основания классификации и деления джихада на: 1) большой и малый [80]; 2) оборонительный и наступательный [2, с. 16]; 3) мекканского и мединского периодов [6, с. 50]; 4) коллективный и индивидуальный [7, с. 200–201]; 5) формальный и содержательный [8]; 6) джихад в понимании и трактовках крупнейших фигур традиционного ислама и псевдоисламских сообществ [5; 4].

Сложно сказать, когда и при каких обстоятельствах джихад впервые был апробирован. Есть предположения, что джихад существовал и в доисламский период, будучи представленным в «форме набегов кочевых арабских племен» [2, с. 3]. Ввиду того, что джихад в основном рассматривается в контексте военно-политической истории ислама, то временем появления джихада считается начало мусульманских завоевательных походов за пределами Аравийского полуострова.

Первое упоминание джихада как термина встречается во второй суре Корана вместе с выражением «фи сабилль Алла», т.е. на пути Аллаха [1, с. 29]: «Поистине, те, которые уверовали и которые выселились и боролись на пути Аллаха, те надеются на милость Аллаха, – ведь Аллах прощающ, милосерд!» [9, 2:215]. Отметим, что вторая сура, согласно хронологическому порядку сур, предложенному Крачковским И.Ю., является первой сурой мединского периода проповедей Мухаммеда. И этой суре предшествовали 90 более ранних мекканских сур. По мнению Бабаева Ф.М., «глагол *джаахада* используется в мединских аятах 26 раз» [10, с. 42]. При этом, столь распространенная трактовка джихада в качестве священной войны, не имеет в мусульманской терминологии такого понятия как «харб уль-куддус», что буквально бы означало «священная война». Для обозначения войны в Коране используются слова «харб» (война) и «китал» (сражение), которые были известны арабам и в доисламские времена. Харб упоминается 4 раза как существительное и 2 раза как глагол «воевать» [10, с. 44]. Также необходимо обозначить отличия джихада и газавата. Газават в доисламские времена означал набеги арабских племен друг на друга без какой-либо религиозной подоплеки и мог объявляться вождем племени. С распространением ислама газават из захватнических набегов трансформируется в «борь-

бу на пути Аллаха», право его объявления принадлежит религиозному лидеру – имаму, халифу.

В Коране содержатся указания идей джихада как в мекканский, так и в мединский периоды проповедей Мухаммеда. В мекканский период шло становление новой общности, основывающейся на надплеменной основе и позволяющей объединить разбросанные племена и роды. Вследствие чего аяты Корана содержали в основном «мировоззренческие ценностные ориентиры» [11, с. 14], которые были направлены на укрепление веры, размышления о грядущей жизни и ее описания в аду или раю, размышления о пророках и посланниках.

В этот период формулируются принципы таухида (единственности бога) и саята (пятикратной молитвы). Реформированию подлежала, прежде всего, духовная составляющая человека (нафс), заключавшееся «в почитании старших, помощи бедным и путникам, запрете убийства своих детей из боязни обеднения, запрет прелюбодеяния» [6, с. 51]. Человеку следовало вести джихад с самим собой, своими пороками, преодолевать прежние дикие обычаи джахилийской эпохи. Мусульманину следовало подчиниться власти единого бога, покориться всему, что им повелено.

До переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, язычники пытались оказать на него и его последователей экономическое давление, угрожали выселением, смертью [6, с. 54]. На данном этапе Мухаммед ни с кем не вступал в сражение, открытую конфронтацию, в отношении инаковерующих предлагались терпение и сдержанность: «И терпи то, что они говорят, и беги от них хорошенько» [9, 73:10], «Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше! Поистине, Господь твой – Он лучше знает тех, кто сбился с Его дороги, и Он лучше знает идущих прямо!» [9, 16:126]. На данном этапе коранический текст изобилует заповедями терпения, милосердия в отношении инаковерцев, не принимающих нового учения и нового посланника. В Коране многократно повторяется, что роль Мухаммеда – всего лишь «напоминателя», «увещевателя», но никак не властителя. Этот переходный период принято называть периодом стойкости и терпения.

В Медине с появлением мусульманского протогосударства, возникают вопросы, касающиеся управления новой общиной, в связи с чем именно в это время были получены откровения по урегулированию экономической, политической, общественной жизни мусульман. Были зафиксированы еще три принципа – налог, пост и паломничество. В «период хиджры и сражения» [6, с. 50], мусульманам было разрешено сначала вести оборонительную войну с врагами «покорившихся», затем была санкционирована и нападающая тактика (за исключением периодов священных месяцев), и позднее – война разрешалась в любое время и всюду. Как отмечает Арухов З.С., после смерти Мухаммеда на войну арабийцев подвигала уже не борьба за веру, а вполне земные цели: получение с завоеванных земель богатой добычи с собираемых дани и налогов, возможность занять руководящие должности, а также владение большими наделами и т.д. [6, с. 34].



В кораническом тексте можно выделить несколько групп, указывающих на джихад в качестве:

– *«усердия»* – «О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха, ищите приближения к Нему и усердствуйте на пути Его, – может быть, вы будете счастливы!» [9, 5:39].

– *«борьбы»* – «Выступайте легкими и тяжелыми и боритесь своими имуществами и душами на пути Аллаха! Это – лучшее для вас, если вы знаете!» [9, 9:41].

– *призыва к «усердию» имуществом и душевными силами* – «Вы веруете в Аллаха и Его посланника, боретесь на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Это лучше для вас, если вы знаете!» [9, 61:11].

– *призыва к стойкости и терпению в вере* – «Оставь же их, пока они не встретят своего дня, когда будут поражены грозой, – в тот день, когда не поможет им их коварство ни в чем и не найдут они помощи» [9, 52:45]. «И терпи то, что они говорят, и беги от них хорошенько» [9, 73:10].

– *вооруженного сопротивления до установления ислама* – «И сражайтесь с ними, пока не будет искушения, и религия вся будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся ... ведь Аллах видит то, что они делают!» [9, 8:40]. «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы. Либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош» [9, 47:4]. «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истинной – из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» [9, 9:29]. «О, пророк, борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним! Их убежище – геенна, и скверно это возвращение!» [9, 66:9].

Помимо Корана, источником сведений о джихаде являются хадисы. Одно из наиболее распространенных указаний на важность ведения борьбы с собственными страстями и пороками: «Наилучший джихад – это борьба со своим нафсом» [12]. Возвращавшиеся из походов против неверных воины утверждали, что они «вернулись с малого джихада на большой» [12], который является более предпочтительным и трудным, поскольку ведется с невидимым врагом и постоянно. В то время как малый джихад (военный) ведется время от времени и с вполне конкретным осязаемым противником. В зарубежных источниках это деление именуется а *major jihad* (большой джихад) и *minor jihad* (малый джихад) [13, с. 154]. В хадисах также указывается, что на вопрос какое дело является самым любимым для пророка, он ответил: «совершенную вовремя молитву, затем любовь к родителям, а после этого – священную войну на пути Аллаха» [1, с. 34].

Согласно совокупному мнению авторитетных исламских правоведов, джихад бывает двух видов: *фард аль-кифая* (коллективная обязанность участия) и *фард аль-айн* (индивидуальная обязанность). Это же деление прослеживается и в зарубежных источниках [7, 200–201]. Участвовать в военном джихаде надлежит совершеннолетним, свободным, здоровым мужчинам, находящимся в здравом уме, не являвшимся должниками и способных

снабдить пропитанием себя и свое семейство [1, с. 42]. Джихад не является обязательным для женщин, калек, должников, юношей, имеющих родителей, а также для знаменитых ученых, потеря которых была бы нежелательна для мусульманского общества. Раздел военной добычи был неодинаков для пешего воина и всадника, например воин, имевший коня, получал в три раза больше [6, с. 80], чем не имевший средство передвижения. Таким образом, богатые становились еще богаче, а многие бедняки вообще не имели возможности принимать участие в походах, чему имеются подтверждения в Коране: «...когда они придут к тебе, чтобы ты их отправил, ты говоришь: «Я не нахожу, на чем вас отправить». Они отворачиваются, и глаза их полны слезами от печали, что они не нашли, что расходовать» [9, 9:93]. Военный джихад следовало вести за счет государства, закята и пожертвований богатых граждан. Мусульманам не следовало требовать вознаграждения или платы за участие в войне, напротив, имея возможность, мусульманам следовало жертвовать свое имущество на военные издержки [9, с. 43].

При этом военные действия должны быть прекращены, как только противоборствующая сторона выполнит предъявляемые требования (уплата джизьи, обращение в веру) или сложит оружие. Согласно кодексу ведения войны Абу Бакра – одного из четырех праведных халифов, правила ведения войны не могут быть нарушены, вне зависимости от поступков врагов. «Не предавай, не завидуй, не обманывай, не калечь, не убивай детей, не убивай пожилых, не убивай женщин. Не уничтожай и не сжигай ульи пчел, не руби деревья, приносящие плоды, не забивай овец, скот или верблюдов, кроме как для пропитания. Когда придешь к людям, проживающим в монастырях (то есть к христианским монахам), оставь их делать то, чему они посвятили свою жизнь. Иди вперед во имя Всевышнего» [11, с. 104].

Джихад – сложное социальное явление, требующее целого ряда пояснений. Для формирования и устойчивого развития культурно-образовательной среды, представляется необходимым раскрытие содержания понятия джихад, его сущностных характеристик, видов, правил и целей, позволяющее разграничить традиционные и экстремистские коннотации представленного концепта.

*Вывод. Установлено вариативное толкование джихада в качестве усердия, старания, приложения усилий, «борьбы с духовными или социальными пороками. В кораническом тексте выделены группы, указывающие на джихад в качестве: «усердия», «борьбы», призыва к «усердию» имуществом и душевными силами, призыва к стойкости и терпению в вере, вооруженного сопротивления до установления ислама. Представлены деления джихада на большой и малый, мекканского и мединского периодов.*

### **Список литературы:**

1. Кадырова К.А. Джихад: историческая традиция и основные тенденции интерпретации в XX – начале XXI вв. Дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 2016. – 208 с.
2. Арухов З. С. Концепция джихада в раннем исламе. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 1995. – 20 с.

3. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
4. Кузьменко Н.С. Джихад меча: традиционные и экстремистские интерпретации в современном обществе // Гуманитарный вестник. – 2017. – вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-02-419>
5. О сущности джихада. Часть 1. Интервью с шейхом Усманом Ахмадом Абдурахимом, доктором наук в области корановедения, советником министра вакуфов и по делам Ислама в Республике Кувейт. URL: <http://islamdag.ru/verouchenie/23622> (Дата обращения 12.09.2016).
6. Арухов З. С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис... канд. филол. наук / Арухов Загир Сабирович. – Махачкала, 1995. – 159 с.
7. Berkey J.P. The Formation of Islam. Religion and Society in the Near East, 600-1800. Cambridge University Press, 2002. – 304 p.
8. Лукашев А.А. Суфийские истоки понимания джихада у Лахбаби и Ханафи (На материале исследований Фроловой Е.А. и поэмы Махмуда Харезми «Клад истин») / Научный симпозиум «Арабо-мусульманская философия: актуальные исследования». Москва, ИФРАН, 14 апреля 2016.
9. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 537, [6] с.
10. Бабаев Ф.М. Джихад как феномен в исламе // Исламоведение, 2009. – № 1. – с. 40–49.
11. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России / И.П. Добаев. – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.
12. Маллаев А. Джихад с нафсом. URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/42960> (Дата обращения 02.02.2017).
12. War and Peace in Islam. The Uses and Abuses of Jihad. Edited by HRH Prince Ghazi bin Muhammad, Professor Ibrahim Kalin, Professor Mohammad Hashim Kamali. National Press (Jordan), 2013. – 524 p.

## **ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ДУХОВНАЯ АГРЕССИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Курбанов М.Г.**

*Россия, г. Махачкала*

*Дагестанский государственный университет*

*E-mail: kurbanovm@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются угрозы и вызовы, подрывающие систему духовной безопасности и социальной стабильности в культурно-образовательной сфере. Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть условия и факторы, вызывающие и сопровождающие духовную агрессивность в культурно-образовательной сфере. Формирование устойчивой системы духовных ценностей в культурно-образовательной среде должно стать приоритетной задачей социально-нравственного и граждан-

ско-патриотического воспитания. Сама культурно-образовательная сфера общественной и частной жизни людей имеет свои естественные механизмы функционирования и саморегуляции, но в современных условиях традиционные механизмы уже не справляются с интенсивными, агрессивными и динамичными потоками культурно-образовательной информации. Необходимы инновационные, специализированные, организационные усилия правового государства и гражданского общества, направленные на целевое и адресное управление, стимулирующее процессы духовного созидания и нивелирующее деструктивные, разрушительные процессы. Корпоративные сетевые сообщества, нацеленные на формирование агрессивной информационной среды, создают виртуально-культивированное, коллективное тело образовательно-игрового процесса, способного производить не только позитивные результаты, но и вести к негативным, тупиковым тенденциям, разрушительным для всего общества. Это требует разработку не только новых направлений в обеспечении государственной безопасности в культурно-образовательной сфере, но и разработку опережающих, упреждающих механизмов комплексного контроля в развитии данной сферы.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, духовная агрессия, деструктивное насилие, культурно-образовательная сфера, механизмы общения.

Ведущую роль в развитии систем безопасности, обеспечивающих полноценную духовную жизнь человека и общества, играет культурно-образовательная сфера, которая включает в себя реальные социальные возможности общественного сознания, направленные на расширенное воспроизводство духовных ценностей, обеспечение условий для духовного самосовершенствования личности в интересах всего общества и государства на основе свободного самоопределения национальной идентичности и сохранения исторической общности народа. В культурно-образовательной сфере постоянно воспроизводятся основные духовные ценности, прямо или косвенно доступные каждому человеку на любом этапе его жизненного пути. Поэтому для обеспечения социальной стабильности и духовной безопасности ключевую роль играет культурно-образовательная сфера, включающая в себя множество институциональных и функциональных элементов, среди которых можно назвать семью, школу, университеты, театры, музеи, стадионы, предназначенные для формирования социального тела, народной души и национального духа. Каждый человек по мере своих сил и возможностей является творцом не только своего духовного мира, но и общественного сознания, и проходит все этапы творчества, являясь строителем, прорабом, архитектором и проектировщиком. В ходе духовного творчества всегда возникает масса проблем и противоречий, препятствующих осуществлению намеченных планов и замыслов. В связи с этим, следует отметить, что духовному творчеству могут сильно препятствовать как внутренние факторы культурно-образовательной среды, так и внешние факторы, негативно влияющие на развитие культуры в целом. К внутренним факторам и элементам деструктивного характера относятся различные предрассудки, суеверия, призраки, иллюзии, заблуждения, измышления, сплетни и прочие осколки

духовной культуры, способные персонифицироваться или ментально кодифицироваться в разных моделях, мифологемах, искажающих истинный, гармоничный образ духовного мира. Все эти деструктивные элементы объективно существуют в недрах духовной жизни, в той или иной мере пронизывают различные сферы общественной жизни и играют своеобразную роль в духовном воспроизводстве человеком самого себя и своего сообщества среди людей. Если давать обобщенную характеристику этим элементам и факторам духовной агрессии, не вдаваясь в причины их возникновения, то можно сказать, что все они представляют собой те или иные искажения истинных возможностей, которые реально, по логике самих вещей, всегда существуют в действительности и отражаются в нашем сознании в наиболее полном виде. Если истина не имеет достаточной для нее свободы в нашем духовном мире, то она не способна быть и внутренним источником для развития разума, не способна культивировать разумное начало человеческой души. В таких условиях, исключая разумный самоконтроль, сознание становится легкой добычей для интеллектуальных манипуляций, нацеленных на деструктивные деформации духовного мира, угрожающие и духовной безопасности общества в целом. Следовательно, сама по себе «монополия человека над духовностью в нашем мире» [1, с. 63] не является безусловным благом, если она не соизмеряется с той ответственностью, которая при этом возлагается на каждого человека как творца.

В ходе культурно-образовательного дискурса между участниками по разным причинам могут возникать симпатии и антипатии, сотрудничество и соперничество, которые прямо или косвенно влияют на развитие культурно-образовательной сферы, в том числе и на восприятие истинного положения дел. Как же соотносятся в дискурсивных точках пересечения истина и сотрудничество, ложь и соперничество? Почему в одних сферах пересечения они сочетаются и взаимно уравниваются, а в других - наращивают потенциал противостояния, опрокидывающий все ранее достигнутое, чтобы затем начать новые поиски в обретении утраченного порядка? Почему вообще может возникать деструктивная ситуация духовного «насилия» над истиной в зависимости от дружественных или враждебных отношений между людьми? Почему взаимовыручка и «круговая порука» может получать не только позитивные значения, но и негативные, деструктивные тенденции в развитии духовной жизни общества. Прежде всего, надо отметить, что генеалогическая картина социальных отношений, в которой рассматривается корпоративная (клановая) приоритетность дружественных привязанностей, наносящих урон истинному положению дел, позволяет нам увидеть и выделить в духовной сфере общий контур «силового поля», в котором реализуется деструктивное насилие.

Корпоративное сообщество, формирующее сплоченное коллективное тело культурно-образовательного субъекта, способно производить не только позитивные результаты, но и вести к негативным, тупиковым тенденциям, разрушительным для всего социального организма. Пока коллективное тело существует на феноменальном уровне социально-проективных отношений, оно имеет облик фетиша. Феноменальность такой социальной общ-

ности позволяет проективно конституировать в воображаемом облике особую протяженность социальной реальности в образе бессознательных императивных отношений, предписывающих обязательство одного человека перед другим, или одной части сообщества перед другой, по принципу «круговой поруки». В результате, такая феноменальность корпоративного сообщества получает потенциальное силовое наполнение, которое включается в личную жизнь каждого человека таким образом, что может либо стягивать отношения людей, либо растягивать их. Стягивание отношений реально сближает людей настолько, что их отношения овеществляются в особом социально-устойчивом механизме содружества. Этот механизм общения задает такие формы совместной жизни как сплоченность, солидарность, преданность, доверчивость, откровенность, заботливость. Не зря в народе говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу кто ты». Растягивание отношений между людьми отдаляет их, что получает овеществленную реализацию в социальном механизме враждебности и в появлении таких общих форм жизни как соперничество, противоборство, неприязнь, скрытность, настороженность, отверженность и т.д. Человек разными своими сторонами включается в эти социальные механизмы общения и ситуационно реализует себя в отношении дружественности и враждебности. Дружба и вражда – это два полюса, составляющих один из внутренних источников движения социальной реальности.

Среди угроз духовной безопасности в культурно-образовательной сфере одной из ярко выраженных ее разновидностей является деструктивная практика культового фанатизма, которая получила социально-профилактическое выражение в стереотипе «не сотвори себе кумира». Где та черта, которая разделяет свободную приверженность авторитетному мнению от безропотной фанатизации авторитетных взглядов? Духовная культура невозможна без социального согласия, возникающего на основе свободомыслия, но она также невозможна и в условиях слепой, фанатической преданности одним ценностям в ущерб свободного развития других ценностей.

Для более четкого осмысления пределов деструктивного насилия необходимо уточнить первичные условия зарождения персонального человеческого духа, с которыми непосредственно связана сама возможность духовного насилия. Сокровенная «тайна духовного порабощения, скрыта в том первоначальном воспитании, которое дается ребенку со дня его рождения» [2, с. 11]. С детских лет ребенок воспитывается как «существо, совершенно подчиненное воспитателю» [3, с. 207]. Традиционно доминирующее положение учителя над учеником продиктовано императивом, стягивающим их отношения по линии господства и подчинения, что накладывает заметный отпечаток на формирующийся порядок духовной жизни и связанные с ним первичные образы духовного мира. Вместе с тем, следует учитывать функциональную асимметричность воспитания и образования. Духовная жизнь преисполнена множеством самых различных возможностей развития. Путь к нравственному достоинству отличается от пути к истинным знаниям. Положение, сформулированное в широко известном изречении «Платон мне друг, но истина дороже», [4, с. 753], означает, что дружелюбие

или доверие авторитетному мнению учителя не может полностью предопределять способ личного понимания истины. В ходе герменевтической интроспекции каждый человек реализует собственные интеллектуальные действия по обретению и предопределению той или иной последовательности своих взглядов на истину, не поддаваясь посторонним суггестивным и манипулятивным технологиям любого дискурсивного контекста. Любая конкретная истина в культурно-образовательной сфере способна получать общезначимый духовно-экзистенциальный статус не только на уровне социальных стереотипов, но и на уровне своего императивного функционирования. Поэтому, воспитание в каждом человеке безусловного, суверенного, личного права на доступ к истине является необходимым условием духовной безопасности всего общества.

Новые угрозы духовной безопасности в культурно-образовательной сфере возникают в ходе идеологического противостояния различных социальных сил, нацеленных на доступ к механизмам политической власти. Широкое использование на основе средств массовой информации суггестивных и манипулятивных технологий управления общественным и личным сознанием не проходит бесследно. Оно может повлечь за собой не только снижение достигнутого уровня в развитии культурно-образовательной среды, но и полную дезориентацию всего комплекса сбалансированных духовных ценностей и нормативных устоев общественной жизни. В связи с этим, учитывая толерантную открытость культурно-образовательной сферы, в современных условиях актуализируется необходимость формирования в каждом человеке компетенций, качеств и свойств коммуникативной устойчивости перед агрессивными технологиями и социальными практиками деструктивного характера, бесконтрольно и ситуативно проникающими в культурно-образовательную сферу.

#### **Список литературы:**

1. Мангасарян В. Н. Религия и экология // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 2. С. 62-68.
2. Вентцель К. Н. Цепи невидимого рабства. – М., 1906. – 136 с.
3. Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1989. – 544 с.
4. Сервантес М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 2003. – 791 с.

# СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОЕ СОЗНАНИЕ: К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ

**Курбанова Л.У.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный университет*

*E-mail: medna59@mail.ru*

**Аннотация.** В статье дана попытка рассмотрения связи субъективного благополучия личности, как психосоциальной категории, в структуре формирующих компонентов толерантного сознания. Дан анализ причин актуализации обозначенной проблемы в условиях усиливающейся волны миграции из стран Ближнего Востока в Европу, а так же неоднозначности оценок исследователей по вопросу природы социального и психологического напряжения личности в условиях поликультурной среды.

**Ключевые слова:** личность, толерантное сознание, благополучие, психология.

Теоретическое осмысление связи толерантности и субъективного благополучия имеет достаточно убедительные наработки в арсенале психологического знания, нашедшие свое отражение в ряде исследований отечественных ученых[1]. Рассмотрению категории субъективного благополучия через понятие «счастья» и «удовлетворенностью жизнью» посвящены ряд работ в зарубежной психологии. Все они приходят к выводу, что субъективное благополучие является системообразующим фактором в структуре толерантности. Исходя из предпосылки, что толерантность - явление многоуровневое, находящее свое проявление в различных формах и детерминированное различными психологическими свойствами, нужно отметить, что ни одно из них нельзя определённо назвать толерантным свойством, а можно рассматривать только в качестве психологической предпосылки толерантности личности. Наличие субъективных предпосылок толерантного поведения обеспечивается, на наш взгляд, субъективным благополучием личности. Высокий уровень выраженности субъективного благополучия личности, по нашим предположениям, будет способствовать оптимальному прогнозу в отношении её толерантности. Изучение взаимосвязи толерантности и субъективного благополучия позволит конкретизировать собственно психологические проблемы диагностики и формирования толерантных свойств личности в поликультурной среде.

Субъективное благополучие личности как социально-психологическое образование, является так же интегральным конструктом и определяется через систему представлений личности о себе, своих отношениях, своей жизни и т.п. [2.Крысько В.Г.,1992.] Ценностные установки, которые являются смыслообразующими компонентами толерантного сознания личности, становятся условиями и гарантией его субъективного благополучия, осо-



бенно в условиях миграционной среды. Ибо, именно миграционная среда часто служит индикатором уровня толерантности личности. [2].

Миграция целых этнических сообществ, как социальное явление, стало значительной частью процессов, которые несет в себе глобализирующийся мир. Столкновение культур, религий, образа жизни и способов мировосприятий, порождают новые и увеличивают существующие экономические, социальные и психологические проблемы, как на уровне государств, так и внутри этнических групп. Социально-психологическое напряжение от миграционного процесса испытывают обе стороны: приезжающая и принимающая. Этнические миграционные процессы в страны Западной Европы, набравшие колоссальные обороты из-за войн на Ближнем Востоке в их массовидных значениях в последние годы, стали новым серьезным вызовом современности. Процессы эти создали напряжение в межгосударственных отношениях во всем мире, стал рушиться, доселе казавшийся сбалансированным и спокойным, и мир Западной Европы. Все названные процессы превратились в очень существенный фактор, воздействующий на социально - психологическое состояние и динамику общественного напряжения современного мирового сообщества как в целом, так и ее стран в отдельности. Поэтому обращения к проблеме субъективного благополучия личности как условие ее толерантности, является далеко не только теоретической проблемой, а приобретает абсолютно конкретную практическую значимость, особенно в условиях миграционной среды.

Наблюдение реальных социально - психологических практик и их научный анализ показывают, что этнические миграции в наличном состоянии и долгосрочной перспективе вместе с известной позитивностью и. в целом, ожидаемыми следствиями, сопровождаются появлением и обострением новых противоречий в принимающих обществах [3,с.128]. Последние вызывают к жизни непреднамеренные, зачастую, неожиданные явления и процессы, детерминированные включением мигрантов и принимающей стороны в новую социокультурную реальность. Реальность, которая все чаще квалифицируется всем гуманитарным сообществом, как межэтническая напряженность.[4,с.334].

Феноменологическое поле межэтнической напряженности – это особые конструкты межэтнического взаимодействия. Среди них - системы представлений, этнические образы, стереотипы, нормативный этикет, ценностные ориентации, в совокупности, отражающие психологические состояния этнических групп. Эти когнитивно-эмоциональные образования перестраивают картину мира в сознании этнической группы и являются частью бытия, в которой она существует. На фоне обозначенных реалий, все большую значимость приобретает проблема последствий проекции этих процессов на отдельную личность, на его субъективное благополучие, которое немислимо без учета трех уровней анализа: широкого социального контекста, уровня этнической группы и. самого уровня отдельной личности как одновременно уникального и типичного ее члена. Такова специфика исследований в русле социальной этнопсихологии, главным методологическим принципом которой, считает Солдатов Г.У., является изучение взаимосвязей меж-

ду структурными характеристиками общества, особенностями этносоциальной и социокультурной среды, когнитивно-мотивационной сферой этнической группы и индивида как ее представителя. [5,с.17].

Особенности социокультурной среды находят отражение на выборе установок адаптации личности и группы, которые, в значительной степени, обусловлены и настроены принимающей стороны, в том числе. Поэтому, очевидно, колоссальное влияние на выбор стратегий адаптации к инокультурной среде мигрантом оказывают предпочтения и, так называемые, аккумуляционные ожидания принимающего общества. Среди критериев предпочтения выделяют влияние этнической и гражданской идентичностей на аккумуляционные ожидания принимающего населения. [6,с.131]. Под аккумуляционными ожиданиями выступают определенные ожидания принимающего населения относительно того, как должны себя вести инокультурные мигранты в их регионе. Ибо, совершенно очевидно, что формируется толерантное сознание личности в процессе межкультурного взаимодействия, где подвергаются аккумуляции как приезжие мигранты, так и принимающая сторона. Данный аккумуляционный механизм был исследован Дж. Берри, который выделил четыре аккумуляционных ожидания. [7,с.11]. Мигрантов нужно «принять», но принять, не нарушая ключевых параметров их и своих ценностей, иначе мы разрушим наш общий мир. Тут вступает в силу такие нравственные категории как «ответственность и самопринятие». Ответственность и самопринятие, как основные личностные составляющие толерантности, являются психологическим условием проявления основной формы толерантности личности, а именно, толерантности принятия.

Субъективное благополучие является условием толерантного принятия другого мира. Личность не боится вступать во взаимодействие с миром, самостоятельно выбирать цели собственной деятельности и реализовывать их.

Гармония с внутренним «Я» позволяет человеку легче примириться со своими ошибками и не бояться принять ответственность за всё, что с ним происходит. Формируется доверие к себе и чувство безопасности, он испытывает эмоциональный комфорт.

Эмоциональный комфорт в структуре субъективного благополучия занимает основное место и играет роль релевантного субъективному благополучию личностного фактора, максимально выражающего его основные признаки [8,с.78].

Удельный вес эмоционально - оценочного компонента толерантности во взаимосвязи с субъективным благополучием выше когнитивного. Этот факт является эмпирическим подтверждением мнения ряда авторов [9,с.216]. Получается, формирование субъективного благополучия (неблагополучия) основано на механизмах социальной регуляции, где субъект сам автор регуляции.

Учитывая, что религиозное сознание часто основано на эмоциональных механизмах психики индивида, исследователи приходят к выводу, что высокие показатели по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере индивида способствуют снижению агрессивности и стресса. [10]. Здесь религия играет роль механизма снятия напряженности и отчуждения.

Все названные компоненты, в конечном итоге, создают толерантное благополучие в условиях миграционной среды. В контексте заданных параметров проблемы актуализируется вопрос о социально-психологических границах и нормах толерантности. Учитывая, что субъективное благополучие личности, это и границы субъективной толерантности, которая формируются на ключевых внутренних аксеологических категориях (воспитанность, нравственность) и внешних законодательно-правовых (законопослушность, правовая грамотность) нормативных границах человека как личности и гражданина. Социально – психологическая интеграция и трансформация этих границ осуществляется естественным путем (как поиск повышающей значимость сходства альтернативной идентичности) [11]. Этничность не может функционировать как особенность вне межкультурного взаимодействия и в этом процессе практически всегда включаются стереотипы этнической психологии, которые могут, как способствовать конструктивному сосуществованию, так служить и препятствием коммуникации различных этнических групп.

Как одним из возможных решений толерантного сосуществования в большинстве исследований [12]. указывается на необходимость учета особенностей культур как со стороны приезжающих, та и принимающих сторон, с которыми приходится вступать в социальное взаимодействие. Но учет этих особенностей, как ни парадоксально, раскрывает новую траекторию проблемы, проблему этнической границы.

Этническая граница – это психологический результат деления мира на «чужих» и «своих» на основе этнической принадлежности. Это внутренняя оппозиция, а значит, ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе и этноконтактную. Для этнической группы это, по меньшей мере, означает массовое осознание этнического членства и более или менее внятно выраженную национальной элитой коллективную волю выделиться, обозначить и защитить свою культурную отличительность [13, с.15-16]. Для членов группы становятся актуальными категориями общее название и разделяемая культура, вера в общее происхождение, ассоциирование себя с определенной территорией, общая историческая память и внутригрупповая солидарность [14.]

Оппозиция «Мы–Они» является центральным психологическим компонентом различных концепций межгрупповых и межэтнических отношений [15]. На эмпирическом уровне в качестве структурирующего принципа она используется в многочисленных исследованиях стереотипов, установок и ценностей как элементов этнического самосознания или идентичности [16].

По мере роста социальной и этнической напряженности этническая граница из умозрительного концепта превращается в объективную реальность. Поначалу она, как бы обозначая место встречи этничностей, выполняет функцию культурной отличительности. Этнические границы становятся более плотными и искусственными, когда вопрос этнокультурного многообразия групп сменяется проблемой развития противоречий между их требованиями. Эти особенности часто отражают национальную ментальную нагрузку даже таких универсальных ценностей, как «честь», «достоинство»,

«институт старости». Мигранты-чеченцы признавались при опросе, что с трудом преодолевали проявление неприятия таких установок [17,с.169].

Принятие или непринятие ценностных нормативов как процесс аккультурной адаптации личности – вопрос субъективного его благополучия. Он детерминирован социальной, экономической, культурной и психологической комфортностью, которую может дать миграционная среда. Национальная «ценностная картины мира» может здесь претерпеть трансформацию, уровень и глубина которой зависит от соотношения социальной и этнической идентичности.

Субъективный опыт «значимого другого» перерабатывается внутри «Я» (меня самого). «Я» соотносит себя с этим опытом, в результате чего переживание опыта становится субъективно значимым (для меня самого). Появляется так называемая группа «Мы», с которой «Я» испытывает близость опыта, близость «по духу» [18,с.211]. Идентичность, таким образом, помогает взаимодействующим найти точки соприкосновения, общности и единства, установить их общую отнесенность к единому полю ценностей и норм, сходных оценок в понимании вещей и переживаний.

По определению А. Тэшфела, социальная идентичность – «это та часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» [19,с.87].

Этническая идентичность – составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, результат когнитивно- эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и отделения от других этносов. Представляется, что смысл данного понятия хорошо отражает термин, предложенный Г.Г.Шпетом, рассматривавшим этническую идентичность как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других [20, с. 261] в последнее время все больше исследователей склоняются к теоретическим обобщениям, что в этнической идентичности выделяется, помимо поверхностного осознаваемого, более глубокий неосознаваемый слой [21].

Некоторые авторы, рассматривая понятие этнической идентичности, выделяют еще и ее поведенческий компонент, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы, «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях» [22, с.296].

З.И. Левин, давая развернутое определение понятия, «менталитет диаспоры», отмечает, что он «несводим к сумме индивидуальных психологических состояний. Это общий показатель степени конформизма этнической общины... Жизнеспособность диаспоры предопределена, в частности, силой общинного конформизма – особого менталитета, ядром которого является этническое самосознание в сочетании с общим интересом... Менталитет общины – общинный конформизм – есть результат взаимодействия мигрантов» [23,с. 103-104].

Эта часть менталитета «отвечает за выработку норм поведения мигрантов, поддерживает и инициирует активность и взаимодействие составляю-

щих общину групп, готовит ее к реакции на восприятие внешней среды. Подготовка такой реакции через соответствующую перестройку «функциональной» части менталитета диаспоры происходит в столкновении «старого» и «нового». Этому способствует, как уже отмечалось, сокращение культурной дистанции между диаспорой и принимающим обществом, изменение соотношения между «старым» и «новым» в менталитете диаспоры.

По мнению Г.У.Солдатовой, важной особенностью этнической идентичности является мифологичность, так как «ее главная опора – идея или миф об общей культуре, происхождении, истории» [24, с.48]. Мысль об этнической мифологизированности сознания нам представляется наиболее перспективной, в рамках анализа специфики этнической идентичности. Мифологема «доброй морально-нравственной» старины, где традиционный уклад был оформлен в непротиворечивые морально-нравственные кодексы поведенческих установок членов общины, создает иллюзию возможности восстановления их как гарантия и панацея от современных социальных рисков. Отсюда повышенный интерес к религиозной и культурной традиции прошлого этноса. То есть этнодифференцированность может превратиться в источник интолерантности и социального напряжения в условиях миграционной среды. Миграционная среда создает известные риски социальной напряженности. Такая ситуация является условием консолидации этнической группы. Ибо, в условиях социальной неопределенности и тревожности резко актуализируется потребность в идентичности и групповой солидарности. Потребность в социальном и психологическом объединении, как стремлении обрести защиту [25, с.313]. Возникает социальная среда, которое мы классифицируем как «мы - они». В таком контексте противостояния «мы – они» создается дополнительное социальное напряжение. С другой стороны, когнитивный компонент может стать и источником нравственного регулирования, как на субъективном уровне, так и в целом этнической группе. Особенностью нравственной регуляции поведения человека являются его глубоко личностный характер и моральная мотивация поведения, опора на потребности человека в самоуважении и достоинстве. Мораль играет чрезвычайно важную роль в процессе исторического развития общества: она служит средством его духовного сплочения и совершенствования посредством выработки ценностей, детерминированных необходимостью сосуществования с «Другими». Аксиологические установки этноса служат защитным механизмом, позволяют человеку ориентироваться в жизни с учетом тех психологических и социальных рисков, который несет в себе до селе непривычный и поэтому непонятный мир.

Мораль и толерантное сознание личности находятся в достаточно жесткой корреляции. То есть в соответствии с уровнем развития нравственности личности обусловлен и уровень ее толерантности. Мораль выступает нравственной детерминантой толерантности/интолерантности личности.

Состав и закономерности функционирования механизма воздействия морали на личность, можно раскрыть через рассмотрение сущностей этих двух явлений, где основным моментом выступает то, что образ жизни пред-

ставляет собой определенную систему деятельностей, мораль в своей структуре тоже предполагает *нравственную деятельность*.

Таким образом, теоретическое осмысление и анализ прикладных психологических и социологических исследований проблемы связи субъективного благополучия личности и его толерантного сознания приводит нас к следующим выводам:

Субъективное благополучие является системообразующим фактором в структуре толерантности личности. Высокий уровень выраженности субъективного благополучия личности способствует оптимальному прогнозу в отношении её толерантности. Изучение взаимосвязи толерантности и субъективного благополучия позволяет конкретизировать собственно психологические проблемы диагностики и формирования толерантных свойств личности в поликультурной среде.

### Список литературы:

1. Е.Л.Доценко, В.Франкл, К.Муздыбаев и др.1992.
2. Кленова М.А. Ценностная детерминация субъективного благополучия в разных этнических группах.// Альманах современной науки и образования. Тамбов.2012.№9(64). - С. 94 - 95.
- 3.Курбанова Л.У. Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев: теоретическое и эмпирическое исследование. Краснодар, «Просвещение – Юг». 2012. 303.с. – С. 128.
4. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научн. ст. / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 334-374.)
- 5.Солдатова Г.У.Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. – С .- 17. 389с.
- 6.Лепшокова З.Х. Социальная идентичность и аккультурационные ожидания принимающего населения. // Альманах современной науки и образования. Тамбов Грамота, 2012. №11 (66). С. 132-135.
- 7.См. Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М.: Привет, 2004. - С - 11. 358 с.
8. Бахарева Н.К. Субъективное благополучие личности системообразующий актор толерантности. / Автореферат диссер. канд. псих. н. Хабаровск, 2004
- 9.Абакумова И.В. О становлении толерантной личности в поликультурном образовании / И.В. Абакумова, П.М. Ермаков // Вопросы психологии. 2003 . №3.
- 10.Абакумова И.В. Там же.
11. См.Чумакова Д.М. Взаимосвязь религиозности личности и социального взаимодействия в семье. / Автореферат канд. псих.н. Курган. 2014.
- 12.Бардиер Г.А. Социальная психология толерантности., Автореферат диссер... док. псих. н. СПб., 2007.

13. См. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 2004. 268с.; Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности./ Автореферат дисс...к.соц.н. М.: 2008. и др.
14. Дробижина Л.М., Суколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР) // Сов. этнография. 1981. № 3. - С.–22. ; Тишков, В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С.
15. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография. М.: 1983.
16. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: 1983.; Поршнева Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания: Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго). М., 1973.
17. См. Курбанова Л.У. Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев: теоретическое и эмпирическое исследование. Краснодар, «Просвещение – Юг». 2012. 303 с.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
19. Цит. По Анцаверова, Л. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуации и психологическая защита / Л. Анцаверова // Психол. журнал.1994. №1.
20. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию.// Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 261 – 372.
21. См. Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте культуры. Диссер. докт. филос. н. Ростов –на –Дону. 2010. 442 с.
22. Дробижина Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
23. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 103-104.
24. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998.
25. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл. 1998. 397 с.

## ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН В СИТУАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

**Курбанова Л.У.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный университет*

*E-mail: medna59@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается психология виктимного поведения жертвы в ситуации домашнего насилия. Рассмотрены факторы, провоцирующие подобное поведение жертвы насилия и связь факторов виктимного поведения во взрослой жизни с базовыми характеристиками ее детской социализации. Рассмотрены модели виктимного поведения жертвы.

**Ключевые слова.** Домашнее насилие, виктимное поведение, изоляция, психическая травма.

Одним из важных гендерных дискурсов в социально-психологическом аспекте девиантных взаимоотношений супругов в семье, является гендерное насилие. Факторы агрессивного поведения в семье складываются из набора характеристик, которые часто исследователи склонны относить к экономическим, социально-культурным и т.д. Психологический аспект домашнего насилия не редко характеризуется субъективными психическими отклонениями насильника (практически всегда во взаимоотношениях супругов, -это мужчина), но не всегда в поле исследователей попадает анализ поведения самой жертвы – природа ее виктимного поведения. [1. С. 32-38].

Мы попытаемся разобрать из огромного проблемного поля данного вопроса лишь несколько сюжетных моментов, а именно: связь виктимного поведения жертвы к терпению насилия с ее социализацией детства; субъективная мотивация терпения насилия самой жертвы; структурные компоненты виктимного поведения жертвы, как психической формы отклонения индивида, детерминированным разрывом с реальностью.

Феноменология социальных поступков индивидов в такой социальной группе, как семья, включает в себя иерархическое соподчинение как в рамках супружеских отношений, так и вне. Психологическая зависимость женщины от актора насилия, не редко детерминирована ее собственным, внутренним психическим состоянием, сопровождающим специфическим состоянием. В целом, характеристику такого состояния, можно свести к следующим психическим индикаторам: обреченность, психологическое угнетение, нежелание и не умение изменить ситуацию, состояние равнодушия, чувство нетерпимости к собственным ошибкам, самообвинение, стыд, страх, патологическая зависимость от мнения насильника - вот портрет виктимного поведения жертвы. Как следствие - виктимное поведение женщин в семейных отношениях оборачивается в «трагедию всей жизни», когда ничего не построено, но многое разрушено – душевное и физическое здоровье, травмированные дети, не сложившиеся супружеские отношения, возможности других отношений, с другим партнером.



Сам феномен виктимного поведения ученые рассматривают в следующих маркерах: как «провокационность», «подчиненность», «болезненную привязанность» «чрезмерную озабоченность», «аддикцию отношений», «психическое состояние», «комплекс особых черт характера», «зависимость», «набор усвоенных норм поведения», «способ адаптации к острому внутриличностному конфликту».[2. 96-102] Такие разные позиции позволяют расширить поле толкования категории «виктимного поведения» не только в коннотациях отклоняющегося от нормы поведения или как проявление болезненной зависимости, но и как нарушение личностью-жертвы связи с собственным психологическим «Я», являющееся базовым модусом психологического здоровья индивида.

Анализ исследований в рамках социальной психологии позволяет предположить, что предпосылкой формирования виктимного поведения женщин, наряду с дефицитарным отношением в семье, бедностью фонтации, как механизма психологической защиты[3], являются насилие в семье, которое, могла женщина испытать в детстве. Рассматривая данный вопрос, А.Н. Елизаров отмечает развитие у людей, испытавших насилие в детстве, таких качеств как лояльность по отношению к своим мучителям, готовность к самопожертвованию, склонность к выбору отрицательной персоны лидера, а также черт созависимой личности (стремление помогать другим в ущерб себе, принятие на себя вины и ответственности, зависимость от окружения и т. п.)[4].

Женщину с яркой выраженным виктимным поведением характеризует, не умение установить «свое пространственное поле», подвергаясь насилию, находясь в состоянии постоянного эмоционального угнетения, она затрудняется представить, чего она хочет, что ей нравится, во что она верит. Общаясь с людьми, которые наделены четкими жизненными позициями, она испытывает комплекс и ущербность. Даже осознание внутри самой себя, чего она хочет, наличие целеполагания, не гарантирует ей умения выйти из ситуации домашнего насилия.

Женщины-жертвы не имеют четких представлений, как другие должны к ним относиться, они не знают, где заканчиваются психологические границы их личности и начинаются личностные границы партнера, они индифферентны к своим чувствам и потребностям. Ответственность за другого создает иллюзию защищенности чувства ответственности за себя, «себя» как бы нет, пространство «себя» заполнено пространством «другим». Такой тип реакции соответствует невротическому механизму патологического слияния[5]. При такой реакции личность не может дифференцировать себя от других, не в состоянии четко определить, где заканчивается ее «Я» и начинается «Я» другого человека. Так, у женщин, страдающих от оскорбительных отношений, границы собственного «Я» настолько размыты, что они имеют трудности в различении личных чувств, мыслей и желаний от чувств, мыслей и желаний других. Женщины-жертвы характеризуются неопределенными границами «Эго». Функция «Эго», обусловленная наличием своего психологического пространства, полностью атрофирована. Эти выводы подтверждает и анализ наших исследований, проведенных среди

женщин республики в ходе глубинных интервью.[6] Страх одиночества, страх остаться одной с детьми, страх смены образа жизни, ответственность которой женщине пришлось бы взять на себя, приводит их к терпению насилия. Реабилитационным фоном для себя, свой страх и терпение, жертва пытается выстроить и оформить как ее желание сохранить семью. Концепция М.Бебера «трех ожиданий», здесь подтверждается в полной мере. Женщина компенсирует свое эмоциональное угнетение ожиданием социальной одобряемой обществом добродетели-«не смотря ни на что, я терплю, сохраняю семью. Вторым, после «страха», индикатором виктимного поведения служит противоречивое отношение к себе «оправдание/ обвинение. То есть, женщина в ситуациях домашнего насилия живет в системе взаимоисключающих убеждений: «Я не сделала ничего такого, чтобы заслужить такое твое отношение» и «Я сама виновата в том, что происходит», «У людей же не так, значит дело во мне», «Может я его раздражаю, потому что плохо понимаю его желания?». Эти исповеди подтверждают мнение исследователей, такой категории женщин с виктимным поведением, что, женщине чужда мысль, что она сама может изменить многое, научившись определять разумные границы дозволенного.[6] Итак, вопрос ограничений и установлений границ дозволенного, является одним из самых сложных для таких людей.

Детство-это микромир, формирующий психологическую конструкцию внутреннего мира индивида. Основой для определения адекватности своих контактов с другими людьми во взрослой жизни, служит родительское отношение к потребностям ребенка в детстве. В наших опросах индикаторами терпения женщин от домашнего насилия были : институт общественного мнения - «мне стыдно, что люди узнают об этом», обреченность- «все равно ничего нельзя исправить», надежда- «может муж перестанет издеваться, когда дети вырастут?».

Анализ интервью показывает, что чем больше женщины пытаются задобрить насильника - мужа, тем большее недовольства они вызывают у него. Такая реакция увеличивает страх женщины. Боязнь вызвать неодобрение, раздражение, гнев и оказаться брошенной, являются базовыми конструктами ее терпения, как психосоциального состояния. Конструируется новая модель поведения жертвы - она выбирает тактику «заслужить «любовь». Такие женщины живут в ожидании негативной реакции мужа, вся ее жизнь и желание сохранить сосуществование в браке,- это борьба за адаптацию в таких условиях. Женщина живет в состоянии напряжения психического и эмоционального- ей нужно уловить смягчающую реакцию на ритмы настроения мужа-насильника. Чувство постоянного страха, тревоги в ожидании очередной порции оскорбления и унижения, делает женщин легкой мишенью для манипуляций, муж-агрессор легко выигрывает, если начинает запугивать или угрожать. Насильника раздражает и одновременно доставляет удовольствие чувства собственной значимости и господства в глазах обреченной жертвы.[7]

Желая любой ценой адаптироваться к данной реальности она начинает искать защитные механизмы. Анализ природы проявления основных за-

щитных механизмов виктимного поведения жертвы, по мнению исследователей, сводится к следующим поведенческим практикам.

Модель 1»-отрицание» Смысл ее заключается не только в неспособности женщиной открыто обсуждать проблему, но и в отказе себе разобраться в ней и, как следствие - отрицание самой реальности существования проблемы. Она убегает от проблемы. Пытается скрыться от нее. В приватной беседе женщины признаются, что ими движет страх и стыд огласки. Им легче терпеть, и надеется, что проблема рассосется сама, на практические шаги такие женщины не готовы. Такие женщины отказываются от ощущения реальности. Реальность вызывает тревогу, чтобы защитить свою психику, женщина –жертва уходит от анализа реальности. Это интуитивное желание защитить свою психику от переживаний, в которых, она уверена, априори неспособна справиться, формирует мнимый временный защитный механизм, который не имеет будущего. Еще А. Фрейд подчеркивала, мало-перспективность такого поведения, ибо оно увеличивает со временем порцию необходимости отрицания реальности. Отрицание связано с большим интрапсихическим напряжением. Когда женщина в определенный момент осознает реальность, она сталкивается с необходимостью каких-то действий и принятия решения, иногда – даже полного разрыва отношений. Однако страх парализует ее, и она выбирает путь рационализации или минимизации обид.[8]

Модель 2.- рационализация. В такой модели поведения женщины подвергает сомнению необходимость маркировать оскорбления, избиения и психологическое давление со стороны мужа, в оценках насилия и унижения. Такие женщины живут от кризиса к кризису, вызывающих страдания, у них отсутствует способность самостоятельной оценки ситуации, они подвержены полностью влиянию оценочного суждения своего насильника. «Я больше не буду», «я был уставший и не сдержался», «ты должна понять мое состояние» это не полный перечень оценки насильником своего поведения. И виктимное поведение женщины предполагает - верить почти всему, что говорит агрессор, особенно, когда сказанное соответствует желаемому, видеть только то, что хочется видеть и слышать только то, что хочется слышать. Это состояние дает временную отсрочку до очередного унижения, сопровождающийся повышенным градусом агрессии, насильник знает, что жертва будет терпеть. Когда партнер оскорбляет или обижает такую женщину, она быстро начинает оправдывать его, обвиняя себя, и надеется, что скоро все изменится.

Модель 3.-изоляция. В контексте изоляционного поведения, женщины часто понимают, что страдают от насилия, но перестают на него реагировать эмоционально. Они «учатся» подавлять душевную боль. То есть формируют в себе эмоциональную глухоту. Когда чувства «заморожены», это помогает лучше переносить эмоциональную боль и страдания. Изоляция заключается в снижении порога чувствительности по отношению к психотравмирующим факторам.

Модель 4.- замещение. Женщины, находящиеся в атмосфере насилия и оскорблений испытывают необходимость «переноса» этой агрессии и та-

ким объектом их эмоционального срыва, становятся собственные дети. Дети - объект незащитный и зависящий от нее. Женщина, таким образом, тиражирует модель агрессии, передавая ее от своего насильника через себя – детям [9. С.186-187]

Обозначенные психологические механизмы защиты, характеризующие виктимное поведение женщин, в ситуации домашнего насилия, имеют свои психосоциальные последствия. Ослабляется ее «Эго», она не способна понять, как подобное поведение осложняет ее внутренний мир. Потому что, личность, дистанцированная от своих переживаний, не в состоянии ассимилировать опыт, охвачена и поглощена внутренним напряжением. Согласно концепции Г.С. Салливана, использование защитных механизмов для избегания переживаний, связанных с тревогой, приводит к диссоциации личности. Тенденция фантазировать и интеллектуализировать там, где необходимо просто осознать реальность, нарушает контакт личности с собой и внешним миром и является корнем невроза.[10] Следовательно, использование женщинами-жертвами таких защитных механизмов нарушает другую функцию «Эго» – связь с реальностью и реалистическое преодоление тревоги.

Как спасти женщин от домашнего насилия, что общество сегодня в мире предпринимает в борьбе с этим социальным злом?

Автор учувствовала в работе МКС (Международный комитет спасения) в программе действий, направленная на изменение поведения людей в сообществах, пострадавших от конфликтов. Она называется «Предотвращение насилия в отношении женщин и девочек: вовлечение мужчин посредством ответственного поведения», где активно к работе по борьбе с насилием над женщинами привлекаются мужчины. Международный Комитет Спасения (МКС) реагирует на наиболее острые гуманитарные кризисы, происходящие в мире, и помогает людям выжить и вернуться к нормальной жизни. Работая в более чем 40 странах и 22 городах США над восстановлением безопасности, достоинства и возрождением надежды, МКС возглавляет путь, ведущий от кризисной ситуации к нормальной жизни.

Таким образом, самый поверхностный анализ психологического аспекта виктимного поведения женщины в ситуации домашнего насилия, выстраивает новые проблемные сюжеты для исследования, требует своей дальнейшей теоретической и практической проработки, как необходимое условие восстановления, сохранения и воспроизводства здоровых супружеских отношений в современной семье и МКС –это реальный социальный институт, где жертва может найти помощь, поддержку и надежду в свое будущее.

### **Список литературы:**

1. Ениколопов С.Н. Современные проблемы психологии семейного насилия // Домашнее насилие в отношении женщин: Масштабы, характер, представления общества. – М.: МАКС–Пресс, 2003.
2. Квашис В. Основы виктимологии. М.:Наука, 1999. 278с.

3. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы: справочник практического психолога. М.: ЭКСМО, 2006. 1008 с.
4. Елизаров А.Н. Социально-психологическая помощь семье, страдающей от насилия // Психология зрелости и старения. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2006. № 4 (36)
5. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы: справочник практического психолога. М.: ЭКСМО, 2006. 1008 с.
6. <https://www.kavkazr.com/a/dlya-zhenschiny-kotoraya-reshilas-na-razvod-vnusheniy-nedostatochno/28643386.html>
7. Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. М.: Ювента, 1999. 347с.
8. Семиченко В.А. Психические состояния. К.: Магистр-S, 1999. 208 с.
9. Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития / Пер. с англ. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 528с.
10. Турчин Д. Виктимологические задачи в криминалистике / Д. Турчин // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. .
11. Шинкаренко О.Д. Насилие в супружеской паре: актуальность и перспективы исследования. Вестник Харьковского государственного университета. 1999. № 439.

## ПРАЗДНИЧНОЕ СО-БЫТИЕ КАК ОПЫТ СО-РАДОВАНИЯ

**Лаврикова И.Н.**

*Россия, г. Тверь*

*Тверской филиал МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя*

*E-mail: ilavrikova@rambler.ru*

**Аннотация.** Праздник – один из феноменов человеческого бытия, который позволяет проживать максимально полно не только свободу определенной общности, но и свободу личную.

**Ключевые слова:** власть, воспитание, игра, контроль, культура, методология, праздник, свобода.

Замечено, что, несмотря на сложную систему разделения труда, характерную для индустриальных обществ, причиной сплочения людей приоритетно становятся не условия контракта, а общие ценности или, по версии Ф. Фукуямы, так называемые «социальные привычки», по сути, социальные добродетели – честность, ответственность, способность к сотрудничеству, чувство долга перед окружающими. То, что сформировано только на основании рационального и долгосрочного эгоистического интереса, не имеет шансов для «общественного духа, самопожертвования, чувства гордости, сострадания и любой другой из добродетелей, собственно позволяющих ... выжить» [5, С. 54-55].

С моей точки зрения, всякий праздник (в том числе и политический [4]) – это один видов коммуникации, которая не является равнодушным об-

меном информации. Кроме того, на определенных, вероятнее всего немасштабных, семейных праздниках становится возможным общение, затрагивающее человеческое «потаенное». Именно такую, отчасти поспособствованную праздником, коммуникацию, которая есть путь к подлинному человеческому существованию, в XX веке впервые как проблему обозначил К. Ясперс [6, С. 12-14].

Коммуникация есть изначальный феномен человеческого бытия: «...Мы суть то, что мы суть, только благодаря общности взаимного сознательного понимания...» [6, С. 495-509]. Человеческое бытие – всегда «бытие с другими». Коммуникация дает возможность экзистенции, самой по себе необъективируемой, быть понятой другими. С другой стороны, «открываясь» другому, лучше понимаю себя.

Несомненно, что праздничное действие способствует высшему типу общения – экзистенциальной коммуникации, ведь изначально институт праздника несет в себе свободу (например, свободу от будней или свободу для создания иных отношений). Но, для того, чтобы позитивная групповая эмоция, точнее, ее проживание состоялось, мероприятие необходимо тщательно готовить. Замечено, что праздник его бывшие участники оценивают как «состоявшийся», лишь, когда он хорошо (заметим многопланово) подготовлен.

Необходимо оговорить, что атмосфера далеко не всех праздников будет способствовать возникновению коммуникации экзистенциального свойства. С моей точки зрения, праздники массовой природы, основанные на масштабных объемах и задачах, не предполагают выведения человека на тот уровень, когда так важно и, главным образом, становится возможным наблюдать буквально все тонкости дружеского соприкосновения, иначе, «глаза в глаза», что и составляет сущность коммуникации экзистенций. В том случае, когда люди объединены «территорией праздника» по крайней «локальному», частному поводу (встреча влюбленных, свадьба, рождение ребенка, творческая удача и т.п.), несложно прогнозировать характер этих событийных связей: он непременно будет насыщен проживанием «глубокого уровня “Я”» (по классификации К. Ясперса). Действительно, сложно назвать случаи, когда эмоции радости не способствуют разного рода оздоровлению (в том числе и телесному) человека, более того, по силе они и не менее мощны, чем эмоции, спровоцированные состояниями страха... Осмыслять, что же губительнее для человека – проживать радость или страх, подобное сравнение интереса не представляет.

Не вызывает сомнения, что преимущественно экзистенциальная коммуникация опирается на отношения, чаще встречающиеся в обыденной жизни, в таком случае, праздник, «извлекая» человека из обыденного, помогает раскрываться в чем-то другом, в том, что скрыто, как бы спрятано от суеты, неуместно в повседневности. Праздник как возможность проживания иного общения расширяет, таким образом, пространство для реализации экзистенциальной коммуникации: та самая «маленькая радость», вдруг превращается в некоторую «общую ситуацию»: происходящее в группе каким-то неуловимым образом делает понятным (или усиливает) ощущение,

что бытие друг для друга хрупко, на этом фоне обостряются потребности в сближении и взаимопонимании, в данном случае, через *со*-радование.

В свое время К. Ясперс писал, что «человек находит в мире другого человека как единственную действительность, с которой он может объединиться в понимании и доверии» [6, С. 442]. На основании сказанного вычленим еще одну особенность праздничных отношений – справляться с одиночеством, а, именно спасать или спастись от этого состояния.

В таком случае мы будем неудачно пытаться сочетать то, что априори несочетаемо: разве можно связать одиночество и праздник? В данном случае, беру на себя право констатировать разнообразие проявлений функции коммуникации в зависимости от количества людей, выстраивающих празднично-радостное общение. Сделаем допущение: радость в одиночестве, одинокая радость, радость одинокого... Но, очевидно, нам не уйти в этой связи от природного отличия интересующей нас эмоции: стоит ли отрицать, что «на людях», многократно накладываясь, она усиливается и приобретает новые краски полноценности, полнокровности, выпуклости и пр. Неслучайно радостью люди хотят поделиться: отражаясь резонансно теми, кому мы радость «доверяем», чувство финальное становится значительнее, чем отправное. И это особенно замечательно, если источником человеческой «цепочки ликования» (условно назовем ее так) является только один. Предлагаю рассмотреть проблему одиночества и с другой стороны: лик счастья, проживаемый «кем-то», притягивает или порой стремительно вовлекает в свой круг страдающих от чувства «одиночества». Видимо, в момент *со*-бытийной радости, ощущения «ненужности другим» тонким, непостижимым образом снимаются проживанием доверенной *со*-причастности, «впущенности» или «приглашенности» в праздник радости.

В случае праздника политического, природа которого непременно предполагает массовость, «снятие одиночества», определяется задачей стратегического порядка: от организаторов требуется добиться состояния, которое можно попытаться выразить словами известной песни: «В унисон звучат сердца...». Продолжу цепочку рассуждений, добавив главное-желаемое – «чтобы роднились мысли».

Подтверждая сказанное, обратимся к исследованиям Д.М. Генкина, утверждающего, что любая общность, которая празднует, превращается в яркое и праздничное зрелище для всех остальных, вызывая при этом у не-включенных в это *со*-бытие сходные эмоции и приобщая их, таким образом, к празднику. Далее, те, кто организует праздничное действо, всегда должны обращать внимание и обязательно учитывать, что оно «таит в себе большие потенциальные воспитательные возможности» [1, С. 58].

Фактически, взяв на вооружение своего рода «инструкцию по плановому единению», профессиональным исполнителям праздника видимо удастся не только «снять» проблему одиночества у значительного большинства празднующих, но, и попутно, по моему мнению, решать поставленные перед ними идеологические задачи. Хотя второе, как показывает исторический опыт, отнюдь не носит характер «попутности» ...

Еще одну достаточно необычную способность праздника как механизма культуры, эффективно объединяющего людей, выделим на основании исследований Э. Канетти [3, С. 18-19], по мнению которого праздник (особенно массовый) обладает уникальной способностью: он становится как бы «территорией прикосновений» или «территорией обращенного страха прикосновения». Таким образом, с помощью праздника возможно избавиться от одного из видов страха – «страха перед прикосновением» [3, С. 19].

Итак, праздничное действо при грамотном подходе и профессиональной организации может сработать как масштабный (по охвату участвующих) сеанс психотренинга, при этом вероятность удачи воздействия будет гарантирована за счет собственных внутренних механизмов празднующей массы. Таким образом, профессионализм организаторов массовых мероприятий (в том числе и праздничных), по моему мнению, может заключаться, отчасти, и в способности, данные механизмы, подвергая контролю, «правильно» и вовремя запустить.

Не стоит забывать и о целом арсенале средств, которые могут быть использованы профессионалами при проведении праздничного мероприятия: в данном случае речь идет об обрядах, ритуалах и традициях.

В настоящее время мы наблюдаем существенное изменение смысла ритуалов. Действительно, сфера, подлежащая ритуальной регуляции, теперь значительно институализируется. Понятным образом реальное становится отделенным от существующей, ранее наработанной и принятой группы символов. Непосредственная полнота жизни как бы отстраняется от гражданской мифологии, которая, как предполагается, ее ведет и организует. Подобный процесс наблюдается буквально во всех развитых обществах, как капиталистических, так и бывших социалистических. Символы выхолащиваются, а их конкретно-жизненное содержание оказывается подмененным рационалистическими конструкциями.

В такой ситуации человеческое взаимодействие в лучшем случае превращается во взаимные согласования, вырабатывающие общие оценки явлений и конструирование социального мира в целом. Располагая лишь пустыми символами, «которые могут наполняться каким угодно содержанием», современное деритуализованное общество имеет единственную заботу «обеспечить единое для участников взаимодействие, для группы или для всего общества понимание и истолкование символов в их новом конвенциональном наполнении» [2, С. 147].

Углубляясь в специфику предметов и явлений, окружающих (сопровождающих) праздник и сферу праздничного, мы обнаруживаем элементы строжайшего идеологического контроля со стороны правящей элиты, и в этом контроле наиболее осязаемыми становятся элементы «игрового» и «неигрового», их своего рода баланс. Вне сомнения, подвергая институализации феномен праздника, мы постепенно раскрываем сложность его природы, обнаруживая сосредоточение на его территории полипозиционности социальной жизни: праздник, подобно узлу из множества общественных сфер, как лакмус выявляет, и даже, обнажает состояние этих сфер. Он демонстрирует уровень образованности, степень реализованности прав и сво-



бод, состояние интересов, качество жизни, сферу материальных запросов человека и т.д.

Полагаю, что сам праздник, «заманивая» ожидаемыми удовольствиями, возможностью прожить свободу, снять определенные страхи и пр., вполне может выполнять роль заменителя спонтанного объединения людей. При этом сама процедура объединения должна быть продумана и тщательно выверена; соответственно, поведение «празднующей общности» – максимально контролируемым, а масса, включенная в праздничную ситуацию, должна всячески демонстрировать идеологическую верность. Важно отметить, что грамотный подход к организации празднования необходимо учитывает заказчиками факт его «пролонгированного» общественного воздействия.

Уверена, что особенность природы праздничного явления такова, что абсолютно и окончательно подчинить праздник как социокультурный институт властным структурам не удастся. Представляется, что в этом и состоит отличие праздника от других плоскостей человеческой жизни: всякий праздник, а, особенно массовый, имеет некую меру или область недостижимости, непрепарируемости. Абсолютно закрытая для научного анализа, как и человеческая экзистенция, она подобно человеческой экзистенции становится необъективируемой.

По моему мнению, возврат к указанной теме неизбежен. Исследователи феномена будут на нее «наткаться» до тех пор, пока однозначно, либо примут «недостижимость» праздника как нечто особенное, действительно существующее и врожденное, либо, со временем, будет наработан такой уровень социально-гуманитарного познания, который позволит и разработать методологию, и ответить на многие вопросы-тайны древнейшего типа человеческих отношений. Полагаю, что современный багаж знаний позволяет лишь четко обозначить область «незнания», что, в свою очередь, можно считать первым шагом на пути изучения феномена.

#### **Список литературы:**

1. Генкин, Д.М. Массовые праздники / Д.М. Генкин. – М. : «Просвещение», 1975. – 140 с. с ил.
2. Ионин, Л.Г. Социология культуры. 2-е издание / Л.Г. Ионин. – М. : Издательская корпорация «Логос», 1998. – 280 с.
3. Канетти, Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина / Э. Канетти. – М., AD, MARGINEM, 1997. – 528 с..
4. Лаврикова, И. Политический праздник в системе культуры : Научная монография / И.Н. Лаврикова. – 2-е изд., доп. – Тверь, 2013. – 242 с.
5. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730, [6] с. – (Philosophy).
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. 2-е изд. / К. Ясперс. – М. : Республика, 1994. – 527 с. – (Мыслители XX в.).

## ЕЩЕ ОДНА СТОРОНА РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭТРУСКОВ, ОБНАРУЖИВАЕМАЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАДПИСЕЙ НА СКОСАХ КАМЕННОЙ ПЛИТЫ-ОБЕРЕГА ИЗ ПОДЖИО КОЛЛА

Латыпов Ф.Р.

Россия, г. Уфа,

Уфимский государственный авиационный технический университет

E-mail: vei10@yandex.ru

**Аннотация.** В статье рассматриваются приемы духовной защиты объектов жизнедеятельности и отдельных групп людей в условиях разрушительных исторических процессов в Этрурии. Приводятся сведения о недавно обнаруженных надписях на плите-обереге, вставленной в древности в кладку стены этрусского храма в Поджио Колла. Анализируются фрагменты этих надписей и делается вывод о тайной составляющей этрусского обряда наложения заклятия на объекты духовной защиты.

**Ключевые слова:** религиозно-культурная обрядность и магические заклинания этрусков.

Этруски запомнились не только как могущественные правители Европы (первые цари Рима Тарквиний Приск, Тарквиний Гордый, Сервий Тулий были по происхождению этрусками). Их цивилизация была самой передовой в западном мире в VIII – III вв. до н.э. Они были первоклассными строителями (зданий, крепостей, дорог, мостов, ирригационных сооружений), металлургами, ювелирами, дантистами (в их склепах обнаружены самые первые в Европе зубные протезы из золотых пластин и зубов животных), мореплавателями (Марк Каттон Цензор сообщает о регулярном плавании этрусков в Америку, неизвестный тогда западный материк, в VII в. до н. э. [9]).

Глубокое влияние, оказанное этрусками на западную культуру, связано главным образом с их властью над Римом в века, предшествующие становлению Римской республики. Этрурия – колыбель Рима. Одновременно с высокими достижениями в различных технологиях и устройстве конфедеративного государства, будучи выходцами с Древнего Ближнего Востока (так сказать «Востоком на Западе» [8]), этруски отличались от окружающих их народов глубокой религиозностью, мистицизмом, типичным восточным фатализмом в предрешении человеческих судеб и целых народов. Естественно, при таком симбиозе высоких технологических познаний и глубоко разработанных религиозно-космогонических представлений, вся их жизнь была пропитана философской экзальтацией, сентенциозностью, смесью практицизма и мистики [3].

В рамках направлений исследований, освещаемых настоящей конференцией, в исторической ретроспективе несомненный интерес представляют примеры духовной защиты общества от болезней, воздействия потусторонних сил и разрушительных исторических процессов у столь развитого в эзотерике и ритуальной практике народа, как этруски.

Среди множества методов духовной защиты общества и отдельных групп людей, наше внимание привлекли заклинания, астрально-информационным способом закрепляемые за каким-либо объектом или предметом, находящимся в эпицентре исторического события или явления. К таким «прикрепленным» заклинаниям (этрусск. *šiptum* [4]), изученным нами, можно назвать: магическое заклинание, обращенное к «силам земным» и небесным сферам (с хрустальными замками) для защиты группы младенцев от детской болезни кори, начертанное на свинцовой пластине, найденное на холме Монте Питти вблизи этрусского города металлургов Популонии [4, б]; магическое заклинание для защиты этрусского рода (этрусск. *geux*) от демонов смерти *afrs*, написанное на свинцовом диске в качестве сопроводительного письма к Богу при сожжении на костре (в качестве жертвоприношения) молодой девушки знатного происхождения [2, б]; магические заклинания для успокоения духа заколотой ударом ножа в сердце также молодой девушки (этрусск. *xiš cis*), принесенной в жертву богу *Tin* в этрусской колонии в IV в. до н. э. в Среднем Египте [1, 2, 6, 10].

К перечисленному списку использованных заклинаний, здесь мы можем добавить и надписи, нанесенные на камне-обереге, недавно обнаруженного (2016 г., долина Муджелло, местечко Поджио Колло [11]) в кладке стены этрусского храма VII в. до н. э., посвященного богине плодородия, успеха и праведности Унии (римск. Юнона).

Основным спонсором исследования указанной плиты стал американский профессор Южного методического университета Далласа в Техасе Грегори Уорден, который одновременно является президентом и профессором археологии университета Франклина в Швейцарии. Активным участником раскрытия тайны ритуальных надписей на «стеле» Поджио Колла стал другой американский профессор по классической филологии из университета Амхерст в штате Массачусетс. Итальянскую сторону в этих исследованиях представляли Адриано Маджиани, Массимо Ленни, Стефано Сарри и ряд сотрудников Флорентийского университета.

Инновационной особенностью изучения надписей на скосах плиты из Поджио Колла стало использование 3D-лазерного сканирования поверхности полустертой плиты из песчаника для более точной идентификации более 120 графических знаков трёх групп этрусских надписей в лаборатории Флорентийского университета.

После почти полугодового изучения и анализа этих знаков, американские и итальянские ученые в журналах «*Studi Etruschi*» и «*Etruscan News*» наконец опубликовали промежуточные результаты своей работы [12]. Если довериться этим данным, то они выглядят так:

а) на скосах левой, верхней и правой частях плиты трижды повторяется фраза

cen • flereś • tece • saxśl • teni[he]

б) на боковой грани правой части плиты

auleśi • meteliś • ve • vesial • clenmi

в) на боковой грани левой части плиты (в две строки)

zśu | tvsrq | pθn | mlk | inber | pfa

utv | mlера – здесь вертикальные черточки, разделяющие слова, поставлены нами (исходя из нашего многолетнего опыта изучения этрусских текстов), так как традиционные слово разделительные точки оказались стертыми.

При дешифровке этих надписей, как и ранее, мы использовали метод ПЭКФОС и фоноэволюционную пратюркскую гипотезу [6], получивших доказательства своей верификативности в 1988 году при исследовании самой крупной этрусской надписи на бинтах Загребской мумии [1, 6].

Часть слов в надписях из Поджио Колла встречаются и в других этрусских текстах: *aul* «поселок», *meteliś*, *metlum* «общественность», *clen* «сыновья» [5]. Поэтому надпись б) довольно легко переводится: «Общественность поселка (общины) со всеми своими сыновьями».

Фраза, связанная с обрядом произнесения заклинания [5] обнаруживается в надписи а). Здесь мы установили номинант, обозначающий «оберег» - *saxśl*. Корень этого слова *sax-* «беречь, оберегать, охранять» мы встречаем в других западно-пратюркских языках Средиземноморья, в частности, в иберийской надписи на свинцовой пластине из Бильбао [7]. Этот же корень слова, на наш взгляд, отражается и в тюркском названии жилища в кавказских языках: *sagle* «сакля, место сохранения домашнего имущества».

Фраза в) в тексте Поджио Колла говорит о предупреждении узкого круга лиц (*zśu tvsr* «лица осведомленные») о недопустимости разглашения тайны о содержании самого страшного заклинания, направленного на создание и наведение кары возможным расхитителям и разрушителям храма. Сам текст заклинания не приводится, так как писать проклятия, ругательства, оскорбления – это было за пределами этикета и письменных традиций этрусов. Падкими на письменные проклятия и мстительными были средневековые итальянцы, которые после себя оставили множество таких надписей. Однако распространять взгляды средневековых или современных европейцев на культуру и письменные традиции древних неиндоевропейских народов Европы (носителей древней восточной культуры), чем страдают ученые ряда европейских стран, на наш взгляд совершенно неверно.

Таким образом, в случае с плитой-оберегом из Поджио Колла, как и в случае с текстом Загребской мумии из Египта, мы обнаруживаем тайную составляющую этрусского обряда наложения карающих мер – заклятий на объект духовной защиты, в данном случае – здание храма.

### Список литературы:

1. Латыпов Ф. Р. Загребская мумия – возможный свидетель апофеоза этрусского обряда человеческого жертвоприношения (результаты обследования тела мумии в августе 1988 г. в сопоставлении с пратюркским чтением текста пелены в 1981 г.) // Тез. докл. междунар. коллоквиума: Этруски в их связи с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1990. С. 42-44.

2. Латыпов Ф. Р. Описание обрядов человеческого жертвоприношения в этрусских текстах TLE 1, CIE 537 // Ядкяр, 1998. №1– 2. С. 62-64.

3. Латыпов Ф. Р. Этруски: синтез практицизма, мистики, философской экзальтации и сентенциозности в повседневной жизни // Ядкяр, 2003. №2. С. 72-80.

4. Латыпов Ф. Р. Текст этрусского лечебного заклинания от болезни HASMU: обращение к «силам земным и небесным» // Проблемы востоковедения, 2013. №1. С. 57-64.

5. Латыпов Ф. Р. Фразеологические метафоры в древних текстах на неиндоевропейских языках Средиземноморья XIV – III вв. до н. э. // Сб. статей междунар. фразеологмич. конф. «EUROPHRAS»: Фразеология в многоязычном обществе: «Phraseology in 6. Multilingual Society», т. 2. Казань: ТРИ«ХЭТЭР», 2013. С. 177-184.

6. Латыпов Ф. Р. Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянский языки. Уфа: Полиграфдизайн, 2014. 152 с.

7. Латыпов Ф. Р. Иберийские языки Древней Испании – результат ускоренного фонетического развития некоторых пратюркских языков Западного Средиземноморья. Уфа: Полиграфдизайн, 2016. 152 с.

8. Мавлеев Е. В. Этруская цивилизация: Восток на Западе (к типологии культуры) // Крат. тез. докл. науч. конф.: Древние культуры Европы и античная цивилизация. Л-д: Изд. Гос. Эрмитажа, 1983. С. 48-51.

9. Casella D. The archeological data about... // Journal of Long-Distance Contacts, 2002. №4. P. 64-72.

10. Facchetti G. M. L'enigma della lingua etrusca: la chiave per penetrare nei segreti una civilian avvolta per secoli nel mistero. Roma: Newton & Compton editori s. r. l., 200. 297 p.

11. Warden P. G. The Stele of Poggio Colla a New Document of the Etruscan Language // Etruscan News, 2016. vol. 18. PP. 1, 16.

12. Warden P. G. Innovative Technologies reveal the inscription on the stele di Vicchio // Etruscan News, 2017. vol. 19. PP. 1, 17, 28.

## ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРЕИ

**Левин В.И.**

*Россия, г. Пенза*

*Пензенский государственный технический университет*

*E-mail: vilevin@mail.ru*

**Аннотация.** Предложено рассматривать причину революции 1917 года как совокупность причин недовольства различных общественных и национальных групп. Рассмотрены причины недовольства своим положением национальной группы евреев России. В связи с этим дан обзор различных постановлений российского правительства и их последствий для евреев. Проанализирован процесс самоопределения евреев между большевиками и антибольшевиками.

**Ключевые слова:** февральская революция, октябрьский переворот, евреи, временное правительство, учредительное собрание.

Революция в России, 100-летие которой мы недавно отметили, до сих пор вызывает ожесточенные споры историков. Основным предметом спора являются причины развернувшихся тогда событий – собственно буржуазно-демократической февральской революции и завершившего ее октябрьского переворота. В качестве причин обычно называют неспособность царя Николая II управлять огромным государством и то, что он ввязался в I мировую войну. Реже указывают на неспособность царя к быстрым и решительным силовым действиям, что проявилось, например, во время волнений в Петрограде из-за нехватки хлеба в 1916 году или после получения им в феврале 1917 года реляции российского генералитета о необходимости его отречения от престола. Называют иногда и явно сомнительные причины, такие, как «обнищание народа»; преступное упрямство верховного правителя А.В. Колчака, отказавшего в 1919 году пообещать независимость Финляндии и тем самым исключившего ее армию из совместного с армией генерала Н.Н.Юденича, похода для взятия революционного Петрограда; повышенная солнечная активность в 1917 году, вызвавшая чрезмерное возбуждение населения, и т.д. Наконец, приводят явно конспирологические теории происхождения русской революции, связывающие ее с деятельностью международных тайных обществ; масонского братства; Всемирного еврейского правительства и т.д.

Думается, что подлинная причина 1917 года в России, сделавшая ее неизбежной, была в другом: к 1917 году практически все национальные, религиозные, общественные группы населения страны были недовольны деятельностью царя и его правительства в целом и не соглашались на продолжение его правления. Конечно, причины недовольства различных групп были разными. Поэтому изучать их надо отдельно, а результаты объединять, если мы хотим получить общую подлинную причину российской революции. Настоящая работа посвящена изучению причин недовольства группы «русские евреи». При изучении материала были использованы источники [1-3].

Россия веками запрещала евреям селиться на своей территории. Однако в конце XVIII в. после разделов Польши она вдруг оказалась государством с самым большим в мире еврейским населением (0,8 млн.). Это поставило перед Екатериной II много трудных проблем, т.к. евреи по религии, традициям и роду занятий сильно отличались от других народов империи. Была разработана специальная политика «исправления» евреев и их последующего привлечения к участию в общественной жизни государства. Богатых евреев отнесли к купцам, бедных - к мещанам. Это дало им право избирать и быть избранными в городские думы. Но на деле это право было не реализовано и лишь осложнило взаимоотношения христиан и евреев. Правительство обязало всех евреев проживать только в городах, а не в деревнях. Это подорвало традиционные источники их заработка, т.к. они с давних времен торговали в деревнях. Их попытки торговать в городах внут-

ренных губерний России были успешными благодаря более высокому качеству их товара и более низким ценам. Однако после жалоб русских купцов, испугавшихся конкуренции, Екатерина II в 1791 г. запретила евреям проживание и работу всюду, кроме присоединенных польских провинций, т.е. Белоруссии, Литвы и Украины. Возникла пресловутая «черта оседлости». Последующие императоры Павел I и Александр I ничего не сделали для облегчения положения российских евреев. Наоборот, Александр I запретил им заниматься винокурением и торговлей вином. Вступивший на престол в 1825 г. Николай I пошел дальше: отменил налог, заменявший для евреев воинскую повинность, и стал набирать их на службу с 12 лет (!). Считалось, что за время предварительной подготовки в кантонистских школах дети примут христианство, а последующая служба в течение 25 лет окончательно оторвет их от еврейства. Жестокость, с которой осуществлялась эта программа (детей брали реально с 8 лет, вырывая их из рук матерей) не дала результатов и лишь озлобила народ. И лишь Александр II, вступив на престол в 1855 г, начав крупные реформы в стране, не обошел вниманием и евреев, приказав пересмотреть все касающиеся их законы, с целью их слияния с коренными жителями. Было отменено положение о кантонистах, и евреев уравнивали с другими в правах в отношении к воинской повинности. Тогда же отменили запрет на занятие евреями государственных должностей. Получили разрешение проживать вне черты оседлости еврей-купцы 1-й гильдии, лица с учеными званиями, ремесленники, николаевские солдаты и их потоки. Стремясь ускорить ассимиляцию евреев, царь облегчил поступление евреев в государственные средние и высшие учебные заведения. Однако русская общественность испугалась, что приобщение евреев к русской культуре может сделать их более опасными для коренных жителей. Усилилась антисемитская агитация в прессе. Убийство Александра II в 1881г. окончательно остановило либеральные эксперименты в стране. Новый царь Александр III перешел к политике тотального государственного антисемитизма. В 1887 г. он ввел процентную норму для евреев, поступающих в университеты, институты и гимназии: в черте оседлости – 10% от общего числа учащихся, вне черты – 5%, в Москве и Петербурге – 3%, также вернул запрет на принятие евреев на государственную службу, выслал в 1881г. из Москвы всех жителей-евреев и т.д. Николай II сохранил эту политику и кое в чем усилил. Так, в 1901 г. он уменьшил процентную норму для евреев, поступающих в университеты, технологические институты, консерватории, академии художеств и полностью закрыл прием в электротехнический институт и институт путей сообщения в Петербурге, сельскохозяйственный институт в Москве, петербургское и московское театральные училища. Люди пытались бороться с притеснявшей их властью, вступая в различные оппозиционные партии: эсеров, РСДПР, Бунд. Однако несравнимо большее их число просто эмигрировало из России. Всего уехало 2 млн.чел. – 40% еврейского населения страны! Во время I Мировой войны 400000 российских евреев участвовали в военных действиях, сотни тысяч еврейских женщин шили для фронта одежду, слали подарки солдатам. Они надеялись, что царь оценит их самоотверженность и предоставит им равноправие с другими

народами страны. Ответ не заставил себя ждать: уже в августе 1914г. по приказу верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича Романова 100000 евреев были выселены из прифронтовой полосы за якобы «пособничество врагу». В 1915 г. выселения продолжились, всего выслали около 0,5 млн. чел. По приказу того же Н.Н.Романова было взято около 400 заложников-раввинов и наиболее уважаемых руководителей еврейских общин: часть из них повесили. Люди поняли, что ничего хорошего от царя они не дождутся.

Немудрено, что российские евреи восторженно встретили февральскую революцию 1917 года. Временное правительство единогласно приняло «Постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В результате евреи получили равные со всеми гражданские, политические и национальные права. Вышли из подполья и активизировали свою деятельность еврейские политические партии. На местах стали создаваться автономные еврейские общины с независимым от властей руководством. Еврейская молодежь стала свободно поступать в гимназии, университеты, военные училища. Временное правительство оказалось слабым, в стране воцарился хаос. И 25 октября 1917г. в результате военного переворота власть в стране захватили большевики. Большинство еврейских партий, общественных групп и религиозных авторитетов осудили переворот и последующий разгон Учредительного Собрания как антиконституционные действия. Рядовые евреи разделились. Часть примкнула к противникам большевиков, участвовала в защите Зимнего дворца, воевала в составе Добровольческой армии Деникина и др. белых армий. Другая часть поддержала большевиков. В развернувшейся впоследствии Гражданской войне на фоне других зверств, обычных для таких войн, резко выделялись своей жестокостью зверства во время массовых еврейских погромов, проводившихся белыми армиями, местными крестьянами и обычными бандитами. Это подтолкнуло евреев в сторону большевиков, армия которых всегда пресекала погромы и наказывала погромщиков.

#### **Список литературы:**

1. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Ч.3. – Иерусалим. Изд-во «Тарбут». 1994.
2. Краткая еврейская энциклопедия. Т.7. – Иерусалим. 1994.
3. Левин В.И. История евреев России. Взгляд из Пензы. – Пенза. 2003.



## СТИХИЯ ВОДЫ В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ТАКЕШИ КИТАНО)

Липаева Д.Е.

Россия, г. Краснодар

Кубанский государственный аграрный университет

имени И.Т. Трубилина

E-mail: Dshalipaeva@gmail.com

**Аннотации.** В центре статьи – образы водной стихии, актуализируемые в пространстве визуальной культуры Японии. В фокусе научного интереса автора – творчество японского режиссера Такеши Китано. Автор предпринимает попытку обозначить, какие смыслы, закрепленные за образом воды, оказываются действенными в пространстве кинематографа современного мастера.

**Ключевые слова:** Такеши Китано, водная стихия, японский кинематограф, фильмы, режиссер, море.

Фильмы японского режиссера Такеши Китано, как и многие другие в мировом японском киноискусстве, известны своими многочисленными сценами жестокости, воплощающих насилие и убийство себе подобных. В их числе:

- «Жестокий полицейский» (Япония, 1989), в центре которого – вспыльчивый полицейский Адзума, считающий бой кулаками единственным способом восстановить справедливость;
- «Брат якудзы» (Япония, 2000), в котором повествуется о жизни людей мафиозных кланов;
- «Затойчи» (Япония, 2003), главный герой которого нищий слепой массажист, однако, возможно, что данный облик – это всего лишь маска, надетая для достижения определенных целей;
- «Беспредел» (Япония, 2010), раскрывающий зрителю мир без правил – мир якудза.

В то же время, помимо череды потасовок, обилия крови, насмехательства над страхом человека перед лицом смерти, Китано показывает зрителю совершенно иной мир, отмеченный гармонией и исполненный совершенства – мир природы.

Так сложилось, что Япония представляет из себя островное государство, омываемое водами Тихого океана, а также Японского, Охотского и Восточно-Китайского морей. Водная стихия не только долгое время защищала население страны восходящего солнца от вторжения чужеземцев, но и сыграла огромную роль в формировании мировоззрения людей, поселившихся на Японском архипелаге. Не смотря на разрушительную силу воды, нередко обрушивающуюся на остров в виде цунами, японцы больше восхищаются величием и мощью водной стихии, чем боятся её.

В творчестве японских художников очень часто встречаются картины, посвященные изображению воды. Самые известные пейзажи на тему воды были написаны следующими художниками:

- Куцусикой Хокусай (1760-1849), о жизни и творчестве которого телеканал «Культура» подготовил передачу, показав ее в программе «Искусственный отбор» (эфир от 21.08.2017);
- Утагавой Хиросигэ (1797-1858);
- Хироси Ясидо (1876-1950).

Речь идет о таких картинах, как: «Большая волна в Канагаве», «Река Тама в Бусю», «Озеро Сувако в Синсю» (Куцусикой Хокусай); «Вид берега Синагава» из серии «Сто видов Эдо», «Большой водоворот в Наруто» из серии «Станции Хокайдо» (Утагавой Хиросигэ); «Попутный ветер», «Море в штиль», «Вид на Фудзи», «Старые причалы Осаки» (Хироси Ясидо). Все они выполнены в стиле укиё-э, дословный перевод которого звучит так: «плывущий мир». Основоположником данного направления в японском искусстве принято считать японского живописца и графика Хисикава Моронобу (1618-1694). Среди его гравюр, созданных в стиле укиё-э наиболее известны гравюры «Гейша и самурай», «Любовники рядом с осенними цветущими травами». Моронобу запечатлевал повседневные сцены жизни городских обитателей Японии и лишь в дальнейшем тематика моря стала основной в картинах последователей Моронобу. Примечательно, что первые гравюры мастера в стиле укиё-э были черно-белые, а затем, с развитием технологий, стали цветными. Как правило, такие гравюры предназначались для городского жителя, который не мог позволить себе покупку дорогих картин.

Специально заметим, что изначально об изменчивости окружающего мира, бренности бытия говорили в своем учении буддисты, акцентируя внимание на том, что настоящее не может находиться в статическом состоянии, всё неизбежно меняется. Религиозно-философскую идею укиё-э впоследствии стали развивать в своем творчестве художники и поэты, обращаясь к пребывающей в непрестанном движении водной стихии либо непосредственно, либо на уровне метафоры. В качестве примера приведем поэтические строки Басё (1644-1694):

*«Островки... Островки...  
И на сотни осколков дробится  
Море летнего дня».*

Возвращаясь к творчеству Такеши Китано, нельзя не признать, что в целом соприкосновение двух начал – природного и человеческого, отмеченного жестокостью, необузданностью и безжалостностью, в творчестве Такеши Китано встречается довольно часто. При этом акцентирование внимания на бескрайней водной стихии у мастера происходит, как правило, именно тогда, когда в жизни героя случаются непоправимые вещи.

В частности, в фильме «Фейерверк» (Япония, 1997) режиссер рассказывает о бывшем полицейском Ниши, старающемся всеми силами помочь своим близким в их несчастье. Жене, которая больна лейкемией; семье убитого во время операции по задержанию преступника коллеги; другу-

полицейскому, потерявшему всё вследствие ранения. При этом сам друг, оставшись инвалидом и переживая предательство жены, забравшей у него сына, впадает в глубокую депрессию. Выход из отчаянного положения Хориби находит лишь на берегу, долгие часы проводя в созерцании морской глади. Спустя некоторое время он пробует себя в живописи, запечатлевая окружающие его образы в символической манере письма (12:45).

Поп-звезда Харуна Ямагути – героиня фильма «Куклы» (Япония, 2002) – после трагедии, произошедшей с ней, постоянно находится у моря. Попав в автокатастрофу и скрывая последствия аварии от своих многочисленных поклонников, Харуна не только прячется на берегу, но и восстанавливает душевные силы (1:15:45). Показывая нам сцену знакомства Харуны с поклонником Нукуя, режиссер сопровождает её шумом прибоя, что придает особый смысл происходящему в кадре: всё меняется, и как волны у прибоя однажды затихнут, так и раны, будь то физические или душевные, непременно затянутся.

Аналогичная ситуация просматривается и в другом фильме Такеши Китано. Речь идет о криминальном боевике «Точка кипения» (Япония, 1990), в центре которого – произошедшая на автозаправке случайная встреча. Ее последствия оказались столь велики, что жизнь молодого человека, работающего на заправке, а также бандита из клана якудзы, приехавшего помыть машину, в корне меняется. Знаменательно, что все происходящее разворачивается на фоне морского пейзажа. В частности, мы видим главного героя с боссом якудза на берегу моря. Казалось бы, их отношения носят характер дружеского общения, однако во время вечерней трапезы босс приказывает одному из своих подчиненных отрубить палец в знак признания своей вины перед другим боссом клана (55:58). Когда все персонажи играют у береговой линии в бейсбол, создается такое впечатление, что страшное уже позади. Но это впечатление обманчиво: как спокойное море не предвещает опасности, будучи готовым в любой момент поглотить свою жертву в бездну, так и каждого из участников игры, предающихся беззаботному времяпрепровождению, ждет своя судьба.

Картина отдыха босса у водной стихии (в данном случае якудза находится у океана во время «задания») встречается и в фильме «Сонатина» (Япония, 1993), снятого режиссером Китано тремя годами позднее. Сюжет картины таков: гангстер Муракава отправляется на остров Окинава для выполнения приказа вышестоящего начальства. Речь идет об урегулировании конфликта, возникшего между бандитскими кланами.

Подобным образом и в фильме «Брат якудзы» (Япония, 2000) главный герой Ямамото, вынужденный по стечению обстоятельств бежать из Японии в Америку, встречается с водной стихией на пороге трагических событий. Режиссер считает необходимым показать крупным планом лицо персонажа на фоне океана, обращая тем самым внимание на сходство якудзы и океана. Как человек, так и стихия оказываются одинаково отмеченными разрушительной силой (59:17).

Особое место среди прочих киноработ японского режиссера занимает фильм «Сцены у моря» (Япония, 1991). Глухонемой от рождения молодой

человек, однажды наткнувшись на сломанную доску для сёрфинга, сердцем услышал зов моря. С тех пор он ведет бессловесные диалоги с морской стихией, стараясь научиться обуздывать волны такого непокоренного еще им друга. В фильме всё сосредоточено на сценах пребывания Шигеру у моря, остальные герои, а также непосредственные участники происходящих событий, практически не разговаривают. При этом диалог человека и водной стихии строится на следующем основании: море способного настолько овладеть разумом и желанием человека, что тот становится одержим страстью завоевать его, поднявшись над волнами.

С завидным упорством мальчик в любую погоду приходит на берег, чтобы снова и снова оттачивать мастерство скольжения по волне, совершенно не обладая способностями к данному виду спорта. Однако именно в это время жизнь простого мусорщика, обделенного способностью контактировать с внешним миром, наполняется гармонией и смыслом. Когда в финальных кадрах мы видим глазами девушки Шигера одинокую доску для сёрфинга, ощущения утраты не возникает, поскольку герой слился душой с морем, обретя свободу от каких-бы то ни было границ.

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что, как правило, дыхание водной стихии, ощущаемое в фильмах Такеши Китано не только на уровне звука, вызванного движением волн, но и на уровне краски, происходит в унисон с дыханием человека, что подчеркивает равновеликость этих двух начал, выступающих в качестве основы бытия.

#### **Список литературы:**

1. Бродский Е. В. Японское классическое искусство. Живопись. Графика. Очерки. – М.: Издательство «Искусство», 1969. 287 с.
2. Вся Япония в картинках. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. 191 с. ил.
3. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 368 с.
4. Киноведческие записки (номер посвящен анимации) / Гл. ред. Н. Клейман. Историко-теоретический журнал, вып. 52, М., 2001. 125 с.
5. Липаева Д. Е. Образ куклы в современном японском киноискусстве // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: ООО Издательский дом «Хорс», вып. 1, 2017. С. 151–153.
6. Овчинников В. В. Сакура и дуб. М.: Аст, Астрель, 2012. 605 с.

## ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Логинова Н.С.

Россия, г. Барнаул

Алтайский государственный медицинский университет

E-mail: [philosophia@mail.ru](mailto:philosophia@mail.ru)

**Аннотация.** Целью работы является выявление причин формирования, описание особенностей проявления экстремизма в молодежной среде. При этом акцентируется внимание на феномене духовности, в качестве фактора обеспечения духовной безопасности человека и общества.

**Ключевые слова:** экстремизм, суррогат, энтропия, духовность, культурная политика, агрессия.

Экстремизм в молодежной среде – одна из форм насилия, выраженное в агрессивном поведении, направленном на защиту, утверждение определенных радикальных взглядов, идей. Локально молодежный экстремизм проявляется в качестве крайних форм протестных действий.

А.И. Виноградова, О.А. Петрова в своей работе охарактеризовали негативное воздействие некоторых факторов изменения социокультурной среды на развитие духовности современного российского общества. Авторы считают, что кризис духовности породил множество негативных следствий, в т.ч. обеднение мышления, всплеск насилия, обесценивание человеческой жизни. На наш взгляд, в таком контексте экстремист, как продукт бездуховности, пытается свою внутреннюю пустоту, хаос компенсировать чужими иллюзиями, упрощенными схемами, четкими штампами. Часто экстремист есть следствие “ПРЕЛЬЩЕНИЯ” своего лидера, ему свойственна психология “оккупанта”.

В мире блужданий алогичных утверждений, которые воспринимаются априори, вне критического мышления, у экстремиста свобода замещается понятием распушенность, границы морали не определены, несформированная совесть, вытравленный стыд замещаются страхом. Страх как по горизонтали, так и по вертикали связан с понятием власти. Экстремист, по нашему мнению, есть до крайности суженный в море либеральных лозунгов вариант ХАМа, противостоящего интеллигенту. Либерализм предлагает свести отношения в социуме к борьбе за существование. В современном мире сильные должны побеждать, а слабые гибнуть, т.к. отношения как между конкурентами, как и между партнерами, построены на интересе, выгоде. Поэтому в информационном пространстве молодежи исключаются такие сложные понятия как нравственность, мудрость, Благо.

В однополярном мире с бегом по кругу за призрачным счастьем экстремист, предельно сконцентрировавший нормы либерализма, начинает отрицать не только индивидуальность/ психику, т.е. душу, но и духовность - самоотражение в форме мышления, субъективный мир человека. Следствием этого является усиленная агрессия против тех, кто имеет направляемые

сознанием цели. Экстремист планомерно ведет войну против тех, кто четко представляет себе тактику, средства, способы достижения цели, кто четко определяет приоритетные духовные ценности, кто имеет смысл жизни. Последнее понятие исключается из представлений экстремиста, т.к. он живет в мире форм, телесности, ему не доступны не только смыслы, значения, т.е. содержание текста, но и непонятны контексты, а также исключается влияние контекста.

Типичный представитель молодежного экстремизма извлекает извне (из различных информационных источников, без опоры на собственный опыт) свою жизненную стратегию. Экстремистом легко манипулировать, т.к. все внимание сосредотачивается на конкретных тактических приемах. Экстремист легко приспосабливается к изменяющимся условиям жизни, быстро переставляет пазлы квазидуховности, даже способен пиарить свою неординарность и извлекать выгоду от пропаганды определенных идей. При этом он не способен познать радость творчества, т.к. ему нечего дать миру, кроме страха пустоты, удовольствия от процесса разрушения без осмысления итога, последствий своей деятельности для мира/ Универсума.

В мире упрощенной горизонтали стираются границы и пространства, и времени, т.к. экстремист живет одним днем. Будущее, как и прошлое иллюзорны, а значит, не достойны внимания. Такой человек живет здесь и сейчас, обращается к эмоциям, не настроен на долговременные глубокие чувства/ отношения, отвергает любую возможность разумности. Интересно отметить, что экстремисты отрицают либо искажают все три составляющие духовности, выделенные Н.А.Коваль. Прекрасное подменяется безобразным, морально-нравственное аморальным, познавательное – набором псевдоинтеллектуальных схем. Стирая границы между полярностями, подменяя жизненную активность агрессивными словами, действиями, экстремист продуцирует свои иллюзии во внешнюю среду в качестве нового стандарта. Норма отождествляется с патологией, болезнь духа не отличается от духовного здоровья. Следует учесть, что популярный на Западе, а теперь и в центральной части России, релятивизм более удобен для диффузии подобных идей в массовом сознании.

Экстремист-эгоцентрист есть продукт массовой культуры, который не различает изнаночную и лицевую стороны. Смысл жизни подменяется ее целью. Цель представителей экстремизма – самоутверждение, самореализация "избранных" через власть над миром, уничтожение "недостойных".

Образ врага (недостойного сочувствия, жалости) задает направленность борьбы за отстаивание своих интересов. Придуманному врагу ("Иной" человек может раздражать просто тем, что иначе стоит, иначе одет, использует иные речевые обороты и пр.) приписываются отрицательные характеристики, физические и/или моральные уродства. Созданный образ врага позволяет: сохранять и укреплять власть в управляющей подсистеме (например, у лидера группировки), подавлять внутреннюю оппозицию, задавать жесткую иерархию в молодежной среде, в том числе путем "наклеивания ярлыков", формировать систему беспрекословного подчинения, кру-

говой поруки. Потенциальная опасность, запрограммированная на подсознательном уровне, повышает уровень агрессивности.

Экстремист – есть продукт общества потребления, его отрицательная активность направлена на получение: удовольствия (без различения границ добра и зла), выгоды, признания (в том числе за счет унижения другого). Он позиционирует себя в качестве пропагандиста “философии свободы”, т.е. распушенности, признает только авторитет силы и власти (отрицает право, мораль, государство, общество), что порождает “войну против всех”. Имитация протестной борьбы за свою свободу, самореализацию не противоречит психологии потребителя, а обладание очередным объектом-симулякром демонстрирует престиж, авторитет обладателя. У экстремиста с клиповым мышлением он вызывает зависть, неконтролируемые желания, что проявляется в крайне агрессивных действиях, направленных вовне (реже – на себя).

*Таблица*

**Структура общества**

Жизненная стратегия, задающая иерархию жизненных ценностей	Особенности социальных групп		
	ориентированы на поступок, на благодеяние	ориентированы на подражание, комфорт	ориентированы на разрушение, на преступление
Генераторы идей/ пассионарии	Интеллигенция Совершенствуют себя вместе с миром, во имя мира.	Псевдоинтеллигенция, Создают видимость полезной деятельности, занимаются пропагандой идей, в которые не верят.	Считают себя элитой общества, напр. Бильдербергская группа, приверженцы теории Золотого миллиарда.
Организаторы/ управленцы	Чиновники-служители общему делу, лидеры общественных организаций.	Прагматики, карьеристы, бюрократы, канцеляристы, конформисты.	Диктаторы, ростовщики, олигархи, революционеры, экстремисты, террористы.
Реализаторы/ функционеры	Народ – простые люди. Честно исполняют свой долг, свои функциональные обязанности, служат обществу/ Родине.	Мещане, человек рыночного типа, которые стремятся продать себя подороже, главные критерии – мода, выгода. Эгоцентристы.	Толпа, люмпены, саботажники. Стремятся к разрушению мира, не понимая, что при этом погибнут сами.

Проявление экстремизма, как одного из видов разрушения, изначально заложено в социальную систему. Задачи общества (созидателей, частично функционеров), в т.ч. социальных институтов: сохранить границы распространения деструктивных тенденций, а также количество разрушителей на уровне не более 5 % от общего количества населения; блокировать переход субкультуры в контркультуру; не допустить переворота (смещение антисистемой пусть и несовершенную, но уже стабильно функционирующую систему). Данные задачи реализуются специфической (в каждый период времени) культурной политикой государства, направленной не столько на сдерживание агрессии, сколько на профилактику активного и пассивного проявления деструктивизма.

Культурная политика (как одно из направлений деятельности управляющей подсистемы) направлена на упорядочивание жизненного социокультурного пространства. Культурная политика осуществляется органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами. В указе «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24.12.2014 г. прописаны задачи культурной политики РФ.

В рамках культурной политики важной функцией социально-культурной деятельности является “утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта - необходимого условия для индивидуального и общего развития”[3]. В документе подчеркивается, что общественным инициативам необходима государственная поддержка в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации в направлении практической реализации приоритета права общества на сохранение материального и нематериального культурного наследия.

Важным аспектом в реализации поставленных задач культурной политики является создание условий для развития национального сектора массовой культуры, для повышения эстетического качества культурных продуктов, относящихся к массовой культуре, для вовлечения массовой культуры в процесс реализации государственной культурной политики. В реальной картине мира с 1990-х годов отмечены проявление негативной тенденции распространения культурных суррогатов, уродующих вкусы населения.

Реализация задекларированных намерений должно быть направлено на сохранение высших ценностей России как самобытной цивилизации; на стратегическое планирование и применение мер защиты от вызовов и угроз её жизнеспособности; на исполнение национальных интересов как основных направлений созидательного развития государства.

В указе Президента РФ акцентируется внимание на нравственно-эстетическом воспитании молодого поколения. На наш взгляд, это актуально в настоящее время, так как на фоне разрушения целостности общества наблюдается распространение космополитизма, экстремизма, рост индифферентности к происходящим событиям в обществе.

В стадии цивилизации, задачи культурной политики трудно реализуемы на практике. В современной России наблюдаются следующие тенден-



ции: снижение умений сублимации, исчезновение игровой функции культуры, массовый уход в ирреальный/ виртуальный мир, распространение и популяризация навыков манипуляций, формирование положительного имиджа большинства видов лжи в новых профессиях (менеджеры, пиарщики, рекламщики и пр.), широкое использование технологий информационных войн и пр. В данных условиях перегревания/ энтропии социокультурной системы возрастает уровень всеобщей агрессивности.

Экстремизм – есть один из видов агрессии. “В пространстве массовой культуры реабилитация насилия более преобладает над его сублимацией. Насилие предстает одной из форм полноценной человеческой деятельности, некоторым образом приобщается к вечности, к сущности и истокам цивилизации” [4].

Культ насилия в массовой культуре сочетается с преобразованием в особый тип поведения человека в процессе перемещения его с макро - на микроуровень (в культурно-психологическую сферу). При этом агрессия все чаще становится немотивированной, менее привязанной к социальным функциям, носит беспричинно-иррациональный характер.

В стадии цивилизации на фоне “духовной нищеты” социума (проявляющейся в противоречиях между словом/ лозунгами и делом/ конкретными повседневными действиями, при размывании и подмене ценностей Добра, Прекрасного-Безобразного, в процессе пропаганды симулякров, суррогатов СМИ, а также поощрения отрицательных примеров (авторитета силы, лжи, ношение масок)) распространение деструктивных тенденций воспринимается как вполне адекватная реакция “загнанного в угол” человека. Человек массы без смысла жизни, лишенный возможности реализации своей цели направляет агрессию против себя (самоубийство) либо против других (нанесение увечий, убийство).

Авторитет служителей, интеллигенции, народа в обществе потребления низведен фактически до нуля. Их общее количество снижается. Далее уже следует быстрая деградация всей социальной системы. Поэтому одной из задач грамотной, эффективной культурной политики должна стать поощрение/вознаграждение положительных примеров служения Добру, Истине, Красоте.

Гринева Е.А., Давлетшина Л.Х., считают, что “...духовно-нравственная составляющая должна присутствовать во всех направлениях воспитательной деятельности, что позволит сохранить как саму личность, так и все общество” [5]. Кроме того, на наш взгляд, необходимо избавляться от красивых, но уже пустых/ малозначимых для человека массы в своей сущностной характеристике лозунгов; от материально затратных, но малоэффективных в плане воспитания компаний, конкурсов; от измерения неструктурируемых компонентов рейтингами, формальными отчетностями.

Неструктурируемые компоненты общества, такие как дух, душа народа создаются не за одного поколение, плохо поддаются контролю. При этом следует учитывать, что именно формирование сознания/духа, душевности красивой во всех отношениях Личности вместо самодостаточного эгоиста способно нивелировать опасные разрушительные тенденции функционирования современного российского общества.

Процесс становления гармоничного человека с духовным стержнем, честно служащего Добру, Истине, Красоте, Отечеству в настоящее время невозможен без ОБРАЗОВАНИЯ, которое не столько структурирует знание, сколько задает условия для создания целостного мировоззрения. Обращение к истокам русской культуры (сосредоточенных, большей частью, в ее духовной подсистеме) позволит снизить уровень энтропии. Духовная культура выражается в совокупности энергии культуры. Совокупная энергия культуры, складывается из витальных импульсов человеческой экзистенции. В момент разрыва психического континуума и задержки сознания психическая энергия преобразуется и транслируется в энергию культурной деятельности, интегрируя все компоненты культуры в единое целое.

Активизация культурной интеграции вызывает потребность в новых способах передачи информации, в применении гибкого управления усложняющихся культурных систем. Уменьшение агрессии как проявления энтропии, увеличение **качественной**, нетиражируемой информации является одним из условий для стабильного развития нелинейной сложной системы.

### Список литературы:

1. Виноградова А.И., Петрова О.А. К вопросу о последствиях воздействия негативных факторов социокультурной среды на развитие духовности общества // Общество: философия, история, культура. – 2016. – №8. – С. 98.
2. Коваль Н.А. Ценностная обусловленность развития духовности в онтогенезе // Известия ВГПУ. – 2013. – №1. – С. 73.
3. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики". Режим доступа к журн. URL : <http://base.garant.ru/70828330/#friends> (дата обращения: 23.10.2017).
4. Роговский А.М. Формы насилия в культуре: темпорально-психологический аспект// Вопросы философии – 2006.-№1. – С.64.
5. Гринева Е.А., Давлетшина Л.Х. К вопросу о сущности понятий “духовность”, “нравственность”, “нравственный потенциал”// Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1.; Режим доступа к журн. URL: [https:// science -education. ru/ru/ article /view ?id=8458](https://science-education.ru/ru/article/view?id=8458) (дата обращения: 21.10.2017).

## РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДУХОВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Лонский Я.А.

Россия, г. Москва

*Российская Открытая Академия Транспорта Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II*

**Аннотация.** В статье рассматривается воздействие религиозного экстремизма на духовную безопасность российского общества. Дается сущностная характеристика таких категорий как «духовность» и «духовная безопасность». Показано, что вместе с возрождением традиционных конфессий

наша страна столкнулась с религиозным экстремизмом, который негативно влияет на духовную безопасность. Используя религиозную неграмотность, бедственное социально-экономическое положение, а также малоэффективную работу с населением традиционных священнослужителей, религиозные экстремисты активно вербуют в свои ряды всё новых и новых рекрутов. Делается вывод, что создание общенациональной идеологии способно преодолеть дифференциацию населения в духовно-мировоззренческой, религиозной сферах, а также сплотить народы перед угрозой общего врага – религиозных экстремистов.

**Ключевые слова:** духовность, духовная безопасность, религиозный экстремизм, идеология.

Духовная сфера является одной из основополагающих и возвышенных сфер жизнедеятельности общества и человека. Именно в духовной сфере происходит формирование и воплощение в жизнь таких категорий как дух, духовность, духовные потребности, осуществляется развертывание производства идей и происходит их потребление. Через духовность определяется сущность общественного и индивидуального бытия, а также реальный и воображаемый мир, который, равным образом, воплощается в реальных образах. Категория «духовность» в полной мере может быть отнесена как к светской, так и религиозной компонентам существования отдельного человека и общества в целом. Не вызывает сомнения и то, что деятельность конкретного человека, реализующего свои творческие силы, проявляется через духовное начало. Духовная сфера включает в себя духовную культуру, выраженную в различных формах и уровнях общественного сознания, в постижении и обогащении мира духовных ценностей.

В периоды коренных изменений, трансформаций, революций общество обычно сопровождает духовный кризис. За свою историю Россия не один раз испытывала такие состояния, однако каждый раз её духовная сила и стойкость помогали ей обрести себя. Духовный кризис, поразивший нашу страну после кардинальных реформ 90-х годов прошлого века и продолжающихся преобразований века нынешнего, является как никогда угрозой для духовной безопасности общества, так как подорваны духовные основания, выступавшие стержнем, на котором строилось новое общество. Поэтому духовность является стержневой и основополагающей компонентой человеческого существования, играющей ключевую роль в обеспечении национальной безопасности в современном мире.

В толковом словаре В.И. Даля категория «духовность» связана с внутренним миром человека и обозначает « устремление человека к тем или иным высшим ценностям и смыслу, идеалу, стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к этому идеалу и внутренне освободиться от обыденности» [1].

Современный философ Л.П. Буева даёт следующее содержание категории «духовность»: «Духовность, – считает она, – есть интегративное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих

содержание, качество и направленность бытия и «образ человеческий» в каждом человеке» [2, с. 5].

Автор данной формулировки полагает, что введение понятия «духовность» необходимо при определении «тех ценностей, на основе которых решаются смысловые проблемы, обычно выражающиеся для каждого человека в системе «вечных вопросов» человеческого бытия: кто я; зачем пришел в этот мир; каково мое место в нем; каков смысл моей жизни, на основании каких ценностей я должен сделать выбор своего жизненного пути, определить цели и смысл своей деятельности, выработать средства их достижения и оценить ее результаты; на что я могу опереться в оценке этих результатов; по каким критериям и как возможно усовершенствование моей личности?» [2, с. 4].

Хотелось бы отметить, что такая категория как духовность не всегда следует определять через религию, так как её можно рассматривать и без отношения к последней. Духовность может выступать в качестве регулятора поступков и действий человека, наталкивать его на фундаментальные вопросы о смысле жизни, о таких духовно-нравственных понятиях как Родина, честь, достоинство, долг, любовь, правда, совесть и т.д.

Раскрыв сущность такой фундаментальной категории как духовность, перейдём к рассмотрению понятия духовная безопасность.

Ряд исследователей выделяют духовную безопасность как один из сегментов национальной безопасности страны. Так, В. Кириллов определяет духовную безопасность «как составляющую национальной безопасности, выраженную в качественном уровне национального самосознания, отражающем уровень морально-политического единства общества». И далее, духовная безопасность «предполагает сохранение фундаментальных нравственных ценностей и традиций, воспитание способности эффективно преодолевать любые внешние угрозы исходя из своих национальных интересов и выражается в поддержке народом внутренней и внешней политики правительства, в доверии к власти» [3, с. 9].

А.В. Тонконогов рассматривает духовную безопасность как «один из видов национальной безопасности, представляющий собой состояние защищённости духовной сферы социума, которая включает в себя обеспечение: культурной, идеологической, информационной, научной, образовательной и религиозной безопасности как её подвидов и характеризуется защитой от внутренних и внешних угроз индивидуального, группового, массового сознания, а также иных национальных духовных ценностей» [4, с. 24]. При этом исследователь полагает, что обеспечение духовной безопасности происходит на трёх уровнях, которые образуют духовную сферу. Первый уровень – личный, состоящий из разума, чувств, сознания, подсознания и воли; второй – групповой, образующий социальную психологию; и третий – общественный, включающий общественное сознание, религию, мораль, политику, эстетику, науку и правосознание [4, с. 24].

По мнению А.В. Коршунова «духовная безопасность служит показателем духовного благополучия общества, уровня его социального развития, поскольку духовно-нравственный срез общества обнажает все его пробле-

мы и болевые точки, независимо от сферы жизнедеятельности, так как общество представляет собой целостность, поддерживаемую за счёт духовно-нравственных ценностей, выступающих индикатором жизнеспособности социума и его основных социальных институтов, ответственных за духовную и культурную преемственность» [5, с. 124].

Исходя из вышеописанных формулировок, можно заключить, что категория «духовность», а также производное от неё понятие духовная безопасность определяются через её связь с ценностным миром человека. Характерная черта современного российского общества – возрождение духовно-религиозных ценностей.

Однако вместе с возрождением традиционных российских конфессий наше общество столкнулось с одним из самых опасных явлений современности – религиозным экстремизмом, угрожающим духовной безопасности российского социума и целостному существованию государства. В первую очередь речь идёт об активизации деятельности на территории нашей страны социально опасных религий, религиозно-экстремистских организаций, пытающихся обострить противоречия в религиозной сфере жизни нашего общества.

Основными условиями успеха или, иначе говоря, благодатной почвой для деятельности нетрадиционных религий является религиозная неграмотность населения, что является недоработкой и недостатком работы традиционных религиозных культов. Часто люди уходят в секты из-за духовной неграмотности и коррумпированности местных священнослужителей. Информационный вирус искаженной религиозной идеологии внедряется в несформированное религиозное мировоззрение основной массы населения. Недостаток и дефицит истинного религиозно-конструктивного знания восполняется зараженной деструктивно-разрушительной идеологией и становится определяющим фактором поведения новых рекрутов, которые в свою очередь становятся такими же разносчиками и распространителями заразы. В двустороннем противостоянии одна сторона использует брешь в работе другой в виде неграмотности не только населения, но и самих священнослужителей в религиозных вопросах.

Неграмотность и необразованность традиционалистов является реальной социальной проблемой на постсоветском пространстве. Недостатком является также малочисленность традиционных священнослужителей по сравнению с нетрадиционными течениями, что также существенно влияет на расклад сил и влияния противоборствующих сторон. Е.Я. Сатановский отмечает, что на всю Россию единственным центром подготовки исламского духовенства остается Казанский медресе. «Нужна система, в которой готовится достаточное число крепких молодых людей, способных постоять за себя, образованных, грамотных, с глубоким знанием истории, Корана, но при этом толерантных и не фанатичных. Людей, которые будут работать на Россию, а не на Саудовскую Аравию, Катар, Пакистан или Турцию. Это возможно, если создать теологические факультеты в серьезных российских вузах. И набирать туда тех, у кого в хребте есть понимание того, что такое терроризм и как с ним надо бороться» [6].

Бесперспективность жизни и осуществления своих идеалов, плюрализм в духовной сфере создал хаос, стали катализаторами мощного развития и образования новых религиозных течений, что также активно ими используется. Идеология неософистов отличается большой гибкостью, заразительностью, приспособляемостью к любым изменениям обстановки и живучестью, их отличает то, что они способны очень быстро ориентироваться в любой среде и берут инициативу в свои руки. По мнению президента Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского, радикальные исламисты способны заражать людей своими идеями в то время, как имамы, проповедующие традиционный ислам, далеко не всегда бывают способны увлечь. «Нет у нас такой подготовки муфтиев, имамов, судей, чтобы они были одновременно и патриотами страны, и харизматичными лидерами, чтобы за ними последовали» [6].

В настоящее время мы можем наблюдать, что российское общество, лишённое привычных духовно-нравственных ориентиров и ценностей беззащитно перед идеологией религиозных экстремистов. Поэтому для того, чтобы эффективно противостоять религиозно-экстремистским организациям государство должно объединить российское общество на базе создания общенациональной идеологии, которая будет служить ориентиром в жизни для большинства граждан. Создание общенациональной идеологии способно противостоять религиозно-экстремистским организациям в духовно-мировоззренческой сфере, а также снизить потенциал сепаратистских и националистических настроений в обществе.

#### **Список литературы:**

1. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка, современная версия. [Текст] /В.И. Даль. Москва. 2001.
2. Буева Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. – 1996, № 2. – с. 4-5.
3. Кириллов В. План Даллеса по-прежнему актуален? Духовная безопасность страны – составляющая её национальной безопасности // Военно-промышленный курьер. 2008. № 50. – С. 9.
4. Тонконогов А.В. Философия духовной безопасности современной России: Монография. М., 2013. – С. 24.
5. Коршунов А.В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2. с. 124.
6. Духовной неграмотностью выстлана дорога в ИГИЛ // Многонациональная Россия. URL: <http://regions.ru/news/2558098/>.

## ДУХ ПРОСВЕЩЕНИЯ В НАСЛЕДИИ РИЗАИТДИНА ФАХРЕТДИНА

Лукьянова Р.А.

Россия, г. Уфа

Башкирский государственный педагогический

университет им. М.Акмуллы

E-mail: rusha-09@mail.ru

**Аннотация:** автором рассмотрена тема наследия выдающегося ученого-энциклопедиста Ризаитдина Фахретдина, крупнейшего богослова современности, значимость трудов которого в башкирской просветительской мысли XIX-XX вв. велика. В статье проанализированы основные идеи Ризаитдина Фахретдина и их влияние на процесс развития национального и религиозного образования народов Поволжья и Урала.

**Ключевые слова:** Ризаитдин Фахретдин, просветительская мысль Башкортостана, религиозно-просветительские идеи, Дух просвещения

Знание - друг в одиночестве,  
разделяющий секреты на чужбине,  
украшение перед друзьями,  
острое оружие против врагов...

Знание - это такое благо,  
получив которое, человек  
не будет нуждаться в других благах» [1;16]

*Ризаитдин Фахретдин*

Во второй половине XIX после упразднения в 1865 году кантонной (территориальное деление) системы управления в Башкортостане начинается новый этап в развитии общественной мысли. Это время с полным на то основанием может считаться эпохой башкирского просвещения, которая охватывает период с 60-х годов XIX столетия до начала XX века. Характеризуя основные идеи башкирского просветительства в целом, можно отметить, что его интеллектуальный потенциал определяется:

– *во-первых*, ориентацией на проблему человека, и в этой связи намечается тенденция абсолютизации роли морально-этического и нравственного факторов как важнейших средств прогресса;

– *во-вторых*, взгляды башкирских просветителей направлены к идеям национального самопознания. Этим объясняется их интерес этнографией и фольклором - устным народным творчеством деятельности народа [2].

Разложение феодальных структур и формирование капитализма с сопровождающимися переменами в общественной жизни и культуре способствовали возникновению в Башкортостане во второй половине XIX – начале XX вв. просветительского движения, в котором выделяют два направления: религиозно-реформаторское и демократическое. Так реформы образования просветители представляли в общественно-религиозном движении – джадидизм (джадидизм-новый), осуждая взгляды реакционного духовенства, представленные течением – кадимизм (кадим-старый) с его схоласти-

ческой школой. При этом просветители пытались сосредоточиться на решении социальных проблем.

К наиболее известным деятелям башкирского просвещения следует отнести: М.Бикчурина, А., Куватова, Б.Юлуева, М.Уметбаева, М.Баишева, Ю.Бикбова, Михтахетдина Акмуллу (его имя носит Башкирский государственный педагогический университет) и др. Среди деятелей особо выделяется личность ученого, богослова – Ризаитдина Фахретдина, который уделил особое внимание вопросам религиозного обновления и сыгравшим большую роль в развитии и изучении западно-европейской и арабской философии.

Ризаитдин Фахретдинов, он же Ризаитдин (Риза), Ризаитдин бин Фахретдин, родился 22.12.1858 г. (4.01.1859 г.) в деревне Кичучатово (Юлдаш) Бугульминского уезда бывшей Самарской губернии в семье имама-мудариса Фахретдина бен Сайфутдина. Серьезное обучение Ризаитдина у суфия шейха Закира-ишана Камалова началось с 1867 года в медресе при 1-й мечети Чистополя. В ученические годы им была собрана рукописная библиотека из сочинений мыслителей Древнего Востока.

Владея арабским, персидским и турецким языками, Ризаитдин начал преподавательскую деятельность (80-е гг. XIX века) в среде младших учащихся медресе. Для их обучения Ризаитдин Фахретдин составил учебники математики и татарского языка, изданные в 1886-1887 гг. В том же 1887 году в Казани опубликована «Книга по морфологии» («Китабе эттэсриф») – произведение Ризаитдина Фахретдинова, знакомящее читателя с грамматикой арабского языка. Позже на гонорар от продажи одной из своих книг Ризаитдину удалось построить здание и открыть новометодную школу. В годы учебы Ризаитдин Фахретдин много и прилежно занимался. Сохранилось 10 томов рукописей, переписанных им в разные годы [3].

Большая семья требовала много сил и забот, но, несмотря на сложности, Ризаитдин Фахретдин находит время для исследовательской работы. Ученый М. Роднов отмечает беспрецедентный случай и даже для нашего времени, когда будучи рядовым деревенским муллой, Ризаитдин Фахретдин написал несколько книг.

В своих сочинениях, Ризаитдин Фахретдин особое внимание уделяет вопросам нравственности и морали. Необычайной популярностью среди читателей пользовались книги о воспитании. Они неоднократно переиздавались в 1898-1916 гг. в Казани, Уфе, Оренбурге в серии традиционного жанра «Насихат» («Наставление»). Отдельные выпуски содержали обращение детям, а именно к мальчику и девочке; к взрослым членам семьи «Воспитанный отец», «Воспитанная мать», «Воспитанная женщина»; изложения по проблемам в семье и школе «Воспитание ребенка», «Новометодная школа», «Убеждение», и др. Риза пишет: «Труд матерей самый тяжелый и кропотливый. Если хвалимы садовники, вырастившие яблоневые, апельсиновые, лимонные сады, то хвалимы и матери, воспитавшие и вырастившие хороших детей» [4;16].

Ризаитдин Фахретдинов является крупным религиозным деятелем и публицистом. Им написаны повести «Салима, или Целомудрие» (1889),



«Асма, или Проступок и наказание» (1903), в которых он выступает сторонником приобщения своего народа к достижениям европейской культуры, поднимает проблему эмансипации женщины. В работе «Культура ученичества» Риза говорит о знании как о благословенном украшении каждого человека и лучшем из достоинств: «Знание – причина избавления от любых трудностей. Знание – это сокровище, которое никогда не заканчивается. Знание – это свет, который в этом мире спасает от слепоты, а в том мире – от мучений»[5;47].

Произведения Ризаитдина Фахретдина содержат религиозно-просветительские идеи, оказавшие большое влияние на последовавшие изменения в социальной жизни тюркских народов. «Нации, достойные жить на свете», – пишет Ризаитдин, – «и обязаны иметь самостоятельное, суверенное мышление и мировоззрение, прогрессировать соответственно изменениям и прогрессу эпохи... Народы пришли в мир не стоять на жизненном пути, а затем, чтобы идти неустанно вперед и стремиться ввысь».

С научной деятельности Ризаитдина Фахретдинова начинается новый этап в развитии общественной мысли Башкортостана. Из Оренбурга в Уфу Фахретдинов вернулся в 1918 году, после закрытия журнала «Шура». В том же 1918 г., подчиняясь решению Всероссийского съезда (Москва), Ризаитдин вновь принимает должность кадия в Уфе. А с 1922 года Фахретдинова избирают муфтием Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири.

А.Хайруллин пишет, что последние годы жизни для Р.Фахретдина прошли в тяжелых материальных условиях. К нему несколько раз обращались с предложением из Венской академии наук о продаже, за огромные деньги, личного архива, но Ризаитдин Фахретдин отказывался. Большую часть сохранившихся рукописей по просьбе известного востоковеда, академика А.Н. Самойловича Ризаитдин передаст в архив Ленинградского отделения востоковедения Академии наук СССР.

Скончался Ризаитдин Фахретдинов 11 апреля 1936 года на 78-м году жизни. После его смерти начались массовые аресты руководства Духовного управления. Известный татарский ученый Хабутдинов А. К. так описывает те скорбные события: «Тысячи мусульман, узнав о смерти Фахретдина, собрались тайно ночью в его родном ауле для прочтения «джаназа» (поминальной молитвы) по усопшему» [6].

Итак, Дух просвещения в наследии известного ученого и богослова Ризаитдина Фахретдинова как и его имя останется не только в истории России, но и в мировой просветительской мысли XX века [7].

### Список литературы:

1. Сборник на старотат. яз. / Ризаитдин бин Фахретдин. Воспитанная мать [Текст] = Тэрбияле ана. – Казань: Издательство Императорского университета, 1898. – 16 с.
2. Фольклор возник до появления письменности. Самая важная его черта - коллективность и в том, что он является искусством устного слова. Фольклор – художественное творчество широких народных масс, преиму-

щественно устно поэтическое творчество. Электронный ресурс.[Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/258414> ]

3. Электронный ресурс.[Режим доступа: [http://www.infoislam.ru/publ/religija/tatarskie\\_bogoslovy/tatarskie\\_bogoslovy\\_riza\\_fakhretdin\\_1859\\_1936/39-1-0-28003](http://www.infoislam.ru/publ/religija/tatarskie_bogoslovy/tatarskie_bogoslovy_riza_fakhretdin_1859_1936/39-1-0-28003) ]

4. Сборник на старотат. яз. / Ризаэтдин бин Фахретдин. Воспитанная мать [Текст] = Тэрбияле ана. – Казань: Издательство Императорского университета, 1898. – 16 с.

5. Ризаэтдин бин Фахретдин. Культура ученичества [Текст] = Шэкердлек эдэби. – Казань: Издательство Императорского университета, 1899. – 47 с.

6. Хабутдинов А. К. 150-летию со дня рождения Ризаитдина Фахретдина / «Ислам в Российской Федерации»: <http://pda.islamrf.ru/news/culture/legacy/6881/>

7. Лукьянова Р.А. Путь истины Ризаитдина Фахретдина: хрестоматия – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 167 с.

## **МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ ПРАВОСЛАВИЯ И ИСЛАМА. К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА. (НА ФАКТАХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ)**

**Лысцева И.В.**

*Россия, г. Калуга*

*КНИИ РАН ЧР*

*E-mail: izabellalysceva@mail.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию вопроса историографии межрелигиозного диалога двух мировых религий – Православия и Ислама на основе взаимоотношений мусульман Северного Кавказа и административно высланных в русские городах Центрально-Европейской части России на рубеже XIX – XX века сквозь призму интерпретации данного феномена социальной философии. Автором подчеркивается, что поиск новых эпистемологических рамок, методов православно-исламского диалога, объективно необходимы в изучении как стратегии и формировании современного гуманитарного пространства, так и определения роли традиционных ценностей мировых религий Православия и Ислама.

**Ключевые слова:** Православие, Ислам, межрелигиозные формы диалога, историография, повседневная жизнь, ссыльные горцы.

Предмет исследования является вопрос историографии православно-исламского диалога, его основания и возможности в социально-философском контексте на фактах повседневной жизни горцев в Центральной части России рубежа XIX – XX века. Одной из задач ставится выявление исследований моделей и форм диалога двух мировых религий – Право-

славия и Ислама, исторически сложившихся в России, насчитывающего не одно столетие, через призму современного теоретико-методологического инструментария. Главной задачей является анализ работ исследователей: историков, философов, социологов, правоведов уголовного права, этнографов, историков религии и культуры. Акценты ставятся на исследования межрелигиозных и межконфессиональных отношений Православия и Ислама в политической стратегии России рубежа XIX – XX вв. на Северном Кавказе. В частности, выносятся проблемы изучения диалога в повседневной жизни ссыльных мусульман, как специфического населения русских городов, в социум которых они были административно водворены, так и местного населения на территории Северного Кавказа.

Многоаспектность повседневной жизни привели к возникновению междисциплинарного подхода к изучению феномена. Категория повседневности представляет интерес для социологии, истории, психологии, культурологии, социальной философии. Социология повседневности, как самостоятельное направление в рамках общественных наук, связана с представителями западной школы «Анналов», «феноменологического направления» в философии (Э. Гуссерль и А. Шюц), «социологии обыденной жизни или этнометодологии», среди которых есть интересные работы российских ученых в рамках социологии истории. Н. Пушкарёва относит повседневность к реальности, «которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве жизненного мира» [1, с. 41]. Рассматриваются категории повседневности как явление и в работах приверженцев микроистории, которые ставят во главу угла историю отдельной личности, события или происшествия. Метод Юрия Лотмана предусматривает рассмотрение бытовых вопросов жизни, исходя из норм и ценностей изучаемой культуры определенного исторического периода. Представители зарубежных школ К. Леви-Стросс и отечественной философии Ю. Лотман, А. Лосев связывают повседневность с историческими формами культуры народов, с этикетом традиционного поведения, базирующего на бытовых традициях повседневных отношений [2].

Традиционные социальные проблемы, которыми занимаются гуманитарные дисциплины, позволяют корректно подойти к раскрытию значения общественных отношений [3]. Религия, как многомерное явление духовной жизни общества и личности, являясь универсальной формой общественного сознания, используя основы морали, права, идеологии. Они выступают непосредственным регулятором человеческого поведения в общественной и повседневной жизни. Наука, философия, искусство служат опосредованным регулятором поведения личности, духовного и духовно-практического освоения мира и обществ [4].

Теоретико-методологический инструментарий изучения православно-исламского диалога обосновываются на инновационных подходах к исследованию особенностей границ межконфессиональных отношений в рамках междисциплинарного аспекта – исторических, философских и социологических категорий, и общепринятой методики классификации форм межрелигиозного диалога, предложенной западными учеными. На эту методику

ссылается М.А. Фарапонова, философ Северо-Кавказского федерального университета. Методика, обоснованная западными учеными, подразумевает четыре типа диалога. «Российская специфика состоит в неприятии «дискурсивной» и «внутренней» модели в силу того, что его важнейшими субъектами являются православие и ислам, характеризующиеся как инклюзивистские религии. При этом типы диалога «человеческий» и «секулярный» (социальный) принципиальных разногласий не вызывает». Так, модели «внутреннего» межрелигиозного диалога разработаны в трудах известных востоковедов М.Т. Спепанянца и И.Р. Насырова. Современную православную теологию в аспекте «внутреннего диалога» можно обосновать на работах В.Н. Лосского. Основной причиной невозможности существования диалога «дискурсивного» (догматического), выступает как традиционное богословское учение, так и философские школы М. Бахтина, Н.А. Бердяева [5].

Использование приемлемой методики и форм диалогов в исследовании истории межрелигиозных российско-исламских отношений, разработанных российскими учеными-политологами, социологами дополнит работы отечественных ученых, чьи исследования посвящены историко-этнографическим, религиозно-обрядовым сферам жизни горцев, истории Ислама и суфийских тарикатов, религиозно-философской мысли Северного Кавказа [6]. Исследуемый исторический период ограничен временными рамками – серединой XIX и началом XX века. Историография этого периода довольно обширна, уже накоплен солидный историографический пласт, касающийся разных аспектов данной проблемы. Мы остановимся на исследованиях, которые, так или иначе, отражают избранную тематику статьи. Работа П.А. Кузьминова отличается подходом в трактовке причин и подготовки преобразований у народов Северного Кавказа. Ряд горных этнокультурных обществ находились на разных стадиях интеграции в государственном пространстве России, сохраняя вековой уклад жизни. Зависимость от внешнего – «русского мира» была сведена до минимума. «Многогранная деятельность администрации, как российской, так и горской по обеспечению мирной жизни, организованной на основе российского права, ежедневная потребность горцев в обеспечении условий для традиционной повседневной жизни, вели к формированию сложного процесса нивелирования особенностей горских народов с одновременным сближением и адаптацией к новым государственно-административным реалиям Российской империи». А. Урушадзе, изучая историю военно-народного управления на Кавказе, предлагает авторскую версию истоков противоречивых политических процессов и межрелигиозных отношений. Так, опираясь на понимание стратегии князя, наместника края М.С. Воронцова, имевшего большой административный опыт и широкий кругозор, С.С. Эсадзе, ученик знаменитого «летописца Кавказской войны» В.А. Потто, пишет: «Главный интерес России – связать разноплеменной край с империей», и чтобы эта связь была прочной, система управления должна поставить «цель разобраться во всех условиях народной жизни». А. Урушадзе подчеркивает что, считать второго наместника края, князя А.И. Барятинского «создателем системы военно-народного управления», значило бы упрощать всю историю деятельности российской

администрации на Кавказе. В издании «Русская старина» за 1881 год приводится свидетельство о якобы однажды сказанных словах генерала Барятинского: «Мне досталась жатва Воронцовского посева!» [7]. Можно ли на многочисленных противоречивых фактах и событиях того пореформенного периода построить политику «гуманитарного» диалога, который предполагает необходимость абстрагирования от религиозных верований, устоев не одного человека, а целого региона?

Исследования российских ученых, диссертационные работы последнего времени отличаются аналитическим характером, оригинальными подходами в трактовке пореформенного периода, связанного с вводом института наместничества, определения роли наместника в реализации социально-политической, экономической стратегии и поиска оснований и методов межрелигиозного диалога России на Кавказе. Так, А. Казначеев в диссертации «Развитию северокавказской окраины России (1864-1904)», охватывающей социально-экономическое развитие Северного Кавказа, поднимает вопросы общественной жизни, административно-судебные процессы в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабарде, Северной Осетии, Балкарии, Кубани. Делает определенные выводы. «Военно-народное управление должно было заложить основы политической стабилизации на Северном Кавказе, предотвратить распространение шариата и основанное на нем движение мюридизма, как наиболее серьезное опасение для российской империи на кавказской окраине». «Военно-народное управление было специфической формой организации для Северного Кавказа и носило, относительно, прогрессивный характер, как показывают первые съезды в Чечне представителей и организаторов, которые позволяли населению почувствовать себя защищенными от произвола чиновников как российских, так и местных» [8]. В работе «Реализация экономической стратегии развития Северного Кавказа в период второго Кавказского наместничества», насыщенной фактическим материалом, Ю.Ю. Гранкин делает ценные обобщения. В пореформенный период роль наместников «преобразуется из активатора и модератора в посредника и гаранта соблюдения, установленных имперским законодательством правил». Автор убежден, что наместничество как форма чрезвычайного управления отпала, когда Северный Кавказ прочно вошел в состав империи, когда «горское население», преодолевая традиционный консерватизм, входило «в модернизированный проект преобразования Кавказского края», а российская администрация вынуждена была инициировать примеры новых видов хозяйствования». Администрация наместников поощряла всякую предпринимательскую деятельность не только экономического характера, но «придавала им разновидность политико-культурной адаптации коренного населения к общероссийскому образу жизни». На организацию предприятий, рост торговли, развитие национальных ремесел, смотрели «как на рецепт, позволяющий со временем изменить ментальные установки горских обществ, ориентируя их на мирное время действие с другими народами в рамках единого государства. Возникающая взаимозависимость сторон межкультурного диалога должна была базироваться на взаимовыгодных хозяйственных интересах» [9].

Взаимопонимание в социально-межрелигиозном диалоге затрагивало широкий круг актуальных проблем. И здесь личностный «человеческий диалог» проходил в разных областях, на разных уровнях, перенимался опыт в сложных общественно-политических процессах. Совместная работа российских специалистов и горской элиты в администрации наместников, административно-судебных отделах управлений, в которых решались судебно-правовые дела, экологические проблемы, поднимались вопросы охраны и защиты культурного наследия края, исламских святынь. Поиски оснований межрелигиозных диалогов определялись и базировались на личностных доверительных отношениях. Под гуманитарным диалогом подразумевалось толерантное общение людей вне их религиозной идентификации с учетом знания и понимания разницы религиозных традиций носителей Православия и Ислама.

Интересна точка зрения исследователя правовой культуры чеченского народа Д. Сайдумова на процесс зарождения и формирования правовой системы чеченцев, которая обусловлена национальными, культурными и политическими особенностями многовекового развития. Рассматривая правовую культуру чеченцев в период XVIII – XIX вв., ученый отмечает, «что заимствования из правовых систем сначала мусульманского права, затем российского позитивного права, способствовали прекращению процесса автономного развития права чеченцев на основе их самобытной правовой культуры. При всем этом влиянии и воздействии национальная правовая культура чеченцев в изначальном ее понимании не исчезает». Первичное право чеченцев – обычное адатное право – базовая форма правовых традиций, отвечало интересам тайпово-тукхумных сообществам. Впоследствии, в силу необходимости выстраивания единой стратегии управления страной (мохком), посредством Мехк-Кхел, древнего верховного суда чеченцев и ингушей – «Совета страны», обычное право трансформировалось в национальное право. В нем законодательная база состояла из адата и законов шариата (после распространения Ислама), однако, адат как институт социально-правового регулирования повседневной жизни чеченского народа оставался незыблемым. Этой точки зрения придерживаются исследователи Чеченского педагогического университета Б. Нанаева и Л. Бисултанова. С учетом интеграционных процессов, в которых была заинтересована царская Россия, исследователи прослеживают влияние внешних правовых принципов на правовую культуру чеченцев [10].

Историография русско-кавказских отношений, уже накопившая солидный пласт исторических трудов, едва ли не самое противоречивое, но чрезвычайно интересное гуманитарное пространство российской академической науки. Среди ценного вклада в историческую науку следует отметить труды Академии наук Чеченской Республики, Комплексного научно-исследовательского института Российской академии наук, Чеченского государственного педагогического университета, Чеченского государственного университета, Грозненского государственного нефтяного технического университета. Интерес представляет и работа ежегодной Международной научно-практической конференции «Гуманитарное знание и духовная безопас-

ность», проводимая в Грозном с 2014 года. Организационный комитет состоит из ведущих ученых академической науки Чеченской Республики. Организаторы-участники конференции представляют не только научный потенциал республики и Российской Федерации, но и зарубежных стран. Кафедра философии, политологии и социологии Государственного педагогического университета вот уже четвертый год инициирует встречи ученых. Составители и редакторы сборников материалов конференций: доктор философских наук, профессор М.М. Бетильмерзаева и заведующий кафедрой, кандидат философских наук, профессор В. Ю. Гадаев. Работы участников конференций отличаются не только аналитическим характером, но и новыми, оригинальными подходами к актуальным проблемам, которые нацелены на формирование принципов устойчивого экокультурного совершенствования гуманитарной деятельности.

В новой книге В.Х. Акаева «Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций», доктора исторических наук, профессора, организатора и участника многих научных конференций, посвященных не только вопросам Кавказской войны, представлена, самая значимая и достаточно противоречивая историография – дореволюционная, советская и современная. Не отвергая ввод в научный оборот современной историографии термина «российскость», доктор наук Акаев не доверяет «однобокой интерпретации» этого понятия, критикуя авторов, не сумевших обогатить понятие весомым содержанием. Ученый рекомендует при анализе роли «русской государственной цивилизационной культурной составляющей», учитывать интеграционные тенденции развития российских этносов с их историческими и этнокультурными ценностями в рамках существования единого государства. Обосновывая свою позицию, профессор Акаев считает, что в этом случае концепция «российскости», как социокультурной интеграции, сможет смягчить противоречия историко-политические и духовно-культурные [11, с.34, 39].

Исследователи Академии наук и педагогического университета, доктор исторических наук Ш. Гапуров, доктор филологических наук Х.-А.С. Халадов, кандидат философских наук В. Гадаев в комплексной работе «Значение реалий Кавказской войны как фактор обеспечения духовной безопасности молодежи», заинтересовали даже самой постановкой вопроса. Отталкиваются ученые от точек зрения известных историков Я. Гордона и В. Дегоева: «Если макроистория мало чему учит, то на микроуровне у конкретных процессов можно подчеркнуть немало насущного. Таков драгоценный опыт Кавказской войны – малоизученный и объективно не проанализированный». «Кавказская война – спорная и сложная проблема, требующая не скороспелых и пропагандистских сочинений, а долгой, кропотливой и спокойной работы, без обвинений и покаяний». Исследования чеченских ученых отличает вдумчивый обстоятельный подход в трактовке российско-горских отношений, что дает панорамное видение проблем Кавказской войны. А панорама исследуемых процессов довольно обширная. Это вооруженные конфликты внутри Кавказского региона, внедрение «доктрины репрессалий». Это геополитическая политика России с сопредельными восточными

государствами и реалии народно-освободительных движений горцев в разные периоды. Это нереализованная возможность включения Чечни в состав России на правах автономии, «первой чеченской государственности, не носившей теократического характера» при политическом лидере Бей-Булате Таймиеве, руководителе крупного освободительного восстания [12, с. 119-140]. Но даже при «действующем механизме» многолетней войны, складывалась сложная система соприкосновения двух миров – русского и северокавказского, реальная система, возникшая на крови, как мусульман, так и православных.

Рассмотрев исторически складывающиеся основания одного из видов православно-исламского диалога можно предположить, что модель межрелигиозного «догматического» диалога оказывалась неприемлемой. Предполагаемые российские конструкции контроля религиозной жизни мусульман через определение статуса духовенства, несущего исламские истины, приводили к общему знаменателю различные религиозные доктрины Ислама и Православия, что могло привести к конвергенции религий. В ходе налаживаемого межрелигиозного диалога в общественной жизнедеятельности, вырабатывались принципы социального диалога. Учитывались доктринальные основания обеих религий, понимая, что обе религии Православие и Ислам – это религии проповеди. Формы диалога, выстраиваясь на принципах здравого смысла, могли облекаться в статус нормативного закона доступными практическими обоснованиями. В современной жизни межрелигиозные формы диалога призваны выстраиваться на основе концепции Государственной религиозной политики, провозглашающей «неконфликтное развитие религиозной жизни в стране и укрепление стабильности российского общества» [13, с. 145].

#### **Список литературы:**

1. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история. – М., 2003. – С. 41-43; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1. – М., 1999; Щюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М., 2004.
2. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996. – С. 167; Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн; Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990.
3. Марковцева О.Ю. Социально-этическая повседневность как предмет философского анализа: автореферат дис., ...доктора философских наук: 09.00.11./ Казан. гос. ун-т. – 33 с.; Полякова И.П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: автореферат дис., ...доктора философских наук: 09.00.11./ Липец. гос. пед. ун-т. – 30 с. 2011.
4. Ислам и христианство: проблемы диалога. Круглый стол.// «Континент», 2004, №119.
5. Фарапонова М.А. Православно-исламский диалог в современной России: основания и возможности // Гуманитарные и социальные науки. Серия: философия. 2015. № 1; Насыров И.Р. Пределы духовной практики в



исламской мистике (суфизме). URL: <http://www.telemir.net/filosofia/otkrytyi-nauchnyi-seminar-fenomen-sneloveka-v-ego-yevoljucii-i-dinamike>. 2005-2011/pl.php.

6. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003; Магомадов М.Г. Социальная и религиозно-философская мысль Чечни начало XX в.: автореферат дис., ...кандидата философских наук: 09.00.11/ Моск. гос. ун-т. 2003; Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2004; Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо-восточного Кавказа. – Ростов на/Д: Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ. 2008; Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. – Калуга, 2009; Лысцева И.В. Повседневная жизнь ссылных горцев Центрально-Европейской части России на рубеже XIX – XX вв. // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2015, №2 (27). Она же. Межрелигиозный диалог Православия и Ислама: методы и формы. На фактах повседневной жизни ссылных горцев Северного Кавказа Центрально-Европейской части России в середине XIX – начале XX века.// Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. (г. Грозный, 1-3 декабря 2016 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. – С. 244.

7. Кузьминов П.А. Причины и подготовка преобразований у народов Северного Кавказа в 50-70-е годы XIX века. // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 5(44); Урушадзе А.Т. История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков // Восток (Oriens). 2012. № 6. – С. 140.

8. Казначеев А. В. Развитие северокавказских окраин России (1864-1904 гг.): автореферат дис., ...доктора исторических наук. 07.00.02./ Пятигорск, 2005.

9. Гранкин Ю.Ю. Реализация экономической стратегии развития Северного Кавказа в период Второго Кавказского наместничества: автореферат дис., ...доктора исторических наук. 07.00.02 / Пятигорск, 2011.

10. Сайдумов Д.Х. Правовая культура чеченцев: как способ классификации общества// Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря, 2016 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. – С. 354-368; Нанаева Б.Б., Бисултанова Л.Б. Адат как институт социально-правового регулирования чеченцев. // Известия Чеченского педагогического университета. 2010. №2(4).

11. Акаев В.Х. Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. – Ростов на/Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания». 2016.

12. Гапуров Ш.Г., Халадов Х.-А.С., Гадаев В.Ю. Значение реалий Кавказской войны как фактора обеспечения духовной безопасности молодежи// Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря 2015 г.) – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.И.). 2015.

13. Лысцева И.В. Русская православная церковь и ссыльные горцы Северного Кавказа в Центрально-Европейской части России в середине XIX – начале XX вв. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. – Калуга: Издательство КГУ им. К.Э.Циолковского, 2015; Концепция Государственной религиозной политики Российской Федерации. Проект кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ, ноябрь. 2003 г. URL: <http://religoved.narod.ru/religoved/016.htm> (дата обращения 11.07.2017).

## ОБ ОДНОЙ ВАЖНОЙ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

**Магомедов К.М.**

*Россия, г. Махачкала*

*Дагестанский государственный университет*

*magomedov49@mail.ru*

**Аннотация.** В докладе рассматриваются некоторые особенности логической архитектуры современного гуманитарного знания. Авторская цель: показать, что традиционная логика с ее законами непротиворечия и «исключенного третьего», а также, привычная для нас, гносеологическая метрика истинности не в полной мере раскрывают специфику гуманитарного знания.

**Ключевые слова:** гуманитарное знание, инклюзивность, гносеологическая метрика, формальная логика, истина

О специфике гуманитарного знания и познания написано немало, начиная с работ знаменитых представителей Баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Важный вклад в разработку этой проблематики внесли Г. Гадамер, М. Вебер, В. Дильтей, Г.Х. Бригт, М. Бубер, П. Рикер. Дискуссия на эту тему, инициированная ими, проходит через весь XX в. продолжается и настоящее время. Немало хороших исследований в этом направлении есть и у российских исследователей М.М. Бахтина, Л.А. Микешиной, В.С. Библера, В.П. Кохановского и других.

Аспектов спецификации гуманитарного знания огромное множество. Это и его ценностное измерение, и диалогическая и полилогическая форма дискурса, и отсутствие строгой субъектно-объектной дифференциации и т.д. В данном выступлении мы возьмем только один момент – особенности действия механизмов истинности в гуманитарном знании, отличающих его от естественнонаучного знания.

Прежде всего, необходимо заметить, что в гуманитарном дискурсе основное измерение знания, названное в философии и методологии науки гносеологическим, представлено весьма слабо, если оно вообще присутствует в нем. Известно хорошо, что гносеологическая метрика знания, и соответствующие ей средства определения меры истинности знания, эффек-

тивно применимы не ко всем, а лишь к естественнонаучным областям, где действует знаменитая аристотелевская или классическая логика. Архитектура такого знания строится на так называемой корреспондентской или классической концепции истинности, согласно которой мерой истинности знания объявляется степень его соответствия действительности. Все, что соответствует действительности, объявляется истиной, а что нет – ложью. Согласитесь, исследователей подобная максима определения истинности знания перестает действовать во многих отраслях знания. И это было замечено давно, начиная со знаменитого «парадокса лжеца», выдвинутого античными мыслителями знаменитой Мегарской школы. А народная мудрость отметила: сказка - ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

Связь между знанием о действительности и самой действительностью является далеко неоднозначной, она непрерывно усложняется по мере усиления символических составляющих, особенно в социально-гуманитарном дискурсе. Вспомним известную фразу классиком марксизма: ложное в формально-экономическом плане, может быть истиной в конкретно- историческом аспекте [1, с.119-120]. Некоторые исследователи говорят даже о наличии символической концепции истины, имеющей различные формы [2;3].

В связи с этим следует заметить, что гносеологическая метрика измерения знания вовсе не была исторически первичной в исследовании феноменологии знания. Она, пожалуй, формируется вместе с субъектно-объектной дифференциацией, связанной с разделением умственного и физического труда. На отсутствие в древности гносеологического измерения знания указывает даже знаменитый ответ Иисуса апостолу Фоме во время Тайной вечери: «Я есть истина...». О соответствии знания и действительности здесь речи и нет помине, оценка знания имеет исключительно личностное, а не гносеологическое, измерение. Это, во-первых.

Во-вторых, необходимо отметить, что образовательная установка в преподавании логики и информатики, согласно которой известные четыре закона мышления, особенно законы непротиворечия и «исключенного третьего», представляются универсальными, характерными для любого мыслительного процесса, не совсем полно отражает многоплановую суть мышления и не может в полной мере распространяться на гуманитарные процессы.

Мало того, такое представление игнорирует специфику гуманитарных процессов, а рассмотрение их по метрике естественнонаучных процессов, а именно по формуле «А или не-А, третьего не дано» весьма далеко от действительности. Это связано и с отсутствием в гуманитарном знании жесткого разделения на субъектно-объектные диспозиции, и с диалогической и полилогической его структурой, и с достаточно сложной ризоматической архитектурой такого знания, и многими другими причинами. Ведь «ризома» - суть не только образная форма *знаниеустройства*, навеянная постмодернизмом, но и глубинная черта самой архитектуры гуманитарного знания.

Данные суждения представляют не только чисто теоретический интерес, связанный с определением специфики гуманитарного знания. Они имеют огромное методологическое общекультурное значение, особенно для

методологии анализа этнических, конфессиональных процессов, крайне актуальных для Северного Кавказа. Представьте себе, к каким последствиям, усложняющим этноконфессиональные процессы, могут привести установка их оценки исключительно в категориях их истинности и ложности. Согласитесь, пока речь будет идти в межконфессиональном и внутриконфессиональном диалоге по метрике формально-логического мышления, об истинности одной и неистинности другой, согласно закону «исключенного третьего» конструктивных отношений нам не видать. Мыслить в соответствии с такой матрицей мышления – это значит становиться на позиции сциентизма и физикализма и игнорировать специфику гуманитарных процессов [4].

Мы много в последнее время говорим об экстремизме в сознании и поведении людей, пытаемся найти глубинные истоки экстремистских отклонений. Причин множество экономического, политического, психологического и идеологического порядка. Нам представляется, что главная мировоззренческая причина подобных явлений заложены в деформациях нашего мышления, в том числе по классической матрице мышления: это истинно, а это – ложно; это правильно, а это – нет. В итоге одна идеологема или культурная матрица, одна конфессия или национальная парадигма, одна философия или нравственный императив объявляется истинным, а другие – ложными и даже реакционными. За примерами далеко не надо ходить; надо вспомнить наше марксистское прошлое.

В свете сказанного представляет важный методологический интерес инклюзивная теория истинности, выдвинутая Директором Института философии РАН академиком А.В. Смирновым, согласно которой не может считаться истинной та религия, которая не признает истинность другой религии [5]. Мы уверены, что эта формула исключивности имеет более широкую метрику применения, и должна использоваться в оценке любого мировоззрения и всякой гуманитарной и социальной парадигмы. Поэтому, сказанное академиком в отношении религии, мы хотим расширить до общетеоретического, логического и методологического конструкта, выражающего специфику истинностных оценок в гуманитарных процессах вообще. Эта формула должна иметь следующее звучание: не может считаться истинной социально-гуманитарный конструкт, который не признает ценность и право на существование другой концепции.

Продолжая эту линию инклюзивности, мы можем отметить, что в поле социально-гуманитарного знания формируется иная, отличная от естествознания, негносеологическая метрика оценки истинности, своего рода концепция *всеистинности*, где сравнительный вектор анализа идет не по вертикальной траектории истинности или неистинности, а в горизонтальной плоскости, в которой явления многополярного мира оцениваются с позиции гражданского, ценностного и мировоззренческого равноправия и сосуществования.

Это, если хотите, своего рода методологическое продолжение концепции всеединства Владимира Соловьева, у которого одним из проявлений такого всеединства является единства всех возможных форм знания, можно сказать, единство всех метрик истинности и оценки знания.

Сказанное, конечно же, не означает признания истинными и ценными всех без исключения мировоззренческих, религиозных, культурологических, философских и иных концептов. Есть и такие, которые не вписываются в матрицу общечеловеческого развития, опасные для физического и социального здоровья и самочувствия людей, не укладывающиеся в современное правовое и нравственное поле, имеющие деструктивные и экстремистские составляющие. Они, естественно, категорически не должны оцениваться в категориях истинности и полезности. Поэтому им и в теории и на практике, должна быть объявлена беспощадная война по всем направлениям.

Таким образом, речь идет о необходимости утверждения нового логического направления – *инклюзивной логики*, больше отвечающей духу гуманитарного знания в условиях постмодернизма и мультикультурализма.

Сказанное вовсе также не означает, что в современном гуманитарном мышлении перестают действовать законы и принципы традиционной формальной логики. Они продолжают существовать в качестве непреходящей основы нашего мышления. Хотя бы потому, что мышление истинно, если и только если оно непротиворечиво.

Возражения вызывают лишь попытки абсолютизации аристотелевской логики, ее переноса на все мышление, а также некритического перенесения естественнонаучной методологии на гуманитарные процессы.

#### **Список литературы:**

1. Ленин В.И. Две утопии. – ПСС, т.22, с.119-120.
2. Билалов М.И. Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // Исламоведение, 2016, №1. – С.59-66.
3. Магомедов К.М. Логическая концепция истины и ее пределы // Поиск истины в пространстве современной культуры. Сборник научных статей. Вып.2. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического университета, 2016. – С.13-18.
4. Об этом мы говорили в статье: Магомедов К.М. Философская онтология в тисках физикализма и редуционизма // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2016. Том. 31. Вып. 1. С.76-83.
5. Смирнов А.В. Классический ислам и современный Дагестан: как можно сегодня прочитывать исламское наследие // Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва-Махачкала, апрель 2015 г. – М.-Махачкала: Дельта-Пресс, 2015, с.50.

## ВЕРСИЯ О ПОВСТАНЧЕСТВЕ ЧЕЧЕНЦЕВ В 1940 гг. В КОНТЕКСТЕ ИХ БЕЗОПАСНОСТИ

**Манкиев А.А.**

*Россия, г. Грозный*

*Комплексный научно-исследовательский институт*

*им.Х.И.Ибрагимова РАН*

*E-mail: mankiev\_lab@mail.ru*

**Аннотация.** В статье показана несостоятельность указанной версии, по мнению грозненских историков, отмечена её чреватость угрозой для безопасности чеченского народа, подчеркнута важность для неё акцента в исследованиях историков на факторах, стимулирующих интеграционные процессы и приятные отношения между национальностями.

**Ключевые слова:** повстанческое движение, компромат, депортация, российскость, искажения, фабрикация, репрессия, реабилитация.

В публикациях некоторых историков о чеченцах одно из ключевых мест продолжает занимать утверждение об их «серии восстаний» или «повстанческом движении» в годы войны СССР против напавшей на нее фашистской Германии.

О вооруженном выступлении чеченцев в октябре 1942 г. в Шатоевском, Чаберлоевском, Итум-Калинском, Веденском и Галанчожском районах по словам генерала ФСБ А.Г. Михайлова, написал Б. Кобулов – заместитель наркома госбезопасности, комиссар госбезопасности 2-го ранга, в своей докладной записке на имя Л. Берии «О положении Чечено-Ингушской АССР» (9 ноября 1943 г.) Записка, по мнению местных историков, явилась результатом сфабрикованного компромата на чеченский народ с целью оправдания его предрешенной депортации [1, с. 12-13]. Версия о «серии восстаний», судя по публикациям грозненских исследователей, появилась позже, благодаря стараниям местного НКВД и его шефа С. Албогачиева (ингуша) всячески порочил чеченский народ, понимая, что тем самым действует в унисон желанию Берии.

Ныне иные историки, как, например, автор [2], напрямую выводят депортацию чеченцев из их «восстаний», называют ее «кульминацией» «карательных акций» за восстания [2, с. 10]. Причем так поступают, как будто это непререкаемый и общепризнанный факт.

На самом деле это не так, и данный подход игнорирует другую точку зрения. Между тем она существует, диаметрально противоположна версии о «серии восстаний», **отрицает ее, как основанную на фальсифицированных материалах**, и представлена в работах многих грозненских исследователей [3]. Также она изложена в обобщающем коллективном труде «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (Т.II) [4] материалах научных конференций, публикациях в журналах и газетах.

Так, В.И. Филькин, бывший вначале 1940-х гг. секретарем по кадрам Чечено-Ингушского обкома КПСС, автор публикаций, в том числе моно-

графий по этой проблеме, а также доктор и кандидаты исторических наук Ибрагимов Мовсур М., Гакаев Х.А., Хатуев И.З. и категорически отрицают существование повстанческого движения в ЧИАССР в начале 1940-х гг. К такому заключению они приходят в результате анализа многочисленных и разнообразных источников нечекистского происхождения.

Подобный вывод содержится и в упомянутом коллективном обобщающем труде «История Чечни...».

В нем, основываясь на не вызывающих сомнения достоверных фактах, показано, что коварные замыслы Сталина и Берии в отношении чеченцев и ингушей стали проявляться уже в первые годы Великой Отечественной войны. Так, в начале марта 1942 года был прекращен призыв их в армию по воинской обязанности. Причины этого не были объяснены (в утку о сбережении этим малочисленного народа мало кто верил). Тогда же по личному указанию Берии была расформирована чечено-ингушская кавалерийская дивизия, уже получившая армейский номер и готовая к отправке на фронт. Причину этого также не стали объяснять. В том же году был введен запрет на присвоение звания Героя Советского Союза чеченцам и ингушам. Было ограничено и награждение их другими наградами [4, с. 546-547]. Такое отношение естественно создавало почву для беспокойства у этих народов, кривотолков и подозрительного отношения к ним в многонациональной республике, армии и стране.

Также в «Истории Чечни...» охарактеризована многоаспектная комплексная система порочения чеченского народа, созданная руководством республиканского НКВД по указанию Берии. К ее ключевым слагаемым относились изобретение многочисленных «восстаний», провокации и имитация выступлений бандэлементов, невероятное раздувание в донесениях и в отчетах их численности, сочинение материалов, порочащих чеченский народ, распространение мифов об охваченности Чечни антисоветскими настроениями и проявлениями и т.д.

Согласно «Истории Чечни...», как и вышеназванным ученым, **бандитского и повстанческого движения в ЧИАССР «не было ни в предвоенный период, ни в годы войны».** Военно-политическая обстановка в ней была в принципе такой же, что и в других республиках Кавказа. Чеченцы, как и некоторые другие народы Северного Кавказа, стали жертвой сталинско-бериевского замысла и соответствующих ему действий органов НКВД-НКГБ республики [4, с. 629-630].

Однако авторы, заиклившись на чеченском народе, предпочитают не замечать такую трактовку вопроса и, игнорируя её, продолжают публикации «о повстанческом движении» в Чечне в начале 1940 гг. – в годы, непосредственно предшествовавшие депортации чеченцев. Они не отличаются новизной используемых источников по данному вопросу – источников, которые в сущности своей не воспроизводили бы развенчанные отмеченными выше В.И.Филькиным, Х.А.Гакаевым, Мовсуром М.Ибрагимовым и И.Х.Хатуевым, М.Н.Музаевым и др., как искусственные, компроматы на чеченский народ кобуловско-албогачиевского производства начала 1940 гг. и основанные на них сочинения некоторых «московских» авторов более

позднего времени, также подвергнутых аргументированной критике теми же исследователями по той же самой причине.

Поэтому публикации «повстанческого характера однозначно примыкают к сочинениям тех, о которых в «Истории Чечни...» написано:

*«Впоследствии некоторые историки и журналисты будут пытаться убедить общественность страны в том, что вакханалия насилия над чеченским и ингушским населением, проводившаяся органами НКВД в ЧИАССР в годы войны в целях его частичного уничтожения, была «логической реакцией на враждебные действия против Советской власти со стороны бандитов». Этот надуманный миф требовался для того, чтобы возложить вину за то, что происходило в республике, вокруг нее в годы войны, на чеченский, ингушский и другие народы и оправдать их депортацию»* (курсив мой. – А.М.) [4, с. 626].

Это означает, что научность и достоверность изложенного в публикациях указанного характера такая же, что и составляющих их основу источников, фальсифицированность которых показана в исследованиях названных грозненских ученых.

Также это означает примыкание таких публикаций к сочинениям тех, кто не желает мириться с реабилитацией репрессированных народов и признать принятые по этому вопросу такие государственные документы, как: Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» (14 ноября 1989 г.), Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи» с этой Декларацией (7 марта 1991 г.); Постановление съезда народных депутатов РСФСР «О жертвах политических репрессий в РСФСР» (11 декабря 1990 г.); Закон РСФС «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.), Постановление Верховного Совета РСФСР о порядке введения в действие этого Закона (26 апреля 1991 г.) и др.

**Их базовыми положениями являются:** 1) признание репрессивных актов против депортированных народов «незаконными и преступными» и что «выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев» явилось «варварскими акциями сталинского режима»; 2) безоговорочное осуждение практики насильственного переселения целых народов «как тяжелейшего преступления, противоречащего основам международного права»; 3) полная реабилитация всех народов РСФСР, репрессированных в годы Советской власти, как восстановление исторической справедливости; 4) исключение впредь «попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне» [6, с. 202-213].

Представляется, что из изложенного правомерно следует принципиального значения вывод: единственно верной теоретико-методологической, научной, политической, нравственной основой и незыблемым ориентиром исследования, осмысления и правильного понимания проблемы депортации может быть только безоговорочное признание данной акции незаконной и преступной и безусловное осуждение ее как тяжелейшего преступления



против депортированных народов, в том числе, естественно, чеченского народа.

Именно такого подхода, по нашему убеждению, предполагает противопоставление реальности мифам и научности фантазиям.

Поэтому действия не только вразрез с этими реалиями, а то и открыто в пику им, что, на наш взгляд, наблюдается у адептов «повстанческой» концепции, по их сути трудно не оценить как ущербные для России, т.е. анти-российские, если признать российским то, что служит укреплению Российской Федерации, оздоровлению и позитивному развитию межнациональных отношений в ней.

Быть российским отнюдь не означает бесконечное огульное порочение того или иного народа, его истории и современности. Это в многонациональной Российской Федерации означает отказ от двойных стандартов в трактовке прошлого и настоящего российских народов, усиление внимания факторам их сплочения, формирования взаимного доверия и понимания общности их коренных интересов, неприемлемость их деления на хороших и плохих, своих и чужих для государства.

Для такого подхода и решения вопроса имеется богатый материал, и он пополняется выявлением новых фактов. По этому поводу, например, автор [9] пишет: «К уже известным сведениям о российско-чеченском содружестве добавим такой малоизвестный факт. За участие в Крымской войне на стороне России бронзовыми медалями были награждены более 800 чеченцев, среди которых были не только рядовые ополченцы, но и полковники, майоры, капитаны, штаб-ротмистры, поручики, корнеты и др.» [7, с. 220].

Обогащается новыми документами и история Чечни периода Великой Отечественной войны, свидетельствующими о хорошей перспективе и необходимости дальнейшего исследования героического участия чеченцев в отважной борьбе народов нашей страны против немецко-фашистских агрессоров.

Так, будучи секретарем Совета безопасности Российской Федерации, И.П.Рыбкин заявил, что среди чеченцев-фронтовиков было 146 Героев Советского Союза [8, с. 66].

Весьма красноречивым в этом отношении является выступление Президента России В.В. Путина 6 сентября 2004 г. в Ново-Огарёве на форуме «Россия на рубеже веков: надежды и реалии», в котором он сказал: «Много было несправедливости в советские времена. Много нарушений прав человека в самом прямом и трагическом смысле этого слова, в том числе и на Кавказе, в том числе и с чеченским народом. В 1941 году фронт уже ушел далеко на Восток, а Брестская крепость, которая находилась на западной границе Советского Союза, не имела никаких шансов выжить, победить. Защитники Брестской крепости сражались до последнего патрона и до последней капли крови. Это удивительный пример героизма. Но не многие знают, что примерно одна треть защитников этой крепости состояла из чеченцев (это при том, что доля чеченцев в населении СССР была в 30 раз меньше. – А.М.). И вообще, если считать на душу населения Чечни, Героев Советского Союза там, наверно, было больше всех» [9].

Подобную высокую оценку чеченскому следу в Великой Отечественной войне дал В.В. Путин и через 9 лет в Санкт-Петербурге на пресс-конференции по итогам Международного форума «Группы двадцати», на котором он заявил: «Чеченцы, во-первых, пострадали в результате репрессий. Но вайнахи вообще, и чеченцы, и ингуши, очень многое сделали для победы в Великой Отечественной войне. Вели себя исключительно мужественно, проявили себя, как храбрые воины и защитники Отечества. Это очевидный факт, этому есть многочисленные документальные подтверждения. Чеченцы – героический народ по менталитету. Так себя и вели в условиях, когда пришла беда в наш общий дом [10].

Представляется, что в оценке Президента Российской Федерации В.В. Путиным вклада чеченцев в Победу Советского Союза над фашистской Германией определено приоритетное и перспективное направление для приложения усилий исследователей истории Чечни и чеченцев периода Великой Отечественной войны. Оно предполагает нацеленность исследователей на выявление, введение в широкий научный оборот и всемерное распространение в обществе фактов и материалов отмеченного Президентом и экс-секретарем Совбеза РФ характера. Нет сомнения, что это явится существенным вкладом в дальнейшее развенчание непрекращающихся вымыслов, порочащих чеченский народ, выражением подлинной российскости в подходе к проблемам истории и межнациональных отношений, который предполагает, в частности, акцент на интеграционных процессах и всемерное содействие их развитию [7, с. 121].

По справедливому мнению автора [7] российскость в этих проблемах предполагает также и пересмотра тематики исследования с учетом важности и актуальности стимулирования процессов. В самом деле, возьмем тот же вопрос о депортации народов. Сколько можно спекулировать и паразитировать на нем под видом научного творчества, зачастую выдавая за него банальный меркантилизм и ревизию государственного решения по этому вопросу. Что для этого ещё надо, если этот вопрос десятками лет муссируется немалым числом историков, политиков, писателей, журналистов, газетчиков, если по этому вопросу принят целый ряд государственных документов, если по этому вопросу более 25 лет назад издан специальный Федеральный Закон, если по нему имеется публичная оценка Президента постсоветской Российской Федерации, однозначно заявившего, что в отношении некоторых народов, в том числе чеченского народа, была совершена несправедливость? Что в этом вопросе ищут зациклившиеся на нём историки, чем они обогащают историческую науку, знание о чеченском народе? С какой целью они так упорно и долго занимаются этой «научной проблемой» и каких результатов добиваются?

Несомненный результат искаженной трактовки этого вопроса состоит в порочении чеченского народа и в отвлечении чеченских историков от исследования ещё неизученных проблем истории своего народа, чреватость чего угрозой для его безопасности очевидна.

Однако зло искаженной трактовки событий прошлого этим не ограничивается. Знающий «политическую кухню» изнутри экс-председатель ВС

РСФСР Р.И.Хасбулатов, говоря об искажениях прошлого и настоящего чеченского народа, отмечает: «Конечно, можно было бы не обращать на них внимания, если бы ошибочные толкования имели всего лишь сугубо научно-академическое значение. Но беда в том, что такие упрощенные схемы часто служат основой для выработки политической линии, и на их основе принимаются решения типа: «вводить войска в Чечню или не вводить», «идти на мир или нет» и др. На этой базе разрабатываются искусственные схемы «решения чеченского кризиса» (типа «плана Немцова»), в которых существенным моментом объявляется «необходимым для Чечни иметь первого руководителя не чеченца, поскольку среди них нет ни одного человека, способного возглавить Республику». Это разве не оскорбление целого народа?» [11, с.284].

Все это требует от исследователей чистоты поставляемых ими знаний о народе, его истории и современности, безупречной научной и политической порядочности, повышенной ответственности за то, как их «слово отзовется», как оно отразится на людях, их душевном состоянии и безопасности. К сожалению, есть ещё «чеченоведы», для которых это весьма актуально.

#### Список литературы:

1. Михайлов А.Г. Чеченское колесо. Генерал ФСБ свидетельствует. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002.

2. Фурман Д. Самый трудный народ для России// Публикации Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. Выпуск 3. Чечня и Россия: общество и государство. Редактор-составитель Д.Е.Фурман. М., 1999.

3. *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973. *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. *Он же.* Славный путь борьбы и труда. Из истории комсомола Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1968. *Он же.* Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный, 1989. *Гакаев Х.А.* В годы суровых испытаний. Грозный, 1988. *Мовсур М.Ибрагимов, Хатуев И.З.* «Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны», Нальчик, 2007. *Они же.* Правда об участии народов Чеченской Республики в Великой Отечественной войне. Грозный, 2007. *Они же.* Подвиг во имя Родины (вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.), Грозный, 2015, *Нухажиев Н. С., Умхаев Х.С.* Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. (Приложение 55, 56, 57, 58). Грозный 2009.

4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. История Чечни XX и начала XXI веков. Том II. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.

5. Ибрагимов Мовсур, Хатуев Ислам. Правда об участии народов Чеченской Республики в Великой Отечественной войне. Грозный, 2007.

6. Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. (Приложение 55, 56, 57, 58). Грозный 2009.

7. Великая Н.Н. Российскость в изучении Северокавказской истории//Чеченцы в сообществе народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г.Грозный, 18-20 декабря 2008 г.) Том I. Назрань: Пилигрим, 2008.

8. Рыбкин И.П. К безопасности через согласие и доверие. М., Старая площадь. 1966 г., 11 ноября. Цит. по: Л.Автурханова. Чеченцы на полях второй мировой...//Вайнах. Грозный, 2009, № 5.

9. Новые известия. 2005. 23 февраля, Молодежная смена. 2011, 23 февраля.

10. Молодежная смена. 2013, 10 сентября.

11. Хасбулатов Р. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. М.: И.Д. «Греаль» 2003.

## **ПРАВСТВЕННОСТЬ, МОРАЛЬ И ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Махадов А.К., Гусейнова А.А.**

*Россия, Махачкала*

*Дагестанский государственный университет*

*E-mail: ahmed020895@mail.ru*

**Аннотация:** в статье рассматривается духовность, нравственность и ценности как решающие начала, которые могут повлиять на обстановку в современном мире. Также необходимо бороться с идейной агрессией, способного навязать ложные ценности, пропитанные невежеством и направленные на разжигание потребительских инстинктов. Нравственность и мораль необходимо и нужно понимать как абсолютную ценность.

**Ключевые слова:** личность, духовность, культура, нравственность, ценности, мораль, глобализация.

Современная ситуация характеризуется тем, что повсюду происходит процесс глобализации, становление мировой общественной системы, разрушение «старой», при этом отсутствует «новая» мораль - моральные ценности единого человечества. Структура ценностей общества необычайно сложна и элементы по-разному влияют на развитие общества- или идет консолидация социальных процессов, или они революционизируются. Человек огромным количеством нитей связан с окружающим его миром, он является частью этого мира и находится внутри него. На мой взгляд, чтобы стать личностью, человеку необходимо освоить все богатство социокультурного, исторического наследия человечества, из индивида стать индивидуальностью. Каждый из нас начинает осуществлять восхождение на высшие уровни бытия и каждый выбирает свою систему ценностей в отношениях с окружающим его миром. Меры постижения добра, истины, красоты

у каждого свои. На протяжении истории развития человеческой цивилизации и развития культуры создавались своеобразные аккумуляторы, хранители культурных достижений. Которые служили накоплению и передаче из поколения в поколение. Такими хранителями культуры и истории выступали религия, наука, искусство, мораль, то есть духовная сторона общества. По моему мнению, не будь этих хранителей, связь времен и поколений прервалась бы, каждое столетие искало бы свою истину, добро и красоту. Одним из важных компонентов духовной культуры нашего общества является нравственность. [1, с. 274].

Мораль или нравственность (от лат. *moralis*) – исторически сложившаяся первая форма общественного сознания. Она выступала еще с родового строя своеобразным регулятором человеческих отношений и характеризуется как совокупность исторически изменяющихся принципов и норм, регулирующих поведение людей во всех сферах человеческой жизни. Ее функции выступают в форме нравственных норм и нравственных оценок, поступков человека и действий социально-политических сил. У всех народов мира на протяжении всего исторического развития сложились нравственные нормы и традиции, которые передавались из поколения в поколение, и на мой взгляд, выполняли роль стабилизирующего и воспитательного факторов в постоянно изменяющемся мире. У народов Северного Кавказа, в частности у народов Дагестана функционировали и функционируют, например, такие прогрессивные нравственные традиции, как уважение к старшим, женщинам и детям, сознание высокой ответственности за свое поведение и действия, коллективизм, чувство справедливости, любовь к родному краю, трудолюбие, довольствоваться тем, что есть, умеренность в быту и т.д. [2, с. 320].

Нравственность- важный фактор в жизни нации, общества и человека. Добрые нравы необходимы для того, чтобы двигать общество по пути прогресса. Упадок нравственности влечет, к сожалению, упадок и исчезновение нации. В современную эпоху наука продвинулась далеко вперед, а нравы постепенно приходят в упадок. На мой взгляд, человек забывает о своей созидательной роли на земле и постепенно превращается в разрушителя среды обитания. Это и в конечном счете сказывается на состоянии здоровья человека, его душевного покоя и т.д. В современном мире деньги и власть стали основными стимулами в человеческих отношениях значительной части общества. Наряду с прогрессивными технологиями человек создает оружие, которое способно уничтожить все человечество и живое на земле. Именно в таких условиях противостоять усиливающемуся цивилизационному кризису можно только путем развития духовного мира человека. [1, с. 274-275].

Нужно подчеркнуть, что большую роль в разрушении нравственных традиций и норм, которые устояли тысячелетиями и выражали мудрость веков, играют некоторые средства массовой информации, в особенности телевидение. Анализируя эту роль телевидения, профессор Бостонского университета (США) Джон Р. Силвер пишет, что оно разрушает собранную по крупицам человечеством в суровой тысячелетней борьбе за существование

нравственную мудрость и навязывает присущую европейским странам и США антикультуру и аморализм. Я согласен с профессором, потому что я вижу сегодня ситуацию у себя в республике, которая становится все хуже и хуже. К огромному сожалению, сегодняшнее поколение деградирует с каждым днем. Сегодня значительная часть молодежи не приучена к традициям и нравам. Все больше молодежи подражает западным ценностям и нравам, считая, что это нормально. Так, складывающееся в стране положение, когда власть и деньги становятся показателем человеческого достоинства, культивирует и не может не культивировать эгоизм и индивидуализм, не оправдывать принцип - «все средства хороши», которые помогают делать деньги. Скоро настанут времена, как говорил Маркс, когда будет продаваться мораль, нравственность, честь и совесть, красота женщины, талант ученого и художника, проповеди священника.

В этих условиях, когда резко падает роль нравственного фактора в жизни общества, неизмеримо сложной и малоэффективной стала работа по нравственному воспитанию молодежи. И чтобы изменить состояние нравственного воспитания, невозможно, пока не изменится положение в обществе в целом. Это не значит, что мы должны ждать, наоборот, должны сделать все, что в наших силах. Таковы призвание и долг интеллигенции. И в связи с этим возникает вопрос, на каких духовно-нравственных принципах строить работу среди населения? По моему мнению, она должна дать какие-то положительные результаты только в том случае, если власти будут проводить более справедливую национальную и социальную политику, а вся работа будет базироваться на общечеловеческих и общедемократических принципах и нормах. Как уже отмечалось, у всех народов, в том числе у народов Дагестана, есть общие духовно-нравственные традиции, которые сложились в многовековой истории и совместной жизни, и борьбе, на основе которых строилась вся их жизнь.

Ценность - независимая от субъекта объективная реальность, которая служит основой для созидательной деятельности человека с точки зрения ее положительной значимости, полезности для человека и общества. Мир ценностей меняется и обусловлен историческим развитием, его характером. Ценности господствуют во всех сферах общественной жизни. Так, в мире существует целый ряд ценностей. Жизнь - это самый таинственный объект науки, еще не разгаданный ею. Но важнейшей ценностью является мораль. Мораль - совокупность исторически меняющихся принципов и норм, регулирующих поведение людей друг к другу, классам, обществу. Моральные ценности - нравственное значение, достоинство личности (группы, коллектива) и ее поступков или ценностные представления, относящиеся к области морального или нравственного сознания. В философии моральные ценности изучает аксиология. Поступки имеют определенную моральную ценность, значимость потому, что они оказывают воздействие на общественную жизнь, затрагивают интересы людей, способствуют укреплению или подрыву устоев общества. Ценностные принципы и нормы морали - это благо, добро, добродетель, зло, смерть, смысл жизни, справедливость, счастье, долг, идеал и т.д.

Справедливость - одна из категорий морального сознания, рассматривающая соответствие определенному пониманию сущности прав человека. Она дает более конкретную моральную оценку таким явлениям, как распределение блага и зла между людьми. Несоответствие между тем и другим расценивается моральным сознанием как несправедливость. Но понимание справедливости носит конкретно-исторический характер, зависит от условий жизни. В античном обществе раба не признавали за человека. Справедливость выражалась в требовании наказать за нарушение норм морали и закона, равенство людей в распределении благ. С возникновением классов понятие справедливости носит классовый характер. Что справедливо для одного класса, может быть несправедливым для другого класса. Теперь справедливость уже не равенство. Оно остается только в плане равенства перед Богом, формального равенства при капитализме. А равенство всех прав осуществимо только в социализме. Право- это система юридически закрепленных взглядов и норм, регулирующих поведение людей в обществе и оценка этих норм гражданами данного государства. В государстве классового общества существует одно право, но в нем, как правило, законодательно закрепляются интересы имущих классов. [2. с. 347-349].

#### **Список литературы:**

1. Ш.И. Гойтимиров. Основы истории религий. Махачкала: Эпоха, 2009, С.274-275.
2. М.А. Абдуллаев. Актуальные проблемы философской науки. Махачкала: Эпоха, 2004, С. 320-324, 347-349.

### **ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ОТРАЖЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

**Мачулина М.А.**

*Россия, г. Железноводск*

*Филиал Ставропольского государственного педагогического  
института в г. Железноводске*

*katrina5477@mail.ru*

**Аннотация.** Рассматриваются особенности связей религии и литературы, их взаимовлияния в темах, идеях, отражении традиционных ценностей. Указываются основные направления в использовании религиозных образов и идей в рамках русских литературных текстов.

**Ключевые слова:** религия, литература, художественное произведение, варианты присутствия религиозного содержания, образ, герой.

Религия - важная сторона жизни человека, которая, являясь формой культуры, оказывает непосредственное воздействие на его духовную жизнь. Религия веками вырабатывала нравственные критерии, на основе которых человеком понимается окружающий мир. Взаимосвязь литературы и рели-

гии предполагает, с одной стороны, их взаимовлияние и взаимодействие, с другой, религиозные мотивы, отраженные в текстах художественных произведений. В современном обществе религиозная и художественная литература существуют отдельно. И все же необходимо отметить, что достаточно часто на религиозную литературу возлагается эстетическая функция, художественная же литература выполняет нравственную и воспитательную функции [2]. Религия способствовала развитию письменности, книгопечатания, искусства, литературы. Религия и литература тесно связаны между собой, начиная с самых древних времен. Уже в фольклоре первобытные представления о мире и его устройстве отражались в мифах, в которых факты действительности и человеческий вымысел невозможно было разделить. Литература связана с религией сложными и многообразными связями, хотя истоки религии и литературы разные. Первая (религия) является способом миропонимания и определяет основные мировоззренческие основы, а также поведение верующих. Таким образом, на протяжении веков религия выполняла двойную функцию: с одной стороны, определяла мораль, была мотивом многих человеческих поступков; с другой стороны, показывала человеку духовные истины. Религия - это мировоззрение, поведение, действия, основанные на вере в существование Бога, в существование священного. Вторая (литература) - это сфера творчества, она с самого начала зависима от господствующего мировоззрения и доступными ей образами отражает реальный мир. Литература не может изменить религиозный канон, поэтому интерпретирует религиозные постулаты через художественные жанры и в соответствии с потребностями общества в восприятии Бога. Литература - искусство образное, искусство слова. Тем не менее, литературу и религию многое объединяет - это нравственный потенциал и пристальное внимание к важным проблемам человечества. Религия и литература способствуют духовному росту человека, его развитию, формированию творческих способностей. Литература и религия имеют единую историю. В религии и литературе присутствуют общие образы и сюжеты. Религия отражает свои основные положения в религиозных текстах, многие из которых легли в основу национальных литератур. Это «священные книги». Чаще всего эти книги - первые книги национальной литературы, служащие источником вдохновения художникам, музыкантам, поэтам, писателям. В течение многих веков литература и религия влияют друг на друга. Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод о том, чистой формы религии в литературе не существует, она чаще всего осложнена, завуалирована мифологическим компонентом [3, с. 52-53], в результате литературный текст является формой взаимодействия мифологического и религиозного начал. Процесс их отделения на Западе начался в эпоху Возрождения. В России этот процесс начал активно осуществляться в XVII в. Хотя многие произведения русской литературы этого периода еще подчиняются религиозным канонам: «Житие протопыта Аввакума», «Комедия притчи о Блудном Сыне», «Вертоград Многоцветный» Семиона Полоцкого и другие.

В некоторых странах Востока в XIX – XX вв. (как исламского, так и буддийского) литература продолжает развиваться на основе религиозных



канонов. В связи со светской организацией общества в современной России художественная литература развивается отдельно от религиозной традиции. Тем не менее, стоит отметить, что до сих пор религиозная литература выполняет, кроме других, эстетическую функцию, а художественная литература осуществляет некоторые функции религиозной, т.е. продолжает существовать тесная взаимосвязь между ними. В произведениях русской литературы встречаются три варианта присутствия религиозного содержания:

- произведения, основной темой которых является религия, в них сакральные персонажи и религиозные деятели являются героями;

- произведения с религиозным подтекстом, они особенно интересны читателю, пытающемуся определить для себя нравственные начала. Христианские смыслы в них заложены в подтекст. Иногда в этих произведениях можно столкнуться с излишне смелой интерпретацией религиозных мотивов;

- произведения, не выражающие религиозной позиции (иногда – это атеистическая позиция). Христианские мотивы возникают в них по ассоциации, религиозных вопросов они не затрагивают.

Взаимосвязь религии и литературы легко можно проследить в творчестве великих русских поэтов и писателей. А.С. Пушкин, начав свой творческий путь как безбожник, пришел к глубокой вере. Интересна в связи с этим точка зрения Г.П. Федотова, русского религиозного деятеля XX в.: «Капитанская дочка» - самое христианское произведение в мировой литературе [1]. Стоит отметить, что в повести отсутствуют отдельные религиозные темы. На наш взгляд, мнение Г.П. Федотова опирается на тот факт, что в основе сюжета повести лежат христианские ценности: жалость, сострадание, любовь к ближнему.

Христианские идеи стали основой творчества и Н.В. Гоголя, который воплощал в своих произведениях христианский моральный кодекс, как известно, он особо настаивал именно на такой интерпретации своих произведений. Общеизвестно, что замысел поэмы «Мертвые души» также опирался на христианские ценности. Н.В. Гоголь хотел, чтобы Чичиков прошел терниями духовного самосовершенствования: «ад» (первый том), «чистилище» (второй том), «рай» (том третий). «Мертвый» духовно герой должен был возродиться. Гоголь хотел, чтобы читатель, прочтя поэму, понял, что необходимо жить в соответствии с христианскими ценностями. Русские писатели достаточно часто обращались к евангельским сюжетам. Христианские истины присутствуют даже в произведениях писателей, которые считали себя атеистами. Например, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» важнейшую идейную нагрузку воплощает «христороподобная» фигура «особенного» человека Рахметова). В романе М. Горького «Мать» образ главной героини Ниловны ассоциируется с образом Богородицы, отдающей своего сына в жертву для спасения человечества. Важно упомянуть также о собственной версии Евангелия Л.Н. Толстого («Краткое изложение Евангелия»; «Учение Христа, изложенное для детей»); создании Третьего Завета Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Рассмотрим с этой позиции и повесть В. Быкова «Сотников». Герои - партизаны, главная тема - мученическая смерть одного и предательство другого. Рыбак сдался,

сломался и стал полицаем. Более того, чтобы получить жизнь, он играет главную роль в казни, выбивая табурет из-под ног Сотникова. Совершив предательство, он не знает, для чего жить дальше, к кому идти, с кем быть. Он надеялся, что найдет ответ на эти вопросы потом, когда спасется. Ему нет места нигде, он никому не нужен, а ведь хотел сохранить свою жизнь ради великой цели – спасти голодных партизан, но, преступив нравственный закон, оказался один. Можно трактовать образ Рыбака как образ Иуды, тем более, что в конце повести он пытается повеситься на ремне в туалете, но ремень оборвался, и Рыбак идет на зов полицейского, тоскуя о прежней жизни, все надежды утрачены: бежать бессмысленно, да и некуда, и незачем. Рыбаку противопоставлен Сотников, который совершая самопожертвование ради других, стойко переносит жестокие страдания. В. Быков, практически, интерпретировал историю о распятии Христа и наказании Иуды.

Как историю «праведника» нашего времени можно интерпретировать произведение А. Иванова «Географ глобус пропил». Главный герой – сложная личность. Персонажи романа относятся к нему совершенно по-разному: одни – презирают, другие – недоумевают, третьи – удивляются, четвертые – восхищаются. Само имя героя – Виктор Сергеевич Служкин – заставляет о многом задуматься. На первый взгляд, перед нами авантюрист, герой анекдотов, пьяница. Герой остроумен, умен, инфантилен. Служкин ничего не хочет менять в жизни, он безразличен к деньгам и положению в обществе. Чтобы как-то удовлетворить претензии жены, он устраивается работать учителем. К удивлению окружающих, он пользуется авторитетом у учеников, а еще вдруг выясняется, что он заботливый отец и преданный друг. Все дело в том, что он не хочет приспособливаться, жить ради денег. Он, хотя и врет по мелочам, бескомпромиссно честен, способен к самоотречению. Служкин постоянно попадает в смешные ситуации и выглядит глупцом, но читатель понимает, это случается из-за того, что он не желает поступиться собственными представлениями о правде и морали. Таким образом, в произведении А. Иванова успешным, уважаемым современным людям противопоставлен герой, способный смиряться, отказаться от своих желаний. Автору удалось создать образ положительного героя современности, который с полным основанием может быть причислен к типу положительного героя – «праведника».

Таким образом, взаимодействуя, литература и религия касаются духовной стороны жизни человека, рассматривают смысл и цели человеческого бытия. Это влияние определяется идейным содержанием литературы, важнейшим компонентом которого являются религиозные темы и мотивы. Постигая их роль и значение, их интерпретации в современных произведениях, мы приближаемся к пониманию культурологической специфики современного русского человека, что важно для оценки существующей социокультурной обстановки и выяснения возможных перспектив ее развития.

### **Список литературы:**

1. Библейские сюжеты в современной русской литературе. Круглый стол 21.08.2005. Ведущая: Елена Фанайлова. // [http:// www. svoboda. org/ content /article/127067.html](http://www.svoboda.org/content/article/127067.html).

2. Золотухина О.Ю. Особенности изучения проблемы «Христианство и русская литература» в современной российской филологии // <http://transformations.russian-literature.com/osobennosti-izuchenija-problemy-hristianstvo-i-russkaja-literatura-v-soveremennoj-ros-filologii>.

3. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. - М.: Высшая школа, 2004. -512 с.

## РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

**Медведев Д.С.**

*Россия, г. Уфа*

*Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы. E-mail: o.dmitriy82@mail.ru*

**Аннотация.** В данной статье проводится анализ причин дивиантного поведения людей в подростковом и юношеском возрасте. Рассматривается влияние бытия и религиозного фактора на формирование мировоззренческих принципов человека. Предлагаются методы, которые могут быть применены религиозными организациями для обеспечения духовной безопасности человека.

В настоящее время молодой человек, окончивая школу и получив определенный багаж знаний, как по школьной программе, так и из внешних источников информации, будь то интернет, телевидение или двор, попадает в затруднительное положение, а именно: для чего это все мне надо и как дальше жить? В лучшем случае он продолжает обучение в высшем учебном заведении и получив диплом, трудоустраивается менеджером в торговую компанию и с переменным успехом продает продукцию иностранных брендов. Согласно данным Росстата, 60% россиян сегодня работают не по специальности.

Почему все это происходит? В чем причина идентеферентности молодежи к своей судьбе? Почему здоровые парни и девушки прожигают свою жизнь, тратя ее на пустые занятия и развлечения?

Смерть. Сколько ужасных ассоциаций сразу всплывает в голове. Сколько тысячелетий это слово приводит в ужас человечество. Сколько тысяч раз человек искал ответ на вопрос: «Что же будет после смерти?». Сколько попыток изобрести эликсир бессмертия заканчивались крахом?

Извечные вопросы смысла жизни, свой участи после смерти, поиска истины, если не находят ответа, приводят к деструктивным последствиям.

Кто-то пытается заглушить эти навязчивые мысли. «Благо» современный век предоставляет массу возможностей: алкоголь, наркотики, развлечения, культивирование материальных ценностей и их доминирование в мировосприятии человека. Во что превращает личность, подобный путь? Если человек не спивается, то превращается в типичного потребителя това-

ров и услуг. Вся жизнь оборачивается гонкой за материальными благами, т.к. радость приобретения очередной вещи, не бывает продолжительна, и требуются все новые и совершенные модели.

Некоторые попадают под влияние радикальных течений, и их искреннее желание найти ответы на главные вопросы жизни генерирует в них религиозный фанатизм. Под воздействием этого явления у индивида происходит сужение сознания, подавление и вытеснение многих существенных человеческих черт, всей сложности эмоциональной и интеллектуальной жизни человека.

Замечательное сравнение фанатика с ревнивцем приводит в свое работе, Бердяев Николай Александрович [1]. Он говорит о нетерпимости как о состоянии психоза, в котором происходит сужение сознания на определенной точке, но та идея, где фиксируется сознание, не является реальностью. И как всякий ревнивец, фанатик всюду видит измену и предательство. Он сознает себя окруженным врагами. Видение мира становится полярным, окрашивается в черно-белые тона, все делится на «свой-чужой». И постепенно из состояния охранения от посягательства на свою идею, фанатик сам становится гонителем. Он начинает преследовать несогласных, силою насаждать свое мировоззрение. Защищать свою истину с оружием в руках.

Истина, если она действительно является таковой, не нуждается в нашей тщедушной защите. Бог поругаем не бывает (Гал. 6:7). А вот если это наша иллюзия, то да, без репрессивного аппарата не обойтись. По моему мнению, истина более абстрактное понятие, чем мы это себе представляем. Ее невозможно облечь в словесную форму. Она должна являть себя жизнью. Подтверждение этому я нахожу в словах того же Бердяева Н.А. о том, что: «Истина не падает сверху на человека, как какая-то вещь. И откровения истины нельзя понимать наивно - реалистически. Истина есть также путь и жизнь, духовная жизнь человека. Духовная же жизнь есть свобода и ее нет вне свободы» [1]

И здесь задача представителей традиционных религий дать адекватный ответ подрастающему поколению. Показать на собственном примере, что религия не просто набор догматов и предписаний, а именно образ жизни, дающий целостную картину мироздания, включающую в себя, как жизнь настоящую, так и загробную.

В религиозном воспитании нужно отдать приоритет ортопраксии (праводелание) перед ортодоксией (правоверие). И действительно опыт показывает, что знание канонов и догматов не всегда сопровождается доброй жизнью. Эти же слова находят подтверждение у апостола Иакова: «Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела»: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак. 2, 14–26). Таким образом религиозное воспитание на начальном этапе должно формировать прежде всего добропорядочного человека, уважающего общечеловеческие ценности, а уже потом догматически грамотного. Но здесь возникает проблема того, что в некоторых радикальных религиозных течениях, общечеловеческие ценности вступают в конфликт с догматическим учением и разрешить эту про-

блему каким-либо алгоритмом невозможно. И здесь можно обратиться к апостолу Павлу, который говорит, что у совершенных чувства навыком приучены к различению добра и зла (Ср.Евр: 5,14).

Какие же могут быть конкретные действия?

Ну, во-первых, любая из традиционных религий неразрывно связана со здоровым образом жизни. Приучает человека к умеренному потреблению земных благ. Перенаправляет устремление личности от удовлетворения своего «эго», к помощи окружающим. Золотое правило «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12) проходит красной линией через вероучение любой традиционной религии.

Имея правильное мировоззрение и восприятие окружающего мира, человек имеет иммунитет от тоталитарных сект и экстремистских течений.

Ну и самое главное человек приобретает цель своего существования, осознает бесконечность своего бытия, и не столько умозаключением или вследствие набора определенных знаний, а внутренним подтверждением своего бессмертия. **«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Жало же смерти - грех»** (1Кор. 15: 55-56). И действительно совершая грех, а грех обозначен в каждой традиционной религии, человек наносит вред, прежде всего самому себе: своему здоровью, своей жизни, своей душе. Невозможно обрести счастье человеку, обремененному тяжкими грехами такими как: убийства, аборты, кражи и т.д. Совесть, а иногда ее называют «голос Бога» не дает покоя такому человеку, несмотря на все его кажущееся благополучие. Нарушая гармонию мира, ставя себя вне духовных законов, человек как бы исключает себя из бытия, обрекая себя на духовную смерть, которая намного страшнее смерти телесной. И только религия может оградить, а в случае падения исцелить от греха.

И вот задача представителей традиционных религий, преподавать сокровища своей веры, приложить все возможные усилия для формирования правильных ориентиров в сознании подрастающего поколения. Дать понимание того, что все поступки, слова и мысли имеют отражение в бесконечном бытии мира. И сам человек – не случайное и временное недоразумение, а творение, предназначенное для вечности. И «невозможно воспитать здорового и гармонично развитого ребенка без опоры на традиционную этику» [2, с.58].

Человек сам должен развивать в себе способность к добру. Религиозные наставники помочь научиться выбирать добро не в следствии понуждения, страха, или поощрения, но ради самого добра. Стремится к тому, чтобы нравственность стала, естественным проявлением жизнедеятельности. *Совершенное искусство – жизнь, вышедшая из грубого животного состояния, снова стало природой* [3, с 522].

Каким же образом представители традиционных религий ведут работу с молодежью? С какими трудностями приходится сталкиваться на этой ниве? Каким образом традиционные религии могут объединить усилия в этой борьбе за души и жизни подрастающего поколения?

Практически при каждом здании культового назначения ведут работу воскресные школы, где с дошкольного возраста и до самого совершенноле-

тия дети прихожан имеют возможность изучать Священное Писание, основы веры и богослужения, участвовать в самом богослужении. При воскресных школах функционируют кружки рукоделия и творчества, а также военно-патриотические клубы, где у ребят есть возможность подготовиться к армии, получив необходимые навыки для прохождения службы в элитных воинских частях.

Для студентов предусмотрены молодежные организации, которые занимаются более углубленным изучением Священного Писания, миссионерской и социальной работой, изучением богослужебного языка для лучшего понимания богослужения.

Одной из проблем воскресных школ и молодежных организаций является прекращения посещений не только занятий, а в некоторых случаях самого участия в богослужении, активной молодежи. Причем родители таких учеников являются активными прихожанами. В чем причина? Их может быть несколько. Одна из них кроется в самой семье, когда дела веры ограничивают лишь посещением храма. Один образ поведения для храма полный смирения и добродетели, другой для остальной жизни, наполненный эгоизма. Забывая о том, что, вся жизнь верующего – богослужение, не в смысле совершения каких-либо служб, а в исполнении заповедей. А дети и подростки как никто другой чувствительны к лицемерию. Вторая причина кроется в самом преподавании предмета в форме лекций. Вера – это не только набор определенных знаний, но и жизнь по вере: "Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих" (Иак. 2:18). Безусловно, теория необходима, но она должна разбавляться практикой, делами милосердия, совместным активным отдыхом, спортивными мероприятиями. Ведь подрастающему поколению необходима физическая нагрузка, а за партами они и так сидят по шесть дней в неделю. Сравните восприятие ребенком истории сотворения мира за партой или на берегу реки, возле костра. Или рассказанная притча о том, кто есть ближний, во время посещения детского дома. Поэтому желательно развитие при религиозных общинах молодежных и детских организаций, имеющих направление как на изучение Священных текстов, так и на изучение истории России, своего края, получение прикладных навыков: ориентирования в лесу, скалолазания, участие в социальных и благотворительных проектах. И тогда эти молодежные группы будут той платформой, на которой, не смешивая догматические и вероучительные истины, возможен диалог и сотрудничество между традиционными конфессиями.

#### **Список литературы:**

1. Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине. "Человек", №9, 1997.
2. Татьяна Шишова «Чтобы ребенок не был трудным» Клин 2008
3. Кант, И. Сочинения. В 6 т. Т. 6. / Иммануил Кант ; под ред. Ф. В. Амуса, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1966. – 743 с

## КРИЗИС РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

**Миронов Д.А.**

*Россия, г. Санкт-Петербург*

*Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова*

*E-mail: miro-d@mail.ru*

**Аннотация.** В статье дается краткий анализ кризиса общественного сознания в России, который обнаруживается в XIX-XX вв. Социально-политический и экономический кризис в России за последние 30 лет вскрыл структуру и механизмы кризисного сознания, которые рассматриваются в историческом и сравнительном контексте с дискурсом Запада.

**Ключевые слова:** социология, обществоведение, антропология, феноменология, идеология, сознание.

За последние 30 лет в российском общественном сознании произошли существенные перемены, происходящие на фоне глобальных исторических катаклизмов: распался СССР, сменился социально-экономический и политический строй в стране. Причиной распада СССР и вступление в полосу затяжного переходного периода, в котором мы пребываем и ныне, является глубочайший кризис сознания человека на постсоветском пространстве, который социологи иногда именуют кризисом идентификации. Постсоветскому человеку сегодня трудно понять: кто он такой? какова его мировоззренческая основа? в каком обществе он живет? куда это общество движется? Кризис общественного сознания проявил себя буквально во всех областях общества и свидетельствует об атомарном кризисе в каждом сознании конкретного россиянина. Кризис общественного сознания напрямую связан с кризисом индивидуального сознания, и начать оздоровление общества необходимо с осознания причин кризиса как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Но до того необходимо учесть и проанализировать внешние и исторические причины, которые выступают стартовым механизмом всех изменений. В случае модернизации России ситуация для анализа несколько упрощается в связи с тем, что Россия, на наш взгляд, является частью западной культуры как по форме, так и в значительной мере, по содержанию и находится в русле западноевропейского цивилизационного процесса, а потому мы основываем свой анализ, исходя из сравнительной характеристики России с Западом.

Распад Советского Союза в конце XX века стал новой вехой в новейшей истории России и значительным геополитическим событием в мире. Постсоветское общество оказалось на новом витке переходного периода с необходимостью самоопределиваться в понимании себя и перед выбором в дальнейшей стратегии развития. Предыдущая советская мировоззренческая основа оказалась не в состоянии дать адекватный ответ новым вызовам времени.

Западная цивилизация и культура оказали огромное влияние на ход исторических событий в России, и оно настолько значительно, что ещё и сегодня не до конца понято российским сознанием. Идя по стопам западной культуры, развиваясь в лоне греко-христианской традиции, Россия в значительной мере усвоила логос Запада. Запад в становлении той социально-экономической формации, которую он представляет на современном этапе, прошел несколько последовательных фаз модернизации, которых, к сожалению, не претерпела Россия. Во-многом, именно поэтому либеральные реформы и модернизация как социо-культурный феномен в России не могут получить своего адекватного осуществления в настоящее время.

Начиная с XV века по настоящее время на Западе произошли колоссальные культурно-исторические трансформации, которые в переломных моментах, перед очередным качественным скачком, носили преимущественно революционный характер. Как минимум четыре значимых для последующего развития Запада революции можно выделить. Первой революцией была религиозная – протестантская Реформация, сутью которой стало кардинальное изменение представлений о Боге, человеке и взаимодействии между людьми. Эти перемены, в свою очередь, позволили изменить отношение человека к окружающему миру и своей собственной природе, что отразилось в научно-технической революции. Появился совершенно новый способ познания – научный. Наука породила новый тип техники и технологий, которые заложили основу для современного типа промышленности и повлекли за собой индустриальную революцию и радикально изменила социальную структуру общества, быт и производство. Финальным аккордом пошаговой модернизации западного общества явилась череда политических (буржуазных) революций, целью которых было приведение к согласию сознания западного человека с новыми экономическими и культурными реалиями социального мира. Так средневековое сознание уступило место современному сознанию общества модерна.

Россия, начиная примерно с того же исторического периода, начинает выстраиваться в самостоятельное, независимое, самобытное имперское государство, чутко отзываясь на перемены, происходящие на Западе и заимствуя существенные его черты. Начиная с Петра I, Россию по целому ряду показателей можно смело назвать частью западной цивилизации и культуры. Необходимость постоянной модернизации – бич России на протяжении нескольких последних столетий. Модернизация, как правило, затрагивает все слои русского общества и всегда носит чрезвычайно болезненный характер, поскольку сопряжен с ломкой привычных устоев. При всей внешне-атрибутивной модернизации, которая перманентно шла на протяжении обозначенного периода истории, сознание россиянина оставалось на по-прежнему средневековом уровне. Не пройдя ни одну из указанных революций в сфере духовной культуры, или пройдя её лишь частично, Россия заимствовала достижения Запада и активно внедряла их в жизнь общества лишь внешним образом (по форме), не имея возможности освоить их внутренним, сознательным способом (по содержанию). Так, церковный раскол носил характер, подобный таковому в Реформации, однако не принес схо-



жих плодов: не была создана развернутая метафизика труда и жизни в социуме на секулярной основе, не произошло пересмотра православной доктрины, которая должна была бы адаптироваться к нуждам формирующегося общества на манер протестантизма с сохранением исторических корневых установок католицизм – русский Раскол носил революционный характер по форме, но ничего (кроме изгойства старообрядчества) не дал обществу по содержанию. Этнос науки проник к нам через тесное взаимодействие с Западом в лице выдающихся отечественных деятелей, однако институализация науки произошла лишь частично, она не получила должной свободы и независимости от власти настолько, чтобы стать действительным общественным институтом, который формирует общество знания и является двигателем развития социума в целом. Соответственно, индустриальный поворот произошёл в России чрезвычайно поздно и носил максимально заимствованный характер. До начала XX века об индустриализации в России едва ли можно говорить как о факторе, который существенно изменил направление её развития.

К началу XX века фактически аграрная страна по преимуществу оказалась перед новым вызовом политических революций, к которым она была совершенно не готова. Февральская революция 1917 года – яркая иллюстрация провала буржуазной революции в России [1]. Либеральные реформы были поняты не как особая форма жизни, но как искусственная процедура по идентификации человека и его включенности в систему социальных связей исключительно как сфера особенного, а не всеобщего. Советский период истории ничего существенно не изменил в структуре сознания россиянина, представляя не всегда гармоничный синтез традиционного и рационального знания. К общинному крестьянскому азиатскому способу производства добавилась программа марксизма, уходящая корнями в Просвещение, в результате получилась ещё более искусственная конструкция, где консервативный общинный коммунизм был механически совмещен с идеей научно-технического прогресса. Однако упускалось из вида, что сам антропологический проект Просвещения к тому времени уже претерпел негатию и крах, и был распознан Западом как тупик [2]. Вместо создания полноценного гражданского общества, появилась советская идеология, которая на некоторое время страхом и насилием скрепила разобщенное общество, и с падением которой общество вновь вернулось в исходное состояние распада. Воспроизведенный заново сценарий политической борьбы распадающегося общества в 1991-1993 годах только подтверждает печальный факт.

Смена парадигмы традиционного общества на общество модерна приводит к неизбежным последствиям в виде смены всех установок и ценностей в социально-экономической, культурной, политической областях. Кризис в нашем обществе за последние несколько десятилетий как раз и коснулся всех сфер общественного сознания. Он убедительно показал, что распад общественного сознания, утрата базовых ценностей, примитивизация общества сигнализируют о более глубоком мировоззренческом кризисе, чем принято думать. Если рассмотреть кризис в России за последние 30 лет, то можно увидеть его постадийный регресс: деградация началась с кризиса в политической

сфере, когда коммунистическая партия объявила необходимость Перестройки. За ней последовал глубочайший экономический кризис, приведший к стремительному обнищанию многомиллионной страны и хищнической несправедливой приватизации природных ресурсов и территорий. Следствием политико-экономического краха стало размывание и частичного исчезновения научного потенциала страны («утечка мозгов»). От полного падения и распада общественное сознание удержалось благодаря стихийному и, во многом, формальному процессу перехода из атеистической установки в религиозную. Достигнутый в советское время уровень секуляризации, свободы от религиозного и церковного, можно рассматривать как феномен своеобразного Просвещения в нашей стране, когда универсальность научного знания была возведена обществом на небывалую высоту и распространено в массы, однако, вместе с тем, было утрачено ценностное измерение, что привело не только к экологическим катастрофам, но, в конечном итоге, крушению общества. Надо сказать, что сегодняшняя тоска постсоветской интеллигенции по СССР во многом объясняется пониманием утраты возможности построения общества знания на секулярной основе. Именно в советский период истории рассудочный тип сознания, здравый смысл – возобладали в общественном сознании с ощутимой утратой разумного и ценностного измерения. Процесс модернизации и устройства современного общества прозападного типа (так или иначе относящегося к западному логосу) имеет свои закономерности, которые в случае анализа распада российского общества на рубеже XX-XXI веков, раскрываются в полной мере в обратном отсчете.

Очевидно, что история Россия не показывает нам узловых точек необходимых революционных процессов в обществе, которые смогли бы убедительно доказать, что определенные рубежи в процессе модернизации нами пройдены: ни одно социально значимое событие в истории не изменило установку сознания, не модернизировало интеллектуальный ресурс страны настолько, чтобы какая-то общественная норма установилась раз и навсегда и институционально была бы закреплена в общественном сознании. Социальные и революционные перевороты в России всегда чреваты забвением и ломкой традиционного уклада, на смену которого приходят бездарные, оторванные от реалий инновации, которые не меняя общественное сознание, механически внедряют чуждые реформы при полнейшем отсутствии преемственности норм и ценностей в историческом и социальном контекстах. Распад общественного российского сознания до атомарного индивидуализма, отсутствие полноценного гражданского общества, жестко скрепленного правом (в сравнении с Западом), оголил суть происходящих процессов. Отсутствие адекватного общественнознания и обществоведения с развернутым анализом и выводами исторических событий только усугубляет глубину кризиса, теряя шанс на создание единой идейной платформы.

Если попытаться описать феноменологический портрет современного российского сознания, то можно обнаружить противоречивую картину. На философско-мировоззренческом уровне оно представлено советской парадигмой с вкраплением тотального скептицизма и не выходит за рамки истмата. Если условиться, что атеизм из своего определения есть перевёрнутый теизм, т. е. в

любом случае базируется на феномене веры, то коммунистические идеалы вполне укладываются в христианскую парадигму по содержанию и отличаются лишь по форме; представляют собой внешнее социальное христианство с отрицательным ценностно-антропологическим знаком. Потеря антропологического измерения в мировоззрении есть ещё одно описание кризиса российского сознания, когда вместо образа человека провозглашался утопический образ коммунистического общества со сверхразвитой техникой и технологиями, где человек был только винтик в идеологическо-безликой социальной машине «мы». Сознание, которое не знает само себя, не может создать непротиворечивую антропологическую картину, а в российском случае, оно просто отбросило эту проблему как периферийное знание. В отсутствии человекознания не может появиться никакого обществознания, а потому вместо социологии русского общества, построенном на знании и ценностях, обнаруживается кризис, являющий себя в антропологической катастрофе.

Несостоятельность доктрин исторического и диалектического материализма сегодня очевидна для большинства современных философов, однако на уровне мифа он продолжает своё существование на обыденном уровне. Если сознание не опирается на достоверное и фактическое знание, то оно вынуждено идентифицироваться в мифе. А так как научная парадигма и обыденный здравый смысл сильно отличаются друг от друга и вынуждены входить в противоречия, то тотальный скептицизм и нигилизм обретают свое пристанище в форме мифа. Не случайно, мифомышление – отличительная черта российского сознания на всем протяжении истории. Более того, если добавить сюда влияние религии, то получится законченный образ общественной ситуации: лебедь (утопические социально-экономические проекты), рак (традиционная религия) и щука (не правовое кризисное общество) при общем незнании обществом самого себя.

Необходимо осознать кризис общественного российского сознания и прочитывать его на уровне индивидуального мировоззренческого кризиса постсоветского человека и сконцентрировать образовательные технологии в области просветительского проекта обществоведения и социологии российского общества. Современность в подлинном российском смысле слова сможет начаться только после основательной ревизии прежних идеологем, мифологем и философем для того, чтобы расчистить поле для будущего здания общественного сознания. Выход из кризиса общественного сознания, помимо многих других факторов, лежит в сфере проведения работы по самопознанию общества самого себя дабы преодолеть глубокий кризис сознания, его мировоззренческих установок и ценностей [3].

#### **Список литературы:**

1. Александр Солженицын. Размышления над Февральской революцией / Публицистика. - Екатеринбург. Изд-во «У-Фактория», 1999.
2. Адорно В., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. - Изд-во «Меди-ум, Ювента», 1997.
3. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение / курс лекций. - М.: Научный эксперт, 2011.

# САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

**Мордасов А.О.**

*Россия, г. Астрахань,  
Астраханский государственный университет,  
E-mail: alexeysu30@gmail.com*

**Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь государства и гражданского общества в формировании необходимых политико- институциональных составляющих духовной безопасности российского социума. Используя системно-функциональный и процессуально- динамический подходы к анализу ресурсного обеспечения участия государственных и гражданских структур в сохранении духовной безопасности, автор раскрывает содержание базовых элементов духовной безопасности, выявляет факторы риска, представляющие реальные угрозы для её дальнейшего существования.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, государство, самоорганизация гражданского общества, социальная консолидация, регион,

Гражданское общество является ключевым концептом анализа духовной безопасности современного российского социума на негосударственном уровне, поскольку его нормативным идеалом выступают свобода и право людей на самоорганизацию и саморегулирование общественных отношений на основе ценностей, традиций и норм, сложившихся в рамках сформированного ими социального пространства. Подобное понимание гражданского общества и процессов его самоорганизации как сферы солидарности и идентичности граждан вследствие принятия общих культурных кодов, моральных предпочтений и моделей поведения имеет историческую традицию, связанную, в первую очередь, с идеями Э. Дюркгейма, Э. Гидденса, Дж. Александера, П. Штомпки и др. [1,2,3,8]. Речь идет, во-первых, о том, что оценка гражданского общества на основе солидарности и доверия позволяет определить объединение, конфликт или согласие доминирует в содержании внутрисекторных взаимоотношений. Во-вторых, выявить зависимость качества социальной консолидации от выбранных форм обмена ресурсами при репрезентации интересов гражданского общества государственным структурам. В-третьих, рассмотреть основные параметры гражданской идентичности как ключевого фактора духовной безопасности по сохранению культурно-исторического и социального наследия в условиях модернизации и трансформации общественных отношений.

Феномен «духовная безопасность» относительно новый предмет самостоятельного изучения в российском научном дискурсе, однако, уже сложилось несколько подходов к пониманию его сущности и форм проявления [5]. Вместе с тем основной акцент при характеристике духовной сферы как системы с неопределенным и соответственно нелинейным функционирова-

нием, делается на создающих ей угрозах и рисках для базовых общечеловеческих ценностей; баланса индивидуальных, групповых и общественных интересов; а также функциональной согласованности действий властных и гражданских институтов. Соответственно наиболее важным для достижения духовной безопасности современного российского социума становится государственный уровень формирования и поддержки необходимых политико-институциональных составляющих для защиты интересов государства и общества, обеспечения устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу [7]. Однако, характеризуя духовную безопасность как отсутствие возможности появления изолированных индивидов или социальных групп, культивирующих насилие, отстаивающих антиценности; как состояние защищенности от индифферентности граждан, социального разобщения между ними, разрыва традиционных общественных связей, духовную безопасность следует рассматривать в качестве специфического вида деятельности негосударственного уровня, то есть гражданского общества.

Стабильность системы духовной безопасности на государственном и негосударственном уровнях определяется её способностью сохранять свои основные параметры, обусловленные многообразными социально-экономическими, политическими, культурными факторами, влияющими на заданную цель или ценность. Эти факторы проявляются по-разному в ситуациях, когда общественные отношения отличаются стабильностью и в периоды социальной напряженности. Кроме того, важно учитывать разнообразные ситуативные причины, условия, обстоятельства, которые одновременно могут выступать основой последующих позитивных или негативных изменений достигнутого качества взаимоотношений в духовной сфере. Поэтому при анализе ресурсного обеспечения участия государства и гражданского общества в сохранении духовной безопасности значимы два аспекта: системно-функциональный и процессуально-динамический. Их учет особенно необходим в условиях полиэтничности и поликонфессиональности российских регионов, поскольку идеология, религия и культура представляют собой базовые структурные элементы духовной безопасности социума [4]. Это позволяет, с одной стороны, определить особенности взаимовлияния прямых и косвенных факторов, обеспечивающих функционирование социума как целостной системы с развитым культурным потенциалом, являющимся основой воспроизводства общественно значимых ценностей, а также выявить факторы риска, представляющие реальные угрозы для её дальнейшего существования. С другой стороны, характеристика практик властных и гражданских структур по обеспечению духовной безопасности не только в статике, но и в динамике фиксирует длительность существования и значимость для общественной самоорганизации тех или иных механизмов исторической или национальной самоидентификации, востребованность процедур проявления культурной независимости, эффективность технологий социальной консолидации. В результате прослеживается временная последовательность утвердившихся норм, правил, установок индивидуальных и групповых взаимодействий в процессе общественной активности по продвижению духовно-нравственных мотиваций социального действия кон-

кретных групп населения. Подобный акцент на специфике этнонационального взаимодействия важен, например, при оценке потенциала миграционных потоков, объективно сказывающихся на духовной безопасности любой территории и актуализирующих в сознании традиционно проживающих этнонациональных групп угрозы и риски со стороны «приезжих». Трансформация мигрантофобии в этнофобию, политизация этническо-религиозных групповых идентичностей, как и распад национальной самоидентификации искажают сущностные характеристики самоорганизации гражданского общества и ограничивают использование имеющихся возможностей гражданских действий, направленных на защиту духовной безопасности и предупреждение деструктивных идеологем в индивидуальном, групповом или массовом общественном сознании. Успешность обеспечения духовной безопасности в таких условиях во многом зависит от характера отношений между правящей политической элитой и региональными структурами гражданского общества, от направленности его самоорганизации. Принципиальное значение имеет понимание того, в каких сферах жизнедеятельности местного сообщества чаще всего проявляется общественная активность, и какие формы общественной самоорганизации необходимо поддерживать власти.

Особенности институциональной среды и различия в эффективности участия гражданских формирований в обеспечении духовной безопасности российских регионов дают основание для вывода о том, что механизмы и технологии этого процесса не могут быть унифицированы и, соответственно, результативность их применения на той или иной территории, не гарантирует действенность в других условиях. Так практика взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества по достижению духовной безопасности в Астраханской области также имеет свою историю, традиции и специфику, что представляет интерес для понимания возможностей и социальных рисков данного процесса. Важно отметить, что Астраханская область является одной из наиболее стабильных, с точки зрения, социально-экономического развития территорий юга Российской Федерации. На протяжении последних лет регион демонстрирует устойчивые темпы роста по ряду важнейших показателей экономической и социальной сферы. Регион имеет многонациональный и поликонфессиональный состав населения (более 150 национальностей); отличается иммиграционной (въездной) активностью, прежде всего, из стран ближнего зарубежья и республик Северного Кавказа; наиболее высоким показателем индекса этнической мозаичности и наименьшим удельным весом этнической группы русских по сравнению с другими субъектами РФ. Органы власти при формировании политики по обеспечению духовной безопасности исходят из понимания необходимости одинакового и равного отношения ко всем этносам, что гарантирует укоренения в их сознании региональной идентичности. Эффективным и действенным совещательным органом, способным оказывать реальное влияние на межэтническую ситуацию в целом стал Этноконфессиональный совет представителей этнокультурных сообществ и конфессий при Губернаторе области. В состав совета входят руководители тради-

ционных религиозных конфессий и председатели национально-культурных обществ, зарегистрированных на территории области. На заседаниях совета обсуждаются вопросы этнической самоидентификации, миграционной политики, сохранения и развития русского языка, как языка межнационального общения и т.д. Консультативный совет также координирует работу самих областных этнокультурных сообществ. Формирование социального капитала региона посредством культурных механизмов, таких как религия, традиция, обычай позволяет укреплять горизонтальные связи в социуме, снижать «уязвимость» в системе отношений «свои - чужие», исследовать возможные формы самодетерминации различных социальных групп.

Для духовной безопасности территории принципиально значима также сложившаяся практика определения границ индивидуально-личностного самовыражения и общественной взаимоподдержки и солидарности. В этом смысле важна классификация социального капитала на межличностном (индивидуальном) уровне, предложенная Р. Патнэма. Он разделяет его на два типа. Первый характеризует отношения между членами достаточно однородных групп, являясь для них связующим (bonding). Этот вид капитала помогает человеку быть принятым в данном сообществе (getting by). Второй тип социального капитала характеризует разнородные связи, поэтому определяется как включающий [bridging (inclusive)], он наиболее важен для продвижения по социальной лестнице [getting ahead] [6]. Особенно это касается молодежи, жизненные ориентиры которой объективно находятся на стадии формирования и поиска духовных и нравственных ценностей, и одновременно происходят изменения в статусно-ролевом положении.

Интересно обратиться к результатам социологического опроса «Выявление основных тенденций в процессе формирования общероссийской цивилизационной идентичности в молодежной среде на территории Астраханской области», проведенного социологическим центром Астраханского государственного университета. Среди прочих задач опрос предполагал выявление возникновения и степени укоренения в сознании молодежи новых региональных искусственных идентичностей, а также определение возможных причин и локальных точек максимального напряжения в молодежной среде в межнациональных и межконфессиональных отношениях в регионе. Результаты опроса подтверждают осознание респондентами того, что на состояние взаимоотношений между людьми в полиэтничном и поликонфессиональном регионе оказывают влияние национальные стереотипы в восприятии представителей других этнических групп, неуважение к языку и обычаям других национальностей, конфликты на бытовой почве между представителями различных национальностей. Важно, что абсолютное большинство опрошенных, не смогли указать на наиболее распространенные формы межнациональных и межконфессиональных конфликтов, поскольку не имеют о них представления и не были их участниками или свидетелями. Более того, респонденты указали на отсутствие сведений о наличии «новых национальных общностей», «новых религиозных общностей», «искусственно воспроизводящихся этнических идентичностей».

Характеризуя формы защиты национальных, религиозных и личных интересов, что немало важно с точки зрения духовной безопасности регионального социума, значительная часть опрошенных выбрала цивилизованные и правомерные методы, включая диалог с органами власти по возникающим проблемам; обсуждение спорных вопросов со специалистами, представителями национально-культурных обществ, руководителями религиозных общин. Позитивные тенденции в системно-функциональном и процессуально-динамическом процессах формирования социокультурной сферы духовной безопасности в молодежной среде на территории Астраханской области подтверждают также перечисленные респондентами признаки их общероссийской идентичности. К ним относятся: общая историческая судьба; общность русского языка как основы межнационального общения; взаимоуважение культур; схожий образ жизни; общие социально-экономические проблемы; любовь к общей Родине (патриотизм), ответственность за общество и страну. Важно, что для респондентов значимы усилия органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных и религиозных деятелей и объединений, «масс медиа» по сохранению национального единства и патриотизма в регионе.

Действительно, механизмы стабилизации общественных отношений с учетом исторических и национальных традиций позволяют региональной элите формировать у граждан общий интерес и поддерживать социальную консолидацию. Однако нельзя отрицать наличие тенденций, негативно влияющих на устойчивость системы духовной безопасности: несправедливость в распределении собственности и доходов; социальная апатия; углубление социального неравенства, конформизм и т.д. Духовная составляющая современного российского гражданского общества также имеет серьезные ограничения в виде низкой активности большинства населения на фоне нарастания протестных настроений определенных слоев гражданского общества; отсутствия единых гражданских ценностей; невысокого уровня доверия к политическим институтам и т.д. Для перехода на новый уровень противодействия угрозам духовной безопасности потребуются, во-первых, дополнительные профессиональные компетенции как у представителей властных, так и гражданских структур, что само по себе предполагает разработку и реализацию соответствующих образовательных программ. Во-вторых, необходимо участие экспертных сообществ в определении стратегии и оптимальных технологий принятия решений по обеспечению защищенности духовной сферы современного российского общества, использованию разнообразных не силовых методов предупреждения кризисных ситуаций, конфликтов и противоречий в системе ценностных ориентаций различных социальных групп. В-третьих, важное значение имеет оценка эффективности реализуемой политики в области духовной безопасности российского социума, постоянный качественный мониторинг предлагаемых гражданских инициатив по обеспечению национальной, культурной или религиозной идентичности.

Таким образом, духовная безопасность является одной из составляющих национальной безопасности страны, от состояния которой напрямую



зависит успешное существование и перспектива развития таких институтов как семья, гражданское общество, государство.

### **Список литературы:**

1. Дж. Александр. Политика и гражданская сфера// социологические исследования. - 2009, № 10. С. 3-17;
2. Гидденс Энтони. Устроение общества. Очерк теории структуризации - М.: Издательство: «Академический проект» 2015;
3. Дюркгейм Э. Разделение общественного труда - М.: Канон, 1990;
4. Зети П.П. Проблемы формирования российской идентичности в контексте обеспечения информационной безопасности Южнороссийского макрорегиона (по результатам эмпирических исследований) // Человек. Сообщество. Управление. 2012. №1[Электронный ресурс] - Режим доступа URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-rossiyskoy-identichnosti-v-kontekste-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-yuzhnorossiyskogo> Загл. с экрана. Яз.рус
5. Коршунов А. В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // ИСОМ. 2013. №2. [Электронный ресурс] - Режим доступа URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-duhovnoy-bezopasnosti-rossiyskogo-obschestva-v-sovremennoy-nauchnoy-literature> Загл. с экрана. Яз.рус.
6. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996;
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [Электронный ресурс] - Режим доступа URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> Загл. с экрана. Яз.рус.
8. Штомпка П Социология социальных изменений /Пер, с англ, под ред. В.А.Ядова. - М.: Аспект Пресс, 1996

## **ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ**

**Морозов С.И., Порошина Т.В.**

*Россия, г. Волгоград*

*Волгоградский государственный университет*

*si.morozov@mail.ru*

**Аннотация.** Для достижения легитимности власти, для общественного признания и поддержки представителей власти населением требуются соответствующие ресурсы и технологии. Коммуникативные технологии легитимации власти четко ориентированы на целенаправленную организацию деятельности институтов СМИ, обеспечивающих информационную поддержку деятельности властных структур, «публичность» принимаемых

управленческих решений. «Технологизация» политико-коммуникативного взаимодействия административно-политических элит с населением способствует как снижению общественных противоречий и протестной активности граждан, так и повышению политической (электоральной) активности населения, достижению социальной стабильности.

**Ключевые слова:** легитимность, политические элиты, государство, власть, СМИ, политические ресурсы, коммуникативные технологии, Россия.

Вопросы, связанные с функционированием политической элиты, – одни из наиболее привлекающих внимание общества в условиях функционирования политической системы. Легитимность власти как показатель согласия граждан с реализуемой от их имени государственной политикой – так же одна из общеупотребимых тем современных политологических исследований и аналитических прогнозов.

Современные административно-политические элиты представляют собой важную, неотъемлемую часть иерархизированной структуры государственной власти. В современной России административно-политические элиты ориентированы на укрепление демократических принципов, а так же повышение легитимации за счет использования политических технологий и ресурсов, формирования общественного мнения.

Среди акторов политического процесса элиты занимают значимое место: представители элит занимают руководящие должности и оказывают значительное влияние при принятии решений. От деятельности административно-политических элит зависит дальнейшее эффективное функционирование всей политической власти. Однако деятельность политической элиты и все принятые решения становятся эффективны только в том случае, когда легитимны в оценках населения.[1, с.53-54].

Поддержка власти со стороны народа является главным ключевым, стимулирующим элементом. Благодаря своевременному применению технологий и ресурсов политической власти, повышается легитимность политических элит или поддерживается на достаточно высоком уровне. Использование разнообразных политических технологий и ресурсов способствует, прежде всего, сглаживанию массового сознания от адекватного восприятия реальности, а с другой – значительно повышает политическую активность населения, легитимируя деятельность одних политических сил и политических лидеров за счет утраты доверия к властно-управленческой деятельности конкурирующих сил. Использование технологий наиболее актуально в период избирательных кампаний. Оценка населением деятельности административной-политических элит является основополагающей при научно-теоретическом обосновании уровня доверия / не доверия к деятельности властных структур.

Способность политических элит по возможности реализовывать интересы различных социальных групп, а так же как можно сильнее убедить общество в своей справедливости, является одной из основных функций благодаря которой, обеспечивается стабильность политической системы, повышаются горизонтальный и вертикальный уровни ее легитимности.

Особенно эта значимость проявляется в условиях переходного развития общества, именно в этот период возрастает социальная напряженность, и резко увеличиваются предпосылки развития политических и социальных конфликтов. [2, 82-83].

При решении вопросов, наиболее приоритетных для развития общества, таких как: обеспечение политической и экономической стабильности; снижение уровня безработицы; развитие системы здравоохранения и образования и др., необходимо определить, прежде всего, суть проблемы, характер сложившихся взаимоотношений между обществом и правящими элитами, с целью дальнейшего выдвижения стратегий по устранению актуальных проблем. Характер функционирования административно-политических элит можно понять только через осмысление совокупности реформ, поправок, законопроектов, которые направлены на улучшение жизни своего населения.

Электоральный процесс в современном обществе, является важной и показательной процедурой, для эффективной реализации которого используются политические технологии. Которые, как правило, связаны с формированием и поддержанием статуса политического лидера. Например, для победы в избирательном процессе, повышения значимости, освещения в благоприятном свете.[3,20-21]. Показательным элементом, повышающим статус политических и правящих элит, является проведение реформ, которые направлены на решение наиболее актуальных вопросов населения. В данном случае СМИ выступают как своевременный ресурс донесения до населения нужной информации. Благодаря ведению дополнительных реформ или поправок, которые непосредственно будут отражать интересы народа, перед выборами значительно повысится количество сторонников избираемого кандидата от правящей власти.

Ресурсы и технологии легитимации значимы как для самого политического лидера, так и для событий, происходящих в регионе. Только на основе умения поддерживать в регионе легитимную власть, можно обеспечить стабильность в обществе, и благоприятные условия для безопасного развития. Технологии легитимации власти - одна из предпосылок достижения стабильного общества и спокойного развития государства. В современном мидийном политическом пространстве, легитимная поддержка действий политических лидеров обеспечивается, в том числе, и с использованием соответствующих технологий в электронных и печатных средствах массовой информации. [4, 109-115].

Дальнейшее развитие региона и изменения социально-политической и хозяйственно-экономической ситуации находится под влиянием различных негативных факторов, которые оказывают негативное влияние на общественные отношения. Использование ресурсов и применение технологий повышающих уровень легитимности элиты, и именно поэтому правящая власть и политические элиты более ответственно решают актуальные вопросы, при необходимости организуют необходимые реформы, создают социальные программы и проекты улучшения жизнедеятельности общества. Именно СМИ как один из важнейших институтов политической системы России влияют на формирование мировоззрения и восприятия обществом

информационной компоненты современной государственной политики, определяя тем самым уровень и темпы демократизации политического процесса в стране. [5, 45-48].

Административно-политические элиты, способны управлять жизнедеятельностью общества, решать важнейшие и наиболее актуальные задачи внутренней и внешней политики без применения инструментов легального принуждения, без опоры на силовые структуры (армию, полицию, органы безопасности и т.п.) – это не только тот политический идеал, к которому постоянно стремятся представители властных институтов, но и важнейшая политическая потребность общества. Поэтому, представляется совершенно естественным, что те или иные аспекты политической коммуникации общества и элиты, ее легитимации, становятся объектом научно-теоретических (прикладных) исследований.

### **Список литературы:**

1. Пшегусова Г.С. Коммуникация как многоуровневая структура: проблема типологии. М, Социально-гуманит. знание. 2002. - 99 с.

2. Скиперских А.В. Легитимация политической власти: становление и развитие концепта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2007. № 1. С. 82-83.

3. Титков А.С. Модели развития региональных политических элит // Трансформация региональных элит в сравнительной перспективе. Серия «Научные доклады», вып. № 76. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – С. 17-27.

4. Титов, В.Н. Политическая элита и проблемы политики / В.Н. Титов // Социологич. исследования. - 1998. - № 7. - С. 109 – 115.

5. Усова Ю.В. Региональные политические элиты современной России: характеристика и научный анализ. - LAP LAMBERT Academic Publishing , 2011. - 145 с.

## **ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СЕГМЕНТ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Мусханова И.В.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: vinter\_65@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается понятие психологическая устойчивость личности как сегмент духовной безопасности. Автор приходит к выводу, что психологическая устойчивость личности и этноса в целом, способствует принятию случившегося как данность, формирует мировоззрение, этические взгляды и влияет на психическое здоровье. Независимо от того, верующий человек или нет, в его сознании создается своеобразная модель мира, которая становится для него смыслом существования.

Каждый человек находится в поиске ответов на центральные вопросы, связанные с пониманием смысла жизни, смерти и продолжением жизни в ином мире. И именно психологическая устойчивость оказывая непосредственное влияние на здоровье личности, содействуя духовному росту, создает атмосферу стабильности, благополучия и духовной безопасности.

**Ключевые слова:** психологическая устойчивость, личность, духовная безопасность.

Современное общество в силу широкого доступа к информации и высокой технологичности приводит к детерминации существующей реальности. Именно информационное общество обуславливает изменения экзистенциальных характеристик бытия и общественных отношений, трансформируя ценностные ориентации личности и сигму безопасности. Изменения касаются не только духовной сферы личности, как представителя этноса, но и социальной структуры общества и самих общественных отношений. В данных условиях основой устойчивости духовности и нравственности, основой безопасности мира, неким ядром стабильности становится личность, обладающая интеллектом, нравственным сознанием, современными профессиональными знаниями, чувством долга, высоким уровнем самосознания, толерантностью, стремящуюся к гармонии с природой и социумом, способной переносить экстраординарные ситуации без ущерба для себя, уважающую общепринятые нормы поведения и законы, принимающая и понимающая многообразие культур и народов Мира.

«Духовность, духовное воспитание, в свою очередь, как отмечает М. Бетильмерзаева, предполагает не внесение в наши действия и поступки «чистых», «стерильных», нравственных помыслов. Духовность есть, в первую очередь, жизнь в соответствии со своим духом, и в этом смысле каждый человек духовен, ибо он движим силой, потенцией, энергией, волей быть. Когда мы говорим, что некто духовен, что мы тем самым хотим сказать? Что он образован, нравственен, религиозен и т.д. и т.п. Но образован – значит обладает какими-то знаниями, нравственен – обладает нравом, воспитанным в нем обществом и, соответственно, обусловленным его культурным состоянием, религиозен – соблюдает требования определенной религии» [1, с. 88]. Весь ход исторического развития общества констатирует факт актуальности проблем, связанных с духовностью, нравственностью и устойчивостью личности к условиям быстро меняющейся действительности. Кроме того, актуальность вопроса, связанного с духовной сферой общества, обусловлена объективными причинами: во-первых, духовная безопасность включает в себя моральные, политические, правовые, эстетические, философские и религиозные общественные отношения; во-вторых, духовная сфера удовлетворяет потребность человека в самоактуализации и самореализации, при доминировании истины, добра, справедливости, красоты.

В связи с вышеизложенным нами в данной статье предпринята попытка анализа психологической устойчивости личности как сегмента духовной безопасности.

Категория «устойчивость» в психолого-педагогической науке рассматривается в работах Л.И. Божович, П. Б. Зильберман, В. А. Марищук, Л. В. Митиной, В. Э. Чудновского, В. П. Крупник, Е. Н. Лебедевой. Авторы данных исследований сходятся во мнении, что именно психологическая устойчивость является базовой характеристикой личности.

В нашем понимании психологическая устойчивость личности характеризуется как способность переносить экстраординарность ситуации без какого-либо ущерба для себя и преодоление ее последствий с помощью способов, совершенствующих личность, повышающих уровень ее адаптации и социальную зрелость. В вопросах определения компонентов психологической устойчивости в научном дискурсе отсутствует однозначное мнение. На наш взгляд уместно говорить о совокупности когнитивного, эмоционально-волевого и мотивационного компонентов, составляющих суть психологической устойчивости личности. В зависимости от социокультурного контекста наполнение данных компонентов психологической устойчивости личности будет, естественно, разным.

Поведение человека в любой ситуации, степень зависимости от ситуации или свободы, поиск смысла жизни определяется ценностно-смысловой рефлексией. Формирование и развитие личности обуславливается мотивами, которые в зависимости от обстоятельств превращаются в установки личности.

Психологическая устойчивость связана с мотивационной сферой личности. Основными параметрами мотивационной сферы, определяющими суть психологической устойчивости личности, являются: связь человека с миром в пространстве и времени; степень проявления мотива; динамичность и многоаспектность мотивационной сферы. Таким образом, психологическая устойчивость личности – это категория, позволяющая говорить о сознании, о бытии человека.

Есть основание полагать, что вера человека может выступать как аспект психологической устойчивости личности, так как она является важной характеристикой психики человека. Для каждого человека вера – это часть самосознания, особое состояние, когда он на безусловном уровне без логической, доказательной базы принимает те или иные сведения, явления, события. Тем самым вера составляет стержень личности человека и формирует модель его отношения к миру. Именно вера позволяет человеку сохранить себя и выстоять в череде жизненных испытаний. Чем тернистее жизненный путь, тем более верующий человек укрепляется в вере.

В выборке интервьюируемых нами респондентов представлены люди различных возрастных категорий в разных жизненных ситуациях. На вопрос, о взаимосвязи психологической устойчивости с духовной безопасностью и, что им помогло перенести тяжелые испытания, смерть близких, долгую разлуку с родными, необоснованную жестокость и несправедливость, на первое место ставили веру. Из опрошенных нами 120 человек, 82 человека считают, что именно вера является определяющей психологической устойчивости, 12 человек не считают, что психологическая устойчивость связана с верой, а 26 испытуемых характеризуют психологическую

устойчивость как совокупность волевых качеств, не имеющих отношения к духовной безопасности.

Нами приведены выдержки примеров глубокого интервьюирования, проведенных в разные годы.

Так, моя бабушка (мать моего отца) Гехаева-Бехаева Халипат, 1900 г.р., безвинно оклеветанная и осужденная на десять лет лагерного заключения, вспоминала: «В первые дни после заключения в тюрьму я не находила себе места, выплакала все слезы. Дома у меня оставались четверо несовершеннолетних детей, рядом с ними не было ни одного родственника ни с отцовской, ни с материнской стороны. Мне казалось, что жизнь остановилась, мир померк, настолько я отчаялась. Я не могла ни есть, ни пить. И вот, спустя неделю, вечером, я как будто прозрела, что это я делаю, подумала я. На все воля Всевышнего, помолилась, попросила у Бога прощения за свое поведение и милости детям. Молитва принесла мне облегчение, в эту ночь, впервые за все время я заснула, и мне снились цветные сны».

А вот Бобаевой Лиде 1947 г.р., жительнице с. Мартан-чу, у которой 17 апреля 2000-ого года без вести пропала дочь Луиза 1972 г.р. ислам, вера, молитва, обращение ко Всевышнему стали опорой в тот тяжелый период жизни. Луиза, мать двоих детей, на седьмом месяце беременности третьим ребенком приехала в г. Грозный, район «Минутки» забрать кое-какие вещи для детей из квартиры. Попутчицы высадили ее у дома, видели, как она заходила в подъезд, дальше о ее судьбе ничего не известно. Ее мать Лида в беседе с нами говорила, что, если бы она знала о том, что дочь мертва, ей было бы намного легче. Именно ислам помогает Лиде жить дальше, потому что он содержит в себе абсолютные критерии духовности и отвечает на центральные вопросы, связанные с пониманием смысла жизни, смерти, посмертного существования души, свободы человеческой личности, с формированием высших ценностей.

И таких случаев, к сожалению, очень много в чеченском обществе, в связи с известными событиями, произошедшими в республике на стыке тысячелетий.

В работе [2] нами сделан вывод о том, что этническая система чеченцев в условиях депортации сумела сохранить этноидентифицирующие признаки: язык, культуру, благодаря объединению этноса вокруг религиозных и этнокультурных ценностей. Действительно, для чеченцев в этот непростой период их жизни, тринадцать лет, проведенные в чуждой геоэкологической, социальной и политической сфере, вечные идеалы системы исламских и этнокультурных ценностей придали устойчивость и способность сохранить целеустремленность и желание жить. Вера помогла чеченцам выйти за рамки физического существования, она была и есть «сверхценность», которая упорядочивает всю смысловую структуру сознания. Вера не просто придавала им силы жить, но и выступала в качестве ориентира для достижения цели и стремлений. Каждый из депортированных в Среднюю Азию и Казахстан чеченцев не терял надежду вернуться на родину. В самый драматичный период депортации, в первые дни, когда их выгоняли на рассвете в холодное февральское утро без предупреждения, сажали в вагоны для перевозки скота,

они говорили друг другу: «Са ма гатта де, Дела воцучу махка ца дуйгу вай» (в перев. - Не переживайте, ведь нас не везут в край, где нет Бога).

Таким образом, психологическая устойчивость личности и этноса в целом, способствует принятию случившегося как данность, формирует мировоззрение, этические взгляды и влияет на психическое здоровье. Независимо от того, верующий человек или нет, в его сознании создается своеобразная модель мира, которая становится для него смыслом существования. Каждый человек находится в поиске ответов на центральные вопросы, связанные с пониманием смысла жизни, смерти и продолжением жизни в ином мире. И именно психологическая устойчивость оказывая непосредственное влияние на здоровье личности, содействуя духовному росту, создает атмосферу стабильности, благополучия и духовной безопасности.

### **Список литературы:**

1. Бетильмерзаева М.М. Эволюция духовности как необходимое условие безопасности общества. – С. 84-92 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря 2016 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

2. Дадашев Р.Х., Мусханова И.В. Синергия этнической системы чеченцев в условиях депортации // Материалы I Международного конгресса: «Пространство этноса в современном мире» 29-31 октября 2014г., - Грозный, 2014. - С. 71-75.

3. Хажуев И.С. Психокоррекционная работа с лицами, пережившими травматический стресс на основе модели когнитивно-поведенческой психотерапии с учетом этнокультурных особенностей. Монография. АЛЕФ (ИП Овчинников). – Махачкала, 2014. -136 с.

## **ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И «МАНИЯ-СТРУКТУРА» СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

**Нагорнова А.Ю.**

*Россия, г. Тольятти*

*Тольяттинский государственный университет*

*E-mail: nagornova.ay@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы духовной безопасности в контексте социальных изменений современного общества с точки зрения концепции устойчивого развития. Раскрывается понятие «мании»-структуры и даётся несколько примеров формирования «мания»-структур развития современного общества.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, «мания»-структура, устойчивое развитие, социальные изменения.



Проблема духовной безопасности - это одна из главных проблем для индивида, семьи, общества и государства. Духовность является основой самореализации личности. Деятельность личности регулируется имеющимися у неё духовными установками.

Духовная безопасность представляет собой такую систему отношений между людьми, которая бы создавала благоприятный климат для созидательной духовной деятельности и полноценного здорового социально-нравственного развития. Духовная безопасность - это важнейшая часть национальной и культурной безопасности страны.

Трагические страницы различных народов и государств практически всегда проистекают из разрушения их духовных ценностей и установок. Например, если происходит насильственное внедрение в народное сознание чуждых ему ценностей и неприемлемых способов их достижения. Или существующие ценности претерпевают значительные изменения под влиянием властных структур, которые на словах пропагандируют одни нормы и установки, а на практике реализуют другие. Следовательно, обеспечение духовной безопасности - это приоритетная задача, поскольку она отражает моральное состояние общества и его способность ставить и решать социальные задачи.

Происходящие международные процессы интеграции также оказывают большое влияние на духовную составляющую современного общества, что также остро ставит вопрос о проблеме духовной безопасности в России, поскольку на её территорию часто мигрируют отдельные представители крайне радикальных международных террористических организаций.

Культурные заимствования из стран Европы, Азии, тотальная американизация населения также приводят к утрачиванию национальных ценностей и традиций. Недостаточно поддерживаются народные фольклорные коллективы, происходит утрачивание исторических объектов и т.д.

В.В. Аксючиц в своей статье «Национальный образ России» пишет о том, что «...русский народ во многом утерятил навык национальной спайки, выпал из лоно своей русскости в интеллектуальном, моральном, бытовом плане; подавлен чужеродной экономической волей; политически дезинтегрирован и отчужден от власти. Все это ведет к угасанию жизненной силы, вымиранию трудоспособного населения, алкоголизму и социальной деградации народа...» [1].

Таким образом, проблема духовной безопасности тесно взаимосвязана необходимостью социальных изменений в современном обществе, с готовностью российской власти и народа прилагать усилия, для решения собственных социальных проблем.

Социальная жизнь – это постоянно изменяющийся непрерывный процесс, в результате которого общество становится несколько иным, поскольку подвергается социальным изменениям. Социальные изменения ставят людей в новые ситуации и заставляют их вырабатывать новые формы деятельности. Данные изменения накладывают отпечаток на культуру и структуру общества, то есть оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности современного человека.

Ральф Дарендорф выдвинул постулат о тотальности социальных изменений: «Жить – значит меняться». Можно утверждать, что изменения, происходящие в современном российском обществе, подтверждают это высказывание.

Однако, сам процесс социальных изменений уже несёт в себе явное противоречие. С одной стороны, современность – это динамичный, прогрессивный, направленный в будущее и обещающий новые открытия и свободы процесс. С другой стороны, любой процесс изменений вскрывает новые проблемы, которые вызваны новизной и масштабностью перемен в обществе. Таким образом, социальный прогресс идёт рука об руку с социальной патологией. Например, достигнутая возможность обеспечить пищей и жильем большое количество нуждающихся людей повлекла за собой перенаселение, проблемы в сфере образования и загрязнение окружающей среды. Быстрое получение основных жизненных благ, особенно в условиях городов, привело к возникновению психологических внутриличностных проблем – чувства нереализованности, одиночества и т.д. Результатом становится рост числа самоубийств, преступлений, душевных расстройств. В результате формируется «мания»-структура развития современного общества.

В концепции устойчивого развития понятие «мании»-структуры находит широкое применение. Имеются разнообразные формулировки категории «устойчивость», которые используются в психологии, социологии, праве, экономике и т.д. самостоятельно или раздельно друг от друга. Поэтому различные учёные - психологи, социологи, юристы, экономисты - по-разному трактуют это понятие, его содержание (психологи и юристы - по отношению к индивиду, социологи – по отношению к обществу, экономисты - по отношению к макро - микроэкономике).

С социально-психологической точки зрения под устойчивым развитием понимается процесс изменений, в котором развитие, ориентация, поведение личности и её психологические изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал личности для удовлетворения её потребностей и устремлений [3].

Социальная составляющая устойчивого развития имеет ориентацию на индивида и нацелена на сохранение стабильного функционирования социальных и культурных систем, а также на уменьшение конфликтов. Чтобы достичь устойчивого развития современное общество должно сформировать максимально эффективную систему принятия решений, позволяющую выигрывать всем сторонам. При этом люди должны быть справедливы друг с другом [2].

Концепция устойчивого развития подразумевает, что человек - это не объект, а субъект развития. У человека существует множество вариантов выбора стратегий своего поведения, и согласно концепции устойчивого развития, опираясь на эти выборы, люди сами должны формировать своё будущее, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение [4].

Целью устойчивого развития является удовлетворение нужд настоящего поколения без ущерба для будущих поколений. Общество, которое раз-

вивается устойчиво, способно проявлять заботу о всех своих членах и эффективно решать возникающие проблемы.

Ещё один пример «мании»-структуры функционирования общества - это отчуждение современного рабочего от продукта собственного труда. В результате данного отчуждения рабочий не имеет влияния на сам процесс производства. Это приводит к обезличиванию его труда. В результате само понятие о человеке трудящемся сводится к понятию единицы труда. Имеющиеся кризисы перепроизводства приводят к выбрасыванию этих человеческих «единиц» на улицы. Так появляются нищие и безработные. Несмотря на стабильный экономический рост, в индустриальном мире от 15 до 20% населения постоянно находится за гранью официально установленных уровней бедности.

Бремя проблем современного индустриального мира оказывает неизбежное влияние на семью как единственную социальную ячейку, отношения в которой носят преимущественно личный и близкий характер. Во всех остальных сферах общества преобладают бюрократические или коммерческие взаимоотношения. На традиционную семью возлагается ответственность за восстановление сил и душевного равновесия ее членов после возвращения с работы – мира борьбы и конкуренции. Многие семьи не выдерживают такого давления. Отсюда – рост количества разводов и неполных семей, отчужденность супругов, плохие отношения с детьми–подростками и т.д.

Современное общество характеризуется также наличием ряда политических и культурных проблем. Имеет место ослабление гражданской позиции у большей части населения, низкая избирательная активность и политическая апатия. Доминирующее положение в воспитании «умов» заняли средства массовой информации, культивирующие конформизм и единообразие.

Известный французский мыслитель Алексис де Токвилль предупреждал, что индивиды в такой ситуации могут начать искать защиты у сильных личностей. Данный процесс хотя и не является неизбежным, но представляется весьма вероятным при сохранении сложившей социально-политической ситуации в нашей стране.

#### **Список литературы:**

1. Аксючиц В.В. Национальный образ России. Электронный ресурс. [http://www.zlev.ru/61\\_6.htm](http://www.zlev.ru/61_6.htm).
2. Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Устойчивое развитие. Учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 148 с.
3. Нагорнова А.Ю., Нагорнов Ю.С. «Мания»-структура и адаптивная модель созависимого поведения членов семей алкоголиков // Вестник Института социологии. 2014. № 2 (9). С. 101-111.
4. Основы устойчивого развития: Учеб. пособие / Под общ. ред. д.э.н., проф. Л.Г. Мельника. Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. 654 с.

# ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ РОССИИ В ИСТОРИЮ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ В ТЕОРИЮ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Некрасов С.Н.**

*Россия, г. Екатеринбург*

*Уральский государственный аграрный университет  
УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина*

*E-mail: Nekrasov-ural@yandex.ru*

**Аннотация.** Взлет информационного общества совпал с «выпадением России из истории» в 1990 гг. Однако сегодня в начале нового тысячелетия начинается постепенное и осторожное «возвращение России в историю». В области обществензнания и социальной философии этому процессу соответствует возвращение людей в теорию. Возвращение России в историю означает, что лидером этого процесса становится самая пострадавшая от распада материального производства цивилизация – русская цивилизация, которая в своем кризисном развитии переходит на рельсы постиндустриализма. Этому процессу соответствует возвращение людей и их нематериальной практики в социальную теорию как важнейших агентов социальной трансформации постиндустриального общества.

**Ключевые слова.** Выпадение России из истории, возвращение в историю, возвращение людей в теорию, доминирование материального производства, социально-философский анализ, материалистическое понимание общества.

Г. Гегель замечал, что история и люди повторяются дважды – один раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Выражение К. Маркса о том, что ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека следует понимать в том смысле, что высшая форма развития объясняет низшую фазу. Предстоит ли России повторить на новом этапе развития трагические страницы своего развития? Сегодня необходимо остановить второй круг нисходящего развития и деградации и перейти на второй круг восходящего развития коэволюции российского общества и конкурирующих мировых цивилизаций.

Взлет информационного общества совпал с кризисным - в результате поражения нашей страны в холодной войне - «выпадением России из истории» в 90 гг. Как и в прошлые периоды смуты, Россия в это тяжелое время «отступила от активного участия в истории, внутренняя связь государства ослабла, роль страны в международной жизни упала, экономические и социальные проблемы не позволили власти и народу сосредоточиться на глобальных исторических проектах. Крах советской идеологии и неудача внедрения западной буржуазно-демократической либеральной модели породили в российском обществе вакуум. Общество потеряло ориентацию, объединяющую идею, мотивацию социального творчества. Пропал образ будущего, передача опыта новым поколениям стала проблематичной из-за отсутствия связи поколений и объединяющего социального начала»[1; с. 102-103]. Од-

нако в начале нового тысячелетия начинается осторожное «возвращение России в историю». Возвращение началось в сфере международной политики, и требует своего продолжения во внутренней социально-экономической политике. В области общественнознания, гуманитарных наук и социальной философии этому процессу соответствует возвращение людей в теорию. Имеется в виду, что прежние теории социального развития – марксистская историко-материалистическая и либерально-идеалистическая – не нуждались в рассмотрении реальных живых людей, народов в понимании модернизационных социальных процессов. Теперь люди, их интересы и историческая ментальность возвращаются в теорию эволюции культур и цивилизаций. Эволюция начинает рассматриваться как конкуренция цивилизаций и народов и без людей при таком рассмотрении общества не обойтись.

Новое российское общество, сменившее собой советское общество, было скопировано младореформаторами-неудачниками с западного образца. Этому обществу изначально был определен возраст в 25 лет, датой его рождения было назначено 12 июня 1990 г., так называемый «день независимости России». В сравнении с 300-летним возрастом американского общества наше общество изначально находилось в младенческом состоянии. В очередной раз в русской истории политические элиты навязали народу западнические социальные формы, не вдаваясь в то, как к этому относится народ. Насильственные преобразования велись в сжатые сроки, без консультаций с народом, при массивной информационной пропагандистской промывке мозгов. Такой подход предопределил их провал.

В современной России существует не одно общество, а одновременно несколько обществ и они выглядят как особые фрагменты мозаики информационного общества. Вся совокупность гуманитарных наук призвана изучать эти общества, но старое общественнознание слепо. Оно не видит общество экономических и политических федеральных элит (и их отпрысков), вовлеченных в глобальные сети, включенных в «офисную культуру» и разделяющих стиль постмодерна. Никакого интереса не вызывает сохранившееся общество бюджетников, продолжающих жизненную линию служения обществу - в сущности, позднесоветской интеллигенции, высоко ставящих социальные идеалы. Видит ли наука, что над всем доминирует общество региональной бюрократии, где инерция советских клише соседствует с элементами феодальных методов управления, понятиями и нормами преступных сообществ, имитацией западных тенденций постмодерна?

Телевидением всерьез популяризируется общество этнических групп, замкнувшихся в себе и возвращающихся к древним ремеслам, культурным и обрядовым циклам, или напротив, стремительно осваивающих элементы городской, глобалистской культуры и информационных технологий. Эти типы обществ практически не соприкасаются друг с другом, а потому создать единое общество - задача современных граждан России, способных к реализации проекта совместного построения Новой России в общем русле русской истории.

Грядущий прогресс креатосферы, всех ее сфер, связанных с формированием творческого, обладающего новаторским и культурным потенциалом

человека; деятельностью в области науки и искусства, социальным новаторством позволит забыть как страшный сон те превратные формы, которые приобретают описанными нами структурные сдвиги в условиях современного корпоративного капитализма. В массовом сознании и в наиболее употребляемом виде эти формы выглядят то как «общество услуг», то как «информационное» (или «постиндустриальное») общество.

А.В. Бугалин пишет: «Во всех случаях использования этих названий фиксируются действительные, реальные, объективные тенденции вытеснения индустриальных технологий и, шире, материального производства. При этом, однако, не критически, позитивистски отражается процесс создания субститутов, которые как бы "переносят" превратные формы мира экономической необходимости (эти формы были названы выше) в то свободное пространство, которое могло бы быть занято креатосферой. Пожалуй, наиболее близка по сути к пониманию тенденции вытеснения материального производства гипотеза генезиса постиндустриального общества, в которой фиксируется рождение технологий и сфер материального производства, уходящих от собственно машинного производства, индустриальной технологии» [2; с. 36].

Итак, господствующая ныне модель постиндустриального развития, использующая высвобожденные высокими технологиями ресурсы для разбухания превратного сектора, генерирует собственные пределы, обостряя глобальные проблемы, отчуждая большинство от возможности участия в сотворчестве (и тем самым лишая себя ключевых ресурсов прогресса постиндустриального мира) и создавая (в лице материально и культурно деградирующего большинства) предел собственному развитию.

Те теории постиндустриального (информационного и т.п.) общества, что лишь констатируют эти процессы, не ставя даже вопрос о возможности и необходимости альтернативы, по сути, оказываются не чем иным, как апологетикой той господствующей социальной силы, которая обеспечивает именно такую модель. И в этом нет ничего нового: объективизм, деградирующий в нескритичность и безальтернативность, всегда оборачивается апологетикой.

На наших глазах человечество вступило во взаимозависимый мир, который можно понять и изучить, только рассматривая его в многомерном пространстве, учитывающим такие составляющие, как цивилизация, культура, информационная среда, мировоззренческие парадигмы, сознание человека. От того, как развивается каждый из этих векторов на российской культурной почве, зависит взаимосвязанное насыщение духовностью сознания человека или происходят драматические изменения, кризисные явления, характерные для современной личности. Эти изменения порождают потребность в исследовании и анализе процессов влияния информационной среды на культуру личности и ее трансформацию в кризисной социокультурной динамике. Социально-философский анализ социальных систем позволяет не уповать на поиск случайностей или сводить все к личностному фактору [3]. Материалистическое понимание общества исходит из обнаружения исторической необходимости, которая пробивает себе дорогу через

множество случайностей. Это понимание исходит из того, что за последние столетия управленческие технологии настолько развились, что не нужна конспирология для того, чтобы найти скрытые и общие причины многих социальных явлений.

Возвращение России в историю означает, что лидером этого процесса становится не государство, выполняющее заказы различных классов (вначале – четвертого сословия, а через 70 лет и реализованной контрреволюции – нарождающегося третьего сословия), а сама самая пострадавшая от распада материального производства цивилизация – русская цивилизация, которая в своем кризисном развитии переходит на рельсы постиндустриализма. Этому процессу соответствует возвращение людей и их нематериальной практики в социальную теорию как важнейших агентов социальной трансформации постиндустриального общества. И здесь мы переходим на совершенно иную почву социально-психологического, а не социально-философского анализа столкновений техногенных и антропогенных личностей в рамках русской человеческой цивилизации и техногенной цивилизации Запада [4].

Завершилась четвертьвековая история наивных попыток вписаться в мировую цивилизацию, вернуться на столбовую дорогу мировой культуры путем введения так называемого «нового мышления», перехода на общечеловеческие ценности, под которыми, на самом деле, оказались скрыты либеральные ценности западного общества, подготовленные для экспорта в развивающиеся страны. Россия в реализации своего мессианского предназначения нуждается в новой гуманитарной науке, а значит в принципиально новых междисциплинарных исследованиях.

#### **Список литературы:**

1. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское Движение, 2007. с. 102-103
2. Бузгалин А.В. Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе) // Критический марксизм: продолжение дискуссий. Изд. 2. М.: Слово, 2002. с. 36
3. Михайлов В.В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека. М.: изд. ЛКИ, 2011.
4. Баландин Р. Наркоцивилизация. Мнимая реальность. М.: Эксмо, 2003.

## НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК КОНСТАНТ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Охотникова Т.В.**

*Россия, г. Казань*

*Казанский государственный институт культуры*

*E-mail: kafedra.tzmf@yandex.ru*

**Аннотация:** статья о том, что гарантом безопасности в агрессивном мире сегодняшнего дня является народная культура как пространство духовности и народной мудрости.

**Ключевые слова:** система ценностей и взглядов, народная культура, творчество, безопасность, гарантия, духовность, кризис, нравственность.

О том, что существует кризис духовности в цивилизации XXI века никто спорить не будет. Это очевидно. Духовная сфера воспитания волновала научных теоретиков и практиков всегда, во все времена. Об этом в своих трудах писали исследователи Л.С. Выгодский, Д.Б. Ковалевская, А.Н. Леонтьев, Д.С. Лихачев, О.С. Ушакова и др. Мысль о том, что основой национального духовного богатства является народная культура, которая несет в себе культурный опыт, традиции, обрядность, обычаи, ритуалы, народные праздники – созвучна и с выводами современной науки.

Совокупность идей, взглядов, средств и способов воспитания, накопленных в народе, обобщались в трудах Я.А. Каменского, Льва Толстого, К.Д. Ушинского, К. Насыри, Ш. Марджани, Г. Тукая и многих других.

Человечество не может жить вне народной культуры, понимая при этом, что она (культура) становится фактором духовно-нравственной безопасности людей и общества в целом.

Попробуем доказать нашу гипотезу.

Каждое «Я» – это уникальная, необыкновенная частица, это единичное во множественном. Я и МЫ, Я – человек, МЫ – народ, мой род, мой народ [6, с. 16]. Народная культура – это целостный мир, где все замкнуто в единый круг бытия. Все, что окружало в природе древних, нашло отрицание в устном народном и в декоративно-прикладном творчестве, изобразительном искусстве и традициях, обычаях, обрядах (и т. д.)

В них – ум и достоинство народа, историческая память, укрепляющая нравственный облик и являющееся одеждой его души. Все это помогало нашим предкам понять мир и перенять народную мудрость: жить и выживать в этом мире. Мир понимали так, как видели и чувствовали [2, с. 177]. Считалось, что человек и есть: тело, душа и дух.

Иными словами, народная культура – это одновременно адаптационное и реабилитационное воздействие на индивида, механизм воспроизводства и процесс передачи из поколения в поколение культурных норм и черт: символов, манер, этикета, нравов, социальных ценностей [7, с. 41].

Формирование духовно-нравственных ценностей и происходило посредством народной культуры. Рассмотрим это на примерах.



Язык народного творчества сопутствует всему кругу людского бытия от колыбели до могилы. Лучшие качества человека (дружба, любовь, милосердие, взаимопомощь, честь, трудолюбие, вера, отношение к старшим) проявлялись и находили отражение в сказках, пословицах, поговорках, народных песнях. В них же осуждались человеческие недостатки: трусость, жадность, забывчивость, неаккуратность, вражда и коварство. А наиболее яркие герои: Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, Василиса Премудрая, Иван-дурак, Петрушка всегда побеждали зло и злодеев (и попа, и черта, и полицейского, и даже смерть). В этих образах - интуиция, мысль и чувство.

Менялись эпохи, менялись герои: "Иван-дурак превращался в Санчо-Пансу, Уленшпигеля, которые все равно были умнее феодалов, имели смелость высмеять господ, но всегда были и дожили до наших дней Дон-Кихоты, у которых не погасло древнее желание сделать, во чтобы то ни стало красивую, необыкновенную вещь [1, с. 738]. А глупый и коварный царь обязательно будет посрамленным, а Иван от полцарства откажется во имя любви, а еще в сказках воскрешали убитых, опрыскивая их мертвой и живой водой - во всем этом потрясающая сила и справедливость, правдивый образ народа, а главное - истинный гуманизм: восстановление справедливости [4, с. 107].

Поклонялись солнцу, воде, огню, земле - всему этому тоже посвящались праздники, а прославлялись в них - любовь к ближнему, вера в светлое будущее и справедливое, единение человека и природы. В песнях и романах нашли отражение народная стихия, мотив вольности и романтический настрой [там же].

В центре всего этого – человек, обладающий крепостью духа.

Словарь Ожегова так трактует это понятие: дух – 1. сознание, мышление, психологические способности, то, что побуждает к действию, начало, определяющее поведение. 2. внутренняя моральная сила [5, с. 163]. Духовность же выражается через определенную систему ценностей, целей, смыслов, идей, потребностей и идеалов [8, с. 117].

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации говорится о том, что формирование духовности является одной из приоритетных задач государственной политики, так как она (духовность) является не только культурным и научным потенциалом страны, но и охраняет, и укрепляет нравственные ценности общества, традиции патриотизма и гуманизма.

В глобальных масштабах подвергаются сегодня вечные, незыблемые ценности. Во все времена истории – то, что почиталось, то глобально было всегда. Никогда (!) не подвергались сомнению важность любви между мужчиной и женщиной, ценности нравственности: добро и зло, любовь и вера, надежда и добро, чтобы не было войны, чтобы все были ответственны за свою жизнь и жизнь окружающих людей, чтобы умели прощать, слушать и понимать другого, чтобы были трудолюбивы.

Все сегодня исчезает. И нравственность другая, и ценности другие. Демонтаж нравственного закона – страшный призрак разрушения челове-

ской личности. Все подталкивает цивилизации к столкновению, а необходимо – доверие. Мы и сегодня на тех же ступенях, что и наши отцы: как остановить войны, как жить в мире, любви, без оружия...

Кризис, который переживает наше общество вызван не только экономическими и финансовыми трудностями, а прежде всего, переменой в системе ценностей.

Что мы наблюдаем сегодня? Забота родителей и педагогов – накормить, одеть, дать образование, помочь поступить в вуз, а зачем? Ради чего? Как жить дальше? Не знают ни дети, ни родители, ни педагоги. Старые ценностные ориентиры уже не приветствуются, а новых нет. В рейтингах подростковых ценностей на первых местах – свобода и успех, деньги и удовольствие, власть над людьми, на задворках остаются образованность (не путать с образованием), уважение, творчество, доброе отношение к людям.

Не слишком они озабочены общечеловеческими ценностями, не слишком заинтересованы в самостоятельности, не стремятся к равенству и справедливости, но и не стремятся навязать свою точку зрения. Они инфантильны. Наши дети. Наше будущее [3, с. 45].

Поэтому роль духовного фактора во времени реформирования велика, так как он являлся основополагающим и стабилизирующим началом в жизни общества.

Нестабильность социальная и экономическая, деформация мировоззрений, девальвация социокультурных ценностей, отказ от активного творчества, культурное и духовное расщепление традиций – это все указывает, что на лицо – кризис культуры, упадок духовности. И это разрушает привычные устои, нравственные ориентиры. Ученые, занимающиеся изучением этой проблемы, считают, что духовно-культурное просвещение и воспитание подрастающего поколения – гарант безопасности цивилизации. Духовность же, в свою очередь, обеспечивает целостность личности, являясь ее интегративным качеством.

Так в чем же, все-таки, феномен духовности? В том, что духовность составляют высшие моральные ценности: делать добро, выполнять достойно свой долг, дорожить честью и достоинством, иметь совесть и ответственность, жить и действовать для других, не иметь злых помыслов и грехов, любить свое Отечество.

Следовательно, чувство патриотизма (проявление идеи Родины, любви к ней, готовность пожертвовать своей жизнью ради Отечества), чувство долга, воспитание гражданственности (соизмерение своих интересов с интересами государства); традиции, передающие духовное наследие, религия (как хранительница духовного достоинства народа) – все это есть в народной культуре.

Смысл и суть народности в следующем: все средства народной педагогики (колыбельные песни, сказки, рассказы, поговорки, пословицы, загадки, религиозность (собрана в ней народная мудрость и она первична!), традиции народа, семьи, родной язык, народные промыслы и др.), ее особенности (требования, предъявляемые народом (ум, трудолюбие, честь, скромность и т. д.), воспитание национальной гордости народа, культура его (хороший

тон, правила приличия и т. д.) близки всем и понятны (младшим, среднему поколению и старшим), не делится на своих и чужих. И остается только, с учетом возраста и условий аудитории, использовать все эти возможности народной культуры для формирования духовных качеств.

Подытожим. Выражением духа народа и является народная культура, ее потенциальная, глубокая вера в идею.

Задача ясна: определить истинные духовные ориентиры, сделать их центром мировоззрения и миропонимания личности [8, с. 116].

И тогда, наша жизнь и мир, в котором мы живем, даже изменяясь, не нанесут нам вреда. А народная культура и явится тем приоритетным ресурсом, который не только помогал человечеству из века в век выбрать главное (коллективные и единичные смыслы) [3, с. 47], но и сегодня выступит гарантом духовной безопасности в ответ на глобальные вызовы современности.

### Список литературы:

1. Горький, М. О литературе. Литературно-критические статьи/ М. Горький. - Москва, Советский писатель, 1955, 901 с.

2. Охотникова, Т.В. Культура и искусство как отражение мировоззренческих представлений/ Т.В. Охотникова// Беляевские чтения. Человек. Эпоха. Культура./ Сборник научных трудов по итогам конференции. Казань, 2015. – 281 с.

3. Охотникова, Т.В. Праздник как селекция информационного поля. / Т.В. Охотникова// Вестник. – 2016 год. – № 4. – С. 45-48.

4. Охотникова, Т.В. Роль гуманистической направленности праздничной культуры в развитии ее образной системы// Роль гуманитарной направленности ЮНЕСКО: стратегия развития культуры, нации и образования в контексте нового гуманизма. Материалы Международной научно-практической конференции 15-16 сент. 2016 г., науч. ред. Р.Р. Юсупов, Р.М. Валеев, Каз. гос. инс-т культуры - Казань: изд-во КазГИК, 2016. – 379 с.

5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов (Под ред. докт. филол. наук, профессор Н.Ю. Шведовой – 15 изд., стереотип – М.: Рус. яз., 1984 г. – 816 с.

6. Пигилова, Т.А Введение в предмет «Народная культура»/ Т.А. Пигилова. – М.: Изд-во «Русское поле», 1991, с. 16.

7. Социально-интеграционный потенциал национальной культуры, искусства и туризма в условиях модернизации российского общества: материалы Международной научной конференции 20 апр. Валеев; Казан. гос. ун-т культуры и ис-в. – Казань: из-во КГУКИ, 2010. – Часть II - 244 с.

8. Человек в мире культуры: исследование, прогнозы: материалы Международной науч. конгр., Казань, 17-18 апр. 2007 г./ Федеральное агентство по культуре и кинематографии РФ: Казан. гос. ун-т культуры и искусств. – М.: ВИНТИ, 2007. - 500 с.

## МОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

**Павловская О.А.**

*Республика Беларусь, г. Минск  
Институт философии НАН Беларуси  
E-mail: olga.pavl@tut.by*

**Аннотация.** Целью исследования является обоснование морали в качестве одного из ведущих культурных факторов в развитии современного цивилизационного процесса, обеспечении духовной безопасности на международной арене.

**Ключевые слова:** мораль, духовная безопасность, информационная война, многополярный мир, диалог между цивилизациями.

Современный мир не свободен еще от угрозы войн и международных военно-политических конфликтов, несмотря на значительные социально-экономические и научно-технические достижения. Завершение периода «холодной войны» позволило на некоторое время в политических кругах считать, что третьей мировой войны как традиционной «горячей» войны человеческое сообщество, возможно, избежит. Однако обострение в последнее время международной политической обстановки в связи с происходящими «цветными революциями», локальными военными конфликтами настоятельно требует переосмысления проблемы «война и мир» как актуальной социально-моральной проблемы.

В геополитическом отношении чрезвычайно сложной и актуальной становится проблема информационной войны, скрытой, завуалированной по форме и изощенной по методам воздействия на духовный мир человека. Серьезное обострение международной обстановки: распространение террористической угрозы, радикализацию различных форм протеста, локальные военные действия, кибератаки, лавинообразный поток дезинформации, используемой в политических целях – все это свидетельствует о том, что «сегодня мы живем в условиях мировой информационной войны, театры действий которой едва ли не во всех секторах глобальной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в сфере производства и потребления различных видов инфокоммуникационных технологий и услуг» [1].

В открытое противостояние вступило мировое сообщество с международным терроризмом, который применяет самые изощенные методы насилия и устрашения. Распространение информационно-коммуникативных технологий заметно актуализирует проблему духовного терроризма. Входя в киберпространство, человек не только включается в глобальный мир информации, но и погружается в стихийный, неконтролируемый поток отражений негативных сторон человеческой жизни, связанных с проявлениями моральной распущенности и агрессивности.

В социально-политическом плане необходимо учитывать специфику воздействия морально-психологического фактора. Мораль выполняет важ-

нейшую, незаметную на первый взгляд, социальную функцию – консолидирующую. Она посредством общепринятых принципов и норм, убеждений и целей, механизмов регуляции и саморегуляции, сформированных в определенных народных традициях и культурно-цивилизационных парадигмах, образует своего рода «остов» общественной структуры, скрепляет в единое целое различные части социального организма, является внутренним источником его функционирования и развития. А в случае военного противостояния она превращается в один из основных инструментов сохранения и упрочения духа народа. Расшатывание же моральных устоев того или иного общества может быть специально использовано противником в качестве одного из тактических приемов его военного поражения. В настоящее время подобного рода стратегическая и тактическая линии вполне отчетливо просматриваются в политических событиях и процессах [2, с. 378].

Особую значимость проблема морального фактора приобретает при решении вопроса о будущем порядке мироустройства. Все более очевидным становится то, что идея многополярности является не только наиболее популярной, но уже начинает обретать свои реальные очертания. Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая в феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, особо подчеркнул: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [3].

Многополярность в системе международных отношений следует расценивать: во-первых, как необходимое условие сдерживания негативных последствий глобализации в политической сфере («превращения глобализации в позитивный фактор» – точка зрения ООН); во-вторых, как способ повышения значимости и эффективности действия моральных императивов в отношениях между акторами внешнеполитической деятельности; в-третьих, как политическую основу для реального синтеза общечеловеческих и традиционных ценностей в целях гуманизации социальных отношений.

В контексте проблемы утверждения многополярности представляется бесперспективной ранее доминировавшая в системе международных отношений позиция *идеологического* противостояния. С уходом с международной арены СССР как сверхдержавы последовал крах идеологической системы социализма и соответствующих социально-классовых принципов и критериев, мировоззренческих установок, политико-моральных ориентаций. Но и для западноевропейской модели, выражающей либерально-демократические ценности, эту «победу» можно оценить как «пиррову». Как известно, либерализм как идеологическая доктрина в своей классической форме выступает за приоритет прав и свобод личности, невмешательство государства в частную жизнь граждан, автономию частной собственности от государственной власти и др. Однако на практике принципы либерализма по боль-

шей своей части остаются абстрактными теоретическими конструкциями, правовыми установками и политическими лозунгами. Связано это прежде всего с системным кризисом западной культуры, пагубное влияние которого на духовно-нравственный мир личности воочию можно наблюдать в настоящее время.

В социокультурном плане идея многополярности непосредственно связана с осмыслением проблемы *цивилизационного* противостояния. В связи с этим нельзя обойти стороной теорию С. Хантингтона о столкновении цивилизаций как о возможной перспективе обострения социальных отношений. Рассуждая о столкновении цивилизаций, он на первые позиции выводит религиозный фактор, но при этом оценивает его явно с позиций вчерашнего дня. Аналогичным образом оценивается им и система моральных императивов, присущих той или иной цивилизации, что не соответствует требованиям времени, когда существенно возрастает роль личностного фактора в современной жизни. Каждая из названных Хантингтоном цивилизаций представляет собой по существу завершённый результат культурно- исторического развития так называемых традиционных обществ с характерной для них этатистско-конфессиональной интерпретацией духовно- нравственных ценностей. Основной конфликтный потенциал этих цивилизаций уже был реализован в прошлом: исчезли с исторической арены государственные образования, посредством военно-политической мощи которых данные цивилизации могли бы противоборствовать друг с другом [2, с. 388-389].

Следует отметить, что на современном этапе отчетливо просматриваются три основные тенденции культурно-цивилизационного развития, теснейшим образом взаимосвязанные между собой. Согласно первой тенденции, различные цивилизации как историко-культурные типы сохраняют еще свой духовный потенциал и имеют определенное воздействие на ход общественной жизни в тех или иных регионах мира. В этом случае особое значение приобретает процесс налаживания диалога между существующими цивилизациями (культурами) и активный творческий взаимообмен знаниями и ценностями, способствующими возвышению духовности в отношениях между людьми, народами и государствами. Вторая тенденция выражается в том, что все более проявляются в повседневной жизни позитивные и негативные аспекты техногенной цивилизации, возникновение которой связано с вступлением человеческого сообщества на путь индустриального развития и, соответственно, это способствовало широкому распространению научно-технических достижений по всему миру и определенному нивелированию национально-культурных различий. В социально- гуманитарном плане техногенная цивилизация обозначила как реальную и острую проблему отчуждения человека и связанную с этим противоречивую ситуацию: с одной стороны, падение нравов и деградация человеческой личности, с другой – потребность в очеловечивании человека и гуманизации социальных отношений. О третьей тенденции следует говорить, как о только что зарождающейся: все более отчетливо заявляет о себе процесс формирования новой цивилизационной парадигмы общепланетарного масштаба, отвечающей духу времени и обусловленной глобальными процессами

ми информатизации и модернизации. В этой связи чрезвычайно актуальными становятся осмысление духовно-нравственных координат новой цивилизации и всяческое содействие их реальному воплощению.

На международной арене среди наиболее эффективных методов взаимодействия и сотрудничества важная роль отводится диалогу, в том числе и такой его форме, как диалог между цивилизациями. В принятом Генеральной Ассамблеей ООН документе под названием «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» говорится: «Диалог между цивилизациями – это процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога» [4]. Среди целей и принципов, направленных на достижение этого диалога, выделяется нравственно-аксиологический компонент, что конкретно выражается в таких ценностях, как взаимопонимание, взаимное уважение, равенство, достоинство и ценность человеческой личности, добросовестность, справедливость.

Понятно, что обращение на официальном международном уровне к этической проблематике носит скорее декларативный характер и, естественно, требуются немалые усилия со стороны различных социальных субъектов для последовательного практического воплощения принятых целей и принципов духовно-культурного развития. Но уже нельзя отрицать того, что именно духовно-нравственные ценности становятся, с одной стороны, основанием и связующим звеном во взаимодействии и взаимообогащении существующих цивилизаций (культур), с другой – необходимым условием достойного существования и успешного развития техногенной цивилизации, что непосредственно выражается в реализации цивилизованности как ведущего качества личности и других социальных субъектов, с третьей – решающим фактором в набирающем силу процессе формирования новой информационной цивилизации, открывающей масштабные перспективы для реализации как интеллектуального потенциала, так и духовно-нравственного потенциала человека.

Среди основных детерминант формирования современной цивилизации все более значимыми становится теснейшее сопряжение морали с различными феноменами политико-правовой сферы. По мнению Ю. Хабермаса, «после двух веков конституционного развития приходит понимание того, что в этом процессе с самого начала достоинство человека образует портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право» [5, с. 68].

В контексте проблемы морального фактора в современной политической жизни уместно обратиться к философскому наследию И. Канта. В свое время немецкий философ указывал путь выхода из «хаотического состояния отношений между государствами» к созданию «всемирно-гражданского состояния публичной государственной безопасности». В основе этого пути должен лежать поиск государствами закона равновесия, объединение их усилий для придания этому закону силы, поиск компромиссов с ориентацией на

ограничение агрессивности, враждебности в отношениях между собой. Но, придавая большое значение этому пути обеспечения безопасности, Кант в то же время подчеркивает, что при нем возникает только «обманчивая видимость внешнего благополучия», он не затрагивает глубин человеческой природы. Кардинально изменить такое положение можно, согласно Канту, если приоритетом государственной политики станет нравственное воспитание граждан. «Но пока государства тратят все свои силы на достижение своих тщеславных и насильственных завоевательных целей и потому постоянно затрудняют медленную *работу над внутренним совершенствованием образа мыслей своих граждан*, лишая их даже всякого содействия в этом направлении, – нельзя ожидать какого-либо улучшения в сфере морали. Ибо для этого необходимо долгое внутреннее совершенствование каждого общества ради *воспитания своих граждан*» (курсив наш. – О.П.) [6, с. 18].

Таким образом, социальная реальность весьма настойчиво и убедительно показывает то, что значение морального фактора в решении международных вопросов заметно возрастает. Это выражается прежде всего в том, что ведущей действенной силой должен стать и уже постепенно становится моральный авторитет ведущих политических и общественных лидеров, осуществляемая на принципах миролюбия и добрососедства политика различных государств, последовательно осуществляемая гуманитарная миссия международных организаций. Моральный авторитет как форма духовно-практического выражения гуманистически ориентированной деятельности политических субъектов является важнейшим инструментом в установление доверительных и ответственных отношений между ними, в утверждении принципов диалога, консенсуса, партнерства, верховенства права в политической деятельности. Для такой позиции в корне неприемлемыми становятся аргументы с позиции силы и военного диктата, а основополагающими будут цели, методы, действия конструктивного, созидательного характера во имя мира и гуманности.

### Список литературы:

1. Алексеев, А. П. Информационная война в информационном обществе / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 5-14.
2. Павловская, О. А. Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы / О. А. Павловская. Минск: Беларуская навука, 2014. – 578 с.
3. Путин, В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// kremlin. ru/events/president/transcripts/24034](http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034) – Дата доступа: 24.02.2017.
4. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. un. Org /ru/ documents/ instruments/docs\\_ru.asp](http://www.un.org/ru/documents/instruments/docs_ru.asp) – Дата доступа: 17.09.2017.



5. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66-80.

6. Кант, И. Соч. в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6.

## **К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

**Пенионжек Е.В.**

*Россия, г. Екатеринбург*

*Уральский юридический институт МВД России*

*E-mail: penionzhec@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье представлен опыт решения проблемы формирования межкультурной компетенции обучающихся. Рассматриваются аспекты учебно-методического сопровождения освоения иностранными обучающимися социально-гуманитарного знания. Анализируется взаимосвязь компетентностного и культурологического подходов.

**Ключевые слова:** образовательная программа, учебно-методическое сопровождение, словарь, электронная информационно-образовательная среда, общекультурные компетенции, межкультурная компетенция

В настоящее время обучение в России по образовательным программам специалистов или бакалавров для иностранных государств является востребованным процессом. Активно направляются на обучение граждане Таджикистана, Узбекистана, Монголии, Туркменистана, Азербайджана. При получении высшего образования по различным направлениям подготовки у иностранных обучающихся имеется потребность в емком и детальном знакомстве с особенностями жизни граждан Российской Федерации. Поэтому интересным является опыт преподавания на начальном этапе освоения образовательных программ учебной дисциплины «Основы социально-политического устройства Российской Федерации».

Предметным аспектом данной учебной дисциплины основывается описание жизни в России как индустриально развитом государстве. При этом данная учебная дисциплина демонстрирует обучающимся систему научного знания как совокупность смежных дисциплин: философии, юриспруденции, социальной психологии, экономики, социологии, культурной антропологии, политологии – что образует самостоятельную отрасль науки «Социальное знание», с чем и знакомится иностранный обучающийся. Рассматриваются вопросы социальных отношений, функционирования российского общества таким образом, как они представлены в науке о государстве и праве, экономике, правоведении, социологии, социальной философии и культурологии.

Учебно-методическое сопровождение преподавания данной учебной дисциплины характеризуется разработкой учебного пособия, в работе с ко-

торым для иностранных обучающихся важную роль играет словарь [см.: 1]. Словарь является значимым подспорьем при изучении конкретных трактовок тех или иных понятий, что обуславливает необходимость размещения этого элемента учебно-методических материалов в электронной информационно-образовательной среде образовательной организации. Словарь может использоваться в рамках самостоятельной работы, на практических занятиях, так как категориально-понятийный аппарат словаря отличается особой составляющей: преподнесением правового аспекта бытия современного общества. При этом освоение материала данной учебной дисциплины посредством обращения к словарю направлено на развитие у обучающихся навыков критического восприятия и оценки источников информации, умения логично формулировать, излагать и аргументированно отстаивать собственное видение проблем и способов их разрешения, а также овладения приемами ведения дискуссии, полемики, диалога.

Использование словаря позволяет направить формирование общекультурных компетенций в верное русло. При реализации компетентного подхода при изучении дисциплины «Основы социально-политического устройства Российской Федерации» с использованием учебного пособия и словаря у иностранных обучающихся должно быть сформировано:

1) знание и понимание:

– предметной области, системы, содержания и взаимосвязи основных принципов, законов, понятий и категорий гуманитарных и социальных наук, их роли в формировании ценностных ориентаций в социальной и профессиональной деятельности;

– сущности, деятельности и предназначения основных социальных институтов общества; стратификационной структуры общества;

– сущности, содержания, механизма функционирования политической власти и политического процесса; сущности, структуры и функций политической системы общества, особенностей(уровней и форм) политического сознания;

– системы права, механизма и средств правового регулирования, реализации права; правовых и этических аспектов профессиональной деятельности;

– социокультурных закономерностей, феноменов культуры и цивилизационного развития;

2) универсальные умения:

– использования принципов, закономерностей и методов гуманитарных и социальных наук для решения социальных и профессиональных задач;

– принятия решений и совершения юридических действий в точном соответствии с законом;

– правильного построения общения с коллегами в служебном коллективе и с гражданами, выстраивания социальных и профессиональных взаимодействий с учетом этнокультурных и конфессиональных различий;

3) интеллектуальные навыки:

- владения основами анализа социально и профессионально значимых проблем, процессов и явлений с использованием знаний гуманитарных и социальных наук;

- владения навыками научного мышления, использования приемов логического построения рассуждений, распознавания логических ошибок, владения методами логического анализа, владения навыками публичного выступления, аргументации, ведения дискуссии и полемики;

- владения навыками позитивного взаимодействия в процессе профессиональной деятельности, в том числе с представителями различных социальных групп, национальностей и конфессий.

#### 4) практические навыки:

- демонстрации представлений о признаках понятий социально- гуманитарных наук, демонстрирования содержания основных социально- философских категорий, ведущих аспектах правоохранительной деятельности;

- демонстрации знаний особенностей различных подходов к объяснению общества, демонстрирования содержания основных понятий социально-гуманитарных наук;

- демонстрации умений раскрывать содержание того или иного понятия социально-гуманитарных наук на примерах жизнедеятельности современного общества;

- владения навыками анализа основной литературы с точки зрения типа гуманитарного знания, представленного в ней, а также самостоятельного повышения своего интеллектуального уровня.

Так компетентностный подход при формировании общекультурных компетенций способствует тому, что сформированные как совокупность общекультурные компетенции обеспечивают формирование профессиональной компетентности обучающихся как готовности к профессиональной деятельности, что преследует ведущую цель современного образования в Российской Федерации как подготовки компетентного специалиста.

Использование словаря в образовательном процессе образовательных организаций также направлено на совершенствование адаптационных процессов интегрирования иностранных обучающихся в культурно- образовательном пространстве Российской Федерации, на улучшение морально-психологического климата в учебных коллективах и укрепление международного сотрудничества Российской Федерации и соседних иностранных государств в целях интеграции в единое правовое пространство. Взаимопонимание и сотрудничество в поле правового контактирования связывается с формированием межкультурных коммуникативных процессов, инициирующих необходимость формирования у иностранных обучающихся, помимо профессиональных компетенций, межкультурной компетенции.

Словарь по данной учебной дисциплине направлен на формирование быстрого развития навыков межкультурного общения, формирующих, в свою очередь, умение видеть действительность на основании знаний о социально-политическом устройстве Российской Федерации, в выстраивании опыта общения с учетом особенностей российской культуры и национального языка как государственного, которым согласно ст. 68 Конституции

Российской Федерации является на всей территории государства русский язык. Формирование такой профессионально значимой характеристики личности иностранного обучающегося влечет за собой реализацию не только компетентностного подхода, но и культурологического подхода.

Культурологический подход в образовании иностранных обучающихся ориентирован на воспитание правовой культуры, основополагающими элементами которой являются: правовое сознание, правомерное поведение (не нарушающее законодательные предписания) и активная гражданская позиция. Значимость культурологического подхода закрепляется утверждением федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по различным направлениям подготовки, в которых установлены общекультурные компетенции. Так словарь по учебной дисциплине «Основы социально-политического устройства Российской Федерации», выступая вектором формирования у иностранных обучающихся общекультурных компетенций, направлен на расширение мировоззренческих горизонтов обучающихся, что определяет дальнейшее развитие личности, осознающей право как ведущий фактор развития общества и государства на основании знаний социокультурных особенностей Российской Федерации, государственный язык которой используется для межкультурного общения в образовательном процессе.

Словарь по учебной дисциплине «Основы социально-политического устройства Российской Федерации», развивая коммуникативные функции иностранных обучающихся, выстраивает векторы освоения межкультурной компетенции, формирует межкультурную компетентность иностранных обучающихся в их способностях расширять спектр интерпретации собственных действий в целях успешного взаимодействия с российской культурой, что впоследствии выполнит формирование способности интерпретировать собственную культуру в терминах российской в целях создания единого культурного и образовательного пространства.

Технологический блок использования словаря, размещенного в поле электронной информационно-образовательной среды образовательной организации, позволит подкрепить реализацию в рамках образовательного процесса методологического, целевого, содержательного и оценочно-результативного блоков учебно-методического сопровождения. Технологический блок представлен самой активной технологией самостоятельного поиска, активизирующего познавательную деятельность обучающихся, и во многом направлен на реализацию оценочно-результативного блока, в рамках чего обучающийся должен содержательно и владея понятиями учебной дисциплины продемонстрировать ответ, включающий изложение актуальности проблемы, ее содержания, представления о первоисточниках ее изложения, знания различных подходов к решению, собственное мнение, практическую значимость и вывод, что позволит сделать заключение об уровне сформированности компетенций.

Словарь по учебной дисциплине «Основы социально-политического устройства Российской Федерации», являясь компонентом исследовательской деятельности иностранного обучающегося, сформирует опыт меж-

культурного общения обучающихся при получении высшего образования в Российской Федерации. В условиях информатизации образования реализованный в рамках электронной информационно-образовательной среды образовательной организации словарь является резервом повышения эффективности высшего образования, оптимизируя самостоятельную работу иностранных обучающихся единством их самостоятельной деятельности и современными информационными и электронными технологиями.

### **Список литературы:**

1. Пенионжек Е.В. Основы социально-политического устройства Российской Федерации: словарь / Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2015. 79 с.

## **К ТЕРМИНОЛОГИИ ПОНЯТИЯ «ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА»**

**Перцева У.С.**

*Россия, г. Оренбург*

*Оренбургский государственный университет*

*E-mail: pus93@icloud.com*

**Аннотация.** Целью данной статьи является исследование терминологических подходов к понятию «духовная безопасность общества». В работе рассмотрены компоненты комплексного подхода, а также сущность и содержание уровневого подхода к рассматриваемому вопросу.

**Ключевые слова:** безопасность, духовная безопасность общества, духовная безопасность человека, национальная безопасность.

В настоящее время наблюдается актуализация глобальных информационных процессов, связанных с коренным переосмыслением роли и содержания не только науки и образования, но и социальной сферы в целом. Метаморфозы, вызванные изменением традиционного уклада общественной жизни, влекут за собой множество неизвестных ранее угроз, которые влияют на национальное самосознание и персональную идентичность россиян. Одной из таких проблем является дестабилизация духовной безопасности, последствия которой мы наблюдаем в форме нравственного кризиса, плеяды социальных и экономических противоречий, а также в виде перехода морального облика нашего общества на качественно низший уровень. Именно этим обуславливается актуальность исследования проблем духовной безопасности российского социума, осуществлённого в рамках рассмотрения терминологии вопроса с точки зрения современной отечественной науки.

Осмысление феномена духовной безопасности общества в процессе анализа актуальных научно-исследовательских подходов немислимо без учёта содержательной стороны понятия «безопасность» как такового. Дан-

ная категория имеет достаточно широкий спектр определений, однако мы можем выделить интерпретацию термина в общем и узком смыслах. В широком понимании «безопасность – это система в единстве её онтологических, гносеологических и нравственных оснований» [6, с. 68]. В узком же смысле отечественная наука под безопасностью имеет ввиду сферу научной деятельности, изучающую природные, антропогенные, социально-экономические и иные процессы формирования, развития и взаимодействия субъектов, объектов и внешней среды для выявления источников опасности [1, с. 40]. Как видно из указанных выше определений, в общенаучном понимании безопасность, как правило, сложное системное образование, характеризующееся стремлением к поддержанию устойчивости и стабильности. Ввиду того, что наше исследование подразумевает социально-философское осмысление проблемы, мы будем принимать во внимание несколько иное понимание безопасности, а именно – состояние и способность социальных систем противостоять деструктивному воздействию внешних и внутренних факторов с целью сохранения своей целостности и идентичности.

Принимая во внимание уточнённое понятие безопасности, укажем, что в целом понимается под категорией «духовная безопасность». Как правило, наука подразумевает такой системный феномен, который характеризуется целостностью культурной, конфессиональной, информационной, научной, идеологической и иных сторон общественной жизни. Более того, социально-философская трактовка понятия акцентирует своё внимание на угрозах, опасностях и факторах риска, способных вывести общество из состояния равновесия, нарушить нормальное функционирование его жизнедеятельности, а также в равной степени учитывает «различные формы и виды деятельности по защите субъектами социальных процессов своих целей, ценностей, идеалов, традиций» [8, с. 79].

В современной науке сосуществуют несколько принципиально отличных друг от друга подходов, принимающих за содержание духовной безопасности те или иные компоненты. В первую очередь стоит указать на наиболее распространённую точку зрения, которая определяет духовную безопасность общества как одну из составляющих родового для неё понятия «национальная безопасность». Например, сторонники этой точки зрения утверждают, что «необходим комплексный подход в осмыслении проблемы национальной безопасности России, в котором бы учитывались все аспекты социального развития общества, и, прежде всего, духовно-нравственные» [4, с. 215]. В целом важно заметить, что национальная безопасность включает в себя не только территориальную целостность и государственный суверенитет, но и обеспечение прав и свобод человека. Духовная безопасность в этом контексте выступает гарантом защищённости личности, общества и государства от тех рисков, которые способны негативно повлиять на качество и уровень жизни россиян.

Далее, стоит выделить широко распространённый теоретический подход, который рассматривает феномен духовной безопасности общества с точки зрения его включённости в культуру (как самого индивидуума, так и всего социума). Как правило, под связью духовной безопасности и системы

культуры понимают непосредственно культурную независимость, нормы, традиции, уклад жизни, гражданскую самоидентичность и в некотором роде историческую исключительность [7]. Значимость такого взгляда на проблему понимания духовной безопасности особенно актуальна для современного мира, который подвержен глобальным процессам, нивелирующим уникальность и национальную самобытность народов и государств. Независимость культуры как одна из форм проявления духовной безопасности предусматривает способность и стремление общества отстаивать собственную историческую ценность, а также успешно осуществлять передачу традиций, эффективно адаптируя их под современные реалии.

Наконец, одним из актуальных для отечественной науки нам представляется подход, который обращает внимание не только на комплексность самого понятия «духовная безопасность», но и на принципиально важную связь этого феномена с научно-образовательной сферой. Характер данной связи подразумевает, что, во-первых, духовная безопасность личности и общества сегодня не мыслится безотносительно восприятия социально-гуманитарного знания как особой ценности, которая позволяет моделировать способы новаторской деятельности для адаптации исторически сложившихся духовных традиций к современной России. Во-вторых, именно посредством признания необходимости формирования духовной безопасности как приоритетного направления национальной, в том числе образовательной, политики стало возможным рассмотрение этого вопроса в ключе успешного поиска путей по преодолению угроз, препятствующих эффективному развитию культурно-образовательной сферы в условиях трансформации российского общества. Нельзя не согласиться с исследователем Ильиной Н.А., которая указывает, что «под социогуманитарным образованием мы понимаем ... формирование новых подходов к пониманию человеческого бытия, взаимосвязи природы и человека, ценностей, сформированных в процессе всестороннего развития мирового сообщества» [3, с. 73].

В процессе анализа научных подходов, рассматривающих духовную безопасность общества, мы считаем важным обратиться к пониманию этого феномена относительно персонального самосознания, то есть на уровне духовной безопасности человека. В данном аспекте рассмотрения вопроса нельзя оставить без внимания взгляд отечественного исследователя Гадаева В.Ю., который обращает внимание на присущее духовной безопасности индивидуально-личностное начало: «духовный комплекс любого человека, особенно его специфический индивидуально-личностный мир, нуждается в эффективной защите от негативного воздействия» [2, с. 24]. В этом контексте принципиально важно отметить, что любая социальная система стремится к установлению внутри себя духовного равновесия, которое напрямую и косвенно влияет на самоощущение каждой включённой в эту систему личности. Одновременно с этим отдельный индивид может являться не только потенциально, но и реально воздействующим на массовое сознание субъектом, выступая при этом активным творцом процесса формирования и функционирования духовной сферы общественной жизни. Аналогичным образом этот вопрос затрагивается в исследовании Коршунова А.В., где он

в том числе делает акцент на комплексности данной категории ввиду многоуровневой трактовки её сущности – как применительно к обществу и государству, так и с точки зрения отдельной личности [5, с. 122].

Таким образом, взгляд отечественной науки на феномен духовной безопасности общества заключается в единстве комплексного и уровневого подходов, взаимодополняющих друг друга, а именно - рассмотрение духовной безопасности как части системы национальной безопасности России (равно как и компонента системы независимости культурно-образовательной сферы). Одновременно с этим мы приходим к пониманию, что необходимо смотреть на проблему с учётом той точки зрения, которая выделяет два уровня феномена духовной безопасности - уровня всего общества и уровня отдельно взятого человека, являющегося носителем индивидуально-личностного начала с присущими только ему взглядами на культурную самобытность государства и его историческую идентичность.

### Список литературы:

1. Алпеев А.С. Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 5. С. 39-42.
2. Гадаев В.Ю. Индивидуально-личностное начало в контексте духовной безопасности человека // Теория и практика общественного развития. 2014. № 6. С. 21-25.
3. Ильинова Н.А. Социально-гуманитарные знания как фактор национальной безопасности. Власть. 2014. № 5. С. 71-74.
4. Коршунов А.В. Политика национальной безопасности как важнейший фактор обеспечения духовной безопасности России // Гуманитарий Юга России. 2012. С. 210-216.
5. Коршунов А.В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2. С. 121-126.
6. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1. С. 66-73.
7. Сергеев В.В. Актуализация проблемы безопасности духовной культуры в российском обществе // Культура и вера. 2008. № 1. С. 69-76.
8. Хаджаров М.Х. Глобальные социокультурные процессы и духовная безопасность России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3. С. 72-83.



## ТРАДИЦИИ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА

**Петрулевич И.А.**

*Россия, г. Ростов-на-Дону*

*Южный федеральный университет*

*E-mail: iapetrulevich@sfedu.ru*

**Аннотация.** В данной статье определяется цель проанализировать основные подходы к определению традиций, сложившихся в отечественном научном дискурсе, и установить их значение для обеспечения духовной безопасности общества.

**Ключевые слова.** Традиция, традиционное общество, духовная безопасность.

В современном мире происходит разрушение духовных основ социума. Распадаются связи между людьми, распространяется индивидуализм, деформируются ценности, появляется нормативный вакуум. Подобные процессы ставят под сомнение возможность сохранения духовной безопасности, под которой мы понимаем наличие институциональных механизмов трансляции в сознание ценностей и правил поведения, ставящих духовное в приоритетное положение относительно материального. Не в последнюю очередь это происходит из-за распада традиций в современных (модернистских) обществах.

В Новейшем философском словаре термин «традиция» (лат. *traditio* – передача, придание) определяется «универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах <...> включает в себя то, что передается (признанный как важный и необходимый для нормального функционирования и развития социума и его субъектов определенный объем социокультурной информации), и то, как осуществляется эта передача, т.е. коммуникативно-трансляционно-трансмутационный способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках той или иной культуры (и соответствующих субкультур) на основе относительно общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры (и соответствующих субкультур) смыслов и значений» [1].

Традиции мы будем рассматривать в русле концепции, согласно которой они являются символическим кодом регуляции культурного порядка, легализацией правил устройства и поддержания незыблемости социального пространства [2]. В этом плане их основная роль проявляется в снятии конфликта, напряжения между традиционным и модернизированным обществами [3], а в широком смысле – обретении духовной безопасности [4].

Для понимания роли традиций в указанном ракурсе очень важна мысль, высказанная Э.С. Маркаряном еще в 1978 году: «изучения традиции должно происходить прежде всего в соответствии с фундаментальными

принципами самоорганизации» [5]. Действительно, традиции относятся к системе нормативного порядка регуляции социальных отношений. Следовательно, их функциональное значение проявляется в поддержании устойчивого порядка вещей. Таким образом, в отличие, например, от стереотипов, традиции имеют внутренний потенциал для саморазвития. А это, в свою очередь, означает, что они могут быть использованы инструментально. Вариативность развития традиций может определяться как внутренними импульсами, так и внешними. Под последними в контексте понимания процесса сохранения духовной безопасности необходимо рассматривать воздействия власти, имеющие избирательный характер. Власть произвольно выбирает, какие традиции могут иметь значение для легализации порядка и устойчивости, какие изменения необходимо внести в те или иные традиционные формы, что принять в качестве значимых аспектов традиционности или же отвергнуть как несостоятельные в целях поддержания желаемого порядка социальных отношений.

На современном этапе развития российского социума интерес власти к традициям неслучаен. Традиционность направлена на кодирование определенных типажей поведения. В этом своем качестве она формирует такое свойство поведения социального актора, как схематичность. Каковыми бы ни были темпы трансформации традиции, что бы в ней не изменялось, она всегда будет иметь в сознании отпечаток неизменности. То есть ее изменчивость в сознании неизменно будет воспринимать как мнимость. Именно это свойство традиции дает старт процессу формирования духовной безопасности. Однако искусственность данного процесса, образовавшихся в результате синтеза традиционализма и модерна, определяется подконтрольным характером их формирования.

В связи с тем, что традиции обладают свойством нормативности, а современное российское общество испытывает недостаток устойчивости, проявляя признаки, присущие состоянию разрегулированности (аномии), традиции используются для укрепления социальных связей в социуме, прежде всего, тех связей, которые определяют характер взаимодействия между государством и обществом. Укрепление связей позволяет держать духовную безопасность на уровне, где процессы энтропии не приобретают необратимого характера.

Политика современной российской власти ориентирована на воспроизводство следующих исторических традиций, присущих российской ментальности. Обоснованием подобной позиции может служить мнение, высказанное В.А. Динесом на страницах журнала «Власть»: «...понимание сути соотношения власти и общества в России невозможно выразить в политических категориях, выражающих уникальный опыт западноевропейской цивилизации. В понятиях «российское общество», «российская власть», «российское государство» отражается собственный уникальный опыт России, архетипы которой воспроизводятся в течение всей политической истории, вплоть до настоящего времени» [6].

В первую очередь, это ценности коммунитаризма – признание приоритета групповой справедливости над индивидуальными свободами [7]. При-

чем представителями традиционалистского направления в науке эта традиция рассматривается совершенно в руссоистском ключе подчиненности индивидуальных волений некоей коллективной воле как высшей справедливости [8]. Органически из этого вытекает приоритетность справедливости над законностью, державность, персонификация власти, ее дистанционность, патернализм в ее политике, непринятие гражданского общества как способа самоорганизации социума, утверждение, что российское государство неизбежно может успешно существовать лишь в качестве империи.

К этому же ряду необходимо отнести постулирование приоритетности духовных ценностей над материальными [9].

Несложно заметить, что эти проявления государственной политики пытаются укорениться в историческое прошлое, найти в нем ту опору, которая позволит добиться желаемых успехов в консолидации власти и общества на началах синтеза традиционализма и новых модернизационных вызовов. Конечным продуктом такого синтеза должны стать достижение духовной безопасности, в рамках которой создается тип массового сознания, способный обеспечить обществу необходимый уровень стабильности как в системе социальных и институциональных отношений, так и во взаимодействии с государством.

#### **Список литературы:**

1. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. / Под ред. А.А. Грицанова. - Мн.: Книжный Дом. 2003. – С. 867.
2. Айзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность. // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. - Т. 1. - №2. – С. 207-208.
3. Ташлыкова Н.Ю. Проблемы культурной интеграции // Национальная идентичность России и демографический кризис. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 408.
4. Ирхин Ю.В. Специфика, характер и этапы генезиса российской цивилизации // Национальная идентичность России и демографический кризис. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 524.
5. Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений. В кн.: Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1978. - С. 88.
6. Динес В.А. Российская государственность в контексте исторических традиций // Власть. – 2008. - №2. – С. 65-66.
7. Бондар А.В., Динес В.А. Российские политические традиции и российская государственность // Власть. – 2008. - №4. – С. 33.
8. Артемов Г.И. Политическая социология. – М.: Логос, 2002.
9. Завьялов В.Т. Политологический подход к исследованию российской цивилизации и идентичности // Национальная идентичность России и демографический кризис. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 400.

## БРАЧНЫЕ ТРАДИЦИИ ЧЕЧЕНЦЕВ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Плиев А.А.

Россия, г. Москва

irina@babich1.net

**Аннотация.** В предлагаемой статье, подготовленной на основе собранных автором полевых этнографических материалов, рассматриваются некоторые аспекты брачных традиций чеченцев и характер их бытования в 1960-1970-е годы. Автор акцентирует внимание на таких брачных традициях, как формы заключения брака и калым (там).

**Ключевые слова:** брачные традиции, чеченцы, формы заключения брака, калым.

Брачные традиции народов Северного Кавказа, несмотря на их постепенную эволюцию в исторической перспективе, до настоящего времени имеют большое значение. Как показывают современные исследования адаптации северокавказцев к жизни в современной Европе, в частности, Франции, именно семейные народные традиции в большей степени, чем другие институты горских обществ, сохраняются и активно поддерживаются как элементы этнической идентичности. Причем вышеприведенные слова наиболее сильно относятся к чеченской диаспоре [1, с.42-57].

В целом, в чеченском обществе бытовали и продолжают бытовать следующие формы заключения брака: это браки путем сватовства, похищения невесты, добровольным браком по договоренности молодых (жениха и невесты). Самым распространенным и существующим на сегодня, является брак по договоренности молодых. Родители в подобных случаях говорят своим сыновьям: «Неужели ты не можешь жениться на любимой девушке по договоренности с ней?».

Браки путем сватовства и похищения невесты редки. Часто в научной литературе представляется, что девушка редко выходит замуж добровольно, что ее насильно выдают замуж за нелюбимого человека. Даже добровольный побег девушки-чеченки зачастую описывается как насильственное похищение. Как нам представляется, это не совсем так и в данной статье мы попытаемся проанализировать собранный нами этнографический полевой материал.

В предлагаемой статье мы рассмотрим два ключевых института семейного быта чеченцев, т.н. *там* (чечен.) - калым, выкуп, вносимый женихом родителям невесты, и *урдо* (чечен.) - определенная сумма денег, выплачиваемая мужем жене в случае развода.

Согласно «Чечено-русскому словарю» *там* – это выкуп, плата, вносимый убийцей и его ближайшими родственниками при примирении враждующих сторон, а также «мир, примирение, почет и уважение» [2, с.393]. В ходе исторического развития назначение чеченского понятия *там* изменилось, превратившись в приданое со стороны жениха, приобретаемое полно-

стью за его счет и являющееся полной собственностью выходящей замуж девушки. Подчеркнем, что у ингушей, как и у чеченцев, всегда бытовал калым как приданное мужа своей будущей жене – *урдув* [3, с.63]

В отечественном кавказоведении существует три точки зрения на сущность калыма в чеченском обществе: одни исследователи утверждают, что у чеченцев калым полностью остается родителям девушки, другие – часть калыма идет родителям и часть девушке, третьи – калым полностью принадлежит девушке.

Приведем некоторые точки зрения. Так, Н.Ф. Дубровин пишет о чеченцах: «Непомерно большой калым за невесту (от 80-200 руб.серебром.) были причиной того, что большинство населения не в состоянии были внести его при тогдашних военных обстоятельствах» [4, с.427]. Н.Н. Харузин отмечал, что «чеченец или ингуш, желая жениться и заручившись согласием, вносит родителям невесты калым, размер которого варьируется в разных аулах от 70-500 руб. [5, с. 76]. Противоположной точки зрения придерживались Ф.И. Леонтович, Н. Семенов, Б.К. Далгат, Л.В. Малинин и многие другие. Так, Ф.И. Леонтович подчеркивал, что «калым и жениховый подарок составляют неприкосновенную собственность замужней женщины» [6, с. 140]. Л.В. Малинин отмечал, что приданное невесты у чеченцев состояло из всего калыма, который отец получал за свою дочь от жениха [7, с.51].

В ходе изучения письменных источников, а также на основании собранных автором полевых этнографических материалов в ходе экспедиций в 1960-197-е годы в разных аулах Чечни, мы пришли к выводу, что калым – *там* в чеченском обществе полностью становился собственностью девушки – невесты, а *урдо* - это определенная сумма денег, выплачиваемая мужем жене на случай развода [8].

Отметим, что у разных северокавказских народов вопрос о финансовом обеспечении женщины в случае ее развода с мужем решался по-разному. Так, у кумыков Дагестана, если жена уходит от мужа без его согласия, то она лишалась приданого, принесенного из дома своих родителей и так называемого *кебингьякх* - материального обеспечения жены на случай развода или смерти мужа [9, с.261]. У чеченцев женщина в этом случае имеет право на финансовое обеспечение.

Основной формой заключения брака у чеченцев являлся брак по договоренности с девушкой. Но прежде чем договорится с ней, должно произойти знакомство молодых. Но где? Присматривалась молодежь друг к другу на свадьбах, вечеринках, устраиваемых в честь приезда гостя, *белхий* (ингуш.) (взаимопомощь) и так далее. Если молодые люди понравились при первом знакомстве, то неофициальные их встречи в различных местах становились частыми. Эти встречи могли продолжаться несколько месяцев. Наконец, молодой человек предлагает своей возлюбленной выйти за него замуж. Если девушка принимает предложение, то они договариваются о месте и времени встречи. В назначенный час и место, что бывает вечером, с наступлением темноты, девушка приходит, и молодой человек, пришедший сюда со своими друзьями, забирает свою невесту. Это самая распространенная форма брака у чеченцев. Такую форму брака у чеченцев, к сожалению

нию, называли и называют похищением те, которые совершенно далеки от понимания вопросов брачно-семейных отношений [10].

Зачастую о таком побеге девушки из дома, узнавали родители. Так, однажды отец девушки ночью возвращался домой. Ночь была темная. Недалеко от своего дома отец вдруг почувствовал, что его кто-то толкнул. Оглянувшись, внимательно посмотрев, он увидел протянутую руку с узелком (в узелке были вещи первой необходимости, приготовленные девушкой). Нагнувшись, отец узнал свою дочь. Оказывается, девушка в темноте не разобравшись, приняла отца за своего жениха. Узнав свою дочь, отец сказал «не я тебе нужен, те, кто тебе нужны, вон у забора стоят» [8].

Молодой человек забирал свою девушку, но вез ее не домой к своим родителям, а в семью ближайших своих родственников или к родителям своих друзей. Такое явление в брачном обряде у чеченцев называлось *зуда йоссаяр* (чечен.) [8]. Хозяин дома, где это произошло, брал эту девушку под свою опеку. Что бы ни случилось, за все отвечает он. Далее родители жениха сообщают родителям девушки через своих посредников, что их дочь по своему согласию вышла замуж. Родители девушки соглашались на брак, но при этом старались определить размер *тама*, идущего полностью на приготовление приданного. Продолжительность времени, проводимого молодоженами у хозяина, где произошло *зуда йоссаяр*, зависело от согласия родителей девушки на примирение и от того, как скоро он, хозяин, подготовит подарок. По обычаю чеченцев он должен приготовить ценный подарок.

Уплатив *там* вместе с различными подарками родителям девушки, ее братьям и снохам, жених забирает ее к себе домой. Получив *там*, родители девушки начинают готовить приданное. В состав приданного входит не только то, что было приобретено за *там*, но и многие вещи, которые родители покупают за свои сбережения. Эти расходы всегда бывают больше чем *там*. Приведем пример. В 1933г. в сел. Валерик девушка Х.С. вышла замуж за Д.М.. Д.М. уплатил там в размере 500 руб., барана, 10 кг сахара, 15 метр. «басмы» (ситца). Родители девушки за свой счет приготовили следующее приданое: 2 пуховые подушки, 2 матраса, 2 одеяла, покрывало, ножную швейную машинку – 300 руб., «г1умаг1» - маленький кувшин для воды, кумган, таз, «к1удал» - медный кувшин для носки воды, «чара» - большой таз, самовар, поднос, 6 тарелок, 6 стаканов, чайные ложки, обувь нескольких видов, 2 чемодана одежды для себя [8]. Приобретенное приданое, девушка у чеченцев, получала не сразу, а по истечению определенного времени. Это время могло длиться от одного до нескольких месяцев. Его продолжительность зависело от того, как скоро девушка возвращалась домой к своим родителям погостить - *даь ц1а йохна* [8], что можно перевести как «пошла к родителям». Побывав дома у своих родителей от одного до трех-четырёх недель, девушка возвращалась к мужу со своим уже заранее приготовленным приданым и подарками. У чеченцев бывали случаи, когда *там* (приданое) уплачивался не сразу. Недоплаченную часть *тама* могли уплатить позже или же при разводе по инициативе мужа [8]. Практиковались случаи, когда весь «там» привозился во двор невесты, но ее родители, с согласия девушки, возвращали его жениху. В таких случаях родители невесты

заручались поддержкой двух свидетелей, которые должны были подтвердить, что при разводе не по вине девушки, то родители жениха должны вернуть невесте весь *там* [8].

В некоторых чеченских обществах бытовали и особенности при выплате калыма. Так, у чеченцев-лоамарой калым назывался *урдув* (чечен.), который всегда выплачивался полностью, а не по частям [8]. У чеченцев-мелхий *урдув* вообще никогда не выплачивался, жених лишь предоставлял *хьолтагI* (чечен.) - расходы на угощение, а приданое готовили родители жениха [8].

Часть приданого, которое готовили родители невесты, у чеченцев-лоамарой называлось *хьонсур* (чечен.). Подарки девушке преподносились как со стороны родственников жениха, так другими родственниками и приглашенными на свадьбу лицами. Все принесенные подарки являлись собственностью девушки. Подарки преследовали различные цели. С одной стороны, они служили для выражения взаимной дружбы и расположения двух чужих родов, а с другой стороны, они приносились с целью помочь более прочному становлению хозяйства молодых людей. Подарки на свадьбе обязательны. У чеченцев скорее можно было жениться без уплаты приданного со стороны жениха, чем без подарков. Подарки не имели никакого отношения к калыму – *там* и *урдув*. В составе подарков могли входить различные вещи и предметы, начиная от туалетных принадлежностей и заканчивая крупным рогатым скотом. Можно сказать, что большинство чеченской молодежи вплоть до 1970-х годов заключали браки вышеописанным способом.

Несмотря на то, что описанные нами некоторые аспекты брачных традиций бытовали в 1970-е годы, и настоящее время большинство из них сохраняются в чеченском обществе [11, с. 114-119; 12, с. 45-52; 13, с.37-41, 14, с. 109-114, 15, с.9-12]. Как нам представляется, сохранение народных традиций во многом залог духовной безопасности чеченского народа.

#### Список литературы:

1. Babich I. Endemic characteristics of ethnocultural integration of the North Caucasians in Modern France // *Central Asia and The Caucasus*. 2017. № 2.
2. Мациев А.Г. (сост.). Чеченско-русский словарь. 1961.
3. Плиев А.А. Урдув-калым у ингушей // *Расы и народы*. 2005. Вып. 31, М., 2006
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. Спб., 1871
5. Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Выпуск 2-3. М., 1888.
6. Леонтьевич Ф.И. Адаты кавказских горцев. // *Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа*. Вып.1-2., Одесса, 1882-1883.
7. Малинин Л.В. О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев // *Этнографическое обозрение*. 1980. № 3.

8. Плиев А.А. Полевые материалы автора (информаторы: Д.Д. Досаев, 1893 г. рожд., сел. Валерик, Д.Д. Мальсагов, 1898 г. рожд., г. Грозный, С.А. Мальсагов, 1899 г. рожд., сел. Валерик, М.М. Мучаров, 1891 г. рожд., сел. Барзой, С.Ч.Барчашвили, 1900 г. рожд., сел. Новый хутор, П.Д. Махаури, 1885 г. рожд., сел. Бамут).

9. Гаджиева С.Ш., Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961

10. Подорожнова В. Кавказские пленницы //Российская газета. 23 декабря 2005. №289

11. Хасбулатова З.И. Формы заключения брака у чеченцев в XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5.

12. Сайдумов Д.Х., Нинчиева Т.М., Алихаджиева А.С. Семейно-правовые отношения в чеченском обществе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4.

13. Арсанукаева М.С. Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX – нач. XX в. // Семейное и жилищное право. 2003. № 1.

14. Евлоева Л.М. Традиции и инновации в семейно-брачных отношениях ингушей // Гуманитарные исследования. 2015. № 1.

15. Байдаева Б.Д. Калым-урду у вайнахов: социокультурный анализ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2009. № 3а.

## **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ**

**Полякова И.В.**

*Россия, г. Смоленск*

*Смоленский государственный университет*

*E-mail: Alisapolyak2810@mail.ru*

**Аннотация.** В статье осуществлен теоретический анализ методологических оснований развития личности, выделен приоритет принципов достоинства личности и конструктивной социальной среды, создающей условия психологической безопасности личности.

**Ключевые слова:** методологические принципы, развитие личности, интегративный подход, эмоциональные переживания, принцип достоинства личности, психологическая безопасность личности.

Методологические проблемы исследования профессионального и личностного развития связаны с выделением в качестве существенных тех или иных оснований анализа. Принцип комплексности и системности по определению объединяет составляющие личностного и профессионального развития в некую структуру. Однако, это объединение осуществляется разными авторами, исходя из собственных научных интересов. Акцентирование



одного из структурных компонентов создает преференции рассмотрения всех остальных «по образу и подобию». В связи с этим, методологический принцип комплексности и системности, будучи продекларированным, практически как бы ускользает из исследования. Выдвижение некоего основания в качестве системообразующего отодвигает на второй план учет остальных оснований, оставляя проблему методологии исследования открытой. Вместе с тем, комплексный и системный подход исследований человека является актуальным [3].

Методология исследования проблем профессионального и личностного развития включает в себя тенденции интегративного подхода. В научных разработках формирования и функционирования психики обосновывается «... неправомерность противопоставления интеллектуальных (конвергентных) и творческих (дивергентных) способностей, в качестве механизма их взаимосвязи выступает индивидуальный когнитивный ресурс; успешность (учебная, профессиональная) выступает как “диапазон достижений”, нижний и верхний порог которого определяются не только величиной IQ, но также мотивацией и личностными качествами ...» [8, с.5]. Таким образом, индивидуальный личностный ресурс рассматривают в качестве системообразующего основания в совокупности индивидуального опыта, личностных достижений, активности, интеллектуальных, эмоциональных и личностных особенностей, а также учета социальной ситуации.

Одним из примеров такого подхода является разработка понятия когнитивно-стилевой комплекс, в терминах В.М. Русалова. Выделяются три таких комплекса (в раннем юношеском возрасте): социально-вербальный, эмоционально-моторный и интеллектуальный; они связаны с особенностями темперамента и характера, «...разными видами модально-специфической активности (психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной). Обнаружено, что когнитивные стили, имея ряд общих связей с показателями модально-специфической активности (темперамента), дифференцированы на уровне черт характера» [7, с. 32].

Таким образом, регуляция профессиональной деятельности и особенности формирования и функционирования личности осуществляется комплексно на уровне интеллектуальной, модально-специфической, «личностной» (структура личности, в терминах К.К. Платонова) активности. Представляется, вслед за М.А. Холодной, что вся эта конструкция является как бы самонаводящейся и направляется системой смыслообразующих и ситуационных мотивов, в структуру которых в качестве значимого ресурса входит восприятие личностью себя, окружающего мира и себя в нем.

Эмоциональные переживания и их регуляция составляют важную часть психической и социальной жизни человека и в определенных ситуациях могут рассматриваться как самостоятельная деятельность. Выбор стратегии регуляции эмоций «... определяется мотивацией и особенностями актуального психического состояния субъекта» [4, с. 147]. Авторы подчеркивают значение операционального компонента. Представляется, что активность и операциональные компоненты связаны, но не идентичны. Любое реагирование имеет помимо содержательных, то есть имеющих свой предмет, опе-

рациональные (динамические и технические) основания. Понятно, что они взаимосвязаны как форма и содержание. Поскольку психические функции, модально-специфическая активность, жизненный опыт личности имеют гетерогенный и гетерохронный характер, сложно предположить унификацию операционального компонента для личности в целом. И тем не менее, прояснение механизмов операционального компонента в отражении и саморегуляции выводит на проблему осмысления механизмов привычного, бессознательного или частично осознаваемого поведения и, следовательно, осознаваемых самоизменений личности.

Значение психического состояния во многом определяет особенности саморегуляции и развития. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. (2016) исследовали зависимость регуляции эмоций от недуга у больных. Они установили, что больные с артериальной гипертензией характеризуются «... выраженным конфликтом достижения (конфликта мотивов стремление к успеху и избегание неудачи); дефицитом личностной рефлексии ... ограничениями в использовании ресурса имеющихся стратегий регуляции эмоций. ... пациенты со стресс-индуцированной гипертензией отличаются ... более частым возникновением состояния эмоциональной напряжённости в условиях эмоциональной нагрузки, которое ... в дальнейшем приобретает статус фоновой характеристики, негативно влияющей на возможность эффективного использования ресурса регуляции эмоций в эмоционально значимых ситуациях» [там же, с. 147].

Взаимозависимость эмоциональных переживаний и особенностей функционирования когнитивных познавательных процессов общеизвестна [5]. В исследованиях точности восприятия, проведенных нами с 2013 по 2016 гг. установлена связь между типом восприятия, модально-специфической активностью, личностными качествами и видами психологических защит, а также влиянием профессиональной деятельности на развитие точности восприятия [6]. Иными словами, принцип деятельностного опосредствования развития психики и личности является неоспоримым методологическим принципом, определяющим и содержание, и проблемы профессионального и личностного развития. Его понимание в контексте смыслов, жизненного опыта и ситуации, в которые включена личность [8], бесспорно открывает перспективы развития потенциала личности обучающегося.

Методологические принципы функциональности (полезности, в терминах А.Г. Асмолова [1, с. 15]) и достоинства (самоценности, саморазвитию [там же]) также описывают как системообразующие. Реализация этого методологического принципа развития личности обеспечивается созданием специально организованной культурной среды, ориентированной на психологию саморазвивающейся личности в саморазвивающемся мире, в противовес принципу обезличенного познания [там же]. «Одним из ключевых методологических принципов ... является принцип мотивационного анализа поведения отдельных личностей, больших и малых социальных групп, психохисторической интерпретации современной социокультурной реальности. Вместе с прагматически ориентированной бихевиористской психологией и когнитивной психологией нам нужна третья точка опоры, а именно: психо-

логия как культурно-историческая наука о жизни человека в его повседневном мире, ... опирающаяся на методологию изменений и социального конструктивизма ... От психологии изучения отдельных психических функций – к психологии социальных действий и конструирования жизненных миров» [там же, с. 17].

Достоинство личности как результат и форма экзистенциального бытия также имеет своего рода методологические принципы, обеспечивающие ее достижение. Оно «входит» в целостность личности. Б. Беттельгейм определяет целостность личности его соответствием поступков убеждениям. Отсутствие такого соответствия ввергает сознание в конфликт с бессознательным [2].

Завершая теоретический анализ методологических оснований развития профессиональных и личностных особенностей личности, хотелось бы подчеркнуть приоритет принципов достоинства личности и лояльной, социально-конструктивной социальной среды, снимающей потенциальный внутренний конфликт и создающей культурно-исторические условия психологической безопасности и процветания личности.

#### **Список литературы:**

1. Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. – 2016. – № 4. – С. 14-28.
2. Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма [Электронный ресурс] // Образовательная политика. – 2015. – № 2. – URL:[http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2015/08/OP\\_2\\_2015\\_battelgeim.pdf](http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2015/08/OP_2_2015_battelgeim.pdf)  
Дата обращения: 20.02.2017
3. Гусельцева М.С., Кончаловская М.М., Хузеева Г.Р. Многофакторность как принцип изучения развития идентичности подростка в современном мире // Мир психологии. – 2016. – №1. – С. 224–237.
4. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. Клинико-психологическое исследование регуляции эмоций: культурно-деятельностный подход // Вопросы психологии. – 2016. – № 3. – С. 41–57.
5. Малых С. Б., Тихомирова Т. Н. Личностные черты и интеллект: взаимосвязи и их природа // Вопросы психологии. – 2015. – № 2. – С. 147–160.
6. Полякова И.В. Влияние эмоциональных состояний на функционирование перцептивной сферы и свойства личности // Вестник Волгоградского университета. Серия 11. - 2015. - №2 (12). – С.113-121. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu11.2015.2.14>
7. Русалов В.М., Волкова Е.В. Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. - 2015. - Т. 36. - №5. - С. 32-42
8. Холодная М.А. Интеллект, креативность, обучаемость: ресурсный подход (о развитии идей В.Н. Дружинина) // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. - № 5, С. 5-14.

## НАРТЫ: ОТ КУЛЬТУРНЫХ ГЕРОЕВ К ПОЧИТАЕМЫМ ПРЕДКАМ

**Рахно К.Ю.**

*Украина, Опошное*

*Национальный музей-заповедник украинского гончарства в Опошном,  
Институт керамологии – отделение Института народоведения  
НАН Украины, E-mail: krakhno@ukr.net*

**Аннотация.** Статья посвящена этиологическим мотивам нартовского эпоса. Даже смерть нартов выступала своеобразным героическим эталоном. Царство мёртвых могло отождествляться с местопребыванием усопших нартов, которых почитали как предков.

**Ключевые слова:** нартовский эпос, мифология, этиологические мотивы, погребальный обряд, царство мёртвых, верования, культ предков, осетины.

Одна из магистральных мифологических тем нартовского эпоса народов Кавказа – образование элементов природы и культуры полубожественными предками, в роли которых выступали витязи-нарты. Они не только приняли участие в мироустройстве, преодолевая первоначальное хаотическое состояние и упорядочивая его в ходе войн с великанами. По меткому наблюдению классика балкарской литературы и знатока родного фольклора Кайсына Кулиева, «всё необходимое для человека в его жизни было открыто, найдено и сделано нартами» [1, с. 13]. Это справедливо не только для балкарской, но и для всех прочих национальных версий эпоса, поскольку в нартовских сказаниях содержалось много этиологических мотивов, то есть объяснений происхождения различных особенностей материальной культуры и быта: культурных растений, жилища, артефактов, в том числе орудий труда и музыкальных инструментов, блюд и напитков, использования огня, ремёсел и занятий. Нартам приписывалось основание высокочтимых святилищ. Многие правила поведения, обычаи и обряды так же считались учреждёнными нартами, назывались обыкновением нартов, и сказания поясняли, почему, откуда и как они возникли. Более того, по наблюдению исследователей нартовского эпоса, разного рода деятельность культурных героев, героизированных предков в период формирования современного мира имела обязательные результаты для последующих поколений. Часто даже случайные их поступки являлись роковыми для потомков, поскольку служили для них наглядным примером [2, с. 169].

В понимании носителей традиционной культуры любое действие непременно имело своим образцом архетипическое прадействие, совершённое божеством или предком «во время оно». Но после завершения своих деяний культурные герои обычно уходили, что произошло и с нартами. Избрав вечную славу вместо вечной жизни и погибнув, нарты оставили после себя эталон героической смерти. Впрочем, их смерть не была окончательной и повлекла за собой новый статус. Как отмечали фольклористы, «миф о бессмертии богатырей так же свойственен народной культуре, как и вера в возвращение

царей-избавителей или в посмертные мучения знаменитых разбойников. Его корни – в культуре мёртвых, вернее в почитании предков» [3, с. 6]. Такое поклонение нартам как усопшим прародителям было известно у народов Северного Кавказа.

В частности, из речи при осетинском посвящении коня покойнику следует, что нарты, исчезнув с земли, ушли в своеобразный рай: родственники покойного, собравшись у могилы, желали ему счастливого пути «в землю нартов» [4, с. 26; 5, с. 59-60; 6, с. 31]. В погребальном обряде основная задача умершего – успешно пройти предназначенный ему традицией путь и приобрести к сонму предков. В осетинском языке существовало выражение «отправиться к нартам», то есть на тот свет [7, с. 165]. Страной нартов называлось местопребывание мёртвых в похоронной поэзии, и они рассматривались как предки осетин [8, с. 415]. Плач по покойнику содержал то же выражение: «(Ты) ушёл в страну нартов», что означало «(ты) умер, отправился к праотцам» [7, с. 41]. Об умершей девушке, например, говорилось, что боль своего сердца она уносит в страну нартов [8, с. 301]. Традиционным являлся приём обращения к недавно умершим родственникам. Объяснялся он верой в то, что навстречу покойнику выходят его родственники, которые сопровождают его до постоянного местопребывания в стране нартов [8, с. 19]. Говорилось, в частности, что ранее погибшие племянники встретят покойника и «на своих плечах в мир нартов внесут» [8, с. 20, 299]. Умерший примет участие в трапезе эпических витязей: «Каким мать, отец вырастили тебя в этом мире, таким и в мире нартов будь, среди прославленных, обласканных! Вместе с ними седи, их сотрапезником будь!» [8, с. 310]. Осетинские женщины приносили клятву «именем нартовских покойников». Эта клятва считалась священной и нерушимой, при её произношении женщины почтительно вставали с накрест сложенными руками и подносили их так к челу [7, с. 165]. Сами нарты при этом воспринимались как предки вообще и родоначальники конкретных семейств в Дигории [7, с. 41; 9, с. 6; 10, с. 192; 11, с. 2; 6, с. 21; 2, с. 164]. Исследователи полагают, что точная копия нартовского рая воинов присутствовала в скандинавской Валгалле – чертоге убитых, обители павших в бою храбрых воинов, принадлежащем верховному богу германской мифологии Одину [12, с. 112]. Королям-воителям поклонялись после их смерти [13, с. 404]. Такие же представления бытовали и в степях Причерноморья. Те, кто погиб «счастливой» смертью в битве, по верованиям аланов, продолжали верно служить богу войны и были достойны уважения и почитания своих потомков [14, с. 40-41]. Представление о царстве мертвых как о «мире нартов», которые оттуда стараются помочь роду человеческому, разделялось также балкарцами [15, с. 62, 592]. У карачаевцев отмечено и прямое соотнесение предков с нартами [16, с. 84; 17, с. 225]. Пословицы и поговорки назывались у балкарцев и карачаевцев «нартовскими словами», что, возможно, правильнее переводить как «предков слова». С нартами связывалось представление о предковской мудрости [18, с. 195-196]. Чеченцы и ингуши в молитве, которую читали перед смертью человека, высказывали ему пожелание быть вместе с «Божьими нартами, с нарт-орстхойцами», перечисляя знаменитейших героев сказаний [19, с. 80-81; 20, с. 72]. Аварцы мнили, что, исчезнув с земли,

нарты продолжают жить в подземном мире и знают там обо всём, что творится на земле. Представление о загробной жизни эпических героев отразилось в аварском присловье «Пусть будет среди нартов», которое ещё недавно было принято произносить над покойником [21, с. 171; 22, с. 52].

Главным героям нартовского эпоса была уготована особая посмертная судьба. Дело в том, что похоронный обряд был тесно сопряжён с представлениями о подземной части макрокосма как царстве смерти. В осетинской мифологии им заведовал бог Барастыр, но осетинские нартоведы давно уже связывают грозowego эпического героя Батраза, сохраняющего черты божества войны, с Барастыром в качестве возможного хозяина той страны, куда уходят души доблестных воинов [23, с. 241, 244; 12, с. 112]. Бог войны, чьим символом служил меч, по верованиям аланов, мог являться и богом загробного мира [14, с. 125]. Поэтому весьма любопытным является рассказ о путешествии по стране мёртвых нарта Сослана, который среди прочих усваиваемых истин неожиданно узнаёт, что хозяином рая там является Батраз: «Не послушал он их, и они показали ему дальнейший путь. Вышел он туда и нашёл там Батраза сына Хамица. Батраз был главным в раю и обрадовался Сослану.

Сослан также обрадовался ему и опять попросил еду. И Батраз сказал ему:  
– Если остаёшься тут, то будет тебе еда, иначе не будет.

Не согласился Сослан, как другие.

– Я нартам, в ином мире что увидел, не смогу удержаться, чтобы не рассказать, но чтобы они поверили мне, что я тут был, такое доказательство мне нужно, – сказал Сослан.

Батраз меж его двух лопаток написал, как Сослан вышел к Черной горе, как зашел в иной мир и что повидал. Как год прошёл, а он кроме как поест ничего не сделал, это» (перевод Тимура Темирова) [24, с. 552-553; 23, с. 243]. Но в другом варианте этого сказания на спине у Сослана ставит свою подтверждающую подпись Барастур – покровитель потустороннего мира, давая нартам знать о своём существовании [24, с. 535; 25, с. 160; 26, с. 211], то есть они могут быть взаимозаменяемыми. На это важное обстоятельство указывает также окончание одного из сказаний о смерти Батраза: «Бог сказал им: «Идите, и если до приношений покойнику люди станут призывать имя Божье, то ему достаточно будет этого и он будет вам повиноваться. Пошли они и внесли [Батырадза] в склеп Сопии и похоронили его там. Ныне, если люди призывают имя Божье прежде приношений покойнику, то это Батырадзов удел» [27, с. 499; 25, с. 301]. Исследователи справедливо полагают, что здесь в образе Батраза присутствуют явные черты божества, статус которого был чрезвычайно высок: в Стране Мёртвых Батраз получает ту часть поминального приношения, которая предназначается самому Богу, что, по сути, ставит Батраза на уровень божества загробного мира [28, с. 8-9]. В другом сказании о смерти Батраза его особая функция в загробном мире подтверждается максимально ясно: «Ласточка на крыльях своих подняла Батраза на небеса. Там Батраз от Бога получил позволение и поэтому стал повелителем загробного мира Барастаром, разбирающим праведные и грешные дела [умерших людей]» [28, с. 9]. В обра-

зе Батраза прослеживаются черты первогероя индоиранской мифологии, который после смерти становится владыкой преисподней [12, с. 112].

Батраз – не единственный нартовский герой, ставший божеством нижнего мира. В осетинской быличке одним из нижних богов был назван Сырдон. Переход из героев в боги, возможно, являлся спонтанной реконструкцией древней семантики его образа [29, с. 71], как и в прочих случаях. Победив Сослана, нарт Тотрадз становится привратником страны мёртвых, и Сослан уже не смеет совершать визиты туда [24, с. 708; 25, с. 173; 30, с. 37; 31, с. 83]. Наконец, ту же самую метаморфозу от эпического героя до божества проходит Кафтысар (Кантисар) Хуандон-алдар, который в некоторых осетинско-иронских сказаниях предстаёт в качестве хозяина подземного (загробного) царства или рая [7, с. 165; 32, с. 244]. Он является из нижнего мира, дабы навестить умирающего Сослана [24, с. 568; 25, с. 168; 33, с. 244]. В нартовском эпосе осетин Хуандон-алдар прямо не называется нартом, хотя некоторые данные о нём говорят в пользу такого положения. Этот эпический властитель для получения войска мертвецов послал нартов к Чёрной скале, к которой необходимо было обратиться на хатиагском языке, известном только знатым нартам. Если использование армии мёртвых зависело от знания этого языка, то оно предполагало владение им и самим царем. После смерти Хуандон-алдар попадает в рай нартов или даже становится там главой, заменяя обычного правителя Барастыра, что вряд ли было бы допустимо для иноплеменника [34, с. 118, 134, 227; 35, с. 32]. В сказаниях нарты, став умершими предками, по-прежнему считались членами рода и составляли с живущими единую сакральную общину. Так, солярный герой Сослан «выпросил у Бога право выходить по каждой тревоге. И когда раздавалась тревога, то [он] выскакивал из своей могилы и, таким образом, помогал нартам даже из Страны мёртвых» [24, с. 707-708; 25, с. 173; 36, с. 84]. Осуществляя связь коллектива с иным миром, включающим не освоенные живущими природные стихии, нарты способствовали подчинению этих стихий потомкам, а также плодородию. Вышеупомянутый путь в этот иной (загробный) мир проходил через три главные сакральные точки, отмеченные мифом и ритуалом: дом – могила (как вход в иной мир или граница иного мира) – селение мёртвых (предков) в ином мире. Важнейшим локусом на пути в иной мир была могила, откуда вели дороги во все миры. Многие древние могильники в Дигории слыли могилами Сослана [37, с. 148]. На месте одной такой предполагаемой могилы Сослана возле селения Нар справлялся ежегодно летом, близко к дню летнего солнцестояния, «праздник Сослана», когда закалывались бараны в честь героя и ему молились о ниспослании хорошей погоды [38, с. 261, 285; 39, с. 175].

Почитание нартов как культурных героев у носителей нартовского эпоса было тесно связано с культом предков, культом мёртвых и с погребальным обрядом, но не равно им целиком. Сказания показывали, что нарты, будучи агентами коллектива в потустороннем мире, способствуют подчинению природных стихий коллективу; этим обосновывалась роль культа предков во всей жизни общины. Таким образом, повествования о посмертной судьбе нартов тоже выполняли этиологическую функцию, пред-

ставляя умерших как медиаторов между тем и иным миром, способствующих взаимосвязи и нормальному функционированию всех частей космоса.

### Список литературы:

1. Егорова Людмила. Литературы народов Северного Кавказа: очерки. Ставрополь, 2004.
2. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 2004.
3. Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001.
4. Шифнер А. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораявым // Записки Императорской Академии наук. Прил. к XIV тому. СПб., 1868.
5. Шёгрэн А.М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998.
6. Дюмезиль Жорж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
7. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в Нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
8. Памятники народного творчества осетин. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия / Составитель Т. А. Хамицаева. Владикавказ, 1992.
9. Осетинские народные сказки / Запись текстов, перевод, предисл., и примеч. Г.А. Дзагурова (Губади Дзагурти). Автор типологического анализа сюжетов Исидор Левин при участии Уку Мазинга. М., 1973.
10. Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1882. Т. 222. № 8, август.
11. Миллер Всеволод. Экскурсы в область русского народного эпоса. V-VIII. М., 1892.
12. Цагараев Валерий. Золотая яблоня нартов: история, мифология, искусство, семантика. Владикавказ, 2000.
13. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей: В 3 т. М.: Критерион, 2002. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства.
14. Бахрах Бернанд С. Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). М., 1993.
15. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост. Алиева А. И. М., 1994.
16. Каракетов М.Д. Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М., 1999.
17. Каракетов М. Д. Космогонические мотивы в эзотерическом ритуале карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999.
18. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. Нальчик, 1991.
19. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.
20. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М., 1972.
21. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала, 1992.
22. Халидова М.Р. Устное народное творчество аварцев. Махачкала, 2004.
23. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин: (Традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали, 1985.



24. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдурат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Дзæуджихъæу, 2004. Дыккаг чиныг.
25. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т. А. Хамицаева и А. Х. Бязыров. М., 1989. Книга 2.
26. Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Том I.
27. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдурат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыкаайты Шамил. Дзæуджихъæу, 2005. Æртыккаг чиныг.
28. Дарчиев А. В. О военном культе аланов // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2017. Вып. 24 (63).
29. Сокаева Д.В. Переосмысление традиционных образов в современных устных рассказах осетин // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 71.
30. Нарты. Осетинский героический эпос / Составители Т. А. Хамицаева и А. Х. Бязыров. М., 1991. Книга 3.
31. Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996. Книга 1.
32. Туаллагов А.А. В.Ф. Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.
33. Bailey H. W. Ossetic (Nartā) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980. Volume 2.
34. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.
35. Туаллагов А.А. Меч и фандыр: Артуриана и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2011.
36. Дюмезиль Жорж. Скифы и нарты. М., 1990.
37. Таказов Ф. М. Ислам в системе традиционной культуры осетин (XVIII – начало XX вв.). Владикавказ, 2007.
38. Миллер Всеv. Осетинские этюды. Часть вторая. Исследования. М., 1882. Выпуск второй.
39. Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.

## **РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ**

**Ринчинова Т.М.**  
*Россия, г. Улан-Удэ*  
*Бурятская гимназия №29*  
*E-mail: rtanyam@mail.ru*

*Аннотация.* Этнический язык создает основу внутриэтнического нормативного единства, обслуживает коммуникацию этноса в целом, обеспечивает социальное взаимодействие между всеми членами этноса. Родной язык не может не влиять на опыт конкретного индивида, его поведение,

культуру. На основании родного языка формируются первичные навыки речевого взаимодействия. С помощью родного языка осуществляется первичная социализация и культуризация личности, ознакомление с нормами, ценностями, традициями своего народа и происходит развитие этнокультурной компетентности растущего человека

**Ключевые слова:** язык, этнический язык, культура народа подрастающее поколение, этнокультурная компетентность.

Культура бурятского народа многогранна и уникальна. Столетиями формировались мировосприятие, мировоззрение, уклад жизни, традиционные занятия, нормы этики и морали, народное искусство, философия, экология, медицина, национальная кухня и другие аспекты культуры. В традициях кочевого образа жизни народа сформировалась самобытная культура, отражающая взаимодействие человека с природой. Отсюда истоки духовности и нравственности, закрепленные в народном творчестве, в его языке. За годы социалистического развития появлялись новые поколения бурят, все более отдаляющиеся от лучших традиций многовековой культуры народа [5]

Язык – бесценный дар, которым наделен человек. В нем одухотворяется весь народ и вся его история. Посредством родного слова от каждого детского сердца протягиваются нити к тому великому и вечному, имя которому – народ; к тайнам его культуры, славе его многочисленных поколений. Он соединяет человеческие души, историю современностью, жизнь предков с нашей жизнью. Через родное слово ребенок становится сыном своего народа [2].

Сохранению и полноценному развитию бурятской этнической культуры не благоприятствует сложившаяся ситуация, характеризующаяся следующими чертами: 1) малое количественное соотношение бурят в каждом из бурятских автономных образований; 2) изменение традиционного образа жизни, сопровождающееся резким спадом воспроизводства этнической культуры, унификация образа жизни этноса; 3) внедрение русского языка во все сферы жизни, в результате чего большинство этноса предпочитает пользоваться русским языком как языком общения между представителями разных этносов [1, 27]. Бурятский язык функционирует лишь в сфере быта, в кругу семьи, причем главным образом в сельской местности при условии компактного проживания бурят. Для городских жителей-бурят родной является русская языковая среда.

Язык, являясь средством накопления, хранения, переработки и передачи информации, становится двигателем прогресса человечества. Значимость отдельной языковой личности заключается не столько в ее индивидуальности, неповторимости, сколько в широте представленности исторически сложившейся этноязыковой картины мира, в концентрации речеповеденческого эталона и культурной энергии этноса.

Немаловажным аспектом формирования коммуникативной культуры человека является потребность в овладении искусством слова, определить свое место и возможности самореализации в мире общающихся людей. Коммуникативная культура личности должна стать гарантом безопасного и

комфортного ее существования в социальных условиях современного общества [4, 27].

С утратой самобытной культуры сокращалась социальная функция бурятского языка. А бурятский народ всегда считал, что незнание родного языка меняет самосознание личности, влияет на этническую идентификацию и в старину высмеивали людей, незнающих родной язык. Ребенок с момента рождения оказывался в благодатной среде и с малых лет воспитывался в духе уважения и любви к родному слову, народным традициям и обычаям. Сегодня же владение родным языком и образование на нем утратило личностную значимость. К примеру, в средних и высших образовательных учреждениях, что «дальнейшее развитие этой тенденции порождает опасность маргинализации бурятского общества, ибо утрата родного языка влечет за собой забвение национальных традиций, обычаев, исторической памяти народа» [5, 118]. Так, с утратой языка и культуры изменяется и самосознание человека.

Осмысление такого положения выводит на поиски путей возрождения значимости родного языка. В решении этой задачи особая роль принадлежит школе, так как через нее проходит все подрастающее поколение. Таким образом, можно видеть национальную школу как социальный институт формирования этнического самосознания.

В этом плане национальные школы Республики Бурятия стараются обогатить содержательную часть образовательной программы в духе традиционной культуры народа. Педагогические коллективы школ стремятся к тому, чтобы учащиеся одинаково хорошо знали и русский, и родной бурятский язык. Продуманы предметы национально-регионального компонента. Учителя разрабатывают авторские программы, в учебную программу школы вводятся спецкурсы, элективные курсы и факультативы, изучающие культуру и традиции своего народа. Изучая данные предметы, ученик развивается, учится уважать себя, родной язык, свой народ, родную землю, учится искусству общения с другими народами.

Также, дальнейшее развитие национальных школ должно быть связано с углублением изучения бурятского языка на широкой базе внеурочной, внешкольной работы с детьми в воспитательном плане. Через народное творчество, фольклор учащиеся открывают традиции и культуру родного народа. Необходимо соблюдать принцип вариативности, стараться как можно меньше теоретизировать, больше внимания уделять эмоциональному восприятию материала учащимися. Таким образом, приобщение учащихся к материальной и духовной культуре своего народа способствует расширению их кругозора, формированию у них интереса к достижениям этнической культуры, к творчеству создателей материальных и духовных ценностей народа, а также к родному языку.

Этнический язык – это, прежде всего, язык этноса, являющийся его признаком, как правило, он продукт данного этноса. Этнический язык создает основу внутриэтнического нормативного единства, обслуживает коммуникацию этноса в целом, обеспечивает социальное взаимодействие и социокультурное отношение в процессе коммуникации между всеми членами

этноса, принадлежащими к различным социокультурным слоям. В случаях, когда некоторые представители этноса отходят от своего этнического языка, он все же сохраняет роль этнического символа и определяет внутреннюю настроенность человека на исполнение заложенных в нем с детства этнокультурных норм [3].

Именно в языке запечатлен весь познавательный опыт народа, его морально-этические, социально-эстетические, художественные и воспитательные идеалы. Язык хранит историю движения народа по пути цивилизации, он отражает характер народа, его симпатии и антипатии, связи с соседними народами. Язык впитывает в себя все тонкости оценочного отношения к действительности, ее восприятия и отражения.

Язык не может не влиять на опыт конкретного индивида, его поведение, культуру. Под явным или неявным воздействием языка, его установлений, традиций находятся все сферы жизнедеятельности человека, и ее успешность в немалой степени зависит от того, в какой языковой среде проходит жизнь человека, как он освоил родной язык. На основании родного языка формируются первичные навыки речевого взаимодействия [3, 38]. Это, как правило, язык матери, бабушки, семьи, с помощью которого осуществляется первичная социализация и культуризация личности, ознакомление с нормами, ценностями, традициями своего этноса. Иными словами происходит развитие этнокультурной компетентности растущего человека.

Известно, что языковая способность – часть культурной способности, а языковое самосознание – часть этнокультурного самосознания. В духовном богатстве народа родной язык является самым сокровенным. С первого слова матери, впервые услышав собственное имя, ребенок начинает познание мира, из нежных колыбельных песен, он впервые узнает родную мелодию и на всю жизнь ее запоминает. Народ уверен, что вместе с колыбельной песней ребенок изначально усваивает свой родной язык, а через него – чувства человеческой доброты, нежности, чуткости, восприятие красоты жизни.

Таким образом, любой язык, аккумулируя опыт народной жизни во всей ее полноте и разнообразии, является и действительным его сознанием. Каждое новое поколение, каждый представитель конкретного этноса, осваивая язык, приобщается через него к коллективному опыту и этнокультурной компетентности.

### **Список литературы:**

1. Абаева Ю.Д. Территориальная вариативность просодии бурятского языка / Ю.Д. Абаева, Э.И. Бюраева, Б.Ж. Будаев, Б.Д. Цыренов. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. – 96 с.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Дашинимаева П.П., Дырхеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П.П. Дашинимаева, Г.А. Дырхеева, Ж.Б. Жалсанова, Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2010. – 166 с.

4. Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент – СПб.: Инфра-М, 2002. – 346 с.

5. Рандалов Ю.Б. Возрождение и развитие языка, национальной культуры, традиций и обычаев бурятского народа. – Улан-Удэ, 2002. – 132 с.

## **КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

**Романова А.П.**

*Россия, г. Астрахань*

*Астраханский государственный университет*

*Aromanova\_mail@mail.ru*

**Джумакаева (Ваккасова) М.В.**

*Россия, г. Москва*

*Государственный академический университет гуманитарных наук*

*Chess129@mail.ru*

**Аннотация.** Одной из нерешенных задач является концептуализация проблемы культурной безопасности. В данной статье показаны основные проблемы концептуализации культурной безопасности и возможные пути ее осуществления.

**Ключевые слова:** культурная безопасность, концептуализация, традиции, инновации,

Безопасность является важнейшим витальным фактором человеческого существования. Безопасность чаще всего трактуют как *состояние*: состояние *бытия* без угрозы или вреда [1], состояние *свободного выбора* и *осуществления* группой, общностью, народом, нацией своей стратегии международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития [2], состояние *устойчивого функционирования и воспроизводства* социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особо организованной институциональной среды [3]. С другой стороны, когда мы говорим о концепции безопасности, мы подразумеваем систему мер и действий для предотвращения или купирования этих вызовов и угроз. Таким образом мы видим что даже на уровне понятийного осмысления проблемы, она является многофакторной и комплексной, и включает в себя как защиту, так и поддержание системного равновесия. На уровне обыденного сознания это комплекс экзистенциальных факторов: жизнь без войны, обеспеченная возможность пропитания, качественное медицинское обслуживание, отсутствие резких государственных катаклизмов, стабильная экологическая обстановка, устойчивая картина мира и т.д. Сложность осмысления проблематики безопасности состоит так же и в том, что с одной стороны существуют чисто объективные факторы и показатели безопасности, с другой – субъективные – наше ощущение опасности и безопасности, которое чаще всего бывает ситуативным.

Попытки осмысления состояния безопасности появляются еще во времена Аристотеля. Научную концептуальную форму они приобретают в XX веке, сначала в американской традиции, где безопасность трактуется, прежде всего, с позиции защищенности от военной угрозы и ее основным актором является государство. Позднее появляется европейское критическое направление: Уэльсская (Валлийская), Копенгагенская и Парижская школы, которые сместили акцент в рассмотрении безопасности от военных в сторону социетальных проблем. Становится понятным, что вызовы и угрозы стабильности существования идут уже не только со стороны военных и идеологических противников, но и со стороны общества в целом, а основным актором и одновременно объектом обеспечения безопасности становится так же гражданское общество, всевозможные сообщества и группы, и отдельные индивиды. Как обязательный фактор безопасности рассматривается свобода [4], а как важнейшая угроза социального характера - неуправляемая миграция [5]. Включение в сферу концепта «безопасность» социальной проблематики приводит к появлению множества всевозможных субнаправлений в исследовании безопасности: экологическая, экономическая, профессиональная, культурная и т.д..

Термин культурная безопасность употребляется с начала XX века, но научные разработки начинаются во второй половине XX в. и частота использования этого понятия в англоязычной литературе резко вырастает уже в последнее десятилетие прошлого века следуя анализу Роберта Албро[6]. Активно использоваться в научных разработках термин начинает как словосочетание *Cultural safety*, что явилось осмыслением результатов медицинской практики у аборигенов Новой Зеландии и понимается скорее как вчувствование, эмпатия, понимание, уважение к чужой культуре. Потом появляется *Cultural security*, который даже применительно к аборигенам начинает обозначать более осознанные, юридически оформленные действия - защиту и т.д. В русском научном дискурсе существует только один термин «культурная безопасность», использование которого существенно возросло в последние десятилетия. Однако несмотря на это в отечественной научной литературе, концептуально он так до конца и не осмыслен, хотя отдельные попытки были [7].

Концептуализация, как особый способ организации научного знания подразумевает не только переход на новый уровень осмысления накопленного знания, [8,с.168] его систематизацию, структуризацию, превращение его в систему. По мнению В. И. Карасика, «концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание» [9, с. 5].

Почему концептуализация культурной безопасности представляет определенную проблему? Что лежит в основе концептуализации культурной безопасности?. В рамках поля культурной безопасности основным актором становятся люди, гражданское общество и государство, где основным фактором сохранения безопасности является сохранение культурной идентичности как отдельного лица, так и социальных групп, связанных культурной общностью [10], иными словами коллективной культурной идентичностью. Объектом безопасности в глобальном смысле, становится

человечество, а объектом культурной безопасности - культура. Предметом же культурной безопасности может выступать и культурная целостность нации, этноса, сообщества, и культурная идентичность, и культурный код, и культурное наследие, а так же и совокупность этих объектов, в зависимости от контекста исследования, причем как на уровне государства, так и на уровне определенной социальной группы. Необходимо учитывать также, что не всегда задачи сохранения культурной безопасности, которые ставит перед собой государство, будут совпадать с задачами, которые ставит перед собой локальная культурная группа.

Что входит в область концептуализации научного исследования культурной безопасности? Исследователи и за рубежом и в России выделяют различные сферы (индикаторы), которые являются реперными точками в области обеспечения культурной безопасности. К ним относят международный туризм, культурное наследие и институты сохранения культуры, сфера культурных обменов и коммуникаций, сфера культурного потребления, экономика культуры [11, р.310], либо несколько иной набор индикаторов: социальная дезорганизация; социальный капитал; культурный капитал; социальная поддержка [12, р.189 ].

Мы предлагаем выделить следующие сферы, которые, прежде всего подвержены изменениям и влиянию со стороны чужой культуры, которые могут стать индикаторами состояния культурной безопасности: уровень устойчивости коллективной культурной идентичности; состояние культурного наследия и культурной памяти региона; устойчивость собственной культуры по отношению к «чужой»/ уровень экспансии чужой культуры; уровень безопасности в условиях цифровой культуры; институт семьи как пространство опасности/безопасности. Именно эти маркеры с одной стороны наиболее востребованы как единичные и самостоятельные в большинстве исследований в этой области, с другой стороны позволяют рассмотреть культурную безопасность как комплекс, исключив из него экономическую составляющую.

Есть и еще одна сложность концептуализации культурной безопасности. Если безопасность как таковая – это бесспорный жизненно необходимый фактор, не вызывающий сомнения, то вопрос с культурной безопасностью гораздо более сложен в силу многогранности самого феномена культуры. Культура как процесс и результат человеческой деятельности по воспроизводству человеческого социума - весьма широкое понятие . Это достаточно сложная конфигурация традиций и инноваций. С одной стороны, культура старается обозначить культурные особенности каждого сообщества и закрепить их, и наладив систему их транслирования через ритуалы, традиции, устные предания. С другой стороны, это то, что первым подвергается изменениям хотя бы на уровне технологий. Возникает культурный парадокс : с одной стороны, для нашей безопасности и сохранения культуры мы не хотим ничего менять, мы хотим оставаться стабильными, с другой стороны, если мы будем противиться изменениям , мы не будем развиваться, а придем к состоянию стагнации , что на самом деле усилит риск поглотить

ния другой культурой. Временным решением вопроса здесь может быть только полная изоляция, как у аборигенов о.Сентинель.

Коанцептуализировать проблему культурной безопасности возможно только учитывая то, что культурная безопасность – это состояние системного равновесия между необходимыми эволюционными процессами, сопутствующими любой инновации и потребностью любой культуры в самосохранении и трансляции своих основ. Одновременно это система мер защищающих культуру от экстремальных угроз (вандализм, геноцид, военные разрушения памятников) и одновременно создание условий для ее гармоничного развития. Это и состояние, и процесс.

***Работа выполнена при поддержке РФФИ проект 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».***

### **Список литературы:**

1. Caldwell, D., Williams, R. E. Jr. . Seeking Security in an Insecure World. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 2012
2. Яновский, Р. Г. . Глобальные изменения и социальная безопасность. Москва. 1999
3. Перепелкин, Л. . Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере. // Конфликт – диалог – сотрудничество, 2000 (2), 9–13.
4. Booth, K . Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press. 2007, p.102
5. Bigo D. "Les Jeux du Politique et de la Transnationalité." Cultures & Conflits. 1992. №5. P.20-21.
6. Albro Robert. Risk Assesment in Encounters between Culture and Security. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>
7. Ширяев В. П. Культурная безопасность: круг проблем (к вопросу о методологии социологического исследования) / В. П. Ширяев // Поиск: политика, искусство, обществоведение, социология, культура. – 2010. №4(28).
8. В. А. Ахтямова, Э. А. Ефанова, А. М. Ахтямов Методология концептуализации// Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 2. С. 168-171. Вестник с.168
9. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, С. 3-16.
10. Ziętek Agata W., Maria Curie. Cultural Security: How to Analyze It? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/agatazietek\\_culturalsecurity.pdf](http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/agatazietek_culturalsecurity.pdf)
11. Iranpoor Sara , Rashidpoor Ali, Etebarian Akbar , Fadavi Mahbobe Sadat. Indicators of cultural security in field of information and communication technology with an emphasis on cultural development / Sara Iranpoor, Ali Rashidpoor, Akbar Etebarian, Sadat Fadavi Mahbobe // Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review. - 2014. - Vol. 3, No.11. – С. 310.



12. Saroukhani Bagher, Naderi Afsar Afshari. The Study of Social-cultural Security in Tehran – Iran / Bagher Saroukhani, Afsar Afshari Naderi // International Journal of Business and Social Science – 2013. - Vol. 4 No. 2. – С. 189.

## **ИДЕЯ БОГА-АБСОЛЮТА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

**Сабекия Р.Б.**

*Россия, г. Стерлитамак*

*Башкирский государственный университет*

*(Стерлитамакский филиал) E-mail: sabekiya\_rb@mail.ru*

**Аннотация.** В статье исследуется проблема обеспечения духовной безопасности современного общества посредством реорганизации гуманитарного знания. Обосновывается, что включение в содержание научного знания идеи Бога как основания и квинтэссенции духовности позволит человеку избежать отчуждения от своей родовой сущности, самореализоваться как социальному и нравственному существу, восстановить органические связи с миром и сохранить гармоничный порядок социального и индивидуального бытия.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, духовность, нравственность, Бог-абсолют, родовая сущность человека, свобода, любовь, самореализация.

Проблема обеспечения духовной безопасности современного общества всё больше обретает характер глобальной проблемы человечества, поскольку в антураже социального и научно-технического прогресса настолько размываются контуры человеческого в человеке, его родовые сущностные силы, что проблема сохранения гуманистического (собственного человеческого, или нравственного) базиса человеческого существования становится проблемой выживания самого человечества. Готовностью человека выстраивать духовный фундамент мироздания в целом и своего бытия, в частности, и на этом основании возвыситься до абсолютных ценностей, задав смысловой вектор человеческому событию, определяется во многом судьба мира как органической целостности составляющих его элементов.

Решение проблемы восстановления основ человечности возможно путем реорганизации всей системы гуманитарного знания и, соответственно, педагогического образования: включение в предметную область и категориальный аппарат науки и образования понятия «духовность», «абсолют», «Бог» может стать фактором не только сохранения человека как вида, но и всей сферы его существования – планеты Земля.

В глубинных пластах человеческой психики как некий архетип коллективного бессознательного укоренён идеальный образ совершенного человека в полноте его родовых сущностных сил, и актуализация этого потенциального образа из того, что есть человек, в то, кем он может и должен стать,

составляет смысл процесса его самореализации. Человеческая сущность – не столько результат сочетания различных свойств и характеристик, сколько процесс становления человека из потенции в актуальность: не заданный исходный факт, а реализуемый акт, свободный выбор своих возможностей, ждущих осуществления. Будучи самоорганизующейся системой, не имеющей раз и навсегда ставшей формы и открытой для флуктуационных возмущений среды, человек обладает способностью к саморазвитию за счёт трансцендирования за пределы своего наличного эмпирического бытия к бытию истинно-сущего, ценностно-смысловому. Как пишет С.Л. Франк, – «...Трансцендирование, на которое опирается бытие моего «я», одновременно даёт в другом измерении неразрывную связь моего «я» с «не-я». Иметь самосознание – иметь себя как «я» – значит сознавать себя соучастником бесконечного, всеобъемлющего бытия и тем самым свою связь с бытием, запредельным моему «я». Быть – значит принадлежать к составу всеобъемлющего бытия, быть в нем укорененным» [1].

Таким образом, родиться человеком – это не данность, а лишь потенция к осуществлению себя в качестве человека. Пространство и механизм самореализации человека по образцу истинно-сущего бытия определяется в современном гуманитарном знании как духовность.

Дать дефиницию духовности, следуя логическому принципу определения понятия через ближайшее родовое понятие и нахождение видового отличия, представляется довольно-таки сложным в силу содержательного богатства духовности как многозначной субъективной, межсубъективной и транссубъективной реальности. При определении понятия через ближайшее родовое, в содержании которого определяемое присутствует в качестве носителя отличительного признака, мы задаём границы самодостаточности видового понятия внутри более широкого, родового понятия.

Такой традиционный способ выведения сущности понятий через включение в класс более широких по объёму не вполне эффективен при попытке определения духовности, поскольку у неё нет пределов, задаваемых понятием более широкой степени общности. Если в качестве рабочего определения духовности взять её понимание как ценностно-смыслового вектора человеческого бытия, создающего «вертикаль» мира в его возвышении над миром природной необходимости, то какое понятие могло бы выступать родовым по отношению к духовному? Ведь что может быть шире по объёму, чем трансцендирование за границы наличного в сферу должного, сущего? Если понимание духовности свести лишь к одному из фрагментов душевно-интеллектуального внутреннего мира человека, то есть замкнуть духовность в телесности человека, то выпадает из содержания духовности видение трансцендентной сущности духовного, в то время как: понятие духовности не может быть по объёму меньше понятия человека.

Выходит, родовым, самым широким по степени общности по отношению к духовности понятием мог бы выступать только Абсолют, или Бог как онтологическое основание духовности. И будучи представленной в содержании понятия «Бог» духовность может быть выведена из него как частное понятие, име-

ющее отличительный признак: как свернутая в глубинах человеческой души идея Бога в виде образца подлинного, совершенного, свершённого бытия.

Актуализация этой идеи возможна в результате развития человеком нравственного сознания, которое есть отражение мозгом объективной реальности, эмоционально и личностно окрашенной в призме трансцендентных духовных ценностей. Тем самым, способом актуализации духовности служит нравственность: если духовность есть лишь потенция человеческого в человеке, являясь неким идеальным образом, архетипом подлинного бытия, коренящимся в глубинах коллективного бессознательного, то нравственность – это уже активированная человечность. Реализация гуманизма как индивидуально-мировоззренческого принципа и нравственного закона мира и есть духовность, «процесс нерасчлененного движения, в котором реализуется человек, процесс соединения «образа мира с внутренним законом личности»» [2, 15]. По мнению академика Н.Н. Моисеева, нравственность как высшее достижение человеческой эволюции является структурным элементом духовности, функция которого заключена в блокировании действия биосоциальных законов, подстраивая их под законы космические, благодаря чему становится возможным гармоничное коэволюционное развитие природы и человека [3].

Актуализация нравственного сознания возможна лишь в акте свободно-волеизъявления, в свободном выборе человеком своего «лучшего-Я» из многочисленных вариантов самореализации. В этом творческом акте свободы сама свобода как выражение родовой человеческой сущности проявляет себя как духовность – особый механизм реализации потенциальных возможностей бытия как самоорганизующейся системы. Духовность здесь выступает эйдосом, идеей-образцом бытия человека в мире: социальный и личностный мир человека, смысловым вектором которого служат общечеловеческие нравственные идеалы, принимаемые индивидом в качестве ценностных абсолютов, сохраняет свой гармоничный порядок в общем составе универсального бытия за счёт этого вечного трансцендирования от наличного, эмпирического существования к подлинному, истинно-сущему. Ценностные эталоны и идеалы, таким образом, становятся некими натяжителями строп, на которых держится шатёр совместного человеческого события. Задавая вектор индивидуального и социального прогресса, нравственные идеалы стимулируют человека к самосовершенствованию и, тем самым, к самореализации.

Необходимость самореализации детерминирована свободой человека, его открытостью, незавершённостью, потенциальностью. Человек, будучи нелинейным фракталом социального и универсального бытия, воплощает в себе такое свойство фрактала более высокого уровня сложности, как самоорганизация. Тем самым, смыслом самореализации становится самодотраивание человеком себя до целостности, до ценности, до идеала, поскольку родовые сущностные силы его – это лишь эйдос, ждущий актуализации. В этом акте самосовершенствования, самовыбора заключена сущностная для человека свобода. И духовность здесь выступает стремлением, трансом, энергетически-жизненным порывом в следовании своей свободе, которая предполагает не отрицательную свободу-независимость от внешней и внутренней необходимости, а положительную свободу-выбор для творчества

новых ценностей, нового качества самого себя, своего индивидуального и социального миропорядка.

К сожалению, устранив из гуманитарного научного знания идею Бога как основания этого миропорядка, мы лишаем духовность её онтологического и категориального статуса, поскольку вне Бога затруднено логическое определение духовности, вне Бога подрываются все трансцендентные основания человеческой культуры. Но Бог выключен из предмета современной науки, и потому учёные так и не могут ухватить сетями понятийной логики субстанциональную причину, природу, источник духовности. А незнание причины, соответственно, не позволяет выстроить объективную картину сущности духовности.

Именно в ценностном отношении «Абсолют – Мир», которое представляет собой аксиологический аспект явленности духовности, реализуется целостность всех уровней и сфер бытия. Здесь смысловым эквивалентом духовности выступает безусловная любовь как способность и готовность человека выходить за границы собственного бытия через высшие нравственные ценности в ценностное бытие Другого. Любовь, одухотворяя, то есть возвышая человека до видения абсолютов, раздвигает горизонты ценностного сознания любящего: через непосредственно явленное ощущение своей самооценности в силу принятие её в качестве ценности носителем безусловной ценности – любимым-Другим – человек приходит к осмыслению ценности жизни и бытия как таковых. Субъективно переживаемое ощущение своей вписанности в ценностный состав бытия в процессе трансцендирования из оков телесности к миру других живых существ, рождает ощущение и осознание субстанционального единства всех людей и мира, что и составляет онтологическое основание духовности. В этом аспекте содержание понятия «духовность» эквивалентно содержанию понятия святости как способности человека выстраивать миропорядок по законам Добра, Истины и Красоты, освещая тёмное царство природной необходимости светом божественной истины. Духовность, таким образом, есть факт присутствия Бога в человеке, любовь – акт выражения Бога во вне, обожания человека, освящения обыденного человека светом неземной красоты и совершенства, поскольку любовь всегда действенная, активная, созидательна. Духовность на аксиологическом уровне бытия противостоит цинизму – свержению ценностных абсолютов, выступая гарантом дальнейшей социального прогресса и обеспечения духовной безопасности современного общества.

#### **Список литературы:**

1. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. С. 240.
2. Смирнова Л.Н. Феномен духовности: социально-философский аспект анализа: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1997. 23 с.
3. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 10.

## РАЗУМНОСТЬ, ЦЕННОСТЬ, ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КАК АТТРИБУТЫ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

**Сабиров В.Ш.**

*Россия, г. Новосибирск*

*Сибирский государственный университет*

*телекоммуникаций и информатики*

*E-mail: sabirov-soina@211.ru*

**Аннотация:** В статье рассматривается логико-методологический аспект проблемы смысла жизни человека. Цель статьи в обосновании ошибочности попыток редукции проблемы смысла жизни к ее разумности, ценности и целесообразности.

**Ключевые слова:** смысл бытия, смысл жизни человека, разумность, ценность, целесообразность, цели и средства.

В истории постановки и решения вопроса о смысле жизни можно выделить два основных направления, различающихся, в основном, по способу обоснования смысложизненных исканий человека.

Если представители первого направления традиционно выводили содержание ответа на «вечный вопрос» из познания человеком смысла бытия (варианты ответа здесь предполагались самые различные, но преимущественно исходящие из единой методологической посылки – соподчиненности человека телеологическому совершенству универсума: космологическим законам мироздания, жизненному процессу, прогрессивному развитию миропорядка в целом, надчеловеческой абсолютной гармонии, социальному благоденствию и т.д.), то вторая историко-философская традиция рассматривает ответ на «вечный вопрос» как отнесенный к самому человеку, к его умению продуктивно пользоваться радостями жизни и видеть в них высшее предназначение бытия или же к его потребности в самопознании, воспринимаемом как источник наиболее адекватных смысложизненных представлений.

Основой различения этих двух подходов является не столько философско-этическая гносеология, полемизирующая по поводу того, что же, в сущности, следует считать отправной точкой в изучении «вечного вопроса» - существование бытия или существование человека, но именно не утихающий до сих пор спор о том, какая же из этих посылок в принципе гарантирует человеку возможность уяснения своего значения в мире и для мира, которое не уничтожалось бы неизбежно предстоящей смертью?

Одной из исходных теоретико-методологических задач исследования проблемы смысла жизни является решение вопроса о том, как понимать этот самый «смысл»? Как ее разумность, ценность или целесообразность?

Если мы попытаемся сопоставить понятие смысла с понятием *разумности*, то неизбежно встанет вопрос о том, чью же разумность мы здесь подразумеваем? Если человеческую, то она, и все с этим согласятся, весьма относительна. Человеческий разум создал множество совершенных вещей, но

он же произвел на свет много такого, что отнюдь нельзя считать ни разумным, ни жизненно необходимым. Именно посредством человеческого разума создано несметное число бесполезных, вредных и даже губительных для жизни вещей. К тому же, если рассуждать реалистически, придется признать, что далеко не каждый человек способен признать разумным очень многое в этой жизни: болезни, страдания, всяческие житейские испытания, тем более, социальные катаклизмы и глобальные катастрофы, не говоря уже о смерти. Словом, человеческий разум так устроен, что он, опираясь на свои собственные основания, скорее всего, произведет весьма своевольную и произвольную селекцию «разумного» от «неразумного». Критериями же такого отбора в настоящее время будут, вероятнее всего, утилитарные или гедонистические установки. Нетрудно предположить, что в результате стремления построить жизнь исключительно на разумных основаниях можно придти к прямо противоположным последствиям. Жизнь не только утратит свою разумность и смысл, но вообще станет невозможной. Следовательно, ставя вопрос о разумности жизни и бытия, мы должны апеллировать отнюдь не к человеческому разуму, ограниченному не только исторически, но и онтологически, но к сверхразумности бытия и к тому Разуму, Который является не только Хранителем жизни, но и ее Источником и Подателем. На наш взгляд, понять смысл жизни можно только исходя из уверенности в благожелательности и правде жизни, исходящей не от человека, но от Всесовершенного Существа, Чья разумность превосходит всякий человеческий разум, т.е. является сверхразумной. А это значит, что все, что происходит в жизни, даже кажущееся неразумным и ужасным, с человеческой точки зрения, на самом деле содержит в себе глубочайший смысл, который раскрывается далеко не всем людям и не сразу, а лишь по истечении определенного промежутка времени. Стоит только усомниться в этой изначальной благожелательности жизни, как тут же она предстанет и бессмысленной, и неразумной.

Соотнесение смысла жизни с ее *ценностью*, безусловно, необходимо и совершенно оправданно. Если жизнь в целом или своя собственная жизнь не воспринимаются человеком как ценность, как что-то бесконечно позитивно значимое и дорогое, то действительно не приходится даже рассуждать об ее смысле. Однако в данном случае мы не столько соотносим жизнь с ее ценностью, сколько оцениваем ее как нечто позитивное. В действительности же проблема смысла жизни решается позитивно лишь тогда, когда человек в своей жизни ищет и опирается на какие-либо ценности: утилитарно-прагматические, морально-нравственные, эстетические, витальные и духовные. Перед каждым человеком выстраивается достаточно большая совокупность ценностей, которую он должен каким-то образом иерархизировать, отдавая предпочтение одним, другие – отодвигая на второй план, а от некоторых – и вовсе отказываясь. Следовательно, смысл конкретной человеческой жизни связан не вообще с ценностью жизни как таковой, а с теми ценностями, которыми она наполнена. В реальной жизни, весьма драматичной по своему существу, человеку не всегда удастся удержать и сохранить те ценности, которые он избрал и которыми жил. Предположим, у

ученого, беззаветно преданному науке и научному творчеству, распадается семья, которая ему тоже была необходима и дорога. Происходит хотя бы частичная смыслоутрата. Возможны и более радикальные ситуации, когда происходит тотальная потеря ценностей, служивших человеку опорой его жизни. Можем ли мы эти ситуации однозначно квалифицировать как абсолютно разрушительные для смысла жизни? Думается, что глубина и многомерность проблемы смысла жизни заключается как раз в том, что в какие-то моменты человеческой жизни временная утрата связи с ценностями оказывается не менее важной для личностного роста, становления и преобразования, чем наличие этих самых ценностей.

Проблему смысла жизни иногда сводят к постановке жизненных *целей* человека: дескать, если такая цель наличествует и человеку есть куда стремиться, то и жизнь его перестает быть бессмысленной, она наполняется содержанием, мощными стимулами к творчеству и деятельности. Если же человек не ставит перед собой никаких целей, то жизнь его превращается в рутинное времяпровождение, страшно его угнетающее. В результате жизнь не только обесмысливается, но и неизбежно деградирует: человек социально опускается, обезличивается и деморализуется. В такого рода рассуждениях, безусловно, есть и своя правда, и своя логика. Однако они, с одной стороны, слишком рационализируют проблему смысла жизни, в которой далеко не все поддается рационализации, если иметь в виду не философскую рефлексию над ней, а ее актуализацию в сознании обычного человека. С другой стороны, помимо целей, к которым человек стремится, требуются и *средства* их осуществления. Между целями и средствами их осуществления имеется глубокая диалектическая связь, взаимозависимость и особая драматическая напряженность. Дело в том, что вопрос о смысле жизни решается человеком автономно, но сам человек при этом интегрирован в общество, его цели и ценности пересекаются с целями и ценностями других людей, которые могут быть ему не только единомышленниками и соратниками, но очень часто оппонентами и соперниками. Драматизм человеческой жизни зависит во многом от того, какими средствами воспользуется индивид в утверждение своего смысла (замысла) жизни и какими в итоге окажутся его отношения с другими людьми, и будет ли он принят ими или же, напротив, отвергнут. Бессмысленность жизни часто возникает не столько вследствие отсутствия целей и ценностей, сколько в результате неблагоприятных средств их осуществления, итогом которого становится моральное и физическое одиночество человека. Если есть цели жизни и ценности, ради которых живет человек, но при этом его не покидает чувство, что все люди – враги, то тогда ужас и бессмыслица жизни неизбежны. Такова, например, судьба шекспировского Макбета.

Также часто встречается утверждение, что проблема смысла человеческого существования, будучи итоговой и «конечной» в системе духовно-ценностных ориентаций личности, как бы замыкает собой весь жизненный путь человека, получая тем самым единственно возможное разрешение лишь накануне смерти или «ввиду» ее. Действительно, одна из тайн человеческой жизни как раз в том и состоит, что человека в принципе нельзя

предопределить до последнего дня его существования: пока он жив, у него так или иначе есть возможность «родиться заново» и направить свои смысловые искания по другому пути. И.А. Ильин писал: «Око смерти глядит просто и строго; не все в жизни выдерживает ее пристального взгляда. (...) Жизнь стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть; все остальное малоценно или ничтожно. Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судья» [1, С. 339-340]. С другой стороны, жизненная незавершенность человека до самой его смерти явно не должна оборачиваться его духовным инфантилизмом, неумением выстраивать более-менее стройную стратегию бытия, освещенную единством целей, ценностей и средств их реализации.

#### **Список литературы:**

1. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собрание соч. в 10 т. Т. 3. М., Русская книга. 1994.

### **НЕЙРОЭТИКА: ВОПРОСЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ РАЗВИТИЯ НЕЙРОНАУКИ**

**Сандакова Л.Б.**

*Россия, г. Новосибирск*

*Новосибирский государственный технический университет*

*E-mail: l.sandakova@mail.ru*

**Аннотация.** Цель исследования – выявить потенциал нейроэтики в решении вопросов духовной безопасности, возникающих в связи с развитием нейронаук. Сформулированы общие угрозы духовной безопасности, обозначена роль нейроэтики в их проблематизации и решении.

**Ключевые слова:** нейроэтика, духовность, человек, безопасность духовная, нейронауки.

Понятие «духовность» широко используется в социальных и гуманитарных исследованиях, но при этом не имеет своего строгого определения. Ваайман Кейс, исследуя феномен духовности в многообразных его проявлениях, выделяет три основных перспективы в понимании феномена: догматическо-моральное богословие, психо-экзистенциальный опыт и культурно-социальный опыт. [Ваайман Кейс, 2009] Все три перспективы отражают значимое содержание феномена духовности, которое приобретает различные формы в разные эпохи и в разных культурах. Например, в русской религиозной философии духовность – это некое универсальное одухотворенное начало бытия и степень приобщенности человека как субъекта воли и творческой деятельности к этому началу. Многие европейские мыслители Нового времени склонны считать духовностью человеческий разум, способный постичь свои собственные основания и универсальные закономерности бытия. Часто о духовности размышляют как о системе нравственных ценностей, призван-



ных объединять людей в некоторое социальное целое и воспроизводить значимые для общества деятельностные ориентиры. Не смотря на очевидные различия в трактовках духовности, есть некоторые общие смыслы. Во-первых, духовность предполагает выход за пределы предметно-практических интересов в сферу полагания смыслов и идеальных ценностей. Во-вторых, человек является носителем духовности в той мере, в какой он является субъектом свободной воли и разума и тоже самое признает за другими. В-третьих, духовность обеспечивает гармонизацию общего и единичного, коллективного и индивидуального, объективного и субъективного в человеческой жизнедеятельности. Именно духовный уровень бытия является сферой производства и передачи смыслов и ценностей, имеющих значение как для отдельного индивида, так и для человеческого общества.

При всей своей значимости, сфера человеческого духа оказывается достаточно уязвимой. Что может ей угрожать? Согласно обозначенным выше положениям, 1) то, что каким-либо образом ограничивает или препятствует выходу за пределы предметно-практических интересов; 2) то, что дискредитирует полагание человека как такового или некоторой особой группы людей, как субъектов свободной воли и разума; 3) то, что абсолютизирует отдельные стороны внутренне противоречивого человеческого бытия. Опасности такого рода могут возникать в различных сферах жизнедеятельности человека: в образовании, в политической и правовой системах и т.д. Мы рассмотрим угрозу духовной безопасности, возникающую в связи с интенсивным развитием нейронаук и нейроинженерии. В начале XXI века этими вопросами занимается нейроэтика.

Нейроэтика – междисциплинарное исследовательское направление, возникшее в начале XXI века и находящееся пока в «предпарадигмальном состоянии» [Бажанов, Шабалкина, 2017]. Исследователи отмечают два основных направления в развитии нейроэтики. С одной стороны, она рассматривает этические и правовые проблемы организации и проведения исследований в нейронауках, а также последующего внедрения полученных знаний и технологий в различные области человеческой жизни. С другой стороны, нейроэтика изучает нейрофизиологические основания духовных явлений и процессов, прежде всего морального толка. Рассмотрим связь этих направлений с вопросами духовной безопасности.

Широкомасштабные и высокобюджетные исследования мозга, опирающиеся на достижения информационных технологий, их воплощение в инженерных проектах в начале XXI века уже приносят свои теоретические и практические результаты, вызывают живой интерес и массу дискуссий относительно гуманитарных и социальных последствий. Нейроэтические исследования, анализируя правовые, этические, социальные проблемы развития нейронаук, выявляя зоны рисков с высокой степенью неопределенности дальнейшего развития событий, актуализируют вопросы духовной безопасности. К таковым относятся, например, трансгуманистические соблазны усовершенствования человеческого мозга, сверх-использование фармацевтических препаратов с целью искусственной стимуляции некоторых психических функций, нарушение границ личной автономии (связано с визуализи-

зацией работы мозга и интерпретацией этих данных), появление новых возможностей манипулирования другими людьми и дискриминации по нейрокритериям, разрушение человеческой идентичности и т.п.

В качестве конкретного примера можно рассмотреть такое достижение нейроинженерии как интерфейс мозг–компьютер (Brain–Computer Interface, BCI) и интерфейс мозг–машина (Brain–Machine Interface, BMI) [Wolpaw, 2002]. Перспектива использования BMI и BCI вне лабораторных и медицинских задач может обусловить серьезные этические коллизии, поскольку связана с возможностью отчуждения и переноса на техническое устройство, а также визуализации некоторых функций мозга. Работы Kamitani, Tong, Nishimoto и его коллег уже обнаруживают возможность восстановления ви-]. Развитие этих методов в направлении потенциального «чтения мыслей» является угрозой для человеческой автономии, а под предлогом социальной безопасности может породить беспрецедентный тотальный контроль. Лазуренко Д.М. и Кирой В.Н., анализируя развитие BMI и BCI, указывают на возможность появления в будущем технологии, позволяющей удаленно управлять непосредственно мозгом другого человека. [Лазуренко, Кирой, 2012, с.78]. Такие перспективы являются угрозой духовной безопасности и требуют этической и правовой экспертизы.

Серьезные изменения происходят и в мировоззрении. Исследователи отмечают «натуралистический поворот в современной социально-гуманитарной мысли» [Бажанов, Шабалкина, с.65]. Помимо привычных уже нейрофизиологии и нейропсихологии возникают такие новые области исследования и практики как нейроэкономика (Glimcher, Camerer, Fehr, Poldrack (eds.) 2009; Ключарев, Шмидс, Шестакова 2011), нейротеология (Newberg 2010), нейроэстетика (Zeki 2001, Nalbantian 2008), нейропедагогика (Москвин, Москвина, Еремеева, Хризман), нейросоциология (Lieberman, Pfeifer). Все это свидетельствует об устремлении найти ответы на многие практические и теоретические вопросы в особенностях устройства и функционирования нашего мозга. Такой интерес оправдан, но требует серьезного философско-этического сопровождения (как и любые другие научные исследования, касающиеся природы человеческого). Опасность для духовности здесь заключается в возможности редукционизма и значительного упрощения в толковании духовного бытия человека, в формировании социокультурных и мировоззренческих предпосылок для ценностного релятивизма и нигилизма. О подобных опасностях развития науки и технологий исследователи говорят давно. Теперь, когда дело касается самой сложной загадки человеческого бытия – разума и духа, ситуация становится особенно напряженной: усмотрев основания своей духовности в функционировании своего мозга, человек утрачивает универсальную основу своего духа (дух становится просто мыслью, а мысль – просто серией импульсов между нейронами).

Можно ли объяснить сложную жизнь человеческого духа не менее сложными процессами, происходящими в тех или иных отделах головного мозга? Связь, разумеется, существует, но правомерна ли редукция? Ответ на этот вопрос определяет статус человека как субъекта свободной воли, а

значит и морального субъекта. Совместима ли личная автономия с данными нейронаук? Что будет с человеческой духовностью, если смысл свободы, любви, нравственности сведется к активности тех или иных зон мозга?

Исследования, проводимые в нейронауках, могут быть проинтерпретированы различным образом. Это обусловлено мировоззренческой позицией исследователя. Н.М. Сланевская в книге «Мозг, мышление и общество», сравнивая позиции этических натуралистов и этических интуитивистов в нейронауке, подчеркивает принципиальную разницу в применении их выводов в социальной практике. «Для натурализма логично советовать применение фармакологического воздействия с целью корректировки мозга и поведения, рекомендовать улучшение генетики, использование имплантатов, применение медицинского сканирования мозга при приеме на работу, а также проверка граждан в полиции, в суде и других социальных институтах для последующего лечения мозга и выявления асоциальных личностей, которые имеют нестандартное мышление. Возможны негативные последствия: потеря неприкосновенности частной жизни, общественного дискурса, критики и в итоге потеря демократии в стране из-за инструкций и запретов мыслить так, а не иначе, страха наказания и потери социальных привилегий. Интуитивизм же будет нацеливать общество на развитие духовности через философию, религию, искусство, чтение, другие виды вербального воздействия, через медитацию, самогипноз и т.д. Возможно усиление роли религии, индивидуальных ментальных практик. Возможны негативные последствия – уход в индивидуальное пространство, потеря интереса к реальной жизни и демократическому участию в политической системе страны» [Сланевская, 2012].

Нейроэтика оказывается той областью междисциплинарного исследования, которая призвана обеспечить сохранение гуманистического содержания в интерпретации результатов исследований нейронаук, обезопасить от дискредитации человека как субъекта нравственности и свободной воли.

***Работа выполнена при поддержке РФФИ проект № 17-29-02053 «Регулятивные возможности нейроэтики в предупреждении дискриминации личности».***

#### **Список литературы:**

1. Ваайман Кейс Духовность. Формы, принципы, подходы [Электронный ресурс]: Том 1. Издательский дом: Библейско-богословский институт св. апо-стола Андрея. 2009 //Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: [https://royallib.com/read/vaayman\\_keys/duhovnost\\_formi\\_printsipi\\_podhodi\\_to\\_m\\_I.html#40960](https://royallib.com/read/vaayman_keys/duhovnost_formi_printsipi_podhodi_to_m_I.html#40960) (дата обращения 12.11.2017)
2. Бажанов В.А., Шабалкина Е.Е. Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейроэтика // Философские науки. 2017. № 6. С. 64-79.
3. Wolpaw J.R. Brain – computer interfaces for communication and control / J.R. Wolpaw [etal.] // Clin. Neurophysiol. 2002. Vol. 113. № 6. P. 767–791.
4. Kamitani Y., Tong F. Decoding the visual and subjective contents of the human brain // Nat. Neurosci. 2005. № 8. P. 679–685.

5. Nishimoto Sh. Reconstructing visual experiences from brain activity evoked by natural movies / Nishimoto Shinji [etal.] // Current Biology, published online. 2011. September 22.

6. Лазуренко Д.М. Кирой В.Н. Современные проблемы нейроэтики // Валеология. 2012. № 4. С. 74 – 80.

7. Сланевская Н.М. Мозг, мышление и общество [Электронный ресурс] СПб, 2012. // Санкт-Петербургский Центр Междисциплинарной Нейронауки. URL: <http://www.neurosciencerus.org/NeuroMoralityRu.html> (дата обращения 12.11.2017)

## НАЦИОНАЛИЗМ КАК АНТИТЕЗА ПОСТМОДЕРНИЗМУ

**Санькова С.М.**

*Россия, г. Орел*

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева*

*E-mail: s\_sankova@mail.ru*

**Аннотация.** Целью данной работы является анализ идеологической составляющей парадигмы постмодернизма в контексте современной истории. Делается акцент на актуализации противостояния постмодернизма и национализма.

**Ключевые слова:** национализм, постмодернизм, традиционализм, национализм, консерватизм, деконструктивизм.

Центром зарождения постмодернистских идей стала Европа, и это не случайно. Освобожденная от гегемонии нацистской Германии, но разделенная между двумя сверхдержавами победительницами - СССР и США, зависимая от них, Европа оказалась в определенной идеологической оппозиции к своим освободителям. Необходимость постоянной корректировки внешней и внутренней политики с оглядкой на ту или иную сверхдержаву существенно изменила представление европейцев о государстве, его роли и значении как самостоятельного субъекта в мировой политике и экономике.

В этой обстановке в Европе складывалась с одной стороны иждивенческая позиция по отношению к сверхдержавам, с другой – рассматривание других европейских государств как «товарищей по общему несчастью» и разочарование в конкретном отдельном национальном европейском государстве в его традиционном виде. При этом ослабление идеологического противостояния, вызванное сближением СССР и США, ослабленных длительной борьбой, не устранило эту тенденцию, а напротив, только усилило и вывело на качественно новый уровень. Французский философ Ж.-Ф. Литар отмечал: «Новое открытие мирового рынка, новый виток очень напряженного экономического соревнования, исчезновение исключительной гегемонии американского капитализма и упадок социалистической альтернативы... и многие другие факторы уже теперь, в конце 70-х годов, начали подготавливать государства к серьезному пересмотру роли, которую они

привыкли играть с 30-х годов и состоявшую в защите, проведении и даже планировании инвестиций». При этом для обозначения состояния знания в современных «наиболее развитых обществах» Лиотар предлагает термин «постмодернизм», относя его не только к состоянию «культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве, в конце XIX века» [1, с. 9], но, трактуя более широко, связывает постмодернизм с ощущением изжитости основных принципов или метанарративов, на которых базировалась западная цивилизация.

Однако, в связи с ослаблением противостояния сверхдержав, идеи европейского постмодернизма постепенно, но прочно осели в США. СССР, как более закрытая система, был менее подвержен идеям европейского постмодернизма, но тем болезненней и стремительней был им идеологически захвачен. Именно «перестройка», а отнюдь не «системный кризис социализма», положила начало периоду глобальной нестабильности российской государственности, последствия которого мы не преодолели и по сей день. По сути, как это было уже в нашей истории, Россия стала полигоном для практических испытаний западных теорий. В данном случае это был используемый ранее лишь в литературе и искусстве метод деконструкции. Очень показательно, что для характеристики сущности направления деконструктивизма в архитектуре использовался термин «управляемый хаос», взятый, как это принято в постмодерне, из физики, но сейчас наиболее часто используемый как термин политический [2]. Деконструктивные идеи постмодернизма, которые в Европе и Америке удавалось сдерживать лишь в рамках культуры (в узком смысле этого слова), с неизбежностью стали оказывать влияние на все социально-политические и экономические сферы жизни западного общества, породив проблемы, с которыми россиянам во многом еще только предстоит столкнуться. К ним в первую очередь относится такая безобидная, на первый взгляд, гедонистическая позиция, как доминирование личного успеха и личных жизненных интересов над приоритетами, связанными с другими людьми. Результатом подобной «жизни соло», которую по данным социологических исследований выбирает подавляющее большинство коренных жителей западного мира [3], является в первую очередь сокращение численности коренного населения, т.е. умирание этноса, а как следствие, замещение вымирающих народов на территории их проживания другими этносами, с коллективными (родовыми), а не личностными ориентирами в приоритете.

Таким образом, постмодернизм, по сути, бросает вызов национализму, и выглядевшие довольно привлекательными и безобидными в теории определения, в реальной жизни ставят местное население в перспективе на грань либо физического выживания, либо выживания из страны, сменившей и население и приоритеты. Какой-либо схемы для спасения от вымирания постмодернизм не выдвигает, т.к. для него по определению не существует национального вопроса, а если и существует, то исключительно в негативном свете, как некий пережиток прошлого. Однако именно национализм, остается единственным идеологическим объединяющим началом для сторонников культурно-этнических традиций. При этом он, в данной ситуации

лишен претенциозности национализма XIX – XX вв. и социального подтекста XVIII в. и, как ни парадоксально, более близок к средневековому, основанному на борьбе за выживание и отстаивании своих территорий. Сторонники национализма, таким образом, противопоставляют его постмодернистским тенденциям не для того, чтобы «было лучше», а из боязни «как бы не было хуже». В этой связи показательны недавние выборы во Франции, когда избиратели отказались от привычной поддержки «правых» или «левых» а разделились на сторонников Народного фронта Мари Ля Пен и её противников.

Либеральная пресса, комментируя довольно умеренную предвыборную платформу Ля Пен, допускала определенные аналогии с нацизмом. При этом она либо замалчивала откровенную апологетику пособников нацистов в странах Прибалтики и на Украине, либо оправдывала их декоммунизацией в рамках борьбы за либеральные ценности. В политическом поле постмодернизм и выступает под именем либерализма, лишая последний привычной социальной конкретики XVIII - XIX вв., и превращая его в лозунг тотальной деконструкции. Традиционная антитеза либерализму – консерватизм – не может на данный момент быть достаточным противовесом, так как его позиции стали весьма размытыми и совершенно девальвировались в ходе политической демагогии. Сложившаяся в XVIII в. система политических понятий перестает отвечать запросам избирателей, уже не доверяющих привычным определениям. С другой стороны, «проигрышные» и «лишенные перспективы» понятия, возвращаются в политический лексикон, и возвращаются довольно триумфально, тесня недавних фаворитов. Так объединяющим началом для большого круга людей становится именно национализм, с которым связываются действительно консервативные, традиционалистские начала.

Однако национализм, как либерализм и консерватизм, сам не избежал девальвации и размытости понятия. Один из крупнейших исследователей национализма конца XX в. Энтони Смит сокрушался, что даже во время написания вступительной статьи к своей монографии на эту тему, он столкнулся с появлением новых определений этого термина [4]. Этот факт необходимо учитывать, так как при определенной манипуляции один и тот же термин может выступать как конструктивное объединяющее начало, так и как разобщающий деструктивный элемент. Развал СССР на отдельные государства приветствовался как освобождение национальных государств от единого тоталитарного центра. При этом продолжение этих же самых тенденций уже внутри самих этих государств, рассматривается как сепаратизм и угроза целостности. Таким образом, в зависимости от необходимости момента национальная карта может быть разыграна перед обществом и как положительное для него явление, и как угроза.

Объединение Германии приветствовалось, как символ объединения Европы, разделенной бывшими сверхдержавами, но параллельно так же приветствовалось добровольное разделение Чехословакии и насильственное – Югославии. Создание единого Евросоюза как некой общенациональной общности европейских государств привело к парадоксальной ситуации с

национальными настроениями внутри этих же государств. События в Каталонии показали, что под флагом национального самоопределения, отдельная область пыталась выйти из состава Испании, оставаясь при этом членом ЕС, пытаясь освободиться от центра в Мадриде, при этом, не собираясь освободиться от центра в Брюсселе. И напротив, Британия, пережив волнительные моменты голосования о самоопределении Шотландии, выходит из ЕС, стараясь сохранить государственную самостоятельность. При этом сохранение национальной самобытности, под угрозой наплыва мигрантов, было одним из ведущих аргументов сторонников «брекзита» [5].

Теперь рассмотрим подробнее основные идейные составляющие постмодернизма применительно к интересам нации. Вызревая на протяжении всего XX в., идеи постмодернизма, как мы уже говорили, окончательно оформились лишь после второй мировой войны, и это не случайно. Постмодернизм во многом сложился как протест против тоталитаризма. Тоталитарные системы определенным образом детерминируют человека. Можно назвать это субъективным или социальным детерминизмом. Отсюда идея «открытого общества», в котором принципиально должны приниматься любые позиции и ни одна из точек зрения или идей не должна приниматься как истинная. Подобный подход, еще за несколько десятилетий до его появления, очень точно на наш взгляд охарактеризовал российский еврейский философ Лев Шестов – «апофеоз беспочвенности».

Однако от протеста против такого детерминизма, постмодернизм перешел к отрицанию объективного детерминизма применительно как к человеческой личности, так и к человеку как к физическому природному явлению. Ярким примером служит введенное в начале 70-х гг., понятие «гендер», означающее, что социальный пол человека не должен зависеть от его природного пола.

Следующим логическим шагом на пути к отказу от любой детерминированности становится отказ от национальной идентичности. Отказ от национализма явился закономерным следствием тоталитаризмофобии, являющейся одной из базовых идей постмодернизма. Национализм, скомпрометированный национал-социалистической партией Германии, не имел больше право на существование в цивилизованном мире. Стало появляться множество теорий о том, что национализм как рудиментарное чувство уже отживает в современном развитом человечестве. Вслед за национал-социализмом была подвергнута критике коммунистическая идеология, как основа другого тоталитарного государства – СССР. Распространенным до настоящего времени является представление в странах Европы о том, что СССР и Германия одинаково виновны в развязывании второй мировой войны.

Вслед за явными, с точки зрения постмодернизма, проявлениями тоталитаризма и социальной детерминированности человека, такими как национализм и коммунизм, постмодернизм приходит к заключению о том, что любая идеология это плохо, так как она рано или поздно может привести к тоталитаризму и в любом случае ограничивает (детерминирует) свободную личность. Любому человеку, мало-мальски знакомому с историей, очевидно, что без идеологии в принципе не возможно существование государства,

а вне государства у человечества есть только первобытные формы организации – новых альтернативных государству форм еще не придумано. Поэтому, чтобы утверждение о необходимости отказаться от любых идеологий не звучало слишком нереалистично, слово «идеология» заменили на термин «метанарратив».

Следующим явлением, подвергшимся атаке постмодернизма, стала идея гражданственности и ее оплот – США. Во время событий во Вьетнаме и на Кубе, показавшими слабые стороны США, Европа решила, что она может позволить себе выступить с активной критикой этих действий. А от критики государства легко было перейти к критике его идеологии. Сегодня мы видим, как постепенно меняется образ Америки: активно растет критика президентского правления, пересматриваются, казалось бы давно устоявшиеся и принятые обществом, итоги Гражданской войны, сносятся памятники, а сторонники независимости Техаса требуют большей самостоятельности, вплоть до полного выхода из страны.

Альтернативной гражданственности постмодернизм предлагает космополитизм и производит определенную смысловую подмену понятия «демократия», объявляя её высшим достижением защиту «общечеловеческих» ценностей. В самом деле, что может значить мнение, пусть и большинства граждан отдельно взятой страны, перед мнением всего общего человечества. Не случайно, к примеру, никак не повлияли многотысячные протестные выступления сторонников традиционной семьи при принятии правительством Франции закона об однополых браках. События во Франции связаны были и с демонстративным самоубийством, совершенным в знак протеста против принятия закона известным военным историком и публицистом Домеником Веннером. За неделю до самоубийства Веннер дал большое интервью издателю немецкого «право-интеллектуального» издания «Сецессион» Гётцу Кубичеку, в связи с выходом своей книги «Шок истории» где в частности отмечал «великую замену» народонаселения в Европе, в том числе и во Франции. При этом он указывал, что ислам не только, и не столько религия, сколько определенная культурная общность, идущая на смену традиционной европейской. В результате сложившаяся постмодернистская европейская модель, не смотря на все отсылки к гипотетической «общечеловечности», приходит в противоречие со сменяющей её новой общностью [6].

Продвижение в общественном сознании рассмотренных выше идей постмодернизма вызывает опасение определенной части общества и в России. Причем, первая критика данных тенденций появилась у нас ещё задолго до их окончательно формирования в рамках парадигмы постмодернизма. Так в XIX в. Н. Я. Данилевский критиковал подход, при котором европейская форма культуры позиционировалась как общечеловеческая [7]. А в 1912 г. псковский орган русских националистов газета «Правда» писала: «Отрицатели национализма и государства выставляют иной идеал, более общий и, по их мнению, более разумный, - идеал общечеловечества. Но этот идеал находится в области бесплотных, неосязаемых отвлеченностей, непригодных для практического решения вопроса» [8]. Думается, что данные предостережения из прошлого заслуживают быть услышанными.



### Список литературы:

1. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. Батчиков С. Глобализация – управляемый хаос // Экономические стратегии. 2008. № 4. С. 30 – 36.
3. Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность / Пер. с англ. Андреев А. В. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 278 с.
4. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 466 с.
5. Британский премьер Дэвид Кэмерон объяснил главам стран Евросоюза причины «Брекзита» // Первый канал. Новости. 29 июня 2016, 07:33. URL: [https://www.1tv.ru/news/2016-06-29/304972-britanskiy\\_premier\\_devid\\_kameron\\_ob\\_yasnil\\_glavam\\_stran\\_evrosoyuza\\_prichiny\\_brekzita](https://www.1tv.ru/news/2016-06-29/304972-britanskiy_premier_devid_kameron_ob_yasnil_glavam_stran_evrosoyuza_prichiny_brekzita) (дата обращения: 01.11.2017)
6. Götz Kubitschek. «Man muß das Leben einsetzen» - Interview mit Dominique Venner // Sezession. 21. Mai 2013. URL: <https://sezession.de/38844> (accessed 09.05.2017).
7. Данилевский Н. Я. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой // Очерки русской философии. Антология. М., 1996. С. 184 – 197.
8. Пскович. Природа национализма и его недруги // Правда. 1912. № 11. Стб. 14 – 15.

## СОЦИАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

**Сафонов К.Б.**

*Россия, г. Новомосковск*

*Новомосковский институт (филиал) Российского  
химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева*

*E-mail: k\_b\_s\_k\_b@list.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается социальная сущность современного экологического менеджмента как инновационной управленческой технологии. Целью ее практической реализации можно считать соблюдение баланса интересов всех вовлеченных сторон и обеспечение устойчивого развития как конкретного предприятия, так и общества в целом.

**Ключевые слова:** экологический менеджмент, экологическая культура, взаимодействие, система ценностей, общество, природа.

Одним из вопросов, актуальность которого в настоящий момент не вызывает сомнения, является решение экологических проблем. Усилия правительств ряда стран мира, международных, государственных и некоммерческих организаций направлены на восстановление и поддержание биологического разнообразия, минимизацию вредного антропогенного воздействия

на окружающую среду, создание комфортных условий сосуществования человека и всех живых существ, населяющих нашу планету. Однако очень часто эта деятельность не приносит ожидаемого результата. Это можно считать следствием того, что действия по оптимизации воздействия на окружающую природную среду рассматриваются исключительно как механизм, предполагающий выделение и освоение определенных сумм денег. Конечно, финансовые ресурсы играют немаловажную роль, однако вместе с тем нельзя забывать о том, что «экономические интересы, выраженные экономической подсистемой, и экологические, проявляемые в рамках экологической подсистемы, едины по своей социальной направленности, однако находятся в противоречии по руководящему телеологическому принципу» [1, с. 13]. Поэтому особенно важной нам представляется трансформация подходов к взаимодействию с окружающей природной средой, имеющая место в осуществлении деятельности всех без исключения институтов современного общества.

Данные тенденции могут проявиться как на уровне национальной и глобальной экономики, так и в рамках отдельного предприятия. Причем во втором случае это представляет не меньшую важность, поскольку именно на микроуровне существуют наиболее широкие возможности для оптимизации осуществляемой деятельности, приведения ее в соответствие с запросами современного общества. Поэтому руководство и собственники предприятий и организаций должны помнить, что «сегодня необходимо создание системы экологического менеджмента, механизмов управления экологическими процессами как вне, так и внутри предприятий на базе современной методологии, то есть целостное экологическое производство» [2, с. 57]. Подобное производство немыслимо без формирования инновационного мировоззрения каждого из представителей коллектива, что подразумевает, в частности, ориентацию не только на экономическую, но и на социальную эффективность осуществляемой деятельности. Сотрудники должны понимать, что от предпринимаемых ими действий в рамках исполнения профессиональных обязанностей зависит не только их личное благополучие как востребованных на рынке труда профессионалов, не только достижение предприятием или организацией более высоких уровней развития, но и, прежде всего, повышение адаптивности и устойчивости общества в целом, что невозможно без оптимизации взаимодействия с природной средой. Поэтому внедрение механизмов экологического менеджмента на практике означает повышение социальной и индивидуальной ответственности предприятия и каждого из его представителей.

В литературе экологический менеджмент рассматривается как «инициативная и результативная деятельность экономических субъектов, направленная на достижение их собственных экологических целей, проектов и программ, разработанных на основе принципов эффективности экологической деятельности субъекта» [3, с. 69]. Наибольшего внимания, на наш взгляд, в данном случае заслуживает указание на инициативный характер предпринимаемых действий. Подобный подход свидетельствует о готовности предприятия и его коллектива к взаимодействию с обществом и при-

родной средой, основанному на принципах уважительного и ответственного отношения к принятию решений и реализации их на практике. Эффективность принудительных мер по внедрению высоких экологических стандартов в производственную практику будет достаточно низкой, поскольку одним из ключевых требований в данном случае является формирование определенного социального запроса, с одной стороны, и необходимых мировоззренческих установок у реализующих данный запрос, с другой стороны. Иными словами, на определенном этапе общественного развития создаются необходимые предпосылки, которые обеспечивают появление потребности индивидов в оптимизации взаимодействия с окружающей средой. Такими предпосылками могут быть, например, формирование модели социально ответственного поведения или понимание своей роли в создании благополучия будущих поколений. Лишь в этом случае можно рассчитывать на эффективность реализации современной модели экологического менеджмента.

На уровне отдельного предприятия обозначенные тенденции проявляются в формировании системы корпоративной социально-экологической ответственности, под которой понимают «добровольное обязательство компании по выполнению социальных и экологически значимых программ, которые связаны со стратегией развития предпринимательства, не противоречащей принципам эффективного корпоративного управления» [4, с. 7-8]. Главным фактором практической реализации подобной стратегии менеджмента можно считать ориентацию на особенности развития современного общества, учет исторических и социокультурных предпосылок протекающих в настоящий момент процессов, а также понимание необходимости сохранения природной среды и биологического разнообразия для будущих поколений. В данном контексте становится очевидным, что руководству и рядовым сотрудникам при осуществлении своей деятельности необходимо руководствоваться не показателями рентабельности, прибыльности или валовой выручки, а основными принципами и нормами экологической этики. На наш взгляд, ее можно рассматривать как один из эффективных механизмов соблюдения баланса интересов всех вовлеченных сторон – руководителей и собственников предприятия, рядовых сотрудников, а также современного общества в целом. В литературе отмечают, что «экологическая этика – это еще один способ в определении собственной сущности, попытки отождествить себя с великой природной силой или возвысить себя над ней, что, в свою очередь, отражает ключевые нормы современной культуры и степень социального здоровья личности» [5, с. 162]. Лишь формирование подобных мировоззренческих установок может обеспечить эффективное осуществление практик экологического менеджмента, направленных на повышение устойчивости предприятия или организации как неотъемлемой части социума.

Постепенно трансформации подвергнется не только система взглядов и представлений руководства и сотрудников, не только стиль управленческой деятельности, но и сами подходы к организации производства, оценке его результативности и эффективности. Так, в настоящий момент одним из свидетельств формирования новой экологической культуры социума можно

считать обеспечение эколого-гуманитарной безопасности производимых товаров и оборудования [6, с. 162]. По мере распространения и развития современных моделей экологического менеджмента меняются подходы к регулированию производственных процессов, переосмысливаются ключевые характеристики существующей системы управленческих отношений. На передний план выходит необходимость содействия обществу в решении стоящих перед ним проблем. Для этого необходимо формирование и реализация адаптивной модели социального развития, что, в свою очередь, немыслимо без минимизации негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. Конечно, внедрение технологий производства, соответствующих самым высоким экологическим стандартам, требует от предприятия дополнительных затрат. Однако они компенсируются ростом социальной эффективности производственных отношений, что можно рассматривать в качестве важного фактора повышения лояльности как персонала, так и клиентов и контрагентов, являющихся представителями современного общества и, следовательно, заинтересованных в его устойчивом и поступательном развитии.

В процессе распространения практик экологического менеджмента большую роль играет формирование определенного уровня экологической культуры, под которой современные исследователи понимают характеристику поведения человека, следствие его ценностных ориентаций, а также проявляющуюся в деятельности меру раскрытия сущностных сил человека [7, с. 125]. Никакая инновационная модель управления не будет эффективной, если руководство и особенно персонал организации продемонстрируют неготовность к воплощению ее на практике. Это в полной мере относится и к экологическому менеджменту, в рамках которого особенно важную роль играет социальная составляющая. Поэтому распространение обновленных управленческих практик возможно в условиях формирования готовности социума и каждого из его представителей, кем бы он ни являлся – собственником предприятия или менеджером, рядовым сотрудником или потребителем. Процессы динамики систем индивидуальных и социальных ценностей являются взаимообусловленными, и этот фактор необходимо учитывать в рамках анализа появления необходимых предпосылок для практического применения подходов экологического менеджмента.

Современные производственные системы существуют одновременно в экономическом и социальном измерениях. Ни одно предприятие, действующее вне системы ценностей, нужд и интересов социума, не может стабильно развиваться, повышая свою эффективность и результативность. Причем по мере обновления существующей модели рыночной экономики социальные факторы начинают играть все более существенную роль. Именно поэтому в рамках инновационных управленческих моделей доминирующей является социальная составляющая. Это в полной мере относится к экологическому менеджменту, который представляет собой не только эффективный механизм регулирования и оптимизации производственных отношений, но и средство поддержания взаимодействия общества и предприятия, основанного на принципах сотрудничества, партнерства и взаим-

ного уважения. Подобный подход позволяет обеспечить соблюдение баланса интересов всех сторон, которые в настоящий момент заинтересованы в решении возникающих экологических проблем. Так реализуется созидательный потенциал, заложенный в производственных отношениях, а общество получает возможность устойчивого развития и предоставления комфортных условий жизни как нынешнему, так и будущим поколениям.

### **Список литературы:**

1. Симоненко Н.И. Экологическая культура как основание образовательной парадигмы: философско-культурный аспект: автореферат диссертации ... кандидата философских наук. – Челябинск, 2012. – 22 с.
2. Антропов В.А., Морозова Е.Н. Экологический менеджмент в промышленности // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2015. № 1. – С. 56-62.
3. Капнинова О.С. Экологический менеджмент как основа предприятия нового поколения // Актуальные вопросы экономических наук: сборник материалов ХLI Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 1. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. – С. 68-72.
4. Павлова А.С. Управление развитием корпоративной социально-экологической ответственности российского предпринимательства: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук. – СПб., 2015. – 30 с.
5. Пилюшенко А.В., Шишкина А.А. Социальное здоровье личности в ракурсе экологической этики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7. – С. 161-163.
6. Панина Г.В. Экологическая культура как компонент профессиональной культуры современного специалиста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 3. – С. 46-53.
7. Цветкова И.В. Представления об экологической культуре современной молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 2. – С. 124-130.

## **РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КАК НЕИЗБЕЖНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

**Селиверстова Н.С., Дроздова Д.А., Абдулаев Х.-Б.С.**  
*Россия, г. Казань*

*Казанский федеральный университет  
E-mail: dashunkadrozдова@yandex.ru*

**Аннотация.** Целью исследования является описание рационального природопользования как неизбежного пути развития социально- культурных, экологических и экономических процессов в современном обществе.

**Ключевые слова:** микроэкономика, экологический каркас, потребности, ресурсы, конкуренция, природопользование.

Как известно, человечество имеет постоянно растущие потребности и при этом ограниченные возможности и ресурсы. Достижение финансового благополучия представляет собой цель деятельности современных людей. Это приводит к тому, что общество начинает потреблять с каждым разом всё больше, зачастую несмотря на возникающие риски (в том числе экологические). Повышение спроса в свою очередь приводит к ответной реакции предложения - на рынке появляется огромное количество товаров. С каждым днём численность фирм по всему миру увеличивается как в сфере производящей и перерабатывающей промышленности, так и в сфере услуг. И зачастую экономические интересы ставятся выше долгосрочных интересов общества [1]. При этом часто ли мы задумываемся о последствиях такого потребления?

С каждым днём потребности человечества неуклонно растут, в то время как ресурсы не возобновляются, а их большие запасы – вовсе не являются гарантией нескончаемости. Да, сегодня у нас есть возможность удовлетворять своих потребности с помощью имеющихся ресурсов, но в будущем число нужд станет намного больше, а количество ресурсов, вероятно, лишь продолжит сокращаться. Осознание этой проблемы приводит к необходимости рационального природопользования.

Говоря о сущности такого понятия как «ресурсы», следует отметить различность подходов к её толкованию. Первый подход строится на основе представлений классиков, которые разграничивали понятия «экономические ресурсы» и «факторы производства», считая, что экономические ресурсы являются потенциальными факторами производства, в то время как факторы производства - это уже используемые в общественном воспроизводстве ресурсы. В основе второго подхода лежат принципы *economics*, которая гласит, что экономические термины «ресурсы» и «факторы производства» являются синонимами. Таким образом, под экономическими ресурсами можно понимать все элементы, используемые для производства экономических благ. На сегодняшний день выделяют следующие важнейшие экономические ресурсы: земля, труд, капитал, предпринимательская способность и информация, рациональное использование которых представляет собой практический и теоретический интерес.

Природные ресурсы представляют собой экономическую основу жизни общества [2], поэтому экономическая рента от их использования должна собираться и распределяться в интересах территории и населения [3]. Хотя у экономических субъектов зачастую существуют стимулы к оппортунистическому поведению и использованию извлекаемой ренты в собственных интересах [4]. Найденные и полученные природные ресурсы (недра, водные, биологические, рекреационные и другие ресурсы) становятся сырьем для производства. А сырьё, добытое таким образом и принимающее участие в общественном производстве, становится экономическими ресурсами.

Природные ресурсы делятся на разные виды: на реальные (те, которые используются в каких-либо производствах на данный момент времени) и потенциальные (ресурсы, пока еще не вовлеченные в процесс производства, но рассматриваемые в качестве потенциального сырья (разведанные запасы и

т.п.)). Другой классификацией можно считать деление земельных ресурсов на исчерпаемые, неисчерпаемые, заменимые, незаменимые. К исчерпаемым относят ресурсы, которые могут быть абсолютно ограничены в количестве, являются относительно возобновляемыми и воспроизводимыми. К неисчерпаемым ресурсам можно отнести такие ресурсы, как воздух, солнечный свет, вода и т. д. Заменимыми ресурсами называют такие, которые можно заменить другими, более выгодными. Например, у человека в будущем есть возможность заменить энергию минерального топлива энергией солнца, ветра и т. д. Незаменимыми называются те ресурсы, для которых сложно найти ресурс-заместитель либо вообще невозможно. Примером можно назвать кислород, который жизненно необходим всем живым существам на планете.

Сегодня уровень потребления возобновляемых природных ресурсов начал во много раз превышать скорость их возобновления, и при этом стала очевидна ограниченность запасов многих невозобновляемых видов ресурсов. Для многих видов ресурсов многие десятилетия не получается найти заменителей (например, для нефти) – что создает особенности для использования и ценообразования на природные ресурсы. В связи с указанными вопросами повышается значимость эффективного управления *экологическим каркасом территории*, под которым мы понимаем систему важнейших, ранжированных по режимам использования, средоформирующих природных и природно-антропогенных геологических систем, которые объединены в единую структуру, обеспечивающую экологическую устойчивость развития территории и сохранение многообразия природных комплексов (биоразнообразия и т.п.) [5, с.318].

Важно проводить информационно-просветительскую работу по продвижению ценностей рационального природопользования.

Как отмечает Б. В. Поярков, рациональное природопользование складывается из [6]:

- 1) использования природных ресурсов, включающих экономную эксплуатацию ресурсов, внедрение ресурсо- и энергосберегающих технологий;
- 2) сохранения возможностей для воспроизводства ресурсов, поддержание прежнего состояния природных комплексов, а том числе мероприятия по восстановлению нарушенных ландшафтов;
- 3) мер по охране окружающей среды и живой природы от непомерного потребления, и истощения.

Анализ литературных источников показывает, что такие идеи не новы, тем не менее на практике мы видим лишь ограниченное их применение, что свидетельствует о необходимости усилить культурную и просветительскую деятельность в данной сфере.

Исследуя глобальные экологические проблемы и используя термин *устойчивое развитие* как рациональное удовлетворение потребностей людей без причинения ущерба будущим поколениям, мы приходим к мысли о том, что устойчивое развитие общества зависит от способности человечества перестроиться и в дальнейшем находится в гармонии с природой.

Сегодня мы часто можем слышать в СМИ обсуждение вопросов, связанных с окружающей средой и экологией, их защитой и неприкосновенностью. К сожалению, словом экология сегодня часто злоупотребляют.

Например, в рекламной практике часто используют термин «органическое», который является своеобразным паролем для достижения большего спроса на товар, независимо от реального положения вещей.

Несомненно, экология в значительной степени связана с экономикой. Изобретение новых очистных сооружений для сточных вод, создание органических ферм и внедрение био-присадок к топливу помогают экономике. Поэтому экологию можно назвать не только необходимостью или модой, но и выгодным способом, которым активно пользуются, не взирая на моральные нормы.

Рассуждая о моральных принципах, которыми необходимо руководствоваться, решая проблему ограниченности ресурсов, важно отметить наличие конкуренции за эти ресурсы между потребителями. С одной стороны, осознание необходимости соперничества за дефицитные ресурсы является важным мотивирующим фактором для экономических агентов: человек желает заполучить этот ресурс быстрее конкурентов для нужд осуществления своей экономической деятельности. Так рекламодатели часто пытаются использовать эту склонность в своих интересах – подогревая спрос на определенный ресурс. Из рекламы мы узнаем, что спрос на данный предмет так велик, что мы должны поторопиться купить его, и чаще всего мы делаем это, независимо от того, нужен ли нам этот товар или нет, хорошего он качества или производителю стоит желать лучшего. Точно так же могут вести себя и производители, работающие в одной или смежных отраслях. Если возникает конкуренция за использование какого-либо ограниченного ресурса, то в ход может идти недобросовестная конкуренция, которая противоречит моральным нормам и правилам. Так конкурирующие фирмы могут предоставить ложные сведения о деятельности фирмы-конкурента соответствующим органам власти, тем самым обеспечив ей всевозможные проверки и аудиты. Или используя иным образом имеющиеся в распоряжении административные и другие виды ресурсов. В современной экономике России предпринимаются шаги по защите конкурентных отношений, поскольку это повышает эффективность и производительность всей экономической системы, повышая общественное благосостояние. Тем не менее проблемы в этой сфере остаются и большая их часть связана с учетом экологических факторов при принятии экономическими субъектами стратегических решений по обеспечению ресурсной базы для своих производств.

Итак, несомненно, основная часть имеющихся ресурсов – ограничена. Это ограниченность может проявляться либо в качественном, либо в количественном выражении. Чтобы решить проблему ограниченности ресурсов, нужно, прежде всего, опираться на новейшие технологии, которые могут экономить ресурсы. В настоящее время существует практика безотходного производства. Так же решить проблему ограниченности ресурсов можно с помощью поиска альтернативных ресурсов. Но важно именно сейчас каждому из нас осознать, что грамотное пользование человечеством экономическими ресурсами - залог успешного функционирования и жизнеобеспечения общества, а также мира в целом.



### Список литературы:

1. Галимуллина Л.Р., Григорьева Н.С. Условия экономического равновесия фирмы // В сборнике: Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. Крымский инженерно-педагогический университет. 2017. С. 176-177.
2. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. М., 2001. Ст. 9.
3. Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России. М., 2006. С. 146–167.
4. Яковлева Е.Л., Григорьева Н.С., Григорьева О.В. Манипулирование информацией как одно из проявлений оппортунистического поведения // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 56-60.
5. Мирзеханова З.Г. Ресурсоведение: учеб. пособие / З. Г. Мирзеханова. – Изд. Второе (доп. и перераб.). – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 460 с.
6. Поярков Б.В. Некоторые теоретические вопросы рационального природопользования // Рациональное природопользование в условиях Дальнего Востока (задачи и направления). Владивосток, 1982. С. 7–40.

## РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Селиверстова Н.С., Салимгараева Р.Л.

*Россия, г. Казань*

*Казанский федеральный университет,*

*E-mail: salimgaravea98@mail.ru*

**Аннотация.** Целью исследования является описание влияния потребностей и их изменения на развития социально-культурных и экономических процессов в современном обществе.

**Ключевые слова:** микроэкономика, потребности, импортозамещение, информационных технологии, культура, производство.

Проблема потребностей и их влияние на организацию общества с давних времен привлекала внимание ученых, поскольку потребности являются неотъемлемой частью жизни индивида и представляют собой базис для развития производственных отношений.

В основе деятельности человека лежат потребности, которые определяют его поведение. Они являются начальным моментом формирования мотиваций, целей и желаний. Все, что создано человеком, направлено на удовлетворение его нужд. Так, вся история развития общества направлена на удовлетворение и возвышение человеческих потребностей. Они многообразны, различают социальные, духовные, материальные, биологические.

Проблема изучения потребностей человека привлекала внимание многих учёных – философов, психологов, социологов, экономистов, таких как К. Левин, Г. Мюррей, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, А.Н. Леонтьев.

Именно потребности были и остаются главным стимулом развития науки, техники и производства, способствуя тем самым расцвету культуры и образования и повышению уровня жизни.

В данной статье, мы будем рассматривать потребности как экономическую категорию. Потребности выступают в качестве мотивов для развития производства. Под экономическими потребностями обычно понимают недостаток в чем-либо, объективно необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития индивида и/или группы индивидов. Актуальность изучения потребностей повышается в связи с действующим ориентиром российской экономики на импортозамещение [1], поскольку для эффективной стратегии замещения импорта важно понимать мотивы поведения людей, в основе чего лежат их потребности и их эволюция.

Русские экономисты еще в конце XIX–начале XX в. определяли потребности как врожденные, естественные свойства и стремления человека, субъективные ощущения недостатка каких-либо благ, как своего рода страдание или известные психические переживания и эмоции, чувство нужды в чем-то и даже неудовольствия. Советские ученые, давая определения потребностей, пытались установить причинно-следственные связи между ними и материальными и социальными объективными условиями. За это время накопилось множество определений понятия «потребность», сформулированных экономистами, философами, психологами. К примеру, П.Н. Орехович пишет: «Потребности – осознанная нужда в материальных и духовных благах» [2].

У большинства людей желания практически неограниченны, и каждый из потребителей имеет осмысленную нужду в товарах или услугах. Перечень наших потребностей включает поразительно широкий спектр продуктов, начиная от самых необходимых предметов, до предметов роскоши. Причем при удовлетворении одной потребности, возникает другая.

Экономические потребности являются частью нужд человека, для удовлетворения которых обязательно должны существовать:

- производство;
- обмен;
- распределение;
- потребление услуг и благ.

Потребности и их структура оказывают значимое влияние на производственные процессы, являются внутренней побудительной причиной и конкретным ориентиром созидательной деятельности [3]. Экономические потребности четко обособляются от других видов потребностей именно в процессе становления и развития общественного производства, выступают как его непосредственный результат и в связи с этим выражают воспроизводственные отношения между людьми. Только через взаимодействие с производством раскрывается их экономическая природа.

Следовательно, в качестве критериев вычленения экономических потребностей из всей совокупности общественных потребностей можно выделить следующие [4]:

- 1) связь потребностей с производством;

2) экономические потребности носят дифференцированный характер, т.е. для каждого экономического субъекта (общество, индивид) на определенном историческом этапе развития экономических отношений экономические потребности различны;

3) в краткосрочном временном интервале, экономические потребности могут сводиться к минимуму и в рамках этого интервала отождествляться с материальными потребностями, или ограничиваться ими в значительной степени.

Важная роль экономических потребностей состоит в определении ими круга потребностей отдельных классов и групп общества в зависимости от их экономического положения в системе общественного производства. Однако экономические отношения различных социальных групп оказываются резко различными при любом уровне развития производства.

Формирование экономических потребностей может быть связано как с физиологией человека, так и с природно-климатическими условиями. Но главное, что определяет потребности, - это социально-экономические условия деятельности индивида как экономического агента. Методы удовлетворения потребностей зависят от институциональной среды, в которой принимает решения индивид [5].

К примеру, Карл Маркс писал, что «сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т.д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны» [6]. Таким образом, несмотря на физиологию человека, наши потребности носят социальный и общественный характер. Формирование экономических потребностей может зависеть от выше перечисленных положений, однако любой потребитель, независимо от места проживания и климатических условий, будет стараться удовлетворить нужду.

Потребности людей удовлетворяются через потребление, а, чтобы потреблять, необходимо производить. Между производством и потреблением существует тесная связь. Производство формирует потребности. Потребности в свою очередь ориентируют производство на создание новых ценностей и благ для удовлетворения определённых потребностей человека. Наличие потребностей и желание их удовлетворить является главным стимулом развития производства, его технического прогресса.

Отдалённые предки человека по образу жизнедеятельности мало чем отличались от животных. Средства существования они добывали преимущественно путём собирательства готовых продуктов природы. Тогда, естественно, не было налаженного регулярного производства. Вследствие этого уделом предков человека часто был голод.

Необходимые человеку средства существования должны быть произведены. Их изготовление совершается в процессе производства. Удовлетворение потребности также зависит от материальных ресурсов, которыми обладает человек. Так, в реальной жизни получается, что потребности удовлетворяются не полностью, потому что платежеспособность человека ограничена. «Наиболее верным и полным критерием трактовки потребности как экономической может служить только её предназначение. Ведь как уже от-

мечалось ранее, потребности приобретают общественно-экономическое содержание в системе экономических отношений, главным фактором, придающим потребностям экономическое содержание, является их всесторонняя связь с производством» [4].

Создавать предметы потребления можно только на основе хорошо налаженного производства, соответствующих средств производства. Связь производства с потребностями является двусторонней: прямой и обратной.

Согласно данным учебной литературы, производство **прямо и непосредственно** воздействует на потребности в нескольких направлениях:

1) Уровень производственной деятельности определяет, в какой мере она может удовлетворить запросы людей. К примеру, если в стране не произведено нужного количества благ и услуг, то имеющиеся потребности людей не будут удовлетворены, что затруднит их дальнейший рост.

2) Перевод производственных процессов на новый уровень развития технологий (внедрение информационных технологий и т.д. [7]), изменяет уклад жизни людей, порождает развитие качественно иных потребности (мобильная связь, интернет и т.д.).

3) Производство влияет на способы потребления благ и тем самым обуславливает бытовую культуру. Например, первобытный человек довольствовался куском мяса, которое он руками разрывал на части. Современному человеку для приготовления блюда из мяса требуется плита или гриль, а также столовые приборы.

В свою очередь, потребности оказывают обратное воздействие на производственную деятельность, в частности:

1) Потребности являются предпосылкой и определяют направление созидательной деятельности человека. Каждое хозяйство заранее намечает свое производство полезных продуктов с учётом выявленных потребностей.

2) Возвышение потребностей часто обгоняет производство. Примером могут служить работа компаний по производству различных гаджетов.

3) Возвышение потребностей придаёт им ведущую роль в поступательном развитии производства – от его низшей ступени ко всё более высоким.

Изучение взаимодействия производства и потребностей позволяет понять место и роль новых нужд людей в кругообороте экономических благ.

В результате проведённого исследования раскрыты понятия «потребность» и «экономическая потребности». Рассмотрена взаимосвязь потребностей и производства. Можно сказать, что возвышение потребностей и рост производственных возможностей носит взаимосвязанный характер и, что в процессе возвышения потребностей происходит усложнение способа потребления. Это приводит к формированию потребностей в услугах, а затем и к возникновению сферы услуг, которая в современном обществе активно развивается и весьма востребована.

Так, производство – процесс непосредственного создания материальных и духовных ценностей и его цель – удовлетворение разнообразных потребностей индивида и общества в целом.

### Список литературы:

1. Кундакчян Р.М., Григорьева Н.С., Зильфакарова Л.Ф. Современные тенденции использования института импортозамещения на российском рынке информационных технологий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 204. С. 366-379.
2. Орехович П.Н. Некоторые проблемы взаимосвязи производства и потребления при социализме / Орехович П.Н. // Ростов на Дону, 1968. С. 191
3. Янова В.В. Экономическая теория: учебное пособие по специальностям «Мировая экономика», «Налоги и налогообложение», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Финансы и кредит» / В.В. Янова, Е.А. Янова // Москва: Эксмо, 2009. С. 45
4. Алексеев Н.Е. К вопросу о сущности экономических потребностей / Алексеев Н.Е. // Режим доступа: <http://novainfo.ru/article/6066> (дата обращения: 10.04.17)
5. Яковлева Е.Л., Григорьева Н.С., Григорьева О.В. Манипулирование информацией как одно из проявлений оппортунистического поведения // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 56-60.
6. Маркс К. Капитал / Серия: Великие экономисты. М.: ЭКСМО. 2017. – 695 с.
7. Григорьева Н.С., Балашова Е.Я. Импортозамещение в сфере информационных технологий // В сборнике: Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам. 2016. С. 453-455.

## ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

**Семенова Е.В.**

*Россия, г. Воронеж*

*Воронежский государственный лесотехнический университет*

*E-mail: Elenaviktor2014@mail.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена поиску нравственно-философских причин экологического кризиса, сравнению западной и русской философии природы.

**Ключевые слова:** экология, кризис, нравственность, природа, человек.

Специфика современной экологии состоит в том, что из науки чисто биологической она превратилась в междотраслевую дисциплину, объединяющую комплекс естественнонаучных и гуманитарных знаний. К проблеме выживания человечества и охраны окружающей среды обращаются не только биологи и экологи, но также географы, геологи, химики, физики, медики, социологи, культурологи, экономисты. Однако большинство работ специалистов-естественников направлено на поиск технических средств, улучшающих среду обитания, а усилия гуманитариев ограничиваются сиюминутными интересами. И в первом, и во втором случае ведется борьба не с причинами, а с последствиями. Главной причиной экологического кризиса явля-

ется безнравственное отношение к природе. Проблемы охраны природы возникают там, где экономическая деятельность не ориентирована нравственно, где экономисты, политики, производственники думают только о том, как получить прибыль, удовлетворить потребность. Человечество веками вырабатывало нравственные нормы, регулирующие отношения между людьми, отношения внутри общества, отношения с государством, но этики, рассматривающей взаимоотношения человека с землей, с животными, с природой в целом, все еще нет. Нет моральных норм, которые учитывали бы всю сложность и многозначность взаимодействия человека и природы. Доказательством чего становится глобальный экологический кризис.

Сейчас предпринимаются попытки найти новую стратегию взаимоотношений человека и природы. Сюда относятся концепции коэволюции, человекоразмерности естественнонаучных теорий, идеи экологически ориентированной экономики (экологической экономики) и др. Однако все эти теории прагматичны, т.к. ставят целью сохранение природы ради спасения человечества.

Нужно формирование общей концепции экологической этики и философии, основанной на интеграции человека и природы, гармонизации их отношений, а не на отрыве этих сущностей друг от друга. Иными словами, необходимо соединение этики и экологии, философии и практики. Современные западные философы занимаются вопросами взаимоотношений этики и экологии. В результате появилась философия экологического кризиса, в основе которой – понимание этических причин современной экологической ситуации в сочетании с философией техники и хозяйства.

Российские философы затрагивают более широкий круг проблем: общепhilософское понимание природы и специфику ее религиозного, православного восприятия, пути формирования экологической культуры на религиозно-нравственной основе и другие. Здесь можно отметить труды Р.Г. Апресяна, В.Е. Борейко, А.А. Гусейнова, В. Кошелева, А.С. Панарина, Н.Ф. Реймерс, А.А. Сычева, А.Д. Урсул, В. П. Фетисова, В.Н. Шердакова, А.В. Яблокова, и др. Попробуем, используя некоторые выводы эти и других исследователей, представить собственное понимание истинных причин экологического кризиса и, возможно, покажем, где следует искать пути его преодоления.

Современная экологическая ситуация возникла как результат промышленного переворота и его последствий – формирования индустриального и постиндустриального общества, то есть экологический кризис является продуктом развития западноевропейской цивилизации. Вот почему для выяснения его подлинных причин и сущности важно понять специфику западноевропейского отношения к природе, которое складывалось на протяжении столетий от античности до наших дней.

Начнем с начала – с самого понимания природы в европейской культуре. Это понимание нашло отражение в различных мировоззренческих типах восприятия человеком своего отношения к Природе.

1. Культурное отношение к Природе. Оно обнаруживается в глубокой древности, в мифах и культах. Это был период полной зависимости человека

от Природы, непонимания им действующих в ней сил и закономерностей, период беззащитности и страха перед мощью стихийных сил. Такое отношение к Природе выразилось в примитивном мифологическом миропонимании первых людей Земли. В мифах они пытались отразить нравственный смысл природы, дать ее стихиям добрые и злые имена, связать с ними свое происхождение и судьбу. Поэтому и нравственный опыт человека в общении с Природой, зафиксированный в мифах, можно представить как его тотальную зависимость от природы, её обожествление и преклонение перед необъяснимой мощью ее стихий. Человек не покорял Природу, она сама господствовала над ним, он жил, собирая ей плоды.

2. Рациональное отношение к Природе. Оно начало складываться с возникновением философии. Природа так сильно занимала жизнь и мысли человека, что первые размышления о мире, первые философские исследования были обращены не к самому человеку, а к Природе. Философия возникла как натурфилософия, т.е. философия Природы. Первые философские взгляды на взаимосвязь природы и человека отдавали приоритет Природе. В ней искали начало и первооснову жизни. Фалес считал, что оно в воде, Анаксимандр – в бесконечности, Анаксимен – в воздухе, Гераклит – в огне, Демокрит – в атомах. Философы искали в Природе абсолютный, всеобщий закон материального и живого мира, который мог бы стать принципом и для нравственной жизни. Такой закон Гераклит назвал логосом и огорчился тем, что люди живут, не зная этого закона, и считают самих себя законодателями мирового процесса. Но человек является только частью общего, частью природы и должен подчиняться общему. Философы-кинники, самая ранняя «партия зеленых», считали принципом нравственной жизни девиз «Назад к природе». Диоген, самый знаменитый представитель этой школы, жил в бочке, имел только плащ, палку и чашку, следуя своей философской доктрине «обходится малым», не иметь ничего общего с цивилизацией. Поэтому, когда он увидел, как мальчик пьет воду из ладоней, он выбросил и чашку. Пользоваться только тем, что даст природа, – идея киников. Во многих других философских концепциях Древнего мира человек также связывал смысл жизни и идеал нравственности с Природой. Для классической античности природа есть идея, предполагающая созерцание, но не требующая преобразования, то есть активного человеческого воздействия.

3. В христианстве происходит отказ от античного созерцательного отношения к природе, она становится предметом преобразования человека со стороны науки и техники. Формируется философия «господства над Природой». Чем глубже человек понимал тайны Природы, тем больше он использовал ее для удовлетворения собственных потребностей, тем агрессивнее становилось его отношение к Природе. Его экспансия усиливалась вместе с развитием науки и техники, экономической мощи и возраставанием материальных потребностей человека. Начало этого процесса нашло отражение в философии Нового времени, в трудах Ф. Бэкона («Новая Атлантида»), который считал, что эмпирические и философские знания должны помогать человеку в подчинении Природы. Другой философ этого времени Р. Декарт, основатель рационалистической этики, считал высшим счастьем для человека

усиление его власти над Природой. Идеология господства над природой оставалась лидирующей в философии, политике, экономике, искусстве до нашего времени. Правда, предпринимались попытки вернуться к идеям «взаимопонимания», «сотрудничества» с природой, в частности у Ж.-Ж. Руссо, который призывал следовать законам природы в жизни и в воспитании. Но то были призывы одинокого, непонятого современниками мечтателя-гуманиста. На практике человек все больше утверждал себя как могущественную силу, повелителя, способного покорять не только себе подобных, но и Природу. Идея покорения морей, континентов, чужих стран и народов, а затем и космоса стала господствующей в сознании человечества, вызывала огромный энтузиазм. Утилитарное отношение к природе распространено и сейчас. Ему свойственно видеть в природе только ресурсы, необходимые для поддержания благополучия и служащие неиссякаемым источником обогащения.

В сознании западной цивилизации утвердилась идея, что природа сможет обеспечить любую потребность, даже самую бессмысленную. Такое отношение получило название «экологический нигилизм» крайне пренебрежительное восприятие природы как материала, сырья, среды, средства. Характерно для технократического

В XX в. перед лицом глобального экологического кризиса европейские мыслители попытались изменить характер отношения к природе на диаметрально противоположный. В результате появились такие направления, как экологический детерминизм и экологическая этика. Экологический детерминизм позиция эгоцентристского мышления, которое ставит целью служение самой природе. Для него характерно стремление растворить человека в природе, не учитывая его особенностей. Очевидно, что такая позиция не найдет много сторонников среди людей практического действия. Более взвешенной является современная экологическая этика. Это учение об этическом отношении человека к природе как к субъекту, а не объекту. Она открывает пути для решения многих проблем, таких как сохранение ресурсов, ограничение потребностей человека и т.д. Но само понятие этика имеет отношение, прежде всего, к человеку, а экология относится к миру природы. Достаточно ли простого объединения эти слов, чтобы сформировалось действительно новое отношение к природе? Современная западная экологическая этика возникла для борьбы за выживание человека и человечества, сохранение природных ресурсов для человечества, она прагматична и не ставит перед собой философских задач преобразования природы. Рассмотрев различные стороны отношения к природе, сложившиеся в западноевропейской культуре, можно сделать следующие выводы:

1. Христианская философская традиция вырабатывает отношение господства человека над природой, что не позволяет построить нравственное отношение к природе, основываясь на религиозных началах.

2. Наука дает инструментальное отношение к природе, которое, в конечном счете, и привело к экологическому кризису.

3. Философия может стать методом решения экологических проблем. В сферу ее исследования попадают вопросы этики, экологии, техники и хо-



зайства и тем самым расширятся аспект восприятия экологической проблематики.

Но в состоянии ли западная философия, являющаяся частью западной культуры, породившей экологический кризис, показать реальные пути выхода из него?

В отличие от западной, русская философия не прагматична, для нее всегда было характерно нравственное отношение к природе, даже тогда, когда ни о каком экологическом кризисе не могло быть и речи. В русской культуре эгоцентризм существовал как естественное явление. В литературе космологические и биоэтические мотивы просматриваются в творчестве А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Е.А. Баратынского, А. Блока, Н. Гумилева, М. Пришвина. Метафизика природы является неотъемлемой частью творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В философии эти проблемы развивались также естественно. Различные аспекты нравственного отношения к природе в русской философии были представлены идеями Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, П. А. Кропоткина, А. Платонова. Уже в середине XIX в. славянофилы развивали идею целостности духа, которая достигается путем преодоления разрыва между «внешним» и «внутренним» уровнями существования человека. Главной идеей является идея преображения. Эта нравственная по своей сути идея реализуется на двух уровнях на уровне человека и на уровне природы. В основе идеи преображения лежит несоответствие сущего и должного, что в переводе на космологическую проблематику означает несоответствие наличного природного бытия его совершенному образу. Соответственно, возникают идеи регуляции природы, которые в отличие от техногенного волюнтаризма западной цивилизации не предполагают насильственного вторжения в недра земли и хищнического использования ее ресурсов, но стремятся к одухотворению природы, доведению ее до разумного и нравственного уровня, соответствующего человеку. В переводе на язык экологического сознания это значит не простое сбережение и охрану природных ресурсов для их же потребления, а решение более кардинальных, метафизических задач, связанных с онтологическим переустройством самого наличного порядка природного бытия.

Идея преображения пронизывает буквально все слои и уровни русской философии и культуры. С особой силой это проявляется в философии и литературе. Уже в творчестве Д. В. Веневитинова, Ф. И. Тютчева и славянофилов эта идея получает свое первоначальное звучание. Особое значение имеет нравственная философия Ф. М. Достоевского, в которой имеет место острое неприятие смертного начала природы как неистинного и явлено стремление к реализации высших духовных принципов существования человека. Это устремление находит свое достойное продолжение в творчестве Андрея Платонова. Философские построения В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П. А. Флоренского, Б.П. Вышеславцева и др. наглядно демонстрируют, что отечественные мыслители занимались, прежде всего, нравственными проблемами человека, рассматривая его метафизическую сущность в контексте природно-космических проекций. Поэтому особое

значение имеет философия хозяйства, в которой с наибольшей силой проявляется преобразующая деятельность человека. Философия русского космизма показала, что эти идеи, высказанные первоначально в теоретическом плане, обретают практическое значение.

Эти идеи не утопичны, они соответствуют общей эволюционной логике, в которой человек не просто этап и звено, а высший духовный принцип, призванный на то, чтобы осуществить глобальную духовную цель эволюции одухотворение и преобразование природы.

## **ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ**

**Смирнова А.В.**

*Россия, г. Уфа*

*Башкирский государственный педагогический университет*

*им. М. Акмуллы E-mail: anna\_sm75@rambler.ru*

**Аннотация.** В данной статье рассмотрено духовное нравственное воспитание детей и подростков как одна из основ духовной безопасности наших детей. Приводится пример воспитания детей на основе Корана, а также из основ светское воспитание детей в школе и детском саду.

**Ключевые слова:** духовно нравственное воспитание детей. Алкоголизм и семейные конфликты.

Во многом духовная безопасность зависит от духовно - нравственного воспитания детей, какие ценности и традиции закладывают родители и общество в воспитание детей.

Духовно –нравственное воспитание детей и молодёжи, которое направлено на формирование гражданской позиции, к уважению культурно –историческому населению своего народа, его нравственных приоритетов в профессиональной деятельности являются одной из актуальных проблем образования на данном этапе.

Современное образование России должно ориентироваться на наиболее ценные элементы культурного наследия и национальную самобытность. Образование обязано одновременно способствовать укреплению этических принципов, на которых будет строиться новый, более справедливый, более гуманный порядок для людей и народов.

Духовные ценности народа, его традиции в течение многих веков играли одну из главенствующих ролей в гражданском становлении подрастающего поколения, в формирование его нравственных качеств и социализации личности в целом. [4.с.45]

Семья всегда играла одну из главных ролей в становление и развитие личности ребёнка, каков он будет во многом зависит от родителей и от семейно-культурных традиций. Какие духовные и моральные качества закладывают они в своего ребёнка.

Во многих семьях родители всегда придавали большое значение религиозному воспитанию своего ребёнка. Уже довольно с раннего возраста, они объясняли права и обязанности этических норм, приобщая своё чадо к соблюдению религиозных обрядов, чтению и заучиванию сур Корана в исламе, чтение библии и заучивание псалмов в православии, а это в свою очередь имело очень глубокое нравственное и психологическое значение для ребёнка. [6.с.108]

В современной России за последние более чем 30 лет утрачены семейные традиции в воспитании нравственного гражданина. А также забыто патриотическое воспитание. Из глубины веков семейные традиции основывались на общественных, религиозных и исторических традициях и обрядах, но они были творчески уникальными для каждой семьи. Где доверие, честность и открытость являются наиболее существенными, а каждый член несёт свою ответственность за семью в целом.

Семья всё слабее выражает свою главную функцию в воспитание детей. В большинстве семей основные силы и время родители расходуют на материальные обеспечения, но не на духовное воспитание и развитие своих чад.

По данным социологического исследования в России мамы уделяют на воспитание своего ребёнка 16 минут. А выходные 30 минут. А папы могут вообще не принимать участие в воспитание своих детей. [3 с40]

Вместо духовно-нравственного воспитания в некоторых семьях начали присутствовать только «питейные традиции». Например, если в семье начинают употреблять алкоголь один из её членов, то семья начинает деградировать. Алкоголь разрушает человека физически и духовно, разрушает общество с психоэмоциональной и экономической стороны. Начинают рушатся семьи, происходит изменения духовно-нравственных ценностей.

Во многих современных семьях царит конфликтная обстановка между родителями и не появление ребёнка дома или появление его в нетрезвом виде никак не реагируется родителями, так как они заняты только своими проблемами. Им не когда поговорить со своим ребёнком, работа, сложные семейные взаимоотношения приводят чаще всего к тому, что их ребёнок попадает «в дурную компанию», где нередко такие же сверстники, как и он употребляют алкоголь, наркотики, а также детей группы риска очень легко вовлекают и в экстремистские группировке. Чаще всего активность таких подростков склонна к вандализму и экстремизму. Некоторые правонарушения и преступления объяснимы не только уровнем нравственности, но и не понимание ситуации достаточно широко, а также неудовлетворением абстрактных норм. [2.с.85]

Безусловно в семье должен присутствовать авторитет родителя, но не деспота или демагога, который будет запрещать ребёнку что-либо даже без объяснений причины –это крайности в воспитании. Нужно прислушиваться и разъяснять, а порой быть ему советником или другом, который помогал бы расти и развиваться своему чаду.

Авторитет – это большая ответственность и здесь главное не сломать психику ребёнка и не навредить ему в его дальнейшей жизни.

Но когда на смену родителям приходят посторонние лица, то мы получаем совсем другого гражданина, чем того которого мы хотели бы видеть на самом деле.

Ребёнок мягкий как воск, и кто из него лепит вот это вопрос, таким он и будет. Что же мы получим если же ребёнок окажется в группе риска, а это большая боль для родителей. Появляются проблемы в школе с одноклассниками и учителями, частые пропуски занятий, побеги из дома.

Один западный исследователь писал: «подростки, которые более всего ценят самостоятельность, своё суверенное «Я», на самом деле более всего подчиняются нивелировке поведенческих стереотипов. Гордясь своей независимостью, они в действительности испытывают сильнейшее принуждение со стороны разнообразных мод: от сравнительной невинной одежды до весьма опасной питейной».

Хочется привести пример из исламской религии в воспитание духовно-нравственного гражданина.

О воспитание детей свидетельствуют многочисленные аяты священного Корана и изречения пророка Мухаммеда, например, в Коране сказано «О вас, которые уверовали! Остерегайте себя и свои семьи от огня адского, топливом которого служат люди и камни». [1. Аят 6]

Далее мы видим в продолжение о воспитание сказано- «Посланник Аллах сказал «. Самое ценное, что даёт отец ребёнку – это хорошее воспитание». [1.]

Также посланник Аллаха говорил: «Чтите ваших детей и хорошо воспитывайте их». [1. Ат- Тирмизи]

Принято считать, что Аллах и его посланник возложили большую ответственность на родителей и учителей. Тяжесть этого груза заключается в том, что дети доверены нам всевышнему, и в Судный день мы будем отвечать за них перед Аллахом. [4 с 41]

Но если ребёнок оступился, то горе родителям будет не только на этом свете, но и тяжелее всего им будет на судном дне. Строго Аллах спросит их за воспитание своих детей и тому какими они стали зависело с самого рождения от родителей.

Как они воспитали своего ребёнка, каким же он станет для своих родителей и для общества.

А ведь именно в раннем возрасте формируется их личность, закладываются жизненные ценности, формируются семейные взаимоотношения на личном примере своих родителей. А это и будет являться основой их дальнейшей жизни и их взаимоотношением со своими же детьми.

В Коране приводится ещё один пример в воспитание ребёнка:

«Нужно учить ребёнка родителям так, чтобы у него возникло желание заниматься самообразованием, воспитывать ребёнка так, чтобы у него возникло стремление к самовоспитанию».

Дальше мы видим ещё одну из главных догмат Корана, которая является важным аспектом в воспитание детей:

«Так как в обществе есть люди разные по своим физическим и умственным способностям, а также по многим другим причинам у них может быть разное материальное положение и возможности разные, то Аллах требует от граждан общества помогать друг другу, быть всегда и во всём справедливым, сочувствовать друг другу путём исполнения требований и установок, предписанных нам духовно-нравственным учением Ислама».

Вот это и есть центр всей исламской педагогике с её духовно-нравственной системой воспитания достойных граждан общества.

Духовно-нравственное воспитание сейчас очень необходимо начинать с младших классов школы и с детского сада, чем мы раньше начнём прививать к ребёнку такие качества, тем удачнее будет складываться его судьба.:

Целью духовно-нравственного воспитания в школе должно является сохранение духовно- нравственного здоровья детей.

Для реализации данной цели мы ставим такие задачи, как:

1. воспитывать уважение к нравственным формам как христианской, так и мусульманской морали;
2. научить детей уметь различать такие понятия как добро и зло;
3. сформировать у них чувство любви к Родине на основе изучения национальных и культурных традиций;
4. развитие и обучение музыкальной культуре, приобщение детей к классической, духовной и народной музыке;
5. начать развивать творческие способности у школьников.

Пример по развитию воспитания в дошкольном учреждении.

Основная цель духовно-нравственного воспитания в ДООУ является – воспитание духовно-нравственной личности ребёнка. Оказание помощи ребёнку в обретение им нравственного востребованного духовного опыта, основанного на религиозных традициях как православия, так и ислама.

Задачи, которые мы ставим для достижения данной цели:

1. приобщение ребёнка к традициям как православным, так и исламским;
2. оказание помощи в раскрытии духовной одарённости ребёнка и его личностных дарований;
3. оказание помощи в выстраивание позитивных и гармоничных отношений ребёнка с социальным миром взрослых и сверстников;
4. формирование у ребёнка гражданского самосовершенствования, любви к Родине и обществу;
5. охрана и укрепление духовного, психического и физического здоровья ребёнка<sup>4</sup>
6. формирование у детей толерантности.

Особая сфера воспитательной работы – это ограждение детей и подростков от одной из самых больших бед – пустоты души и без духовности. Настоящий человек начинается там, где есть святости души.

### Список литературы:

1. Коран, сура «запрещение» аят 6.
2. Смирнова А.В. Образ жизни подростков, употребляющих алкоголь. с.85. Сборник Агентство международных исследований 2017г.
3. Социальная педагогика. С 40 2017г
4. Татин Д.Ю. Духовные ценности ислама. С.40-41. 2013г.
5. Теги: воспитание Духовно-нравственное воспитание. Духовные ценности народа, молодёжь. 2013г
6. Хабибуллина Г.Ю. Исламское образование в России 2014г. С.108.

## ТУРКМЕНСКИЕ ГУМАНТАРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПИСАТЕЛЬ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

**Соегов Мурадгелди**

*Туркменистан, г. Ашхабад*

*Национальный институт рукописей АН Туркменистана*

**Аннотация.** Путем анализа статей, опубликованных на страницах “Закаспийской туземной газеты”, которая издавалась на туркменском языке арабской вязью в Ашхабаде в 1914–1917 гг., рассматриваются вопросы, связанные с жизнью и деятельностью писателя-джадида Мухаммедкули Атабаева (1885–1916) и его соратников, выявляются характерные направления проведенной им работы.

**Ключевые слова:** устаревшие методы, новые правила, свободный выбор пути.

Начнем с проведения следующих противоречивых в отношении друг к другу фактов истории: в то время, когда учебно-образовательные методы, использованные в мектебах и медресе Центральной Азии в средние века, способствовали появлению в небосводе мировой науки таких ярких звезд, какими являются Хоразми, Бируни, Фараби, Ибн Сина, Махмуд Кашгари, Махмуд Замахшари и многие другие знаменосцы прогресса на земле, к концу XIX и началу XX вв. эти же методы стали своеобразным тормозом в деле скорейшего усвоения подрастающими поколениями народов Центральной Азии достижений мировой науки и культуры, в первую очередь, европейской, которая в последние века в силу ряда объективных и субъективных причин взяла в свои руки бразду управления цивилизацией в мировом масштабе. Первыми борцами за обновления системы образования были мусульманские просветители, которых называли муллами-джадидами (“новаторами”). В отличие от кадимистов (“консерваторов”), которые получили свое образование, в основном освоив литературу только на арабской графике, джадиды занимались еще и книгами, изданными на латинице и кириллице, и поэтому последних в народе иногда называли “терс окан” (“прочитавшие наоборот”), имея ввиду обратный в отношении друг к другу порядок следования букв в публикациях на этих алфавитах. Муллы-“терс

оканы”, по убеждению отдельных неграмотных людей того времени, были еще чародеями-колдунами и могли заниматься волшебством.

Туркменский писатель- джадид, неутомимый просветитель Мухаммедкули Атабаев (1885–1916) родился и воспитывался в семье арчына (старосты) села Нохур Дурунского приставства Асхабадского уезда Закаспийской области, которая находилась в подчинении Туркестанского генерал-губернаторства (края) Российской империи. Его отца звали Атабай-ага. Точный день рождения Мухаммедкули не установлен. Умер он в своем родном селе Нохур в ночь на 2 марта 1916 года, когда ему было всего 31 года. По рассказам односельчан, он вечером того же дня сидел с ними вместе, спокойно вел беседу, но говорил, что у него болит голова и завтра собирается поехать в Асхабад (современный Ашхабад) с целью получить лечение. Также рассказывали, что он раньше тоже лечился в городе. Об этом сообщила читателям “Закаспийская туземная газета” в одном из апрельских номеров за 1916 год.

Мухаммедкули Атабаев до 1905 года обучался в Бахарденской школе-интернате у педагога Хасан-эфенди (Гасана Моисеевича Эфендиева) – турка из Гори (Грузия), а в 1908 году окончил учительскую семинарию в Ташкенте, где его другом-младшекурсником был Кайгысыз Сердарович Атабаев (1887–1938), ставший в 1925 году первым Председателем Совнаркома (Правительства) Туркменской ССР. Мухаммедкули после окончания семинарии работал учителем джадидской школы в г. Мерве (1908–1913). Повышал свою квалификацию на летних учительских курсах в Санкт-Петербурге в 1909 году. Из учащейся среды мервской школы, где учительствовал М. Атабаев, в последующем вышли такие известные деятели, какими являются, например, тески и одногодки, – Секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР Бяшим Кульбешеров (1898–1938) и Бяшим Перенглиев (1898–1938) – первый нарком просвещения Туркм.ССР.

В 1914 году М. Атабаев – сотрудник “Закаспийской туземной газеты”, на страницах которой опубликовал свои статьи, начиная первого ее номера. Одновременно работает в администрации области переводчиком. Способствует открытию новых джадидских школ в селах Челекен и Шагадам (Красноводск, ныне Туркменбаши). Некоторое время он сам работал в челекенской школе. Постоянно выступал за создание новых школ в каждом селе, где обучались бы все дети независимо от социального и материального положения их родителей. С этой целью в последние годы своей жизни вел работу по открытию новой школы в родном селе. Бывший выпускник джадидской школы, в последующем знаменитый писатель, Герой Социалистического Труда Берды Кербабоев (1894–1974) в своем романе “Кайгысыз Атабаев (в русском переводе “Чудом рожденный”) так описывал это событие:

“Мухаммедкули задумал построить школу. Вблизи той самой вековой чинары, в тени которой обычно отдыхали сельчане, начали стройку. Работа шла споро, стены быстро росли, а когда надо было ставить крышу, строителям помешала чинара. Небольшой боковой отросток. Видно, мастер ошибся в плане, когда закладывал здание. Нохурская чинара считалась

священным деревом. И прежде, чем отпилить ветку, Мухаммедкули собрал на совет всех аульских старшин. Старики согласились, что если ветка мешает благому делу, надо ее удалить. День открытия школы превратился в народный праздник. Бурлило в казанах, длинными рядами стояли чайники с зеленым чаем. На площадке перед школой шли игры, борьба-гореш. Девушки и молодые женщины качались на качелях. Мухаммедкули смотрел на это празднество и улыбался. Родной аул точно весеннее поле, усеянное цветущими маками. Вот и для него начинается новая жизнь! Можно не бояться придинок уездного инспектора. Школа построена на средства народа, и не нужно учителю платы за его работу. А через несколько лет в Нохуре появятся грамотные, думающие парни”.

31-летний Мухаммедкули Атабаев не успел даже жениться, но за свою краткую жизнь успел проявить себя в качестве яркого сторонника всего нового, передового и последовательного противника изживших себя обычаев и стратотипов, всего рутинного в жизни народа. Основу его наследия составляют статьи, опубликованные в “Закаспийской туземной газете” в течение первых четырех месяцев 1915 года. В своей статье, озаглавленной “Туркменскому народу” и опубликованной в первом номере газеты от 14 декабря 1914 года, он восхищается самим фактом начала издания впервые в истории периодического издания на туркменском языке (в скобках отметим, что газета, к сожалению, не имела свое туркменское название, а ее персидская часть называлась “Рузнаме-и мавера-и бахр-и Хазар”).

В таких статьях, какими являются “Обучение и туркменские школы” (9 января), “Новое правило обучения грамоте” (13 января), “Вновь открытая школа” (23 января), “Во всех отношениях туркмены отстают от других народов” (6 февраля), “Как были открыты школы среди туркмен” (31 марта), он особенно усердно пропагандировал новые методы (усул-и джадид) в деле обучения подрастающего поколения к грамоте, обучению девочек наряду мальчиками к основам научный знаний и различным полезным профессиям. В упомянутой выше статье “Обучение и туркменские школы” педагог резко критиковал отсталые методы обучения в местных школах, вследствие чего “даже десять человек из ста туркмен не могли читать. В некоторых аулах нет ни одного грамотного. И если поступает письмо, с трудом находят чтеца”.

Деловые и дружеские отношения связывали Мухаммедкули Атабаева с Артыкгуль (Татьяной Михайловной) Текинской (1878–1924), которая трехлетней сиротой по стечению обстоятельств попала в Москву. Примерно в 1907 году Артыкгуль Текинская, являясь образованной, тридцатилетней туркменкой, возвратилась в родину и начала большую работу – учила детей в селе Серахс и на станции Артык. Сохранились письма Текинской к Атабаеву, в которых ясно выражены просветительские идеи о необходимости внедрения передовой системы образования среди туркменского населения.

В публикациях “Калым, или торговля людьми среди туркмен” (24 февраля), “Талант туркменской женщины” (14 марта), “Счастлив ли мужчина, который имеет несколько жен” (27 марта) М. Атабаев не только защищал право туркменок на образование, но беспощадно осуждал калым, который



фактически лишал их возможности свободного выбора судьбы. В статье “Какие одежды носят туркмены” (7 апреля), как и подразумевается из самого ее названия, автор призывает туркмен одеваться по-современному и модно, используя при этом новые ткани.

Туркменские учителя-джадиды и их ученики очень тепло и радушно встретили первый букварь под названием “Яңы усул түркмен мекдеби. Түркмен дили” (“Новометодная туркменская школа. Туркменские язык”), составленный Алишбеком Сулеймановичем Алиевым (1883–1933) и выпущенный двумя изданиями в 1913 и 1914 гг. соответственно в Баку и Ашхабаде. В самой же книге ее название переведено с туркменского языка на русский язык как: “Туркменская речь. Звуковой метод обучения в туркменской школе”.

Первым о достоинствах учебника А.С. Алиевана страницах “Закаспийской туземной газеты” высказался Мухаммедкули Атабаев. Небольшая статья “Тэзе окув дүзгүни” (“Новое правило обучения грамоте”) за подписью “мугаллым Мухаммедгулы Атабай оглы” появилась в газете 13 января 1915 г. в ней, в частности, говорилось: “Хер сөз геплененде, агыздан оваз чыкар. Шу оваза гөрә хат хем язылар. “Элип”, “бий” мусулман харпларының атларыдыр. Эмма окулган вагтыда жүре атланур... огланлар илки окувга саланда, “элип”, “бий” адыны бермели дэлдир. Не жүре овазда харплар гелсе, шо гөра хем харпларга ат берип, огланларга окудып яздырмалыдыр. Шу тэзе окув дүзгүни ве карарына ягшы туркмен дилинде китап чыкардандыр мугаллым Алышбф. Эгер шу китаплар билен окудылып, аклына гелен огланлар ики айың ичинде хат язмакны, окамакны билер”. “При произношении каждого слова изо рта выходят (т.е. произносятся) соответствующие звуки. Эти звуки воспроизводятся на письме (посредством букв). “Элип”, “бий” (и другие буквы) – это название мусульманских (арабских) букв. Читаются буквы по-другому (т.е. не так как их называют). На начальном этапе обучения детей грамоте не стоит называть буквы как “элип”, “бий” (и другие). При чтении и письменных упражнениях с детьми необходимо называть буквы теми звуками, для обозначения которых они используются. Учитель Алиев издал хорошую книгу на туркменском языке, которая составлена на основе этого нового правила (метода) обучения грамоте. Если обучать детей по этой книге, то они в течение двух месяцев смогут писать и читать”. На преимущества нового метода, используемого в передовых школах, М. Атабаев часто указывал и в других своих публикациях [Более подробно об этом см.: 1, с. 235; 2, с. 93–106].

К обучению детей грамоте на основе этого учебника призвал также Ата Мурадов (Ата Мырадов) – один из коллег М. Атабаева по редакции местной газеты: “Оба араларында окаян огланлары ят окудылар. Олар 3 йыл, 5 йыл окялар, эмма хат язып билмийәлер. Ондан өтри бизиң окувларымыз өран кындыр. инди яңыдан бәри бизиң огланларымыз үчин Алышбек Алышбуф бырадармыз, ягны агамыз өзлери китап языпдыр. Имди ол китап билен огланларымызың гөзлериңи өз хатымызга өзгертмек болжакдыр. Имди, молла агалар, сизлер хем ол тэзеден чыкан китап билен огланлары окудың!” (27 февраля). “В селах обучают детей методом зубрежки. Они (по этому ме-

тоду) занимаются 3 года, 5 лет, но не умеют (даже) писать. Это наш старый метод обучения очень трудный. Недавно наш брат, т. е. наш господин Алишбек Алиев написал для (наших) детей книгу. Теперь по этой книге необходимо обучать детей нашему (туркменскому) письму. Теперь, господа муллы (сельских школ), вы тоже обучайте детей по этой новой книге (т. е. по новому методу)”.

В статье одного из юных последователей М. Атабаева – Овеза Мухаммедяра оглы “Яңы усул” (“Новый метод”) читаем: “Эне дилимизде көне усул билен сапак берилйән түркмен мекдеплеримизде бир көп махал окадым вели, окувдан чыканымда, не окамак, не язмак билмездим вели, Тежен школында бираз вагт галып, окамагы ве язмагы хем түрки, хем орусча мухтерем молламыз Алышбек Алыуфдан сапак алып өврендим. Шу түйсли язып ве окув өвренмегиме себәп билсеки усул болды” (3 февраля). “Много времени я учился родному языку в старометодных туркменских школах, при завершении которых не умел ни читать, ни писать, но потом стал заниматься в Тедженской (новометодной) школе у (нашей) уважаемого муллы Алишбека Алиева и за короткое время овладел чтением и письмом по-тюркски и по-русски. Благодаря новому методу я стал таким грамотным (человеком)”.

Туркменские джадиды-просветители начала прошлого столетия были людьми глубоко верившими. Так, например, почти все публикации М. Атабаева заканчиваются небольшими молитвами Аллаху, просьбой помощи у Всемогущего в осуществлении стоящих перед народом целей и задач по обновлению своей культурной жизни. Несмотря на это, в исследованиях, осуществленных в советский период, туркменские просветители считались чуть ли не большевиками, а термина “джадиды” в отношении просветителей не использовали, имея в виду его антибольшевистский характер, приобретенный особенно после событий октября 1917 года.

В заключении, подытоживая все сказанное выше, можем констатировать, что богобоязливый джадидизм, возникший на ниве мусульманского образования как прогрессивное движение и охвативший уже в начале XX века многие стороны общественной жизни туркменского и других тюркских народов, как известно, в отличие от последующего за ним безбожного социализма, наметил своей целью не классовую борьбу, а эволюционное развитие общества и нации, а также создание и укрепление новой государственности на основе не узкоклассовых интересов, а общенациональных приоритетов.

### **Список литературы:**

1. Соегов, Мурадгелди. В алтаистику через тюркологию: опыт реконструкции былых связей. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013. 396 с.

2. Söyegov, Muratgeldi. 1910’lu Yıllar: Az Bilinen Türkmen Ceditçi Yazar ve Makaleleri // Zeitschrift für die Welt der Türken (ZfWT), Vol. 1, No 1 (2009). Sayfa: 93–106.

# ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: БУКТРЕЙЛЕРЫ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ КНИГ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

**Соколова И.С.**

*Россия, г. Москва*

*Московский политехнический университет*

*E-mail: irso@yandex.ru*

**Аннотация.** Проанализированы возможности использования создаваемых читателями буктрейлеров научно-популярных книг по естественным наукам в целях экологического просвещения населения.

**Ключевые слова:** человек, природа, естествознание, экология, просвещение, книга, буктрейлер.

Тема взаимодействия человека и природы сегодня особенно актуальна, поскольку человек все больше и больше «выделяется» из природного мира, обустроивая свою жизнь так, чтобы она становилась комфортнее. Это «выделение» неизбежно ведет к появлению проблем экологического плана (в широком смысле), когда человек наносит вред природе, а природа может оказывать негативное влияние на человека. Одним из выходов из подобной ситуации нам видится получение и широкое распространение современных естественнонаучных знаний о природе. Необходимо экологическое просвещение, которое, как пишет М.Д. Андреев, «должно быть направлено на:

- наглядное отражение основных этапов эволюции Земли;
- отражение современных особенностей биологической эволюции, а также взаимодействия человека и природной среды;
- изучение уникальности экосистем земного шара;
- общечеловеческие, научные и эстетические ценности природных объектов» [1, с. 76]. Таким образом, речь идет не только об экологической проблематике в узком смысле, когда рассматриваются «пограничные» процессы, явления в системе «человек – природа», не только природоохранные мероприятия, но фактически обо всей системе естественнонаучных знаний. Скажем, отмеченные выше эстетические ценности природных объектов могут быть успешно продемонстрированы на примерах из области физики.

Популяризация естествознания в наши дни приобретает характер достаточно масштабного и востребованного многими людьми движения. Такая популяризация возможна благодаря обращению к самым разным формам: научно-популярным книгам, журналам, лекциям, стендапам, экскурсиям, телепередачам, радиопередачам, фильмам, интернет-сайтам и т. д. Однако в этой системе форм популяризации естествознания книга остается одной из главных, центральных и практически незаменимых. Вместе с тем традиционность научно-популярной книги естественнонаучной тематики ныне взаимодействует с инновационностью буктрейлера к данной книге.

Буктрейлер – относительно новое явление по сравнению с трейлерами к фильмам, прежде всего художественным. Буктрейлер представляет собой

короткий видеоролик (в среднем от трех до восьми минут), передающий сюжет или атмосферу, или же основную идею книги. Первоначально буктрейлеры создавались для литературно-художественных изданий, произведения в которых имели сюжет и создавали определенную атмосферу. И в этом отношении такие буктрейлеры очень близки к трейлерам художественных фильмов. В дальнейшем начали разрабатывать буктрейлеры для изданий, которые все чаще называют изданиями non-fiction. Для таких роликов главенствующей стала основная идея произведения и отчасти формируемая им атмосфера.

Буктрейлеры рассматриваются в первую очередь как новое средство рекламы книги [2], встраиваемое в маркетинговые коммуникации в современном книжном деле [3]. Основная функция буктрейлера – привлечь внимание читателя, заинтересовать его для того, чтобы он приобрел книгу. Кроме того, о буктрейлерах говорят как о новом средстве педагогического воздействия, направленного на развитие читательской активности обучающихся в общеобразовательных школах [4]. В буктрейлерах также можно усмотреть новый специфический и вполне самостоятельный медиажанр [5, с. 289].

С нашей точки зрения, буктрейлеры можно исследовать с позиций их роли в медиаобразовании, как средство, формирующее компетенции человека, способного активно и эффективно ориентироваться в современной медиасреде. И в этом случае наиболее востребованным оказывается создание буктрейлеров не издательством, рекламным агентством или какой-либо иной организацией, а именно читателем. Читатель здесь не потребитель, но творец.

В рамках настоящей работы нас будут интересовать буктрейлеры для научно-популярных книжных изданий естественнонаучной тематики, снятые обычными читателями, как средства медиаобразования, расширяющие медиакомпетенции этих читателей, в системе экологического просвещения. Но просвещение сегодня – это не просто знание ради знания. Мы считаем, что научно-популярные книги по естествознанию сейчас играют очень важную роль в социуме не только в плане просвещения в таком узком смысле, как это было в девятнадцатом и двадцатом столетиях, но и в смысле информационно-психологической адаптации человека в мире, где естественнонаучные знания стали неотъемлемой частью повседневности, пронизанной информационными потоками средств массовой информации, содержащими различные (ложно-сенсационные, истинные) сообщения естественнонаучного характера, а также наполненной разнообразными объектами и явлениями техники и технологий, медицины и сельского хозяйства, имеющими естественнонаучный базис и задействованными в быту. Человек должен ориентироваться в этой информационной и материальной среде. И он должен научиться жить так, чтобы мир природы и мир человека находились в равновесии и были гармоничны, когда природа не наносит вред человеку, а человек – природе.

Целенаправленно стимулировать подготовку буктрейлеров читателями, как показала практика, можно благодаря организации конкурсов буктрейлеров.

Первый конкурс буктрейлеров, создаваемых самими читателями, в России проводился в 2011 году. А.Г.Сидорова в связи с этим отмечает: «Организационная группа проекта конкурса буктрейлеров “Сними книгу” состояла из сотрудников Отделения связей с общественностью Алтайского государственного университета (АлтГУ) и Центра чтения “Мир книги” Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я.Шишкова (АКУНБ). Конкурс проводился в рамках проекта “Литературное достояние Алтая” по продвижению творчества писателей, создавших яркий образ Алтая в своих произведениях» [6, с. 83]. Однако это был конкурс буктрейлеров к литературно-художественным книгам.

Первый конкурс подготовленных читателями буктрейлеров научно-популярных изданий в России был организован в 2013 году [7, с. 90]. Премия в области научно-популярной литературы «Просветитель» объявила о создании специальной номинации в рамках Всероссийского конкурса-парада буктрейлеров 2013 года, и любой желающий мог создать видеоролик по книгам лауреатов и финалистов премии всех сезонов. Присланные работы оценивались по трем критериям: информативность, сила промо-воздействия, оригинальность содержания и исполнения. Премия «Просветитель» с 2009 года разделена на два направления: гуманитарное и естественнонаучное.

Буктрейлеры к научно-популярным книжным изданиям по естественным наукам, создаваемые силами непосредственно читателей, становятся выражением креативной свободы человека, развивают его творческие начала. Однако более значимой нам кажется их другая функция – функция медиаобразования. Самостоятельное творчество читателей научно-популярных книг по естествознанию в области подготовки буктрейлеров к ним – важное направление расширения медиаграмотности, охватывающей в том числе и качественное восприятие естественнонаучных знаний неспециалистами. Мы уверены в том, что экологическое просвещение в современных условиях не может ограничиваться пассивными формами, когда одна сторона передает знания, а другая их воспринимает. Интерактивность, обратная связь становятся в современном мире инструментами, с помощью которых просвещение, экологическое в том числе, готовит человека к постоянно меняющимся реалиям жизни. Фундаментальные законы естественных наук неизменны, при этом постоянно появляются новые естественнонаучные знания. Одновременно мы переживаем период бурного развития паранаук и взрыв псевдосенсационных заявлений средств массовой информации, касающихся вопросов естествознания. Современный человек должен критически подходить к оценке того информационного потока, который на него обрушивается ежедневно. Интерактивность экологического просвещения, реализуемого благодаря творческому использованию буктрейлеров, развивает самостоятельное критическое мышление. Деятельностный подход, применяемый в данном случае, является залогом того, что человек не просто пассивно воспринимает естественнонаучные знания, но работает с этими знаниями.

### Список литературы:

1. Андреев, М.Д. Экологическое воспитание и просвещение как эмоционально-ценностное отношение к природе / М.Д.Андреев // *Фундаментальные исследования*. – 2009. – №57. – С. 76–78.
2. Шевцова, Н.В. Отечественные буктрейлеры: проблема эффективности коммуникативной тактики / Н.В.Шевцова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2013. – №22. – С. 289–293.
3. Зими́на, Л.В. Буктрейлеры в системе рекламно-маркетинговых коммуникаций книжного дела / Л.В.Зими́на // *Известия высших учебных заведений: Проблемы полиграфии и издательского дела*. – 2012. – №2. – С. 170–179.
4. Сибильская, С.С. Буктрейлер как средство повышения читательской активности школьников / С.С.Сибильская // *Наука и образование: новое время*. – 2017. – №1. – С. 351–358.
5. Шевцова, Н.В. Там же.
6. Сидорова, А.Г. Конкурс буктрейлеров «Сними книгу»: к вопросу о новых технологиях рекламы книг в России / А.Г.Сидорова // *Библиосфера*. – 2013. – №1. – С. 83–85.
7. Шевцова, Н.В. Проблема заданности контента в буктрейлерах к произведениям литературы non fiction / Н.В.Шевцова // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2014. – №1. – С. 90–93.

### ЭТИКА, МОРАЛЬ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

**Соина О.С.**

*Россия, г. Новосибирск*

*Сибирский государственный университет*

*телекоммуникаций и информатики*

*E-mail: sabirov-soina@211.ru*

**Аннотация:** Цель статьи: обосновать идею о том, что не только мораль, но и этика несут на себе отпечаток культуры, а проблема общечеловеческих ценностей укоренена в сфере духовно-религиозной жизни человечества.

**Ключевые слова:** этика, мораль, культура, общечеловеческие ценности, естественное право, духовная традиция, этос.

Суть данной проблемы состоит в следующем: является ли мораль как система общечеловеческих норм и ценностей неким инвариантом, интегрированным в любое общество и культуру, а этика – способом универсализации этих норм и ценностей в единую научную теорию, либо мораль представляет собой специфическую для каждого общества и культуры систему норм и ценностей, что закономерно предполагает и многообразие культурных вариантов этических учений? Если придерживаться первой точки зре-

ния, то неизбежно нивелирование культурных различий в морали и этике, унификация нравственной жизни людей и народов, чреватая культурным нигилизмом и, как следствие, навязыванием одними народами своих стандартов жизни другим. Если же встать на вторую точку зрения, то возникает опасность релятивизма, препятствующего диалогу культур, а также этносов, народов и наций в плане обмена моральными и этическими ценностями. По всей вероятности, категоричное решение этой проблемы неприемлемо, как с теоретической, так и с практической точки зрения. В силу возникшего в Новое время и сохраняющегося во многом и поныне европоцентризма в этике по существу преобладал первый подход [1]. В какой-то мере именно он и стал идеологическим оправданием колониальной политики ведущих европейских держав по отношению к другим народам и государствам, а впоследствии первопричиной многих конфликтов на межэтнической, цивилизационной и межкультурной основе. В эпоху постмодерна наметилась противоположная тенденция, опасная тем, что, по сути дела, подрываются единые общечеловеческие основы нравственной жизни людей и народов, что, в свою очередь, может служить идейным оправданием морального попустительства и релятивизма. Таким образом, в проблеме соотношения этики, морали и культуры необходимо удержаться именно на такой позиции, которая не уведет нас ни в одну из вышеупомянутых крайностей.

Нам, гражданам России, исследователям морали и людям, интересующимся этическими проблемами, необходима не столько абстрактная констатация этих проблем и противоречий, но нужна принципиально иная философско-этическая методология, предполагающая, во-первых, осмысление и *феномена* морали и *сущности* нравственной жизни человека в их неразрывной предметной целостности, а, во-вторых, - в соотношении их с опосредующей их культурой и ее основополагающими ценностями, рассмотренными в некотором концептуальном единстве.

Если существуют определенные культурные особенности не только самой морали, но и этики, как философской дисциплины ее изучающей, то как же, спрашивается, возможно существование, так называемых, «общечеловеческих ценностей»? Существуют ли они реально, или являются всего лишь вымыслом философов? Если «да», то есть ли они некий инвариант морали, в равной мере присущий всем нравственным системам, какие существовали, существуют и будут существовать в этом мире?

Нет никакого сомнения в том, что наличествует единый для всех народов моральный язык. В лексическом багаже каждого народа есть понятия добра, зла, справедливости, чести, достоинства, стыда, совести и т.д. Однако их смысловое содержание, равно как и структурирование их в той или иной системе нравственных ценностей конкретного народа порой настолько различаются друг с другом, что очень трудно выявить именно всеобщее и абсолютное содержание морали, которое безусловно бы разделялось всеми нациями, народами и этносами. Существует ли «общечеловечность» как некий инвариант морали или, несмотря на известного рода общность морального языка, в реальной жизни мы имеем дело с ценностным разнообразием этосов, несводимых ни какой морально-этической унификации? И хотя об-

щие моральные понятия и представления несомненно существуют у людей и народов, принадлежащих к разным типам культур и цивилизаций, но мы склоняемся к выводу о том, что общечеловеческие ценности лежат все же не в плоскости морали, которая имеет весьма разнообразные социокультурные вариации и проявления. Общечеловеческое, по нашему мнению, находится, во-первых, в области естественного права, во-вторых, в духовно-метафизической сфере.

По существу, это проявляется в том, что, прежде всего, человек должен иметь право на жизнь и, действительно, жить достойно своей человеческой природе. Так он должен обладать некой фундаментальной совокупностью неотчуждаемых от него прав и возможностей (на труд, отдых, жилище, охрану здоровья, образование, свободу передвижения и т.д.) и в то же время иметь обязанности по отношению к самому себе, близким и обществу в целом. В этом все люди равны и этом плане они способны понять притязания друг друга. Моральные же оценки и иерархия близких к ним ценностей могут существенно меняться от эпохи к эпохе, от одной культуры – к другой. Ключевой вопрос здесь – не вопрос о самих «правах» человека, а о том, кого считать человеком. История человечества с ее драмами и трагедиями показывает нам, что многие катаклизмы, войны и революции были следствиями неадекватного восприятия людьми и народами друг друга и возникающими вследствие этого неадекватными нравственными реакциями. Это обстоятельство по существу вещей свидетельствует только о том, что в рамках естественного права содержится лишь возможность осознания людьми своего онтологического единства, которое не всегда реализуется на практике ввиду нарушения принципа духовного равенства между людьми и народами. Вот почему проблема общечеловеческих ценностей во всей полноте может быть пережита и осмыслена, прежде всего, как духовная проблема. Единственное, что нас всех (представителей разных религий, народов и государств, мужчин и женщин, взрослых и детей) по-настоящему объединяет и уравнивает окончательно и бесповоротно – это то, что все мы – смертны. Следовательно, главная задача каждого человека и всего человечества – это преодоление смерти – в физическом ли только аспекте, как продление жизни людей, в моральном ли – как мужественное, достойное поведение человека перед лицом смертельной опасности, в духовном ли плане – как окончательное спасение человека и человечества, т.е. избавление его от зла, страдания, наконец, самой смерти, о чем дружно свидетельствуют все мировые и национальные религии. Только в этом плане мы можем и должны говорить об *общечеловеческих ценностях*, и здесь мы сможем до конца понять друг друга. И только в контексте спасения человека и человечества моральные ценности, выработанные разными народами и культурами, обретут свое истинное значение – как *средства*, помогающие разрешению этой фундаментальной экзистенциальной, онтологической, этической и метафизической задачи. Практически во всех религиозных системах морали отводится, безусловно, важная, но все же вспомогательная роль [2]. В христианстве, например, признается, что спасение без Христа, Спасителя мира и человечества, практически невозможно. Стремление к



одной праведности, без упований на помощь свыше, может привести к фарисейству, т.е. к изъяду духовно-нравственного характера, по отношению к которому Христос был, как известно, категоричен и непреклонен. В исламе также считается, что земная и посмертная судьба человека целиком и полностью находится во власти всемилостивого и всемилосердного Аллаха. Даже в буддизме, нетеистической религии, нравственные усилия человека в деле обретения спасения (достижения нирваны) должны сочетаться с медитацией (духовной практикой) и комплексом психофизиологических упражнений.

В таком случае современная этика, честно обозначившая свою духовную и культурную принадлежность и не претендующая при этом на некое универсальное или унифицированное объяснение нравственности, не прокламирующая некие нормативные кодексы или правила поведения, несомненно будет способствовать утверждению «общечеловеческих» нравственных отношений в той мере, в какой они соответствуют вариантам и версиям различных этических учений или соотносятся с другими духовными и культурными традициями. На наш взгляд, только в этом случае они заслуживают не только признания их права на существование, но и внимательного изучения с целью обогащения этической теории эмпирическим материалом и бесценным и уникальным духовным опытом человечества. Всякая же попытка построения единой общечеловеческой этики под предлогом ее безусловной рациональности и предельной формализованности будет способствовать лишь нравственному разобщению народов, дискриминации отдельных форм духовного и морального опыта.

Именно в этом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать и социокультурное своеобразие морали, которая только тогда может быть понята адекватно, если будут браться во внимание специфика менталитетов, духовной традиции и жизненные ценности народов или наций. Именно острота социальных и нравственных противоречий в современном мире со всей неизбежностью показывает: не следует искать единое, пригодное для всех времен и народов «правило добра» или изобретать новые доктринальные основания этики, и уж тем более, формализовать те или иные этические учения, превращая их в панацею нравственного спасения мира и человечества.. Это очень важная методологическая, теоретическая и нормативно-ценностная установка современной этики. В противном случае конфликты и противостояния между людьми, народами, и нациями, принадлежащими к разным типам этосов, будут неизбежны, и совершенно невозможно будет построить честные, ясные и конструктивные отношения между людьми, чья жизнь и деятельность определяется различными духовными, культурными и морально-этическими традициями. Это положение показывает свою действительность даже в области дипломатии и политики, ибо слишком часто натянутые отношения или даже откровенные конфликты между народами и государствами связаны с неверным истолкованием мотивов их поведения в геостратегическом плане. Так, например, отечественные политики нередко упрекают правящую элиту США или Великобритании в применении двойных стандартов в отношениях с разными странами, по сути дела, обвиняя их в нечестности и недобросовестности. Между тем, едва ли люди, воспи-

танные в традиции утилитаризма, ставшей ментальной установкой их поведения, могут руководствоваться в жизни и в том числе и политической деятельности какими-то другими принципами. Именно в этом состоит внутренняя сущность их моральной природы, и от этого обстоятельства никуда не денешься. Поэтому для того, чтобы быть адекватно понятыми в политическом плане, нужно, как это ни парадоксально, научиться, прежде всего, понимать моральную природу своего и других народов и учитывать их в международных отношениях, в диалоге с представителями других культур и цивилизаций. И здесь следует исходить из сложившихся реалий жизни, из правды бытия, а не из неких надуманных схем или идеологических клише, под которые подверстывается нравственная жизнь людей и народов.

#### **Список литературы:**

1. Гегель Г. В. Ф. Отношение философии к другим областям // Хрестоматия по философии / сост. П. В. Алексеев, А. В. Панин. М., Гардарики. 1997. С. 15–16.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти томах. Т. 27. Л., Наука. 1984.

### **THE ASSURING HUMAN SECURITY IN THE CONDITIONS OF INTENSIFICATION OF GLOBAL PROCESS OF SOCIAL-POLITICAL PRESSURE**

**Sprincean S.L.**

*Republic of Moldova, Chisinau  
Institute of Legal and Political Research of ASM  
sprinceans@yahoo.com*

**Becciu S.**

*Republic of Moldova, Chisinau  
University of Academy of Sciences of Moldova  
sorinbecciu@gmail.com*

**Аннотация.** Современный мировой кризис, будучи многоуровневым и сложным феноменом, ввёл в научный и общественный дискурс ряд новых и оригинальных способов оценки масштабности философских и политических теорий и методологий, в перспективе построения новой социополитической системы, основанной на более интенсивном системном взаимодействии разных факторов и концепций. В статье исследуется ряд важных аспектов феномена безопасности человека, присущего современному обществу, а также необходимости её обеспечения для достижения более качественного уровня жизни. Все больше внимание в современном обществе уделяется созиданию и укреплению структур и организаций входящих в систему безопасности как человека и его особого, витально-необходимого окружения, так и отдельно взятых стран, международного сообщества в целом. Одной из самых важных практических и теоретических задач в про-

цессе обеспечения безопасности человека является воспитание у молодого поколения как культуры и ценностей нового типа, так и особой заботы и попечительного отношения к основным национальным ценностям, к народному достоянию, к государственным императивам, а также к источникам национального благосостояния и процветания. В данном контексте, процесс принятия и внедрения решений, как на национальном, так и на международном уровне постоянно подвержен давлению в соответствии с интересами доминантных центров влияния. Цель данного исследования заключается в анализе процесса обеспечения безопасности человека в контексте глобализации и интенсификации феномена политического влияния разных факторов и интересов на принятие и внедрение особенно международных решений в разных областях человеческой деятельности.

**Ключевые слова:** Безопасность человека, глобализация, политическое влияние, культура, идеология, ценности.

The development of the human beings and the pursuit of happiness could be achieved only if the person meets the basic needs. According to the Maslow pyramid security is one of the core needs that help the person to fulfill other higher goals such as love, esteem or self-actualization. Although, we often mention physical security, nowadays the researchers' attention shifts to another form of security. The cultural security covers the defense of the common cultural core a group of people have from foreign ideas that could harm the individuals.

Human security, from the perspective of defining of its basic components: liberty of necessities and liberty of fear strongly supports the fulfilling of the most important political objectives and purposes of contemporary society. The question of assuring human security is directly referring to the problem of human individual fears and concerns. First component of human security paradigm is the liberty of necessities, which become an achievable goal, as a state where the specific needs of human being (physiological, spiritual and social political) will not impede anymore his personal progress as a source of insecurity, impoverishment and pauperization. The second component of human security paradigm concerns the freedom of fear is, moreover a psycho-emotional state of the human being, allowing him to be exempted of worry and dread of future as a natural outcome of implementation of sustainable and rational, equitable and participative policies and strategies. In the applicative aspect, the theory of human security, through its methodological-conceptual content, contribute to the solving of worldwide major problems as internationalization and losing of control over such global phenomena as intensification of social political pressure on decision-making, using fundamentalist ideologies and terrorism. In such a hypostasis, human security can effectively counteract to negative effects of global crisis, as well as of globalization in general [1, p. 31].

Tangentially with human security problematic, in the way of better defending social equity, human rights and for more efficient social-political pleading for eliminations of human risks in the context of global changes, appears the necessity to promote the prophylaxis of fundamentalism, especially as a justification for terrorism, as an stringent imperative in contemporary society, which encompasses

the deepening and spreading of such elements of social life of individuals as independence, liberty and freedom of belief, solidarity, respect and consideration for others, along with participatory principle in the frame of complex social and political decisional processes or in those of determining of internal policies in such fields as confessional life, social assistance, development of linguistic, ethnic or other type of minorities' issues [2, p. 105].

According to the American researcher Peter Lamborn Wilson, the post-nuclear age is the information age [3]. This period is characterized by a vast quantity of transmitted information, when an event, an idea generated somewhere could influence the world in matter of minutes. But at the same time negative influence could come from abroad. Values that are different from the values specific to the cultural core could come in different forms. Most of the time, they come with the help of pop-culture, through movies, songs, books, games. At the same time they could be promoted by international organizations and imposed on the states they have influence on.

The information age generated another layer of world conflicts. The term "informational wars" was shaped by the researcher of the Massachusetts Institute of Technology Thomas P. Rona. He argued that information is one of the weakest links of all the armies. The Institute for Advanced Studies on Information Warfare explains informational wars as the utilization of information in offensive and defensive ways, to exploit, to corrupt and to destroy the information the enemy possesses. There are three key aspects of this type of warfare: to know yourself, to disrupt the knowledge process of your enemy and to feed him false information [4, p. 210]. Another definition of information wars is offered by the Russian researcher Sergei Tkachenko. He concludes that this phenomenon's goals is to influence and ideological opponent, with the help of special technologies, the essence of this type of warfare is to cause a cultural trauma to destroy the cultural fundamentals a society is maintained by [5, p. 8-9]. It is important that this definition shows the target and the goals of such conflict while giving countries a guide of what they have to protect. Traditionally the territory of a state was the source of conflict and a way of manifesting self-value. The recent change made that the present and future wars to be the wars for the mind of the human being.

The mind of the individual as a target and the altering of culture to promote a political ideology were the research points of the famous Italian leftist Antonio Gramsci. His revolutionary views were influenced by stay in the USSR that was facing important changes with the installment of the Soviets Powers. Returning to Italy after the two years visit abroad, he tore a part of the Socialist Party to build the Italian Communist Party. The ideological disagreements made the fascist regime of Benito Mussolini arrest the Italian philosopher. While in prison he took the time to research various political, economic and philosophical topics to keep his mind and spirit from collapsing. His work was later concentrated in "The Prison Notebooks", a book that is greatly appreciated by thinkers across the political specter.

In his works Gramsci affirmed the duality of the mechanism of power. This mechanism is formed from coercion and accord. While theorizing on the importance of the accord of the masses to want what the ruling elite needs, the Italian philosopher developed the idea of hegemony. With the help of the persuasion

and popular culture the masses show an active form of agreement with the needs of small ruling elites [6, p. 64]. At the same time, Jean-Francois Tacheau recognizes the importance of mass culture to promote the values and the civilizational outcomes among foreign cultures to influence their buying habits [4, p. 217]. This is the way an individual could be enslaved to work for money to buy the things that he doesn't need. By giving in to the economic interests, humans forget to self-discover and the pursuit of happiness. Various researches have demonstrated that the money and material possession after the sum that allows you to have a decent living doesn't increase your satisfaction in life.

Although, some Russian philosophers like Aleksandr Dugin, try to develop the idea of multi-polar world, the military and the economic power of The United States of America and it's the ability to print dollars to fund the national debt makes it the only global hegemonic power. This has a great influence on the movies we are watching and the music we are listening to. The "American Way of Life" with massive goods bought on credit, freedom and democracy as core values has the ability to persuade the bystander that this is the path they should follow. At the same time assuming the pattern of hedonistic interpretation of the world and the consumerism will bring suffering in the future at a personal level and at a global scale.

In his research Antonio Gramsci discovered that to change a state of a liberal democratic tradition the attacking the institutions of power such as police, army and administration is not sufficient. While the Bolshevik Revolution showed that eliminating the Tsar and its administration made possible to reshape the state, in the West another method should be used. Gramsci came with the idea of the war of position, which implied the taking over of the social hegemony with the help of newly established elites and non-governmental sector. This war of position has the objective of changing the cultural core of a nation. This core has the main interpretation of the world, the concepts of good and evil. By changing the values from the core it allows to influence the actions. For example, after the sexual revolution from the sixties we could see a spike in divorce rate in the American society [7]. This was caused by changing the cultural value of marriage from sacred bond in front of God and the community into a formal act in front of the state.

An important role to install a new form of government was played by the intellectuals. Antonio Gramsci argued that the intellectuals' role was to defend the cultural core or to attack it to install the cultural hegemony. In his opinion all the humans could be called intellectuals due to the possession of intellect, but not every person had that social function [8, p. 1]. Another point is that the intellectuals are swayed by the people supporting them economically. This way, if you want to influence their impact that they have on the masses you should follow the money. Investing the money into the educational system and maintain a close watch on sums of money coming from abroad.

An eloquent example for the importance of the education was the Greater Romanian. Created after the unification of the regions inhabited by Romanians such as Bessarabia, Bukovina and Transylvania with the Kingdom of Romania in 1918 the political elites at that time understood that the only way to fight the populism for the analphabet masses was education as a national priority. At that time education was getting from 12% to 16% from the GDP, while political parties

were sending their best members to become Ministries of Education [9]. The salaries of university professors were similar to those of ministers or of army generals.

The education process in the interwar Romania had a different level approach compared to the education today. The goal of the education system was to build character and good people. While evaluating them such qualities as curiosity, camaraderie, kindness was highly appreciated. The educational system had the professional aspect attached to the theoretical one. Students were able to work in the schools farm. The primary school which lasted four years was highly appreciated, giving the student the skills to pass the exam for the Lyceum.

The state gave education a central role to nation building and allocated vast resources towards these directions. There were created a thousand schools in the rural area and the number of Normal Schools, those that created teachers increased four times. The teachers were educated for eight years to become community leaders. They had good salaries and continued to increase their knowledge after school. Besides the theoretical approaches school teachers gave information on hygiene, animal care, farming, knowledge that was lacking in the villages. The focus on education allowed interwar Romania to modernize and build prosperity and a culture appreciated in Europe.

Present day processes such as globalization and migration caused by wars or the need of economic prosperity increase the conflict between cultures. Globalization also helps top economical actors to redirect their profits to tax heavens to avoid taxes from the states where they created these profits. At the same time there is a clash of cultures caused by migration. As a consequence of the great number of immigrants that come to wealthy nations of Europe and the economic insecurity we could notice a rise of nationalism. The Brexit, the surge of Front Nationale offering the second place candidate for the French presidential elections, the Law and Order Party that governs in Poland and the recent win of Austrian Peoples Party are prime examples that while feeling threatened from abroad people return to identity and understand better who they are.

In connection with the given facts, a logical question appears: how does a reactionary reforming force, contained by total social-political pressures, affects the safety and human security in the modern world? In our view, this is not a trivial question, and it is quite useful for modern transitional society, and is, without doubt, debatable, as it is difficult to give a simple answer to it. There is no doubt that we live in the era of transition, and, practically, all spheres of social life are more or less in the state of crisis. The cultural crisis of our days is in many ways initiated and supported by the process of globalization, one of the significant aspects of which is the process of formation of a single world space, not only in the economic and political sense, but in the cultural meaning too. So, from the perspective of human security theory, the social interests can't dominate personal human reasons and interests. In the consequence, the presented facts confirmed the hypothesis that only moderate social-political pressure and interference in decisional processes at international and national levels, aids the security of the contemporary society based on primacy of individual rights over social priorities, in contrast with radical decisional pressing, which destabilizes the world community.

### **Bibliography:**

1. Sprincean S. Securitatea umană și bioetica. Monografie. Chișinău: Tipografia Centrală. 2017, 304 p.
2. Keohane R. Power and governance in a partially globalized world. London: Routledge, 2002. 298 p.
3. Bey H. The Information War source: [http:// hermetic.com /bey /infowar.html](http://hermetic.com/bey/infowar.html) (visited 06.11.2017).
4. Volkoff V. Tratat de dezinformare. Bucharest: Antet, 1999. 248 p.
5. Ткаченко С. Информационная война против России. Москва: Питер, 2011. 219 p.
6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо, 2012. 862 p.
7. Olson R. 144 years of marriage and divorce in 1 chart source: <http://www.randalolson.com/2015/06/15/144-years-of-marriage-and-divorce-in-1-chart/> (visited 06.11.2017).
8. Hoare Q., Smith G. N. Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. New York: International Publishers, 1992, 483 p.
9. Education in interwar period source: [http:// www. digi24.ro /special/campanii-digi24/coroana-de-otel/interbelic-scolile-normale-formau-invatatorii-ca-lideri-ai-comunitatii-812276](http://www.digi24.ro/special/campanii-digi24/coroana-de-otel/interbelic-scolile-normale-formau-invatatorii-ca-lideri-ai-comunitatii-812276) (visited 08.11.2016).

## **ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА**

**Стойко О.А.**

*Россия, г. Краснодар*

*Краснодарский университет Министерства внутренних  
дел Российской Федерации*

**Аннотация.** В статье ставится проблема сохранения этнической культуры как условия формирования евразийских ценностей, актуализируемых в пространстве современного социума. Соглашаясь с установкой, согласно которой евразийские ценности носят надгосударственный, наднациональный, надрелигиозный характер, выступая в качестве общечеловеческих ценностей, автор настаивает на следующем. Вне сохранения этнической культуры искомые ценности будут подвержены формализации, что впоследствии приведет к утрате смыслообразующей деятельности сознания как подлинного регулятора жизни молодого поколения россиян.

**Ключевые слова:** евразийские ценности, гармонизирующий диалог, согласование противоречий, релевантная несовместимость, вербальное, невербальное, рациональное, иррациональное, дискретное, континуальное.

Современная социокультурная ситуация, отмеченная отказом от «мятежной веры в автономию», которая с неизбежностью ограничивает культурное пространство индивида непроходимыми границами, выдвигает на

первое место необходимость формирования качественно иной способности человека. Имеется в виду обуславливающая индивидуальную ответственность личности способность понимать сложность процесса самореализации, в рамках которого траектория конкретной жизни оказывает «влияние на развитие общества в целом» [1, с. 79].

Другими словами, речь идет о способности к сознательному самоограничению индивидуальных потребностей, реализуемых на самых различных уровнях, во имя потребностей, которые продиктованы трансформациями, происходящими в масштабах всего мира. Если в первом случае имеет место локальный диалог, реализуемый на уровне диалога сознаний или, что то же – диалога рационального и иррационального, вербального и невербального, дискретного и континуального, то во втором, – диалог культур. То обстоятельство, что результативность как локального, так и глобального диалога определяется гармонизацией отношений всех вовлеченных в диалогическое взаимодействие элементов, позволяет сфокусировать внимание на части целого, в качестве которой выступает локальный диалог.

Специально подчеркнем, что формирование локального диалога невозможно в условиях этноцентризма, о котором еще в начале прошлого века писал О. Шпенглер, отмечая, что «для европейца Западная Европа является «солнцем», центром, вокруг которого «скромно вращаются мощные тысячелетия истории и далекие огромные культуры» [2, с. 290]. Лишь в 60-70-е годы XX века под влиянием антирасистских выступлений, а также движений за гражданские права в странах Западной Европы и США происходит постепенное преодоление этноцентризма. Имеется в виду ситуация, в рамках которой другие культуры начинают обращать на себя внимание правящей элиты под углом зрения альтернативных путей развития человеческого сообщества, когда провозглашающие отличные от западноевропейских ценностей сообщества видятся одинаково необходимыми для всего человечества.

Однако сегодня современная социокультурная ситуация вновь с особой остротой выносит на повестку дня вопрос об искомом диалоге. Подобное положение дел обусловлено неуправляемыми миграционными процессами, к которым проживающие на территории той или иной страны граждане оказались абсолютно не готовы.

Несмотря на популярность идеи поликультурного мира, в котором евразийские ценности приобретают надгосударственный, наднациональный, а, в конечном счете, и надрелигиозный характер, приобретая статус общечеловеческих ценностей, их актуализация в жизнедеятельности конкретной личности будет заведомо ущербной без одновременной актуализации этнической культуры. Последняя складывается на основе единства языка, традиций, обычаев, национального характера тех или иных этнических групп или этнических общностей. Будучи неотъемлемой составляющей культуры конкретного региона, этническая культура географически выходит за его пределы, поскольку представители одной и той же этнической группы могут находиться в различных региональных условиях мирового пространства.



Специально подчеркнем, что эпоха постмодерна, провозгласившая несводимость всяких различий, вплоть до метафизических, к чему-то идентичному, по сути, привела лишь к тому, что оперирующий ризомным сознанием постмодернистский человек утратил точку опоры в ситуации, обусловленной заменой традиционных схем поведения плавающими символами, когда любое явление, равно как и его дефиниции, рассматриваются с позиции постоянно меняющихся категорий. В итоге мы оказались поставленными перед неизбежностью того факта, согласно которому упоминаемая в начале статьи «мятежная автономия» обернулась тотальным разобщением гражданского населения, чуждого совместного интереса, если таковой не сосредоточивается вокруг витальных интересов, которые фундируются исключительно базовыми инстинктами. Более того, одной из примет глобализирующегося мира стало тотальное безумие масс [3], не в последнюю очередь иницируемое проблемой самоидентификации отдельных этнических групп, проживающих на различных территориях [4].

Подобное положение дел видится вполне оправданным в ситуации утраты одного из базовых компонентов этнической культуры как таковой – родного языка, владение которым, как правило, происходит на уровне бытового общения. Отталкиваясь от классического наследия ученых-лингвистов – работ В. фон Гумбольдта, Й. Л. Вайсбергера, А. Потебни, М. Хайдеггера, нельзя не признать, что именно в языке коренится дух народа и не что иное, как этот потаенный в языке дух опознается на уровне дома бытия (не быта!). О чем в данном случае идет речь и почему язык бытового общения не имеет цены в контексте поликультурного общества?

В данном контексте важно отдавать себе отчет в том, что, по сути, используемый в обыденной речи язык коррелирует с рациональным пластом сознания, реализуемом на уровне интеллекта. Другими словами, обыденный язык предстает весьма обедненным в силу своей предельной однозначности, которая впоследствии закладывает фундамент одномерного человека. Неизбежность примитивизации сознания говорящего на таком языке индивида обусловлена тем, что реализуемая посредством интеллекта рациональность – лишь часть человеческой психики, в которой не менее значимым с точки зрения целостности мыслеречевого субъекта оказывается иррациональный пласт сознания. Однако, ориентированный на предельную однозначность обыденный язык не в состоянии «пробудить» иррациональный пласт сознания, нередко доводя процесс общения до автоматизма.

Соответственно, дух языка, для актуализации которого, собственно, и были созданы внешние языковые формы, обнаруживает себя там, где рациональность обретает единство с иррациональностью, где дискретность дополнена континуальностью и где невербальность взаимодействует с вербальностью, т.е. во внутренней форме языка. В этнической культуре следы внутренней формы языка опознаются в легендах, сказаниях, притчах, сказках, пословицах и поговорках, в ритуалах и религиозных практиках, т.е. в таких текстах культуры. Принимая во внимание тот факт, что текст культуры являет собой «воспроизводимую последовательность значимых элементов», выступая в качестве смыкающего компонента акта коммуникации» [5,

с. 10], подчеркнем, что, как правило, такие тексты содержат в себе не столько нормы, одинаково неизменные для каждого отдельного человека, тем более для иноверца, сколько «путеводные образы».

Как пишет по этому поводу А.А. Брудный, «путеводные образы возникают не из наблюдений непосредственно воспринимаемого мира, а крятся в сфере лежащих за ним структур, которую Платон называл “царством идей” и о которой в Библии сказано: “Бог есть дух”» [5, с. 115]. Неслучайно священные для представителей разных религиозных конфессий книги испокон веков требовали толкователя, выполняющего функцию посредника между Создателем и верующими в него людьми.

Тот факт, что на сегодняшний день даже те, кто прямо называет себя верующим человеком, во многом профанируют опыт приобщения к Творцу [6], позволяет со всей категоричностью утверждать, что утрата внутренней формы языка чревата утратой духа народа, обусловленного единством языка, традиций, обычаев, а также спецификой национального характера. Соответственно, когда нет различий, нет фундамента для согласования противоречий, которое выступает критерием гармонизирующего диалога. Налицо ситуация, когда вне актуализации внутреннего опыта, унаследованного от предков, индивиды обмениваются пустыми формами, уподобляясь говорящему попугаю. Такой опыт получил название симуляции, в рамках которой основанные на голой рациональности слова и обусловленные такими пустыми словами действия есть не что иное, как симулякры.

Напротив, преимущество человека, который одновременно являет себя и подлинным носителем этнической культуры, и представителем культуры того народа, в среде которого происходит его становление, особенно заметно на примере таких художников слова, как Николай Гоголь (украинская культура и культура русская), Исаак Бабель (иудаизм и русская культура), Нодар Думбадзе (грузинская культура и культура русская), Идрис Базоркин (ингушская культура и русская культура), Раиса Ахматова (чеченская и русская культуры), Фазиль Искандер (абхазская культура и русская культура), Харуки Мураками (японская культура и культура американская) и т.п. Именно поэтому бесспорно прав И.А. Ильин, который признавался в том, что всякие отличия, которые не несут в себе деструктивность, следует воспринимать не столько как диковину или нечто странное, экзотическое, пугающее, либо угрожающее, глупое и примитивное, сколько как данность, и их оценку нельзя подгонять под доминирующие либо принятые в обществе стандарты, нормы правила, суждения [7, с. 447].

Подводя некоторые итоги, заметим, что рожденный в лоне этнической культуры текст может рассматриваться в качестве поля методологических операций, приводящих мыслеречевого субъекта к состоятельности диалога сознаний. Результативность последнего М.М. Бахтин связывал с событием текста и контекста, данного и созданного, познавательного и этического [8]. Поскольку любой человек несет на себе все признаки текста, состоятельность локального диалога во многом инициирует становление диалога культур. Здесь собственно человеческий характер, в котором вырабатывается воля к согласованию противоречий, выступает некой культурной формой, обусловленной рожденной в недрах этнической культуры рефлексии

методологического типа. Обозначенная форма становится тем самым общим знаменателем, который обеспечивает выход мыслеречевому субъекту на внутреннюю социальность как общечеловеческую ценность, значимую для всех представителей глобализирующегося мира.

### Список литературы:

1. Волков Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России. М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. 328 с.
2. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность: пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с. – (Книга света). [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/fuko\\_bez/](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/)
4. Бендриковский А.М. Этнокультурные и клинико-социальные особенности больных пограничными психическими расстройствами в республике Коми: автореф. дис. канд. мед. н. М., 2001. 21 с.
5. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005. 336 с, илл.
6. Лозовская Р.И. Реализация воспитательного потенциала духовной музыки в общеобразовательных организациях Адыгеи //Богослужebные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе. Майкоп: изд-во «Магарин О.Г.», 2016. С. 740-759.
7. Ильин И. А. О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь и мысль, 2001. 512 с.
8. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 257-318.

## КРИЗИС ГУМАНИТАРНОГО СОЗНАНИЯ

**Сугаипова Э.И.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: sugaipova20@gmail.com*

«...важно вызвать в человеческом разуме радикальную революцию. Кризис – это прежде всего, кризис в сознании... Если не сможем радикально изменить свое сознание, не сможем воспринимать истинную суть вещей... то хотя бы сможем понять, проникнуть во все тонкости, изучать, дать почувствовать и понять все это своему сердцу и разуму... И, чтобы понять, нужно преобразовать то, что есть».

*Джидду Кришнамурти*

**Аннотация.** Целью исследования послужила проблема кризиса гуманитарного пространства. Возможен ли кризис гуманитарного сознания? Ав-

тором проведена попытка сформулировать ответ на данный вопрос. В статье анализируется понятие гуманитарного знания и его связь с гуманитарным сознанием. Гуманитарное сознание формируется на протяжении истории человечества и не возникает естественным образом. Оно есть идеальное начало. В статье исследуются взгляды А. Швейцера и П.А. Сорокина на проблему кризиса гуманитарного сознания, анализируется содержание гуманитарного сознания в контексте его влияния на культуру и ценности человечества.

**Ключевые слова:** гуманизм, гуманитарное знание, гуманитарное сознание, кризис, культура, типы, ценности.

«Мы переживаем, как пишет М.М. Бетильмерзаева, эру «второй волны» «осевого времени», нацеленного на очередное глобальное изменение мышления и сознания человека. Новое перепутье являет собой смену века железа, пришедшего на смену веку бронзы, веком «цифровых технологий» [1, с. 10]. И в этом контексте проблема кризиса гуманитарного сознания, набирает новые обороты. Кризис гуманитарного сознания длится столько же, сколько существует гуманизм как этическая жизненная позиция, признающая высшей ценностью жизнь человека. Гуманитарное сознание является высшим уровнем отражения действительности, включающим знания гуманитарные – систему сведений о действительности, наделенной человеческим смыслом и отношением. Гуманитарное знание – это знание о человеческом в человеке, состоящее из мировоззренческих идей. Говоря о гуманитарном знании, мы подразумеваем совокупность исторических, социальных знаний и их осмысление с различных позиций. Оно способно модифицировать сознание человека, формируя его отношение к миру.

История сменяет поколения, формирует мировоззренческие принципы. Гуманитарное сознание позволяет человеку использовать знания, делая собственный мировоззренческий выбор и используя осознанный общечеловеческий опыт. Человек вырабатывает гуманитарное знание, переосмысливая все то, что бытует во внешнем мире, в культуре. Достижения науки объединившись с высшей половиной человеческого существа, несомненно, порождает истинный прогресс. Важно не акцентировать внимание исключительно на инновациях, важно помнить о гуманитарном будущем и синтезе научного и культурно-исторического знания. Знание, хранившееся в недрах гуманитарного сознания, не укладывается в точную науку. Оно подразумевает самовыражение, самореализацию, экзистенциальные ценности, внутренний мир, приоритетные проблемы человечества, духовное начало, аксиологический взгляд на мир.

Гуманитарное сознание проявляется во всем том, что характеризует человека как меру всех вещей. Оно мыслит человека как часть цивилизации, оно рассматривает его в самоценности с точки зрения эстетических и духовных аспектов. Кризис гуманитарного сознания проявляется в проблеме анализа судьбы самого гуманизма, когда одна группа мыслителей отстаивает в качестве фундаментального принципа гуманизма – антропоцентризм, другая – онтоцентризм (при этом отказываясь от идеалов гуманиз-

ма), третья убеждена, что гуманизм немислим без теоцентризма. Отсюда следует мысль, а может быть кризис гуманитарного сознания заключен буквально сам в себе?! Гуманитарное сознание сознает слабость своего научного базиса, отсутствие единой концепции. Имеющиеся крайности восприятия анализируемой проблемы не дают гуманитарному сознанию сознавать себя стабильным и аргументативным.

Анализ кризиса гуманитарного сознания можно наблюдать в трудах А. Швейцера, П.А. Сорокина и др. Так, Альберт Швейцер являясь истинным гуманистом, призывал людей пользоваться любой представленной возможностью творить добро. Он говорил о подавлении духовности материальной культурой. Темп развития духовной и материальной сфер культуры не совпадает, по мнению Швейцера. Но нельзя говорить лишь о том, что общество абсолютизирует исключительно материальную сферу культуры, поскольку, например, в индийской и китайской культурах духовная сфера длительное время занимала лидирующее почетное место. Исходя из этого, Швейцер выдвинул концепцию моралистической культуры. Ратуя за пропорциональное развитие всех сфер культуры, он опирался на этическую составляющую (мораль, нравственность). Он отмечал, что кризис гуманитарного сознания «...не может быть успешно преодолен и человечество не будет в состоянии не просто остановить декаданс, но и добиться полного духовного «выздоровления» (возрождения) до тех пор, пока человеческое «Я» не осознает себя и не начнет по всюду и во всем действовать как «жизнь, желающая жить среди жизни» [1, с.184]. Нельзя принимать ситуацию, в которой наблюдается обособление духовного и материального начал, поэтому важно стремиться к созданию целостного духовно-материального базиса в структуре гуманитарного сознания.

Гуманитарное сознание находится в состоянии кризиса. По мнению П.А. Сорокина «кризис – это переходный период, существенный фактор и неизбежная необходимость мирового исторического процесса» [2, с. 35]. П.А. Сорокин пришел к выводу, что в истории человечества содержится 3 периодически сменяющихся типа культуры (идеациональная, чувственная, идеалистическая), каждый из которых характеризуется собственным пониманием реальности. Например, идеациональная культурная система базируется на трансцендентных ценностях. Культурная система чувственного типа основывается на ценностях материалистического, материального характера. В рамках исторического анализа Сорокин П.А. полагал, что чувственная культура себя исчерпала. И, наконец, идеалистический тип (переходная форма) синтезирует ценности предыдущих типовых систем, при этом нормально функционируя, поскольку имеет некоторое равновесие идеационального и чувственного. В качестве исключения Сорокин предложил к рассмотрению иной тип культуры, в содержании которого хранились бы и идеациональные и чувственные и идеалистические ценности не образующие органической связи. Но такой тип, по его мнению, характерен для декаданса. Так или иначе, разрыв ценностных ориентаций способствует кризису гуманитарного сознания. Наблюдается некая апория.

Итак, кризис, по мнению П.А. Сорокина, это следствие естественного старения культуры. Этот кризис необычен, поскольку чувственный тип культуры сменяется на идеациональный, главный вектор которого устремлен к сверхчувственным ценностям.

Анализ проблемы кризиса гуманитарного сознания позволил выявить проблемные стороны вопроса, а именно:

- концептуальная контрадикторность системы гуманизма;
- задержка в развитии духовной культуры по сравнению с культурой материальной;
- историческая смена различных типов культурной системы с присутствием им воздействием на развитие и функционирование гуманитарного сознания;
- ценностный дисбаланс.

Безусловно, важным в данной ситуации является то, что без изменения ценностной структуры общества, без ее модернизации из кризиса выйти невозможно. Ценности всегда были, есть и будут значимым фактором в сознании каждого человека, в гуманитарном сознании в том числе. Сегодня нельзя утверждать, что проблема кризиса гуманитарного сознания решена. Это не совсем так. Поэтому остается предполагать, что естественным состоянием для гуманистической культуры является нахождение в зазоре между существованием и исчезновением. Вспомним, что слово «кризис» в переводе с греческого языка означает – переворот, но есть одна из версий, что кризис также означает и – суд, то есть подведение итогов, за которыми следует ответственность. Следовательно, можно надеяться на то, что даже самая неблагоприятная констатация фактов современности и самые суровые прогнозы на будущее – это итог, который станет мощным стимулом к поиску новых форм гуманитарного сознания.

### **Список литературы:**

1. Бетильмерзаева М.М. К вопросу о социально-философских аспектах социализации личности в образовательной среде. – С. 10-13 // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1.
2. Аль-Ани Н.М. Ответственность и ее классическая и неклассическая парадигмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 7. 2014. С. 182-187.
3. Шаповалов В.А., Василенко В.В. Кризис нашего времени в научном наследии П.А. Сорокина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 29-44.

## РОЛЬ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Сулейманова М.Н.

Россия, г. Уфа

Башкирский государственный университет

E-mail: [suleymanie@mail.ru](mailto:suleymanie@mail.ru)

**Аннотация:** В статье сделана попытка рассмотреть некоторые аспекты проблемы формирования этноконфессиональной толерантности в процессе вузовского образования. Преподавание этнологии дает важнейшие теоретические знания, позволяющие составить более полную картину многообразия мира, и дающие осознание важности и необходимости толерантного отношения к образу жизни различных народов мира, их менталитету, вероисповеданию, уважения к этнокультурным традициям и бережного отношения к разнообразию этносферы.

**Ключевые слова:** этноконфессиональный состав населения, Республика Башкортостан, этноконфессиональная толерантность, вузовское образование, этнологические дисциплины.

Современный Башкортостан – республика полиэтничная и поликонфессиональная. По данным переписи 2010 г. республика занимает второе место по многонациональности в РФ, наряду с Дагестаном. Основу ее более чем 4-миллионного населения составляют – русские, башкиры и татары (90 %) [1]. Национальный состав представлен и другими этносами, история переселения которых на эту территорию составляет не одно столетие. Это – марийцы, мордва, удмурты, чувашаи, татары, украинцы, белорусы, латыши, евреи, немцы [2, 2007, с. 36-40].

Последние десятилетия XX в. ознаменовались усилением миграции народов из Северокавказского региона России, а также из стран ближнего зарубежья – среднеазиатских и закавказских республик, что привело к значительному усложнению национального состава населения республики [3]. То же самое можно сказать относительно этноконфессионального состава. Он представлен такими многочисленными общинами, как мусульманская (башкиры, татары, незначительная часть чувашей, выходцы из среднеазиатского и кавказского регионов) и православная (восточнославянское, финно-угорское население, чувашаи, часть татар-кряшен). Имеются также общины верующих католиков (среди немцев, украинцев, белорусов), лютеран (немцы), старообрядцев (среди русского населения), язычников (среди финно-угорских народов, чувашей), иудаистов (евреи), последователей современных неорелигиозных организаций и течений [4, 2014, с. 42-43].

Столь сложный этнорелигиозный состав населения выдвигает в качестве важнейшей задачи – поддержание и сохранение в обществе межэтнического и межконфессионального мира и согласия. Приоритет в осуществлении этой непростой задачи принадлежит системе образования, в самом содержании ко-

торой заложены принципы равноправия и толерантности. Особая роль в этом, безусловно, отведена учреждениям высшего образования, где относительно недавно появились направления подготовки «Теология». В Башкирском государственном университете направление подготовки «Теология» реализуется с 2014 г. [5]. Создан Научно-образовательный центр «Теология» [6].

С точки зрения воспитания молодежи в духе толерантности это имеет важное значение. Изучение теологии в стенах светского учреждения и с позиций научного освещения, позволяет сформировать качественно новый подход в понимании мировоззренческих установок приверженцев различных религиозных вероисповеданий. Здесь уместно напомнить о том, что наша страна еще совсем недавно являла собой пример атеистического государства, в сознании людей которой на протяжении длительного исторического отрезка времени, внедрялось негативное отношение ко всему, что относилось к религии. Это не могло способствовать формированию толерантного отношения к носителям тех или иных вероисповеданий. Отсюда, внедрение теологического образования в современном вузе весьма своевременно, как и необходимость включения в учебные программы данного направления гуманитарных дисциплин, в том числе этнологических, ориентирующих на универсальные ценности культурного разнообразия.

В свете изложенного, можно сказать, что «Этнология и социальная антропология» и как наука, и как учебная дисциплина, является одной из наиболее привлекательных. Ее изучение дает широкие знания теоретических основ науки о народах мира, о ее основных понятиях, категориях, закономерностях, методологии и методах, о принципах научной классификации народов мира. Это, в свою очередь, позволяет составить представление о современной этнической и этноконфессиональной картине мира, культурной специфике народов мира, особенностях их социально-политического, хозяйственно-культурного и этнорелигиозного развития, а также о закономерностях взаимосвязей человека, культуры и общества в процессе этноисторического развития человечества. Кроме того, изучение науки о народах мира вырабатывает умение охарактеризовать этносы, как в целом, так и с точки зрения их отдельных сторон: языка, ареала расселения, хозяйственной деятельности, религиозной ориентации, этнорегиональных особенностей культуры, специфичных форм поведения (быта, обычаев, этикета), сознания и самосознания. Отметим, что это очень важно, так как самостоятельность и научно-профессиональный характер суждений о современных этнокультурных процессах в различных регионах мира – необходимые условия для формирования норм этноконфессиональной толерантности. Следовательно, приобретаемые теоретические знания в ходе изучения этнологических дисциплин на направлениях подготовки «Теология» в университетах позволяют сформировать целостную картину разнообразия народов мира, их религиозных и иных особенностей. Более того, это дает глубокое понимание и, что особенно значимо, осознание важности и необходимости толерантного отношения к образу жизни различных народов мира, их менталитету, уважения к этнокультурным традициям, бережного отношения к многообразию этносферы.



### Список литературы:

1. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Население\\_Башкортостана](https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Башкортостана) (Дата обращения - 14.11.2017 г.).
2. Сулейманова М.Н. Этнография народов Башкортостана. Учебное пособие. Уфа. РИЦ БашГУ, 2007. С.36-40.
3. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Население\\_Башкортостана](https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Башкортостана) (Дата обращения - 14.11.2017 г.).
4. Народы Башкортостана. Энциклопедия. Уфа: «Башкирская энциклопедия», 2014. С.42-43.
5. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»: <http://www.bashedu.ru/>
6. Сайт Научно-образовательного центра «Геология»: [http:// www.bashedu. ru/node/15475](http://www.bashedu.ru/node/15475)

## ВАНДАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

**Сулимов С.И.**

*Россия, г. Воронеж*

*Воронежский государственный университет*

*E-mail: sta-sulimov@ya.ru*

**Бураев Д.И.**

*Россия, г. Улан-Удэ*

*Бурятский государственный университет*

*E-mail: dburaev58@yandex.ru*

**Аннотация.** Данная работа посвящена рассмотрению вандализма, вдохновляемого религиозными мотивами. Авторы полагают, что к разрушению склонны адепты не ортодоксальных конфессий, а обновленческих и реформаторских сект.

**Ключевые слова:** культура, вандализм, религия, сектантство, ересь.

В октябре 2015 года боевики террористической организации ИГИЛ взорвали древние архитектурные ансамбли в г. Пальмира, которые ещё в середине XX в. были признаны культурными ценностями, подлежащими бережному отношению даже в случае войны (Гаагская конвенция 1954 г.). И это был вовсе не хулиганский поступок и не случайное последствие боевых действий. Адепты Исламского Государства методично уничтожили экспонаты музея в Мосуле и отреставрированные в прежние времена руины древних дворцов и храмов Месопотамии. На лицо целенаправленный и обдуманый вандализм, проводимый буквально в государственном масштабе.

В наши дни всё чаще обнаруживается губительная тенденция: попытка противопоставить духовный и светский компоненты культуры и обесценить светский компонент. Нередко у его истоков стоят религиозные деятели. Поведение их паствы далеко не всегда сопровождается насилием, но почти всегда отвержение светской культуры подчеркивается показательным уни-

чтожением её артефактов. Речь идёт о вандализме, вдохновляемом религиозными мотивами, который в наши дни наиболее характерен для исламизма, что отмечают такие авторитетные исследователи как Ж. Кепель, А. Рашид и Т. Али. Между тем такое агрессивное, буквально «анти-светское» поведение не является изобретением исламистов XX в. Аналогичным образом относились к материальным памятникам культуры и немецкие протестанты-анабаптисты, и чешские раскольники-гуситы, и адепты многих других религиозных течений, претендующих на «одухотворение» общества и подчинение его жизни канонам своих доктрин. Может сложиться впечатление, что любая религия, претендуя на доминирование, обязательно вступает со светской культурой (особенно, материальной) в конфликт, сопровождаемый резкой критикой и вандализмом. В данной работе мы проверим, так ли это.

Прежде чем говорить об известных фактах вдохновляемого религиозными мотивами разрушения, уточним, в каком соотношении находятся понятия «религия» и «культура». Отечественный философ начала XX в. П. А. Флоренский справедливо указывал, что противопоставление религии и культуры (как духовной, так и материальной) неправомерно, потому что культ является источником зарождения всего остального культурного комплекса: «Явления культа – храм, утварь храмовая, другие принадлежности храма и домовая молитвы и также все элементы культа – вроде текста и напева песнопения, молитв, освященных веществ и т.д. и т.д.; объединенные в конкретно-целостные *единства* (здесь и ниже курсив автора), они суть *орудия* этой культурной деятельности: ими, и чрез них и в них культ как деятельность проявляется и осуществляется» [1; 51-52]. То есть культурный комплекс, даже не имеющий видимого отношения к религии, начинается как её внешнее воплощение (например, нематериальному божеству посвящается материальная статуя, или чувства верующих получают выражение в храмовом пении). Затем, в ходе неизбежного процесса профанации, некоторые компоненты культа получают утилитарное назначение и становятся светскими. Так, П. А. Флоренский считал светские изящные искусства секуляризованными наследниками религиозного творчества. Например, установлено происхождение русской и европейской живописи от иконописи, а иудаизм и ислам, запрещающие изображать Бога и ангелов, не легли в основу и светских художественных традиций. Ставшая светской культура вполне может противостоять религии (карикатура) или развиваться независимо от неё (портретная живопись). Возникает закономерный вопрос: всегда ли религиозные сообщества негативно реагируют на такое обособление? И всегда ли негативное отношение клира к светской культуре выражается в вандализме?

Под вандализмом в данной работе мы будем понимать безвозмездное уничтожение материальной части культурного комплекса и нападки на его духовную составляющую. При этом важно оговориться, что безвозмездным разрушение можно назвать только по факту: не важно, чем замыслил разрушитель заменить уничтожаемое им произведение искусства или осмеиваемую легенду – если он уничтожил артефакт, не произведя реальную замену, значит, разрушение было безвозмездным, то есть вандальским. Например, разрушение александрийского Серапеума первыми христианами не

может считаться безвозмездным, потому что развалины языческого храма вскоре были перестроены ими в церковь. А вот сожжение храма Артемиды в Эфесе Геростратом – вандализм, потому что поджигатель не планировал ничего создавать на пепелище или планировал, но так и не построил. Итак, какие же религии и при каких обстоятельствах наиболее склонны к вандализму?

Прежде всего, отметим, что дуализм светского и духовного признают не все религии, а только те, в которых хоть как-то обозначено трансцендентное начало. Израильский исследователь Ш. Н. Эйзенштадт справедливо полагает, что такими религиями располагали только «осевые» общества: «Одной из отличительных черт этих цивилизаций является постоянное развитие внутри них альтернативных, соперничающих представлений об отношениях между трансцендентным и мирским порядками» [2; 23]. К таким обществам можно отнести христианскую Европу, исламский Восток и, отчасти, буддийскую Индию. Буддизм не претендует на воплощение трансцендентного начала в мирских формах и проповедует отрешенность от мира, хотя всё равно имеет зримые выражения в искусстве (архитектура, скульптура). Христианство и ислам стремятся привести земной мир в соответствие с «небесными» образцами, и поэтому являются творческими в материальном и духовном планах религиями. Разумеется, культурные комплексы христианства и ислама, как и любые другие, с течением времени подвергаются профанации и секуляризации: отдельные их компоненты перестают считаться сакральными и обретают новую жизнь на лоне светской культуры. Иногда происходят и обратные явления: некоторые элементы отвергаемых христианством и исламом «инородных» культур освящаются ими и принимаются в комплекс.

Однако, утверждая свою доктрину и создавая религиозный культурный комплекс, и христианство, и ислам без колебаний отвергают компоненты чужих культур, которые с их доктриной несовместимы. Британский философ Г. К. Честертон удачно подчеркнул бескомпромиссность этого явления: «Что для одних воздух, для других – отравя. Никого не убедишь оставить чуму в покое» [3; 180]. И в таком отвержении нередки «запрещенные приемы»: от проклятия и осмеяния до физического уничтожения. Но, как уже говорилось выше, такое уничтожение, даже происходящее стихийно, всегда предполагает замену уничтожаемого «нечестивого» на создаваемое «священное».

Уничтожало ли христианство на заре своего существования те компоненты языческой культуры, которые считало несовместимыми со своей доктриной? Безусловно. Любители древности уже несколько веков справедливо сожалеют о разрушении Серапеума и Дельфийского оракула. Если говорить об отвержении компонентов духовной культуры язычества, то нельзя не вспомнить о закрытии платонической Академии в Афинах в 529 г., которому нельзя найти никакого разумного объяснения, кроме христианской ревности императора Юстиниана I. Можно ли считать такое поведение христиан вандализмом? Отнюдь, потому что на месте разрушенных центров языческой культуры почти сразу же создавались новые, христианские. Например, Египет потерял Серапеум, но получил взамен монастырь Святой Екатерины, а Эллада, лишившись храма Аполлона в Дельфах, получила от

христианского цезаря собор Святой Софии в Константинополе. То же самое касается и духовного наследия античности, в частности, философии. «Отцы Церкви» считали веру приоритетной по отношению к разуму, но настаивали и на изучении эллинской мудрости [4; 117].

То же самое можно сказать об исламе. Мусульмане не признают священных изображений, и поэтому ими было уничтожено немало икон. Но при этом захваченные храмы не разрушались, а *перестраивались*. Вот как характеризует британский историк А. Джилман исламизацию Сирии халифом Валидом: «Так, он изгнал христиан Дамаска из древнего храма Иоанна Крестителя, где хранились многочисленные останки мучеников и святых, несмотря на то, что на нужды этого храма византийские власти всегда щедро жертвовали золото. Затем тысячи нанятых Валидом каменщиков приступили к переделке храма в мечеть, соединяющую черты греческой и персидской архитектуры. Таким образом, были заложены основы сарацинского стиля, изящество и роскошь которого позже окажут влияние на развитие западноевропейской готики» [5; 246]. Некоторые историки припоминают халифу Омару сожжение книг из Александрийской библиотеки, совершенное потому, что халиф считал достаточным для мусульманина чтением только Коран. Это реальный исторический факт, но не менее реальный факт и то, что труды античного философа Аристотеля стали известны европейцам лишь благодаря арабским переводам.

Итак, мы убедились, что две самые экспансивные «осевые» религии, хоть отвергают или ассимилируют инородные культурные компоненты, но не практикуют безвозмездное разрушение, то есть далеки от вандализма. Однако о современных исламистах сообщают обратное: адепты ИГИЛ и «Талибана» пока ничего не создали и не ассимилировали, зато успели отличиться безвозмездным уничтожением материальных культурных ценностей и огульным осуждением ценностей духовных.

Чтобы не быть голословными, возьмём в качестве примера культурную политику афганского исламистского движения «Талибан», поскольку оно на протяжении нескольких лет владело Афганистаном и имело широкое поле для любых экспериментов. Оставляя в стороне социально-политические особенности режима талибов, бегло коснёмся лишь их культурных мероприятий. Буквально понимая исламский запрет на изображения Аллаха и людей, талибы запрещали любое изобразительное искусство. Запрет распространялся и на памятники старины. Например, в Герате была закрасена белилами красивейшая фреска, посвященная афганской истории, а её автора, престарелого художника Мухаммеда Машала, заставили на это смотреть. В городе Бамиан талибы взорвали статуи Будды, признанные чудом света. Экспозиции кабульского музея изобразительных искусств были публично сожжены. Пакистанский исследователь А. Рашид резюмировал культурную политику талибов одной ёмкой фразой: «Говоря попросту, талибы отвергают саму идею культуры» [6; 161].

Такое поведение совсем не гармонирует с вековыми традициями исламской образованности, да и те фрагменты светской культуры, которые талибы запретили, были созданы мусульманами-афганцами, следовательно,

ничего противного исламу в них не было. К примеру, настенные росписи существуют во всех исламских странах, а в Багдадском халифате и Османской империи даже процветала миниатюрная живопись. Но талибы решили, что это несовместимо с принципами веры, сформулированными за тринадцать веков до появления «Талибана», и принялись буквально культивировать вандализм. И здесь обнаруживается очень важная деталь: талибы – не ортодоксальные мусульмане-сунниты, как они часто заявляют, а наследники изоляционистского движения *деобанди* (деобандизм), возникшего в Северной Индии в конце XIX в. Из всего богатейшего наследия исламской культуры деобанди сохранили лишь многократно упрощенный катехизис. Стоит ли удивляться, что их «боевое крыло», талибы, являются настоящими проповедниками обскурантизма? Французский исследователь Ж. Кепель констатирует: «Деобандская идеология не знает понятия добродетельного града: оплотом морали считается одна лишь община, сообщество верующих, сплоченных массой фетв, позволяющих каждому жить в соответствии с шариатом. Выведение государства и политической сферы за рамки легитимности оборачивается отрицанием всякого понятия о гражданстве и свободе, место которых занимают вера и повиновение» [7; 136].

Но такая мировоззренческая позиция не нова для протестующих против любой религиозной доктрины сектантов. Не все протестанты позволяют себе варварские выходки по отношению к культурным ценностям, но всех их роднит стремление отсечь веру от культуры и заклеить последнюю как «соблазн». В пример можно привести чешских гуситов (XV в.) и немецких анабаптистов (XVI в.), разрушавших церкви, но не построивших ни одного здания [8; 181-182]. Поэтому можно считать вандализм «визитной карточкой» не какой-либо конкретной религии, а протестантствующих сектантов, отколовшихся от любого «осевого» культа. К слову сказать, идейные союзники и спонсоры как талибов, так и ИГИЛ, арабские ваххабиты, хоть и называют себя суннитами, но ещё в XVIII в. были объявлены халифом еретиками-раскольниками.

В заключение хотелось бы поставить вопрос о противодействии такому безвозмездному разрушению, вдохновляемому религиозными мотивами. В минувшие эпохи на страже культуры стояла религиозная ортодоксия, готовая предотвратить раскол в рядах своей паствы. Но даже в средние века ей не всегда это удавалось: Реформацию, давшую жизнь анабаптистам и гуситам, нельзя сбрасывать со счетов. В современную же эпоху большинство государств носят светский характер и допускают свободу вероисповедания. В них не всегда мирно сосуществуют несколько религиозных культов, каждый из которых в любой момент может исторгнуть из себя очередных протестантов-вандалов. Поэтому отечественный исследователь Д. Д. Трегубова справедливо полагает, что в современном мире религии могут сосуществовать только на лоне централизованного светского государства, играющего роль третейского судьи между ними [9; 175]. Этот опыт был апробирован ещё такими средневековыми политиками как падишах Акбар и кардинал Ришелье. Но, если в прошлом это был лишь один из вариантов, то в наши дни – единственный путь преодоления напряженности между религиозной и светской культурами и вандализма как её следствия.

### Список литературы:

1. Флоренский П. А. Философия культа. Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2004. – 685 с.
2. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Н. Эйзенштадт. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
3. Честертон Г. К. Вечный человек / Г. К. Честертон. - М. : Политиздат, 1991. - 544 с.
4. Митрополит Илларион (Алфеев). Жизнь и учение святителя Григория Богослова. 4-е изд. / Илларион (Алфеев) митрополит. – М. : Вече, 2013. – 576 с.
5. Джилман А. Сарацины: от древнейших времён до падения Багдада / А. Джилман. – М. : Вече, 2007. – 352 с.
6. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии / А. Рашид. – М. : Библион - Русская книга, 2003. – 368 с.
7. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М. : Ладомир, 2004. – 468 с.
8. Сулимов С. И. Теистическое и атеистическое люциферианство / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // *Credo new: теоретический журнал*, №1 (85) 2016. – С.172-194.
9. Трегубова Д. Д. О религиозной толерантности в Китае в эпоху Юань / Д. Д. Трегубова // «Хэйда шилюэ»: источник по истории монголов XIII в. – М.: Наука, 2016. – С. 166-175.

## КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Сухина И.Г.**

*Донецкая Народная Республика, г. Донецк  
Донецкий национальный университет экономики и торговли  
имени Михаила Туган-Барановского»  
E-mail: suhina\_igor@mail.ru*

**Аннотация.** Цель статьи – аксиологический анализ коммуникативной функции ценностей, их универсального коммуникативного значения. Предложена аксиологическая версия философской трактовки коммуникации, согласно которой коммуникация – движение ценностей в социальном пространстве и времени, где ценности выступают в качестве смыслодержательных, значимых информационных «посылов». Отмечено, что ценности выполняют функцию коммуникативного смыслообразования. Рассмотрено соотношение ценностей и информации в коммуникативном процессе. Показана роль средств массовой коммуникации в современном коммуникативном процессе. Констатируется, что проблема ценностного содержания гло-

бализирующей социокультурной коммуникации есть проблема мирового развития.

**Ключевые слова:** ценность, смысл, значение, человеческое бытие, коммуникация, средства массовой коммуникации, информация, культура.

Человеческое бытие как бытие с позиции сознания и интенционального смысло-полагания, в сфере которого актуализуется и реализуются все его аутентичные, сообразные со смыслом, характеристики, погружено в мир ценностей – мир действенных значений: священное и профанное, добро и зло, прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое, полезное и бесполезное, должное и недолжное и др. По словам Г.Риккерта, «...то, что нельзя отнести к ценностям, не имеет абсолютно никакого смысла» [5, с. 179].

В общем понимании ценности – это фиксируемая сознанием предметная определенность смысла, проявляющаяся как его значение. Ценности, будучи сопряженными с человеческим сознанием как таковым (трансцендентальным сознанием) возникают вместе с ним, и в них сознание (интенционально) проявляет свое смысловое содержание, означивая ими действительность. Если более конкретно, ценность – это антропоморфный смысл, в котором человек выступает мерой значимого. Под антропоморфизмом подразумевается интенциональная проекция человеческих качеств на мир, его очеловечивание; по словам американского культурантрополога Р.Крейпо, «антропоморфизм использует человеческие качества для объяснения сущего, интерпретируя или действуя по отношению к нему как к сфере человеческого» [8, р. 323].

Ценности являются значениями, предполагающими субъектное мироотношение, реализуемое на индивидуально-личностном и коллективно-социальном уровнях субъектности, они выступают смыслообразующим основанием человеческой действительности. Ценности удостоверяют собой всю смысловую тотальность мира, – не только деонтологический «мир должного», но и все феномены природного, социокультурного и ментально-психологического «мира сущего», раскрывающего смысловую значимость (мировоззренческую, нормативную, прагматическую) для субъекта сознания и сознательно-мотивированной деятельности. В ценностях актуализируется, сублимируется и интегрируется смысловое содержание человеческого бытия.

Человеческое бытие как бытие в его ценностной детерминации или самодетерминации имеет коммуникативный характер, являясь тем самым социальным бытием в культуре; коммуникация – самое необходимое условие формирования человеческого сознания в ходе антропо-социо-культурогенеза.

В социокультурной модальности коммуникация (лат. *communicatio* – сообщение, передача; от *communicare* – делаю общим, связываю, общаюсь) представляет собой, по определению российского культуролога А.Флиера, «процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т.п.) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования» [7, с. 194].

Структурными компонентами социокультурной коммуникации, и ее необходимыми условиями, согласно А. Флиеру, являются: «...наличие общего языка у субъектов коммуникации, каналов передачи информации, правил осуществления связей (семиотических, этических)» [7, с. 195]. В широком смысле, на что указывает Флиер, каждое социальное действие может быть рассмотрено как коммуникативное, т.е. содержащее и выражающее определенную информацию [7, с. 195]; однако в узком смысле собственно коммуникативными являются действия, имеющие специальную ориентацию на передачу информации и осуществляемые с использованием адекватной этой цели знаковой системы [7, с. 195]. Связанное с передачей информации коммуникативное действие является мегатипом всех типов социальных действий. Это «живая клеточка» обеспечивающей возможность социальных связей, отношений и взаимодействий социокультурной коммуникации.

Социокультурная коммуникация – это, прежде всего, ее содержание, представляющее собой смысловую сторону социальной связи; это, в сущности – процесс трансляции, обмена и интерпретации актуальных смыслов (смысловых содержаний) между индивидами и группами/общностями. Таково философское понимание коммуникации, с позиции ее сущностных оснований.

Украинский исследователь Т.Кузнецова указывает на то, что «взгляд на коммуникацию как социальный процесс передачи определенных смыслов приобрел наибольшее распространение в современной коммуникативистике» [4, с. 27]; на то, что «исследователи все чаще отмечают, что ...коммуникация – это движение смыслов в социальном пространстве и времени» [4, с. 27].

Вместе с тем предметная определенность смысла в его актуальном значении/значимости удостоверяется и полагается сознанием как ценность. «Любой смысл, подчеркивает Т.Кузнецова, всегда является имманентной ценностью, ведь когда мы говорим про смысл определенных реалий, явлений, действий, то всегда апеллируем к их значимости» [4, с. 27]. Отсюда аксиологическая коррекция философской трактовки коммуникации, согласно которой коммуникация – это движение ценностей в социальном пространстве и времени, поскольку, как пишет Т.Кузнецова, «...это движение смыслов, а смыслы всегда отличаются значимостью...» [4, с. 28]. Словом, ценностная содержательность – самый существенный признак коммуникации. Ценности как средоточия смысловых порядков человеческого бытия, актуальных его значений, образуют сердцевину социальных коммуникаций, представляют собой то, по поводу чего они осуществляются, то главное, что они содержат.

Предметная социокультурная коммуникация возможна благодаря своей актуальной смысловой содержательности, она осуществляется на основе и посредством совместно разделяемых и интерпретируемых ее участниками ценностей, обеспечивающих их взаимопонимание и взаимодействие [6, с. 130]; коммуникация осуществляется на ценностно-смысловом основании, и предполагает достижение необходимого консенсуса по поводу ее ценностей.



Причем непосредственным носителем ценностей как актуальных смыслов/значений в коммуникативных процессах является информация (лат. *informatio* – разъяснение, изложение, осведомление) – субстрат коммуникации как такого типа социальной связи, который предполагает информационный обмен. Информация представляет собой сведения о событиях или фактах, которые будучи зафиксированными в знаковых средствах/системах культуры и организованными в виде текстов выступают как сообщения. Значение этих, образующих актуальное содержание информационных сообщений событий или фактов удостоверяется и сублимируется ценностями, что позволяет квалифицировать социальную коммуникацию, по определению Т.Кузнецовой, которая акцентирует такое явление как ценность информации, в качестве «социального процесса обмена ценностной информацией» [4, с. 28].

Согласно определению Р.Крейпо, «человеческая коммуникация есть информационный процесс, которым выражаются определенные ценности, значения – одновременно со знаками и символами» [8, р. 294]. Российский философ Л.Баева считает, что информационное видение ценности выявляет ее способность «...не только отражать то или иное качество, но и моделировать должный, совершенный вариант реальности, который, в свою очередь, начинает управлять актуальным состоянием, программировать его» [1, с. 17].

В коммуникативном плане или проявлении ценности выступают в качестве смылосодержательных, значимых информационных «посылов», воздействующих на сознание и поведение/деятельность людей, и распространяющихся в знаковой, символической и образной формах в масштабах коммуникативной среды, охватывающей собой социокультурную среду человеческого бытия и соответствующим образом ее формирующую.

Согласно аксиологическому (от греч. *axia* – ценность) пониманию социокультурная коммуникация есть социальное взаимодействие, которое представляет собой совместную актуализацию и интерпретацию ценностей, сопровождающуюся информационным обменом по поводу их содержания и значения в соответствии с предметом коммуникации; это коммуникативный процесс, в котором посредством формируемых на основе знаковых систем и выступающих в виде текстового материала информационных сообщений выражаются и распространяются ценности, их значения. В связи с ценностями и на их основе раскрывается и объективируется коммуникативный потенциал человеческого бытия как социального бытия в культуре, которое в данном контексте можно представить коммуникативно-информационным процессом, формирующим условия, средства и нормы человеческих отношений. Сама культурная среда, согласно утверждению канадского философа и социолога М. Мак-Люэна, представляет собой информационное сообщение [9, р. 26].

Развитие форм и способов коммуникации – важнейшая составляющая культурной истории человечества; в работах М. Мак-Люэна коммуникативные технологии вообще предстают решающей силой исторического прогресса, а средства коммуникации – экстерииоризацией человеческого сознания.

В свою очередь российский философ А.Кармин выделяет такие этапы исторического развертывания/развития коммуникативного процесса, как коммуницирование посредством: жестыкуляции и звуков, членораздельной речи, специальных средств связи (от первобытных сигнальных барабанов до спутникового телевидения); отмечая при этом особое значение для широкого распространения коммуникации в пространстве и времени письменности и современных средств массовой коммуникации [3, с. 29]. «Современная эпоха, констатирует Кармин, характеризуется внедрением в повседневную жизнь средств массовой коммуникации (СМК), развитием компьютерных сетей, охватывающих весь мир и делающих возможным мгновенное вступление в контакт с любым источником информации» [3, с. 29]. При этом, как отмечает Т.Кузнецова, «...СМК формируют медийную аксиосферу – виртуальную сферу медиатекста, аккумулирующую ценностные доминанты общества и осуществляющую аксиологическое влияние на реципиента» [4, с. 29]. Она указывает на то, что «...деятельность СМК направлена, прежде всего, на распространение ценностной информации, системы взглядов на мир, структурированных согласно с определенной системой ценностей» [4, с. 29]; т.е. «...деятельность СМК аксиологична по своей сути» [4, с. 29].

Аксиологичность как актуальная ценностная содержательность, которая раскрывается и сублимируется в коммуникативном процессе, характеризует социокультурную коммуникацию как таковую, саму ее сущность, независимо от способов, форм и технико-технологической оснащенности. Но особенное значение для глобального распространения коммуникативного процесса, его всемерной интенсификации и, соответственно, стимулирования развития коммуникативного потенциала человеческого бытия, его революционного характера, имеют, конечно, современные СМК. Благодаря своим технико-технологическим возможностям, которые постоянно совершенствуются, они начинают оказывать самое существенное, если не определяющее, влияние на современную социокультурную жизнь, формировать глобальную коммуникативную (социокультурную) среду человеческого бытия. СМК воссоздают современный мир в виде «глобальной деревни» (термин М. Мак-Люэна), как такой глобализирующейся коммуникативной реальности, в которой изменяются масштабы событийности, стираются пространственно-временные границы, возникает состояние всеобщей включенности, и тем самым меняются масштабы человеческого интереса, деятельности и влияния.

Предельная, в условиях современного этапа НТП и глобализации его достижений, актуализация коммуникативного потенциала человеческого бытия, связанная со становлением информационного общества и цивилизации как социокультурной реальности нового типа, где деятельность СМК (англ. mass media communication) как социетального явления системного порядка приобретает тотально-всеохватывающий характер и влияние, обуславливает первостепенную значимость аксиологического осмысления коммуникации.

Согласно ему суть социокультурной коммуникации заключена не в технико-технологических средствах трансляции социальной информации

как техногенного базиса информационного общества, а в способе достижения взаимопонимания между участниками коммуникации, вовлеченными в ее дискурс, на основе совместной интерпретации ее ценностного содержания. Такое понимание присуще феноменологической трактовке коммуникации (Э. Гуссерль, Б. Вальденфельс, М. Мерло-Понти, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), с ее концепцией интерсубъективности – коммуникативной общности людей, обладающих общностью воззрений, ориентиров, установок; а также такой, (коммуникативной) структуры социальной общности, которая обеспечивает возможность общезначимости, взаимопонимания и взаимодействия.

Ценности выполняют функцию коммуникативного смыслообразования, утверждаемого и распространяемого средствами коммуницирования, соответствующими уровню культурно-цивилизационного развития. В этом суть их коммуникационной функции, предполагающей взаимопонимание коммуникантов на основе ценностных доминант коммуникативного процесса. Каждый смыслодержательный, значимый элемент коммуникативных социальных связей задается определенными ценностями и связан с ними.

Посредством ценностей осуществляется коммуникация (связь) человека с действительностью, которая оборачивается ее означиванием или, говоря словами М.Кагана, «...превращением онтологической модальности сущего в аксиологическую модальность значимого» [2, с. 73]. Социокультурная коммуникация – это не только предполагающая взаимодействие передача информации, но и связанная с ее ценностным содержанием репрезентация действительности, создающая соответствующий коммуникативный дискурс.

Поэтому аксиологическое понимание социокультурной коммуникации, акцентирующее ее ценностное содержание, полагает ее, исходя из этого, не только лишь средством, но и целью взаимодействия субъектов и их структур.

Оно особенно актуально, поскольку, например, на современном этапе высокотехнологичного развития социокультурной коммуникации проблема ее ценностного содержания становится проблемой мирового развития. Сегодня, как никогда ранее, проясняется, что судьбы мира, в конечном итоге, зависят от связанных с коммуникацией вопросов ценностно-смыслового порядка.

Сегодня обнаруживается глобальный характер и значение проблемы коммуникативного взаимопонимания между людьми, социальными группами, общностями, государствами, осознания в этом плане ориентиров и перспектив культурно-цивилизационного развития человечества, его будущего.

Глобализация социокультурного коммуникативного процесса создает основу/базис для согласования и унификации различных культурных форм, в которых проявляются в разных культурах общечеловеческие ценности.

### **Список литературы:**

1. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография / Л.В. Баева. – М.: Прометей; МПГУ, 2003. – 240 с.
2. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

3. Кармин А.С. Культурология / Кармин А.С., Новикова Е.С. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
4. Кузнецова Т.В. Аксиологічні моделі мас-медійної інформації: монографія / Т.В.Кузнецова. – Суми: Університетська книга, 2010. – 304 с.
5. Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 205-362.
6. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
7. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
8. Срапо R.H. Cultural Anthropology / R.H. Срапо. – McGraw-Hill, 1999. – 549 p.
9. McLuhan M. The Medium is the message / M. McLuhan, Q. Fiore. – New York: Bantam Books, 1967. – 160 p.

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Сычев А.А.**

*Россия, г. Саранск*

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева*

*E-mail: sychevaa@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности трансформации образа врага в истории общества. Показано, что на начальном этапе развития человека под врагом понималась, прежде всего, агрессивная чужая группа, противник в военных действиях. С развитием первых цивилизаций распространенной тенденцией, трансформирующей представления об объекте вражды, стало приписывание характеристик, обычно ассоциируемых с военным противником, различным (как правило, маргинальным) группам, в реальности не представляющим серьезной угрозы безопасности общества. К сегодняшнему дню создание образа врага превратилось в сложную технологию манипулирования сознанием, основную роль в котором играют средства массовой информации. Основным инструментом для манипулирования служит т.н. «риторика ненависти», позволяющая обвинять отдельных людей и социальные группы, искажать и преувеличивать факты, драматизировать одни события и умалчивать информацию о других. В итоге борьба с искусственно созданным врагом становится реальной угрозой общественной безопасности.

**Ключевые слова:** образ врага, конструирование, «риторика ненависти», манипулирование общественным мнением, безопасность

Жизни и безопасности человека на начальных этапах его развития угрожали тяжелые природные условия, болезни, нападения крупных животных, однако наибольшую опасность для него представляли конфликты с чужими группами. В ситуации ограниченных ресурсов столкновения с иноплеменниками, как правило, были ожесточенными, бескомпромиссными и нередко завершались полным истреблением одной из сторон конфликта.

В целом, в условиях родоплеменного общества врагом считался коллективный агрессор, своими действиями провоцирующий ответную агрессию; чужой, сконструированный в противоположность нормальному. Он был персонификацией смертельной опасности; угрозой базовым ценностям и самому физическому выживанию группы и вызывал исключительно негативные чувства: неприятие, отвращение, ненависть, ярость. Появление врага консолидировало людей, усиливало их сплоченность: только коллектив, действующий как единое целое был залогом безопасности для каждого из его членов.

В родовом обществе в образе чужого превалировали фантастические представления: из-за крайней закрытости любой группы об образе жизни и ценностях ее членов ничего доподлинно известно быть не могло. Соответственно, выстраивание этого образа шло одновременно в двух частично пересекающихся плоскостях. Во-первых, чужим приписывались нормы, ценности и действия, диаметрально противоположные тем, которые были приняты в своей группе: их поступки были подчеркнута аморальными, кощунственными, преступными. Во-вторых, на чужих проецировались собственные пороки, недостатки и страхи (так что в каждом конкретном образе врага всегда можно увидеть портрет его коллективного автора).

Темпы изменений в традиционной культуре были чрезвычайно низкими, а жизнь – однообразной. Человек, как правило, проводил всю свою жизнь на небольшой территории, очерченной границами города или межой деревенского поля. Круг его общения составляли люди, говорившие на том же языке, исповедовавшие те же верования и разделявшие общие нормы и ценности. Единство общества обеспечивалось его крайней однородностью; все, что не соответствовало привычной картине, представлялось опасным и подозрительным.

Создание многонациональных империй в Древнем мире привело к существованию различных этнических и религиозных групп на одной территории. Некоторые из этих групп обладали древней культурой, которая позволяла им сохранять самобытность и сопротивлялись ассимиляции со стороны захватчиков. В обществе, стремившемся к культурной однородности, это нередко приводило к разного рода конфликтам между большинством и теми, кто желал отстаивать свою инаковость. В итоге, распространенной тенденцией, трансформирующей представления об объекте вражды, стало приписывание характеристик, обычно ассоциируемых с военным противником, различным (как правило, маргинальным) группам, в реальности не представляющим серьезной угрозы обществу.

Так, появление в эллинистических, а затем и римских городах еврейских диаспор привело к распространению представлений о том, что евреи ненавидят все остальные народы, подрывают экономику, богохульствуют и

т.д. В целом, поведение евреев описывалось как противоположное общепринятому. Характерно в этом отношении утверждение Корнелия Тацита в «Истории»: «Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное у них разрешается» [1, с. 190]. Все эти обвинения, конечно, не имели отношения к реальности, но об их правдоподобности особо никто не заботился. Их целью было, постоянное нагнетание отвращения и ненависти к чужому, создающее вокруг него негативный эмоциональный фон и облегчающее актуализацию архетипических представлений о враге. Для этого активно создавались слухи о том, что евреи практикуют человеческие жертвоприношения, каннибализм и используют в своих ритуальных практиках детскую кровь. Эти и им подобные обвинения периодически приводили к вспышкам насилия: погромам, поджогам, грабежам, массовым изгнаниям и т.д.

Не меньшие опасения власти вызвало быстрое распространение христианства в Риме, за которыми последовали попытки представить ее адептов в виде злейших врагов общества и морали. Поскольку ложные обвинения против евреев доказали свою действенность, не было нужды придумывать новые схемы дискредитации: христианам попросту приписывали те же поступки, что иудеям (тем более, с точки зрения римлян принципиальной разницы между этими сектами не было). Цецилий утверждает, что христиане «устраивая ночные сборища, торжественные посты, бесчеловечные трапезы, объединяются не для религиозной церемонии, а для преступления... они презирают древние храмы, плюют на богов, смеются над святынями» [2, с. 341]. Традиционно христианам ставили в вину организацию оргий с кровосмешением и поеданием младенцев (по-видимому именно так римские граждане интерпретировали агапы с евхаристией).

В отличие от реальных варваров, противостоящих римлянам с оружием в руках, христиане и прочие маргинальные группы были относительно слабы: их можно было безнаказанно обвинить в любых преступлениях, переводя на них гнев народа. В итоге они постепенно оказались в ответе за все проблемы, начиная от ошибок власти и заканчивая природными катаклизмами: «Если Тибр поднялся до городских стен, если Нил не поднялся до пашни, если установилась засуха, если всколыхнулась земля, 189 если голод, если моровая язва, сразу кричат: «Христиан ко льву!», – писал об этом Тертуллиан [3, с. 175]. Так, считается, что Нерон, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге Рима, объявил его виновниками христиан, что привело к массовым казням и погромам.

В эпоху Средневековья, когда христианство в Европе получило поддержку со стороны государства и стало господствующей религией, оно само стало активно использовать укорененные в коллективном бессознательном представления для перевода недовольства народа с духовной и светской власти на различные маргинальные группы: язычников, еретиков и т.д.. Поведение их описывалось при помощи тех же привычных преувеличений, искажений и стереотипов: чужие вели себя преступно и безнравственно, вопреки всем принятым в обществе нормам. Так, Епифаний Кипр-

ский приписывает еретикам – злейшим врагам христианства «беспредельные волны богохулений, злословий и отвратительнейших таинств» [4, с. 310], подробно описывая беззакония и распутства, которым те предавались. При этом обвинения христианскими авторами еретиков в оргиях, кровосмешении и убийствах младенцев часто почти дословно повторяли обвинения, когда-то предъявлявшиеся самим христианам.

Конечно, реальный образ жизни маргинальных групп не имел ничего общего с этими представлениями и тот факт, что все обвинения воспринимались всерьез, можно объяснить только невежеством и неистребимыми суевериями, позволявшими легко манипулировать народными массами. Хотя чужаки реально не представляли реальной угрозы ни для людей, ни для господствующих ценностей, как светские, так и духовные власти были заинтересованы в превращении их во врагов. Опасность со стороны чужих способствовала мобилизации и консолидации народа вокруг официальной власти, а выдуманные преступления, подаваясь в качестве антипримера поведения, позволяли четче очертить границы дозволенного. Если чужие иногда действительно превращались в реальную угрозу привычному образу жизни, то в этом была большая доля вины тех, кто демонизировал их, заставляя общество считать их реальной силой.

К концу Средневековья масштабные социальные сдвиги привели к разрыву традиционных связей и потере жизненных ориентиров. Обычным людям причины этих сдвигов были непонятны: куда проще было обвинить в своих бедах конкретных врагов. Однако привычные противники (которые за долгое время совместного проживания перестали быть абсолютно чужими) уже плохо подходили на роль козлов отпущения. Для того, чтобы сохранить традиционную систему ценностей, обществу было необходимо консолидироваться против могущественного неприятеля, на которого можно было списать все проблемы: от упадка нравов до болезней, неурожаев и природных бедствий. Таким врагом были объявлены ведьмы. Рассказы об их совместных шабашах, как несложно догадаться, были почти дословным пересказом того, что говорили ранее о евреях, христианах, еретиках – это те же истории об «оргиях, о дьявольских поцелуях, о ночных собраниях..., блуде, богохульстве, о повальном грехе, о содомских извращениях» [5, с. 350].

Такой враг был удобен для многих сил: церковь пыталась вернуть свои пошатнувшиеся позиции, запугивая несогласных и сомневающихся; светские власти были заинтересованы в том, чтобы недовольство народа было направлено на представителей самого народа, а не на реальных виновников их бед; идеологи Нового времени видели в ведьмах носителей дремучих суеверий, которые должны быть уничтожены; наконец, народ получал иллюзию того, что его голос услышан властями, и зло наказано.

В отличие от евреев или еретиков, в случае ведьм коллективный враг не назначался, а от начала и до конца конструировался. От начала и до конца были выдуманы не только истории о шабашах, сговоре с нечистой силой и т.п., но и сама социальная группа. В реальности ведьмы никак не были связаны между собой и не составляли какой-либо общности: в сущности, обвинения в ведовстве могли быть предъявлены любой женщине, которая

чем-то выделялась из общей массы. Таким образом, ведьмы стали первым коллективным врагом, которого, за неимением реальных кандидатов, пришлось общими усилиями создать.

Охота на ведьм привела к беспрецедентному для всей предшествующей истории количеству жертв. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в Новое время, власти получили в свои руки мощные инструменты управления общественным мнением. На службу инквизиции были поставлены книгопечатание (руководства по борьбе с ведьмами издавались массовыми тиражами) и пресса (в газетах пересказывались слухи и описывались процессы), позволившие значительно расширить количество манипулируемых. Идеологи борьбы с ведьмами выстроили целые теории, предлагающие доводы, имевшие видимость рациональных, для тех, кому было недостаточно слухов.

Охота на ведьм стала своеобразной репетицией процессов Нового времени, сводившихся к борьбе с разнообразными врагами (аристократами, буржуазией, коммунистами, «неполноценными» расами, левыми и правыми уклонистами, ревизионистами, «народами-коллораборационистами» и т.п.), а фактически – к массовому истреблению невинных людей ради сохранения власти.

Создание образа врага в современности превратилось в сложную технологию манипулирования сознанием, основную роль в котором играют средства массовой информации. Основным инструментом для манипулирования служит т.н. «риторика ненависти», позволяющая обвинять отдельных людей и социальные группы, искажать и преувеличивать факты, драматизировать одни события и умалчивать информацию о других.

Для актуализации древнейшего архетипа врага, своеобразной регрессии к первобытности требуется соединение трех основных идей – о деградации базовых ценностей, о чужих, которые за этим стоят и об общественности, которая спланивается для отпора врагам. Этот архетип настолько глубоко впечатан в бессознательное, что для его проявления часто не требуется длительной идеологической обработки и манипуляции общественным мнением. Многие люди склонны упрощенно интерпретировать жизнь через призму представлений о чужих и своих, легко воспринимая все, что подтверждает их убежденность в вездесущести врагов и не обращая внимания на обратные примеры. Средства массовой информации просто подбрасывают топливо в огонь вражды, искажая и преувеличивая действия чужих, создавая стойкие ассоциации между ними и негативными явлениями, пугая ухудшением ситуации и призывая к насилию.

На первый взгляд, конструирование образа врага способствует выполнению ряда социальных функций: любая серьезная угроза (даже если та выдумана пропагандистами) мобилизует и консолидирует общество, заставляя его членов четче осознать свою идентичность на фоне негативных представлений, укрепляет порядок и общественную безопасность. Однако эта схема способна давать положительный результат лишь в том случае, если враг реален и является агрессором, угрожающим обществу с оружием в руках. Борьба с искусственно сконструированным врагом, напротив, отвлека-



ет общество от поиска источника реальных проблем, тем самым препятствуя их решению. В большинстве случаев она сводится к планомерному уничтожению одной части народа другой и установлению тотального контроля над жизнью людей. Истинные же виновники всех бед остаются безнаказанными. В конечном счете, такая борьба приводит либо к массовому самоистреблению народа, либо к тому, что группа, ставшая объектом конструирования, действительно превращается во врага, снижая уровень безопасности в обществе.

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-03-00094 (а).*

#### **Список литературы:**

1. Тацит К. История // Соч. в 2 т. Т. 2. Л.: Наука, 1969. 376 с.
2. Цецилий. Октавий // Первоисточники по истории раннего христианства. М.: Политиздат, 1990. С. 331–345.
3. Тертуллиан К. С. Ф. Апологетик. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2005. 256 с.
4. Епифаний Кипрский. Против Массалиан // Творения святого Епифания Кипрского. В 6 т. Т. 5. С. 292–309.
5. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М.: Интербук, 1990. 354 с.

### **СООТНОШЕНИЕ СОВЕСТИ С ДРУГИМИ ЭТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ**

**Тарамова М.С.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный университет*

*E-mail: madina763@mail.ru*

**Аннотация.** Целью данной работы является выявление сущности совести как этической добродетели, которая рассматривается в совокупности с такими понятиями как честь, свобода, долг. Те вопросы, которые возникают при попытке трактовать возникновение совести, лишь мотивировали многих мыслителей всякий раз по новому объяснять ее происхождение с целью понимания внутреннего мира индивида. В данной статье совесть рассматривается как этическая категория, следовательно, главную роль здесь играет ценность индивидуальных нравственных качеств человека.

**Ключевые слова:** совесть, долг, вина, стыд, честь, нравственность, этические добродетели.

Разумеется, единого и целостного раскрытия совести не существует, так как, субъектом изучения является человек, со свойственными ему личностными душевными качествами и характером. Как отмечает М.М. Бетильмерзаева, «человек как биопсихосоциальное существо предстает одновременно как часть природы и продукт истории, чье становление обусловлено как природным фактором, наследственностью, так и социальной сре-

дой. Но природа человека не ограничена только его физической оболочкой и социальной ролью. Сущность человека выражена в его духовности» [1]. С возникновением новых, еще не утвердившихся нравственных ценностей, совесть выступает как индикатор духовности человека. Этической категорией, нравственный выбор которого определяется в поведении человека. Рассмотрение исторических изменений совести и различий в мнениях различных ученых, указывает на то, что нравственность не ограничивается только сознанием совести. Но находясь в тесной взаимосвязи с другими этическими категориями, именно совесть является основой души, побуждающая человека к достойному существованию. Так же как и долг, честь, совесть относится к категориям нравственного сознания, с помощью которых моральные запросы общества превращаются в этические проблемы конкретной личности.

Совесть, как и чувство стыда, является врожденным качеством, которое не меняется с возрастом и после социализации человека. Однако, понятия существующие в конкретном обществе могут влиять на сознание личности, позволяя прятать совесть. Вина, как этическое понятие, является начальным этапом возникновения совести. Без чувства вины, трудно осознать, что собственное поведение не является достойным и правильным. Угрызения совести вытекают из понимания своей вины, а следом приходит стыд, как завершающий этап. Стыд ориентирован на взгляды и суждения других людей, стыдиться можно и тех своих поступков, которые были совершены случайно, без злого умысла, но вызвали общее осуждение.

Несмотря на то, что эти понятия выражают одно и то же, они различаются. Совесть, является категорией этики, выражающая умение человека переживать несоответствие своего поведения нравственным нормам. Это то чувство, которое заложено в нас. Вина и стыд являются этическими понятиями, своего рода, этапами формирования совести. Долг, как этическая категория, является неотделимой частью совести, выполняющей роль фона для исполнения долга. Долг и совесть, так же, могут противоречить друг другу, если интересы личности не совпадают с интересами общества.

Определяя конкретное содержание долга, нужно рассмотреть его в соотношении еще с двумя категориями: честью и достоинством. Моральная ценность личности, выражаемая в понятии "честь", связана с конкретным общественным положением человека, с родом его деятельности и выполняемыми им социальными ролями.

Честь - это общественное мнение о нашей ценности, наша боязнь перед этим мнением. Содержание понятия "честь" раскрывается в требованиях к поведению, образу жизни и поведению человека, которые предъявляет общественная мораль к индивиду как члену определенной группы, как носителю общественных функций.

Этические ценности всегда направляют поведение человека, они функционируют таким образом, что могут влиять на волю индивида. Следование этим ценностям воспринимается как долг, несоблюдение которого предполагает чувство вины и укоры совести. Таким образом, совесть – категория этики, определяющая умение человека осуществлять внутренний самокон-

троль. Отличительным качеством нашего менталитета, всегда являлось понимание функций нравственности и совести в жизни общества. В каждом обществе существуют свои устои, правила и ценности, среди которых важное место занимают категории совести и долга, являющиеся высшим моральными ценностями. Совесть всегда привлекала внимание многих мыслителей и в разное время философы по-разному трактовали её сущность и значение.

Этические добродетели, по мнению Канта, направлены на духовное совершенство, преобразование человека и социума, однако, в полной мере, достичь его невозможно. Совесть неразрывно связана с разумом, ведь осознание того, что правильно или неправильно, насколько поведение человека не соответствует нравственным нормам, предполагает наличие знаний о морально-этических ценностях и правилах бытующих в обществе. Собственно, после усвоения этих норм, человек формирует свои личностные принципы и только после этого, проявляется совесть [1, с. 129 - 131];

С самого начала неэгоистические действия рассматривались и назывались правильными и хорошими со стороны тех, кто приобрел выгоду от них, потом первоисточник данного одобрения был позабыт, и неэгоистические поступки, только потому, что их хвалили всегда как хорошие, стали таковыми и считаться - как будто они добрые по сути. Очевидно, что понятие о том что есть добро устанавливается от тех, кому причиняется добро. И если кто то испытывает дискомфорт от наших в меру эгоистичных действий, это вовсе не означает что мы совершили нечто плохое. Нравственность, у Ницше - есть, способ защиты общества от распада. Изначально необходимо, чтобы появилась система принуждения, которая заставит индивида соотносить свои взгляды и интересы с мнением социума. Лучше всего данный механизм работает, если принуждение имеет анонимную форму традиции, когда социальный авторитет утверждается посредством обучения и воспитания. Нравственность превращается во внутреннее свойство контролирующее поведение человека, вторую натуру, в процессе совершенствования социума.

Данная мысль представлена и в книге "Генеалогия морали", где Ницше применяет термин мстительности. Сильные люди формируют свои ценности от переизбытка силы. Слабые опасаются таких людей, они хотят усмирить и подавить их своим количеством, навязывая в качестве безусловных "стадные ценности". Конечно, такая мстительность прямо не признается и, может быть, даже не осмысливается "толпой" в качестве причины, все же, она работает, отыскивая как прямые, так и обходные пути и косвенные формулировки.

Ницше считает, что идеал общей, универсальной морали следует отбросить, поскольку он ведет существование к упадку, а людей - к деградации. Его место следует занять уровням разных типов морали. Пусть "толпа" остается верной своим идеалам и ценностям, с условием, что она не станет пытаться навязывать ее людям высшего типа. Это следует понимать как призыв к искоренению рабской морали, которая, по его мнению, приравнивает всех и мешает возвышению человеческой личности. Он не подразуме-

вает полное равнодушие к нравственным ценностям, поскольку осознает насколько это губительно для человека. Лишь те, кто принадлежит к высшему человеческому типу могут абстрагироваться от понятий социума о добре и зле, так как, они сами являются носителями нравственного закона. [2, с. 106 - 109];

С помощью таких категорий этики как добро и зло определяется нравственный аспект общественных взаимоотношений. Ценностная природа добра и зла выражается в представлении о нравственном идеале, который понимается как отношения доверия, гуманности и согласия между людьми.

Человек уверенный в чистоте собственной совести лицемерит, а лицемерие признак духовной нищеты, неспособности видеть свои ошибки, которые неизбежно совершает всякий человек. Неоправданное спокойствие совести – гибель души и, напротив, терзания совести – надежда. В умении выковырять из себя человека, мучатся своим несовершенством, в желании к самоочищению, в муках совести и заключается стремление к совершенству.

### **Список литературы:**

1. Бетильмерзаева М.М. К вопросу о социально-философских аспектах социализации личности в образовательной среде. – С. 10-13 // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1.
2. Кант И. Лекции по этике - М., 2000
3. Ницше Ф. Генеалогия морали. Избранные произведения - М., 1990

## **ДИЛЕММА КОЛЛЕКТИВИЗМА И ИНДИВИДУАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**Телегин А.М.**

*Россия, г. Армавир*

*Армавирский государственный педагогический университет*

*E-mail: artur.telegin.85@mail.ru*

**Аннотация.** В статье поставлена задача выявить концептуальные особенности коллективизма и индивидуализма в современной России, их пересечение и взаимосвязь, а также выяснить влияние коллективизма и индивидуализма на модернизирующийся российский социум.

**Ключевые слова:** коллективизм, индивидуализм, социум, идеология, община.

В современной России одной из актуальных задач является поиск новых ориентиров, которые бы могли дать толчок к формированию духовной консолидации общества; и здесь могут быть обозначены следующие варианты: поиск национальной идеи России, программа выхода из духовного кризиса и укрепление роли Русской православной церкви. Однако ни одно из перечисленных направлений безоговорочно нельзя принять в прежнем виде из-за определенных обстоятельств, а именно: многонационального ха-

рактера нашего государства и того факта, что православие чаще воспринимается как культурная традиция, а не как форма духовности и современное мировоззрение, вполне совместимое с модернизацией.

В современном российском обществе наблюдается тенденция к индивидуализму. Однако испокон веков для мировоззрения русского человека был характерен принцип коллективизма, и подобное качество мы можем наблюдать в эпоху древнерусского государства [2, с.126]. Древнерусское государство представляло собой некую систему взаимосвязанных общин. Подобное общинное устройство позволяло жителю древнерусского государства противостоять тяжелым природно-климатическим условиям, угрозы со стороны враждебных народов и другим опасностям. Община на Руси играла чрезвычайно значимую роль, являлась закономерным результатом общественно-исторического развития. Одним из главных принципов образования общины является территориальный принцип, огромные просторы, угроза со стороны других народов заставляло объединяться в общины, и эти объединения строились часто без учета кровнородственных связей.

Однако на сегодняшний день отношение к такому понятию как коллективизм не однозначно. Часть общества полагает, что коллектив заглушает индивидуальность, не дает личности раскрыть свой потенциал, и даже существуют мнения, что это является одной из причин отставания России от других государств. Действительно, в советскую эпоху коллективная ответственность не давала возможности выстраивать отношения в обществе, когда интересы индивида были ничто в сравнении с коллективом, подобная деградация принципа коллективизма привела к некоему расколу в обществе, а именно: были люди, которые пытались противостоять вмешательству со стороны коллектива в свою частную жизнь. На самом же деле коллективизм предполагает взаимодействие общества и индивида, на основе этого взаимодействия происходит создание условий для развития личности, а развитие самой личности является прогрессом самого общества и коллектива. Как полагает А.А. Богданов в основе принципа коллективизма лежат следующие: «...понятие коллективизма проникнуто идеей трудового коллектива в виде целостного, неклассового общества. Сотрудничество здесь принимается как хозяйственная связь общества; коллективы, классовые или иные, как первичные деятели истории и познания; развитие стройности и силы коллективов как сущность человеческого прогресса» [1, с.292].

Влияние западной цивилизации наблюдается во всех сферах российского социума – экономике, политике, духовной сферах и т.д. Ценностные ориентиры также претерпели трансформации, происходит отход от традиционных ценностей к ценностям западного мира. «Многое, причем имеющее наряду со знаком «плюс» и знак «минус»: нашли общие ценности после anomии – стабильность и безопасность, – правда, это ценности адаптации, а не развития; отказались от концепции всеобщего политического участия, признав многообразие политических культур в демократическом обществе, – но это способствовало формированию апатичной массы; определился некоторый набор целей – но этот набор случаен; власть стала проявлять интерес к созданию гражданского общества, поскольку начала ощущать груз от-

ветственности, который она хочет разделить с другими, – но есть опасность формирования этих институтов как филиалов власти; разрушен коллективизм – но ему на смену пришел не автономный индивид, а массовый...»[3, с. 149].

Становление индивидуализма, как нам кажется, связано с осознанием самооценки личности, с пониманием ее места и роли в общественном устройстве. Можно предположить, что индивидуализм так же как и коллективизм уходит своими корнями в глубокую древность. Индивидуализм начинает проявляться с началом формирования культурной деятельности в обществе, когда происходит процесс перехода от собирательства к возделыванию, т.е. тогда, когда человек начинает сознательно изменять окружающую его действительность. Наличие тех или иных навыков человека ставит его в определенное положение, по отношению к другим членам общества, таким образом, такое положение индивида формирует, с одной стороны, к оценке важности такого члена общества, с другой стороны, к пониманию взаимодействия с ним. Исходя из сказанного, мы можем предположить, что, чем уникальнее способности того или иного члена общества, тем выше уровень его самооценки, значимость для общества и наоборот, чем зауряднее индивид, тем больше он зависит от коллектива. В данном случае, противостояние индивидуализма и коллективизма не происходит до тех пор, пока самооценка индивида не идет в разрез интересам коллектива. Таким образом, может произойти следующее, либо этого индивида коллектив может изгнать, предать забвению или наоборот, подчинение коллектива воле отдельной личности.

Противоречия между коллективом и индивидом во многом зависят от сложности структуры социальной системы и многообразной деятельности составляющих ее индивидов. В ходе общественного развития социальная среда вырабатывает механизмы, которые нивелируют индивидуальность.

Исходя из сказанного, вопрос о том, какова российская идентичность весьма актуален. Коллективизм на современном этапе и отношение к нему претерпевает негативные тенденции, это связано, прежде всего, с переходом к новому экономическому устройству, в связи с чем, происходит переоценка ценностей. Такие ценности как *свобода, государство, семья* и т.д. претерпевают существенные трансформации. Та ситуация, которая складывается сегодня, можно охарактеризовать как глобальные трансформационные изменения, которые проявляются в производстве и потреблении, в социальной жизни общества вообще.

Таким образом, в современном российском обществе, коллективизм не исчез полностью, а приобрел иные формы, если в имперской России коллективизм проявлялся в крестьянской общине или крепостном праве, то сегодня коллективизм выражается в стремлении свободных индивидов к добровольному объединению, принципы коллективизма выражаются в таких объединениях, как например корпорации.

### Список литературы:

1. Анисин А.Л. Идея соборности как онтологический принцип / А.Л. Анисин. // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы III Рос.филос. конгресса. В 3 т. Т. 1 / СКНЦ ВШ. Ростов-на-Дону, - 2002. С.292.
2. Пискорская Э.Ю. Коллективистский тип общества и его стандарты // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2006. - Вып. - № 3. – С. 126-130.
3. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс -Традиция, 2005. С. 149.

## РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

**Трифорова Т.Л.**

*Россия, г. Улан-Удэ*

*Бурятский государственный университет*

*katt17@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности формирования религиозных ценностей в межнациональной семье, где происходит взаимодействие двух различных религиозных традиций.

**Ключевые слова:** религиозные ценности, межрелигиозные семьи.

Среди ценностей современного общества особое место занимает религия. Ее особенность состоит в том, что она формирует духовно- нравственную ориентацию верующего человека. Религия выступает критерием его ценностных ориентаций.

Религия также выступает одним из важнейших компонентов этнической культуры. Она во многом определяет основные контуры этнической культуры и играет огромную роль в истории того или иного этноса. Например, философ М.Н. Ефименко считает, что «социальная зрелость этноса, то есть завершение формирования некоторой общности как этнической, характеризуется созданием религиозно-ценностной системы»[1].

«Религиозные ценности формируются на основе таких универсалий, которые неоспоримы в силу их божественного происхождения и которые выступают в качестве внутренних необходимых ценностей верующего субъекта. Истинно религиозная личность воспринимает их как самоцель, а не как средство достижения какой-либо выгоды. Таким образом, религиозные ценности сами по себе обладают абсолютным значением для верующего, но если они вошли еще и в систему этнических ценностей, то их роль и значение в жизни этноса усиливаются» [2].

Социологические исследования, проводившиеся в России, фиксируют то, что уровень религиозности взрослого населения страны в течении первой половины 1990-х гг. имел положительную динамику: доля лиц, считающих себя верующими, достигла в 1995 году 65% (данные Всероссийского

центра по изучению общественного мнения), 67% (данные Института социально-политических исследований РАН), 73,5% (данные Российского независимого института социальных и национальных проблем). По мнению большинства аналитиков, с середины 1990 гг. наблюдается стабилизация уровня религиозности, есть даже некоторые тенденции к его снижению, так, в 2007 г. в среднем этот показатель составил 50-60% (данные Всероссийского социологического исследования), а в 2009 г. по данным Европейского социального исследования (The European Social Survey, ESS, Round) российское общество делится примерно на две почти равные части: 49% россиян относят себя к последователям религии, 48% – нет. При этом имеются и определенные особенности: по данным исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем, среди тех, кто считает себя верующими, регулярно принимают участие в обрядах 18,5%, молятся ежедневно 17%. Это свидетельствует о широком распространении среди тех, кто считает себя верующими, ситуативной религиозности, которая характеризует, скорее, не мировоззренческую позицию, а умонастроения, отличающиеся значительной подвижностью [3].

В России среди тех опрошенных, кто относит себя к какой-либо религиозной конфессии, подавляющее большинство считают себя православными христианами – 87% (от общего числа россиян – 43%). На втором месте в рейтинге самых распространенных конфессий – ислам: 11% верующих (6% от числа всех опрошенных) идентифицируют себя с мусульманами. Приверженцы любой другой религии составляют менее 1% россиян.

Такое положение подтверждается и многолетним мониторингом Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН. Последователи буддизма или протестантских конфессий составляют в этом опросе 0,4% и 0,2%, соответственно [4].

Рассматривая проблему ценностных ориентаций в контексте национальных культур, необходимо отметить, что различие иерархии ценностей наиболее ярко проявляет себя в соотношении «Восток – Запад» [5].

Восток сохраняет систему ценностей традиционного типа культуры. Первостепенное значение здесь имеют материнство, мужественность, уважение к старшим, патриотизм, авторитаризм, мощь государства и т.д. Запад утверждает свободу личности как верховную ценность, при этом большое значение имеет ориентация на индивидуальность, активность, настойчивость, образование, первенство и т.д. Многие первостепенные ценности западного мира оказываются на втором, третьем плане или совсем несущественными для восточной культуры. Социокультурная ситуация в России отличается своей специфичностью, что обусловлено существованием различных этнических групп в едином социальном пространстве, что предполагает разностороннее взаимодействие традиций, культурных стилей, образов жизни и т.д. Религия и национальность, имеющие первостепенное значение для западной и восточной культур, в иерархии ценностей россиян занимают значение третьей степени важности (религия) и являются несущественным (национальность).



Религиозный состав российского населения многообразен. Среди титульных народов России представлены все три мировые религии – христианство, ислам, буддизм. Так, для представителей ислама наиболее характерной является установка на общение лишь с представителями своей религии, что является преградой для беспрепятственных контактов с другими (инаковерующими) людьми, тем более на создание межнациональных семей. Представители христианской, буддийской религии в большей степени готовы к совместному проживанию, деятельности, открытым контактам с представителями других национальностей.

Специальная статистика по межнациональным семьям в централизованном порядке в РФ не ведется, но при этом по результатам опросов ВЦИОМ можно проследить отношение россиян к браку с партнером иной национальности и веры. Так, по результатам опросов, проведенных в 2010 г., наибольшее одобрение вызывает у россиян браки между русскими людьми: 70% положительно относятся к такому союзу. В остальных случаях респонденты придерживаются либо нейтралитета, либо негативной установки. Благоприятно воспринимаются браки россиянина с украинцем или белорусом (45%), европейцем - немцем, англичанином или французом (44%), а также прибалтом - латышом, литовцем или эстонцем (43%) и американцем (41%). В наибольшей степени негативно воспринимают россияне браки с чеченцами (65%), арабами (63%), народами Средней Азии - казахами, таджиками, киргизами или узбеками (60%). Неприятие вызывают и союзы с грузинами, армянами и азербайджанцами (54%), а также с евреями (46%).

За последние восемь лет россияне стали реже одобрять браки между самими русскими людьми (с 79 до 70%), но, в то же время, стали реже возражать против союзов с народами Кавказа (с 58 до 54%) и более нейтрально относиться к бракам с украинцами или белорусами (с 34 до 45%), прибалтами (с 36 до 43%), европейцами (с 39 до 44%).

Респонденты, уже состоящие на момент опроса в браке, в целом склонны более негативно воспринимать межнациональные брачные союзы. Так, они чаще не одобряют союзы с арабами (65%), евреями (48%), американцами (40%), европейцами (35%). Россияне, не состоящие в браке, напротив, более склонны придерживаться нейтральной позиции, и, в первую очередь, к союзам с прибалтами (46%), американцами (45%), кавказцами (33%) [6].

Национальный состав Республики Бурятия на начало 2017 года, по данным государственной статистики РБ представлен следующими показателями: русские - 64,9%, буряты - 29,5%, татары - 0,7%, украинцы - 0,7%, сойоты - 0,4%, эвенки - 0,3%.

Исторически сложилось, что в Бурятии сосуществуют представители разных религиозных конфессий, из которых к традиционным можно отнести буддизм, православие, старообрядчество и шаманизм. Общая картина современной религиозной ситуации в Республике Бурятия характеризуется многообразием религий и конфессий. В ведомственном реестре Управления на 1 августа 2016 г. значится 229 религиозных организаций, в том числе 182 местных и 5 централизованных, 5 монастырей, 2 духовных образовательных учреждения. Русская Православная Церковь представлена 78 право-

славными приходами; старообрядчество - 9. 68 религиозных организаций представляют буддийское вероисповедание. Шаманизм представлен 5 религиозными организациями. На территории республики действуют и представители других религиозных традиций: ислама, иудаизма, протестантизма, католицизма.

Результаты проведенного автором исследования показывают ситуацию, сложившуюся в Республике Бурятия, которая является отличительной от общероссийской. Здесь можно проследить достаточно четкую тенденцию к увеличению доли таких браков и положительному отношению к ним. По данным социологического исследования можно сделать вывод, что более распространенными в Республике Бурятия являются браки между русскими и бурятами, а также между украинцами и русскими.

В последнее время межнациональные браки становятся обычным явлением и среди представителей других национальностей, проживающих на территории республики, в частности, азербайджанцев, армян, греков, англичан, монголов, китайцев и других.

Распространение национально-смешанных браков в Республике Бурятия, как и в других полиэтнических регионах России, способствует постепенному стиранию в обыденном сознании и поведении людей национальных и религиозных барьеров - тем более, что многонациональная среда благоприятствует взаимопроникновению национальных и культурных традиций.

Исследование, проведенное нами об отношении к религии членов межнациональных семей, показало, что большинство считают себя верующими - 60,7%; отрицательно ответили - 13,1%, затруднились с ответом - 24,3%. Доминирующей религиозной традицией среди бурят является буддизм. Верующими буддистами себя определили 52%; шаманистами себя определили 11,5%, православными 14,1%. Среди русских большинство респондентов относят себя к православной вере - 67,8%, к буддистской - 12,6%.

Наиболее устойчивым компонентом религиозного комплекса является бытовая религиозная обрядность, которая проявляется в семейных религиозных обрядах. Религиозная обрядность - наиболее устойчивый элемент религии. Обрядовые стереотипы сохраняются сильнее, чем система религиозных идей [7].

В межнациональной семье происходит взаимодействие двух различных религиозных традиций. Как правило, в большинстве случаев это не вызывает поглощение одной религиозной традиции другой. Отдельное место в религиозной коммуникации принадлежит праздникам. Как отметили респонденты, в их межнациональной семье отмечаются религиозные праздники. Так, 64% респондентов отмечают религиозные праздники в семье, а на вопрос, какие, 51,4% отметили праздники как буддистской, так и православной веры. Сюда в основном вошли такие праздники, как рождество, крещение, пасха, масленица, троица, сагаалган, рамадан, курбан-байрам.

Таким образом, межнациональная семья представляет собой довольно сложное образование, где сочетаются различные типы религий, культур и, следовательно, формируются особые религиозно-ценностные установки, направленные в основном на взаимодействие в русле толерантного отношения и взаимодополнения.

### Список литературы:

1. Ефименко М.Н. Этнос и религия / М.Н. Ефименко // Этнопанорама. – 2000. - №1. – С. 26.
2. Там же. – С. 29.
3. Гараджа В.И. Социология религии. – 1996. – С. 227.
4. Е.Н. Кофанова, М.М. Мчедлова Религиозность россиян и европейцев [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96\\_1/2010\\_2\(96\)\\_10\\_Kofanjva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2(96)_10_Kofanjva.pdf)
5. Согласно данным таблицы, составленной на основе исследований американских социологов К. Ситарамы и Р. Когделла Основы межкультурной коммуникации // Человек. – 1992. - № 2-5 и Крокинской О.К. О различии ценностных систем разных культур / Петербуржцы (этнонациональные аспекты массового сознания. Социологические очерки. СПб., 1995.
6. ВЦИОМ: Пресс выпуск № 1569 <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13774>
7. Манзанов Г.Е. Религиозные традиции в культуре бурятского народа / Г.Е. Манзанов. Улан-Удэ.: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 137.

## МОЛОДОЙ ДЕКАРТ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ

**Тюгашев Е.А.**

*Россия, г. Новосибирск*

*Новосибирский национальный исследовательский  
государственный университет*

*E-mail: filosof10@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье систематизируются размышления о безопасности, представленные в ранних текстах Р. Декарта. Показано, что соображения о безопасности мышления были определяющими при разработке правил его метода.

**Ключевые слова:** Декарт, безопасность, опасность, философия безопасности, метод.

Одной из тематических областей философского исследования является философия безопасности. Значение этой области определяется тем, что потребность в безопасности является одной из базовых потребностей для человека. Соответственно, от философов ожидается определенная продуктивная рефлексия в отношении способов удовлетворения данной потребности. Как представляется, уже в изречениях древних мудрецов о мере формулировался один из принципов обеспечения безопасности.

Выполненный нами ранее краткий обзор освещения проблемы безопасности в работах классиков философской мысли показал, что размышления на эту тему были важным источником философской рефлексии [1, с. 377–392]. Справедливо, на наш взгляд, наблюдение А.С. Ахиезера о том, что фактор, «который стимулирует беспокойство философствования» – «это осознаваемая ОПАСНОСТЬ, ее потоки, постоянно в возрастающих масшта-

бах пронизывающие всю жизнь общества, каждого человека» [2, с. 33]. А философствование, по мнению А.С. Ахиезера, выступает способом освоения опасности, а также формирования способности противостоять этой опасности.

Озабоченность проблемой личной безопасности характерна для Р. Декарта. А. Фулье писал о том, что он «доводил до крайности свою змеиную “осторожность”» [3, с. 24.]. П. Стретерн констатирует, что Р. Декарта обвиняли в трусости, но оправдывает его тем, что французского философа лишь не привлекала слава мученика [4, с. 33]. Поскольку проблема безопасности беспокоила Декарта, то интересно, каким образом она стимулировала его философскую рефлексию? В данной статье мы предлагаем небольшой обзор ситуаций, в которых для него был важен вопрос обеспечения безопасности.

В его раннем тексте «Правила для руководства ума» при изложении «Правила II», состоящего в рекомендации «заниматься только теми предметами, о которых наши умы очевидно способны достичь достоверного и несомненного знания» [5, с. 79], констатируя разноголосицу мнений в науках (за исключением арифметики и геометрии) и ссылаясь на личный опыт, Р. Декарт полагал возможным организованное проведение школьных баталий между юношами по спорным вопросам. «Ведь, может быть, без руководителя они устремились бы к пропасти, – писал он, – но, пока они идут по следам наставников, пусть и отступая иногда от истинного, они наверняка избрали путь во всяком случае более безопасный по той причине, что он уже был изведен более опытными людьми» [5, с. 81].

Таким образом, по мнению Р. Декарта, в познании есть менее или более опасные пути. Более опасен путь стихийной, неорганизованной дискуссии. Менее опасно продвижение по пути, испытанному наставниками. Необходимо руководство более опытных людей, следование за наставниками, удостоверившихся в безопасности.

Кроме авторитета, он считает безошибочной также дедукцию. По Р. Декарту, опыт и случайная, несистематическая индукция обманчивы: «Действительно, любое заблуждение, в которое могут впасть люди (я говорю о них, а не о животных), никогда не проистекает из неверного вывода, но только из того, что они полагаются на некоторые малопонятные данные опыта или выносят суждения опрометчиво и безосновательно» [5, с. 81–82]. Как мы видим, именно по соображениям безопасности Декарт предпочитает дедуктивный метод. Наиболее безупречно, на его взгляд, этот метод реализован в арифметике и геометрии.

При изложении «Правила III», призывающего опираться лишь на то, что можно «ясно и очевидно усмотреть или достоверным образом вывести», Р. Декарт писал о «большой опасности» заблуждений, которые могут возникать из-за слишком внимательного чтения книг древних авторов, «сколь бы осмотрительными мы ни были» [5, с. 82]. На его взгляд, следует рассчитывать только на собственную интуицию, поскольку изложение у древних двусмысленно из-за их опасений того, что открытая истина будет выглядеть недостаточно значительной. Кроме того, доверять какому-либо мнению опрометчиво, так как наверняка высказывалось и противоположное мнение.

Присоединяться к точке зрения большинства также бессмысленно, так как истину открывали немногие. Поэтому по соображениям безопасности более надежны личная интуиция и последующая дедукция.

Тема безопасности поднимается и при разъяснении «Правил IV», декларирующего необходимость метода для разыскания истины. Р. Декарт подозревает древних в «некоем опасном коварстве» [5, с. 89], заключающемся в утаивании истины из-за опасений в ее общедоступности. Это утаивание состояло, на его взгляд, в намеренном усложнении предмета. Поэтому он предлагал всегда начинать с самых простых, наиболее очевидных и легких вещей.

Интерес Декарта к интуиции, на наш взгляд, объясняется тем, что в интуиции он видит личное, собственное ясное усмотрение какого-либо предмета. Каждому человеку ближе его видение, и именно из этого видения ему следует исходить в принятии решения – но только в отношении самого себя. «Поэтому я никоим образом не одобряю беспокойного и вздорного нрава тех, кто, не будучи призван ни по рождению, ни по состоянию к управлению общественными делами, неумоимо тщится измыслить какие-нибудь новые преобразования... – писал он. – Мое намерение никогда не простиралось дальше того, чтобы преобразовывать мои собственные мысли и строить на участке, целиком мне принадлежащем» [6, с. 258].

Следует, таким образом, ограничивать зону ответственности за результаты познания. Достигается не абсолютная истина, а происходит некоторая трансформация содержания собственного мышления.

В связи с этим Р. Декарт ограничивает для себя и значимость внешнего руководства. Декарт пишет, что по различным соображениям он «не мог выбрать никого, чьи мнения я должен был бы предпочесть мнениям других, и оказался как бы вынужденным сам стать своим руководителем» [6, с. 259]. Это, как мы видели, целесообразно, если есть возможность опереться на прочные, достоверные и бесспорные положения, которые содержатся, например, в арифметике и геометрии.

Довериться руководству более опытных наставников можно только в тех областях познания, где существует разногласие мнений. Такое доверие не является гарантией успеха, поскольку участие в полемике малополезно и не ведет к вершинам человеческого познания. Это всего лишь проверенное упражнение в состязаниях, и поэтому оно, по крайней мере, безопасно.

Свое учение о методе Р. Декарт считал проверенным на своем личном опыте и потому предлагал его своим коллегам: «Я признаю, что это представляло бы опасность для тех, кто не знает брода настолько, чтобы отважиться перейти эту пучину без проводника; многие и в самом деле в этой бездне погибли, но вы не должны бояться пересечь ее под моим руководством» [7, с. 164]. Следовательно, он считал возможным выступить руководителем в области, где существовали разногласия в отношении выбора метода.

Здесь мы можем зафиксировать определенное противоречие во взглядах Р. Декарта. Казалось бы, он должен отказаться от руководства другими, допуская по соображениям безопасности индивидуализацию метода. Тем не

менее, он решил выступить наставником принцессы Елизаветы Богемской и шведской королевы Кристины, что закончилось печально.

Обосновывая свое предпочтение дедукции как элемента техники безопасного познания, Р. Декарт подчеркивал необходимость «постоянного и нигде непрерывающегося движения мысли», ясно и последовательно усматривающей все промежуточные звенья длинной цепи рассуждения от его начала и до его конца [5, с. 85]. При этом он настаивал на неспешности и осмотрительности познавательного движения: «Но как человек, идущий один в темноте, я решился идти так медленно и с такой осмотрительностью, что если и мало буду продвигаться вперед, то по крайней мере смогу обезопасить себя от падения» [6, с. 259]. Забегание вперед, по его мнению, очень опасно и может завести в глубокую пучину сомнений.

Таким образом, как мы видим, разработка Р. Декартом правил его метода была во многом мотивирована соображениями безопасности мышления. Предложенные им пути обеспечения безопасности относимы, на наш взгляд, не только к сфере познания, но и к сфере практики, поскольку последняя опирается на познание. Очевидно, что например, современный Китай, рассчитывающий строить основы социализма на протяжении десяти тысяч лет, придерживается линии медленного и осмотрительного продвижения.

Вместе с тем при оценке правил безопасности Декарта следует учитывать особенности его характера логико-интуитивного интроверта с заметными акцентуациями тревожного и эмотивного типа. Поэтому эти правила безопасности (и метода), возможно, органичны для конкретного антропологического типа, но не приоритетны для других типов людей, предпочитающих действовать, например, на основе опыта и эксперимента.

#### **Список литературы:**

1. Тюгашев Е.А. Феномен философии: рефлексия дискурса / Под ред. В.П. Фофанова. – Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2008. – 413 с.
2. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 3–21.
3. Фулье А. Декарт. – М.: Тип. Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина, 1894. – 385 с.
4. Стретерн П. Декарт за 90 минут. – М.: АСТ: Апрель, 2005. – 77 с.
5. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – С. 77–153.
6. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.
7. Декарт Р. разыскание истины посредством естественного света // Декарт Р. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – С. 154–178.

## СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ – ФИЛОСОФИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

**Фенухин В.И.**

*Россия, г. Железноводск  
Филиал СГПИ в г. Железноводске  
E-mail: gsed-kafedra@mail.ru*

**Аннотация.** Мы не должны рассматривать национальное как частность, которая мешает развитию общегражданских качеств – это необходимое, важное дополнение в системе воспитательной и образовательной деятельности. Дополнение, но оно не может быть выше общечеловеческих, гражданских, государственных интересов, то есть выше государственного суверенитета.

**Ключевые слова:** Северный Кавказ, толерантность, гражданское, этническое.

Перспективы развития современной многонациональной, многоконфессиональной, сложной в социальном плане России, напрямую связаны с диалектикой связей и противоречий общечеловеческих, государственных, гражданских, национальных и этнических ценностей.

Необходимо чётко понимать, что особенностью государственной власти в федеративной России является её суверенный характер, т.е. верховенство по отношению ко всем другим физическим лицам, учреждениям, субъектам Федерации, (её внутренний суверенитет).

Как указывает О.Г. Румянцев: «Единство власти выражается не в монопольном властвовании, а в наличии совокупной системы органов высшей государственной власти, различные ветви которой не могут предписывать одновременно одним и тем же субъектам при одних обстоятельствах взаимоисключающие правила поведения» [1, с.81].

Однако, в ходе исторического развития на Северном Кавказе можно наблюдать не только развитие государственных начал, но и, попытки создания национального суверенитета, когда у части народов, этносов появляется желание определять не только характер своей национальной жизни (культуру, образование, традиции, обычаи и др.), но иметь собственный суверенитет.

Проблемой в становлении новой российской государственности стало одновременное применение трёх понятий: суверенитет государства, народы, нации. Появляется идея, что источником власти, её носителем может быть не только государство, как общность всех граждан, но и общность граждан (народ), проживающих на территории отдельного субъекта федерации.

В начале 90-х годов, мы наблюдали этап «суверенизации» автономных республик, других автономий, которые не считаясь с интересами Федерации в целом, заявили о своём суверенитете, о выходе из состава Российской Федерации. Как указывает Д.Л. Златопольский, за период с августа 1990 г. до начала февраля 1991 г. из 16 автономных республик 15 приняли декларацию о государственном суверенитете. Одновременно из 5 автономных

областей 4 приняли решение о преобразовании их в автономные республики [2]. Но, анализ такого видения проблемы через призму событий в Косово, современной Испании (попытка отделения Каталонии), желание курдами создать своё государство на территории Ирака, приводит к выводу, что некорректное понимание сущности суверенитета как возможности отдельного, этноса дав своё имя республике, и, соответственно, иметь какие то особые права, являются губительными для существования государства и государственности.

Задача системы образования в области формирования толерантности на Северном Кавказе предполагает развитие такого подхода, когда при приоритете привития общегражданских, общегосударственных ценностей, может и должно активно развиваться национальное, этническое, нравственное - интерес к родному языку, традициям и обычаям своего народа.

Мы не должны рассматривать национальное как частность, которая мешает развитию общегражданских качеств – это необходимое, важное дополнение в системе воспитательной и образовательной деятельности. Дополнение, но оно не может быть выше общечеловеческих, гражданских, государственных интересов, то есть выше государственного суверенитета.

Национальное образование и воспитание, готовящее к жизни молодого человека, возможно только в соединении и усвоении общечеловеческих, общегражданских ценностей, и этнического национального начала.

Необходимо понимать, что реализуя идею национального образования и воспитания, необходимо изучение мировой культуры, культуры других народов, именно это делает нацию – нацией. Растворяясь в национализме, народ теряет дух индивидуальности и своё своеобразие.

Сегодня в мире наблюдается тенденция интеграционных процессов, идёт смешение наций, национальных культур. В ответ, не менее активно мы наблюдаем стремление каждой нации сохранять свои национальные ценности, прежде, всего язык, искусство, традиции, обычаи, свою этническую субъектность, ментальность.

Очень ярко это проявляется на Северном Кавказе и нам необходимо строить свою работу, опираясь в системе образования и воспитания на диалектичность понимания этих процессов.

Именно здесь, на территории Северного Кавказа, столетиями формировалась особая среда обитания, особая ментальность народа, где через диалог культур формировалась и формируется идентичность как государственная, так и национальная.

Необходимо помнить, что был период в развитии российской государственности, когда именно с Северного Кавказа исходила реальная угроза целостности и суверенитета Российской Федерации. Именно здесь радикальный этнический сепаратизм, религиозный экстремизм проявил себя в насильственных и варварских формах. На Северном Кавказе ярко проявилась политическая активность национально-этнических общностей, стремление определённых элит поставить национальное выше государственного, этническое выше гражданского.



Однако, политическая воля руководителя государства В.В. Путина, руководителей республик Северного Кавказа, а главное – стремление народов Северного Кавказа жить в мире и согласии позволило преодолеть опасные тенденции, которые могли бы привести к распаду государства и государственности, разрушению удивительного региона – Северный Кавказ.

Рассматривая философский аспект, усвоение основ толерантности среди молодежи, необходимо отметить, что это прежде всего диалектичность восприятия иного, непохожего, устойчивое желание понять и принять эта «иное».

Это не пассивное принятие «чужого», а активный поиск точек соприкосновения через принятие национальных, региональных и иных особенностей этносов, людей в целом.

А.А. Кадыров утверждал, что необходимо понимания друг друга, а это достигается через воспитание, образование с детства, через любовь к ближнему, дружбу, заботу. Идея единения народов России, и понимание толерантности как универсальной ценности, это начала большого пути в деле укрепления российской государственности через развитие и укрепление этнических начал. На этом пути, важным является умение властвовать над собой, своими эмоциями, подавление возникающего раздражения, гнева, где идет замена культуры ненависти, непонимания, вражды, т.е. войны - на «культуру мира». «Власть для меня не самоцель, а средство достижения цели. С самого начала поставил перед собой задачи: покончить с войной и вернуть Чечню в конституционное правовое поле» [3, с.123].

Важнейшим условием это процесса является развитие института образования, той структуры, где формируются общечеловеческие, гражданские, этнические, моральные качества, а так же знания по основным видам человеческого бытия: истории, экономики, социальных отношений, основам государственного федеративного строительства.

От того, какие ценности лежат в системе воспитания образования, зависит, будет ли сформировано понятие «толерантное мировоззрение» и соответственно, понятие гражданина, личности, субъекта этноса. Образование, воспитание могут выступить как генератором толерантности, так и этнических, религиозных, социальных конфликтов.

Необходимо продолжать и углублять изучение в учебных заведениях таких предметов, как «История народов Северного Кавказа», «Этнопедагогика», «Кавказоведение», «Этнология», «История религии»; продолжить создание базового, общегосударственного учебника «История России», где объективно, с уважением к этносам Северного Кавказа, но с позиции государственности, будут освещены вопросы, связанные с проблемой вхождения Северного Кавказа в состав России, ситуация на Кавказе в период гражданской, Великой Отечественной войны, событиях начала XXI века, перспективах развития этого региона, его положительный опыт в решении вопроса сочетания государственного и этнического, федеративного и регионального.

### Список литературы:

1. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя. – М.: изд. «Юрист», 2008 с.81.
2. Златопольский Д.Л. «Вестник Московского университета» Право. – 1998г. №6, с. 3.
3. Кадыров А.А. «Слово правдивое. Интервью. Статьи. Речи». – Грозный, 2006, с.123.

## РОЛЬ ЧЕЧЕНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

**Хабаев И.Д.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: ibragim\_habaev@mail.ru*

**Аннотация.** В данной работе рассматривается роль женщины-матери в системе духовно-нравственного воспитания и безопасности подрастающего поколения чеченцев. Автор, опираясь на фольклорное наследие народа, исторические факты и высказывания известных личностей показывает ее вклад в дело формирования личности и семьи.

**Ключевые слова:** нравственность, мораль, воспитание, культура, семья, женщина, традиции, обычаи, духовная безопасность.

Часть повседневной жизни человека связанная с удовлетворением его духовных потребностей принято называть духовной жизнью. Она связана в основном с производством и распределением духовных ценностей лежащих в основе душевных изысканий человека и мнения индивида об окружающей его повседневной действительности.

Хотя духовные ценности и нематериальны, они все же не менее важны для человека, нежели материальные, так как любой индивид как их носитель легче ориентируется в жизненном пространстве и в сложных житейских хитросплетениях проявляет способность к выбору наиболее оптимального и верного решения. В этой связи напрашивается вопрос, а какую роль играет семья и общество в формировании такого рода личности.

Как известно, одним из важнейших направлений деятельности любого государства была и остается задача воспитания подрастающего поколения. В нашей стране в целях реализации программы по духовно-нравственному воспитанию молодежи Правительством Российской Федерации за № 996-р от 29 мая 2015 года утверждена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [1]. В разделе «Общие положения» стратегии указывается, что «Приоритетной задачей РФ в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в

условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [1].

Особенностью документа является то, что он «опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [1]. Наличие перечисленных качеств делает человека поистине душевно богатым, благородным и полезным обществу.

Необходимо признать, что для процветания многонационального и многоконфессионального российского государства, где по итогам последней переписи населения проживают 194 больших и малых народов этот документ имеет принципиальное значение. Ведь «от воли и усилий нынешнего поколения зависит то, станет ли этническое, языковое, религиозное, культурное многообразие России источником ее мощи и процветания, залогом преодоления невзгод и достижения новых побед» [2].

В сложившейся ситуации, наиболее актуальным становится вопрос о более совершенном исследовании обычаев, традиций, адатов народов России и создание на базе этих изысканий таких общероссийских норм и правил общежития, интеграция которых в общенациональную культуру российской нации содействовала бы оздоровлению духовно-нравственного состояния общества. К сожалению, несмотря на наличие соответствующей правовой и материально-технической базы для реализации такого рода проекта, их воплощение в жизнь происходит не совсем эффективно, а существующие реалии оставляют желать лучшего. К примеру, в вещании федеральных телеканалов, практически отсутствуют проекты освещающие быт, традиции и обычаи российских народов. А если они и есть, то количество времени выделяемого для них ничтожно мало, в то время как различными никчемными шоу-программами телеэфир забит круглосуточно. Казалось бы, кому как не средствам массовой информации вести работу по претворению в жизнь стратегии федерального правительства? Ведь материализация таких проектов посредством информационно-коммуникативных средств и ресурсов способствовала бы духовному родству и более тесному сближению народов России, укреплению дружбы и взаимопонимания в обществе, поскольку данный фактор считается краеугольным камнем мира, благосостояния граждан и территориальной целостности полиэтнического государства.

В третьем разделе вышеупомянутой стратегии, касающейся развития социальных институтов занятых проблемами воспитания подрастающего поколения, и в частности поддержки семейного воспитания, основное внимание рекомендуется сосредоточить на вопросах: а) содействия укрепления семьи и защиты приоритетного права родителей на воспитание детей перед всеми иными лицами; б) содействие развитию культуры семейного воспитания детей на основе традиционных семейных духовно-нравственных ценностей; в) поддержку семейных клубов и родительских объединений, содействующих укреплению семьи, сохранению и возрождению семейных и нравственных ценностей с учетом роли религии и тра-

диционной культуры местных сообществ; г) воспитание уважения к культуре, языкам, традициям и обычаям народов, проживающих в Российской Федерации; д) создание условий для сохранения, поддержки и развития этнических культурных традиций и народного творчества [1]. Приятно, что в данном документе особо подчеркивается роль семьи и родителей в решении поставленных задач.

Не умаляя прав отца на главенство в семье, мне бы хотелось, более подробно остановиться на роли чеченской женщины в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, ведь «женщина-мать заслужила уважение всех народов, а у чеченцев она поставлена на особое статусное положение» [3, С. 53]. По мнению исследователей «статус женщины в чеченском традиционном обществе был необыкновенно высок. В чеченском языке есть понятие Мехка нана (Мать страны), производное от термина родства нана - мать и мохк - земля, страна. Согласно народным преданиям, Мехка нана ведала адатами, устанавливающими закон и порядок в сфере семьи и быта чеченцев» [4, С. 51].

О высоком уровне почитания женщины у чеченцев говорит хотя бы тот факт, что по здешнему обычаю мужчина в знак особого уважения приветствует женщину стоя, а по древней традиции в новое жилье первой входит жена и только потом супруг и дети по ее приглашению. Отношение чеченцев к посторонней женщине выражается в обычае запрета мужчине делать ей какие-либо замечания. Но даже если он и вынужден это сделать, адаты предписывают ему быть предельно корректным и подыскивать для этого такие слова, которые не затрагивали бы честь и достоинство самой женщины и ее рода. Плата «двойной кровью» за посягательство на жизнь детородной женщины есть еще одна особенность адатов указывающих на привилегированный статус женщины в чеченском обществе.

Известный чеченский писатель Абузар Айдамиров в своей книге «Калужский пленник» описывая размышления имама Шамиля об отношении чеченцев к женщинам, пишет: «... этих наивных легкомысленных чеченцев Шамиль уже знает хорошо. Не зря он отказывался встать во главе их вооруженного восстания до тех пор, пока они не послали к нему с этой просьбой своих женщин. Чеченец никогда не встает на колени, кроме как на молитвах к Аллаху. Когда он вынужден обратиться к кому-нибудь с нижайшей просьбой, в крайнем случае, чеченец снимает папаху. А женщины обращаются с просьбой к мужчинам в очень редких случаях. Женщина у них какая-то святая, неприкосновенная личность. Ее нельзя оскорблять и унижать ни словом, ни делом. Человек, нарушивший этот закон, расплачивается головой».[5, С. 256-257.]

В современном чеченском обществе по причине научно-технического прогресса и значительной урбанизации населения за последние полвека произошла заметная трансформация привычного общественного уклада, обычаев и традиций народа, которые после модернизации адаптировались к существующим реалиям. Однако при всем том, уважение к женщине здесь осталось незыблемым, а факты непристойного отношения мужчины к пред-

ставителям слабого пола немедленно вызывают общественный резонанс и всеобщее осуждение граждан.

Чеченцы на протяжении длительного исторического периода смогли выработать собственную универсальную систему «Кхетош-кхиор» [6, с. 240], «посредством сочетания разных форм воспитания (трудового, физического, нравственного)» [7, с. 336.] направленную на формирование у детей свойств и умений, необходимых им во взрослой жизни.

Одним из необычных и замечательных обычаев чеченцев указывающих на учтливое отношение к женщине, а в нашем случае к родительнице является стояние сына перед молящейся матерью, во время ее богослужения. По адату чеченец заставший мать на намазе не имеет права сесть до тех пор, пока она не закончит молебен, несмотря на то, что в исламе такого запрета нет. Этот обычай, бытовавший, как нам представляется, еще в доисламские времена, показывает не только уровень уважения чеченца к матери, но и степень его религиозной воспитанности и богобоязненности. По видимости, неспроста чеченское устное народное творчество богато образчиками того, насколько поклонение Господу и почтительность к матери в чеченском обществе были равнозначными понятиями.

Касаясь отношения религии к женщине, и в частности ислама, хотелось бы напомнить, что четвертая сура Корана «Женщины», посвящена им, что наглядно показывает, насколько Аллах возвеличил ее в своем священном писании. Интересно, что у мусульман, во время похорон, мулла, прежде чем приступить к чтению заупокойной молитвы на могиле умершего спрашивает у родных имя его матери, так как при захоронении мусульманина положено упоминать его как сына или дочь такой-то матери, а не отца, хотя при жизни они носят отчество отца.

В культуре и в традиции чеченцев женщина всегда воспринималась как источник нравственных начал. Убедительным доказательством тому служит отрывок из письма князя Барятинского к наместнику Кавказа датированное 1862 годом, в котором он, обосновывая свое мнение по поводу открытия женских училищ для горянок, писал: «...Воспитание туземных женщин занимает, конечно, первое место; женщина, по влиянию своему на семейство, как на хранилище народных нравов, действует одинаково и на привычки дитяти, и на возмужалого горца» [8, С. 54]. Непонятно, однако, в каком духе он хотел воспитать горянку, имевшую столь сильное влияние на семью.

Чеченцы как впрочем, и другие народы мира во все времена придавали огромное значение женщине как хранительнице домашнего очага. Конечно, особая роль ей отводилась в деле воспитания подрастающего поколения. «Именно женщине принадлежит одна из важнейших заслуг в сохранении любого этноса. В самом деле, Северный Кавказ за свою многовековую историю знал множество народов: скифов, сарматов, хазар, половцев. Но их нет, они ушли с лица земли. А вайнахи, как и другие древнейшие народы Кавказа, сохранились. И причин здесь много. Среди них и огромная заслуга вайнахской женщины» [3, С. 54].

Одним из самых уважаемых и почитаемых исторических персонажей чеченского народа по праву является славный Бей-Булат Таймиев, избран-

ный в 1825 году на Майртупском съезде «Военным правителем Чечни». Об уме, авторитете, прозорливости, удали и мужестве этого человека ходят легенды и сказано немало лестных слов. Говорят, как-то у него спросили, о причине его популярности в народе. Вы не поверите, ответил он, но в этом, заслуга моей жены. Многие, подумав, что он шутит, засмеялись, однако он повторил сказанное. Тогда удивленные горцы попросили его, прокомментировать свои слова. Видите ли, сказал Бей-Булат, уважительное отношение ко мне моей жены возвысило меня в глазах собственных детей в семье. Почтение семьи вызвало почтение соседей. Их почтительность вознесла мое имя до уровня села, а уважение односельчан сделало мое имя популярным в народе. Не это ли ярчайший пример, подтверждающий особую роль женщины в воспитании подрастающего поколения, ведь возвысив мужа в глазах своих детей, она не столько вознесла его на Олимп власти, сколько воспитала на этом примере собственных детей.

Действительно роль женщины в системе духовной безопасности чеченцев всегда была очень велика. «Плохая телега разбивает дорогу, плохая женщина разрушает дом» говорят чеченцы. Пророк Мухаммад (с.а.с.) в своих хадисах, отвечая на вопрос одного из асхабов по поводу наилучшего подарка для мужчины в земной жизни, сказал: «Нет для мужчины большего блага в земной жизни кроме праведной жены, ибо праведная жена равна половине состояния мужа». Как бы в унисон этому хадису чеченская пословица гласит: «Хорошая жена - полсчастья» [9, С. 80].

Возможно чеченцы единственный народ, у которого существует такое понятие как «Ненан мотт» (материнский язык). Школьный учебник родного языка для начальных классов школ Чеченской Республики именно так и называется. Однако на обложке учебников для старших классов мы видим другое наименование «Нохчийн мотт» (чеченский язык). С чем это связано и почему чеченцы делят свой язык на две отдельные части по возрастному признаку? Дело в том, что в понятие «Ненан мотт» у чеченцев вложен свой особый смысл. Это язык детства, усваиваемый малышом с молоком матери видимо поэтому, воздавая должное ей, учебники начальных классов по чеченскому языку носят такое название. Не зря, ведь у чеченцев принято обращать особое внимание на социальное происхождение невесты. Будущая мать, по их мнению, должна обладать такими положительными качествами, которые будут унаследованы ее детьми.

С началом, так называемого переходного возраста, когда подросток проходит подготовительный этап вступления во взрослую жизнь, начинается познание им литературного чеченского языка. По всей вероятности здесь и наступает момент, когда на первый план уже выходит понятие «Нохчийн мотт» (чеченский язык).

Известно, что чеченские семьи патриархальны по своей структуре и поэтому окончательное решение по возникшим семейным вопросам всегда остается за отцом. Однако вопросам воспитания детей он вследствие частого отсутствия в доме как добытчик и кормилец семьи уделяет мало времени, в связи, с чем основная нагрузка ложится на мать, хотя общий контроль остается за ним. Наверное, каждый из нас, не раз в детстве за свое озорство

и проступки был наказан родителями. Интересно, то, что любое наказание даже приличная порка матери менее обидна для ребенка и вскоре забывается, нежели порка отца. Что касается телесного наказания в отношении детей, хотелось бы напомнить, что у чеченца истари не принято поднимать руку на дочь. Это исключительная прерогатива матери. Что касается наказания сыновей, то даже в этом случае отцу семейства не рекомендуется заниматься рукоприкладством. Более продуктивным у чеченцев считается моральное наказание в виде отказа родителей разговаривать с ребенком, отвечать на его приветствия, находится с ним в одной комнате, давать ему какие-либо поручения по хозяйству и т.д.

Часто в среде молодежи и подростков можно услышать высказывания провинившихся о том, что им вместо подобного «наказания» легче было бы перенести телесную кару. Основанием для таких суждений является то, что публичное игнорирование родителями и в первую очередь матерью, непослушного дитя, став достоянием общественности, порождает в отношении его моральное осуждение окружающих. Анализ воспитательных методов, основанных на моральных принципах и незыблемом авторитете отца в глазах детей, применяемых на практике чеченской матерью, показывает их высокую эффективность по сравнению с телесными или иными формами наказания.

Поддержание в семье атмосферы согласия у чеченцев всегда ставилось и ставится ныне в заслугу матери. Женщина-мать по философии чеченцев призвана, выполнять функцию связующего звена между отцом и детьми. Во многом от избранной ею тактики в вопросах воспитания детей и удачного применения на практике универсальных методов «Кхетош-кхиор», а также умения найти индивидуальный подход к каждому члену семьи в решении семейных проблем зависит в конечном итоге благополучие и процветание всей семьи.

#### **Список литературы:**

1. Российская газета - Федеральный выпуск № 6693 (122) от 8 июня 2015 года.
2. Монин С.М. Многонациональный состав населения России: источник силы или слабости? <http://rossiyanavsegda.ru/read/1753/> 01 ч. 19 мин. 19.10.2017 г.
3. Чеченцы. М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2008.
4. Натаев. К вопросу о социальном статусе женщины в чеченской традиционной семье. Женщина в российском обществе. 2015. № 1.
5. Айдамиров А.А. Собрание сочинений. В 6 томах. Грозный. Книжное издательство, Т. 4. 2005.
6. Натаев С.А. К вопросу о системе обучения и воспитания чеченцев «Кхетош-кхиор» по данным полевых материалов и лексики. Материалы IV международного конгресса кавказоведов. Тбилиси. 2016.
7. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М.: 2007.
8. Ибрагимова З.Х. Кавказцы. М.: Пробел-2000. 2010.
9. Салажиева М.И. Пословицы о женщине. На чеченском, русском и немецком языках. ООО «Медиаграф». Ростов-на Дону. 2015.

## ВЛИЯНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА СЮЖЕТОСТРОЕНИЕ РОМАНА С.-Б. АРСАНОВА «КОГДА ПОЗНАЁТСЯ ДРУЖБА»

**Хажбикарова М.И.**

*Россия, г. Грозный*

*Института гуманитарных наук Академии наук Чеченской Республики*

**Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы влияния национального фольклора на героев романа старейшего чеченского писателя С.-Б. Арсанова. А так же приводятся фрагменты использования фольклора в других дружественных народов.

**Ключевые слова:** роман, фольклор, народ, творчество, произведение.

Национальное сознание неотделимо от чувства интернационального; нет ничего удивительного в том, что традиции интернационализма в чеченской литературе восходят к древнему и богатейшему устному народному творчеству. В чеченских героико-эпических песнях илли воспевается, прежде всего, дружба между народами. В этих песнях нашло отражение глубокое уважение чеченцев к соседним народам. Они утверждают лучшие качества, присущие лучшим представителям любого народа, «пропагандируют и восславляют честность и преданность, любовь к человеку, социальное равноправие, ненависть и презрение к несправедливости, эксплуатации человеком человека, какой бы национальности они ни были» [1, 13].

В целом для романа «Когда познается дружба» характерно эпическое повествование, построенное на основе реалистического рассказа с ограниченным включением фольклорных песенно-эпических и лирических мотивов, которые не нарушают реалистического восприятия описываемых событий. С.-Б. Арсанов умело использует элементы народно-поэтического языка и художественные приемы повествования, выработанные в чеченском фольклоре. Роль фольклоризма в широком смысле этого слова особенно важна в первой части романа, которая повествует о жизни чеченского дореволюционного села. Писатель глубоко и всесторонне изучает народные обычаи и традиции, фольклор. Это помогает ему с большой этнографической точностью и проницательностью отразить национальную специфику характеров чеченцев того времени. Влияние фольклорной песенно-эпической традиции в романе обнаруживается и при анализе способов и приемов изображения положительных и отрицательных героев. К разряду последних в романе обычно относятся представители царской администрации и феодально-буржуазной верхушки села. В роли положительных героев обычно выступают представители горской бедноты, рабочего класса и передовой интеллигенции.

Однако это в определенной мере фольклорная «заданность» социальной принадлежности разных типов героев не мешает писателю проявлять свою позицию при каждом конкретном описании положительного или отрицательного героя. Она проявляется в особых авторских акцентах и в ин-



тонациях при описании действий, поступков, внутренних чувств и побуждений.

Фольклорность образов романа проявляется и в их изначальной завершенности и заданности на уровне художественного замысла автора: таковы добрый и смелый Арсби, тихая и скромная Хадижа, рано овдовевшая и с трудом воспитавшая единственного сына, любящая и покорная Селима, смелый и непримиримый к любой форме несправедливости Джо, мудрый и терпеливый Джабраил... Наряду с этим, преодолевая эту «заданную» фольклорность образов, С.-Б.Арсанову удалось придать психологическую конкретность каждому образу, изобразить внутренний мир и переживания положительных героев, определить и описать отдельные этапы внутреннего развития изначальной заданности. Поэтому в отличие от фольклорных статичных образов, образы романа «Когда познается дружба» предстают в динамике своего развития. Они историчны и в силу этого имеют реалистическое наполнение. Писатель дает нам возможность проникнуть вглубь характеров главных героев, при этом свойство и особенности характеров высвечиваются по мере развития событий романа. Автор часто использует фольклорный по своему происхождению художественный прием контрастного изображения и раскрытия характеров героев через их действия, поступки и внутренние размышления.

Писатель хорошо знает фольклорные традиции и обычаи чеченцев, что помогает ему создать реалистические и индивидуализированные образы Арсби, Хадижи, Джабраила и других представителей различных социальных прослоек чеченского общества дореволюционного времени, а также воссоздать традиционную жизнь чеченского села того времени. Зрелость С.-Б.Арсанова как художника проявилась в том, что его герои представляют собой людей в высокой степени индивидуальных и одновременно типичных для того времени [6].

С.-Б. Арсанову, как писателю и творцу, присуще тонкое и творческое отношение к устному народному творчеству. Если же говорить о литературных традициях, то они являются общими для большинства деятелей литературы братских народов нашей страны и тесно связаны с категориями демократизма и народности. Ибо, как отмечал В. Гусев, «фольклор – искусство подлинно самодеятельное, существующее, прежде всего, для самих его творцов и исполнителей, для самих масс»[2, с. 269].

Национальное своеобразие произведений, написанных на современные темы на русском языке, русскому читателю было очень трудно заметить: одни и те же ситуации, одни и те же проблемы, схожие методы социалистического реализма, которыми руководствовались советские писатели. Однако чеченские художественные произведения, написанные на русском языке, в идейно-художественном отношении отличаются определенными особенностями (яркий тому пример роман С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба»). Эти особенности, конечно, присущи всем национальным произведениям народов бывшего Союза. В произведениях А.Г. Гойгова интерес к фольклору проявляется в народных легендах (рассказ «Нана-пленница»). Особое место фольклор занимает и в романе И. Базоркина «Из тьмы веков».

В этом произведении мы встречаем все жанры фольклора: сказания, легенды, пословицы, героические и лирические обрядовые песни. В романе С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба» удачно использованы героико-эпические песни или. Фольклорные произведения у этих авторов не заменяют повествование, а становятся предметом повествования. Они раскрывают некоторые стороны национального характера, особенности национального быта.

Другой характерной особенностью художественных произведений, созданных чеченскими писателями на русском языке является их этнографизм.

Правильно понятые и удачно использованные (в разумных пределах) «этнографические подробности у инонационального читателя вызывают здоровый интерес к народу, о котором пишется в том или ином произведении» [5, с. 196–197].

В культурной жизни нашего общества заметно усилился интерес к исторической прозе. Вместе с тем, наметился устойчивый интерес к осмыслению преемственности традиций, в первую очередь – традиций национальных. Обусловлено это не столько всеобщим кризисом нравственности, сколько неостребованностью духовных ценностей, выработанных народами на протяжении веков и отраженных в фольклоре [6].

В романе С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба» со знанием дела использован национальный фольклор. Об этом Х.В. Туркаев пишет так: «Создание национального колорита романа, своеобразного психологического и эмоционального облика героев важную роль играет знание чеченского фольклора, мотивы которого широко использованы писателем... В романе С.-Б. Арсанова, впервые в чеченской исторической прозе, поставлена проблема взаимоотношений литературы и искусства, их роли в преобразовании духовного уклада горца... О чувствах и настроениях горцев читатель узнает из народных героических песен, исполняемых другом бедняков – Джабраилом»

Этих песен в романе приводится множество, что говорит «о прекрасном знании автором устного народного творчества» [5, с. 60].

#### **Список литературы:**

1. Айдаев Ю.А. Зеркало жизни. Сб. литературно-критических статей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987.
2. Гусев В. Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967. – С. 269.
3. Джамбеков О.А. Национальное своеобразие чеченской народной бытовой лирики // Национальное и интернациональное в чеченском и ингушском фольклоре и литературах. Грозный, Книга, 1990. – С. 26–24.
4. Индербаев Г.В. Отражение времени. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. – С. 196–197.
5. Кусаев А.Д. Писатели Чечни. – Грозный: «ИПК «Грозненский рабочий», 2011. – С. 60.
6. Мунаев И.Б. Песенно-эпические и лирические мотивы в романе С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба». – Грозный, 1986. – С. 33–48.

## РОССИЙСКАЯ ИСЛАМСКАЯ ПЕДАГОГИКА В СВЕТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Хазиев В.С., Сафонова Н.В.

*Россия, г. Уфа*

*Башкирский государственный педагогический*

*университет им. М.Акмуллы*

*E-mail: khasievbspu@mail.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена философской парадигме исламского образования, которая может стать маяком для светской педагогики, имеющей целью воспитания целостного человека.

**Ключевые слова:** ислам, философия, человек, педагогика

Для того, чтобы говорить о философии исламского образования, необходимо, во-первых, знать, что мы на сегодня имеем в качестве исламской системы обучения и воспитания и, во-вторых, что будем понимать под термином «философия».

Тот, кто не знает свою историю и не ценит достижения прошлых поколений, не способен в полной мере положительно воспринимать и ценить настоящее, а также прогнозировать безопасное будущее. Маршрут пройденного за последние двадцать лет (1990-2010 гг.) пути становления новой российской системы исламского образования, если без конкретных и многообразных деталей, а только по узловым моментам, достаточно прозрачен, ясен и понятен. Я бы выделил пять этапов, которые условно можно было бы назвать: «начальный» (1989-1994гг.), «за опытом за границу» (1994-2000 гг.), «адаптация чужого опыта» (2000-2005 гг.), «выработка принципов и формирование собственной системы исламского образования» (2005-2012 гг.) и планы на перспективное будущее.

Общий смысл деятельности субъектов (мусульманской уммы, отдельных муфтиятов, различных групп и отдельных людей) формирования этой социальной образовательной системы определялся современной российской действительностью, самой общественной жизнью. Для того, чтобы жизнь общества и отдельных людей не попадала в тупик и не оборачивалась пустой тратой времени и сил, необходимо чутко следить за реальными процессами. В этом кипящем котле социальных инноваций зарождаются потребности общества и людей с их проблемами, в нем же можно увидеть и пути решения этих проблем, найти ответы на вызовы времени. Мудрый политик или социальный субъект не тот, кто прочитал много умных книг и пытается, ломая и круша все вокруг, втиснуть в надуманные идеалы общественного устройства реальную действительность. Это, как уже давно известно, утопический подход, который неизбежно приведет к жертвам и трагедиям, какими бы громкими словами о стремлении к всеобщему благу, справедливости, свободе, материальному благополучию всех ни сопровождался. Жизнь необходимо улучшать, руководствуясь не взятыми из старых фолиантов мудрыми мыслями (их, безусловно, надо знать, ибо это – один из

критериев профессионализма лидера), тем более не взятыми с потолка или высосанными из пальца, даже не взятыми из самых благих намерений, а мыслями, идеями, полученными из творческого наблюдения за процессами реальной жизни социума. А это не просто. Это – тяжкий труд истинного познания и честного отношения к себе и к обществу. Иного не дано. Другой путь – путь профанации, дилетантизма и субъективизма, благими намерениями которого, как известно, вымощена дорога в ад.

В творческом познании и применении полученных знаний к жизни общим критерием должен быть один – счастье человека, земное и, если кто в это верит, вечное. Счастье – это когда человек может жить в согласии с самим собой, с окружающими его людьми и с миром; когда обеспечена в обществе стабильность и безопасность его естественных и неотъемлемых ценностей: жизни, здоровья, свободы, материального благополучия семьи. Сказать иначе: счастье – это когда человек жив, здоров, свободен, его семья материально обеспечена и когда он живет в согласии с собой, с людьми и с остальным миром.

Субъекты формирования современной российской системы исламского образования вынуждены были прийти к этим выводам о философских основаниях своей деятельности, так сказать, «по ходу дела». Можно с гордостью утверждать, что это им удалось. Если подводить краткий итог двадцати лет пути развития, явно видно, что создана современная отечественная система исламского образования – патриотичная, с гражданской ответственностью, адаптированная к государственному языку и культуре; к истории и традициям исповедующим ислам народов; к нашей экономике; к нашему правовому пространству; к российской политической системе и даже к особенностям наших природных условий.

В итоге были сформулированы основные принципы современного мусульманского образования новой России.

**1. Российская система мусульманского образования (РСМО) должна сохранять и приумножать гуманистические идеалы и ценности ислама. При этом возникали дискуссии о "модернизации" ислама или исламской системы образования. К слову сказать, в ходе этих дискуссий неожиданно пришли к выводу, что догматичность, стабильность, константность, консерватизм, историческая инвариантность идеалов и ценностей религии есть как раз ее достоинство, позитив, отличающий религию от науки, которая неустанно бежит вперед, меняется, дополняется, изменяется, уточняется. Должно же быть в нашей жизни что-то стабильное и исторически инвариантное! Модернизируется не символы веры религии, а система религиозного образования.**

**2. РСМО должна быть российской, а не "египетской", "турецкой", "иранской", "марокканской", "тунисской", "индонезийской" или еще какой-либо другой, т.е. должна быть адаптирована к душе, духовной жизни, речи, быту, моде, национальной кухне – одним словом, к материальной и духовной культуре наших народов. И здесь возникали дискуссии. Например, о праве российских женщин-мусульманок смотреть прямо в глаза мужьям, вместе с которыми прошли через земной ад: голод, войну,**

спасая детей и мужей. Трагическая история страны, ее граждан, драматическая судьба женщин России накладывают свой отпечаток на гендерные и семейные отношения. К слову сказать, это тоже не новость. Права и роль в обществе, скажем, казашки-мусульманки резко отличаются от прав и роли узбечки-мусульманки. Трудно представить узбечку, скачущую на коне и камчой оценивающей женихов. Российские мусульмане любят своих женщин – матерей, жен, дочерей – иначе, чем турки, египтяне, иранцы, что бы они про них не говорили и чему бы нас не учили в отношениях между мужчинами и женщинами. Тем более, что в каждой из этих стран тоже есть свои различия в отношениях людей, в том числе и в семьях.

**3. РСМО должна сочетать научное и духовное образование, т.е. должна быть адаптированной к современной жизни, т.е. должна быть подготовкой "мусульманской интеллигенции", а не только мусульман-богословов, т.е. профессиональных священнослужителей.** Были дискуссии о том, что в исламских образовательных учреждениях всех уровней, кроме богословских, должны быть и факультеты профессиональной подготовки: врачей, юристов, экономистов, журналистов, писателей, инженеров, филологов, историков и т.д.

**4. РСМО должна быть современной: компьютерная техника, информационные технологии, новые организационные и методические формы.** Шли активные дискуссии о дистанционном образовании, об использовании электронных учебников, об академической и университетской мобильности, о системе кредитов, об индивидуальной траектории обучения и компетентностном подходе и др. Речь не об огульном отрицании других подходов, практиковавшихся в прошлом, а о том, чтобы, сохранив все ценное из прошлого, создать новое, соответствующее вызовам современной жизни. Попытки "привить" средневековые формы жизни без изменений к реалиям современной повседневности – не просто очевидная глупость, а попытка реализовать невозможное. Достаточно посмотреть на историю самого Арабского халифата или историю Османской империи, чтобы увидеть, что ислам во всех аспектах изменялся соответственно изменяющимся социальным реалиям. В этом плане интересна теория, возникшая в Турции во времена реформ Ататюрка, о "доарабском исламе".

**5. РСМО должна опираться на философскую антропологию, рассматривающую человека как единого в своей антиномичной, дихотомичной сущности, как существо телесное и духовное, конечное и вечное, рациональное, чувственное, трансцендентное.** Были дискуссии о концепции "целостного человека" и недостатках традиционной (деятельностной) педагогики. Усложнение социального бытия неизбежно ведет к разделению труда, к дифференциации общества и специализации деятельности. "Частичный" человек – вынужденная мера социума, ибо никто не в силах за одну короткую человеческую жизнь охватить все стороны материальной и духовной культуры истории человечества. Но в каждом островке индивидуальной жизни должны быть право и свобода выбора из всего исторически наличного, что каждый человек сочтет нужным для своего счастья.

**6. РСМО должна представлять единство воспитания и обучения, причем доминировать должно воспитание.** Проходили чрезвычайно интересные дискуссии об общенаучных и иррациональных методах обучения и воспитания, скажем, в кадимизме и джадидизме. Учить того, кто не приобрел "человеческие качества", невозможно, его можно лишь дрессировать, используя насилие или манипулируя его естественными рефлексамии. Педагогика начинается с воспитывающего обучения, или обучающего воспитания. Основная задача образования – образовать в "человеке человеческое".

**7. РСМО должна опираться на три "вечных кита" педагогики: истину (ум), красоту (чувство) и добро (душу).** Шли дискуссии о соотношении понятия "компетенция", пришедшего в отечественную педагогику вместе с Болонским процессом, трехуровневой системой обучения, с кредитами и прежним педагогическим понятием ЗУН (знание, умение, навыки). В конце концов, сошлись на том, что нужно считать компетенции обучаемого синтезом ЗУН. Получилось определение, что компетенция – это знания, умения и навыки, которые обучаемый способен самостоятельно творчески развивать и применять на практике соответственно изменяющейся обстановке и конкретным реалиям жизни.

**8. РСМО должна сочетать семейное и школьное (официальное) обучение и воспитание.** Возникали дискуссии о роли, правах и обязанностях родителей и учителей. Эти споры продолжаются до сих пор, внося определенный разлад в отношения "дети-родители-учителя". Трудно определить, где проходит граница между правовыми и моральными нормами в этих отношениях, какое место занимает родительская и педагогическая любовь к детям. Но в одном большинство участников дискуссий сходятся: воспитание и обучение детей должно быть общим делом не только родителей и учителей, но и всего общества в целом. Государство должно оказывать всяческую помощь как домашнему воспитанию ребенка, так и школьному.

**9. РСМО должна формировать патриотизм и толерантность.** Дискуссии о толерантности были, пожалуй, самые горячие. Отношение к людям иной веры должно быть таким же гуманным, как и к единоверцам. Отношение к людям в различных ситуациях не должно зависеть от предмета этих отношений. Пример с продавцом на рынке, который в махалле ведет себя совсем иначе, чем на рынке. Для мусульманина должна быть неприемлема норма, которую диктуют рыночные отношения: "ислам кончается там, где начинается рубль". Старик для молодого мусульманина должен быть уважаемым старшим, хоть в мечети, хоть на рынке, даже если без чалмы и других признаков, указывающих, что он мусульманин. Обсуждали тему о мусульманах, которые уезжают в другой город или даже регион, чтобы «оторваться по полной». Мусульманин он или нет? Эти дискуссии напоминали идущие со Средних веков споры в исламе о том, можно ли считать мусульманином человека, совершившего тяжкий грех.

**10. РСМО должна исходить из цели – счастье человека, земное и вечное.** Споры возникали только о том, как понимать «счастье». Один из вариантов рабочего определения приводится в этой книге.

Ясно, что эти десять принципов не исчерпывают все возможные аспекты. Здесь даны лишь общие эскизы очертаний современного исламского образования новой России.

**Философия** – наука о человеке в масштабах абсолюта (Бога), или наука об абсолюте (Боге) в масштабах человека. Есть множество других определений философии, но подавляющее большинство философов приходят в той или иной форме к такому пониманию. Для нашей темы такая дефиниция тоже близка и удобна.

Речь о том, что человек единственное, по словам Леонардо да Винчи, «звено в цепи природы, с помощью которого она, природа, содержит себя в гармонии». Уточним. Далее по его тексту становится понятно, что человек вносит в природу такие элементы как Добро, Красоту и Истину.

Вдумаемся в то, какое высокое предназначение, по словам Л. да Винчи, уготовило мироздание для человека. Без человека природа оставалась бы косной материей, лишенной самосознания красоты, доброты и истины. То есть, без человека природа была бы даже не в состоянии понимать, что она может быть носителем доброты, красоты и истины. По мнению великого флорентинца, это одна сторона дела.

Другая в том, что человек сам в ответе за то, каким он станет в этой роли. Человек своим умом, трудом и верой может расширить или сузить масштабы своего пребывания в мире. За тот короткий отрезок земной жизни, уготованной ему судьбой, он может внести в мир добро, красоту и истину, то есть стать тем звеном в цепи природы, которое вносит свою лепту в гармонию мироздания.

Однако, среди афоризмов «Леонардо, сына господина Пьеро из Винчи» можно увидеть и возможность другого выбора человека. Этот афоризм звучит жестко, но это, к сожалению, горькая правда. Такие люди встречаются не редко и в нашей жизни. Л. да Винчи говорит, что «некоторые люди должны называться не иначе как проходами для пищи, производителями дерьма и наполнителями нужников, потому что от них в мире ничего другого не видно, ничего хорошего ими не совершается, а потому ничего от них не остается, кроме полных нужников». Таковы две философии жизни, которые может выбрать каждый человек сам для себя.

Но наша тема не о философии человека, а о философии исламского образования. Если предельно схематизировать самый главный вопрос философии обучения и воспитания, то он о том, как образование может расширить свой масштаб до пределов абсолюта (Бога), или как абсолют (Бог) может присутствовать в процессе обучения и воспитания.

Рассмотрим один лишь фрагмент из общей картины педагогики. В этом фрагменте отражается вся суть педагогического вопроса, подобно тому, как в капле воды отражается суть всей воды. Современная педагогика на разные лады интерпретирует мысль И.Канта о том, что воспитание предполагает превращение (в терминах современной педагогики – интериоризацию) внешней дисциплины во внутреннюю. Сформированная в процессе воспитания ребенка внутренняя дисциплина становится сознательно используемым инструментом подавления человеком в себе животных (зооло-

гических) и асоциальных стимулов и побуждений. Внутренняя дисциплина – инструмент, средство, с помощью которого человек живет среди людей как человек, руководствуясь нормами права, морали, веры, разума, т.е. как культурное существо.

Мы бы добавили этой позиции современной педагогики и мысли Л.да Винчи.

Если воспитали в человеке внутреннюю дисциплину, он сможет стать тем звеном в цепи природы, с помощью которого она, природа, содержит себя в гармонии.

Красиво. Понятен и механизм формирования внутренней дисциплины. Внешние правила, запреты, инструкции и указания воспитателей, в роли которых могут выступать родители, члены семьи, друзья, учителя, милиционеры и т.д., интериоризуются (от фр. *intériorisation* – переход извне внутрь и лат. *interior* – внутренний) и становятся законами (по словам И.Канта, «категорическими императивами») внутренней дисциплины. Точнее, самодисциплины. С помощью этих норм внутренней дисциплины человек сам самостоятельно управляет своими чувствами, мыслями, словами и поведением среди людей, в обществе. Все вроде ясно и понятно. Но...

Как всегда это «но» все портит. Дело в том, что источником интериоризованных норм дисциплины, являются не просто отдельные и разные субъекты. Это было бы еще полбеда. Плохо то, что эти отдельные и разные субъекты **ОГРАНИЧЕНЫ** по предмету, по месту, по времени. Соответственно, когда их установки становятся интериоризованными внутренними нормами дисциплины, они тоже локальные, действующие только в определенной ситуации. Человек проецирует свои нормы поведения на их источник и мысленно устанавливает ограниченную зону их действия. Мама не видит, можно зубы перед сном не чистить. Милиционер не поймает, можно украсть. Начальник не контролирует, можно работать спустя рукава. И так далее. Какой же выход? Выход, на наш взгляд, нашел опять-таки уже упомянутый И.Кант. Он пришел к выводу, среди норм внутренней дисциплины есть один, который снимает эту ограниченность отдельных интериоризованных норм самодисциплины. Это нравственные нормы. По мнению И.Канта источником нравственных норм не может быть ограниченный (конечный) субъект. Тогда и моральные нормы будут такими же, как и остальные нормы внутренней дисциплины. То есть тогда, и моральные нормы будут то действовать, то не действовать в зависимости от присутствия его конечного субъекта. Поэтому, решил И.Кант, источником моральных норм внутренней самодисциплины должен быть абсолют (Бог), безграничный и вечный, всемогущий и всеильный, ничем и никак не ограниченный. Только тогда нравственные нормы станут тоже абсолютными, всеильными. Только тогда, никакие ни внешние, ни внутренние аргументы не смогут их поколебать. Они, моральные нормы внутренней самодисциплины, тогда станут универсальными, всеобщими, повседневными, абсолютными.

Нет, вероятно, необходимости далее детализировать аргументацию, что воспитание человека (формирование в нем норм самодисциплины, которые будут помогать ему подавлять в себе зоологические и асоциальные стимулы



и мотивации поведения) без абсолютного субъекта внешней дисциплины, т.е. без Бога, рассыпается на отдельные, никак и ничем друг с другом не взаимосвязанные части. Педагогика становится похожим на рассыпанные по столу отдельные механизмы часов. Соответственно и человек у такой педагогики тоже будет частичным: местами хорошим, местами плохим. В одной ситуации добрым, а в другой злодеем. По мере необходимости и по обстоятельствам честным или бесчестным, с достоинством или без него, милосердным или жестокосердным, патриотом или предателем, законопослушным или уголовником и т.д. Бог нужен педагогике для того, чтобы воспитать целостного человека, который имел бы такую норму внутренней самодисциплины, которая позволяла бы ему оставаться человеком всегда при любых обстоятельствах. Чтобы он, человек, был в ответе перед Богом, частью мира Которого он является, или перед собой как перед Богом в себе.

Светская педагогика, во многом еще не осознавшая разницу между светским образованием и советским (воинственно-атеистическим), вероятно, еще не скоро осознает свою ограниченность и придет к мысли и концепции целостного человека в педагогике. В этом отношении исламское образование (да и теологическое образование в целом) сегодня имеет самый лучший шанс оказаться впереди в создании истинной педагогической системы обучения и воспитания целостного человека.

#### **Список литературы:**

1. Мекерова М. Дж. Гносеологические грани мистического пути в арабо-мусульманской философии // Ислам в духовном пространстве Северного Кавказа: история, философия, социология. - Карачаевск, 2011. - С.252-261.
2. Мухаметшин Р. Джадидизм: время поиска новых подходов // Татарстан, 1995, № 9-10.
3. Хазиев В.С. История, философия, антропология и педагогика исламского образования новой России // Уфа. 2013.
4. Хазиев В.С. Познание абсолюта в средневековом арабо-мусульманском рационализме (учебное пособие) // Уфа. 2016 (в соавторстве с Хазиевой Е.В.).

### **ПОЭТИКА ВЕЩИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ РАССКАЗЕ («СТУЛ» НИНЫ САДУР)**

**Ханинова Р.М.**

*Россия, г. Элиста*

*Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова*

*E-mail: rhaninova@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассмотрена поэтика вещи на материале рассказа Н. Садур «Стул» в аспекте концепции В.Н. Топорова. Три круга вещного мира: одежда, вещи ближайшего окружения и первой необходимости, комната/дом проецируют взаимоотношения человека и вещи, определяют ак-

сиологические доминанты и константы мировоззрения персонажей рассказа писателя, демонстрируя драматизм их судеб.

**Ключевые слова:** современный рассказ, стул, зверь, ангел, поэтика вещи.

В. Н. Топоров, как известно, выделил в вещном мире человека три круга. «Одежда находится в непосредственном соприкосновении с человеческим телом, она его окружает (этимологически – поставлена о-круг (человека) <...> хранит его тепло, образуя первую, ближайшую зону иррадиации человеческого начала. Вещи ближайшего окружения и первой необходимости (стол, стул, постель, посуда, утварь и т.п.) образуют второй “вещный” круг, несущий на себе печать человеческого, а целое среды обитания – комната, дом – образует третий круг, обозначающий границу между внутренним и внешним пространствами деятельности человека» [1, с. 62].

В рассказе Нины Садур «Стул» (2012) уже с заглавия вводится вещь второго круга – ближайшего окружения и с печатью человеческого.

По словам В. Н. Топорова, «языковой тип имен вещей в ряде случаев поразительно тонко дифференцирует важное и неважное, первичное и вторичное, обязательное и факультативное, “свое” и “чужое” в мире вещей. Часто язык работает на той горячей грани, где возникают и/или используются вещи, едва поспевая за ними и пытаясь компенсировать ситуацию языковыми образованиями элементарных типов, ср. *стол – стлать, ложе – лежать (ложить), сиденье – сидеть...*» [1, с. 29].

Рассказ Н. Садур сразу начинается с вопроса: «Куда поставить стул?» [2]. Таким насущным вопросом задается старая героиня, безымянная, как и вторая героиня, ее дочь. Проблема в том, что все стены ее комнаты заставлены плотно. И в последующем перечне заявлен второй круг вещей: сервант, телевизор, шифоньер, диван-кровать, ножная машинка «Зингер». «Ни одного просвета. Но стул необходимо поставить. Стул не может стоять посреди комнаты. <...> Сегодня утром она увидела, стул стоит посреди комнаты, мешая ей ходить. Она стала думать, куда его поставить. За дверью был пустой кусок стены. Но тогда дверь открывалась не полностью и она не могла протиснуться ни в комнату, ни из комнаты. К серванту ставить было нельзя – закрывался доступ к будильнику. Ну не к телевизору же?! К шифоньеру то же самое – доступ закрывался. Можно было поставить к окну, а тогда невозможно подойти к нему вплотную и подглядывать из-под шторы, посмеиваясь над его несуразностями.

Не могло быть и речи, чтобы вынести его в коридор или поставить в любые другие три комнаты» [2]. Так выясняется пространство третьего круга – комната не одна, есть еще три другие. «Богато обставленные, гордые, они пугали её какой-то безжизненностью. Так они и были безжизненны, ведь в них никто не жил! Она и не заходила в них. Только один раз, взять себе этот стул. Она еще тогда сказала”: Ну зачем нам такой большой стол и шесть стульев?” “У меня будет семья, у нас будут гости!” – ответили ей. Она встревожилась и забрала один стул себе. Теперь, по праву, он был её. Он принадлежал этой комнате со старой облупленной мебелью, сломанной ножной машинкой “Зингер” и окном в мир» [2].

Жизненное пространство старой женщины сузилось до одной комнаты и окна, а семья из двух человек – матери и дочери – умалилась до одной матери. Дочь в буквальном смысле постепенно была выжита матерью из второго круга и из третьего круга. Они сильно ругались по разным поводам: из-за одежды матери, не похудевшей, как говорила она, а из-за старости растянувшейся юбки, по уточнению дочери; из-за материнской еды, от которой она поправлялась, но дразнила дочь предложением вредной еды или нарочитым вопросом, можно ли съесть кусочек селедки; из-за слова «тубаретка», которое мать настойчиво произносила, чтобы позлить дочь; из-за мужа и любовника дочери, которые не выдержали «осады»; из-за возврата матерью дочерних подарков, упрекнувшей при этом ее в расточительности.

Показателен эпизод с «тубареткой». «Ещё она говорила: “Подвинь тубаретку”. “Во-первых, это стул, – начинала дочь дрожащим голосом, – вторых, табурет”, – заканчивала визгом. “Тубаретку подвинь”, – повторяла она, дослушав рыдание в голосе дочери. И ей становилось легче на душе. Когда-то она чуть не стала актрисой и детским врачом с белокурой коронкой на изящной головке. Но теперь она не хотела быть ни красивой, ни культурной, интеллигентной женщиной. Её увлекали простота и доступность её желаний. А дочь этого не понимала» [2].

Табурет – сиденье без спинки и подлокотников, но мать нарочно называет стул просторечным, искаженным словом «тубарет», понимая, что дочь будет злиться, зная, почему так переименован стул.

Неизвестно, кем по профессии была в прошлой жизни мать, но и в прежней, и в теперешней она манипулировала дочерью. «В малолетстве дочь была её рукой. Этой рукой она ощупывала мир. Сама боясь к нему приближаться, она посылала дочь в самые жгучие места... “Ну, что они тебе сказали?” – спрашивала она ласковым голосом и жадно вникала в детские запинки» [2]. И если в детстве девочка не понимала материнских каверз, то с возрастом реагировала на них, нервничая, с криком, что только развлекало мать. «Дочь кричала, а ей становилось весело» [2]. Особенно, когда дочь рыдала. Мать говорила дочери, что новый мужчина, который к ней ходит, – вор и обманщик. «”Ну какой же он вор! – кричала дочь. – Он научный сотрудник!” “Он украл мои ложки!” – парировала она. “Вот твои ложки! – рыдала дочь. – Ты ими съела моего мужа, теперь подбираешься к моему любовнику!”» [2].

Этот диалог демонстрирует, как мать добивается разрушения семейной жизни дочери, выдумывая несуразные обвинения в воровстве домашних вещей – ложек, обыкновенных, даже не серебряных. В подтексте это стремление матери уравнивать свою судьбу с дочерней судьбой по неизвестным причинам: то ли она была разведена с мужем, то ли родила ребенка для себя, когда его отец отказался быть с ними, в любом случае она сводит счеты с единственной дочерью, видя в ней источник своей жизненной неудачи. Недаром у дочери нет детей, а у ее матери – внуков.

«А однажды дочь отстала. Каверзы больше не кололи её, и в засады она не попадалась. И когда она нарочно спрашивала: “Можно мне кусочек селедки?” – дочь отзывалась бледным голосом: “Тебе можно всё”» [2]. Сло-

во «всё» – форма определительного местоимения «весь», но в контексте субстантивируется, овеществляется и превращается в существительное. Иначе говоря, мать может теперь делать и говорить, что хочет, дочь уже смирилась с домашним деспотизмом.

Градация в изменении звуковых регистров дочери – от крика, визга, рыдания до бледного (то есть безразличного, равнодушного) голоса, затем молчания – показывает эволюцию отношений родных людей, все более отчуждающихся друг от друга.

Появление слова «засады» характеризует ситуацию охоты, где мать – охотница, а дочь – отслеживаемая постоянная дичь. От того, что к этой дичи со временем присоединялись другие объекты охоты, для охотницы-матери ничего не меняло. Главной жертвой оставалась дочь. Когда та пыталась найти общий язык с матерью, купив ей красивое, удачно скрадывающее полноту платье, флакон духов и брошь-цветок, это ничего не изменило, потому что не было диалога, а были вещи личного пользования, которые могли украсить безрадостную жизнь. И мать вернула с упреком: «Это для меня чересчур. Не трать такие деньги» [2]. Это переполнило чашу терпения. «В лице дочери мелькнула тень. Похожая на зверя. Но таких зверей на земле не бывает. Она проверяла. Она искала его у Брэма. Она его видела раньше. Видимо, во сне. Она восхищалась своими фантазиями. И тут удивилась: фантазия – зверь – воплотилась в реальности, мелькнув в лице дочери тёмной быстрой тенью» [2]. Символика тени в контексте сюжета – вторая, оборотная сторона личности дочери. Темная сторона, которую она подавляла долгие годы, вырвалась из глубины, но тут же исчезла: поэтому автор акцентирует быстроту появления и исчезновения тени. Казалось бы, эпитет «тёмный» по отношению к понятию «тень» избыточный, поскольку тень сама по себе не прозрачна, это отражение, другое «я» или душа. По К.Г. Юнгу, тень – примитивная и инстинктивная стороны личности. В подтексте рассказа Н. Садур – это, во-первых, тень зверя, во-вторых, проявление инстинкта самозащиты со стороны загнанной матерью дочери, когда зверь пытается огрызаться, чтобы спастись.

Ситуация охоты подразумевает динамику преследования – погони, добычу зверя как триумф охотника. «Охотник – это архетипический персонаж, символизирующий поиск мимолетных ощущений и пути собственного спасения, а также постоянного движения во имя сохранения силы воли...» [3, с. 313].

Иммунитет дочери исчерпан. «С того дня дочь стала как-то исчезать, растворяться, пока не исчезла совсем. Ей рассказывали, что дочь видели – как она роется в помойках, её едва узнали. Но и там, неузнаваемая, она постепенно таяла, таяла и растаяла совсем.

И она про дочь забыла» [2].

Детали исчезновения дочери показательны: мать перестала обращать на нее внимания, потому что пропал азарт охоты – жертва сдалась, смирилась, уже не интересна, как добыча. И дочь вышла из третьего круга – из комнаты, из дома, где она никому не нужна. Внешний мир также враждебен

к той, которая потеряла смысл жизни. Соседство помойки в этом плане символично. Дочь стала отработанным сырьем, никчемной вещью.

Семантически значимым является и первый вещный круг в рассказе – одежда матери: юбка и два платья, которые она постоянно расставляет, так как поправляется и не вмещается в прежние вещи. Эта трансформация одежды – знак деформации ее носителя. Поэтому мать отказывается от дочерних подарков, которые могли бы украсить ее, сознавая бесполезность таких усилий.

Второй вещный круг в жизни главной героини связан с ее «утекающей» жизнью – старая облупленная мебель, сломанная ножная машинка, на которой она не умела шить. Героиня пытается вспомнить, где стоял стул до того, как она не наткнулась на него. И не могла вспомнить. Захотела смеяться, как смеялась всегда, когда ей было страшно, и не смогла. Впервые появляется в тексте слово «мука» с определениями – настоящая, накопившаяся и пламенная мука. Расшифровки нет. Но можно увидеть этот шифр в подтексте. «Она была хитра и решила просто сесть на стул. Чтоб он не был таким пустым. Сесть на него» [2]. Стул стал символом пустоты в жизни главной героини рассказа. Поэтому она подсознательно пытается заместить эту пустоту, скрыть ее. «Да что же я встать-то не могу? – опять с шуткой в голосе произнесла она. – Мне ведь нужно поставить стул» [2]. Туда, где не может ей мешать. Стул теперь в центре комнаты, мешает ей ходить. А теперь она и встать не может с диван-кровати. Ее жизненное пространство умалется до одной вещи, доступной ей. Эта вещь также семантически и символична: это трансформер – диван и кровать одновременно, в собранном и раскладном виде. Она в том же значимом для понимания идеи произведения ряду: трансформация вещного мира, семьи, жизни.

Впервые в рассказе Н. Садур у главной героини искренние эмоции – слёзы. Именно тогда она увидела в комнате семилетнюю девочку, в которой узнала себя. И вспомнила свое детство, когда ослепла из-за голода, и тогда, «в ослепленном мире, впервые мелькнул этот зверь. Она вся оледенела от его небывалого вида. Но зверь стал смешно подпрыгивать, и она вначале улыбнулась, а потом рассмеялась – зверь рассмешил слепого ребёнка, девочку семи с небольшим лет, и она подумала: “Вот, я, слепая, а у меня открылась богатая фантазия”. А потом и зрение вернулось, и фантазия осталась с ней. Зверя она больше не видела, но смешные прыжки ощущала часто и поэтому много смеялась» [2]. Смех становился защитной реакцией на страх жизни. А первоначальный свет восхищения жизнью исчез.

И вот теперь старая женщина увидела свет восхищения в глазах девочки, стоящей перед ней, с огненными крыльями. «”Значит, у них наши лица, – поняла она, – наши, когда мы были первоначальными детьми. До ослепления. Теперь всё. Всё будет. Всё будет правильно”, – поняла она» [2].

Мотив слепоты, как отсутствия зрения, потери жизненных ориентиров и ценностей, становится маркером жизненного пути главной героини. Она смотрела, но не видела.

Цвет крыльев девочки-ангела – не белоснежные, а огненные – семантически окрашен. Это солнечная символика пламени с концептами жизни и

здоровья, духовной энергии, очищения. «Пройти через огонь – означает прийти к равновесию внутри самого себя» [3, с. 297-298].

«И ангел взял стул и поставил его на место.

– Спасибо, – прошептала она и закрыла глаза с восхищением» [2].

Возвращение к детству, когда дети – ангелы, потому что безгреховны, восхищены миром, возвращение к истокам жизни, завершает повествование Н. Садур. Умирая, старая женщина, прозрела, поняла, что многое в ее жизни было неправильно.

Характерна эта неопределенность в отношении стула, который ангел поставил на место. На какое? На прежнее? На другое?

Характерна благодарность умирающей героини: стулу нашлось место, которое его хозяйка не нашла при жизни.

По словам В.Н. Топорова, «”человеческое” в вещи – в той ауре духовности и душевности, которыми человек добровольно и свободно делится с вещью, как бы умаляясь и снисходя к ней. Условия соглашения определяются самим актом передачи “человеческого”: вещь выигрывает в том отношении, что “заражается” человеческим, приобретая новое “вневещное” измерение помимо исходного фонового “вещного”, человек выигрывает в том, что распространяет “человеческое” и вне себя с тем, чтобы и вещь могла теперь свидетельствовать о нем и с большим правом включиться в процессы формирования ноосферы» [1, с. 29].

Стул в рассказе Н. Садур свидетельствует о взаимоотношениях людей, утративших духовное и душевное, разрушающих себя и окружающий мир. Вещь переживает человека. Стул как сиденье для коммуникации людей теряет в контексте произведения современного писателя прямую свою функцию, выявляя отсутствие связи вещи с человеком.

Таким образом, три вещных круга в мире двух героинь рассказа Н. Садур манифестируют их место и значение в жизни людей, семантику и символику, аксиологию мира людей и вещей.

### **Список литературы:**

1. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 7-111.

2. Садур Н. Стул // URL: [http://www.medved-magazine.Ru/articles/article\\_970.html](http://www.medved-magazine.Ru/articles/article_970.html) (дата обращения 7.11.2017 г.).

3. Кирло Х. Словарь символов. – М.: Центрполиграф, 2007.

## ПРОЗЕЛИТИЗМ И БОРЬБА ЗА РАСШИРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Хасанова А.Г.

Россия, г. Уфа

Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: amina.khasanova.2016@mail.ru

**Аннотация.** В статье освещены межконфессиональные отношения, порождаемые прозелитизмом – стремлением религиозной общины обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели. Автор приводит и обобщает достаточно богатый фактический материал, отражающий непростое взаимодействие между традиционными и нетрадиционными религиозными центрами. Анализируется борьба за расширение влияния религиозных объединений на современном этапе.

**Ключевые слова.** Прозелитизм, конфликт интересов, конфессия, религия, Башкортостан, ЦДУМ (Центральное духовное управление мусульман), Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ), Духовное управление европейской части России (ДУМЕР), православие, ислам, иудаизм, нетрадиционные религии.

Республика Башкортостан – субъект очень уникальный, он многонациональный и многоконфессиональный. «Более 130 национальностей проживает на территории четырехмиллионной республики. Всего в настоящее время на территории Республики Башкортостан действуют семь религиозных центров, 1363 религиозных объединений различных конфессий» [8].

В Башкортостане самыми влиятельными религиозными направлениями являются ислам и православие, их объединения составляют 86% от общего количества религиозных организаций: около 67% – ислам, 19% – православие. Остальные религиозные объединения, в основном протестантского толка, составляют около 11%. Сегодня же в республике действует более 800 мусульманских религиозных организаций, 250 приходов Русской православной церкви [1, с. 20].

В условиях демократизации общественных отношений религиозная ситуация в Республике Башкортостан, особенно конфессиональные отношения претерпевают значительные изменения. Заметен общий рост религиозности, выраженный в увеличении числа приходов и строительстве культовых зданий, наблюдаются перераспределение верующих между конфессиями, их переток из традиционных религиозных объединений в нетрадиционные. Особое распространение получает прозелитизм. Это не только переход от одной религиозной принадлежности к другой, но и стремление религиозных общин и центров за расширение сферы своего влияния.

Хотя Республика Башкортостан считается стабильным регионом в области межконфессиональных и межнациональных отношений, определенный религиозный конфликт интересов все же имеет место.

Проблема прозелитизма остается актуальной по сей день в религиозной жизни всего мира. Не обошла эта проблема Россию и Башкортостан.

Ежегодно несколько десятков русских принимает ислам в результате духовных исканий или смешанных браков, однако еще больше этнических мусульман сегодня становятся христианами по этим же причинам. Подобные случаи смены веры не являются следствием целенаправленной деятельности РПЦ или традиционных мусульманских центров России и не осложняют межрелигиозных отношений. Для традиционных религий первоочередной задачей является возрождение религиозной духовности в своем собственном пространстве, и очевидно, что отказ от взаимного прозелитизма является одним из важнейших условий добрососедского взаимодействия разных религиозных центров, особенно православных и мусульманских центров.

Несмотря на толерантные отношения прозелитизм нередкое явление в отношениях между Русской Православной Церковью и Центральным духовным управлением мусульман и Духовным управлением мусульман РБ. Каждый из центров с целью распространения своего влияния на другие общины проводит соответствующую проповедь. Есть случаи перехода татар и башкир в православие, но об этом в Уфимской Епархии стремятся замалчивать.

Например, в райцентре Бакалы сконцентрировано несколько деревень православных татар, часть богослужений проводится по-татарски. Проповеди ведутся среди марийцев, мордва и чувашей. Существуют целые приходы, где представители этих народов составляют большинство. Уфимская Епархия специально издала Евангелие и каноник на чувашском языке. Переход от одной конфессии в другую особенно заметен среди женщин. В первую очередь нужно отметить переход в православие женщин, которые выходят замуж за русских и скрывают факт принятия православия даже от своих родных и близких. Факты перехода русских девушек в ислам тоже нередки, в результате брака с мусульманами.

В Башкортостане не было ни одного случая перехода русских и представителей других национальностей в иудаизм. Иудаизм остается национальной религией еврейского народа. Главный раввин Башкортостана Дан Кричевский считает: «Если человек хочет сменить религию, значит, он раньше не был религиозным человеком. Тем более что сама по себе смена религии не означает, что он станет каким-то образом ближе к Богу, чем был до этого. Тора не делит людей на евреев и не евреев. Тора учит, уважайте друг друга, любите, друг друга, помогайте друг другу»[5].

Среди татар и башкир заметным явлением стал переход в пятидесятничество и евангелизм. Татары и башкиры также становятся последователями новоапостольского учения, также нередки случаи перехода к мормонам и иеговистам. По сообщениям председателя религиозной организации Свидетели Иеговы, особо прилагаются усилия распространять литературу на татарском языке среди татаро-язычного населения. Впервые появилась группа по изучению Библии на татарском языке. С желающими узнавать больше проводились курсы по бесплатному изучению Библии на дому. Тайно на турбазе «Авангард» под Уфой гражданин Швейцарии Дон Маккери прово-



дил трехдневный семинар по вопросам христианизации мусульманской части населения республики. На этом мероприятии присутствовали в основном лица башкирской и татарской национальности. Прозелитизмом здесь занимались приверженцы религиозных течений типа «Церковь Христа» из Башкортостана, Татарстана, из городов Чебоксары, Кургана, Челябинска, всего более 70 человек [6, л.8]. Лидеры обоих мусульманских духовных управлений обеспокоены этим, но ничего поделать не могут (так как, по закону все религии пользуются одинаковыми правами и невозможно ограничить их влияние на мусульманское население республики).

Процесс государственной регистрации религиозных организаций, проводимой Министерством юстиции Республики Башкортостан в соответствии с Законом Республики Башкортостан «О свободе совести и вероисповедания в Республике Башкортостан» показал наличие тенденций к изменению существующего баланса между религиозными центрами, действующими в республике. Наиболее остро стоял вопрос в мусульманских религиозных объединениях, которых насчитывалось в республике 888 входящих в состав двух духовных управлений. На территории Республики Башкортостан находилось 226 мечетей, относящихся к ЦДУМ России, 309 мечетей относящихся к ДУМ РБ [1, с.3-4].

В последние годы особую напряженность создает внутриконфессиональный прозелитизм. Верховный муфтий Талгат Таджуддин, руководитель ЦДУМ и муфтий Нурмухаммат Нигматуллин, руководитель ДУМ РБ вели активную работу по укреплению и расширению своих организаций, стремясь, в то же время ослабить позиции друг друга. Духовное управление мусульман Республики Башкортостан проводило активную работу по инициированию перехода местных мусульманских религиозных организаций из подчинения ЦДУМ к себе. В соответствии с гражданским законодательством и уставами местных религиозных организаций изменение их подчинения возможно только по согласованию с органом управления централизованной религиозной организации. Между тем ни ЦДУМ, ни ДУМ РБ согласия своего на переход не дают.

В то же время аналогичную деятельность с целью расширения своего влияния проводят и иные мусульманские духовные центры, в первую очередь - ДУМЕР, возглавляемое муфтием Равилем Гайнутдином. Как видно из названия, территория деятельности ДУМЕР находится на канонической территории ЦДУМ, что привело к конфликту между этими крупными духовными центрами. Под эгидой ДУМЕР в противовес ЦДУМ был создан Совет муфтиев, также возглавляемый Р. Гайнутдином. По данным ДУМЕР, оно объединяет 151 мусульманскую общину на территории 21 субъекта Российской Федерации. Между тем ЦДУМ объединяет 1274 религиозных организаций в 24 субъектах Российской Федерации, в том числе 7 приходов в дальнем зарубежье [3, с. 143]. Необходимо отметить, что предусмотренное законодательством требование религиозным организациям представлять подтверждение о вхождении в централизованную религиозную организацию для государственной регистрации, вынуждает религиозные организации определяться со своей принадлежностью к какому-либо центру. Эти

обстоятельства создают наиболее благоприятный момент для ведения агитации и привлечения в свои структуры новых приходов.

В данных условиях методы, используемые духовными управлениями при проведении агитации по привлечению религиозных организаций, не отличались корректностью - использовали подтасовку фактов и распространяли слухи, вплоть до дискредитации служителей культа. Большое значение для распространения сферы влияния имеет реальное финансирование или хотя бы его перспективы.

Министерство юстиции Республики Башкортостан предлагало председателям обоих духовных управлений не препятствовать волеизъявлению прихожан и согласовывать выход приходов из своей структуры. Однако, дав свое предварительное согласие, Т. Таджуддин на практике не разрешил ни одному приходу выйти из структуры ЦДУМ[4, с.35,36]. Сложившаяся ситуация вела к возрастанию напряженности во взаимоотношениях действующих духовных управлений и появлению религиозных организаций, не желающих входить в состав этих управлений. Так, в Министерство юстиции Республики Башкортостан неоднократно обращались руководители мусульманских религиозных организаций, имеющих намерение зарегистрироваться в структуре ДУМЕР или Совета муфтиев. В случае с мусульманскими религиозными организациями это чревато созданием в республике еще одного духовного управления мусульман, руководимого из Москвы. Такая перспектива крайне негативно оценивается руководителями обоих духовных управлений. Правда, ДУМ РБ полагает, что поддерживаемый им ДУМЕР не пойдет на такой шаг, однако обратившиеся религиозные руководители уже имели предварительное согласие Р. Гайнутдина. В числе таких религиозных организаций, помимо приходов, медресе им. Марьям Султановой и газета «Рисалет».

Наличие двух мусульманских центров создавало определенные неудобства для органов государственной власти, организаций, которые хотели бы оказать конкретную помощь в строительстве и содержании зданий мечетей, вносит неразбериху, особенно при совершении хаджа, направлении своих посланцев на учебу. Ни Талгат Таджуддин, ни Н. Нигматуллин не ставят вопросы о слиянии двух духовных центров. Каждое духовное управление мусульман самостоятельно проводит свою религиозную жизнь. Этот вопрос не обсуждался даже при встречах с руководством республики. Возникла необходимость соблюдения паритетности, равного отношения к обоим духовным управлениям. Поэтому высказывались мнения о целесообразности иметь в республике одно духовное управление. Со стороны Т. Таджуддина были неоднократные инициативы о вхождении ДУМ РБ в состав ЦДУМ, но сторонниками ДУМ РБ отвергается даже сама мысль о таком способе объединения мусульманских организаций. Скорее, они хотели вхождения всех мусульманских религиозных центров в состав ДУМ РБ, или оставить все, как есть, сохранив право самих местных мусульманских организаций вхождения в тот или иной центр[2, с.2-3].

Проблемы прозелитизма существуют и в христианских конфессиях и деноминациях. Особую активность здесь проявляют из Татарстана пасторы

христианской веры евангельской пятидесятников под названием (ХВЕП). Были предприняты попытки зарегистрировать церкви пятидесятников в г. Уфе и г. Октябрьском, как входящие напрямую в Союз христиан веры евангельской в России, причем подтверждения Союза ХВЕП были получены через епископа Татарстана Евчика. Необходимо отметить, что руководство таких деноминаций, как евангельские христиане-баптисты и христиане веры евангельской в подавляющем большинстве состоят из граждан и бывших граждан Армении. [1, с.20].

Активно ведет прозелитическую деятельность зарегистрированная религиозная организация «Свидетели Иеговы», но их действия вызывали и вызывают недовольство у населения. Было несколько жалоб от граждан и управления народного образования г. Учалы и Министерства народного образования республики на деятельность о незаконном вовлечении малолетних детей в религиозную организацию вопреки их воле. [4, с.13].

Таким образом, религиозные объединения стремятся закрепить свой статус и реально существующее соотношение сил. Немало усилий прилагают для расширения и укрепления своего положения. Это отражается и в миссионерской деятельности, прозелитизме, и незаконном вовлечении детей в религиозные организации вопреки их воле. Укрепляют материальное положение, строят храмы, молитвенные дома за счет пожертвований и спонсорской помощи. Постепенно они добиваются упрочения своего положения. Все это, конечно является результатом государственной политики по отношению к религиозным организациям. Государство не только признает право религиозных объединений на коммерческую деятельность, но и помогает в строительстве и реставрации. Общеизвестно, что самые известные храмы и мечети строились на государственные средства. В республике созданы равные условия для всех зарегистрированных религиозных объединений.

#### **Список литературы:**

1.Информация о религиозной обстановке и государственно-конфессиональных отношениях в Республике Башкортостан на 1 января 2005 года. Совет по делам религий при КМ РБ.

2.Информация об особенностях религиозной ситуации, взаимоотношениях органов государственной власти в РБ в 2000 г.//Совет по делам религий при КМ РБ.

3.Мухин А. Религиозные конфессии и секты. М.: Изд-во Алгоритм,2005.

4.Переписка Совета по делам религий при кабинете министров Республики Башкортостан с другими организациями.// Текущий архив Совета по делам религий при КМ РБ за 1999 г.

5. Рисалет. 2006. № 1 (92).

6. ЦГИА РБ Ф.Р.- 4732.Оп.1.Д.54

7. ЦГИА РБ Ф.Р.- 933.Оп.1.Д.65.

8. <http://ufa1.ru/text/person/212600.html>

## ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСТВА В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

**Хасбулатова З.С.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: hasbulatova @list.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются философские аспекты развития творчества в естествознании, дается определение творчества с периода античной философии, когда творчество выступает в двух формах а) как божественное – акт рождения (творения) космоса и б) как человеческое (искусство, ремесло). Приводятся данные, что в философии конца 19 - 20 веков творчество рассматривается, прежде всего, в его противоположности механически-технической деятельности.

**Ключевые слова:** философия, научное и художественное творчество, техника, естествознание, педагогическая деятельность.

В течение тысячелетий ум человеческий пытался понять себя в своем наиболее ярком выражении – творчестве.

Творчество свойственно лишь человеку. Только человек творит, приводя в движение мышление, воображение, память, чувства, создавая, в своем сознании понятия и образы не существовавших в природе явлений и воплощая идеи в жизнь. Все что сделано, создано людьми во всех отраслях жизни, есть результат их творческих усилий [1].

В древнегреческой мифологии Аполлон был богом рассудка, здравого смысла, порядка, ясности, логики. Дионис был богом безрассудства, воображения, творчества – всего хаотического и необузданного, что есть в человеческой натуре. В одной из трагедий Эврипида поклонник Аполлона непочтительно отозвался о Дионисе и был тут же разорван на части разъяренными вакханками. Так в аллегорической форме был выражен взгляд, согласно которому разум и творчество противостоят друг другу [2]. Специфика античной философии, как и античного мировоззрения, в целом, состоит в том, что творчество связывается в ней со сферой конечного, преходящего и изменчивого бытия вечного, бесконечного и равного себе.

Творчество при этом выступает в двух формах:

- а) как божественное – акт рождения (творения) космоса и
- б) как человеческое (искусство, ремесло).

Для большинства древних мыслителей характерно убеждение в вечном существовании космоса. Греческие философы различных направлений утверждали:

- Гераклит с его учением о подлинном бытии, как о вечности изменения.
- Элеаты, признавшие лишь вечно неизменное бытие;
- Демокрит, учивший о вечном существовании атомов;

- Аристотель, доказывавший бесконечность времени тем самым, по сути, отрицавший божественный акт творения.

В философии конца 19 - 20 веков творчество рассматривается, прежде всего, в его противоположности механически-технической деятельности. При этом если философия жизни противопоставляет техническому рационализму творческое биоприродное начало, то экзистенциализм подчеркивает духовно-личностную сущность творчества. В философии жизни наиболее развернутая концепция творчества дана Бергсоном. Творчество, как непрерывное рождение нового, составляет по Бергсону, сущность жизни; творчество есть нечто объективно совершающееся [3].

А Эйнштейн видел общность труда ученого и художника не только в общности их познавательной задачи, но и в общности, точнее универсальности творческого мышления. В «Сократовском диалоге» он писал: «Все здания научной истины можно возвести из камня и извести ее же собственных учений, расположенных в логическом порядке. Но, чтобы осуществить такое построение и понять его, необходимы творческие способности художника» [4].

Наиболее последовательно вопросы диалектики науки и искусства в педагогической деятельности ставил К.Д.Ушинский, который склонялся к определению педагогической деятельности как науки и искусства. Много размышлял над этой проблемой П.П. Блонский, считавший, что умение, талант и теоретические знания одинаково нужны воспитателю. П.П. Блонский писал: «Лишь идея, а не техника и не талант, может быть сообщена одним лицом другому, и потому лишь в виде известных идей, то есть в виде теоретической науки, может существовать педагогика» [5]. Позднее мысль о единстве науки и искусства в педагогическом труде неоднократно высказывалась А.С. Макаренко о педагогической технике, представляющей синтез теоретических знаний, практических умений и таланта воспитателя. Причем и педагогическая техника и педагогическое мастерство рассматривались А.С. Макаренко как творческое начало в труде воспитателя [6].

Творчество издавна делят на художественное и научное. В процессе художественного творчества обычно выделяют три этапа: замысел, превращение замысла в обдуманый план, воплощение плана в материальную форму. Такое расчленение творческого процесса отражает его структуру лишь схематически. На самом деле жестко закрепленной очередности этапов не существует. Было бы неверно исходить из того, что последующий этап начинается лишь после завершения предыдущего. Каждый из этапов – необходимый и целостный компонент творческого процесса, но они постоянно проникают друг в друга, так что на стадии доработки могут быть внесены коррективы в первоначальный замысел. Результат работы художника всегда в какой-то мере неожидан для него самого и не может быть предсказан и «увиден» заранее. Все же рассмотрение отдельных этапов оправдано, так как основным этапом творчества соответствуют различные слагаемые законченного произведения; в литературе, например, - идея, тема, сюжет, композиция.

Точно такие же три фазы выделяют в работе изобретателя. Что же касается научно-теоретического творчества, то здесь придерживаются более сложного деления на этапы. В творческом процессе ученого вычленяют четыре стадии: подготовку, инкубацию, озарение и проверку. Иногда четвертой стадией считают не проверку, а доработку.

Следовательно, если этапы научного и художественного творчества и не совпадают полностью, то во многом сходны. Особенно это относится к подсознательным периодам инкубации и озарения, но есть сходство также между фазой замысла в художественном творчестве и формулированием задачи в научном.

На мышление ученого влияют и общественные потребности, и собственные тенденции и предпочтения. Несомненна также роль эстетического чутья.

В 1905 г. Вышла статья А. Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел». Многим биографам великого ученого казалось, что толчком, приведшим Эйнштейна к новым идеям, был «неудачный» эксперимент Майкельсона – Морли, не сумевших обнаружить эфирный ветер. Но другие биографы ученого настаивают, что истоки новых идей были не логической, а эстетической природы.

Для вычисления силы тока в проводнике, движущемся в магнитном поле, есть специальное уравнение. Если проводник неподвижен, а перемещается магнит, используется совсем другое уравнение. Между тем сила тока получается одинаковой в обоих случаях. Эта асимметрия оскорбляла эстетическое чувство Эйнштейна, и он показал впоследствии, что в рамках теории относительности обе задачи решаются с помощью одного и того же уравнения.

Сочетание эстетического чутья с острым аналитическим умом было главной особенностью физика-экспериментатора А. Майкельсона. Эйнштейн так и писал о нем: «Доктор Майкельсон был одним из величайших художников в мире научного эксперимента». Слово «художник» употреблено здесь не в переносном смысле. Да и сам ученый отдавал себе в этом отчет. В докладе «Анализ форм» он указал: «...эта тема требует от исследователя аналитического ума ученого, эстетического восприятия художника и образного языка поэта [7]. Не только эстетический вкус, но и фантазия, и воображение нужны в науке не менее, чем в искусстве. Американский физик Д. Рич утверждал, что в процессе работы порою думает так, будто сам он – электрон, или представляет себя лучом света, чье отражение нужно измерить. Но то же самое говорил японский художник Хокусаи: чтобы нарисовать птицу, нужно самому стать птицей.

Сочетание таланта художника, поэта и ученого в одном человеке в эпоху Возрождения было не таким уж редким. Леонардо да Винчи известен как ученый, инженер, изобретатель, художник, скульптор. Меньше говорят о нем как о музыканте и певце. Но и эта область отмечена печатью его могучей личности: Леонардо да Винчи считается первым певцом-тенором.

Ломоносов М.В. был не только ученым, но и поэтом. Литературная деятельность Ломоносова как поэта шла в ногу с его научными трудами. Вели-

чайший гений, он был искусен во всех видах и родах поэзии. «Поэтический талант М.В. Ломоносова поражал иностранцев: им казалось невозможным, чтобы один человек обладал столь разнообразными способностями. Долгое время в иностранных книгах писали о том, что в России было два Ломоносова: один химик, другой – поэт» [8].

Это довод в пользу того, что не следует решительно противопоставлять механизмы научного и художественного творчества.

Творческое решение проблемы нередко связано с неожиданным сопоставлением отдаленных явлений, внешне ничем как будто не сходных.

Вот как описал немецкий химик Ф. А. Кекуле свое открытие замкнутого углеродного кольца, т.е. циклической формулы бензола. «Я сидел и писал учебник, но моя работа не двигалась, мои мысли витали где-то далеко. Я повернул стул к огню и задремал. Атомы снова запрыгали у меня перед глазами. На этот раз небольшая группа скромно держалась на заднем плане. Мой умственный взгляд мог теперь различить целые ряды, извивающиеся подобно змее. Но смотрите! Одна из змей схватила свой собственный хвост и в таком виде, как бы дразня, завертелась перед моими глазами. Как будто вспышка молнии разбудила меня: и на этот раз я провел остаток ночи, разрабатывая следствие из гипотезы» [9].

Змея, ухватившая себя за хвост, и углеродное кольцо – далекие друг от друга объекты. Это и есть «сближение понятий». Каким образом происходит сближение понятий, какие именно понятия сближаются – это предстоит еще исследовать. Но несомненно, что сближение основано не на законах логики; именно здесь проявляются художественное чутье ученого, метафоричность его мышления.

Сила художественного проникновения в действительность может быть очень велика. Н.В. Добролюбов так писал об этом: «В литературе, впрочем, явилось до сих пор несколько деятелей, которые стояли так высоко, что их не превзойдут ни практические деятели, ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены так богато природою, что умели как бы по инстинкту приблизиться к естественным понятиям и стремлениям, которые еще только искали современные им философы с помощью строгой науки. Мало того: истины, которые философы только предугадывали в теории, гениальные писатели умели схватывать в жизни и изображать в действии» [10].

Художественное чутье не подменяет строгую науку, но в тех областях, где научный аппарат еще не проявил своей мощи, истинный художник может опередить научное исследование: «Интуиция является лишь сокращенным прыжком познания, за которым наука со своими доказательствами может плестись столетиями» [11].

В 1921 г. В романе «Хулио Хуренито» И. Эренбург вложил в уста американского дельца зловещее пророчество о применении против японцев нового оружия массового уничтожения. «Японцы меня часто спрашивают, - писал И. Эренбург, - почему в 1921 г., когда Япония была союзницей Америки, я написал, что новое смертоносное оружие американцы испробуют на японцах. Я не знаю, что им ответить. Почему в 1919 г., задолго до открытий

Резерфорда, Жолио-Кюри, Ферми, Андрей Белый писал:

Мир рвался в опытах Кюри  
Атомной лопнувшей бомбой  
На электронные струи  
Невоплощенной гекатомбой...

Может быть, такие обмолвки связаны с природой писателя?».

В 1905 г. А. Эйнштейн опубликовал теорию относительности. Одним из следствий этой теории является «парадокс часов», или «парадокс близнецов». Представим себе, что с Земли в сторону Альдебарана летит космический корабль субсветовой скоростью. Расстояние до Альдебарана примерно 50 световых лет. Дорога туда и обратно займет, следовательно, 100 лет, по нашим земным часам. Но на ракете все процессы будут протекать медленнее и космонавтам покажется, что путешествие продолжалось, скажем, только 10 лет. Именно таковы будут показания хронометров космического корабля и темп старения его экипажа. Вернувшись на землю, обитатели ракеты не застанут в живых никого из своих сверстников. Ситуация эта сжато и точно описана в стихотворении А. Блока «Моей матери», написанном за год до опубликования теории Эйнштейна:

Нам казалось: мы кратко блуждали.

Нет, мы прожили долгие жизни...

Возвратились – и нас не узнали,

И не встретили в милой отчизне.

Можно возражать против приписывания поэту мыслей, которых у него на самом деле не было. Но можно рассуждать и по-другому. Новые веяния возникают не сразу во всех сферах культуры, не одновременно, а сначала в одной какой-нибудь области. В современном мире наука и техника стали ведущим участком культуры, и новые идеи зарождаются именно здесь. Было время, когда идеи сначала возникали в живописи, литературе, в частности в поэзии, а потом уже становились достоянием и характеристикой эпохи. Даже если принять такой взгляд, то все же утверждения, что Блок «предвосхитил» открытие Эйнштейна, выглядит чересчур прямолинейным. Возможно, в этой строфе речь идет о субъективном сжатии времени, о том, что время ускоряет или замедляет свой бег в зависимости от насыщенности эмоционально значимыми событиями. Поэт выразил психологическую относительность времени, его субъективную неравномерность. Лишь в этом смысле можно говорить, что ученые и художники вынашивают сходные идеи, порожденные духом эпохи.

Характер таких «прозрений художника» все же остается невыясненным и необъясненным. В самом ли деле поэты «предвосхищают» открытия науки? Или все приведенные примеры – случайные совпадения? Надо подсчитать сбывшиеся пророчества, а также и ложные предсказания, о которых потом не вспоминают. Это позволило бы сопоставить вероятность и действительную частоту художественных прозрений. А пока таких подсчетов нет, сошлемся на А.М. Горького: «Бальзак, один из величайших художников... наблюдая психологию людей, указал в одном из своих романов, что в организме человека, наверное, действуют какие-то мощные, неизвестные



науке соки, которыми и объясняются различные психофизические свойства организма. Прошло несколько десятков лет, наука открыла в организме человека несколько ранее неизвестных желез, вырабатывающих эти соки – гормоны – и создала глубоко важное учение о внутренней секреции. Таких совпадений между творческой работой ученых и крупных литераторов – немало» [12].

Цитаты и ссылки на самые авторитетные источники не имеют, конечно, силы экспериментальных или хотя бы статистических доказательств, и все же совпадения, о которых пишет А.М. Горький, представляют интерес для исследователей творчества.

Из всего сказанного выше можно заключить, что при изучении творческого процесса противопоставлять и отрывать механизмы научного и художественного творчества нельзя.

Современное педагогическое образование основной своей целью рассматривает создание условий для творческого развития школьников, открытия ценностей культуры и мира, обретение личностных смыслов.

#### **Список литературы:**

1. Лихачев Б.Т. Теория эстетического воспитания школьников. – М., 1985, – С.99-100.
2. Творчество как принцип антропогенеза / Ин-т философии РАН – М., 2006, – С. 22-23.
3. Лук А.Н. Психология творчества. – М., 1978, – С.4-5.
4. Сорокин Б.Ф. Философия и психология творчества./ Научно-методическое пособие для аспирантов и молодых преподавателей. – Орел, 2000, –С. 7-14.
5. Блонский П.П. Курс педагогики. – М., 1916, – С.4.
6. Кан-Калик В.А Педагогическая деятельность как творческий процесс. – Грозный, 1976, – С. 24-31.
7. Джефф Б. Майкельсон и скорость света. – М., 1963, – С.146.
8. Кудрявцев Б.Б. Михаил Васильевич Ломоносов. Его жизнь и деятельность, – М., 1949, – С. 82.
9. Быков Г.В. Август Кекуле. – М., 1964, – С.118.
10. Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве. Собр. соч. в 9 томах, т.6. – М.-Л., 1963, – С.309.
11. Михозлс С. Статьи, беседы, речи. – М., 1964, – С.335.
12. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. – М., 1961, – С.304-305.

## РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ Р. ФАХРЕТДИНОВА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ БАШКИРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Хужахметов А.О.

Россия, г. Уфа

Башкирский государственный университет

E-mail: khuzha@mail.ru

**Аннотация.** Творчество Р. Фахретдинова способствовало тому, что он стремился направить энергию мусульманской интеллигенции в русло прогрессивных реформ, избегая крайностей. Ему удалось способствовать мусульманским народам региона образованию интеллектуальной элиты.

**Ключевые слова:** проза, рассказ, поэтика, сюжет, художественный образ, «булгарская идентичность», Ислам.

Проза Р. Фахретдинова была новым явлением в башкирской литературе конца XIX в. как по содержанию, так и по форме. В своих произведениях писатель не ограничивается изображением одного события из жизни своих героев, раскрытием какой-нибудь одной их черты. Сюжеты его произведений состоят из ряда эпизодов, рассказов, охватывающих значительный период жизни героев. В них преобладают хроникальное начало, более сложная духовная эволюция главных героев, заметно ощущается голос самого повествователя. Через своих героев автор стремится поставить и решить такие важные проблемы своего времени, как приобщение народа к передовой европейской культуре, распространение светских знаний, воспитание высоких моральных качеств, эмансипация женщины, установление справедливости и равенства между людьми. Но он не поднимается до показа жизни героев через общественно-исторические обстоятельства, до глубокого проникновения в социальный смысл жизненных явлений и широкого их обобщения.

«Для Фахрулдинова художественные образы, как и для Гаспринского, служат только орудием пропаганды реформаторских идей возрождающегося мусульманства. Они никогда не были профессиональными беллетристами, но первым учителям нового метода приходилось пользоваться всеми приемами литературного искусства для того, чтобы воздействовать на погруженные в крепкий сон мусульманские головы. У них, особенно у последнего, мысль никогда не остается в тесных рамках художественных образов; автор “Салимы” и “Асмы” местами совсем забывает свою роль рассказчика и романиста и, обращаясь непосредственно к читателю, превращается в оратора или проповедника» [4, с. 88].

В «Салиме» перед Р. Фахретдиновым, как мыслителем и теологом-философом, стояла задача воссоздать образ просвещенного молодого человека-мусульманина без отнесения его к какой-либо национальности, космополита по воспитанию и образованию. При этом он интеллигент, который должен вобрать в себя знания не только в области гуманитарных наук, но и естественных. Изучению языков писатель отводит особую роль: чем больше

языков личность знает, тем больше он глобализируется, становится «человеком мира», мыслящим «наднационально». «Р. Фахретдинов, в отличие от многих богословов своего времени, выступал за новометодные формы обучения – джадидизм. Он не был противником кадимизма, отстаивавшего старые формы обучения, ориентированные на религиозную догматику и схоластику» [3, с. 163]. У Фахретдинова, взявшего на вооружение идею «булгарской идентичности» [1], начало пути молодого шакирда в сюжете лежит с города Казани – он в тексте представлен как центр просвещенного мусульманского мира, столицей образованных и энергичных, предприимчивых представителей из числа правоверных. Казань, символ и наследница древнего Булгара, географически расположен между Европой и Азией, соединяя в себе положительные стороны и той, и другой цивилизационной парадигмы. «...Желая сблизить родственные тюркские народы [татар и башкир. – Прим. авт.] и, вероятно, желая облегчить их жизнь в условиях полукOLONИАЛЬНОГО существования в России, [Р. Фахретдинов. – Прим. авт.] предлагал всем им называться одним этнонимом – татары... Этот факт, говорящий об уважении к татарскому народу, к его предприимчивости и жизненной энергии, в то же время не свидетельствует о национальности Фахретдинова... По официальным документам архивов, Р. Фахретдинов был башкиром» [3, с. 164]. После рассказа «Казань» идет эпизод «Материнское благословение», в котором автор не только дает характеристику матери шакирда, а продолжает линию о женщинах Казани, органично соединяя ее с линией о такой же современно мыслящей матерью юноши, которая, не побоясь, отправила сына получать образование далеко от дома. Существенно, что благословение сыну дает не отец, а мать. Автор с самого начала вводит в сюжет события, связанные с ролью женщины в мусульманском обществе, делает акцент на том, что шакирд с детства воспитывался в традициях уважения и почтения к женщинам.

Будучи в Казани, шакирд скучает по бескрайним родным просторам близ Уфы, встречу с которыми он жаждет, хочет ощутить во рту вкус кумыса, послушать звуки курая. Открывшаяся картина Казани и переход к описанию родины – деревни Куян – в сюжете не случайны: автор с самого начала диктует читателю мысль о неразделимости этих краев, связанных и исторически, и экономически, и культурно. Потенциально создается громадная панорама происходящих по ходу развития событий в произведении. Рассказ «Ученичество» повествует о десяти годах учебы в медресе, об усердии шакирда, достигшего успехов в приобретении знаний. С окончанием медресе образованный шакирд выходит гражданином мира, ему хочется побывать в Турции, Египте, Китае, Японии.

Название парохода – «Государь» – выбрано также не случайно, объясняя верноподданнические настроения юноши и общества того времени. Его друзья – влиятельные буржуа, сыновья казанских баев, под стать самому герою: идеальны во всем. Так создается схема, лежавшая в основе гармоничной личности мужчины: религия, несшая свет образования и воспитания, нравственности (ислам); верноподданнические чувства в отношении царя – гаранта миропорядка и закона (самодержавие); родные и близкие,

друзья героя, общество (народ). В произведении изначально не предусматривается конфликт. Ведь любой конфликт – и внешний, и внутренний – вреден. Ислам, самодержавие и народ между собой не должны конфликтовать, так как это приведет лишь разрушению целостной системы, нарушит эволюционное развитие страны и народа, породит хаос. Даже личность, а тем более герой повести, не может допустить хоть толику сомнения в незыблемости этих столпов идеологии, так как это – залог гармонии, успеха и самоутверждения, без них к разрушению самой личности – один шаг. Герой перед друзьями, мусульманами, пришедшими его проводить в путь, выступает с длинной речью о важности знания языков, готовности совершенствовать свое образование, предназначении, миссионерской функции каждого из них. Это не похоже на речь юного героя, который вместо того, чтобы за полтора часа до парохода мило попить чаю и тепло попрощаться, выдает такую тираду. Конечно же, эта лекция самого автора, использующего образ как транслятор своих идей. Указание года также не случайно: 1898 – год экономического и промышленного подъема в стране, вызванного реформами Витте. Развивается отечественная наука, делаются открытия в области точных и естественных наук, совершаются географические экспедиции, появляется новое направление в науке – востоковедение. Р. Фахретдинов, общавшийся с Аль-Афгани, одним из идеологов панисламизма, и считавший его своим духовным учителем, понимает, что «европейские государства хотели бы использовать мусульман Востока лишь как дешевую рабочую силу и в целях оправдания своей колонизаторской политики раздувают жупел панисламизма» [2, с. 54]. Шакирд проливает слезы – слезы счастья от понимания и готовности следовать его идеям друзьями и обществом. Читатель должен принять лекцию героя как истину последней инстанции и следовать алгоритму развития его судьбы.

Если в произведении автор нацелился описать жизнь представителей нового класса – буржуазии, торговцев, то и выбор героем самого древнего торгового пути – реки Идель-Волги также носит символический характер. Торговля активно должна выполнять не только свои обычные функции в экономике, на нее и ее адептов налагаются более высокие функции цивилизационного уровня. Как торговля – способ общения, общение – способ привлечения и достижения взаимопонимания, союза без границ, так же река – действенный инструмент соединения мусульманского мира, тюрок севера и тюрок юга, также единоверцев по исламу – персов. Персы, как мы знаем, являются не суннитами, а шиитами. По мнению Р. Фахретдинова, всем мусульманам на планете необходимо объединиться на основе влечения к образованию, возвращения к тому пути знаний, от которого они отошли из-за ошибочного отхода от первоначального истинного ислама. Если раньше, во времена халифата, культура и блага цивилизации вместе с распространением религии шли в Волжскую Булгарию с юга, то сейчас северные тюрки и их столица Казань должны взять на себя миссию вернуть мусульман, оказавшихся в Средней, Центральной и Южной Азии, в «круги своя», вытянуть их за собой в локомотив прогресса.

Герой повести только сейчас, на пароходе, понимает слова студента, успокаивается и убеждает себя в необходимости продолжения глубокого самообразования, чтобы быть достойным Салимы. Биографии Салимы, главной героини, в повести дается целый рассказ «Тагриф» («Знакомство», «Биография»), где автор, не жалея красок, создает образ идеальной девушки. Она – из семьи богатого персидского купца, родом с Тегерана. Перед читателем – получившая национальное воспитание, достойное образование убежденная мусульманка. Сама ведет торговые дела семейства. С ней, интеллектуалкой, и разговаривать герою интересно и познавательно, ему хочется слушать и слушать ее. Юноше даже иногда кажется, что Салима не от мира сего, что она с волшебного мира сказок «Тысяча и одна ночь». Автор, описывая ее нравственные устои, ее знание языков Востока и Европы, не забывает в сравнение привносить пороки казанских женщин. Это надежда на то, чтобы в реальности болгарские женщины брали пример с эталона, образца из художественного мира, или хотя бы стремились к этому примеру. «Таким образом, в творчестве Ризы Фахретдинова большое место занимает проблема свободы личности. Он убежден в том, что человек рождается свободным, он обладает естественным правом пользоваться всем тем, что необходимо для его существования и сохранения своей жизни, и должен уйти из этого в мир иной тоже свободным» [2, с. 86]. В повести – это свобода самореализации женщин в обществе не только в роли жены и матери или декора в доме богатого человека. Звучит призыв автора женщинам выйти за рамки этих ролей – получать образование, изучать языки, укреплять нравственные устои по исламу, знать законы, воспринять моду. Ведь такая женщина будет занята пользой для себя и общества, а не будет подвергнута соблазнам, распространять грехи и пороки и даже думать о них. Риза Фахретдинов чувствует, что общество меняется стремительно, и в новом мире женщина, даже мусульманка, особенно в городах, начинают нарушать патриархальные правила и законы, понимая свободу каждая по-своему. Философ-писатель понимает, что если не решить эту проблему и закрывать глаза, это может привести к хаосу, и поэтому берет на себя смелость стать глашатаем, проповедником, направляющим по правильному пути особ женского пола. Он объясняет женщине и всему обществу, что подразумевается под свободой: не «скорбеть и рыдать один день над погибшим мужем, а на следующий день выйти со смехом замуж», а сохранив высоту нравственных устоев, не забывая национальные корни, стремиться улучшить себя внешне – модой, уходом за собой, и внутренне – заниматься самообразованием и самовоспитанием. И пробовать на себе роль представителей бизнеса: торговли, промышленности. Конечно же, образ женщины нового типа, который Фахретдинов создавал, не мог без семьи, ведь рождение и воспитание детей – главное предназначение женщины в жизни. Она должна была стать примером, образцом для своих детей и родственников. В финале сюжета недаром аккордом идет гимн целомудрию женщины. Разгадка перед читателем – целомудрие достигается, следуя алгоритму судьбы Салимы. Салима – персиянка, не татарка или башкирка, должна была в большей степени воздействовать на умы местных мусульманок: почему же какая-то персиянка с

юга – идеал, привлекает, очаровывает и уводит за собой местного мужчину? Не можем ли и мы быть такими же конкурентоспособными, как Салима? Риза Фахретдинов говорит им: можете, но будьте добры соответствовать изменившимся стандартам приличия и образовательного ценза, выходите из закоулков прошлого и не теряйтесь в круговерти настоящего, ведь за вами будущее – воспитание детей. А дети будут следовать тем нормам поведения, которые в первую очередь восприняли их матери. Как религиозный деятель, симпатизирующий джадидизму, Риза Фахретдинов не мог пройти мимо освещения этого метода. В рассказе «Метод джадидизма» («Ысул йэзит») автор для раскрытия проблемы избирает дом купца Хасана – друга отца героя повести. При посещении шакирдом его дачи хозяин делится с гостем своими впечатлениями и сомнениями насчет нового метода обучения в школах и медресе. Речь заходит об Оренбурге, где учат и мальчиков, и девочек по новым принципам. Хасан-бай поражен успехом джадидизма. Автор выдвигает идею, что начальное образование на основе новометодного обучения – залог безболезненного преобразования мусульманского общества, его органического вливания в единое русло меняющегося мирового сообщества. Взаимная любовь тюрка с севера, башкира (в повести – по идее панбулгаризма – булгарина), и персиянки, суннита и шиитки, связывает два главных направления в исламе, сближает их, соединяет в одну семью. Соединяются в семью образцы поведения и интеллекта своих народов, эстетические эталоны. «Как видим, в своем произведении Р. Фахретдинов придает исключительно важное значение воспитанию просвещенности, гуманности, доброты и других добродетелей. Своих героев он наделил всеми лучшими чертами, которые можно найти в людях. Салима и юноша-башкир абсолютно свободны от нравственных пороков. Для чего это делается? Разумеется, как образец для подражания. По сути, эти образы служат рупором идей автора. С их помощью он хочет внушить читателям мысль, что лишь образованные и высоконравственные люди в этом мире смогут обрести счастье» [5, с. 151]. В повестях Риза Фахретдинов не замыкает художественный мир – он открыт для читателя; автор может сам попробовать ответить на вопросы, поставленные в диалогах и монологах. Повесть, как и страницы публицистического издания, открыта для дискуссии, размышления, диалога с читателем. Из-за генеральной идеи, касающейся судьбы женщин, автор жертвует своим героем, он обезличивает его, оставляет без имени, выводя на заголовки имя девушки. Вынуждает юношу восхищаться не только красотой Салимы, но и ее умом и высоким уровнем воспитания. Заставляет мужчину-мусульманина, суннита, своей эпохивыслушивать и соглашаться с идеями женщины, шиитки, что было уже чем-то новым, явлением в патриархальном обществе, где роль женщины не выходила за рамки дозволенного мужчиной, более всего в татарском сообществе, где исламские нормы, диктуемые средневековыми толкованиями ислама, были в силе, менее – в башкирском сообществе, в котором женщина оставалась в какой-то мере свободной.

### Список литературы:

1. Аллен Дж. Ф. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / пер. с англ. Казань: РИУ, 2008.
2. Баишев Ф. Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа: Китап, 1996. 176 с.
3. Валеев Д. Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли: основные тенденции развития. Уфа: Китап, 2001. 348 с.
4. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. В. 1. М. – Петроград: Гос. изд-во, 1923. 107 с.
5. Кунафин Г. С. Башкирская литература XIX – начала XX в. Нефтекамск : РИО НФ БашГУ, 2006. 230 с.

### ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННУЮ «ПСИХОЗОЙНУЮ ЭРУ»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

**Хусаинова А.Х.**

*Россия, г. Уфа*

*Башкирский государственный педагогический  
университет им.М.Акмуллы. A\_hah@mail.ru*

**Аннотация.** В «психозойную эру» философский подход в изучении социально-экзистенциального положения человека в состоянии депрессивного синдрома и страха обусловлен непредсказуемостью ситуации современной системы глобального капитализма.

**Ключевые слова:** философия, экзистенция, социальный, человек, современный, безопасность, потребитель, синдром.

Планета Земля вступила в третье тысячелетие. На исходе XX-XXI веков мир кажется не стабильным и не прочным, шатким и бесформенным, ибо происходит постепенное подтачивание и разрушение его основ. Человечество оказывается перед глобальными проблемами, несмотря на бесспорные успехи научно-технического прогресса. Оно утрачивает прежние жизненные ориентиры и пытается найти новые, поэтому потребность экзистенциально-философском переосмысления современного бытия и психолого-эмоциональном исследовании его состояния приобретает особую остроту и актуальность [1].

В XXI-XX вв. в популярной политической теории считалось, что в бытии и становлении человечество проходит несколько социально-экономических формаций, когда феодализм сменяет капитализм, капитализм – социализм, социализм – коммунизм. Известно, что феодализм – это общество внеэкономического принуждения, классический капитализм – экономического принуждения, а современная модель глобального капитализма – это общество психологического принуждения, в котором и пребывает экзистенциально «сплюснутый человек» (Э.Мунье) [5].

В Древней Греции основным постулатом в бытии человека стало: «В здоровом теле – здоровый дух». Великий представитель древнегреческой философии Парменид, считал, что бытие – это сфера – самая совершенная форма в геометрии, и логос – космический разум. Но, по мысли философа, человек постепенно теряет устойчивую опору и надежную подпорку в бытии, и его начинает охватывать тревога и страх [6, с.17]. В Средние века человека обуревают страх перед грехом, и в христианской концепции вводится понятие «Семь смертных грехов»: гордыня, алчность, вожделение, зависть, чревоугодие, гнев, лень. Эти т.н. грехи средневековья постепенно плавно «перекочевали» в современное потребительское общество «ложных» желаний, превратившее людей в ограниченного «одномерного человека» (Г.Маркузе) [4] и виртуально-зависимого пользователя – «однокнопочного человека». Общество потребления, т.н. материального благополучия, или чрезмерной сытости, стало главным ресурсом в угнетении человечества деньгами, средствами массовой информации (масс медиа), развлечениями – это три кита на которых стоит изошренная система современного потребительского рабства. Как считал известный русский философ В.Соловьев, свободу бытия человека определяет его сознание, которое соответствует определенной последовательности: самосознание, самодостаточность, самообожание, самоуничтожение. В современном сверхпотребительском капитализме преобладают две последние уровни, приводящие к губительным результатам и плачевным последствиям, которые подавляют свободу и волю «одномерного» «пользователя» из семейства людей и рода человека.

«Депрессивный синдром» (лат. depression – подавленность) – это угнетенное, подавленное психическое состояние [7, с.88], которое характеризует состояние человека в наступившем XXI столетии: все нарастающий спрос на тревожные новости, на катастрофические прогнозы в экономике, политике и т.п. Средства массовой информации неустанно и с большим усердием периодически предрекают «конец света», «конец истории» (Ф. Фукуяма) [3, с. 209] и т.д., отодвигая его сроки. Эта «мода» на катастрофическое сознание заслоняет от человека объективную картину происходящего, ибо его реальное бытие и повседневное существование при оценке действительности играет подчиненную роль некоторому, своеобразному нажиму, или стрессу. Стресс (англ. stress – напряжение) – состояние повышенного напряжения организма, вызываемое каким-либо раздражителем [7, с.271]. Этот термин-нажим – пришел из мира инквизиции, как название типа физических пыток, необходимых, чтобы выдать из еретика признание в общении с нечистой силой. Сегодня эти орудия пыток можно увидеть только в музеях, но, тем не менее, психофизиологические факторы стресса продолжают держать в напряжении миллионы людей.

В США агентство финансово-экономической информации Bloomberg (The Most Stressed Out Countries, 2013) представило рейтинг стран мира, население которых больше всего страдают от стресса и депрессии. В основе рейтинга семь ключевых показателей: 1. число убийств; 2. национальный доход; 3. неравенство в доходах; 4. уровни коррупции; 5. безработицы; 6. загрязнение воздуха; 7. ожидаемая продолжительность жизни. Известно,



что из 74 возможных стран в рейтинге заняли: первые места (худшие) – Нигерия, ЮАР, Сальвадор; самые благополучные страны – Норвегия, Австралия, Канада; 25-ое место Россия - между Индонезией и Шри-Ланкой.

По мнению кандидата философских наук, академика РАЕН, директора Центра практической психологии С. Ключникова, следующие социально-психологические факторы вызывают стресс:

1. Перенаселенность;
2. Конфликтность, порожденная повышенной конкурентностью;
3. Высокий темп жизни и слишком большие расстояния между работой и домом;
4. Высокий уровень преступности;
5. Межнациональная напряженность;
6. Высокий риск потери работы;
7. Плохая экология, оторванность от природы;
8. Агрессивная урбанистическая среда с однообразием архитектурных форм, особенно на окраине;
9. Необходимость постоянно взаимодействовать со структурами, оказывающими услуги;
10. Информационные перегрузки, связанные с обилием негативной информации;
11. Постоянное столкновение с социальным неравенством (мегаполисах – основная часть богатых, демонстративное потребление которых заметно для бедных);
12. Смысловая неопределенность – население не понимает, что происходит со страной, куда она идет и что ее ожидает в ближайшем будущем [2, с.20].

Как известно, степень стрессового состояния нации определяет уровень смертности. Современные демографы утверждают, что причина сверхсмертности (высокая смертность и низкая рождаемость) – психоэмоциональное состояние. Уныние, депрессия в душе человека или даже народа может быть под воздействием, например, военных поражений, что отрицательно сказывается на здоровье; а победы, напротив, продлевают его жизнь. Статистические данные известного ученого И.А. Гундарева: в 1940 г. смертность составляла 23,2%, то в 1946г. -12,3%. Во время войны люди хотя и умирали от холода, но почти не болели простудными заболеваниями, сократилось общее количество самых разных болезней. К 1942 г. в блокадном Ленинграде смертность выросла в 19 раз по сравнению с довоенным временем, но уже через год, когда блокада еще сохранялась, произошел резкий спад смертности. После победы в Сталинградской битве был резкий подъем морального духа, что стало решающим фактором, замедлившем шествие смерти. А в 1944 г., когда город лежал в руинах, смертность была уже даже ниже довоенного уровня. Моральный фактор, включающий в себя коллективное чувство и сверхличную мотивацию, мощный антидепрессант. Любое событие, связанное с переживанием общенациональной солидарности, является «прививкой» против всех видов стресса.

По данным ВЦИОМ самые распространенные способы снятия стресса в России: просмотр ТВ; прослушивание музыки; алкоголь; медикаменты; спорт; секс и медитация (2% опрошенных). Считается, что первые три «лекарства» просто отвлекают от ситуативной усталости. Как известно, женщины снимают напряжение более здоровыми способами: общение с детьми, супругом, друзьями; возвращение к отложенным домашним делам; поездка на природу, путешествия; книги, спорт, шопинг, ТВ сериалы, театры и т.п. Согласно исследованиям ученых в 2014 г., почти 80% населения России ис-

пытывают стрессовые переживания. Стресс принимает характер пандемии, которая изучалась на фундаментальном уровне, как медиками, так и психологами Московской службой психологической помощи населению (ГБУ МСППН). Исследования показали, наиболее болезненные факторы в Москве: организация транспортного движения 44%; большое количество приезжих (41%); агрессия по отношению друг к другу. В основной группе риска – мужчины – социальная роль добытчика в обществе потребления с установкой на короткие, немедленно достигаемые цели, пострадали сильнее; женщина лишь как хранительница очага.

Таким образом, XXI столетие - это начало т.н. «психозойной эры» современного капитализма, поэтому всем нужно уменьшить силу депрессивного давления и научиться жить без стресса во благо самих себя, своего Отечества – главной опоры в экзистенции человека, которому «хочется иметь хоть какое-то будущее»(Д.Гранин) и жить в стабильной, устойчивой социальной системе, возможно, в такой, какая была в истории XX столетия на одной шестой части суши Земли вплоть до рубежа двух веков.

#### **Список литературы:**

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизоанализ: Анти-Эдип (Пер. с франц.) – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
2. Ключников С. Можно ли избежать стресса, живя в мегаполисе // «Литературная газета», 2016, 7-13 сентября, №35. С.20.
3. Кутырев В.А. Бытие или Ничто. – СПб.: Алетейя, 2010. – 496 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1964.
5. Мунье Э. Introduction aux existentialisms. – Париж, 1947
6. Романенко Ю.М. Бытие и Естество: Онтология и метафизика как типы философского знания. – СПб.: Алетейя, 2003. – 779 с.
7. Словарь иностранных слов (Сост. Локшина С.М.). – М.: Изд-во «Русский язык», 1977. -351 с.

### **ДУХОВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ XXI ВЕКА: ПРИРОДА И РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

**Циватый В.Г.**

*Украина, г. Киев*

*Институт всемирной истории Украины*

*E-mail: tsivatyi@gmail.com*

**Аннотация.** Анализируется природа ценностей в глобализированном мире и новая роль гуманитарных знаний, религии и духовной дипломатии в условиях новых вызовов и угроз XXI века. Акцентируется внимание на том, моральным императивом эпохи глобализации стали образование, гуманитарное знание и духовная безопасность, учитывающие культурное много-

образии человеческого сообщества. Подчёркивается, что в современном глобализирующемся мире возрастает роль религии и дипломатии, и соответственно – меняется оценка действенности их инструментария. Эволюция международных, политико-дипломатических и социорелигиозных систем в глобальном пространстве XXI века существенно влияет на формы, методы и функции этих институтов в социуме: в исторической ретроспективе и перспективе, как целостность мирового или европейского уровня.

**Ключевые слова:** духовная дипломатия, гуманитарные знания, внешняя политика, институционализация, религия, безопасность, духовная безопасность.

Толерантность и диалог – веление нашего времени, в них заинтересованы и церковь, и общество в целом. Тем более что имеется широкое поле гражданской деятельности – просветительской, благотворительной, увещательной, нравственно-критической и т.д., где церковь как институция, и духовность как внутренний критерий-индикатор каждого человека способны оказать и уже оказывают неопределимую помощь в формировании и становлении глобального гуманитарного пространства.

Моральным императивом эпохи глобализации стали образование, гуманитарное знание и духовная безопасность, учитывающие культурное многообразие человеческого сообщества. Образование не может более оставаться ограниченным исключительно рамками национальной культуры. Превращение испокон веков существовавшего культурного многообразия из реальности общественного бытия в проблему (чаще всего именуемую как поликультурность, или мультикультурализм), причём не на уровне отдельного государства, а на уровне общепланетарном, объясняется радикальными переменами, переживаемыми сообществом и связанными с процессами глобализации.

В современных условиях, когда ключевыми факторами развития цивилизации становятся гуманитарные знания и высокие технологии, интеллектуальный потенциал и культура нации, неоспоримым является тезис о том, что важнейшую роль в развитии общества играет человеческий потенциал. При таком подходе показателем национального богатства в значительной степени выступают не только и не столько запасы сырья или динамика производства, сколько образованные люди. Вот почему передовые страны, в т.ч. – Украина, Россия, Беларусь, Казахстан, сегодня осуществляют на практике в качестве базового принципа государственного строительства, а также концепций и стратегий обеспечения национальной безопасности и развития общества, природы ценностей, принцип реальной приоритетности наук, образования, культуры и дипломатии.

Современная цивилизация колоссально усиливает требования к отдельному индивиду, его образованию и гуманитарным знаниям, который уже не может спрятаться за анонимным решением безликого коллектива, а должен действовать на свой страх и риск. Как следствие этого – повышение роли индивида в социальной жизни, рост индивидуализации и повышение личной ответственности, а также укрепление научно-образовательного

фундамента. Научно-образовательный фундамент должен институционализироваться через учебную деятельность в парадигме образования через всю жизнь.

Процессы глобализации превращают науку и образование в один из важнейших элементов социальной инфраструктуры государств. Новая модель модернизации образования и науки, преобразования в современном мире, выдвигают непростые задачи, и эти задачи неизбежно связаны с функционированием института образования. Тем самым образование в современном общественном развитии выступает одним из основных институтов и инструментов повышения конкурентоспособности как страны в целом, так и каждого человека в отдельности. Главной задачей образования становится не просто приобретение гуманитарных знаний, а овладение способами приобретения и использования гуманитарных знаний, т.е. способами творческого, креативного и критического мышления. В этой ситуации образование должно менять свой характер и институциональную модель: превращаться из простого обучения готовым знаниям, навыкам и умениям в обучение способам самостоятельной познавательной деятельности [1, с. 399-416].

Ускоряющийся научно-технический прогресс XXI века выявил неизбежные и имманентные пределы, связанные с ограниченностью природных ресурсов, политической нестабильностью, социальными конфронтациями, растущей неустойчивостью человеческой психики. Новые гуманитарные знания должны обеспечивать духовную безопасность общества, обеспечивать безопасность общества в условиях экстремистских и террористических проявлений. В современном глобализирующемся мире возрастает роль религии и дипломатии, и соответственно – меняется оценка действенности их инструментария. Эволюция международных, политико-дипломатических и социорелигиозных систем в глобальном пространстве XXI века существенно влияет на формы, методы и функции этих институтов в социуме: в исторической ретроспективе и перспективе, как целостность мирового или европейского уровня.

Динамичные и фундаментальные институциональные изменения глобального характера, которые переживает мировое сообщество в условиях новых вызовов и угроз XXI века, оказывают существенное влияние на особенности развития, трансформации и усовершенствования моделей дипломатии, религиозных моделей и политико-дипломатических систем государств мира. Ситуация глобализации не только создаёт новый всемирно-исторический контекст взаимодействия цивилизаций, институций, моделей дипломатии, религий и культур, но и ставит это взаимодействие в качественно новые условия – условия сложной диалектики национального и глобального, цивилизационного и постцивилизационного, институционального и неинституционального, перспективы и ретроспективы, а также в контексте изменения самой модели и форм политико-дипломатической, социорелигиозной и межкультурной репрезентации, механизмов распространения и восприятия политико-дипломатических, религиозных и культурных образов и т.п. В этой ситуации актуализируется идея диалогового мышле-

ния и культурного синтеза как взаимовлияния и взаимопроникновения политико-дипломатических, религиозных и культурных сфер и систем ценностей, приводящих к появлению новых социокультурных и социорелигиозных феноменов при сохранении многообразия его форм.

Кардинальное изменение политико-дипломатической и социорелигиозной картины мира потребовало и нового подхода в теоретическом осмыслении религии. В самых различных регионах именно религия во многом предопределяет остроту и трудности преодоления межцивилизационных столкновений и конфликтов. При этом религия «живёт» и проявляет себя в истории не только как совокупность различных верований, моральных предписаний, рассуждений на смысложизненные (экзистенциальные) проблемы, но и как особый «религиозный фактор», действующий внутри политических сил и придающий им определённую направленность и особый динамизм [2].

«Религия – политика – дипломатия» образуют своеобразную триаду и важный фактор политического развития многих государств и регионов. Влияние религиозного фактора в политико-дипломатических отношениях прослеживается на всех исторических временных отрезках развития общества, но особенно в периоды трансформации общества, например, в период раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.), или же, например в полицентричном мире XXI века [3; 4].

Духовная дипломатия создаёт сложную картину взаимопересекающихся, многовекторных и многофакторных политико-дипломатических и социорелигиозных процессов изменения состояний человечества в межгосударственных отношениях с древнейших времён до наших дней. Глобальную дипломатию можно назвать надсобытийной историей, историей трансграничных, выходящих за пределы национально-государственной значимости, политико-дипломатических процессов [5, с. 269-280; 6].

Глобализация периода Нового и Новейшего времени оказывает влияние и на глобальную специфику моделей дипломатии и моделей религии (религиозные модели) государств XXI века, поскольку в них отражается перестройка и адаптация дипломатических служб большинства государств мира и их инструментария к нынешним реалиям развития глобальных международных процессов, социорелигиозных и кросскультурных взаимодействий [7, с. 175-185]. Означает ли это, что стирается грань между наукой и теологией, политикой и моралью, духовной дипломатией и религией, что религия во всей её институциональной совокупности способна давать научное решение ряда проблем, и прежде всего в сфере гуманитарного знания и духовной безопасности? Нет, речь идёт о другом, а именно о необходимости различать науку (гуманитарные знания) и религию как особые формы культуры, каждая из которых имеет свой предмет, свои методы получения знания, которые в совокупности составляют то, что именуется мироощущением личности.

Современное общество склонно к снижению ответственности за применение насилия. Всё чаще можно наблюдать отсутствие или недостаток духовной безопасности, диалога, предрассудки, стереотипы, негативную

роль средств массовой информации и образования, кризисы и экономические трудности и т.д. Все формы нетерпимости и дискриминации на основе религии или культурных убеждений являются продуктом сознания человека, и, говоря о превентивных мерах, следует отметить, что именно сознание должно быть главным объектом воздействия [8].

Превентивные меры охватывают целый ряд областей: образование и просвещение, средства информации и связи, межконфессиональный и внутриконфессиональный диалог. Оружие, действие, даже слово – это только средство, способ применения которого зависит от человека, от его восприятия культуры, способности вести диалог, сосуществования с другими. Культура и духовно-нравственные ценности традиционного ислама и христианства в процессе формирования гуманитарного пространства могут служить основанием и помочь человеку через духовную безопасность жить в мире и согласии с окружающей действительностью и самим собой, осуществлять созидательную деятельность и противодействовать злу и разрушению [9; 10, с. 18-22; 11; 12].

Таким образом, духовная дипломатия и религия на сегодня рассматривают широкий спектр решений, институционально и юридически формализованных, нацеленных на системное построение нового политико- дипломатического мира в глобализированном пространстве и нового тренда в международной жизни в историко-культурной ретроспективе. Рассмотрение институционализации религии в её историческом, эволюционном и глобальном измерениях предполагает использование аналитической системы координат, позволяющих соотнести стадии институционализации религии с динамикой её культурно-исторического развития. Завершением процесса развития религии следует считать отчётливую институционализацию религиозной модели общества – генерализацию социорелигиозных институтов. Показателем окончания историко-культурного развития доктрины является письменная фиксация рефлексии религиозной системы о самой себе – герменевтическое теоретико-понятийное осмысление уже сложившейся институциональной модели религии в контексте религиозно- философского дискурса.

Дальнейшее изменение социорелигиозных институтов в условиях глобализированного мира XXI века и полицентричной системы координат межгосударственных отношений – утрата какого-либо из них или реструктуризация – может выступать исключительно результатом социокультурной трансформации общества, а не религиозной системы как таковой. Можно констатировать, что религия и её духовно-нравственные ценности, которые на протяжении многих столетий подвергались уничтожающей критике, не только до сих пор владеют умами и сердцами большинства человечества, но и оказывают заметное влияние на современное состояние глобализированного мирового сообщества.

Глобальные мировые процессы в современном обществе и исследование типов институционализации религии даёт возможность проанализировать стадии историко-культурного вызревания религиозной системы в её исторической ретроспективе. А исследование способов институционально-

го воспроизведения религии позволяет обнаружить новые формы социокультурного функционирования религии.

Сфера проявления «религиозного фактора» не ограничивается реакционными движениями или антидемократическими, теократическими режимами. Религия может успешно использоваться прогрессивными общественно-политическими силами, например, быть мощным импульсом широких народно-освободительных и демократических движений. Поэтому религия была и остаётся важным фактором социокультурного, историко- философского и политико-дипломатического развития общества.

### Список литературы:

1. Циватий В.Г. Інституціональна модель та інформаційні технології в підготовці дипломата XXI століття [Текст] // Україна дипломатична. Науковий щорічник' 2010. – Вип. XI. – Київ, 2010. – С. 399-416.
2. Религия в истории и культуре / Под ред. М.Г. Писманника. – М., 2000. – 196с.
3. Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / Bernard Barbiche. – Paris: Presses Universitaires de France, 2012. – 369p.
4. Black J. A History of Diplomacy / Jeremy Black. – Reaktion Books, 2010. – 312p.
5. Циватый В.Г. Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый и др. – Киев: Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, 2015. – С. 269-280.
6. Денисенко А.В. Духовна дипломатія: Навчальний посібник / За заг. ред. В.Г. Циватого. – Київ, 2012. – 396с.
7. Циватый В.Г. Языковая картина мира и национальные менталитеты в контексте европейских дипломатических практик: исторические традиции и новации [Текст] / В.Г. Циватый // Молодёжь и наука: слово, текст, личность. Сборник научных статей. – Ульяновск: УлГПУ, 2015. – С. 175-185.
8. Гусейнов А.А. К новому определению морали / А.А. Гусейнов. – Ростов-на Дону, 2001. – 246с.
9. Pigman G.A. Contemporary Diplomacy / G.A. Pigman. – Washington, 2010. – 288 p.
10. Бетильмерзаева М.М. Роль сознания в формировании человеческой субъектности / М.М. Бетильмерзаева // Актуальные исследования гуманитарных, естественных. Точных и общественных наук: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 25 ноября 2013г.). – Новосибирск: ООО «ЦСРНИ», 2013. – С. 18-22.
11. Black J. A History of Diplomacy / Jeremy Black. – Reaktion Books, 2010. – 312p.
12. International Relations. Edited by Stephen McGlinchey. – Bristol, England, 2017. – Part I: Diplomacy. – P. 26-36.

# ПРОБЛЕМА ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Чемурзиева Е.М.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный университет*

**Аннотация.** Духовность является основой практически всего, что имеет отношение к самореализации личности и общества, к ее сфере деятельности традиционно относят то, что влияет на душевное состояние человека, в том числе воспитание, образование, наука, культура, искусство, религия. Проблематика, связанная с духовной безопасностью, достаточно широко освещена в научной литературе. Однако, несмотря на социальную востребованность исследований разнообразных факторов рассмотрения духовной безопасности, проблемы права в ее контексте не обрели основательного рассмотрения.

**Ключевые слова:** Философия права, духовная безопасность, проблемы права

Объектом настоящего исследования выступает проблемы права в духовной безопасности.

Предмет исследования составляет философские аспекты духовной безопасности.

Целью исследования является выявление проблем права в сфере духовной безопасности, так как отсутствие взаимодействия духовной составляющей и установленных государством норм и правил может привести к нарушению духовной безопасности, нравственной деградации, утрате смысла жизни и воли к жизни. «Духовность, как отмечает М.М. Бетильмерзаева, предполагает не внесение в наши действия и поступки «чистых», «стерильных», нравственных помыслов. Духовность есть, в первую очередь, жизнь в соответствии со своим духом, и в этом смысле каждый человек духовен, ибо он движим силой, потенцией, энергией, волей быть» [1].

К рассмотрению вопроса о безопасности неоднократно обращались различные авторы. А именно, исследовались политические, информационные, экономические, социальные, экологические, культурные, философские, религиозные взгляды данной проблематики. Однако, проблемы права в контексте духовной безопасности недостаточно освещены в научных работах, в связи с чем возникает сложность в рассмотрении данного вопроса.

Данное направление отражено как в работах Н.А. Бердяева, А.И. Хвыля-Олинтер, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, Н.С. Трубецкого, так и в современных научных работах в области философии.

Духовная жизнь скрыта в сознании человека и проявляется вовне в его отношении к окружающей действительности и самое главное в поведении. Духовная сфера включает в себя все формы общественного сознания – философию, религию, мораль, право, искусство, а также науку, идеологию, образование, воспитание во всех их многообразных проявлениях. Основа духов-



ной сферы, как и духовной жизни в целом – сознание, поэтому духовная сфера формируется как единое целое таких ее составляющих, как наука, религия, мораль, искусство, право, политика, философия. Необходимо также помнить, что светская составляющая духовной сферы – это не только наука, искусство, но и в значительной степени нормотворческая деятельность, основанная на высоких моральных принципах. Мораль должна быть поддержана правом и иметь не только статус традиции, обычая, неписанных общепринятых правил поведения, но и закреплена в конкретных законах, за неисполнение которых предусматриваются вполне конкретные наказания [1].

К явлениям духовной области относится и право, правовая деятельность, поскольку основные правовые явления и категории, такие как обязанность, правовые отношения, ответственность, правовая норма, полномочия невозможно увидеть, измерить, осязать, так как они находятся в правосознании человека, оказывают влияние на его поведение, сознание и волю. Эти духовные явления отражают состояние духовной безопасности.

Духовная безопасность является одной из основных проблем человека, общественных институтов, государств и мира в целом. Разрушение основ в основном начинается с дезинтеграции их духовности, с распространением в сознание общества чуждых идей, ценностей и нерациональных способов их достижения. Соответственно обеспечение духовной безопасности является актуальной задачей, поскольку она выражает моральный дух общества, его способность решать возникающие вопросы.

Осознание духовной безопасности способствует достижению целей, несмотря на их сложность. В душе человека должны жить непреступаемые границы, отделяющие обязательное от запретного, которые не могут поддерживаться одним правом, здесь необходима духовная автономия, осмысливающая дисциплину началами веры, преданности, совести и чести [2].

Во избежание формализма и других недостатков, влекущих негативные социальные последствия, необходимо воспитание и укрепление веры, совести, преданности и чести, которые, помогая укреплять правосознание в духовной жизни. Следовательно, любое государство, а особенно Россия, как многонациональная страна, заинтересована в распространении в сознании его граждан духовных качеств, обеспечивающих благосостояние народа и государства, в особенности тех, которые получают в последующем правовую форму, становятся нормой жизни народа, правилом поведения каждого человека.

Правосознание как общественное явление есть не правовая идеология, а духовная безопасность, которая оценивает наши деяния на их соответствие установленным государством нормам закона. Духовность есть основа практически всего, что имеет отношение к самореализации личности. Учитывая, что любую деятельность каждого человека явно или скрытно направляют духовные установки, то право в свою очередь посредством правовых норм указывает правильный путь, а при необходимости и исправляет посредством силой государственного принуждения, применением верховной власти.

Духовная безопасность включает в себя систему отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для созидательной духовной жизни и здорового социально-нравственного развития. Феномен «духовная безопасность» является неотъемлемой частью национальной и конституционной безопасности. Так, религиозные ценности, в частности, нередко выступают в качестве источников права и стратегических политических целей, а религиозные установки населения явно или скрытно влияют на политические процессы, культуру, правосознание, правопослушность, правопорядок, семейный уклад и статус человека [3].

Исходя из положений статьи второй Конституции Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что мы живем в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Соответственно право на духовную свободу человека также требует общественного внимания и концентрации всех усилий на обеспечении всесторонней безопасности. Государственные интересы в сфере безопасности неизменно должны находиться в гармоничном соотношении с всесторонними интересами человека.

Главной задачей общества является безопасность человека, так как безопасность государства фактически возникает от безопасности личности. Необходимо учитывать, что к объектам безопасности относятся права и свободы личности и материальные и духовные ценности общества. Стремление к согласному равновесию всех составляющих безопасности обеспечивает процветание общества в целом.

Система обеспечения духовной безопасности должна быть скоординирована с ценностями и интересами человека как личности, общества и государства, которые, в свою очередь, обязаны иметь взаимный согласованный характер.

Правовое сознание, порядочность и участие не только в социальной, но и в духовной жизни, уважение к власти у граждан вырабатываются многими факторами, различающимися по своей социальной значимости и послужившими созданию государства.

К важнейшим из них относятся религиозные и мировоззренческие, поскольку они обуславливают стратегическое расположение не только отдельных личностей, но и социальных структур в отношении общества, справедливости, права, свободы, общественной активности закона, совести, власти, обязанности.

Смысл духовной безопасности как государственного явления заключается не позволять человеку выйти за пределы опасной грани, для сохранности его свободы и духовного здоровья, которые подвергаются опасности. В традиционных ценностях содержится гарантия свободы человеческой личности, которые позволяют индивиду максимально осознанно подходить к жизненным решениям, защищают его от влияния кратковременных увлечений и фантазий, сохраняют целостность духовной сферы, в связи с чем дея-

тельность по обеспечению безопасности должна предусматривать охрану и сбережение указанных ценностей.

Главной целью обеспечения безопасности в сфере духовной жизни является создание и поддержание такого политического, экономического и социального положения в стране, которое создавало бы благоприятные условия для устойчивого развития личности и общества, безопасных для проживания и деятельности его жителей и гостей и исключало бы опасность ослабления роли и значения России в мире.

В качестве основных направлений обеспечения духовной безопасности указываются, в основном формирование правовых и организационных механизмов обеспечения конституционных прав и свобод граждан, повышение их правовой культуры в интересах противодействия сознательному или непредумышленному нарушению этих конституционных прав и свобод в сфере духовной жизни, создание цивилизованных форм и способов общественного контроля за развитием в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны, воспитанием патриотизма и гражданской ответственности за ее судьбу.

Необходимо отметить, что анализ нормативно-правовых актов посвященных безопасности показывает, что «угроза» является основанием для рассуждений и определений. Учитывая данное обстоятельство, объекты духовной безопасности правильнее рассматривать во взаимосвязи связи с угрозами, которые создают опасность. В данном случае к угрозам можно отнести духовную и моральную деградацию, утрату смысла жизни и стремления к достижению жизненных целей.

Духовная безопасность может формироваться нейтрализацией источников опасности, защитой от конкретных внешних и внутренних угроз, развитием механизмов правового регулирования в целях сохранения защищаемых объектов. С.Н. Соколова придерживалась мнения, что для общества и для общественной безопасности государственное регулирование будет эффективным только в том случае, когда власть реализует интересы большинства социальных групп, а не какой-либо одной из них [4].

Суммируя изложенное, необходимо подчеркнуть, что правовые средства должны воспитывать в народе единые духовные ценности и высокие моральные качества, тогда этот народ будет един и непобедим. Высшими ценностями должны быть в обществе и государстве у каждой личности сознание долга и личной ответственности за свою Родину, за благосостояние народа, а не противоположные этому права и свободы творить все что угодно. Так, духовная сфера охватывает огромный объем общественных отношений, от безопасности которых зависит духовная безопасность в целом, в связи с чем следует предусмотреть широкий спектр ответственности за причинение ущерба духовным основам жизни человека, а также введение правовых норм, регулирующих данную сферу отношений.

#### **Список литературы:**

1. Бетильмерзаева М.М. Эволюция духовности как необходимое условие безопасности общества. – С. 84-92 // Гуманитарное знание и духовная

безопасность: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря 2016 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016.

2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. – М.: «Даръ», 2005. – С. 357.

3. Архиепископ Иоанн (Попов), д.соц.н. Возьмитель А.А., к.ю.н. Хвилья-Олинтер А.И. Духовная безопасность России, М.; 2005. С. 4;

4. Тонконогов А.В. Обеспечение безопасности духовной сферы современного российского общества/А. В. Тонконогов // Соц. - гуманитар. знания. -Москва, 2009, № 3.-С.104-115.

5. Соколова С.Н. Государственное регулирование сферы безопасности // Власть, 2007, № 11, с. 79;

## **РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**Чучупал В.В.**

*Россия, г. Воронеж*

*Воронежский государственный лесотехнический университет*

*E-mail: erbium@yandex.ru*

**Аннотация.** Статья посвящена проблемам взаимодействия естественнонаучного и гуманитарного знания, особенно в условиях развития рыночной экономики.

Когда-то уже давным-давно, в 50-е гг. прошлого века, по страницам массовой советской печати прокатилась знаменитая дискуссия между «физиками и лириками». Она началась со спора на страницах «Комсомольская правда» между знаменитым писателем И. Эренбургом и И. А. Полетаевым, работавшим в то время в звании инженер-подполковника в НИИ Главного артиллерийского управления советских вооруженных сил. Эренбург осудил тогда «черствого» инженера, интересующегося лишь научными и техническими достижениями, но не культурой. Полетаев в своем ответе в газету писал – «мы живем творчеством разума, а не чувства, поэзией идей, теорией экспериментов, строительства. Это наша эпоха. Она требует всего человека без остатка, и некогда нам восклицать: ах, Бах! ах, Блок!... Хотим мы этого, или нет, они стали досугом, развлечением, а не жизнью».

В западном обществе та же дилемма начала обсуждаться в том же самом 1959-ом году, совершенно независимо от дискуссии в СССР. Её началом можно считать эссе Чарльза Сноу «Две культуры и научная революция». Он писал - «духовный мир западной интеллигенции все явственнее поляризуется, все явственнее раскалывается на две противоположные части. На одном полюсе - художественная интеллигенция, на другом - ученые, и как наиболее яркие представители этой группы - физики. Их разделяет

стена непонимания, а иногда - особенно среди молодежи - даже антипатии и вражды» [1].

В стихотворение Бориса Слуцкого, напечатанное в октябре того же года в «Литературной газете» были такие строчки: «Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне». Это было признанием того, что «лирики», а в более широком смысле и вся сфера гуманитарного знания не пользуется таким уважением и признанием в обществе каким пользуются представители точных, естественных наук.

Однако время показало, что лет шестьдесят назад у отечественных «лириков», шире гуманитариев, была еще светлая, а не темная полоса их художественной и научной жизни. С имперским размахом СССР мог себе позволить содержать классическое искусство, сотни театров, творческие союзы и сеть культурно-массовых учреждений. Тысячными тиражами расходились сборники стихов, художественные произведения советских и зарубежных авторов. В советских вузах трудилось множество преподавателей истории, философии и других гуманитарных дисциплин. По количеству гуманитариев с учеными степенями и званиями наша страна занимала первое место в мире. Все они получали зарплату, которая, если и отличалась в ту или иную сторону, то незначительно, от зарплат «технарей», то есть тех, кто овладел точными науками.

В начале горбачевской «перестройки» в среде представителей инженерно-технического знания царили радость и оживление. Наконец-то, думали многие из них, из парткомов предприятий и кафедр общественных наук в вузах уберут «болтунов», «бездельников», которые не приносят конкретную пользу обществу, не производят нужный всем или хотя бы многим продукт. Рынок, считали они, востребует истинных профессионалов, тех, кто с помощью науки, своими знаниями умениями наладит на конкурентной основе производство таких товаров и услуг, за которые будет готов заплатить потребитель, а полученную прибыль разделят между собой на справедливой основе все те, кто участвовал в создании этого продукта. На первый план выйдет производитель, человек труда, создатель всех материальных благ. «Лирики» в лице писателей, поэтов, философов, историков и прочих лиц невнятной профессии будут вместе с партийными функционерами поставлены перед жестким выбором: или создай, что-то такое, за что люди будут готовы заплатить свои деньги, или отойди в сторону от общественного пирога. Восторжествует американский принцип: «Если ты такой умный, то покажи свои деньги!».

Однако дальнейшие события очередной раз показали, что история – это не тротуар Невского проспекта. Эра торжества технократов закончилась, так и не успев начаться. Закрытие в ходе «шокотерапии» и приватизации промышленных предприятий, поставили отечественный инженерный корпус, а вслед за ним и преподавателей технических кафедр в вузах на грань выживания. Общество вновь народившегося в России капитализма перестало нуждаться в их услугах. Естественнонаучное и техническое образование стало стремительно деградировать. В трясине постоянного недофинансирования фундаментальной науки исчез и престиж бородатых в очках

физиков-теоретиков, бывших когда-то кумирами советской молодежи. Наиболее приспособленные из них подались в бизнес или на заграничные хлеба.

Выиграли ли от этого «лирики», т.е. представители гуманитарных профессий? И да, и нет. Получив некоторые преимущества в сфере трудоустройства, в связи с расширением сферы юридического и экономического образования, преподаватели-обществоведы смогли на короткое время занять только что открывшиеся рабочие места, в том числе и работая по совместительству, в коммерческих вузах, но в целом, вся гуманитарная сфера общества подверглась жестокой редукции.

И это не удивительно. Давно известно, что дух наживы, пронизывающий все рыночные отношения по самой своей сути враждебен культуре, а уж гуманитарным наукам – в первую очередь. Капитализм с его товарно-денежным фундаментализмом, согласно которому право на существование любого явления определяется исключительно его потребительской стоимостью, враждебен ко всем высоким проявлениям человеческого духа, низводит все отношения между людьми к отношениям «купли-продажи».

«Буржуазия, – писали К.Маркс и Ф. Энгельс еще в 1848 г. – повсюду, где она достигла господства, разрушила все.. идиллические отношения. ... не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли» [2].

В 90-х годах по мере разрушения государственного устройства страны ослабевала роль прежней идеологии, хотя бы субъективно ориентированной на научность, снижалось значение престижа державы и социальной системы, а вместе с тем ослабевала заинтересованность государства в гуманитарных и социальных науках. Уменьшались и финансовые возможности государства. Некоторое время гуманитарные и социальные науки по инерции продолжали получать со стороны государства финансовую поддержку. Но затем эта поддержка резко сократилась в несколько раз и уже не восстанавливалась в прежних объемах. Гуманитарные и социальные науки стали просто никому в России не нужны.

Уровень развития или упадка наук вообще, и гуманитарных в частности отражает сложность или примитивность идеологии, по которой живёт общество. В этом смысле упадок гуманитарных наук в современной России означает то, что в настоящий момент общество руководствуется идеологией примитивного потребительства, которой не нужно сложное гуманитарное обеспечение. В этом и коренится главная причина кризиса гуманитарных и социальных наук в современной России.

Наступила эпоха, когда астрология и уфология с помощью СМИ овладевают сознанием людей и быстрее, и полнее, чем научное просвещение. Самой интеллектуальной частью многих периодических изданий являются кроссворды. Этот процесс затронул всю науку, а не только гуманитарные и

социальные дисциплины, но последние пострадали от него особенно сильно. Их вытеснили из той ниши (просвещение), без присутствия в которой само их существование становится социально бессмысленным, так как в гуманитарных и социальных науках просвещение является аналогом сферы внедрения. Ведь конечный результат деятельности гуманитарной части научного производства – это интеллектуально и духовно развитые человек, нация, общество. Вытеснение гуманитарных и социальных наук из сферы их практического использования псевдо- и даже антинаучными знаниями означает фактически их социальную гибель.

Всплеск интереса к гуманитарным специальностям в середине 90-х гг., как это многие и понимали с самого начала, основывался на нездоровых тенденциях. Многие абитуриенты стремились не к гуманитарным знаниям, а к тому, чтобы получить высшее образование, не утруждая себя изучением сложных естественно-технических наук. И здесь их желание совпало с интересами коммерсантов от образования, которые быстро поняли, что готовить гуманитариев выгоднее, чем технарей, поскольку для обеспечения учебного процесса требуются лишь стол, мел и тряпка. И то не на каждом занятии. А для естественников нужно современное учебное и лабораторное оборудование, опытное производство и пр. Естественно, это привело к перепроизводству специалистов такого профиля.

«Новый поворот» в образовательной политике властей, проявлением которого стали призывы и шаги к сокращению бюджетных мест на гуманитарных специальностях и направлениях, уменьшение объема гуманитарных дисциплин в вузах на непрофильных факультетах и т.д. свидетельствует о том, что «лирики» вновь оказываются в загоне.

Что касается классической музыки, то произведения того же Баха сегодня чаще звучат как фоновая музыка в рекламе, чем на концертах в залах филармонии. Они выполняют роль «фонодизайна» окружающего пространства, а не столь излюбленную «лириками» функцию возвышения личности путем постижения заложенных в этой величественной музыке идей и смыслов.

Так кто же выиграл от рыночных реформ в современной России – «физики» или «лирики»? Ответ, видимо, может быть таким: стране в одночасье стали не нужны ни «лирики», ни «физики». А выиграла, как это часто бывает в истории, некая «третья сила». И имя этой силе – «деньги»! Как это у классика: «Всё куплю», – сказала злато; / «Всё возьму», – сказал булат» (А.С.Пушкин).

Из представителей, условно говоря, гуманитарных профессий более или менее вписались в рынок специалисты только двух направлений: «экономисты», которые «делают» деньги, и «юристы», которые осуществляют их правовое и силовое сопровождение. Этим и закончился на российской сцене очередной акт бесконечной пьесы под названием спор «физиков» и «лириков».

### **Список литературы:**

1. Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., -1985. - С.197
2. Маркс К. Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / <https://www.litmir.me/br/?b=19186&p=1>

# ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИСЛАМА И НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ ПРИ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

**Шамаев А.М.**

*Россия, г. Нальчик*

*Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)*

*Краснодарского Университета МВД России*

*E-mail: Shomik788@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь ценностных установок народной и исламской педагогической системы, сложившейся к концу XVIII века. Доказывается, что с принятием ислама народная педагогика претерпевает некую модификацию, соединяя концептуальные взгляды прежней акмеологии с новыми мировоззренческими позициями, которые привнесла исламская идеология. Делаются выводы, о том, что передача молодым людям опыта предыдущих поколений посредством искусного сочетания двух педагогических систем - народной и мусульманской позволило горцам Северного Кавказа выполнить культурную трансмиссию и сохранить своеобразие своих традиций и обычаев.

**Ключевые слова:** Общекавказская народная педагогика, мусульманская воспитательная система, горские этносы.

Историческое развитие этносов Северного Кавказа и их основные социальные институты – гостеприимство, куначество, атальчество были относительно одинаковыми, что, в свою очередь, привело к образованию особой духовной культуры горцев, которая со временем аккумулировалась в народную педагогику всего Северного Кавказа, имевшую свою концепцию воспитания, направленную на формирование гармонически развитой личности.

С принятием ислама народная педагогика претерпевает некую модификацию, но остается и многое из ранее существовавшего: для мусульман края являлось важным сохранение своих обычаев, традиций и народного фольклора. Для этого они разрабатывают своеобразную педагогику, соединив концептуальные взгляды прежней акмеологии с новыми мировоззренческими позициями [3, с. 25].

Система новой педагогики складывается на протяжении всего XVIII столетия по мере принятия религии народами Кавказа. Вместе с существующими обычаями и основными воспитательными постулатами педагогики народной, она включает требование к изучению арабского, чтению Корана, изучению адаба, хадисов пророка и совершению религиозных обрядов. Одновременно с этим исламская педагогическая модель предоставляет горцам большой потенциал при воспитании детей, накопленный за многие тысячелетия своего существования и включающий лучшие образцы воспитательной мысли восточных народов, таким образом способствуя всестороннему развитию личности и воспитанию в человеке отрицательного отношения к



экстремизму и насилию в целом, прививает культуру толерантности и межнациональной коммуникации.

Ислам всегда призывал верующих воспитывать своих детей правильно, в соответствии с нормами ислама и тем самым уберечь их от огня Ада [6, с. 66]. Мусульманин отвечал не только за себя, но и за свою семью. Пророк Мухаммед очень любил детей и открыто выражал к ним свою любовь. Пророк подчеркивал, что нужно любить одинаково всех своих детей независимо от пола и возраста, дарить им подарки. Существует такая легенда: однажды, когда бедуин рассказал пророку, что у них не принято целовать сыновей, он ответил, что ничем не может помочь, если в них нет милосердия [1, с. 403].

Всем мусульманам при воспитании ребенка предписывается Кораном строгое следование аспектам, заключающимся во всех сторонах его развития:

- в трудовом воспитании (научение основам жизнеобеспечения, трудолюбию);
- духовном воспитании детей (изучение основ веры и шариата);
- нравственном воспитании (привитие молодому поколению необходимых морально – нравственных качеств, являющихся основой его морального облика);
- физическом воспитании (формирование крепкого здоровья и необходимого физического развития ребенка, способного в последующем стать полноценным членом общества и трудиться для обеспечения своей семьи);
- всестороннем интеллектуальном развитии (создание у них навыков изучения религии и стремление к постижению научных знаний, необходимых для достижения гармонии и душевного равновесия у любого человека);
- психологическом воспитании детей (выработка у них устойчивой психики, выражающейся наличием у них смелости, любви, добра, определенной самостоятельности и т.д.);
- экологическом воспитании (поддержание порядка в окружающей среде, созданной Аллахом) [5, с. 625-629].

Подобное глубокое понимание необходимости всестороннего развития подрастающего поколения мусульманской педагогикой, оказало свое влияние и на этнопедагогiku горцев Северного Кавказа, существенно дополнив и обогатив её. Ислам органично внедрился в народную педагогическую конструкцию, формируя в итоге совершенно неповторимую систему воспитания подрастающего поколения у горцев Северного Кавказа. Знакомство с исламской педагогикой позволило им создать гармонию в воспитании совершенной личности, которая мыслилась наделенной умом, трудолюбием, физическим здоровьем, морально-эстетическим совершенством. Благодаря принятию ислама и изучению арабского языка народы Северного Кавказа приобщились к достижениям исламской цивилизации.

Передача молодым людям опыта предыдущих поколений посредством искусного сочетания двух педагогических систем - народной и мусульманской, позволило горцам Северного Кавказа выполнить культурную трансмиссию и сохранить своеобразие своих традиций и обычаев [2, с. 296].

К сожалению, духовное наследие исламской модели воспитания и связь между ней и народной педагогикой до сих пор не нашли достаточного отражения в работах исследователей, что в свою очередь, не способствует полноценному изучению истории кавказских народов и применению важнейших способов воспитания для нынешнего подрастающего поколения [4, с. 03-07]. К тому же игнорирование роли религиозного фактора в ходе изучения этнопедагогики народов Северного Кавказа делает подобные исследования недостаточно глубокими, так как мусульманский след в национальной акмеологии народов Северного Кавказа весьма существенен и без его комплексного изучения невозможно восстановить целостной картины историко-культурного развития мусульман Северного Кавказа.

### Список литературы

1. Аз-Зубайди Мухтасар Сахих аль-Бухари. В 2 т./ Аз-Зубайди. – Алматы: ТОО «Кәусар-саяхат», 2013. Т. 1- С.403.
2. Блейх Н.О. Некоторые аспекты геополитического и социокультурного развития Северного Кавказа в новое время //Бизнес. Образование. Право. 2016. № 4(37). С. 296-298.
3. Блейх Н.О. Нравственно-эстетическая культура воспитания: понятие и основные компоненты //Искусствоведение и культурология. 2014. № 1. С. 25.
4. Блейх Н.О. Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории //Психология. Социология. Педагогика. № 2(45). С. 03-07.
5. Блейх Н.О. Технологии применения идей этнопедагогики в работе современной национальной школы //В сборнике: Экономика. Образование. Право. Научные исследования состояния и развития современного общества. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Под ред. А.А.Ващенко. 2016. С. 625-629.
6. Коран. М.: Прогресс, 2016. 376 с.

## КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

**Шамне Н.Л., Милованова М.В.**

*Россия, г. Волгоград*

*Волгоградский государственный университет*

*E-mail: nikolay.shamne@volsu.ru, mv\_milovanova@volsu.ru*

**Аннотация.** Исследование ставит целью характеристику проблемы способов интеграции мигрантов в полиэтническое пространство отдельного региона, способствующих формированию духовной безопасности человека в условиях поликультурной среды.

**Ключевые слова:** адаптация мигрантов, полиэтничный регион, глубинное интервью, лингвоэкологическая школа, толерантность.

В российских регионах с начала 2000-х годов происходят качественные изменения, обусловленные переменами в экономической, политической, общественной жизни. Активно развивающийся в настоящее время процесс миграции сопровождается двумя противоположными тенденциями, действующими параллельно: стремление к единству с другими культурами и утверждение национального своеобразия. Соблюдение баланса в этой сфере представляет сложную, но необходимую задачу взаимообогащения различных культур, во многом связанную с проблемой духовной безопасности человека в современном обществе.

Основой для устойчивого согласия и гармонизации межэтнических отношений в отдельном полиэтническом регионе является последовательная государственная и региональная национальная политика, направленная на обеспечение равных прав и свобод граждан независимо от расовой, национальной принадлежности и вероисповедания, формирование установок толерантного сознания, учитывающих общественные интересы всех жителей данного региона. К числу таких регионов относится, в частности, Волгоградская область.

Одной из самых острых проблем полиэтнического региона является проблема интеграции мигрантов в принимающее общество. В качестве одного из возможных эффективных способов такой интеграции может быть разработана специальных программ культурно-языковой адаптации мигрантов. С целью подготовки таких программ нами были поставлены исследовательские задачи по проведению мониторинга проблем и перспектив языковой адаптации мигрантов в полиэтническом регионе – Волгоградской области, роли русского языка и иных языков в их жизни и отношении коренного русскоязычного населения к иммигрантам.

На первом этапе были изучены особенности миграционных потоков в Волгоградской области и проведен социологический опрос «Языковая ассимиляция мигрантов», в котором приняли участие различные категории мигрантов, выразившие желание избрать своим постоянным местом жительства территорию РФ (Волгоградскую область). В состав респондентов были включены учебные и трудовые мигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также члены их семей. Общее количество респондентов составило 100 человек. Отбор респондентов производился методом «снежного кома», критериями отбора являлись «статус мигранта», «желание респондента избрать РФ в качестве постоянного места жительства».

Проведенный опрос выявил средний уровень терпимости местного населения по отношению к иммигрантам. В противоположность горожанам, сельское население относится к иммигрантам более терпимо (уровень выше среднего). Отношение к приехавшим лицам иной национальности почти всегда невраждебное. В районах с пестрой этнической структурой население административных центров районов и сельских советов, как правило, многонационально, что снижает остроту соответствующих проблем. Способствует урегулированию ситуации и создание национально-культурных общественных объединений и автономий.

В то же время фиксируется и вполне терпимая к иммигрантам прослойка (составляющая примерно четверть населения). В частности, более высоким уровнем терпимости обладает студенческая молодежь.

Второй этап работы включал организацию и проведение интервью, имеющих целью определить значение языка в жизни населения Волгоградской области. Использовался «качественный метод» глубинного интервью как один из подходов, практикующихся в рамках так называемой «обоснованной теории» (grounded theory) [1]. Качественное исследование можно назвать интерпретационным, оно позволяет получить информацию о мотивах поведения и установках человека. В рамках исследования использована методика глубинного неструктурированного качественного интервью. Респондентами выступили студенты волгоградских вузов.

Путеводитель интервью был разработан на основании аспектных дихотомий, сформулированных, исходя из обозначенных задач. Рассмотрим одну из выделенных дихотомий – аспект толерантности, в рамках которого интерес представляет установление соотношения «готовность прощать ошибки в речи собеседника / элементы гибридизации языка: желание снисхождения к своим ошибкам в речи» в привязке к национальности собеседников [2].

Проведенные интервью показали, что информанты в целом проявляют высокую степень толерантности к ошибкам собеседников (речь идет о владении русским языком). Особенно высок уровень толерантности по отношению к тем, для кого русский язык не является родным (в этом случае часто никто не исправляет собеседника, даже при допущении грубых ошибок). Исключения составляют случаи, когда собеседник сам просит исправлять его.

Что касается случаев, когда информанты высказали готовность исправлять собеседника и считают это важным, в проведенных интервью обозначилось два подхода к этому вопросу. Первый подход указывает на необходимость исправлять главным образом устную речь, в то время как второй подход акцентирует внимание в основном на письменной речи. Приведем фрагменты интервью.

1. «Исправлять надо (устная речь)»:

«Интервьюер: Угу, вот интересный момент, хорошо. А как Вы думаете, допустимы ли ошибки в родной, неродной речи?»

Информант: Ошибки, конечно, особенно со стороны иностранца, они допустимы, но все-таки, я считаю, их нужно исправлять. Если тебя поправляют там, допустим, с ударением, неправильно произносится. Эээ... Очень много таких сложных моментов, я считаю, если тебя поправили, ты можешь проконсультироваться со словарем, если ты сомневаешься, и попытаться для себя исправить эту ошибку. А не быть настырным и не говорить, допустим: «катАлог», «обеспечЕние».

Интервьюер: Так, как привык, да, то есть? Хорошо. А вот как Вы относитесь, когда ошибаются ваши собеседники, может быть, русскоязычные, может быть, нерусскоязычные. Раз у вас группа интернациональная. Как Вы относитесь к их ошибкам?

Информант: Иногда я вижу эти ошибки, иногда я стараюсь более-менее деликатно поправить. Ну, иногда э... у меня была такая ситуация, когда я одноклассника исправляла один раз, второй раз, на третий раз я уже отругала его, я говорю ему: «Почему же ты не исправился?»

Интервьюер: А как они реагируют на эти исправления? Кто-то раздражается, кто-то, наоборот, понимает или не понимает и продолжает ошибаться?

Информант: Некоторые на самом деле пытаются исправиться, некоторые просто пропускают это мимо ушей. Но, чтобы это вызывало агрессию с чьей-то стороны, я, если честно, не замечала ни разу».

2. «Исправлять надо (письменная речь)»:

«Интервьюер: Скажите, Аня. Вот нас особенно интересуют именно изменения в языке, которые происходят вследствие разных социальных ситуаций. Вот, в связи с этим такой вопрос: для Вас важно, для самой себя важно ли говорить на правильном русском языке?»

Информант: Да.

Интервьюер: Почему он важен для Вас, как вы думаете?

Информант: Ну... (пауза) Я не люблю, предположим, когда мне в общении допускают ошибки.

Интервьюер: Так.

Информант: Если я переписываюсь где-то, в Интернете, скажем так, для меня это уже э... Я сразу говорю: то, что человек нерусский, это еще не значит, что он неграмотно знает русский язык. Для меня это очень большой показатель ... Как бы я сразу скажу – у меня в друзьях... Я не общаюсь с дикарями, которые, там, не знают русского языка. То есть я общаюсь, да, они нерусские, но они русифицированные... Для меня это очень большой показатель, если там девушка, особенно парень, если пишет на неграмотном русском языке...

Интервьюер: Аня, спасибо. То есть SMS-сообщения, которые, если вы получаете на плохом русском языке, – вам это неприятно? Вы делаете какие-то выводы для себя, да, об этом человеке?

Информант: Да.

Интервьюер: Вот Вы только что сказали, что в текстовых сообщениях Вы исправляете ошибки, вернее, Вам это не нравится, да? А в устной речи, если человек допускает ошибки, то как Вы реагируете?

Информант: Просто грамотность – это одно, например, а речевое воспроизведение – это совсем другое. Я сама могу говорить абсолютно на неграмотном, скажем, неофициальном русском языке и для меня это нормально, то, что я разговариваю так. Мне так удобней говорить. Вот. А когда мне пишут, официальный язык – это совсем другое.

Интервьюер: То есть письменный язык для вас – это показатель грамотности, как Вы только что сказали?

Информант: Да.

Относительно своих собственных ошибок в речи информанты проявили достаточно высокий уровень требовательности к себе. Необходимо отметить, что это обстоятельство, видимо, обусловлено тем, что все они являются студентами.

Последовательный анализ проведенных интервью, а также социологических опросов и собственно миграционной ситуации в Волгоградской области как отдельном полиэтническом регионе позволяет говорить о том, что основой и исходным пунктом для эффективной интеграции мигрантов будет культурно-образовательная сфера. Одним из ключевых условий успешной интеграции является изучение официального языка, в данном случае русского. Однако адаптация и интеграция мигрантов не должна предполагать полной ассимиляции в чужую культурную среду. Необходимо постоянно поддерживать интерес к родному языку и родной культуре. Именно такой подход может обеспечить "комфортное" существование человека в инокультурной среде, что в свою очередь будет способствовать формированию духовной безопасности человека и общества.

Все вышесказанное должно определять разработку культурно-образовательных адаптационных программ. В качестве одного из направлений данных программ предлагается организация на базе отдельных вузов региона работы лингвоэкологических школ для мигрантов (и их семей), основной задачей которых должны стать формирование толерантных установок и навыков межкультурного взаимодействия.

В рамках данных школ целесообразно:

- развивать социокультурное обучение, включающее в себя программы ознакомления с законами РФ и области, образом жизни и традициями местного населения; модульные темы и программы занятий и тренингов, направленных на культурно-языковую адаптацию мигрантов в Волгоградской области; учебно-методические комплексы с включением в них курса «Русский язык как иностранный»; программы повышения квалификации специалистов разного профиля с обязательным включением раздела «Культура межнационального общения»;

- проводить разъяснительную работу по поводу основных положений Конституции РФ, законодательства, «Кодекса межнационального общения», содержащих установки на формирование высокой культуры межнационального общения;

- расширять сеть культурно-информационных национальных центров, проводить смотры и конкурсы среди них на лучшую постановку работы;

- наладить систематическое освещение проблем и лучших образцов межнационального общения, стимулировать деятельность журналистов, проводить пресс-конференции, конкурсы на лучшую публикацию о жизни людей разных национальностей, об опыте межнационального общения;

- организовать постоянно действующие экспозиции в музеях, кинотеатрах, культурных центрах с показом истории, традиций, достижений культуры народов, проживающих в области.

Работа предлагаемых лингвоэкологических школ должна носить планомерный, последовательный характер и широко освещаться в средствах массовой информации региона. Для эффективной работы школ необходимо:

- разработать городские, районные и областную программы интеграции и культурно-языковой адаптации мигрантов, в которых отражать всю систему проводимых мероприятий в согласованном по целям, задачам, вре-

мени, исполнителям, ресурсам виде с учетом местных особенностей в межнациональных отношениях;

– проводить мониторинг межнациональных отношений, устные и письменные опросы, статистические и научные обследования с тем, чтобы своевременно выявлять проблемы в межнациональном общении и находить способы для их решения;

– создать областной, городские и районные координационные советы, призванные обеспечить совместную, слаженную работу всех структур в сфере межнациональных отношений;

– изучать, обобщать и распространять наиболее эффективные модели межнационального взаимодействия;

– проводить конференции, «круглые столы», диалоговые площадки, дискуссии, обмены мнениями по наиболее важным, спорным проблемам межнационального взаимодействия и тем самым предупреждать возникновение конфликтов на межнациональной почве.

В лингвоэкосистеме государства, как и отдельного региона, все взаимосвязано. Субъект – носитель определенного языка – тесно связан со средой своего существования. В любой среде на существование составляющих ее компонентов влияет целый комплекс различных факторов, одни из которых способствуют дестабилизации чего-либо, другие, напротив, стабилизации, позитивному развитию. Применительно к проблеме адаптации мигрантов таким позитивным фактором будет являться организация многоаспектной культурно-образовательной работы, построенной на принципах толерантности и уважения к национальным культурам.

#### **Список литературы:**

1. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники: пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

2. Shamne N., Milovanova M.V., Terentyeva E.V., Velibekova, I.M. // The polyethnolect phenomenon in the current state of language in Germany and Russia // *XLinguae*, 2016. Т. 9. № 4. С. 46–57.

### **РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)**

**Шахбанова М.М.**

*Россия, г. Махачкала*

*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*

*Email: madina2405@mail.ru*

**Аннотация:** В статье рассматривается роль религиозного компонента в формировании нравственных установок в массовом сознании и поведении дагестанских народов.

**Ключевые слова:** дагестанские народы, духовное здоровье, религия, религиозность, нравственность, межнациональные и межконфессиональные отношения.

При исследовании межэтнических отношений и религиозного фактора исследователи выделяют ксенофобию, религиозную и этническую интолерантность, этноконфессиональные противоречия, роль и место религиозного компонента в сохранении стабильности и согласия в обществе. Всесторонне и глубоко рассматривая вышеназванные проблемы, ученые не делают их основой выработки концептуальных основ совершенствования этнорелигиозных отношений, несовершенство которых является деструктивным моментом.

Религиозное возрождение в Дагестане имело не только положительный, но и негативный оттенок, ибо конфессиональный фактор может способствовать как консолидации общества, так и разъединению людей, связанный с проявлением национальной и религиозной неприязни. Формированию межэтнической и межконфессиональной нетерпимости может способствовать существующее в обществе неравенство прав религиозных меньшинств, противопоставление одной религии другой, национальные и религиозные стереотипы, подчеркивающие превосходство собственного народа и религии. По мнению Л.Н. Митрохина, в национальной культуре, «религия – не просто оболочка, внешний идеологический пласт, который легко соскоблить путем просвещения и воспитания. Как особая "наука жизни", она глубоко укоренена в повседневной деятельности людей, пронизывает их мироощущение... Бытовой ислам большинством населения воспринимается как определяющий, неотъемлемый элемент народных традиций, его влияние обеспечивается жестким общественным мнением» [1, с. 2].

В данной статье излагается взаимосвязь и взаимовлияние этнического и религиозного факторов в сохранении межнациональной стабильности в полиэтническом образовании. Для получения необходимой информации автором в 2014 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт было проведено социологическое исследование по изучению религиозной идентичности и религиозного поведения дагестанских народов. N – 904.

Роль и место религии в межконфессиональных и межэтнических отношениях исследовалось в социологическом опросе. Респондентам был задан вопрос «Какое влияние возрождение религии оказало на развитие межнациональных и межрелигиозных отношений в дагестанском обществе?». Вариант «положительно, улучшилось взаимопонимание между народами» отметили 41,2 % даргинцев, 40,1 % лезгин и 31,4 % аварцев, более того, по мнению 53,2 % чеченцев, 28,7 % лакцев, и 20,5 % кумыков, благодаря религиозному ренессансу «повысилась нравственность людей». Однако, опрошенные придерживаются и противоположной позиции: так 24,0 % лезгин и 22,2 % русских отмечают ухудшение межнациональных отношений в республике. Из всего массива выделяются респонденты лакцы, подчеркнувшие положительную роль религиозного возрождения с мотивацией улучшения



взаимоотношений между представителями разных религий (35,7 %). Если посмотреть полученные результаты опроса в разрезе отношения к религии, то верующие отметили положительную роль религиозного возрождения в процессе улучшения взаимопонимания между народами (30,0 %) и повышении нравственности людей (21,4 %). Одинаковая доля неверующих подчеркнули два противоположных суждения: «положительно, улучшились взаимоотношения между представителями разных религий» и «отрицательно, ухудшились отношения между народами» (по 22,7 %). По всей совокупности опрошенных в общественном сознании дагестанцев преобладают точки зрения «положительное, улучшилось взаимопонимание между народами» (20,9 %) и «положительное, повысилась нравственность людей» (28,9 %). Таким образом, можно констатировать, что по двум признакам (отношение к религии и этническая принадлежность) опрошенные отмечают положительную роль религиозного возрождения в развитии межнациональных и межрелигиозных отношений в современном дагестанском обществе – «улучшилось взаимопонимание между народами», но при этом, по сравнению с другими опрошенными, лезгины и русские указали на отрицательную роль религиозного возрождения – «ухудшились отношения между народами». Такого же мнения придерживаются и неверующие.

Далее респондентам был задан вопрос «Какое влияние оказывает религия на современную жизнь?». С мнением «религия удерживает человека от дурных поступков и позволяет стать высоконравственным человеком» согласны 92,2 % опрошенных чеченцев, 88,5 % аварцев, 86,3 % кумыков, 79,3 % даргинцев, 68,6 % лакцев, 60,0 % лезгин и 37,0 % русских; среди последних, доля не разделяющих данное мнение составляет 44,4 %. Больше всего затруднившихся выразить свою позицию среди лакцев (18,6 %) и даргинцев (13,8 %). Большинство самоидентифицирующихся как верующие разделяет позицию «религия удерживает человека от дурных поступков и позволяет стать высоконравственным человеком» – 82,7 %, в то время как 36,4 % неверующих не согласны; однако неверующие с небольшой разницей считают, что «религия удерживает человека от дурных поступков и позволяет стать высоконравственным человеком» (31,8 %). Далее подмассиву верующих ближе позиция «религия обеспечивает духовно-нравственное возрождение общества» – 80,0 % в противовес 40,9 % неверующих, которые не разделяют ее. По этнической принадлежности огромная роль религии в обеспечении духовно-нравственного возрождения общества отмечена 85,8 % опрошенных чеченцев, 72,6 % кумыков, 72,3 % даргинцев, 70,7 % аварцев, 54,2 % лакцев и 52,1 % русских. Не разделяют данный тезис 29,6 % русских, 28,0 % лезгин и 22,9 % лакцев. Среди последних больше всего затруднившихся ответить (22,9 %). По всей совокупности, доля респондентов считающих, что «религия обеспечивает духовно-нравственное возрождение общества» составляет 68,5 %, не согласных и затруднившихся ответить 11,1 % и 16,0 %, соответственно.

Вариант ответа «религия помогает сохранять национальные обычаи и традиции» отметили 90,6 % опрошенных чеченцев, 78,4 % кумыков, 76,0 % аварцев, по 74,1 % даргинцев и русских, 48,0 % лезгин и 40,0 % лакцев. Од-

нако 36,0 % опрошенных лезгин и 34,4 % лакцев придерживаются противоположного мнения. Роль религии в сохранении национальной культуры отмечена 54,5 % в подгруппе неверующих и 72,0 % верующих; вместе с тем каждый четвертый опрошенный среди неверующих считает, что «религия не помогает сохранять национальные обычаи и традиции» и такая же доля затруднилась с ответом.

Начавшееся с перестройкой обострение межнациональных отношений, использование в последующем религиозных лозунгов для усиления вражды и ненависти между людьми разных национальностей заставило обществоведов найти пути формирования в общественном сознании россиян идей толерантности. Для разрешения такой ситуации духовные лидеры посчитали необходимым наладить сотрудничество в форме межэтнического и межконфессионального диалога. Соответственно респондентам был задан вопрос «Как Вы думаете, помогает ли религия разрешать межнациональные споры?». По результатам нашего исследования 75,1 % опрошенных чеченцев, 63,9 % даргинцев, 63,2 % аварцев, 62,9 % кумыков, 54,1 % лакцев, 37,2 % русских и 32,3 % лезгин усматривают возможности вероучения в разрешении межнациональных споров. Противоположная позиция – «религия не помогает разрешать межнациональные споры» – характерна респондентам лезгинам (40,0 %), даргинцам (22,4 %) и русским (22,2 %). Среди последних, по сравнению с другими опрошенными, каждый третий респондент затруднился ответить. В подгруппе верующих 59,4 % опрошенных разделяют суждение, что «религия помогает разрешать межнациональные споры», хотя 18,2 % верующих не согласны с этим; 36,4 % неверующих разделяют первое мнение, такое же количество затруднились с ответом [2, 3, 4].

На состоявшейся в 1994 г. межконфессиональной конференции по проблеме «Религиозная вера и человеческая вражда», принимавшие в ней участие представители различных религий отмечали существующие в массовом сознании идеи вражды, ее негативное влияние на отношения между различными конфессиями и национальностями, но при этом стремились освободить религию от обвинений в том, что она формирует почву для разжигания межнациональных конфликтов. Духовные лидеры отмечали недопустимость использования религиозных лозунгов способствующих противопоставлению народов, разжиганию национальной неприязни и появлению межэтнических конфликтов. По мнению Н.М. Вагабова, к числу препятствий мешающих укреплению дружески близких, братских отношений между народами выступает религия и ее проявления. По неизвестной до сих пор причине, в нашей печати и устной пропаганде не обращается соответствующее внимание на проблему изучения и анализа проявлений негативной роли межконфессиональной отчужденности, как будто она реально в нашем обществе не существует и не является серьезным социально-психологическим фактором на пути совершенствования и гармонизации межнациональных отношений [5, с. 47].

Существуя на протяжении многих столетий, религия вплетена в национальное самосознание народов, оставляет свой след на развитии их культуры, быта, традиций, способствует как обострению, так и регулированию

межнациональных отношений. Истории известны многочисленные примеры, когда религия порождала или усиливала национальную дискриминацию и национальные конфликты. В свою очередь, и религия испытывает немалое влияние этнических моментов. Национальная принадлежность людей, исповедующих ту или иную теорию, накладывает определенный отпечаток на религиозный культ и религиозные традиции. Уже было отмечено, что религиозное возрождение имело не только положительные, но и негативные последствия, ибо конфессиональный фактор может способствовать как консолидации общества, так и разъединению людей, связанный с проявлением национальной и религиозной неприязни [6, с. 3]. Иными словами, возрождение ислама не привело к качественному росту нравственности у мусульман республики, впрочем, как и не способствовало консолидации дагестанского общества, единению дагестанских народов, как это прогнозировали некоторые политические и религиозные деятели.

Таким образом, проведенное исследование показывает наличие в общественном сознании дагестанцев позитивной оценки религиозного влияния на состояние межконфессиональных и межнациональных отношений в современном дагестанском обществе. Так, по мнению опрошенных, религия выполняет положительную роль в процессе улучшения взаимопонимания между народами, повышении нравственности людей и улучшении взаимоотношений между представителями разных религий. В то же время имеет место и негативная оценка религиозного возрождения по ряду причин: во-первых, ухудшение взаимоотношений между народами, во-вторых, появление противостояния между религиями и верующими, в-третьих, появление противостояния между представителями одного народа. Причем среди опрошенных выделяются респонденты-русские, относительно большая часть которых подчеркивает роль религии в ухудшении межрелигиозных и межнациональных отношений в республике: они обращают внимание на то, что религиозное возрождение способствовало возникновению противостояния между разными вероисповеданиями и верующими. Видимо такая оценка русскими роли религии в современном дагестанском обществе объясняется тем, что на протяжении последних лет мы являемся свидетелями террористических актов за пределами Дагестана, совершаемых «смертниками» под знаменем ислама, формируя в глазах русского населения негативный образ как самой мусульманской религии, так и самого мусульманина. При этом следует указать на то, что и в самой республике наблюдается отрицательное отношение к духовным лицам, женщинам в хиджабах, деятельности духовных учреждений. У светски одетых людей на быденном уровне можно встретить неприязненное отношение к носящим мусульманскую одежду, особенно часто такой негатив проявляется в отношении молодых девушек, одетых во все черное. В целом, в массовом сознании дагестанских народов существует противоречивое отношение к деятельности ДУМД и при оценке роли религии в современном обществе: с одной стороны, большая часть опрошенных положительно оценивает работу Духовного управления и роль религии в укреплении нравственности, межнациональных отношений и т.д., но при этом подчеркивают их «косвенную» роль в обостре-

нии внутрирелигиозной и межрелигиозной напряженности. Кроме того, на негативное восприятие религиозного возрождения оказывает свое влияние усиление роли религии на всем постсоветском пространстве, стремление религиозных организаций и учреждений влиять на образовательный процесс, государственное устройство и т.д. вызывает отторжение и критику не только со стороны атеистов, но и со стороны верующих людей.

#### **Список литературы:**

1. Митрохин Л.Н. Религия и нация // Наука и религия. 1989. № 3. С. 2.
2. Шахбанова М.М. Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса) // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10. С. 56 – 64
3. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Махачкала, 2009. С. 35 – 47.
4. Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.
5. Вагабов Н.М. Ислам и конфессиональные отношения // Религия и межнациональные отношения. Махачкала. 1990. С. 45 – 46.
6. Аширов Н. Ислам и нации. М., 1975. – 144 с.

### **СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ВНЕДРЕНИЯ В 20-Е ГОДЫ XX В. ПОСРЕДСТВОМ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК**

**Шендрикова С. П.**

*Россия, г. Ялта*

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)*

*в г. Ялта Крымский федеральный  
университет им. В.И. Вернадского*

*E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru*

**Шалаева Н. В.**

*Россия, г. Саратов*

*Саратовский государственный аграрный университет*

*имени Н.И. Вавилова*

*E-mail: nadejda-hist@yandex.ru*

**Аннотация.** В данной научной публикации на примере театральных постановок раскрываются механизмы реализации государственной культурной политики в Крыму после окончательного установления советской власти на полуострове. Целью научного исследования является анализ цивилизационно-культурных процессов социума, который позволяет выявить тесные взаимосвязи культурной повседневности общества с историческими процессами. Результатом этого можно видеть в многовековом опыте, выраженном в общечеловеческих ценностях, моральном облике личности и об-

щества в целом. Отторжение, неприятие такого опыта приводит к лишению перспектив.

**Ключевые слова:** идеология, политика большевиков, «Новое» время, советская драматургия, пьеса.

Период 1917 – 1923 гг. для Крыма стал тяжелым испытанием в качестве военно-политического безвременья, экономического кризиса, эпидемий, голода и нужды. В 1918 г. был организован Театральный отдел Наркомпроса, который обеспечивал общее руководство театральной жизнью в стране. В перспективе Театральный отдел должен был создать «Новый театр», который отвечал бы требованиям времени, эпохи, чаяниям народа. Отныне театры были поставлены в один ряд со школами, высшими учебными заведениями и другими учреждениями, которые были направлены служить просвещению и воспитанию народа. Весной 1918 г. симферопольский Дворянский театр был переименован в Драматический. А театральные анонсы того времени в местной прессе выглядели так: «Драматический (бывший Дворянский) театр – праздничный репертуар» [4].

26 августа 1919 г. был подписан Декрет «Об объединении театрального дела», в результате чего все театральные здания, декорации, костюмы, реквизит был объявлен национальным достоянием [2, л. 92]. В этот период Крым стал «ареной» бурных исторических событий: жестоких и ожесточенных боев, перманентной постоянной смены власти (в частности, в Крыму за короткий срок сменилось несколько различных правительств – *С. Ш.*) [5, с. 28], оккупации иностранными войсками. В газетных театральных афишах и анонсах того времени стало традиционным давать информацию такого характера: «...вход в театр допускается в верхнем платье» [1] и наоборот – «...театр отапливается» [6], хотя последнее случалось очень редко, да и то ближе к концу гражданской войны.

Утвержденный в 1919 г. «Декрет об объединениях театрального дела» внес коррективы по упорядочению структуры государственного руководства театрами. В связи с этим был открыт Театральный отдел Наркомпроса, заведующим которого стал В. Мейерхольд. Режиссер предложил программу «Театральный Октябрь», ознаменовавшую начало репертуара нового времени.

В 1920 г. симферопольский Драматический театр, был вновь переименован – теперь он назывался Первый Советский. Артисты, работающие в театре, должны были зарегистрироваться в Крымотделе народного образования и продолжать свою художественную деятельность, согласно указаниям и планам театральной секции отдела искусств. Весь репертуар должен был утверждаться театральной секцией для выработки общего художественного плана театральных работ. В этот период новым правительством также была отменена царская цензура. Однако справедливости ради следует сказать, что меры, которые употреблялись с целью формирования «нового» репертуара, существенно не отличались от имперских запретов. Благодаря содержанию театральных представлений, советская власть срочно решала проблему воспитания «нового зрителя», «нового социума». Для решения этого вопроса как нельзя лучше подходил театр, который на протяжении

своей истории постоянно выступал основным идеологическим фактором любого общества, любой эпохи, любой культуры.

С окончательным установлением на полуострове советской власти для театра был разработан устав, которым закреплялось, что Крымский государственный драматический театр (далее – КГДТ) ставит своей задачей ознакомление рабочих масс и трудящихся с образовательно-показательным, агитационным и революционным искусством, борьбу с репертуаром, который поддерживал основы буржуазной идеологии и религиозные убеждения. Нашла отражение в документе и национальная специфика Крыма: «В виду наличия особых национальных условий Крыма при КГДТ создать татарскую секцию, ставящую своей задачей постановку татарских спектаклей, при чем обозначенная секция должна существовать на основании единого бюджета и единого административного аппарата КГДТ» [8, с. 52 – 61]. Далее уставом закреплялся пункт, в котором правление КГДТ в своей идеологической деятельности должно было руководствоваться указаниями Народного комитета просвещения Крымской ССР [9, с. 187].

Что касается репертуара театра, то он, как и все программы эпизодических спектаклей, должен был утверждаться Наркомом просвещения через органы «Главполитпросвета» и «Крымлита». Правление КГДТ перед каждым театральным сезоном должно было подавать на утверждение СНК Крымской ССР план будущей деятельности на предстоящий год. Кроме того, КГДТ как театр, «Наиболее полно осуществляющий задания высших органов власти», освобождался от уплаты налога с публичных зрелищ и развлечений, утвержденного ВЦИК и СНК СФСР [3, л. 22 – 34].

Поначалу руководитель КГДТ П. Рудин выбрал классический репертуар: «Разбойники» Ф. Шиллера, «Стакан воды» Э. Скриба, «Горе от ума» А. Грибоедова [7, с. 185 – 186]. Однако новое время диктовало свои условия, и в этой связи в репертуаре театра появились пьесы: «Медвежья свадьба» А. Луначарского, «Бунт машин» А. Толстого, «Любовь Яровая» К. Тренева и другие. Эти пьесы находили отклик у нового зрителя. Кроме этого в данный период стали популярными представления-митинги с остро злободневными вопросами. К спектаклям привлекались разнообразные средства выразительности, приемы сценической условности, гротеска, эксцентрики. Пролетарская тема вступила на сцену театра [10, с. 69].

Подводя итоги, следует сказать, что изучение театральной жизни провинции позволяет определить степень влияния конкретных идей, явлений, помогает выяснить причины перемен, которые происходили в российском обществе, что является одной из составляющих всего исторического процесса. В сравнении с другими видами искусства (музыкой, литературой, живописью) провинциальный театр наиболее убедительно, выразительно, целостно раскрывает характерные черты социокультурной жизни общества.

#### **Список литературы:**

1. Вход в театр допускается // Южные ведомости. – 1917. – 17 февр. (№ 38).

2. Госархив РК (далее – ГАРК). Ф. Р. 652 Совет народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР, оп. 1. Д. 112 О национализации всех театров, кинотеатров, цирка со всеми постройками и имуществом и зачислении их за Отделом народного образования, 133 л.
3. ГАРК. Ф. Р. 652 Совет народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР, оп. 1. Д. 636 О Крымгостеатре, 34 л.
4. Драматический (бывший дворянский) // Наш голос. – 1918. – 5 мая (№ 6).
5. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2 / П.Н. Надинский. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 302 с.
6. Театр отапливается // Крымская мысль. – 1920. – 1 февр. (№ 26).
7. Шендрикова С.П. «Горе от ума» А.С. Грибоедова на крымских подмостках в XIX, XX и XXI веках / С.П. Шендрикова // Науковий вісник : зб. наук. праць. Науки: економіка, політологія, історія. / Одеський держ. економічн. Ун-т. – Одеса, 2012. – № 24 (176). – С. 176 – 186.
8. Шендрикова С.П. Крымско-татарский государственный драматический театр в городе Симферополе в 20 – 40-е годы XX столетия / С. П. Шендрикова // Тюрки и другие народы. История. Язык. Культура. – 4-е изд. – Берлин, 2010. – С. 52 – 61.
9. Шендрикова С.П. Театральная жизнь Симферополя в годы Революции, Гражданской войны и установления Советской власти / С.П. Шендрикова // Науковий вісник : зб. наук. праць. Науки: економіка, політологія, історія / Одеський держ. економічн. ун-т. – Одеса, 2010. – № 21 (122). – С. 181 – 188.
10. Шендрикова С.П. М.И. Царев на сцене Крымгосдрамтеатра (1928 – 1931) / С.П. Шендрикова // Культура народов Причерноморья: науч. журнал. – Симферополь, 2010. – № 196, т. 1. – С. 68 – 70.

## **АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННИХ УСТАНОВЛЕНИЙ МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**Шарипова Э.А.**

*Россия, г. Уфа*

*Институт права Башкирского государственного университета*

*E-mail: elmira.scharipova@yandex.ru*

Традиционные ценности мировых религий на современном этапе являются значимым фактором, влияющим на общественное сознание. Внутренние установления религиозных организаций отражают как основы верования, так и нравственные установки верующих. Согласно части 2 статьи 15 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», «государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству Российской Федерации» [5]. По мнению М.О. Шахова, к

числу внутренних установлений может быть отнесено «всё, что регулирует деятельность религиозных объединений и их участников, включая священные тексты, нормы религиозного права, правила совершения богослужений, религиозных обрядов и ритуалов, правила поведения священнослужителей и верующих и т.д.» [4]. Понятие внутренних установлений религиозной организации имеет максимально широкое содержание, и, необходимо полагать, может включать в себя и неписанные правила поведения, традиционные для конкретной религиозной организации нормы, обычаи, сформировавшиеся на основе интерпретации правил и образцов поведения, выводимых из священных текстов. Религиозные нормы, установленные шариатом, воспринимаются верующими в исламе как абсолютно неприкосновенные правила поведения, в том числе, правила мышления и формирования совести, нравственных ценностей, не подлежащие пересмотру и обладающие императивностью, обязательностью в силу внутренних убеждений человека. Религиозные нормы регулируют практически все сферы повседневной жизни мусульман. Таким образом, по сути, внутренние установления религиозных организаций - это совокупность всех социальных норм, регулирующих поведение верующих, священнослужителей и прихожан (последователей). Это как правовые, так и этические, эстетические, традиционные, корпоративные нормы, нормы этикета, которые регулируют общественные отношения внутри религиозной организации и регламентируют поведение последователей религиозной организации (прихожан мечетей). Для обозначения содержательной стороны внутренних установлений религиозной организации, на наш взгляд, можно удачно воспользоваться понятием, сформулированным Л.Р. Сюкияйненом - это вся «социально-нормативная культура ислама» [3], поскольку понятие культура вмещает в область своего определения и право, и мораль, и этикет, и традиции, и эстетику.

Для мусульманских религиозных организаций, на наш взгляд, познание «свода» или «кодекса» жизни мусульманина, или система всех правил поведения мусульманина, регламентирующих повседневную жизнь, образ мышления и обрядовую сторону верующего, в недавнем прошлом, представляла методологическую и практическую трудность в силу недоступности трудов квалифицированных исламских богословов, которые занимались систематизацией и философским обоснованием данных правил, принципов, парадигм и в целом картины мира верующего мусульманина. Имамы мечетей были вынуждены ориентироваться на изданные локальными сообществами и малым тиражом «учебные пособия», содержащие различные интерпретации системы социально-нормативной культуры ислама. Действительно, «подлинное послание ислама часто искажается его последователями, особенно из числа радикальных и экстремистских течений». «В этих интерпретациях ислам предстает как репрессивное, эксклюзивистское, антигуманное и воинственное учение» и задача мусульманских религиозных организаций - «преодолеть это узкое понимание ислама, которое, к сожалению, получило крайне широкое распространение в современном мире» [2, С. 61]. С этой точки зрения, положение, связанное с научно-методическим обеспечением религиозного обучения и религиозного образования, на наш



взгляд, было переформатировано за последние 5-6 лет, создав на сегодняшний день условия для качественно нового уровня исламского образования. Например, изложение правил фикха относительно религиозных обязанностей мусульман ('ибадат), также норм, регулирующих мирские взаимоотношения (му'амалат); энциклопедия норм и правил Ислама и другие издания, охватывающие нормы и положения фикха, выводят на качественно новый уровень понимания сущности божественных установлений в исламе [1].

Положения внутренних установлений мусульманских религиозных организаций основаны на нравственных принципах Сур священного Корана. Они, к примеру, регламентируют порядок совершения ежедневной обязательной молитвы (намаз) мусульман, выполняемой пять раз в день, внешние и внутренние фарзы намаза; порядок выполнения четырех ракаатов полуденного намаза; особенности совершения дополнительного намаза, коллективной молитвы; пятничного намаза, праздничного намаза; таравих намаза; похоронного намаза. Согласно Сунне, к примеру сказать, женщинам совершать намаз коллективно без мужчин нежелательно (макрух). Если, несмотря на нежелательность, они будут молиться коллективно, то избирают себе имама-женщину, которая становится в середине первого ряда (Пророк сказал: «Коллективный намаз лучше намаза, совершенного в одиночестве, в двадцать пять раз»). Наиболее почтительнее на место имама в коллективной молитве вставать человеку, лучше знающему сунну Пророка (с.а.в.) (то есть знающему фикх), если он может читать необходимый минимум из Корана. Затем приоритет отдается тому, кто больше знает Коран; далее - более набожному; потом - самому старшему; после - тому, у кого лучше нравственность; за ним - приятному лицом. Надо отметить, что имам мечети более достоин остальных в своей мечети, а хозяин дома предпочтителен над другими в своем доме. Такая доскональная, до мельчайших подробностей, детализация и конкретизация правил действий верующего может составлять свод внутренних установлений. В мусульманских образовательных организациях половая принадлежность обучающихся (согласно нормам исламской религии) является основанием деления на учебные группы. Студенты медресе могут быть отчислены из медресе за совершение поступков, несовместимых с учением Ислама; в учебных заведениях мусульманских религиозных организаций запрещаются одеяние, не соответствующее требованиям религии (Ислам); обучающиеся не должны громко разговаривать, запрещается шуметь в коридорах во время занятий и молитв (намазов), сквернословить. В условия трудового договора между религиозной организацией и работником могут быть включены такие основания для его прекращения, которые связаны с нарушением работником внутренних установлений религиозной организации. Таким образом, юридическое положение внутренних установлений религиозных организаций в правовой системе оказывается значимым фактором. Основы вероучения и внутренние установления религиозных организаций находят отражение и в уставах религиозных организаций. Целями и задачами создания мусульманских религиозных организаций являются совместное исповедание и распространение Исламского вероучения, содействие в организации новых религиозных объ-

единений, проповедь Корана и сунны Пророка Мухаммеда, идей мира, духовно-нравственное воспитание верующих, пропаганда здорового образа жизни, трудолюбия и ответственности, воспитания, патриотизма и интернационализма, просветительская деятельность, работа по укреплению семьи. В качестве основных задач прихода закрепляются, например, - повышение духовного потенциала и укрепление нравственных устоев мусульманского общества; достижение межконфессионального и межнационального мира, взаимоуважения и согласия; руководство духовной и религиозно-образовательной жизнью мусульман, реализации их законных интересов и прав в области мусульманского вероисповедания; соблюдение канонического единства и ответственное исполнение указов, постановлений и решений руководящих органов централизованных религиозных организаций; организационное руководство и оказание необходимого содействия верующим в проведении богослужений, молитвенных и религиозных обрядов и церемоний в молитвенных зданиях, создание и содержание свободно доступных мест для богослужений (мечеть, молитвенный дом и др.). Для ведения воспитательно-образовательной деятельности в мечети, специалисты обязаны иметь соответствующее разрешение централизованной религиозной организации, т.е. пройти аттестацию в Духовных управлениях. Внутренние установления могут закреплять обязанность членов прихода, последователей совершать все необходимые религиозные предписания, регулярно посещать пятничные молитвы, принимать активное участие в делах прихода, вести здоровый образ жизни. В некоторых образцах уставов религиозных организаций нашли отражение такие внутренние установления, как требование «пользоваться уважением среди населения». Внутренние установление и уставы, как правило на Имам-хатыба - председателя возлагают ответственность за религиозно-нравственное состояние и соответствующее воспитание прихожан. Имам-хатыб - председатель в соответствии с нормами Исламского вероучения должен руководствоваться религиозно-правовым направлением (мазхабом) имама Абу Ханифы; должен заботиться о правильности и благовейном молении. Имам-хатыб - председатель является высшим духовным лицом прихода и несет ответственность за организацию и проведение пятничных, праздничных молитв и ежедневных пятикратных молитв, а также религиозных обрядов у верующих. Имам и муэдзин являются помощниками имам-хатыба. Имам и муэдзин являясь духовными лицами обязаны содействовать имам-хатыбу прихода в отправлении: пятикратной молитвы (намаза); праздничных богослужений. Имам и муэдзин осуществляют омовение и обряд погребения усопших мусульман согласно правил Шариата.

Таким образом, религиозными деятелями являются имамхатыб, имам и муэдзин. Данным духовным лицам предписано обладать профессиональным религиозным образованием; иметь опыт управления в религиозной организации; пользоваться доброй репутацией, доверием духовенства и верующих в искреннем служении Исламу и Отечеству. Таким образом, в уставах религиозных организаций (махалли) часто акцентируется внимание на нравственных или этических аспектах, которые выработаны внутренними

установлениями религиозных организаций. Например, «сохранение внутреннего единства махалли и содействие ее нравственному возрастанию, создание крепкой основы в обществе для повышения уровня воспитания и образования в духе мусульманских ценностей, комплексной подготовки гармонично развитых, высокообразованных и высоконравственных личностей, поддержание здорового образа жизни, взаимоуважения, братства и сотрудничества; содействие в реализации государственных и общественно значимых социальных, гуманитарных и иных культурнопросветительных программ, направленных на защиту и развитие личности; содействие укреплению миролюбивых отношений между людьми, а также нравственности, культуры и трудолюбия в обществе, руководство духовной и религиозно-образовательной жизнью мусульманского сообщества, реализация его законных интересов и прав в области мусульманского вероисповедания» [7].

### Список литературы:

1. Абдальхамид Махмуд Тахмаз. Ханафитский фикх. Т. I. Религиозные обязанности. Т. II. Общественные взаимоотношения. 3-е издание, исправленное и дополненное. Под общей редакцией Д. В. Мухетдинова. М.: Издательский Дом «НУР», 2013. - 366 с.; Забиров А. А. Энциклопедия норм и правил Ислама. Пенза, 2013. - 832 с.

2. Мухетдинов Д.В. Проблема религиозного плюрализма и спасения в трудах Мухьи Ад-дина Ибн-ал - 'Араби // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 4. С. 47-64.

3. Сюкияйнен Л.Р. О преподавании исламского права в России // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Том 12. № 4. С. 199-214.

4. Шахов М.О. Внутренние установления религиозных организаций // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publication/2015/108>

5. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с посл. изм. и доп. от 06 июля 2016 г. № 374-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05 декабря 2012 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/extsearch.aspx>

7. Шахов М.О. Мусульманские религиозные объединения в Российской Федерации и закон / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?5320>

## «РОДНОВЕРЧЕСКИЙ ОБЕРЕГ»: К ВОПРОСУ О ПОГРУЖЕНИИ В ЯЗЫЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ XXI ВЕКА

Шиженский Р.В., Суroveгина Е.С.

Россия, г. Нижний Новгород

Нижегородский государственный педагогический университет

им. К. Минина

E-mail: [heit@inbox.ru](mailto:heit@inbox.ru)

**Аннотация.** Характерной особенностью современного русского язычества, возникшего во второй половине 70-х годов XX столетия, следует признать создание индустрии сакральных товаров. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в отечественной и зарубежной научной среде работ, посвящённых изучению «материальной стороны» феномена русского язычества XX-XXI веков. В статье поднимается вопрос о традиции современных языческих оберегов (талисманов, амулетов). Используя данные, полученные в ходе анкетного опроса, авторы останавливаются на рассмотрении особенностей языческого оберега: наличие/отсутствие талисмана у респондентов; количестве амулетов, их типе и материале. Уделяется внимание вариативности приобретения оберегов, причинам, побудившим неопитов и адептов данного мировоззренческого феномена использовать «материальную защиту». В результате исследования авторы пришли к следующим выводам: во-первых, подавляющая часть участников Купалы 2017 года является обладателем оберега, причём большинство предпочитает использовать один сакральный символ. Во-вторых, большинство респондентов выбрало орнамент (знак и символ) в качестве своего амулета. В-третьих, закономерным выглядит приобретение оберегов на празднике (фестивале). Данный выбор продиктован присутствием на языческом «свято» (празднике) большого количества неопитов, проходящих обряды «имянаречения» и утверждающих свой новый статус, в том числе, за счет приобретения соответствующей атрибутики.

**Ключевые слова:** оберег, символика, современное русское язычество, опрос, праздник.

Вторая половина 1970-х годов ознаменовалась появлением на территории РСФСР идеологов русского язычества. С момента генезиса и вплоть до настоящего времени одним из атрибутивов конструируемого этноориентированного язычества выступает символ. Так, первый «советский язычник» Доброслав (А. А. Добровольский) утверждает «коловорот» (восьмилучевую свастику) [1]. Нативисты второй и третьей волны значительно расширили сферу «визуального язычества», обогатив мировоззренческий феномен разнообразием обрядовой и повседневной одежды, культовых предметов (жреческие и волховские бубны, посохи), специфическими сюжетами тату и тематическими подборками демотиваторов сети Интернет [2, с. 72–84]. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение особенностей наиболее массовой (растиражированной) бизнес индустрии современного русского язы-

чества – индустрии оберегов [3]. Именно оберег (амулет, талисман и т. п.), используемый представителями русского политеизма как на территории сакрального пространства (капища, храма, места силы), так и в мире повседневного, выполняет роль первичного идентификатора, как личностного, так и общественного. Оберег – проявление «вещественного язычества», «фиксирует» своих и является одним из атрибутов диаспоральности рассматриваемого нового религиозного движения. В настоящее время в отечественной и зарубежной науке отсутствуют специализированные исследования, посвящённые новоязыческой атрибутике. С целью первичного мониторинга обозначенного проблемного поля в июне 2017 года представители научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина провели анкетирование среди представителей языческих общин содружеств «Велесов Круг» и «Коло Яра», проводивших совместный праздник Купалы (Серпуховской район Московской области).

Опросный лист 2017 года состоял из четырёх вопросных блоков, содержащих как открытые, требующие от респондента при ответе авторских комментариев, так и закрытые вопросы, нацеленные на определение степени вхождения в языческую традицию. В данной статье будут рассматриваться особенности данных блока №4, посвященного оберегам. В анкетировании 2017 года приняло участие 244 человека. Полностью отказались от заполнения опросного листа 95 человек: 53 мужчины и 42 женщины. Четвертый блок анкеты состоял из семи вопросов, задачи которых заключались в определении количества имеющихся у респондента оберегов, причин их использования, а также типа, вида, материала, и способа приобретения оберега.

В первом вопросе представителям языческого сообщества предлагалось подтвердить/опровергнуть наличие у них соответствующих заявленному мировоззрению талисманов. Всего два человека (0,8%) от общего числа опрошенных отказались ответить на данный вопрос, сто девяносто восемь респондентов (75,3%) отметили, что имеют таковой. Отсутствовал оберег у пятидесяти восьми участников Купальского праздника, что составило 22,1%. Три человека (1,9%) отметили в опросных листах, что еще только собираются приобрести оберег.

Второй вопрос опросного блока №4 был направлен на определение количества используемых респондентом оберегов. Согласно полученным данным, один оберег имеют девяносто три человека (35,4%), по два оберега используют 17,9% опрошенных. Восемнадцать человек (6,8%) выбрали вариант «три оберега», обладателями более трех оберегов являются тридцать восемь респондентов (14,4%).

Цель третьего вопроса блока заключалась в определении причины, побудившей современных язычников использовать тот или иной оберег. На первом месте оказался такой критерий как «приверженность к определенному мировоззрению», его выбрало сто десять человек, что составило 41,8% от общего числа ответов. Второе место заняла категория «другое» – 17,5% (46 респондентов). Среди ответов данного раздела наиболее интересными были следующие: «Использую для защиты личности, связи с предками, взаимо-

действия с силами природы» (анкета №36); «Помощь, защита на тонком уровне» (анкета №41); «Защита от недоброго глаза, нечисти (анкета №44)»; «Оберег обязывает стремиться к своему устремлению в жизни» (анкета №238). Кроме того, одной из причин использования оберегов стало «стремление к самоидентификации», данный вариант ответа выбрало двадцать три человека (8,7%). Для семи респондентов, принявших участие в опросе, причиной, побудившей использовать оберег, стал «пример родственников, друзей, знакомых». «Влияние авторитета (учителя, наставника, вождя)» явилось значимым для трёх человек (1,1%). «Мода» как приоритетный критерий для использования оберега был выбран лишь одним респондентом. Семьдесят три язычника (27,8%) отказались отвечать на данный вопрос.

Четвертый вопрос был посвящен типу используемых оберегов. Для ста шестидесяти респондентов (60,5%) приоритетным типом стал «орнамент (знак, символ)». Второе место по количеству ответов заняло «изображение растения, животного» – 11,4% опрошенных, шесть человек выбрали вариант «изображение человека». По пять ответов (1,9%) набрали такие критерии, как: «изображения неодушевленного предмета» и «изображение мифологического персонажа». Семьдесят семь респондентов (29,3%), предпочли оставить данный вопрос без ответа.

В пятом вопросе опросного блока №4 респонденты должны были указать происхождение материала из которого выполнен(ы) их оберег(и) (предложено выбрать до трех вариантов). Согласно полученным данным, приоритетными являются следующие материалы: серебро – 28,9%; дерево – 20,2%; медь – 8,7%; бронза – 6,8%; золото – 1,9%; камень – 1,5%; ткань и кость по – 1,1%. Вариант «другое» выбрало 3,8%. Шестидесят восемь человек (25,9%), принявших участие в опросе, не ответили на данный вопрос. На второй позиции респонденты указали: серебро – 9,9%; бронза – 4,9%; медь – 3,4%; камень – 3%; ткань – 1,9%; кость – 1,5%; золото – 3%; вариант «дерево» не был выбран ни разу. Вариант «другое» указало 2,3% опрошенных. Третье место, по приоритетности заняли: серебро – 3,8%; ткань – 3%; золото – 2,3%; камень – 1,9%; бронза – 0,8%; дерево – 0,4%. Соответственно, варианты «медь» и «кость» респондентами отмечены не были. Ответ «другое» указало 1,5%. Среди ответов категории «другое» были указаны следующие материалы: латунь, железо, сталь, метеорит, кожа, рог.

Предпоследний вопрос опросного блока ставил целью определение формы используемого оберега (респондентам предлагалась выбрать по два наименования). Так, для первого варианта стали характерны следующие варианты: оберег в форме подвески выбрало сто девять человек (41,4%), кольцо стало оберегом для пятидесяти респондентов (19%), шестнадцать опрошенных (6,1%) в качестве своего амулета указало браслет. Вариант «другое» отметил двадцать один человек. Среди ответов категории «другое» наиболее интересными стали: «одежда», «куклы», «писанки», «клыки зверя», «ножи», «топоры», «пояса» и т. д. Затруднились дать ответ на указанный вопрос 67 (25,5%) участников Купальского праздника.

Анализ полученных данных по второй позиции выявил следующее: подвеска – 35 ответов, браслет – 14, «другое» – 4 ответа. Вариант «оберег в форме кольца» не зафиксирован.

Последний, седьмой вопрос был нацелен на выявление вариативности приобретения респондентом оберега(ов). Данный вопрос вызвал затруднения у шестидесяти девяти язычников. Самым популярным стал вариант ответа «приобретен на празднике», его выделило семьдесят пять человек (28,5%) из принявших участие в опросе. Путем дарения обереги появились у сорока трёх (16,3%) респондентов. В магазине оберег приобрели 33 человека (12,5%). У частного мастера талисман заказало двадцать восемь респондентов, что составило 10,6% от общего числа полученных ответов. Самостоятельно свои обереги изготовили пятнадцать человек.

Безусловно, изучение современной славянской языческой идентификации, «родноверческой» семиотики находится в начальной стадии и требует значительных усилий, как в плане сбора полевого материала, так и в плане анализа анкетного массива, в том числе, с привлечением сравнительно-исторического метода. Вместе с тем, данные, полученные в ходе «пилотного опроса», позволяют выдвинуть ряд выводов-предположений. Во-первых, подавляющая часть участников Купалы 2017 года является обладателем оберега, причём большинство предпочитает использовать один сакральный символ. Если, процент обладателей «фетиша» подтверждает тезис о стремлении русского языческого социума к самоопределению и анагноризису (узнаванию) в пределах существующей российской религиозной карты, то единичность оберега, может быть объяснена с нескольких позиций. К примеру, данный выбор может быть связан с символикой бога покровителя конкретного адепта (один бог – один символ) или с синкретическими представлениями современных язычников, переносящих и копирующих знаки мировых религий (нательный крест, талисманы с аятами и т.д.). Во-вторых, большинство респондентов выбрало орнамент (знак и символ) в качестве своего амулета. Символизация в очередной раз очерчивает границы «мира своих» – территории посвящённых и, вместе с тем, поднимает проблему языческого «новояза» – специфического языка используемого лидерами общин и рядовыми членами объединений [4; 5; 6, с. 190–200]. В-третьих, выбор металла (серебро) и формы оберегов, может быть продиктован данью традиции: серебро священный языческий металл, подвеска «ближе к телу» и т. п. В-четвёртых, закономерным выглядит приобретение оберегов на празднике (фестивале). Данный выбор продиктован присутствием на языческом «свято» (празднике) большого количества неофитов, проходящих обряды «имянаречения» и утверждающих свой новый статус, в том числе, за счет приобретения соответствующей атрибутики. Кроме того, сама специфика «родноверческого» праздника, одного из главных элементов языческого мировоззрения в действии, включает ярмарку [7, с. 197–204], предполагающую обмен и покупку исторических амулетов-реплик и псевдоисторических неязыческих талисманов.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15-31-01247).*

### Список литературы:

1. Доброслав - идеолог Русского Язычества [Электронный ресурс] // Узнай- правду!com – Режим доступа: <http://uznai-pravdu.com/viewtopic.php?f=48&t=340>
2. Шиженский Р.В. Языческий демотиватор – «мировоззренческая наглядность» современной России // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему. Прага: Vedeckovydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ s.r.o. 2012. С. 72-84.
3. Влх. Богумил. Книга оберегов. М.: Велигор, 2012.
4. Казаков В.С. Именослов. М.: Русская Правда, 2011.
5. Влх. Велеслав. Вещий Словник: Славления Родных Богов. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2007.
6. Самойлова Г.С. Антропонимы как способ самовыражения в новых языческих течениях // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Нижний Новгород, 2016. С. 190–200.
7. Шиженский Р.В., Суroveгина Е.С. Сакральные места современных русских язычников: опыт 3D презентации // Бюллетень Центра этнорелигиозных отношений «Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции». Коллективная монография по материалам международной научной конференции 26–27 апреля 2017 г. СПб: Любавич, 2017. С. 197-204.

### «ЗАБОТА О СЕБЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Щекотин Е.В.**

*Россия, г. Томск*

*Томский государственный университет*

**Аннотация.** Анализируется проблема определения духовной безопасности. Рассматриваются основные исторические этапы трансформации данного понятия. Предлагается концепт «заботы о себе» как механизм укрепления духовной безопасности.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, пастырская власть, «правильность», забота о себе

Проблема духовной безопасности в последние годы вызывает активный исследовательский интерес – этой теме посвящены многочисленные статьи, защищено несколько диссертаций, опубликованы учебные пособия. Однако, несмотря на повышенный интерес к проблематике духовной безопасности, пока не сложилось ясного понимания данного феномена, что в свою очередь имеет негативные практические последствия. Отсутствие консенсуса относительно того комплекса явлений, которые охватывает ду-



ховная безопасность, не позволяет принимать эффективные управленческие решения и оказывать противодействия угрозам в этой сфере.

Следует признать справедливым утверждение С. И. Чудинова о том, что большинству современных подходов в определении духовной безопасности присуще тяготение к социологической интерпретации и недостаточной дифференциации сферы духа от других феноменов человеческого и социального бытия [1, с. 198]. Действительно, нельзя не учитывать специфику духовной жизни личности, когда речь идет о духовной безопасности. Так, А.А. Возьмитель выделяет два подхода к трактовке духовной безопасности России – традиционный и социологический [2, с. 147-148]. Первый акцентирует внимание на защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз. Второй – на состоянии и условиях жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, на внутреннем состоянии системы безопасности. Можно заметить, что оба эти подхода интерпретируют духовную сферу как социальное явление. Было бы существенным упрощением рассматривать духовную безопасность только как компонент концепции национальной безопасности, хотя и обладающий специфическими чертами.

Феномен духовной безопасности имеет более глубокие исторические корни, чем привычные для современного исследователя категории государственной и национальной безопасности. Эти категории возникают в XVIII-XIX вв., когда складываются современные нации и национальные государства как субъекты исторического процесса. В то время как духовная жизнь становится сферой особого управления гораздо раньше, с утверждением христианства в качестве официальной религии Римской империи. Так, один из первых христианских историков Евсевий Кесарийского указывает, что одной из основных задач государя является содействие в достижении Царства Небесного [3]. Эту же точку зрения поддерживает Иоанн Златоуст, который полагает, что царская власть может способствовать спасению человека, т.к. наказывает «злых», а добрым оказывает «благодеяния и почести» [4, с. 776]. В дальнейшем, идея о том, что в обязанности правителя входит забота о спасении своих подданных прочно укоренилась в представлениях о сущности королевской и царской власти [5, с. 81]. М. Фуко называет эту обязанность христианского правителя «пастырской властью». Это «власть заботы» - заботы о спасении своего «стада» [6, с. 183]. Пастырская власть включала в себя также «управление душами» («экономия душ»), т.е. определенные практики, целью которых являлось спасение душ [6, с. 258]. М. Фуко детально анализирует эти практики и техники пастырской власти, которые на наш взгляд можно с полным правом назвать первой формой духовной безопасности.

Однако в дальнейшем, по мере формирования абсолютистских монархий, пасторская власть сменилась другой формой регулирования социальных отношений, которую М. Фуко называет «governmentality» (существует два русских перевода этого термина – правительность и управленчество, будем в дальнейшем использовать термин «правительность»), суть которой состоит в

переходе к политическому управлению подданными правителя и учреждением особого объекта управления – «населения». Исторически первой формой правительности стало так называемое «полицейское государство», основные идеи которого сложились к XVIII в. В рамках полицейского государства пастырская опека замещается административными органами, которые принимают на себя заботу о благополучии своих подданных, в том числе и заботу о духовном и душевном благополучии. Эта забота реализуется посредством детальной регламентации жизненного уклада подданных писанными нормативными актами [7]. Предметом полицейского регулирования становятся, в том числе сфера духовности и морально-нравственных отношений людей. Так, например, полицеист Деламар относил к компетенции государственной полиции следующие вопросы: религию, наблюдение за нравами, забота о народном здравии и забота о народном продовольствии [8, с. 17].

Дальнейшее развитие правительности связано уже со становлением рыночного общества и национальных государств современного типа. Кардинальную трансформацию претерпевает субъект управления. Прежде в этой роли выступал человек, обуреваемый страстями и желаниями. Именно на регулирование страстей и была направлена духовная безопасность. «Страсти», т.е. желания человека, связанные со стремлением к низменным, мирским целям (таких как плотские удовольствия, богатство, тщеславие, честолюбие и т.п.), рассматривались как препятствия на пути к благой жизни, к спасению. Пастырская и полицейская власть реализовывалась как форма управления этими «страстями». В эпоху Просвещения, «страсти» перестают интерпретироваться как отклонение от разумной, добродетельной жизни, напротив, утверждается мнение, что без страстей невозможно счастье человека [9, с. 14]. В XVIII в. появляется «арифметика страстей», которая рассматривает «страсти» как необходимое условие гармоничного социального порядка [10]. Эта переоценка роли «страстей» и желаний в жизни человека стала антропологическим основанием для возникновения современного «рыночного общества».

Сфера духа в этот период ассоциируется, прежде всего, с понятиями свободы и освобождения. Ц. Тодоров указывает, что проект Просвещения выражается в двух словах – «эмансипация» и «автономия»: эмансипация индивида от всякого внешнего принуждения и автономия от внешних правил и норм [11, с. 8]. Тем самым индивидуализм возводится в ранг фундаментального принципа социальной онтологии. Необходимость следовать «страстям» как этический принцип становится идеологическим обоснованием социально-политического проекта, который разворачивается в этот период и реализуется в форме государства Нового времени. Это государство активно вторгается в пространство самоуправления и самоорганизации своих подданных, разрушая традиционные формы общинной жизни посредством универсализации и гомогенизации социальных отношений с одной стороны и утверждения ценностей индивидуализма, с другой. При этом в качестве компенсации за эти ограничения государство Нового времени принимает на себя многие социальные функции, которые далеко выходят за пределы военной сферы, которой прежде ограничивались полномочия госу-

дарства: «Сфера деятельности государства значительно расширяется за пределы вопросов собственно вооруженных сил, и граждане теперь ждут от него самой широкой защиты, разрешения споров, производства и распределения» [12, с. 173]. М. Фуко назвал такую форму отношений между государством и населением «договором о безопасности» [13, с. 46]. Этот договор подразумевает, что государство гарантирует безопасность во всех случаях, когда нарушается привычный порядок повседневной жизни. Вмешательство государства означает, что самостоятельность и полномочия самих людей касательного тех вопросов, которые непосредственно затрагивают их благополучие (здоровье, труд, семья и т.д.), постепенно упраздняются.

Таким образом, в период Нового времени наблюдается радикальный сдвиг в понимании того, чем является духовная безопасность. Это связано с тем, что сфера духовной жизни редуцируется к проблематике прав и свобод, к «правам человека», которые заменяют религиозные догматы по своему сакральному статусу в философии Просвещения [10, с. 14]. Однако проблема духовной жизни личности намного сложнее и богаче. Можно выделить, по крайней мере, два разных аспекта этой проблемы, которые связаны с безопасностью и которые требуют различных подходов к своему решению. Первый аспект – это угроза информационного воздействия и манипулирования индивидуальным и массовым сознанием. Эта проблема во многом связана с бурным развитием технологий распространения информации. Начиная от времени появления книгопечатания и до современной эпохи Интернета, технологические средства активно используются для дезинформации, нагнетания слухов и панических настроений и т.д. (так, здесь можно упомянуть такую технологию дезинформирования населения, как создание «фейковых» новостей, которые активно использовались во время последних президентских выборов в США). Эта часть проблемы связана с такими явлениями как информационная война и информационная безопасность. Большое значение для ее решения имеет регламентирующая и надзорная деятельность государственных органов, а также оперативная работа спецслужб.

Второй аспект духовной жизни, имеющий также огромное значение для безопасности и который нельзя решить посредством усиления контроля и надзора, связан с таким явлением, которое можно назвать «кризис духа». Под этим термином следует понимать ослабление мотивационно-волевой составляющей личности. Это проявляется не только в форме ценностного кризиса и упадка морального сознания в современном обществе. Проявлением кризиса духа является, прежде всего, отсутствие критической способности мышления у современного человека и практических навыков «заботы о себе» как определенного типа практики самосозидания и самоусовершенствования.

Практика «заботы о себе» была глубоко укоренена в античной культуре. Во времена Сократа и Платона она носила пропедевтический характер и была связана с подготовкой молодого человека к достойной жизни в полисе. Затем в эллинистическую эпоху забота о себе становится непрерывной духовной и телесной практикой самоусовершенствования, которая позволяет подняться над миром повседневных хлопот и суеты. Забота о себе в древне-

греческой философии – это способ взглянуть на вселенную с точки зрения вечной и универсальной природы [14]. В дальнейшем практика заботы о себе получила развитие в разных формах христианского аскетизма. Возрождение практики заботы о себе как способа сознательного и целенаправленного самотворения на основе «разумных добродетелей» является важнейшей задачей в сфере духовной безопасности.

Способность к самостоятельному критическому мышлению и поведению является гораздо более действенным противодействием информационной агрессии, которая направлена против России на современной этапе мирового развития. Становление рыночного общества и утверждение либерально-утилитарных ценностей, которое происходило в западных странах на протяжении последних двух веков, привело к тому, что забота о себе как способ формирования ответственной личности оказалась в глубоком забвении. Это понятие получило узкоспециальную трактовку в сфере медицины и психологии. Однако сегодня, очевидно, что только самостоятельная личность, способная позаботиться о себе и принять ответственность за другого, способна противостоять информационному оружию. Действительно, индивидом, который не умеет контролировать свои «страсти», гораздо проще манипулировать и интегрировать его в массовое общество, чем критически и свободно мыслящего субъекта. В этом смысле развитие заботы о себе можно рассматривать как стратегическую задачу по укреплению духовной безопасности страны.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.*

#### Список литературы:

1. Чудинов С.И. Духовная безопасность и турбулентное общество в философской рефлексии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12(74). – В 3-х ч. Ч. 2. – С. 198-200.
2. Возьмитель А.А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. – 2006. - № 2. – С. 147-159.
3. Тимошина Е. В. Учение о царской власти в византийской церковной историографии IV-VI вв.: В сравнении с учением святоотеческой литературы IV в. // Правоведение. - 1994. - № 5 - 6. - С. 141–148.
4. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на послание к Римлянам. – М., 1994.
5. Толчев И.А. Устроение и легитимация земного порядка как важнейшая функция правителя и ее отражение в трудах русских книжников XV–XVI вв. // Традиционные общества: неизвестное прошлое [Текст]: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апреля 2011 г. /Под ред. Д.В. Чарыкова (гл. ред.), О.Д. Бугас, И.А. Толчева. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицера», 2011. – С. 80-85.
6. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Колеж де Франс в 1977-1978 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

7. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. – 718 с.
8. Корнев А.В. Полицейское государство: идеи и практика: Уч. пособие. – М.: Академия управления МВД России, 1998. – 93 с.
9. Гольбах П.А. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 563 с.
10. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: НЛО, 2007. – 256 с.
11. Тодоров Ц. Дух Просвещения. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с.
12. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.
13. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
14. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448 с.

## **СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС КАК ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Шошин Н.А., Мезенцев И.В.**

*Россия, г. Владивосток*

*Дальневосточный федеральный университет*

*E-mail: kitakun@yandex.ru*

*E-mail: mezentsev.iv@dvfu.ru*

**Аннотация.** В представленном кратком исследовании рассматриваются проблематика социокультурного кризиса в контексте вопросов религиозной безопасности на примере радикального ислама.

**Ключевые слова:** социокультурный кризис, либерализация, ценности, радикальный ислам, религия, история.

В конце XX вв. – начале XXI вв. Российское государство столкнулось с крупным социокультурным кризисом, который продолжает сохранять устойчивую тенденцию к росту и с течением времени всё более усиливает социальную напряженность. Данный кризис является совокупным следствием социальных, политических, экономических процессов, берущих свое начало с момента падения СССР, однако перечисленные причины являются лишь симптомом более масштабного и глубокого застоя – мировоззренческого кризиса, кризиса идеологии, национального самоопределения, духовной идентичности и нравственного поиска.

С крушением СССР общество было подвергнуто резкому реформированию на новый лад после десятилетий не только экономической, но и культурной, социальной изоляции. За сменой политического строя последо-

вали более серьезные общественные изменения характера ценностного. Некоторые исследователи в качестве одной из характерных особенностей российского общества, выделяют его стремление к особому самоопределению на определенной идейной социокультурной основе. В советский период государство декларировало свою собственную идеологическую матрицу, включавшую в себя задачу достижения вполне понятных и желаемых любым человеком ценностных переменных: всеобщей справедливости, социального равенства, социальных гарантий, защита и поддержка института семьи, возможность профессиональной самореализации и т.п. Однако построить подобное общество не удалось и после длительного периода политической стагнации и последующего за ней кризиса советская система была «реструктуризирована». Перестройка как историческое явление была напрямую связана с либерализацией и демократизацией политического строя и эти процессы неизбежно затронули и оказали глобальное влияние на личные, мировоззренческие взгляды нового российского общества. Глобализация как геополитический тренд также внесла свой вклад в формирование нового взгляда на социальную реальность. В кратчайший период изменилась система ценностных ориентиров, когда первостепенное место в жизни человека стал занимать запрос на потребление. Потребительский интерес, в свою очередь, повлиял на «маргинализацию» населения, окончательно утвердив обозначенный выше культ потребления и культ развлечения. Социокультурная смена парадигмы сопровождалась резким падением нравов, формированию эгоистического практицизма как социального тренда. Данные процессы сопровождались ухудшением криминогенной обстановки. Нравственный кризис привел к падению авторитетов и повлиял на один из самых важных социальных институтов – институт семьи. Выросло количество аборт, констатировалась высокая детская смертность.

На фундаментальном уровне смена политического строя несла в себе более глубокую задачу импорта «западных ценностей», которые, в своем общем смысле формировали в России политическую неопределенность – был объявлен и закреплен в конституции отказ от какой-либо идеологии. Идеология, в своей основе, является системой декларируемых обществом ценностей, запросов, ориентиров, стандартов. Она описывает общее видение мира этого общества, консолидирует его вокруг ряда идей не только политического, но и нравственного характера. Известный социолог Солодовник Л. также называет идеологию «механизмом идентификации и защиты частного интереса и оправдания частного бытия» [1, с. 2-3]. Другими словами, демократические ценности предполагали отказ от идеологии, а отказ от идеологии, в своем первоначальном значении, можно определить, как процесс отказа общества от своих интересов, своей самоидентификации и самобытности. Данные процессы до начала 2000-х годов сопровождалась падением экономического благополучия в стране, появлению классовой дифференциации на почве разрыва в контексте социального благополучия населения, которое постепенно утрачивало доверие к элитам. Падение доверия сопровождалось разочарованием в сложившейся новой системе политико-социальных отношений, что повлияло на общий уровень социальной напряженности.

Идеологии противопоставлялся тезис о принадлежности России к западной цивилизации, другими словами ей был предложен путь интеграции в другую культуру на правах её некоторой части, а не отдельного самобытного, самостоятельного элемента, субъекта. Подобная интеграция предполагала, в результате, «замену цивилизационного кода» [2]. Однако, как показал сложившийся социокультурный кризис, в самой идее интеграции заключалась другая идея, где на место устоявшейся идеологии приходит идея беспочвенности, бесосновности. «Общечеловеческие» ценности, декларируемые западными идеологами и внутрироссийскими либеральными элитами, на фундаментальном уровне несли идею о существовании некоего единого типа «естественного человека», который должен сохранять лишь некоторые бытовые культурные особенности. Можно констатировать, что социокультурный кризис является сложным историческим процессом, протекающим с начала 1990-х годов. Данный кризис является ключевой причиной множества проблем в нравственно–ценностном климате в России.

В XIX веке Леонтьев К. писал о том, что отличительной чертой либеральной мысли является эгалитарный индивидуализм, который перерос из идеи равноправия в идею «стать такими, как все», утратить свою индивидуальность и слиться с общей массой [3, с. 273]. И образцом, образующим звеном и примером для такой массы, согласно либеральной мысли, должна стать западная цивилизация и западные ценности. Если раньше все то, что не было частью своей «домашней» культуры человеком воспринималось, как равнозначный элемент другой культуры (сама другая культура воспринималась как чужая, но в своем роде равнозначная и самобытная), то уже в конце XIX века либеральная мысль неформально сделала любую другую культуру, не подходящую под рамки общих ценностей «естественного человека», враждебной и перестала её уважать, её значение насильно нивелируется, усредняет её носителя, принуждая отказываться его от естественных для него принципов и нравственно-ценностных ориентиров. Леонтьев опирался на срез европейского общества того времени. Он констатировал, что «смещение Европы» ведет к упрощению не только культур и религий, наций и обычаев. Происходит глобальный процесс упрощения всего, что в совокупности и выделяет европейскую цивилизацию среди остальных. Ссылаясь на известных либералов своего времени, он приводит их слова о том, что человечество должно прийти к своему одинаковому нравственному, экономическому, умственному уровню, что обществу уже не нужны люди, осмысляющие его индивидуальность, художники и творцы, а нужны агрономы и фабриканты. Самая ключевая идея либеральной мысли заключается в том, что над всем восторжествует рационализм, разум. Разум станет управлять нравственностью и ценностями. Опираясь на данное описание можно характеризовать что ключевая основополагающая идея здесь – идея торжества разума над всеми сферами жизни общества, утрата различий в культурном, религиозном значениях, усреднение ценностных и нравственных ориентиров, которые ведут к потере идентичности народа.

Одной из важнейших, образующих основ культуры и общества является религия. Религия издревле определяла и сохраняла идентичность этноса,

влияла на ценностные ориентиры, выступала охранителем традиций, выполняла воспитательную роль, оберегала институт семьи, формировала ментальность народа. Даже атеистическая идеология Советского периода в конечном итоге опиралась на те ментальные установки населения, которые она получила в результате формировавшегося в течение многих столетий религиозного мировоззрения. Другими словами, можно сказать, что одна из задач религии состоит в формировании ценностной системы и удовлетворении ценностного запроса в обществе. То есть проблематика социокультурного характера во многом стоит рядом с решениями, которые предлагает религия. Эта связь определяет специфическую проблематику религиозной безопасности, например, проблематика радикализации ислама, где социокультурный кризис может рассматриваться как фактор и причина, лежащая в основе интереса к радикальным идеям.

На территории Российской Федерации по разным данным проживает от 6 до 10 миллионов мусульман. Социологи Филатов С. и Лукин Р. по результатам опроса приводят данные о том, что людей, причисляющих себя к исламу в России, проживает от 6 до 9 миллионов человек [4, с. 18-19]. Ислам является второй по численности религией в России, которую исповедуют 38% коренных народов. Мусульмане представляют 10% от всего населения страны. «Этнические мусульмане» традиционно проживают в Ингушетии, Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкортостане и Татарстане.

Здесь, говоря о специфике социальной базы для исламистского экстремизма в России, прежде всего необходимо выделить два ключевых процесса, оказывающих значительное влияние на саму тенденцию объединения людей под флагом разных идей в том числе и радикального ислама. Мы уже упомянули первый такой процесс – затяжной социокультурный, мировоззренческий кризис. Второй процесс – массовый приток мигрантов в Российскую Федерацию из бывших союзных республик. Если во время Чеченской войны объединение исламских боевиков и радикалов под лозунгом «независимости» имело характер локальный, то современный процесс «исламизации» через миграцию имеет уже характер глобальный. Миграционный поток в Россию увеличивается с каждым годом: трудовые мигранты из стран средней Азии, для которых ислам является их «этнической» религией, представляют из себя неквалифицированную дешевую рабочую силу. В странах Средней Азии с конца 1980-х годов плотно закрепились различные исламистские организации радикального толка (например, Хизб ут-Тахрир). Зачастую политическая специфика среднеазиатского региона характеризуется авторитаризмом или тоталитаризмом, в таких странах носители радикального ислама подвергаются гонениям и преследованиям, поэтому они в качестве мигрантов перебираются на территорию Российской Федерации, где на данный момент, фактически, нет четкого инструмента противодействия и контроля подобных элементов. В России же радикальный ислам распространяется через этнические меньшинства и далее проникает в исламские регионы. Также в связке с социокультурным кризисом, который также связан и с проблематикой постмодернизма, можно отметить тот факт, что для радикальных исламских идей светское общество является



комфортной средой для распространения, когда как религиозное традиционное общество является для подобных идей препятствием [5][6].

Другим примером уже мирового уровня является организация «Исламское государство». Опасность исламистских идеологий заключается в том, что они апеллируют к базовым исламским ценностям и символам, которые понятны малограмотному населению, искажая их в свою пользу. Проще говоря, исламисты предлагают простое «решение» сложных и системных проблем. «Исламское государство» здесь выступает на принципиально новом уровне: если большинство радикальных идеологий ставит своей конечной целью халифат, то «ИГ» делает его точкой отсчета для себя, то есть сначала создает «халифат», а затем провозглашает джихад. В своих манифестах «Исламское государство» выступает за возвращение к «первым векам ислама», что также в определенной степени характеризует «ИГ» как организацию ваххабитской ориентации. Организация всячески подчеркивает свою легитимность в исламском поле через множество ключевых исламских символов. Например, на флаге «ИГ» написана фраза «Нет Бога, кроме Аллаха», которая, в общем и целом, выражает основной смысл таухида – принципа единобожия, ключевого и фундаментального догмата ислама. Также «Исламское государство» не просто подчеркивает свою роль в качестве халифата, а настаивает на её исключительности, то есть говорит о том, что данный халифат – единственно возможный и легитимный халифат. Идеология организации не допускает существования никаких других политических образований кроме себя самого. для оправдания собственных методов. Религиозный радикализм создает под собой еще более твердую почву, так как играет на чувствах верующих людей с одной стороны, и апеллирует к вечным ценностям и идеалам – с другой. Он обращается к человеку с ответами на вечные вопросы о ценностях, целях в жизни, поиска себя. Но, как уже было сказано, в отличие от традиционной религии он дает простые ответы на сложные вопросы, избавляет от необходимости изменять себя, призывая менять внешнюю среду, постепенно приводя человека в ряды исламистских группировок. По мнению политолога, руководителя Центра изучения общественных прикладных проблем национальной безопасности Александра Жилина, «Исламское государство» выдвигает и позиционирует принципы, которые попираются во всем остальном мире: социальная справедливость, борьба со злом и другие общие морально-нравственные идеи, которых, прежде всего молодежь, не находит у своего общества [7]. Другими словами, внутреннее отрицание сложившейся культуры потребления, несправедливости и отсутствия нравственности, духовный поиск наталкивает человека на исламизм, как альтернативный способ борьбы [8].

Таким образом мы можем констатировать, что сложная социокультурная ситуация в современной Российской Федерации вызвана искусственным прививанием изначально несвойственных российской специфике ценностей и идей, в том числе западных. Мировоззренческий кризис, неизбежно возникающий в результате резкой смены исторической, социальной, политической парадигмы приводит к возникновению в обществе ценностно-ориентированного запроса, который исторически была призвана удовлетворять религия. В результате перед религией встает ряд вызовов, в том числе

связанных с проблематикой религиозной безопасности. Социокультурный кризис создает почву для становления различных деструктивных движений. Исламское сообщество в современной России играет одну из важных ролей, так как является крупной религиозной и этнической составляющей современного российского государства. Современные исламисты эксплуатируют и искажают ценности традиционного ислама ради достижения личных политических целей и оправдания экстремистской деятельности. Исламский фундаментализм находится в оппозиции к традиционному исламу, в том числе и во взглядах на халифат и на ислам в целом. «Исламское Государство» и его идею всемирного халифата необходимо рассматривать с опорой на современные геополитические предпосылки, так как радикальные исламисты эксплуатируют современную социокультурную проблематику.

### **Список литературы:**

1. Солодовник Л.В. Идеологический формат социокультурного кризиса в современной России // Власть. 2012. № 9.
2. Гуцалов А.А. Русский цивилизационный код - идентичность, ценности, культура // Культурологический журнал. 2016. №4. с.1-14
3. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
4. Силантьев Р.А., Якунин В.И., Сулакшин С.С. Социальное партнерство государства и религиозных организаций. М., 2009.
5. Бубнов Е.С. Терроризм как симптом нравственного упадка общества // Инновационное образование и экономика. 2015. Т. 1. № 17 (17). с.72-75.
6. Бубнов Е.С. Терроризм в эпоху постмодерна // Религиозная ситуация в российских регионах. Тезисы докладов и сообщений Четвертой всероссийской научно-практической конференции. Омская академия МВД Российской Федерации. 2014. с.23-25.
7. Жилин Б.А. «Хиджаб вместо партбилета – почему идут за идеологией в ИГИЛ?» // Русская весна: аналитический портал. URL: [http://rusvesna.su/recent\\_opinions/1433932979](http://rusvesna.su/recent_opinions/1433932979) / (дата обращения 29.03.2017).
8. Сатановский Е.Я. «Вербовка давно переместилась в виртуальное пространство» // ТВЦ: новостной портал. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/69827> / (дата обращения 29.03.2016).

## **АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА**

**Юлдашев Э.С.**

*Республика Узбекистан, г.Ташкент*

*Государственный институт искусств и культуры Узбекистана*

*E-mail: eldorbekmusic@mail.ru*

На сегодняшний день современная культура не является механизмом для развития цивилизации, следует отметить, что она вообще не способствует развитию социума, особенно духовному, нравственному развитию

личности. Эта так называемая массовая культура является по своей сущности сугубо развлекательной частью. В независимом Узбекистане понятие «массовая культура» имеет больше отрицательное значение, так как достаточно большое количество элементов этой культуры не подходит нашим традициям и обычаям.

Итак, что дала эта массовая культура миру?

1. Огромное количество совершенно случайных и неталантливых, с корытными целями людей в творчестве.

2. Размыты константы и понятия между высокой, то есть настоящей и массовой культурой.

3. Девальвация художественного слова де-факто во всех сферах жизнедеятельности современного человека, так называемый филологический кризис.

4. Доминанта «китча» в продукции искусства, то есть в произведениях искусства.

5. Гонка визуальности и напыщенности, за так называемыми факторами «вау».

Еще одна своеобразная особенность современной культуры состоит в том, что наряду с традиционным, можно сказать с архаичным, ее сложившимся образом, активно идёт формирование новейшего его образа.

Социум сегодня переживает переходное время, это период когда завершает существование один тип личности, и складываются новые условия для образования совершенно другого типа человека. В этих условиях трансформации нужно на наш взгляд изучать не столько существующий тип современного человека, сколько готовить «почву» и реальные условия для формирования личности грядущей культуры и приближающейся цивилизации.

Такая работа предполагает, с одной стороны, практическую реализацию новых форм жизни, новых опытов общения и общежития, с другой стороны - интеллектуальное обеспечение, подготовку новых условий.

Все большее значение приобретают способности к пониманию чужой культуры и точек зрения критический анализ собственных оснований действия и его границ, признание-чужой культурной самобытности и чужой истины, умение включить их в свою позицию и видение, признание правомерности существования многих истин, умение строить диалогические отношения и идти на разумный компромисс. Новый тип социального действия все больше включает в себя культурные составляющие и подчиняется логике культурной коммуникации.

Нужно отметить, что в условиях современного, независимого Узбекистана, современная массовая культура и ее все составляющее компоненты не приемлемы для нашей ментальности, наших национальных устоев, нашей культуры.

Огромную роль в жизни современного человека занимает музыкальное искусство. Сейчас это не только классическая музыка. Появилось огромное число жанров и направлений, уследить за изменениями которых очень сложно. Новая поп-музыка появилась, отделившись от традиционной музыки, с появлением рок-н-ролла в 50-х гг. XX в. Крупнейшие исполнители но-

вого веяния в Узбекистане были и остаются ВИА «Ялла». Одной из известнейших рок-групп XX века в Узбекистане стали «Болалар». Этот музыкальный коллектив (Тахир Садыков, Руслан Шарипов, Даврон Гаипов) оказал фундаментальное влияние не только на свое поколение, но и на последующие поколения в республике. Эти личности стали законодателями нового тренда, стиля, моды и образа жизни. Важнейшим этапом в развитии современного музыкального творчества является появление так называемой «новой волны», в которое входили жанры хип-хоп, диско и рэп. В основе этой «новой волны» была ритм секция, объемный саунд, бесцензурный текст, броский вид исполнителей. Наиболее яркие и значимые представители этого направления в республике это Dj Pilgrim и группы – «Al Wakil», «Dado», «Setora», «Saxar» и др. На поколение 2000-х г. XX в. мощное влияние оказала поп-группа «Ummon». Основатель группы Зохид Рихсиев стал кумиром целого поколения отечественных тинэйджеров.

Заметным образом в этот период расширился и творческий диапазон национального кинематографа, во многом благодаря резкому техническому прогрессу, поскольку у кинопроизводителей появляются новая методика создания кинопродукции. Так, новое направление – сериал (мыльная опера) – многосерийный телефильм стал новым трендом на узбекском телевидении.

Сегодня сериалы – это важнейшая и возрастающая культурная форма современности, которая конкретно предлагает образцы поведения, показывает набор эмоциональных реакций, и именно по этим причинам ее очень интересно, важно и актуально изучать в отечественном искусствоведении. Так как через изучение национальных сериалов можно понять то, как воспроизводятся общественные отношения и многое другое.

Кроме того, не менее важна в современной культурной теории и такая категория как – удовольствие. Зритель смотрит сериалы потому, что многие из них действительно сделаны на уровне экшна, и тем самым аудитория получает от этого удовольствие.

Такое новое понятие как «кинокультура» включает в себя обширный спектр аудиовизуальных практик нашей современности. Сегодня нужно рассматривать отдельно предпосылки формирования современного поля отечественной аудиовизуальной продукции, а также анализируется его, рассматривать и структуру этого явления на обширном политическом и социальном фоне. Здесь речь идет сугубо конструировании объекта кинокультуры, появлении направления кинокритики, а также теории кино в ее тесной связи с теориями и практиками других современных медиа.

Современное кино Узбекистана делится на две конкретные категории:

1. Массовое кино или коммерческое кино, целью которого является удовлетворение массовых потребностей. Люди безмолвно потребляют то, что им предлагает экран.

2. Авторское кино или фестивальное, или так называемое «другое кино», это более творческое, интеллектуальное, и к сожалению зачастую кассово менее выгодное, чем массовое кино.

С развитием технологий и средств массовой информации выделился новый вид культуры – информационная культура. Информационная культура

заключается в умении человека работать с большим объемом информации, используя для этого компьютерную информационную технологию и другие современные средства получения и обработки информации. В плане развития информационной культуры лидирующее положение занимают такие страны, как США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, а в нашем Центральном-Азиатском регионе в основном Казахстане и Узбекистане.

Итак, мы убедились, что современная культура заметным образом отличается от предшествующих культурных эпох. И в первую очередь это следствие развития информационных технологий, которые взрастили массовую культуру, предназначенную для большинства. А для Республики Узбекистан приемлем лишь позитивный и положительный опыт, подходящий для нашей ментальности, традиций и культурных устоев.

## ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ СУФИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ИСЛАМЕ

**Юсупова Г.И.**

*Россия, г. Махачкала,*

*Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН*

*E-mail: huria@list.ru*

**Аннотация.** Целью статьи является анализ духовного влияния суфизма.

**Ключевые слова:** суфизм, духовная традиция, культура, мистицизм, искусство.

В социокультурной матрице народов, исповедующих ислам, суфизму принадлежит особая роль по степени влияния на культуру и духовные ценности. Не случайно суфизм называют сердцем ислама. Актуальность духовного наследия суфизма с каждым годом растет. Абу Саид писал: «В царстве преданности и сердечности одеяние нашего служения – искренность. Кто ищет Реальность на своем пути, неизбежно встретится с суфиями. ибо они – дверь к Реальности».[1]

Существуют разные точки зрения по поводу места и времени зарождения этой мистической традиции. Бесспорно, что своими корнями она уходит в глубокую древность. Ряд исследователей связывает ее происхождение с влиянием буддизма и индуизма и считает местом распространения раннего суфизма территорию современного Пакистана. Есть также точка зрения, согласно которой суфизм возник на территории Сирии под воздействием раннехристианской идеологии.

Как считает А. Мец, время возникновения этой религиозной традиции может быть отнесено к девятому веку. Родиной его является Египет. Хронологически развитие суфизма шло параллельно с развитием ислама. [2]

Большинство исследователей сходится в мнении, что происхождение и становление суфийской мистической традиции может быть отнесено к 8-10 векам. Сначала его последователями были отдельные мистики – одиночки. Хазрат Инайят Хан в своей известной книге «Учение суфиев» связывает

происхождение суфизма с природой самого человека, его пытливым умом и стремлением к самопознанию. «Суфизм был практикуем всегда, а его провозвестниками были люди сердца, поэтому он принадлежит мастерам-основателям так же, как и всем остальным».[3]

Существует много интерпретаций самого термина «суфизм». Его связывают с шерстью и шерстяной одеждой, которую носили отшельники и аскеты. Аскетизм был присущ и самому пророку Мухаммаду с его первыми последователями. Распространенной является традиция, объясняющая термин наименованием горы Джафа. Ее обитатели первыми поддержали исламское учение. Самое простое объяснение слова «суфий» дают авторы, находящие сходство дефиниции с греческим словом мудрость – софия.

Значительные отличия от последователей официального ислама вызвали негативное отношение и преследования в отношении сторонников суфийского учения в течение первых столетий его существования. Опосредованным выражением суфийской традиции становится искусство и литература, в первую очередь.

Суфийский мистицизм с помощью своеобразной символики находит отражение в творчестве многочисленных средневековых поэтов Востока: Руми, Низами, Хайяма, Джами, Хафиза и других. С помощью лирической поэзии ими передана подлинная суть духовных поисков последователей суфийского мистицизма. И сегодня интерес к суфийскому мистицизму как к загадочной эзотерической традиции, раскрывающей возможности самосовершенствования, духовного роста человека, больше на Западе. Возможности психологии суфийской традиции привлекательны для западных психологов уже на протяжении не одного столетия.

Возможности суфизма в самопознании человека высоко ценил суфийский мистик индийского происхождения Хизрат Инайят Хан. Сущность духовного Пути в суфизме замечательно передал этот автор. В своих произведениях он раскрывает духовную природу человека, особенности и этапы духовного пути ученика суфийского мастера.

Путь ученичества – это путь самосовершенствования. В нем он видел величие и духовный подвиг знаменитых суфийских мастеров, сумевших наполнить сердца своих последователей гармонией и почитанием «вина истины». [4]

Не до конца изученным остается и по настоящее время такой важный вопрос, как роль музыки в суфийской мистической традиции. В суфийских мистических практиках использовалась музыка, считавшаяся в суфизме важным инструментом развития гармонии в человеке, его сонастройки с богом и всей вселенной. В этом суфизм близок к пифагорейской духовной традиции, уделявшей мистицизму звука, музыке сфер важное значение для духовного роста человека.[5]

Музыка в суфизме является также одним из инструментов для понятия и передачи одного из основных законов мироздания – закона семи или закона октав. В изучении этого вопроса современным исследователям суфийского мистицизма предстоит сделать еще много открытий.

На протяжении трех веков, начиная с середины восемнадцатого века, приоритет в изучении суфизма принадлежал западным исследователям. Западные исследователи суфизма считают в большинстве своем, что его можно изучать на основе традиционных источников, в основном суфийской литературы. По нашему глубокому убеждению, правильной является позиция, что суфизм можно изучать только суфийскими методами. Суфийская литература убеждает в необходимости личного опыта познающего суфийскую традицию.

С середины девятнадцатого века возрос интерес западных исследователей к суфийской психологии. В западной психологии двадцатого столетия, в том числе и в психоанализе, можно проследить заметное влияние восточных мистических систем, из которых западные психологи пытались вырвать и использовать отдельные элементы, приспособив их к современным условиям и западному менталитету.

Современные исследователи открывают все больше сходных черт суфизма с другими духовными мистическими традициями: даосизмом, дзэн-буддизмом. Все мистические традиции человечества объединяют такие черты, как отношение к человеку как целостности физического и энергетических тел, материального и духовного начал, возможности самопознания с целью раскрытия духовного потенциала человека, близости человека и природы.

В них нашли отражение законы мироздания, в частности такие, как закон аналогий и закон октав, о котором говорилось выше. Закон аналогий является одним из важнейших принципов современной научной парадигмы. Религиозный принцип «что наверху, то и внизу», смыкаясь с традицией античной философии «познай себя, и ты познаешь весь мир», нашел отражение и в современных понятиях микро и макрокосма. Многие принципы древних духовных традиций легли в основу современной системно-синергетической методологии и активно используются в гуманитарных и естественных науках.

Квантовая физика, другие новейшие научные открытия приблизили науку к знаниям древних духовных систем, выраженных тайным аллегорическим языком. Например, такие понятия, как пространство, время, реальность считаются и в суфизме относительными.

О близости к суфийскому мистицизму теории относительности Альберта Эйнштейна писал Идрис Шах. [6]

В Дагестан суфийская традиция проникла вместе с распространением ислама. Это было напрямую связано с арабскими завоеваниями и влиянием арабской культуры. Проникнув в город Дербент, дальше она распространилась по горному краю благодаря усилиям и влиянию суфийских сподвижников, первых мусульманских миссионеров. Это еще больше усилило культурные и духовные связи дагестанцев с народами Востока. Арабо-мусульманская культура, ее синкретические идеи оказали огромное влияние на развитие духовной культуры дагестанских народов.

Можно выделить две составляющие исламского духовного воздействия на дагестанскую культуру. Первой из них является классическая арабо-мусульманская культура. Суфийской философии суждено было стать самым живым и диалектическим элементом средневековой культуры. Вто-

рая важная составляющая, повлиявшая на формирование дагестанской духовной культуры – это тюркская культура. Влияние этих двух элементов нашло убедительное отражение в языках дагестанских народов. их быте, менталитете, искусстве, традициях и мировоззрении. Суфийская философия оказала сильное воздействие на общественно-политическую мысль народов Дагестана. Культурный обмен происходил и путем обучения выходцев из Дагестана в странах Ближнего Востока.

Несмотря на радикальные трансформации в роли религии в обществе в советский и постсоветский периоды, суфийские традиции не были совсем утеряны. Стремительно возросло их значение и влияние в последние десятилетия. Сегодня они поддерживаются и развиваются в многочисленных суфийских братствах в республике, занимая свою нишу в современном духовном пространстве.

Для суфизма в Дагестане были характерны идеалы и принципы социального гуманизма. Эти идеи равенства и терпимости использовались и используются в миротворческом процессе, создавая нравственную основу единства народов республики, их духовной безопасности. с одной стороны, культурных связей с другими народами, с другой.

Влияние социальных идей суфизма с годами будет только усиливаться. Полагаю, что нелишним будет помнить в современных условиях роста социального расслоения и дифференциации народов и стран слова Абу Саида «Под этим одеянием нет ничего, кроме Бога. Зовите меня «Никто, сын Никого».[7]

Идеи суфизма созвучны с воззрениями раннего христианства, отраженными в следующих фразах Иисуса Христа: «Блаженны нищие, ибо их будет Царство Божие». А также «Точно также как трудно верблюду пролезть в игольное ушко. богатому человеку трудно попасть в рай». Революционные для времени своего возникновения социальные принципы ислама и сегодня вербуют миллионы последователей.

#### **Список литературы:**

1. Под суфийским плащом. Перевод с английского Мухаммад Али Джамниа, Можде Байат. М., издательство «Старклайт», 2002. С.11.
2. Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1996. С.269.
3. Хизрат Инайят Хан. Учение суфиев. М., 1998. С.9.
4. Хизрат Инайят Хан. Мистицизм звука. М., 1997. С.189.
5. Хизрат Инайят Хан. Мистицизм звука. М., 1997. С.188.
6. Идрис Шах Искатель истины. М., 2005. С.20.
7. Под суфийским плащом. Перевод с английского Мухаммад Али Джамниа, Можде Байат. М., издательство «Старклайт», 2002. С.11.



## ВОСПИТАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ К НАРОДНОМУ ИСКУССТВУ

**Юсупхаджиева Т.В.**

*Россия, г. Грозный*

*Чеченский государственный педагогический университет*

*E-mail: yusuphadgieva@mail.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются художественно-эстетические и познавательные возможности декоративно-прикладного искусства в формировании эмоционально-ценностных отношений школьников к народному искусству. Обозначены эффективные средства, воздействующие на эмоциональную сферу сознания учащихся и помогающие развитию творческой активности.

**Ключевые слова:** народное искусство, творческая деятельность, эмоционально-ценностные отношения, культура.

Неоднократно было доказано, что художественно-эстетическое развитие - важное условие социализации личности, способствующее вступлению в мир человеческой культуры. И развивается оно в деятельности, в процессе художественного творчества. Творческая деятельность формируется при эмоционально-смысловом видении мира. Таким образом, назначение предметов эстетического цикла есть формирование личностной системы ценностей. Поэтому, в настоящее время актуальна необходимость некоторого изменения педагогического образования в различных культурных и социальных сферах, а также определить его зависимость от процесса развития национального самосознания и региона, в котором живешь. Именно поэтому важно обращаться к истокам национальной культуры. Т.В. Юсупхаджиева отмечает, что культура чеченского народа самобытна и уникальна, ее корни питаются живительной влагой духовного самосознания народа, которое через тысячелетия пронесло культурный опыт предыдущих поколений, постоянно наполняя его новым смыслом и новыми идеями.

Как показывают исследования, теоретическое обоснование использования принципов традиционной национальной культуры опирается на представление о принципах образности, природосообразности, преемственности, которые отражаются в народном искусстве и являются «корневой системой национальной культуры».

По словам М.А. Некрасова: «Народное искусство – это прошлое, живущее в настоящем, устремленное в будущее своей мечтой о небывалом. Оно творит свой мир Красоты, живет своим идеалом Добра и справедливости, - развивается не только ему присущим законам. Это культурная память народа, неотделимая от самых глубоких устремлений современности».

Народное декоративно-прикладное искусство Чеченской республики несет в себе изящные художественно декоративные образы, которые легко воспринимаются и являются основой для творческого развития школьников. Ценность народно-декоративного искусства определяется еще и тем, что, содействует развитию творческой активности и влияет на чувства.

Процесс изучения декоративно-прикладного искусства считаем очень важным на уроках дисциплин эстетического цикла.

Именно искусство, имеющее своим предметом не просто реальность, а человеческие отношения к этой реальности, могут дать инструмент для решения проблемы передачи эмоционально-ценностного опыта, необходимого для формирования ценностных отношений. Главной целью предметной области «Искусство», является развитие визуально-пространственного мышления учащихся как формы эмоционально-ценностного, эстетического освоения мира. В творческой деятельности заключены большие возможности. Результат творческой деятельности представляет реальный продукт творчества - изделие, которое имеет личностное значение и раскрывает внутренний мир ребенка. Благодаря накоплению опыта, творческая активность у школьника развивается, которая затем переходит в другие виды деятельности.

Таким образом, предметы эстетического цикла предоставляют возможность для накопления опыта, деятельности и формирования эмоционально-ценностных отношений. Начинать формирование у школьников ценностного отношения к декоративно-прикладному искусству целесообразно с воздействия на его эмоциональную сферу. Каждый ребенок индивидуален, и их оценки проявляются на эмоциональном уровне. В связи с этим мы разработали обширный комплекс приемов, методов и форм организации обучения, придающих урокам предметной области «Искусство» особую эмоциональную насыщенность.

Б.М. Теплов отмечал, что «понять художественное произведение – значит, прежде всего прочувствовать, эмоционально пережить его и уже на этом основании поразмыслить над ним. С чувства должно начинаться восприятие искусства; через него должно идти; без него оно невозможно. Но чувствами художественное восприятие, конечно, не ограничивается. В искусстве познание и эстетическое переживание неотделимы друг от друга: познать смысл художественного произведения означает эстетически пережить его. Отсюда вполне очевидно, что процесс художественного воспитания переплетается с процессом воспитания эстетического».

По нашему мнению, народное искусство, это – мир человеческих отношений: с природой, со своим товарищем, окружающими его людьми, и конечно, с историей своего народа и мира. Содействуя оживленной атмосфере общения детей с народным искусством, мы развиваем и эстетическое воспитание. Без нравочений различаем, сравниваем, узнаем художественные национальные особенности в работах народных мастеров. Как мы знаем, что постоянным источником творчества является красота родной природы, где мы создаем условия для эстетических переживаний. Организовываем экскурсии по местам народных современных промыслов (не забывая и о старинных) с целью ознакомления народной архитектуры, краеведческих музеев, национальной библиотеки, а также горными просторами, людьми, которые живут, ценят и дружат с природой, на земле, которую любят и на ней трудятся. Для таких познавательных знаний педагогу огромную услугу оказывают фотографии, картины, иллюстрации, книги, ролики, фильмы, снятые самим педагогом, во время экскурсий по родному краю с целью изучения самобытного искусства своего народа.

В диалоге свободного общения с детьми, когда никто не боится высказать свое мнение о характере и содержании образа художественного изделия, важно подведение итогов, где школьники могут высказаться о принадлежности художественного памятника, его образа, творчестве отдельного мастера к общим истокам, к выводу о национальном характере и самосознании, представляющим как часть национальной культуры. Так формируется память историческая, культурная, да и народная.

Немаловажно, что развитие эстетического воспитания не ограничивается только частью культурного наследия – народным искусством. Если мы добьемся того, чтобы детская душа проснулась, зазвучала, т.е. научим ученика соперничать, то его духовная жизнь станет богаче, он сможет глубже воспринимать и человека, и природу, и музыку, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, и многое другое.

Постараемся подвести детей к тому, чтобы они были ответственны в своей жизни, т.е. могли не только любоваться красотой, но и беречь её, а на доброту не только откликаться, а сами творили добро. И тогда такие понятия, как «добро» и «красота» станут первостепенными в эстетическом воспитании ребенка. От занятия к занятию мы должны раскрывать перед детьми обширный анализ образов, которые берут свое начало в глубокой древности и распространяются в настоящее время. Если ребенок не будет гордиться своими предками, их духовным опытом, он не сможет понять величие его нравственного подвига. Таким образом, воспитывая понимание о прекрасном, мы будем развивать эмоционально-ценностные, гуманистические отношения к Родине, людям, природе и к жизни.

#### **Список литературы:**

1. Некрасов М.А. Народное искусство как часть культуры. М.: Изобразительное искусство, 1983.- 343с.

2. Магомеддибирова З.А., Юсупхаджиева Т.В. Формирование эмоционально-ценностного отношения дошкольников и младших школьников к изобразительной деятельности. Грозный.: 2014. -187 с.

3. Б.М.Теплов Психологические вопросы художественного восприятия // «Советская психология», 1946, № 6.

## **СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЯН**

**Яковлева И.П.**

*Россия, г. Краснодар*

*Кубанский государственный технологический университет*

*E-mail: pariny@rambler.ru*

**Аннотация.** Цель исследования – показать значение сохранения исторической памяти для обеспечения духовной безопасности населения России. В статье определено место духовной безопасности в стратегии нацио-

нальной безопасности страны. Указаны основные угрозы духовной безопасности населения современной России. Рассмотрены понятия и структура духовной безопасности и исторической памяти. Анализируются важнейшие функции исторической памяти. Выделены проблемы, возникающие на данном этапе развития страны и оказывающие негативное воздействие на историческую память ее населения.

**Ключевые слова:** духовная безопасность, морально-нравственные ценности, историческая память

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, введенная в действие указом президента в декабре 2015 года, среди национальных интересов на долгосрочную перспективу называет сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. По мнению авторов данного документа, в этой области имеются определенные угрозы, среди которых они называют размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры [1].

О проблемах в духовной сфере говорят и российские ученые-обществоведы. Чаще всего речь идет о духовной разобщенности, социокультурном расколе, кризисе социальных ценностей и духовной культуры [2, с. 203] в условиях рискогенности, нестабильности и неопределенности современного российского общества [3, с. 137-138]. Исследователи полагают, что все это оказывает деструктивное влияние на развитие как личности россиян, так и российского общества в целом, так как современная личность, не имеющая моральных ценностей в качестве основы своей жизни, может быть более опасным для общества, чем малообразованный человек [4, с. 49].

Достичь указанных в «Стратегии» целей (сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны) возможно только путем разработки и реализации мер по обеспечению духовной безопасности российского общества.

Духовная безопасность представляет собой специфическую экзистенциальную характеристику индивидуального и общественного бытия, которое оказывает созидающее, позитивное и благотворное воздействие на потребности, интересы человека и социума [4, с. 51]. Анализ научной литературы позволяет выделить следующие ее сущностные характеристики. Для отдельной личности она предполагает целостную систему возможностей свободно делать выбор, и открыто получать информацию об ответственно-

сти за него, возможностей самореализации, самосовершенствования, творчества, образования, вероисповедания. Способствует воспитанию у личности способности эффективно преодолевать любые внешние угрозы, исходя из своих национальных интересов.

Для общества в целом духовная безопасность по определению П.Н. Беспаленко выступает качественной характеристикой его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры [5, с. 13]. Она способствует воспитанию наиболее продуктивного для общества типа личности, обладающей интеллектом, нравственным сознанием, современными профессиональными знаниями, чувством долга, высоким уровнем самосознания, толерантностью, стремящуюся к гармонии с природой и социумом, уважающую общепринятые нормы поведения, законы, существующую власть, государственные символы своей страны [4, с. 49].

Н.Р. и А.В.Саенко считают, что духовная безопасность может обеспечиваться тремя способами: прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз; упреждающей нейтрализацией источников опасности; развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих субъектов безопасности [6, с. 95].

Важнейшее значение в обеспечении духовной безопасности общества имеет сохранение исторической памяти. Под исторической памятью понимается набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого. Главным предметом памяти является не само событие, а лишь его отпечаток в сознании, образ, который сначала передается непосредственными участниками события, а позже реконструируется по определенным законам последующими поколениями [7, с. 43]. В памяти запечатлеваются пережитые произвольно отобранные трагические и героические события отечественной истории. В.П. Булдаков выделяет еще одну значимую характеристику данного явления: история слишком сложна, а потому историческая память основывается на предельно упрощенных – по возможности вневременных – знаках, образах, легендах, мифах [8, с. 5].

Важность исполняемой исторической памятью роли связана прежде всего с ее способностью удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого, в итоге чего историческое знание трансформируется в формы мировоззренческого восприятия исторического опыта, формирует восприятие современных реалий общественной жизни, прививает иммунитет к различным деструктивным идеям и обладает определенным мобилизующим потенциалом [9, с. 25]. Память по оценке исследователей предстает источником национальной идентичности, чувства причастности к конкретному социуму, который через общие представления и мифы узнает и позиционирует себя в общем прошлом и настоящем [10, с. 78].

Таким образом, как пишет Т.А. Павлова, сохранение исторической памяти является залогом культурной независимости и воспроизводственного потенциала культуры российского общества [2, с. 203].

Современное российское общество столкнулось с определенными проблемами в области сохранения и репродукции исторической памяти. Специалисты выделяют два канала ее пополнения информацией: систематизированный (через образование) и неупорядоченный, случайный (через средства массовой информации, произведения искусства). Среди факторов, оказавших негативное влияние на историческое сознание и историческую память жителей страны можно назвать радикальные политические и социально-экономические изменения, деформацию российского образования, падение общего уровня знаний. По мнению исследователей, эти процессы привели к разрушению универсальной картины мира, к кризису индивидуальной и групповой идентичности и появлению сонма групповых и субкультурных картин мира. Одним из проявлений этого служат перекосы и неадекватности в восприятии человеком исторического прошлого [10, с. 77].

Неоднозначно различные авторы оценивают и влияние на историческую память характерного для современного общества роста информационных потоков. Так, в своей работе И.В. Положенцева и Т.Л. Кащенко обосновывают тезис о том, что с ростом источников актуализации памяти, вовлечением все новых каналов информации историческая память вовсе не консолидируется. Наоборот, чем разнообразнее источники информации, тем труднее создать целостную картину, закрепить историческую память. В частности исследователи говорят о слабо дифференцированном, «кашеобразном» историческом сознании российской молодежи [7, с. 44].

Актуальной проблемой является и фальсификация в интересах определенных групп отдельных событий истории страны. Согласно социологическому опросу, проведенному ВЦИОМ, случаи умышленного искажения истории России когда-либо замечали 54 % респондентов. При этом главным объектом фальсификации россияне видят Вторую мировую войну: 19 % опрошенных отметили искажение фактов войны, еще 14 % - приуменьшение роли нашей страны в победе над фашизмом. Кроме того, опрошенные замечали факты фальсификации истории дореволюционной России (4 %), истории СССР (3 %). Способствуют дезинформации как учебники из школьной программы (4 %), так и СМИ (3 %), фильмы (1 %) и другие каналы распространения исторической информации [11].

Проследить последствия этого процесса можно на примере Великой Отечественной войны. Преднамеренно искаженная информация о войне, наводнившая в последние годы СМИ, телеэкраны, Интернет и даже научную и научно-популярную литературу, безусловно, оказывает свое негативное воздействие на сознание россиян. Так, в ходе опроса кубанских студентов была выявлена крайняя противоречивость в отнесении различных категорий исторических личностей к героям, либо антигероям. 52,3 % опрошенных молодых людей полностью или частично согласны с тем, что отечественных коллаборационистов, яркими представителями которых были генералы А.А. Власов, П.Н. Краснов, можно считать героями, выразившими таким образом свою гражданскую, политическую позицию. Объяснить подобный результат только отсутствием у молодежи достаточного уровня знаний по истории нельзя. К чему приводит подобная переоценка ценно-

стей можно проследить на примере Украины, выбравшей в качестве официально признанных героев С.А. Бандеру, Р.И. Шухевича, других участников ОУН и УПА, украинцев, служивших в дивизии СС «Галичина». Принятие подобных образцов поведения как допустимых может привести к коррекции логики мировосприятия и соответствующего ему политического поведения граждан страны, прежде всего молодежи.

Таким образом, выполняемые исторической памятью функции во многом позволяют реализовать задачу обеспечения духовной безопасности россиян. Однако, на данном этапе, важно уделить повышенное внимание сохранению самой исторической памяти, подвергшейся за последние годы деструктивному воздействию различных факторов.

### Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.841984962331209#0> (дата обращения 1.11.2017).
2. Павлова Т.А. Духовная безопасность российского общества как условие обеспечения социальной безопасности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2013. № 5. С. 202-206.
3. Коршунов А.В. Духовная безопасность в системе обеспечения социальной безопасности российского общества: методологический конструкт социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4 (108). С. 137-141.
4. Соколова С.Н. Духовная безопасность общества и культура современной личности // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 48-56.
5. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2009. 54 с.
6. Саенко Н.Р., Саенко А.В. Духовная безопасность как составляющая национальной безопасности России // Успехи современной науки. 2016. № 1. С. 94-97.
7. Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42-46.
8. Булдаков В.П. Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 5-27.
9. Фролов В.А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках. Диссерт. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014. 212 с.
10. Коршунова, О.Н., Поливанов, Я.М. Исторические образы: к проблеме исторической памяти об участии России в мировых войнах // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 5. С. 77-80.

11. История России: где правда, а где вымысел? Пресс-выпуск № 2835 // Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115254> (дата обращения 1.04.2017).

## СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

**Ярлыкова О.В., Перепёлкина Н.А**

*Россия, г. Железноводск*

*Филиал Ставропольского государственного педагогического  
института в г. Железноводск*

*E-mail: yarlykova.olga@inbox.ru*

**Аннотация:** нравственное воспитание школьников является первостепенной задачей современной образовательной системы, и представляет собой важный компонент социального заказа для образования. Нравственное воспитание эффективно осуществляется только как целостный процесс педагогической, соответствующей нормам общечеловеческой морали организации всей жизни школьников. От правильной и четкой организации процесса нравственного воспитания зависит успешность последующих этапов воспитательной работы.

**Ключевые слова:** нравственное воспитание, нравственное сознание, нравственное поведение, нравственность.

Нравственное воспитание школьников является первостепенной задачей современной образовательной системы, и представляет собой важный компонент социального заказа для образования. Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества. Школа является основным звеном в системе воспитания подрастающего поколения. Поэтому с Федеральными государственными образовательными стандартами решение главных задач обучения должно обеспечивать формирование личностного отношения к окружающим, овладение этическими, эстетическими и духовно-нравственными нормами.

Теория нравственного воспитания - это система научно- педагогических знаний о закономерностях (закономерно повторяющихся фактах и явлениях), характеризующих совокупность влияний на сознание и поведение школьников, развитие и становление нравственно зрелой личности. Центральное место в теории нравственного воспитания занимает концепция содержания процесса нравственного воспитания, его задач, видов деятельности личности, принципов, форм организации и методов воспитания на различных этапах школьного образования. Поэтому, знание содержания процесса нравственного воспитания и методики его осуществления в общеобразовательной школе крайне необходимо каждому педагогу. Это знание необходимо и начинающему педагогу, и опытному учителю, и тому, кто готовится к педагогической деятельности.



Нравственное воспитание эффективно осуществляется только как целостный процесс педагогической, соответствующей нормам общечеловеческой морали организации всей жизни школьников: деятельности, отношений, общения – с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей. Результатом целостного процесса является формирование нравственно цельной личности, в единстве ее сознания, нравственных чувств, совести, нравственной воли, навыков, привычек, общественно ценного поведения. Основопологающей базовой категорией нравственного воспитания является понятие нравственного чувства - постоянного эмоционального ощущения, переживания, реальных нравственных отношений и взаимодействий. Нормы морали преобразуются в субъективную нравственность только благодаря их чувственному освоению ребенком. Нравственность для него, прежде всего живое чувство, реальное состояние и переживание глубокого удовлетворения или, напротив, дискомфорта, страдания, физического отвращения. Нравственное чувство является системообразующим началом человеческой нравственности. Благодаря ему, моральное сознание, знание норм поведения, привычные поступки приобретают нравственный смысл.

Развитое нравственное сознание предполагает знание моральных принципов, норм, и одновременно постоянное осознание и осмысление своего нравственного положения в обществе, морального состояния, ощущения, чувства. Нравственное сознание - активный процесс отражения ребенком своих нравственных отношений, состояний. Нравственные чувства, сознание и мышление являются основой и стимулом проявления нравственной воли. Вне нравственной воли и действенно - практического отношения к миру не существует реальной нравственности личности. Смысл воспитания у школьников свободной нравственной воли в том, чтобы научить их владеть собой, помочь приобрести внутреннюю свободу, решимость, непреклонного действия в соответствии с нравственным чувством и убеждением.

Нравственное воспитание в школе должно оказывать систематическое влияние на жизнь классного, общешкольного и других коллективов, пронизывать их учебную, трудовую, культурно-массовую и физкультурно-спортивную деятельность, помогать раскрывать мотивы нравственных и безнравственных поступков каждого ученика, чтобы сформировать у обучающихся нравственное сознание, морально-волевые черты характера и нравственно ориентированное поведение. Вся совокупность этих частей составляет контуры целостной структуры нравственно воспитанной личности школьника. Однако, данные контуры составляют лишь общий, образно говоря, каркас личности, в то время, как внутреннее содержание составляет интеграцию качеств, выражающих отношение личности к людям, труду и его результатам, к самому себе.

В реальной действительности нравственные качества личности школьника в концентрированном виде проявляются в активном отношении к окружающему миру, в гражданской сознательности и морально-волевой направленности. Общественная функция состоит в том, чтобы сформировать у подрастающего поколения устойчивое моральное поведение и привычки, соответствующие современному образу жизни, развивать у молоде-

жи собственное активное отношение к жизни и конкретной деятельности. Осмысление обучающимися своих отношений к обществу, людям, к себе, корректировка этих отношений на основе высоких моральных критериев являются необходимыми условиями нравственного воспитания и самовоспитания школьников. Нравственный облик ученика - это его устремления, мироощущение и миропонимание, проявляющиеся в его отношении к обществу и людям, к нравственным ценностям, к исполнению своих прав и обязанностей. Поэтому, решая вопрос о формировании нравственного облика школьника на современном этапе, следует подходить к нему с точки зрения обеспечения объективного воздействия на его личность всей системы общественных отношений (правовых, моральных, бытовых, семейных), его собственных отношений к жизни. Формирование нравственного облика ученика осуществляется не автоматически, а путем целенаправленной и систематической воспитательной работы, путем самовоспитания, которое связано с высоким уровнем развития самокритики, с осознанием своих достоинств и недостатков. Теория нравственного воспитания, прежде всего, рассматривает формирование личности ученика в системе его социальных отношений и ориентации.

Личные привязанности и потребности школьников во многом развиваются под влиянием требования коллектива, как социального организма.

В системе внутриколлективных взаимных зависимостей, контроля и ответственности, социальная острота и сила которых определяются уровнем воспитательной работы, формируются и развиваются отношения, на основе которых возникают высокие общественно-нравственные требования. И задача педагога состоит в том, чтобы обеспечить активное взаимодействие коллективных и индивидуальных отношений на таком уровне, на котором требования коллектива становятся требованиями самих обучающихся. Это наиболее верный путь формирования у школьников единства нравственного сознания и поведения. Процессу формирования нравственных отношений присущи две взаимосвязанные стороны: выработка определенной системы убеждений, привычных отношений, окрашенных соответствующими нравственными чувствами и формирование устойчивых форм поведения, накопление практического опыта поведения.

Для повышения воспитательной эффективности учебных предметов необходимо добиваться постоянного обогащения содержания учебного материала системой нравственных понятий, заложенных в каждом учебном предмете, а так же путем установления межпредметных связей, преодолевая, таким образом, имеющуюся «воспитательную недостаточность» одних за счет воспитательных возможностей других предметов. В этих же целях необходимо устанавливать более тесную взаимосвязь нравственного воспитания в процессе обучения с внеучебной воспитательной работой.

Школа призвана решать связь обучения и воспитания с жизнью, не отставать от современных достижений науки, техники и культуры. Решая эту важнейшую социально-педагогическую проблему на современном этапе, когда объем научных знаний быстро увеличивается, необходимо полнее удовлетворить растущие познавательные интересы обучающихся, развивать

их склонности к тем или иным видам человеческой деятельности, формировать у них природно-материалистические взгляды на развитие природных и общественно-экономических явлений, готовить их зрелыми в нравственном отношении гражданами.

Анализ процесса нравственного воспитания, его структуры показывает, что на формирование личности оказывает влияние не сама по себе взятая деятельность, а те отношения, которые складываются между индивидами в процессе этой деятельности.

Общаясь в процессе коллективной деятельности, школьник занимает различные позиции и выполняет различные роли, вступает в различные отношения. А.Н. Леонтьев подчеркивает, что личность ребенка может характеризоваться на каждом возрастном этапе лишь объективно занимаемым местом в системе человеческих отношений.

В структуре процесса нравственного воспитания является наиболее сложной та его сторона, которая отражает деятельность самой личности, формирование ее взглядов и выработку принципов, регулирующих ее отношение и поведение. В связи с этим, в процессе нравственного воспитания необходимо ставить перед обучающимися четкие ясные требования к нравственному идеалу современного общества и намечать систему мер по практическому его достижению.

Все стороны и компоненты, составляющие структуру процесса нравственного воспитания, теснейшим образом взаимосвязаны между собой. Исключение, какой-либо стороны или какого-либо компонента из этого процесса ведет к нарушению его логики, его целостности, что недопустимо при формировании всесторонне и гармонически развитой современной личности.

Процесс нравственного воспитания школьников при любых условиях должен быть направлен на оптимальное развитие каждого ребенка с учетом неповторимости его индивидуальных черт. Организуя жизнь детей в классе, включая их в разнообразные виды деятельности, способствуя установлению правильных нравственных взаимоотношений между школьниками педагог, прежде всего, исходит из необходимости сформировать нравственную личность.

Таким образом, процесс нравственного воспитания школьников - сложный, многогранный и чрезвычайно ответственный. От его правильной и четкой организации зависит успешность последующих этапов воспитательной работы.

### **Список литературы:**

1. Король А.С., Кондрашова Е.Н. Нравственное воспитание младших школьников в концепции духовно-нравственного воспитания личности в структуре ФГОС НОО – Студенческий научный форум 2015, Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции, 2015.

2. Перепёлкина Н.А. Психологические аспекты совершения правонарушений в подростковой среде и их профилактика - Образование: традиции и инновации, Материалы IV международной научно-практической конференции. 2014. С. 103-106.

3. Пилюгина Е.И., Бережнова О.В. Психологические аспекты изучения интернет-зависимости в подростковом возрасте - Актуальные вопросы современной психологии, Материалы II Международной научной конференции. 2013. С. 104-106.

4. Таранцова А.В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в истории России - Наука сегодня: теория, практика, инновации сборник, Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2016. С. 895-904.

## РЕГИОНЫ: «ТОЧКИ» КОНЦЕНТРАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА ПЛАНЕТЕ

**Тагиров Э.Р.**

*Россия, г. Казань*

*Институт культуры мира (ЮНЕСКО)*

*Казанский государственный институт культуры*

**Аннотация.** В статье анализируется содержание масштабных культурно-цивилизационных изменений в мире. Дается характеристика глобальных трендов: сдвига оси эволюции человечества с «центра к региону»; перемещение центра лидерства с Запада на Восток; смена «ценностных вех» – от материальной (технологической) к нематериальной культурной (духовной). Определяется международное измерение татарстанской модели «мягкой силы».

**Ключевые слова:** Центр-регионы, Запад-Восток, Татарстанская модель, «мягкая сила», федерализм, Европа регионов.

Существенным признаком, характеризующим эпоху разлома истории, является сдвиг оси эволюции человечества с «центра к регионам» (пошире – от «метрополии к периферии»). Он является частью ведущих трендов современности – завершения тотального господства феномена глобализации и выхода на мировую арену национально-региональных единиц; смещения центра мирового концептуального лидерства с Запада на Восток; переориентации современного мира – от сугубо материальных ценностей к преимущественно-нематериальным, культурным активам, в которых накапливается концентрированная мощь «мягкой силы». Центр производства «мягкой силы» (совокупность ценностей культурно-цивилизационного порядка: образование, интеллект, пионерские открытия, духовность, гуманизм, нравственность...), все больше перемещается к своему естественному лону, к регионам – территориям, где рождается и сохраняется очаг культуры – витальной энергии человечества [1].

Явления такого исторического порядка, сравнима с эффектом сдвига геологических плит Земли [2]. Речь о том, что это весьма сложный и противоречивый процесс. В историческом изменении он не является новацией. Взаимодействие двух начал в системе «центр-регионы» никогда не отлича-

лось «бархатным» характером. В ней всегда чувствовалась пульсация разноразряженных встречных энергетических потоков, уровень температуры кипения в которой часто зашкаливал. Каталония в этом плане – не исключение, она лишь существенно катализировало тенденцию бума регионализма, придав ему неотложно-острый, масштабный характер.

Откуда заряженность регионов на активизацию процессов перемен? С чем связано возвышение их роли, особенно в моменты перелома времен? Поиск ответов на эти вопросы выводит на мысль о том, что именно периферия с ее селениями, аулами, хуторами, деревнями, полустанками была отправной точкой, «колыбелью» будущих городов-агломераций, крупных государственных объединений, империй. Она и сегодня остается незатухающим, жизнеутверждающим, нравственно-очистительным источником их развития. Ибо она раньше улавливает сигналы сбоя в системе «центр – регионы», а потому, прежде всего, там рождается и сохраняется неизбывная энергия культуры – энергия исторических прорывов. Именно оттуда берет начало «глас народа» и его естественное право на политическое, экономическое, культурное жизнеустройство по собственному усмотрению. Периферия – место рождения и «кладовая» сохранения *avtonomia* – закона самосохранения, самоуправления, саморазвития территорий. По совокупности духовно-воспитующих, социокультурных, бизнес-экономических и интеллектуальных функций, она остается смыслозадающим, векторно-определяющим началом.

Переходы человечества к новым формациям, стадиям культурного развития совершаются на «плечах» периферии, точнее в «пионерских точках», рождающихся в ее пространстве, предназначением которых является совершение концептуально значимой «разведки» – поиска «тропинок», ведущих к будущему человечества. В разное время такую роль выполняли древнегреческие полисы, продвинутые европейские культурно-цивилизационные центры, плеяда восточных «драконов». Каждая из них, апробируя свои модели «чудес», подвигали человеческий Род к очередной высоте исторического прогресса. Каждая из таких точек, будучи результатом развязки хитросплетения жизненных нервов мира, являлась маршрутной картой движения вперед, лекалом будущего. Вот почему в их опыте ценна каждая крупинка достигнутого, потерянного и ошибочного. Как для современников, так и для последующих поколений, они остаются памятниками открытых уроков творения духовных смыслов.

Где, когда и почему возникают точки «духовно-смыслового бурления» (А.С.Панарин) на Планете? Каким образом, кто или что выстраивает шеренги ведущих и ведомых, распределяет исторические роли народов, цивилизаций? Конечно, легче всего увидеть в этом знак Божьего промысла, чтобы снять ответственность с самих субъектов истории, «свалить» на волюпровидение Высшей Духовной субстанции. Но ведь Всевышний, создавая безграничное во времени и пространстве поле Истории, заложил в природу человека «прометеев-огонь», динамо культуры, рождающее энергию прорыва, обеспечивающий конкурентное преимущество. Пассионарность присутствует в каждом народе, она вмонтирована в их генотип. Но для извле-

чения из скорлупы матрицы и превращения ее в типологическую черту характера народа, требуется сплав минимум четырех начал: непреклонно-сильный дух, высокая концентрация культурной энергии, талант приращения интеллектуального софта, способность выживания и самоутверждения на «сквозняке» истории.

Только так, там и тогда возникают «точки-очаги» творения высоких культурных смыслов, идей, мега-проектов. Точкой ориентационного пионерства они становятся лишь тогда, когда из их недр начинает изливаться энергия культуры не только уникально-местечкового, а универсально-глобального содержания. Когда в ней вмещен поучительный опыт культурно-цивилизационного коловращения Колесницы истории человечества (положительный и отрицательный), с отработанной философией и стратегией управления энергией опережения времени. Лишь такая вот «точка» в пространстве мироздания, может претендовать на модельность.

Таких «точек» цивилизационного прорыва в пространстве России немало: чеченская, сибирская, уральская... В них бурлит энергия духовного роста, исторического прорыва. Среди них и татарстанская модель опережающего развития.

«Татарстанская модель» – категория историческая по своей масштабности и сложности. В ней совместились необходимость одновременного решения не только отложенных, нереализованных в прошлом задач, но и поиска ответов на новые вызовы времени. Решение подобных задач отвечало не только местно-территориальным, но и в целом национально-государственным интересам возрождающейся, новой России. Татарстанская модель была и остается моделью осуществления цивилизационных перемен на мирной, неконфликтной основе, и умеющее значение не только для одного региона, но и для всей России. Она является вариантом решения исторической задачи транзитного времени – превращения регионов России и всего мира в «точку культурно- цивилизационного бурления».

«Татарстанская модель» сыграла особое значение в судьбе страны, когда она находилось на критической стадии истории в 90-е годы XX столетия. По мобилизующей, цивилизационно-ориентирующей способности она сыграла роль интегративной, объединительной, общенациональной идеи. Сориентировав на федерализм, она уберегла Россию от соблазна силовых способов сохранения своей целостности и скатывания к унитаризму. Именно поэтому она изучалась на уровне многих международных организаций и примерялась в качестве своеобразного «лекала» для решения многих проблем развязывания региональных конфликтных узлов по линии «центр – регионы». По философско-концептуальной, методологической и методической оснащенности, по результативности решения этапных стратегических и тактических задач, она является пилотным историческим проектом рубежного времени.

Опыт взаимодействия Казани с Москвой, накопленный в те переломные для России годы, не списан в архив времени. Более того, растет востребованность его переосмысления как внутри страны, так и в мире. Весьма ценным он оказался и в ситуации украинского кризиса. Татарстан, пройдя весь цикл международно-правового действия (Декларация о суверенитете – Референдум –

Договор с «центром» – Конституция), продемонстрировал «мастер-класс» для Крыма. Но и сам феномен Крыма должен стать началом утверждения в России нового типа федерализма, базирующегося на принципе «сильные регионы – сильная страна». После Крыма цивилизованный федерализм для России – безальтернативное историческое будущее. «Федерация или смерть» [3]. Конечно, такое утверждение слишком категорично, но по сути, верное. Унитарно- централизованные государства – все повернуты на «закат» – распад. Каталония, Шотландия, Квебек... – таковы лишь некоторые, лежащие на поверхности современности примеры, число которых будет расти.

Федерализм не безысходный, не вынужденный, а сознательный выбор. Вставшая на этот путь «Европа регионов» тому подтверждение. Да и масштаб достижений Татарстана служит доказательством безошибочности выбора вектора опережающего развития прорыва на основе концентрации «мягкой силы». «Мягкой силы» нового типа, более эффективного. Ее концепция выстроена на основе синтеза традиционного и инновационного, национального и общемирового, материального и духовного начал. Конкурентное преимущество татарстанской модели проявляется во всех сферах жизне-бытия народов Татарстана. Культура при этом не украшающий фон и даже не «пылесос» вбирающий в себя радио-зерна претекающей конъюнктуры, а драйвер пионерских новаций [4]. Именно эта – культурно- образующая особенность татарстанской модели «мягкой силы» интересует зарубежный мир. Она же и вводит Татарстан в мировое силовое поле, расширяет диапазон его геокультурного бренда.

Мировой резонанс культурно-цивилизационного прорыва Татарстана – факт истории. «Татарстан – это каталог великих достижений» [5]. В этой крылатой фразе лорда Великобритании Уолкера Вучестерского оценка его места в координатах нашего времени. Включение этих достижений, связей и ресурсов Татарстана в обиход «мягкой силы» России способствует сохранению ее позиции на многих направлениях международной жизни – от геополитических до геокультурных. Облегчает обеспечение национальной безопасности и выполнение ее миссии в качестве великой мировой державы [6].

#### **Список литературы:**

1. См.: Тагиров Э.Р. Устойчивость планеты – историческая надежда человечества. – Казань, 2016.
2. См.: Моррис И. Собиратели, земледельцы, ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. – М., 2017.
3. Великанов К. Н. Федерация или смерть // Независимая газета. – 2014. – 14 марта.
4. См. подробнее: Кравченко А.И. Культурология. Культура и цивилизация. – М., 2003; Мамедов Ф. Культура управления. Опыт зарубежных стран. – Баку, 2013.
5. Тагиров Э.Р. Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. – Казань, 2014. – С. 306.
6. См.: Внешние связи регионов Российской Федерации. Опыт Республики Татарстан (г. Казань, 2-3 ноября 2017 г.). – Казань, 2017.

*Научное издание*

**ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ  
И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

**Сборник материалов  
IV Международной научно-практической конференции**

**1-3 декабря 2017 года, г. Грозный**

Подготовка оригинал-макета *Керимова Н.А.*  
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

---

Подписано в печать 20.11.2017 г.  
Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печать ризографная. Бумага офсетная.  
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 42. Тираж 500 экз.



Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.  
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж  
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164  
[www.alefgraf.ru](http://www.alefgraf.ru), e-mail: [alefgraf@mail.ru](mailto:alefgraf@mail.ru)